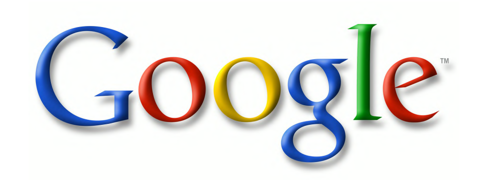
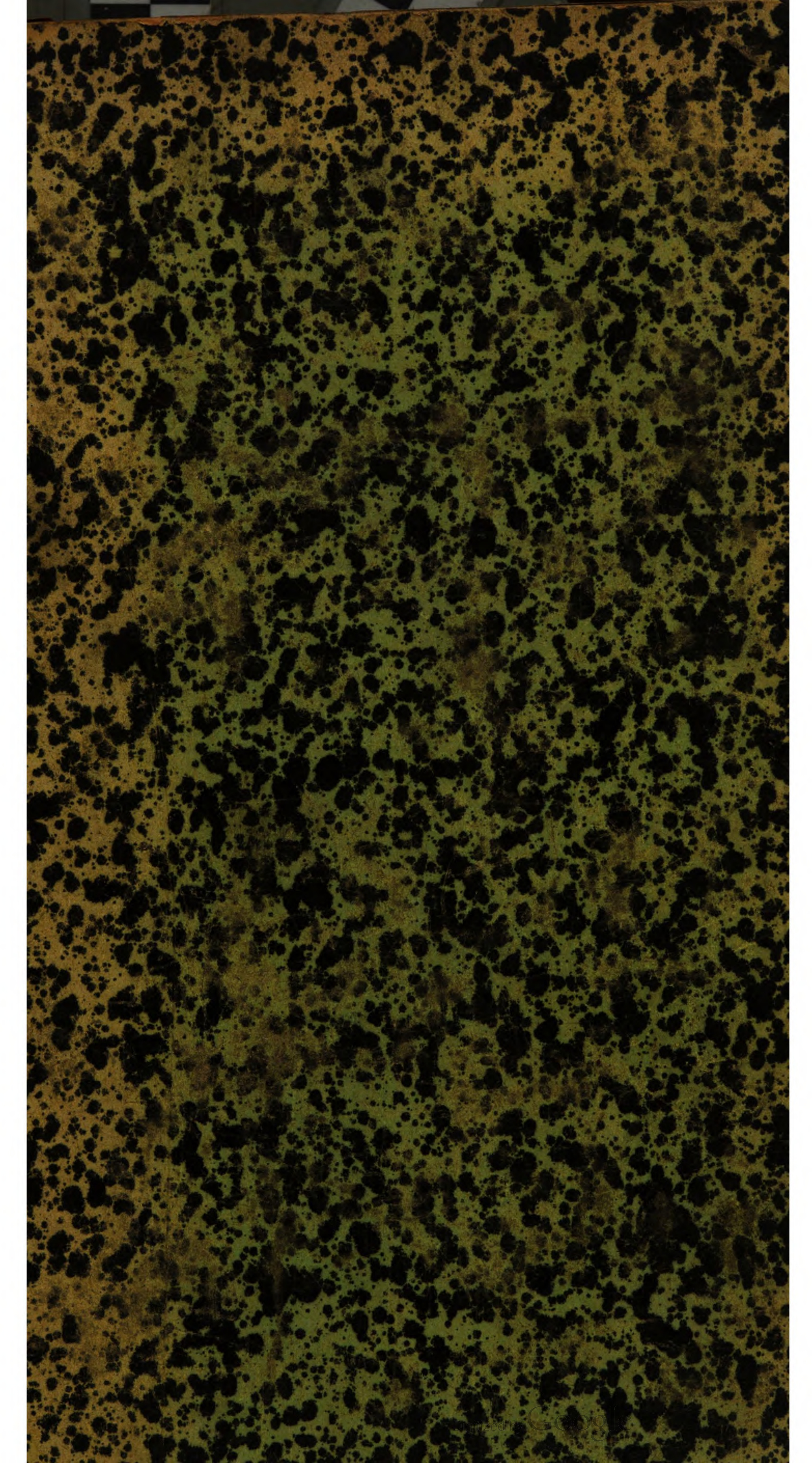
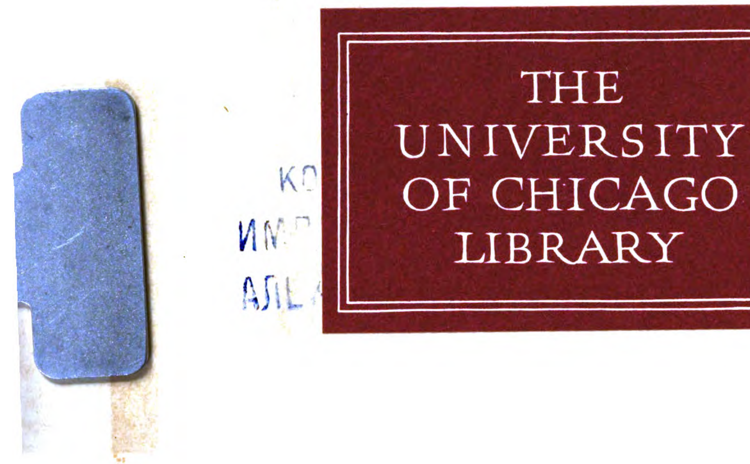

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Digitized by Google

СЕНТЯБРЬ. 1901.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

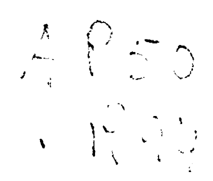
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.
1901.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22-го сентября 1901 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на оборотѣ).

Изданія журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО".

СБОРНИКЪ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО», подъ редакціей **Н. К. Михайловскаго** и **В. Г. Короленко.** Въ двухъ частяхъ. Часть 1-я. БЕЛЛЕТРИСТИКА. Цѣна 2 руб. Часть 2-я. ПУБЛИЦИСТИКА. Цѣна 1 руб.

С. А. Ан—скій. ОЧЕРКИ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. ДѢТСТВО ТЕМЫ. *Третье* изд. Ц. 1 р. 25 к.
— ГИМНАЗИСТЫ. Изд. *второе.* Ц. 1 р. 25 к.
— СТУДЕНТЫ. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. ОЧЕРКИ СИБИРИ. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Короленко. ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 1-ая. Изданіе *девятое.* Цѣна 1 р. 50 к.
— ОЧЕРКИ и РАЗСКАЗЫ. Кн. 2-ая. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р. 50 к.
— ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
— СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. Изд. *седьмое.* Ц. 75 к.

Л. Мельшинъ. ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. *Т. I.* (*Изданіе второе*): Въ преддверіи. Шелаевскій рудникъ.—*Т. II*: Съ товарищами. Кобылка въ пути Среди сопокъ. Эпилогъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ ВЪ ШЕСТИ ТОМАХЪ. **Удешевленное** изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ, *съ портретомъ автора.* Ц. 12 р.
— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Два тома, по 2 рубля каждый.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть изъ временъ холерной эпидеміи 1892 г. Ц. 1 р.

С. Н. Южаковъ. ДВАЖДЫ ВОКРУГЪ АЗІИ. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 1 р. 50 к.

П. Я. СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I. Изданіе *четвертое* Ц. 1. руб. Томъ II. Ц. 1 р.

Подписчики **„Русскаго Богатства"**, выписывающіе эти книги, за пересылку не платятъ.

СКЛАДЫ ИЗДАНІЙ: *въ* **С.-Петербургѣ**—*контора редакціи, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*
въ **Москвѣ**—*отдѣленіе Конторы, Никитскія ворота, д. Гагарина.*

Шесть томовъ соч. Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. Ц. 12 р.

СОДЕРЖАНІЕ I Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессъ? 3) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наукѣ. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Борьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

СОДЕРЖАНІЕ II Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Герои и толпа. 3) Научныя письма. 4) Патологическая магія. 6) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпѣ, 7) На вѣнской всемірной выставкѣ. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторіи. 2) Идеализмъ идолопоклонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4) О литературной дѣятельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдѣ и неправдѣ. 8) Литературныя замѣтки 1878 г. 9) Письма къ ученымъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя драмы. 11) Литературныя замѣтки 1879 г. 12) Литературныя замѣтки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій талантъ. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринъ. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновъ. 6) Записки современника. I. Независящія обстоятельства. II. О Писемскомъ и Достоевскомъ. III. Нѣчто о лицемѣрахъ. IV. О порнографіи. V. Мѣдные лбы и вареныя души. VI. Послушаемъ умныхъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Пѣснь торжествующей любви и нѣсколько мелочей. IX. Журнальное обозрѣніе. X. Торжество г. Ціона. чреда образованности и проч. XI. О нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ недоразумѣніяхъ. XII. Все французъ гадитъ. XIII. Смерть Дарвина. XIV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гамлетизированные поросята. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель. 2) Графъ Бисмаркъ. 3) Предисловіе къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ. 4) Иванъ Грозный въ русской литературѣ. 5) Палка о двухъ концахъ. 6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замѣтки и письма о разныхъ разностяхъ.

Для подписчиковъ **„Русскаго Богатства“**, вмѣсто 12 р., цѣна 9 руб. безъ пересылки. Пересылка за ихъ счетъ *наложеннымъ платежомъ*—товаромъ большой скорости, посылкой или заказной бандеролью.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1899 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1900 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ГИМНАЗИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

VIII.

Передъ экзаменомъ.

Отчего солнце блеститъ гораздо свѣтлѣе, лазурь неба сіяетъ несравненно чище и ярче, ароматъ сада принимаетъ особенную крѣпость и сладость, а деревья шумятъ гораздо соблазнительнѣе и краснорѣчивѣе, когда готовишься къ экзамену? Оттого-ли, что экзамены всегда бываютъ весною— въ апрѣлѣ и маѣ, когда природа на радостяхъ, что ожила и обновилась, становится особенно прекрасной и веселой, или же только оттого, что всѣ прелести, всѣ соблазны ея дѣлаются тогда запрещеннымъ плодомъ, а запрещенный плодъ, какъ извѣстно, гораздо слаще не запрещеннаго? Всего вѣрнѣе, что отъ обѣихъ этихъ причинъ...

Что можетъ быть хуже, мучительнѣе и печальнѣе ранняго вставанья, когда такъ неистово хочется спать, а злая мысль, между тѣмъ, жужжитъ надъ ухомъ: — Вставай! Вставай! Уже седьмой часъ, а нужно успѣть до завтра перевести цѣлыхъ пятьсотъ стиховъ „Одиссеи"!.. — Что можетъ быть надоѣдливѣе и возмутительнѣе этого злого напоминанія? Глаза слипаются и черезъ силу видятъ, что на стѣнѣ уже ярко горятъ полосы ранняго солнца, что шторы въ сосѣдней комнатѣ спущены, и тамъ спятъ счастливые люди, которымъ не нужно готовиться къ экзамену... Да вѣдь какъ спятъ!!..

Сквозь окно, полузакрытое занавѣской, солнце заглядываетъ въ комнату и не безъ нѣкотораго соболѣзнованія улыбается, видя заспаннаго Аркатова, нехотя натягивающаго куртку, озлобленнаго и страдающаго оттого, что ему придется сегодня сидѣть весь день за отвратительнымъ, каторжнымъ занятіемъ и тосковать по лазури неба, по деревьямъ сада и по всѣмъ тѣмъ радостямъ, которыя весна приготовила для него, и которыя теперь такъ же далеки отъ

него, какъ далекъ былъ земной рай отъ согрѣшившаго Адама...

Вздыхая и досадуя, Аркатовъ идетъ умываться... А солнце изо всѣхъ оконъ посылаетъ ему свои смѣющіеся лучи... Въ кухнѣ окно раскрыто настежъ, и изъ него льется цѣлый водопадъ солнечнаго свѣта и чистаго, напоеннаго ароматомъ цвѣтущихъ тополей, воздуха—воздуха, освѣженнаго утренней росой и наполненнаго сотнями птичьихъ голосовъ, жужжаніемъ мухъ и звономъ съ далекой колокольни...

Несчастный забираетъ свои книжки и идетъ заниматься въ садъ, въ бесѣдку, которая издавна служитъ ему мѣстомъ подготовки къ экзаменамъ...

При входѣ въ нее, едва скрипнетъ и распахнется щелявая сосновая дверь, вошедшаго обдаетъ кисловатымъ запахомъ гнили и запустѣнія... Смѣшиваясь съ ароматомъ сада, этотъ запахъ вовсе не непріятенъ, но онъ дуренъ тѣмъ, что таитъ въ себѣ нѣчто, напоминающее объ экзаменахъ. И если когда-нибудь потомъ, въ послѣдующіе годы Аркатовъ услышитъ гдѣ-нибудь этотъ запахъ, онъ невольно вздрогнетъ и ясно вспомнитъ всѣ скверныя ощущенія подготовки къ экзаменамъ, смѣшанныя съ свѣтлыми воспоминаніями о прекрасной и недоступной тогда для него веснѣ... И воскреснутъ въ его воображеніи старыя, грязныя и ни къ чему не годныя книжонки, на которыхъ играютъ блики весенняго солнца, зеленая сѣтка вѣтвей, бѣлая вуаль цвѣтущей яблони и неугомонное чириканье птицъ...

Этотъ запахъ впиталъ въ себя всю гниль, все запустѣніе латинскихъ и греческихъ классиковъ... Можетъ быть, въ лунныя ночи въ этой злополучной бесѣдкѣ уныло скитаются изъ угла въ уголъ блѣдныя привидѣнія Ѳукидида, Софокла, Цезаря, Кремера, Ходобая и Виноградова и пишутъ на ея гладко выструганныхъ сосновыхъ стѣнахъ свои автографы, которые по утру солнце безслѣдно стираетъ своею улыбкой... Можетъ быть, по ночамъ здѣсь слышатся глухія, унылыя рѣчи!

— Titemi, tites, titesi!—стонетъ привидѣніе Кремера.

— Homines amant aurum et argentum, — жалобно воркуетъ Ходобай, а Виноградовъ переводитъ на русскій языкъ:

— Люди любятъ золото и серебро.

— Gallia omnis in tres partes divisa est! — объявляетъ со своей стороны Цезарь.

— Ereugeto oinobareion!..—жалуется Гомеръ.

И такъ до утра! Мѣсяцъ озаряетъ своимъ блѣднымъ сіяніемъ ихъ суетливыя движенія, и давно умершіе жалкіе скитальцы тщетно стараются увидѣть въ его лучѣ гордую дѣвственную Діану! Умерли ихъ боги, погибло ихъ царство!

Съ разсвѣтомъ исчезаютъ скорбныя тѣни... Ходобай съ Виноградовымъ подъ ручку отправляются вслѣдъ за Цезаремъ и Гомеромъ въ царство Плутона, а солнце, выплывъ изъ-за горизонта, смѣется и, отвѣчая улыбкою на привѣтствія птицъ, деревьевъ и цвѣтовъ, заглядываетъ въ покинутую бесѣдку и пронизываетъ ея пыльный воздухъ золотыми полосами своихъ лучей.

Въ эту самую бесѣдку сегодня входитъ горемычный Аркатовъ, превратившійся изъ жизнерадостнаго и веселаго гимназиста въ истинное привидѣніе... Онъ придвигаетъ столъ къ противоположному отъ солнца окну, садится къ солнцу спиною и начинаетъ „готовиться къ экзамену"...

Для этого онъ раскрываетъ „Одиссею", раскрываетъ словарь, но вмѣсто того, чтобы переводить роковые 500 стиховъ Гомера, начинаетъ мрачно философствовать:

— Вѣдь вотъ книжка, какъ книжка! — думаетъ онъ, разсматривая греческую поэму:—и переплетъ обыкновенный, и вся внѣшность совершенно такая же, какъ и у какого-нибудь Жюля Верна и Фенимора Купера, и бумага такая же, и страницы такъ же переномерованы, а между тѣмъ, въ сущности, развѣ это книга? Настоящую книгу читаешь легко и свободно: на то и книга, чтобы ее читать! Читаешь— и не замѣчаешь самого процесса чтенія! А тутъ—въ „Одиссеѣ" разбираешь каждую букву, каждую фразу, точно какой-то ребусъ! Да еще въ каждомъ словѣ, навѣрное, скрыто какое-нибудь обвиненіе противъ меня, за которое меня *тамъ*, на экзаменѣ потребуютъ къ отвѣту и изрекутъ наказаніе!..

За окномъ, прямо противъ Аркатова, растянута зеленая сѣтка листвы... Солнечные блики горятъ наверху, между листьевъ, и золотятъ вѣтки... Мухи то и дѣло влетаютъ въ окно, кружатся надъ Аркатовымъ и съ тупымъ любопытствомъ садятся на Одиссею... Садъ полонъ жизни и шума... Порою вѣтки внезапно встряхиваются, солнечные лучи скользятъ по листвѣ, вверху, и воробей объявляетъ чириканьемъ о своемъ прибытіи...

Повозившись въ листвѣ и увидѣвъ мрачную фигуру Аркатова, онъ пугается и улетаетъ... Огненная полоса на полу за Аркатовымъ — слѣдъ солнца, пробравшагося въ бесѣдку сквозь дверную щель — уже подвинулась болѣе, чѣмъ на вершокъ, а Аркатовъ все еще философствуетъ и предается унынію. Симфонія утра, симфонія свѣта и жизни, раздающаяся сотнями звуковъ въ окрестномъ сверкающемъ и зеленомъ привольѣ сада, губитъ и заглушаетъ симфонію смерти и мрака, робко пытающуюся зазвучать въ унылой и пыльной бесѣдкѣ...

Кромѣ Одиссеи и словаря, предъ Аркатовымъ лежитъ еще учебникъ грамматики... Это — настоящій уголовный кодексъ... И если статьи его носятъ не вполнѣ законченный характеръ, то между строкъ ихъ можно свободно прочесть все, что не вполнѣ ясно выражено и закончено... Статьями этими предписывается опредѣленное правило, т. е. *содѣяніе*, совершеніе чего либо, но тутъ же молчаливо, но съ неумолимой ясностью подразумѣвается, что за несодѣяніе, за упущеніе грозитъ безусловное наказаніе!.. Напримѣръ:

„Perfectum образуется посредствомъ удвоенія перваго слога. А кто образуетъ его безъ удвоенія, тотъ подлежитъ строгому выговору и получаетъ единицу".

Или:

„Во всѣхъ этихъ случаяхъ слѣдуетъ ставить родительный самостоятельный. Виновные въ несоблюденіи сего правила, будучи замѣчены въ третій разъ, оставляются безъ обѣда", и т. д.

Аркатовъ начинаетъ, наконецъ, заниматься... Переведя кое-какъ страничку Одиссеи, онъ съ ужасомъ видитъ, что переводилъ ее почти часъ, что въ домѣ всѣ уже встали и готовятся пить чай, что солнце уже очень высоко, и что работы предстоитъ еще видимо-невидимо. Тоска сжимаетъ ему сердце... Когда же онъ успѣетъ приготовить все это?..

Время летитъ на всѣхъ парахъ, то и дѣло откуда-то, изъ дома доносится мелодическое треньканье стѣнныхъ часовъ, отбивающихъ четверти часа... А страницы еле-еле двигаются... Даже незамѣтно, что онѣ двигаются!..

Отъ Одиссеи Аркатовъ переходитъ для разнообразія къ грамматикѣ. Но тамъ страницы ползутъ еще медленнѣе, и на каждой изъ нихъ приходится безнадежно увязать. Еще этимологія туда-сюда. Но синтаксисъ являетъ изъ себя такое безчисленное количество мѣстъ, совершенно невѣдомыхъ для Аркатова, что у него опускаются руки.

— Жоржъ! Иди чай пить!

Аркатовъ закрываетъ учебникъ и, высунувшись въ окно, бросаетъ взглядъ на террасу, откуда раздался этотъ призывный возгласъ. Тамъ, въ сіяніи солнца и въ зелени сада мелькаетъ бѣлое платье его сестры. Аркатовъ видитъ, какъ она возится около чайнаго стола, гремитъ чашками, и его охватываетъ смертельная зависть къ ней.

— Вотъ, ей Богу, счастливица!—думаетъ онъ:—занимается разными свободными художествами, завариваетъ чай, кормитъ куръ хлѣбомъ, наслаждается солнцемъ и свѣжимъ воздухомъ, и никакой у нея заботушки нѣтъ!

— Жоржъ! ты живъ ли?

Аркатовъ оставляетъ грамматику въ бесѣдкѣ, забираетъ

Одиссею и идетъ, повѣсивъ голову, къ террасѣ. Идетъ и думаетъ: „теперь девять часовъ... До девяти вечера остается ровно двѣнадцать... Послѣ девяти не буду ничего работать и лягу спать, чтобы пойти на экзаменъ со свѣжей головой... Изъ этихъ двѣнадцати часовъ на разныя развлеченія и отдыхи часа два, значитъ, остается всего десять часовъ. И въ эти десять часовъ нужно успѣть перевести и разобрать ужасную уйму стиховъ, да, сверхъ того, повторить весь синтаксисъ... Ну, и этимологію тоже! Когда же я успѣю все это сдѣлать“?

— Что, Жорженька, не веселъ, что головушку повѣсилъ?— смѣется сестра.

— То и повѣсилъ, что нужно одолѣть, чортъ знаетъ, сколько стиховъ!

— А сколько ужъ ты успѣлъ одолѣть?

— Мало.

— Что жъ такъ?

— А вотъ такъ!.. Время проклятое летитъ на всѣхъ парахъ. Fugit irreparabile tempus!

Аркатовъ пьетъ чай и старается хоть что-нибудь перевести изъ Одиссеи за это время... Это—постоянный и неизлѣчимый предразсудокъ его, что будто бы можно успѣть пройти что-нибудь во время чаепитія. Обыкновенно, онъ прочитываетъ разъ двадцать одну какую-нибудь фразу, не понимаетъ ея, старается понять, снова прочитываетъ, мечтаетъ, философствуетъ, или же, просто, прислушивается къ разговору, который идетъ за столомъ, и самъ принимаетъ въ немъ участіе. Въ концѣ концовъ, эта единственная фраза такъ и остается къ концу чаепитія непереведенною.

Аркатовъ допиваетъ чай и снова идетъ въ бесѣдку, съ ужасомъ видя, что солнце подбирается уже къ самой верхушкѣ своего дневнаго пути, и что теперь уже десять часовъ.

— Куда?.. опять въ одиночное заключеніе?—спрашиваетъ его солнце:—А что же меня-то ты покидаешь?

Аркатовъ не отвѣчаетъ ничего на эту фантастическую фразу. Его угнетаетъ мысль, что fugit irreparabile tempus, и что никакъ не возможно успѣть одолѣть всего Гомера и грамматику къ вечеру...

Въ бесѣдкѣ онъ опять принимается за свой каторжный подневольный трудъ. Страницы опять еле-еле двигаются. Впрочемъ, двигаются онѣ такъ тихо, главнымъ образомъ, оттого, что Аркатовъ не столько учится, сколько развлекается. Онъ укоряетъ себя въ этомъ, даетъ обѣщаніе исправиться и начать серьезно работать, но исправиться никакъ не можетъ. Развлеченія состоятъ въ слѣдующемъ:

Онъ покидаетъ бесѣдку и ходитъ по лежащему около нея на землѣ длинному бревну, стараясь быстро пройти по нему и не свалиться. Это хожденіе составляетъ для него большое удовольствіе, главнымъ образомъ потому, что онъ предается въ эти минуты разнымъ посороннимъ мыслямъ. Сначала онъ загадываетъ: выдержитъ онъ завтра экзаменъ или нѣтъ? Если онъ пройдетъ по бревну нѣсколько разъ вполнѣ благополучно—значитъ, выдержитъ и перейдетъ въ VII-й классъ...

Выходитъ, что онъ и проваливается и выдерживаетъ въ одно и то же время, потому что, провалившись, желаетъ снова загадать и на этотъ разъ выдерживаетъ. Затѣмъ, онъ воображаетъ, будто онъ идетъ по канату, протянутому черезъ Ніагарскій водопадъ. Онъ преступникъ. Его судили и придумали для него такое испытаніе: онъ обязанъ пройти десять разъ черезъ водопадъ по канату. Если пройдетъ взадъ и впередъ всѣ десять разъ благополучно, такъ ужъ, Богъ съ нимъ—освобождается отъ наказанія. Свалится—туда и дорога! Этого и заслуживаетъ. А кругомъ на берегахъ тысячи гражданъ смотрятъ и волнуются... Аркатовъ самъ, не шутя, волнуется... Вотъ одинъ разъ прошелъ... Два, три, четыре раза... Чуть-чуть, было, не полетѣлъ! Ужасная минута! Но въ пятый разъ онъ спотыкается и соскакиваетъ съ бревна.

— Капутъ!—говоритъ онъ:—погибъ!.. Вотъ и завтра такъ же погибну.

Онъ снова раскрываетъ учебникъ и начинаетъ просто ходить по аллеѣ, стараясь въ то же время читать книгу. Но хожденіе по аллеѣ имѣетъ ту особенность, что непремѣнно непреоборимо вызываетъ въ аркатовскомъ воображеніи Волгу и ѣзду на пароходѣ.

Неизвѣстно, по какой причинѣ и въ силу какой ассоціаціи идей, но стоитъ ему отправиться прохаживаться по этой аллеѣ вдоль кустовъ свѣже-зеленаго крыжовника и смородины, какъ въ его памяти сразу возникаетъ вся процедура путешествія по Волгѣ, которое такъ дорого его сердцу... Вотъ, кажется ему, выглядываетъ изъ-за пристани пароходная труба, бѣлѣютъ на верхней палубѣ диванчики. Аркатовъ закрываетъ книгу и неистово мечтаетъ, мечтаетъ почти вслухъ: —Билетъ 2-го класса до Саратова! Нельзя ли одномѣстную каюту?—Нельзя?..—Ну, жаль!..—Учащимся 50% скидки!—О, да! Я знаю! Съ васъ четыре рубля сорокъ копѣекъ!.. Гдѣ мужская каюта? — Здѣсь, баринъ, налѣво! Пожалуйте! Позвольте вашъ чемоданчикъ: мы его подъ койку, запихнемъ!— Вотъ, получите на чай! — Покорнѣйше благодаримъ! — Господа! Нѣтъ ли кого провожающихъ? Пароходъ сейчасъ отваливаетъ!

Но тутъ Аркатовъ спохватывается, что слишкомъ далеко уѣхалъ и позабылъ о главномъ несчастіи своей жизни, т. е. о завтрашнемъ экзаменѣ.

— Надо приналечь!—думаетъ онъ съ раскаяніемъ:—будетъ праздношататься! Надо серьезно взяться за дѣло! И что особенно пріятнаго въ этомъ хожденіи по бревну или въ мечтаньѣ о Волгѣ?

Но въ томъ-то и штука, что сегодня это хожденье и мечтанье, это путешествіе черезъ Ніагарскій водопадъ и ѣзда по Волгѣ имѣютъ для него прелесть запрещеннаго плода, равно какъ и иныя развлеченія, которымъ онъ теперь предается... Кажется, что особенно привлекательнаго въ безцѣльномъ глазѣньи изъ окна на куръ, которыя возятся подъ окномъ, или на бѣгущія облака? Прежде никогда онъ не находилъ никакого вкуса въ этомъ, а нынче Богъ знаетъ,—какъ полюбилъ эти занятія! И странно кажется ему, что прежде, когда онъ былъ свободенъ, онъ совершенно упускалъ изъ вида такое интересное времяпровожденіе! И не вѣрится ему, что будетъ, наконецъ, когда-нибудь такое блаженное время, когда онъ будетъ безъ всякаго страха и упрека предаваться и созерцанію облаковъ, и прогулкамъ по аллеѣ...

Онъ рѣшаетъ урегулировать свои занятія: вотъ, пока огненная полоса на полу еще не дошла до щели между 4-й и 5-й половицами, до той поры нужно заниматься, а когда дойдетъ—тогда вакація, десятиминутный отдыхъ и путешествіе по Волгѣ или переходъ черезъ водопадъ.

А солнце уже совсѣмъ высоко.

Въ тѣ моменты, когда Аркатовъ засматривается незаконнымъ образомъ на облака или путешествуетъ по аллеѣ, держа книгу за спиной, солнце ведетъ съ нимъ не то насмѣшливый, не то сочувственный разговоръ:

— Глупости какія-то учишь! А вотъ, училъ ли ты хоть немножко, что я—такое, училъ ли ты что-нибудь о мірѣ, окружающемъ меня, о мірѣ тѣхъ громадъ, которыя кажутся тебѣ огненными точками на ночномъ небѣ?

— Не училъ!—мрачно отвѣчаетъ Аркатовъ, прислушиваясь къ этимъ тайнымъ рѣчамъ, возникающимъ въ его, склонномъ ко всякой фантазіи, мозгу...

— А знаешь ли ты, отчего растутъ и зеленѣютъ деревья и распускаются цвѣты, когда я грѣю и освѣщаю ихъ? Знаешь ли ты, какъ вздымается по ихъ жиламъ и нервамъ сокъ изъ земли? Да ты знаешь ли еще, что за штука деревья и цвѣты?

— Не знаю.

— Жаль! А что же ты знаешь? греческій языкъ?

— И его не знаю!—уныло говоритъ Аркатовъ, и снова погружается въ одолѣваніе роковыхъ страницъ.

— Жоржъ! Иди завтракать!—снова раздается голосъ его сестры.

— Вотъ тебѣ на!—искренно удивляется Аркатовъ:—уже завтракать? Да давно ли чай пили?

Онъ опять захватываетъ съ собою Одиссею и идетъ на террасу. Затѣмъ снова, и съ прежнимъ успѣхомъ, учится въ бесѣдкѣ... Спустя четыре часа, быстро промелькнувшіе въ душной и ослѣпительной второй половинѣ дня, онъ слышитъ, какъ его опять зовутъ:

— Жоржъ! Обѣдать!

Теперь въ бесѣдкѣ произошла нѣкоторая перемѣна декорацій. Такъ какъ солнце уже успѣло перекочевать на другую сторону горизонта и заглядываетъ въ то окно, около котораго утромъ былъ поставленъ Аркатовымъ столикъ, и смѣется прямо въ глаза Аркатову, послѣдній распорядился передвинуть столъ къ противоположному окну и опять сѣлъ спиною къ солнцу.

Теперь у Аркатова появилось новое развлеченіе и, сообразно съ этимъ, новый пунктъ нравственныхъ терзаній. Изъ этого окна видѣнъ заборъ, отдѣляющій аркатовскій садъ отъ сада сосѣдей, и въ этомъ сосѣднемъ саду то и дѣло взлетаютъ на качеляхъ поверхъ забора двѣ хорошенькія барышни, Катя и Лизавета Венедиктовна Голыбины. Обѣ онѣ—большія пріятельницы Жоржа.

— Что онѣ, съ ума что ли спятили?—ворчитъ Аркатовъ:— Вѣдь у Лизаветы Венедиктовны завтра экзаменъ изъ исторіи, а у Кати, кажется, изъ геометріи. Вѣроятно, тоже развлекаются!..

Аркатовъ предается покаянію и углубляется въ Одиссею... Каждое слово, встрѣчающееся ему на его длинномъ и трудномъ пути, прокладываемомъ въ дѣвственномъ лѣсу греческаго текста, приходится обсуждать и осматривать, нѣтъ ли въ немъ какой нибудь каверзы, за которую завтра могутъ привлечь Аркатова къ отвѣтственности? За большинствомъ словъ приходится лазить въ лексиконъ... Иногда Аркатовъ сомнѣвается, стоитъ ли освѣдомляться о такомъ-то словѣ? Не пропустить ли его? Авось, въ немъ не заключается никакой каверзы? И онъ колеблется, и мучается сомнѣніями, и тратитъ время на эти, такъ сказать, сверхкомплектныя мученія...

Тогда онъ украдкой взглядываетъ на голыбинскій садъ: взлетаютъ барышни или не взлетаютъ? И стоитъ ему взгля-

нуть туда, какъ воображеніе начинаетъ опять неистово работать, и Аркатовъ представляетъ себя героемъ какого-то феноменальнаго романа съ Катей или Лизаветой Венедиктовной. Онѣ гибнутъ, онъ ихъ спасаетъ и потомъ умираетъ у нихъ на глазахъ, а онѣ рыдаютъ надъ нимъ „во всю ивановскую". Потомъ онъ мечтаетъ о томъ, какъ женится на барышняхъ Голыбиныхъ, на которой изъ двухъ—еще неизвѣстно. Аркатовъ, такъ сказать, примѣряетъ ихъ обѣихъ и соображаетъ, которая лучше? Собственно говоря, обѣ хороши—и уже потомъ опредѣлится, которая болѣе подходящая? Въ сущности, онъ испытываетъ къ этимъ особамъ обыкновенную ребяческую дружбу, но убѣжденъ въ томъ, что страстно влюбленъ въ нихъ. Онъ воображаетъ, что между нимъ и ими существуетъ „магнетическая связь", и что если онъ будетъ смотрѣть въ ихъ сторону, то онѣ почувствуютъ его взглядъ и позовутъ его въ свою компанію...

— А какъ же Одиссея?..

— „О, трижды и четырежды счастливые Данайцы",—переводитъ Аркатовъ, съ трудомъ разбираясь въ надоѣвшихъ ему до смерти греческихъ стихахъ. Но, переводя, онъ невольно прислушивается къ тому, что доносится до его слуха изъ-за забора. Ему показалось, что назвали его имя, и онъ даже вздрогнулъ.

— Ужъ не начинаетъ ли дѣйствовать „магнетическая связь"?.. Нѣтъ, Богъ съ ними! Надо учиться!

Красивая вязь греческаго текста пестрѣетъ предъ его глазами. Аркатовъ рѣшаетъ перевести пять стиховъ, начиная съ того мѣста, гдѣ говорится о Данайцахъ, и затѣмъ взглянуть на роковой заборъ. Но на четвертомъ стихѣ до него доносится такой веселый смѣхъ, что сердце его сжимается отъ самой ядовитой досады:

— Что онѣ тамъ галдятъ?.. Неужели ужъ подготовились къ экзамену?.. А я то?!

Онъ взглянулъ *туда*, увидѣлъ стройную фигурку дѣвушки въ развѣвающемся платьѣ и затосковалъ...

— Фу, ты, Господи!.. Качаются!..

Сколько еще страницъ до конца?.. Аркатовъ боится сосчитать ихъ и боится взглянуть на часы, съ нѣмымъ и грустнымъ укоромъ глядящіе на него своимъ блѣднымъ, круглолицымъ циферблатомъ... За окномъ спускается въ садъ откуда-то съ лазурной вышины теплый, благоухающій майскій вечеръ... Верхушки деревьевъ горятъ розовымъ отблескомъ. Солнце уже ушло за крышу дома... Гдѣ-то звонятъ ко всенощной. Садъ стихаетъ; куры, развлекавшія Аркатова, удалились на покой... Воробьи прекращаютъ свое чириканье и возню. Теперь кругомъ бесѣдки звучитъ симфонія вечера, менѣе

звучная, менѣе яркая, чѣмъ симфонія утра, но болѣе нѣжная и ласкающая, и вся пронизанная кроткимъ отблескомъ уходящаго на покой солнца.

А симфонія мрака и могильнаго тлѣна еле-еле звучитъ въ своемъ храмѣ, т.-е. въ той бесѣдкѣ, гдѣ занимается Аркатовъ, изрѣдка и робко раздается ея голосъ:—„Titemi, tites, titesi“—когда Аркатовъ повторяетъ вслухъ греческія спряженія, чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ онъ ихъ забылъ?..

Душевныя страданія переживаются и забываются. Уже черезъ день Аркатовъ съ трудомъ будетъ вспоминать свои теперешнія муки и томленіе... Но теперь онъ находится въ такомъ состояніи, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ „лѣзетъ на стѣну“... Голова устала работать и рѣшительно отбрасываетъ отъ себя тотъ вздоръ, которымъ Аркатовъ все еще пытается начинивать себя. Онъ въ тоскѣ бродитъ отъ окна къ окну и отказывается вѣрить, что настанетъ, наконецъ, такой день, когда ничего не будетъ висѣть надъ нимъ, ничто не будетъ его угнетать. Время, которое теперь летитъ такъ быстро, потянется долго и тихо. Онъ будетъ свободенъ и получитъ возможность цѣлый день смотрѣть на куръ, гулять по аллеѣ, мечтать—и все это будетъ вполнѣ легально. Аркатову не вѣрится, что все это будетъ когда нибудь, не вѣрится также, чтобы это *было* когда нибудь! Онъ твердо вѣритъ только въ то, что провалится на завтрашнемъ экзаменѣ, но что, тѣмъ не менѣе, обязанъ теперь же до ночи перевести остающіяся страницы Гомера, изъ которыхъ всетаки, очевидно, придется отложить кое-что на завтрашнее утро... Нечего и думать лечь спать въ 9 часовъ вечера, какъ онъ разсчитывалъ по утру!.. Ему кажется дикимъ и ни съ чѣмъ не сообразнымъ провести остающіеся 4—5 часовъ въ праздности или даже похитить хоть одинъ часъ изъ этого драгоцѣннаго и столь малаго времени. Онъ вѣритъ въ то, что сядетъ сейчасъ за столъ, забудетъ про все окружающее и будетъ непрерывно, до глубокой ночи переводить Одиссею. Иначе, если онъ хотя часъ прогуляетъ, онъ погибъ!

Тѣнь Гомера витаетъ надъ нимъ и радуется, видя его прилежаніе и твердую рѣшимость... Солнце совсѣмъ ушло изъ сада, и уже послѣдніе грустные лучи его розовѣютъ на верхушкахъ деревьевъ... И вдругъ!..

Вдругъ до ушей Аркатова доносится голосъ, звучащій гдѣ-то совсѣмъ близко около него:

— Георгій Николаевичъ! Жоржъ! Идите къ намъ!

Это проявилась, наконецъ, магнетическая связь!.. Видно, Аркатовъ слишкомъ ужъ упорно сегодня взиралъ туда, на голыбинскія качели!..

Черезъ минуту въ опустѣвшей бесѣдкѣ уныло валяется брошенная на стулъ Одиссея. Дверь широко распахнута, и святилище классицизма осквернено! На алтарѣ его, т. е. на столѣ, за которымъ занимался Аркатовъ, лежитъ вѣтка цвѣтущей яблони и чей-то посторонній—не аркатовскій—забытый носовой платокъ... Тѣнь Гомера, оставшаяся наединѣ съ собою, скорбно витаетъ надъ брошенной Одиссеей и видитъ, въ безсильномъ негодованіи, какъ за заборомъ, гдѣ дотолѣ вскидывались кверху двѣ женскихъ фигуры, теперь вскидываются три, изъ которыхъ одна мужская... Смѣхъ и веселый говоръ доносится оттуда, а въ вечернемъ свѣжемъ воздухѣ раздаются съ другой стороны сада тщетные призывы:

— Жоржъ! Иди чай пить!.. Жо-оржъ! Ча-а-ай пи-и-ить..

IX.

Послѣдній день.

До экзаменовъ зрѣлости остается всего недѣля. Сегодня учениковъ VIII-го класса уже распускаютъ по домамъ для приготовленія къ экзаменамъ... Еще мѣсяцъ—и гимназисты перестанутъ быть гимназистами, надѣнутъ штатское платье и будутъ курить хоть на самомъ гимназическомъ крыльцѣ... И „Аркатовъ Георгій" уже оффиціально превратится въ „Георгія Николаевича Аркатова".

Сейчасъ онъ сидитъ въ классѣ, склонившись надъ стихотвореніями Горація, и раздумываетъ о томъ, какой день слѣдуетъ считать послѣднимъ гимназическимъ днемъ: нынѣшній день или же день послѣдняго экзамена, когда всѣ связи съ гимназіей окончательно порвутся? Въ концѣ концовъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что послѣдній день, именно, этотъ—теперешній—и вотъ по какимъ соображеніямъ:

Гимназическій день — первый послѣдній — ему представляется непремѣнно въ обычной гимназической обстановкѣ: въ спрашиваніи и задаваніи текущихъ уроковъ, въ полученіи отмѣтокъ за эти уроки, въ правильномъ—по росписанію—чередованіи учителей и при обычной будничной декораціи, т. е. въ классѣ, запачканномъ мѣломъ и чернилами, а не въ парадномъ актовомъ залѣ. Тѣ дни, когда ученикъ еще не подпалъ этому будничному режиму, напримѣръ, во время вступительнаго экзамена, или когда уже вышелъ изъ него, напримѣръ, при послѣднемъ экзаменѣ зрѣлости—эти дни представляются Аркатову какими-то особенными, необычными и не имѣющими привычнаго гимназическаго сѣраго колорита, даже скорѣе, событіями, чѣмъ днями.

Итакъ, чрезъ недѣлю экзамены, и сегодня ученики въ послѣдній разъ сидятъ на своихъ партахъ и подчинены обычному гимназическому порядку. Въ послѣдній разъ была для нихъ сегодня молитва за четверть часа до начала уроковъ, въ послѣдній разъ раздаются звонки, возвѣщающіе начало и конецъ урока, въ послѣдній разъ наступаетъ большая перемѣна—этотъ, своего рода, праздниковъ праздникъ въ теченіе гимназическаго пятичасового дня... Все въ послѣдній разъ!.. И ѣда слоекъ съ колбасой въ большую перемѣну тоже въ послѣдній разъ!

Въ послѣдній разъ сегодня Аркатовъ получилъ тройку за переводъ Горація, тутъ-же въ классѣ, за пять минутъ до урока приготовленный на скорую руку по подстрочнику... И вотъ теперь онъ сидитъ, опустивъ голову на руки, прислушивается къ монотонному голосу Спасскаго и сравниваетъ этотъ послѣдній день съ первымъ днемъ своего подпаденія гимназическому режиму...

Много воды утекло съ тѣхъ поръ! Много исчезло однихъ людей, много появилось другихъ. Исче ли старые порядки, появились новые. Обновились даже самыя стѣны классныхъ комнатъ: ихъ подчистили, украсили, упорядочили... Въ промежуткахъ между окнами въ актовомъ залѣ появились двѣ три новыя фамиліи, начертанныя золотыми буквами... Это—бывшіе воспитанники гимназіи, дослужившіеся до большихъ чиновъ и умершіе... Измѣнился составъ преподавателей Аркатова: одни ушли изъ гимназіи, другіе покинуты въ младшихъ и среднихъ классахъ. Теперь въ гимназіи уже новый инспекторъ, новые латинисты, новый надзиратель. Одинъ только директоръ остался безъ измѣненія... Онъ и до сихъ поръ все тотъ же со своимъ добродушнымъ, сморщеннымъ, бритымъ лицомъ, со своимъ рѣзкимъ и старчески-хриплымъ голосомъ, со своими прибаутками и латинскими пословицами. На него одного время не подѣйствовало: онъ по прежнему крѣпокъ и бодръ, хотя уже, Богъ вѣсть, которое по счету поколѣніе гимназистовъ завершаетъ теперь передъ нимъ свой гимназическій курсъ...

И сравниваетъ Аркатовъ теперешняго себя съ тѣмъ маленькимъ, пугливымъ и хилымъ мальчуганомъ, котораго старшій братъ когда-то привелъ въ гимназію и сдалъ съ рукъ на руки инспектору, ввергшему робкаго мальчика въ вертепъ параллельнаго отдѣленія 2-го класса. Какая громадная разница того времени съ нынѣшнимъ!.. Какъ мало общаго, повидимому, имѣютъ между собою тотъ первый и этотъ послѣдній дни!..

Тогда гимназія была для Аркатова какимъ-то грандіознымъ и страшнымъ мѣстомъ, гдѣ приходилось трепетать и

учителей и своихъ же товарищей. Сколько было ужасовъ! Одни ученики старшихъ классовъ чего стоили! И каждый-то божій день приходилось проходить по корридорамъ, наполненнымъ этими громадными, страшными старшими учениками! Почему нынче не бываетъ такихъ громадныхъ юношей, такихъ великановъ, какіе были тогда, напримѣръ, даже въ 3-мъ, въ 4-мъ классахъ? Теперь вездѣ мелочь пошла! Теперь и стѣны гимназіи уменьшились, и классы стали уже и ниже.

Тогда—священный трепетъ предъ всѣми учителями, серьезнѣйшее отношеніе ко всѣмъ урокамъ, даже къ уроку чистописанія... Теперь—полнѣйшая индифферентность въ дѣлѣ ученія, а къ учителямъ—или худо скрытое презрѣніе, или равнодушіе, лишь съ нѣкоторой малой долей прежняго религіознаго страха, равнодушіе, только изрѣдка смущаемое тягостнымъ ожиданіемъ какой нибудь непріятности.

Тогда—необозримое количество одноклассниковъ, великая сѣрая армія, отъ которой теперь уцѣлѣло лишь три человѣка: Аникіевъ, Аркатовъ и Лавровъ... Остальные нынѣшніе аркатовскіе одноклассники или присоединились изъ другого отдѣленія 2-го класса (но и такихъ очень мало), или пристали гдѣ-то на пути въ среднихъ и старшихъ классахъ... И вмѣсто прежней орды сбродныхъ, неизвѣстныхъ другъ другу мальчишекъ, двадцать два юноши, довольно тѣсно связанныхъ общими интересами и печалями... Тотъ давнопрошедшій сбродъ заключалъ въ себѣ такія фамиліи и лица, которыхъ Аркатовъ теперь уже и не помнитъ... Куда исчезли они и когда исчезли? При какомъ просѣиваніи учениковъ? Такихъ просѣиваній было не мало: на каждомъ переходномъ экзаменѣ нѣчто отпадало отъ состава класса... А на генеральномъ просѣиваніи, при переходѣ въ 7-й классъ, столько отпало, что число семиклассниковъ, сравнительно съ числомъ бывшихъ шестиклассниковъ, уменьшилось почти на половину...

Аркатову вспоминаются всѣ подробности перваго дня его пребыванія въ гимназіи.

Директоръ съ пословицами... Taurus, бѣгающій по партамъ и Янкевичъ—ужасный Янкевичъ—краснорожій, отвратительно злой... Самъ онъ—Аркатовъ—маленькій, даже крохотный въ сравненіи съ Taurus'омъ и Пупу мальчуганъ, трусливый, презираемый, одинокій среди толпы озорниковъ и драчуновъ... У него трещитъ голова отъ шума и гомона, и сжимается сердце отъ тоски одиночества и отъ страха... страха предъ всѣмъ: предъ учителями, предъ уроками, предъ учениками, предъ летающей мѣловой тряпкой, предъ раскрытой форточкой, изъ которой льется потокъ холоднаго воздуха.

А вотъ теперь — послѣдній день!.. Аркатовъ — взрослый, юноша, не только не одинокій, всѣми презираемый и всѣмъ чуждый, но, напротивъ того, уважаемый членъ общества. Никакихъ страховъ (конечно, кромѣ грядущихъ экзаменовъ) у него нѣтъ... Великаны-ученики исчезли; дракъ и избіеній нѣтъ и въ поминѣ...

Гимназія--не торжественное и ужасное капище Молоха, а просто „мѣсто предварительнаго заключенія“ предъ экзаменами. Въ достаточной степени, впрочемъ, непріятное мѣсто.

Разница между первымъ и послѣднимъ днемъ громадная... Но между ними есть и громадное сходство!..

Сходство въ томъ, что гимназическій режимъ все тотъ же, что и тогда: тѣ-же звонки, тѣ-же предметы уроковъ, тѣ-же мундирчики со свѣтлыми пуговицами, совершенно такіе же, какъ и у малышей—приготовишекъ... Но самое главное сходство въ томъ, что и теперь, какъ тогда, Аркатовъ чувствуетъ, что находится во власти тьмы, вопреки пословицѣ: „Ученье—свѣтъ!“... И тогда тьма давила его мозгъ, и теперь давитъ... Тогда онъ не занимался изслѣдованіями этой тьмы и лишь инстинктивно сопротивлялся ей, съ великимъ трудомъ засаживая себя за приготовленіе такихъ уроковъ, которые не были обязательно заданы къ завтрашнему дню... Нынче онъ хорошо постигъ всю суть тьмы и сопротивляется ей сознательно и давно, еще въ пятомъ классѣ, объявилъ ей войну, хотя скорѣе пассивную, чѣмъ активную: т.-е. не сталъ учить уроки изъ древнихъ языковъ... Но не смотря на полное уясненіе этой тьмы и борьбу съ ней, тьма и теперь не стала свѣтлѣе, а, напротивъ, еще сгустилась, потому что предъ экзаменами надо, волей неволей, переводить Гомера и изучать, въ которую сторону дулъ вѣтеръ Аквилонъ, и въ какую Борей...

И тогда, и теперь одинаковое томленіе на урокахъ... Тогда къ томленію примѣшивался страхъ „провала“, теперь этотъ страхъ, хотя и смягчается сознаніемъ, что на послѣдкахъ учителя никому единицъ и двоекъ ужъ не поставятъ, но всетаки еще существуетъ въ тайникахъ аркатовской души... А, главное, тяжко и скучно сидѣть еще два-три часа въ какомъ-то казенномъ ничего недѣланіи, Богъ знаетъ для какой надобности...

И Аркатову невольно приходитъ въ голову вопросъ: что ему дала гимназія? Какая прибыль отъ того, что онъ пробылъ въ ея стѣнахъ семь лѣтъ, начиная со 2-го класса? Семь лѣтъ—длинный періодъ времени, достаточный для того, чтобы превратиться во взрослаго человѣка, обрости бородой, перестать пугаться разныхъ Янкевичей и Пупу, а, главное,

чтобы запастись знаніями и укрѣпить и умножить свои духовныя богатства...

Несомнѣнно, что онъ теперь развитѣе, умнѣе и образованнѣе... Несомнѣнно и то, что онъ получилъ свое образованіе изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Нельзя ли выдѣлить изъ этихъ источниковъ гимназію и опредѣлить, что она дала ему? Какую долю внесла она въ его образованіе? Вѣдь должна же была она дать ему что нибудь за эти семь лѣтъ?..

И Аркатовъ перебираетъ въ памяти всю гимназическую учебу.

Законъ Божій... Научила ли его гимназія молиться и вѣрить? Укоренила ли она въ его душѣ стремленіе и любовь къ небу? Заложила ли прочнымъ фундаментомъ основы христіанской этики?..

Нѣтъ! Гимназія заставила его уклониться отъ неба, потому что неделикатно и грубо хотѣла вытянуть у него изъ души религіозное чувство и заставляла молиться по командѣ. Интимное и нѣжное чувство должно было глубоко прятаться въ душу... И оно пряталось, а вмѣсто него наружу проявлялась лишь одна форма его, одна его внѣшность, которую требовала отъ учениковъ гимназія, т.-е. кресты, поклоны, хоровое пѣніе молитвъ...

Любовь къ Богу у многихъ дѣтей требовала уединенія и интимности, а гимназія стремилась извлечь эту любовь наружу и муштровать, какъ какого нибудь новобранца... И любовь исчезла, а осталась одна форма ея: осталось ханжество или даже простая, скучная и втайнѣ всѣми презираемая обрядность. Никто не хотѣлъ и не могъ молиться, когда ученикъ тараторилъ на скорую руку молитву послѣ окончанія урока или когда въ залѣ—передъ урокомъ—раздавалось фальшивое пѣніе сотни голосовъ, нарочно фальшививших, чтобы вышло забавнѣе... Предпраздничныя и праздничныя молитвенныя собранія въ гимназической церкви осквернялись разными глупыми формальностями и казнями, вродѣ переклички, оставленія на слѣдующій день безъ обѣда—и, какъ результатъ всего этого, у учениковъ являлось желаніе уклоняться отъ церковной службы и смотрѣть на такія молитвенныя собранія, какъ на одно изъ золъ и бѣдствій гимназическаго режима.

Религіозность убивалась, не смотря на всѣ старанія „батюшки" насадить ее въ ученическихъ душахъ. Что касается до основъ христіанской этики, то онѣ проникали въ душу учениковъ помимо гимназіи и, главнымъ образомъ, еще до гимназіи. Ихъ внѣдряло въ души дѣтей то общество, въ средѣ котораго они жили, а, главное, семья... Кто же изъ

дѣтей не имѣлъ уже до поступленія въ гимназію хорошо-поставленныхъ нравственныхъ началъ и основаній, на того гимназія, рѣшительно, не могла повліять въ хорошую сторону.

Что-же далѣе должна была дать гимназія Аркатову?.. Какими знаніями она надѣлила его изъ естественныхъ наукъ, которыя всегда всего болѣе интересуютъ дѣтскій умъ, изъ русской словесности, изъ новыхъ языковъ?..

Изъ *естественныхъ наукъ* проходилась лишь физика и космографія... На ту и на другую въ старшихъ классахъ было посвящено лишь три часа въ недѣлю и то, что учитель могъ сообщить ученикамъ въ эти часы, все было уже давно раньше извѣстно Аркатову... Онъ предупредилъ гимназію въ этомъ отношеніи, и естественно-научныя знанія въ томъ крохотномъ размѣрѣ, въ которомъ они появились въ его мозгу, были имъ получены не отъ гимназіи, а изъ „постороннихъ источниковъ"...

То же самое слѣдуетъ сказать и о *новыхъ языкахъ*, которые онъ изучалъ гороздо болѣе дома, чѣмъ въ гимназіи...

Что касается *математики*, то, благодаря генералу съ его методой преподаванія, Аркатовъ ровно ничего не знаетъ изъ этой науки...

И только *исторія*, на которую назначено два часа въ недѣлю, и которая считается захудалымъ предметомъ, не составляетъ для него terra incognita, только одинъ Кузнецовъ изо всего гимназическаго персонала сумѣлъ вложить въ учениковъ серьезныя знанія... Но, увы, одинъ въ полѣ не воинъ!..

Русскій языкъ проходился весьма страннымъ образомъ Едва выучившись читать, дѣтей погружали въ нѣдра схоластической и запутанной науки — грамматики, сразу запугивавшей дѣтскій умъ своими дикими, уродливыми старинными терминами, топорно переведенными съ латинскаго языка и нещадно перевираемыми наивными ребячьими устами:

— „Притягивательное" мѣстоимѣніе... „изъявительное" наклоненіе...

А какое было мученіе съ „разборомъ", когда приходилось постоянно увязать на каждомъ словѣ какого нибудь прелестнаго стихотворенія или прозаическаго отрывка и жевать каждое его слово до тошноты, до того, что самое стихотвореніе или отрывокъ опошливались и смертельно надоѣдали!.. Какое было мученіе заучивать наизусть по порядку слова съ буквой ять, хотя вовсе не было никакой надобности въ такомъ заучиваніи обязательно по порядку!..

Это въ младшихъ классахъ... А въ старшихъ классахъ изученіе устарѣвшихъ авторовъ, вродѣ Ломоносова, Канте-

міра, Державина, которые при этомъ съ наивностью возводились въ число великихъ и образцовыхъ писателей... Изученіе столь подробное, что почти не хватало времени на знакомство съ пушкинскимъ періодомъ, съ эпохой развитія и установленія русскаго литературнаго языка... И опять таки все то, что Аркатовъ зналъ изъ произведеній истинныхъ великихъ русскихъ писателей, все это онъ узналъ помимо гимназіи. Даже правильно писать и говорить по русски учила его не гимназія, а эти великіе, изучаемые имъ внѣ гимназіи писатели...

Но этого мало. Гимназія доводила свой дикій классическій педантизмъ до того, что попросту приносила русскій языкъ въ жертву классицизму, устраивая такъ, что уроки русскаго языка сплошь и рядомъ превращались въ уроки языка латинскаго!.. Нерѣдко учениковъ заставляли на урокахъ *русской* словесности переводить съ *латинскаго* языка Цезаря или Саллюстія... Это нужно было по словамъ преподавателей для того, чтобы... научить учениковъ переводить древнихъ классиковъ „правильнымъ русскимъ слогомъ"! Какъ будто мало было для этого спеціально-латинскихъ уроковъ! Помимо того, очень часто ученики послѣднихъ классовъ, вмѣсто сочиненій на опредѣленныя темы, писали изложеніе своими словами содержанія той или другой пѣсни Иліады или Одиссеи.

Классики лѣзли къ гимназистамъ, буквально, черезъ каждую щель и совали носъ всюду, гдѣ только стояла черная классная доска, и сіяли пуговицы гимназическихъ мундирчиковъ. Нужды не было, что въ данную минуту тамъ происходилъ урокъ совершенно посторонняго свойства... Аркатовъ не удивился бы, если-бы даже на урокѣ космографіи раздались такія рѣчи:

— Луна обращена къ землѣ постоянно одною и той же стороной... У древнихъ грековъ луна называлась selene... Въ какомъ мѣстѣ Одиссеи говорится о лунѣ? Аркатовъ! Вы не знаете?.. Вы ничего не знаете! Гдѣ ваша книга?!.

— Вотъ она!

— Это космографія, а гдѣ Одиссея?!

Или-же на урокѣ физики:

— Поставимъ этотъ приборъ подъ колоколъ воздушнаго насоса... Лавровъ, скажите, какъ по гречески „ставить"?

— Histemi!

— Хорошо! Скажите, какъ будетъ futurum exactum отъ этого глагола?..

Аркатовъ добирается теперь до *древнихъ языковъ* и дѣлаетъ и имъ генеральный смотръ...

Всѣ семь лѣтъ онъ находился въ рабствѣ у классиковъ, начиная съ директорскихъ латинскихъ пословицъ и кончая сегодняшнимъ переводомъ Горація... За всѣ семь лѣтъ не было ни одного дня безъ древнихъ языковъ... Времени, повидимому, было вполнѣ достаточно для того, чтобы даже сдѣлаться истиннымъ Грекомъ или Римляниномъ... Сдѣлался ли Аркатовъ, по крайней мѣрѣ, Римляниномъ, послѣ столь долгаго нахожденія въ плѣну у римскихъ писателей?..

Нѣтъ! Онъ даже не можетъ читать по латыни такъ, чтобы понимать прочитанное! Еще Цезаря онъ кое-какъ переводитъ, но Вергилія, Овидія, Ливія и иныхъ аристократовъ латинскаго языка онъ совсѣмъ не можетъ переводить самостоятельно, т. е. безъ помощи подстрочника. Латинскія слова въ произведеніяхъ этихъ писателей, взятыя каждое по одиночкѣ, ему какъ будто знакомы, но взятыя всѣ вмѣстѣ въ какой нибудь фразѣ, они ему ровно ничего не говорятъ, и смыслъ этой фразы становится понятенъ ему только тогда, когда онъ справится по ключу... И не онъ одинъ такъ, но и всѣ его товарищи, всѣ избранные, всѣ просѣянные: и они тоже ничего не могутъ перевести безъ ключа... И первый ученикъ Аникіевъ, и послѣдній ученикъ Аркатовъ вполнѣ уравнены въ этомъ отношеніи!

На что-же потрачены семь лѣтъ?..

На толченіе воды въ ступѣ, на одичаніе, на ничегонедѣланіе, которое, тѣмъ не менѣе, нерѣдко принимало форму тяжелаго подневольнаго труда; если трудъ толченія воды въ ступѣ не даетъ никакого результата, кромѣ усталости, и если заранѣе ясно, что другого результата не будетъ, то этотъ, трудъ—ничто иное, какъ разновидность ничегонедѣланія... Именно такая разновидность ничегонедѣланія и царила въ младшихъ и среднихъ классахъ на урокахъ древнихъ языковъ... А въ старшихъ классахъ она перешла и въ обычную, прямую форму ничегонедѣланія: всѣ уроки латинскаго и греческаго языковъ стали пустымъ мѣстомъ въ жизни учениковъ... Къ урокамъ никто не готовился, а самые уроки состояли или въ пережевываніи стараго, которое никогда не могло прочно улечься въ ученическихъ мозгахъ, или въ какихъ нибудь новыхъ благоглупостяхъ, вродѣ опредѣленія мѣстонахожденія Трои, составленія списка ахейскихъ и троянскихъ боговъ—покровителей, или изученія греческихъ вѣтровъ... Сочиненія классиковъ до такой степени энергично отбрасывались мозгомъ, что теперь, по окончаніи курса, Аркатовъ изъ всего Гомера ясно помнитъ только одну фразу: „Ereugeto oinobareion“ (если не считать, конечно, стиха

„Andra moi ennepe, Musa“... Но этотъ стихъ знаютъ даже и не классики!) Классическіе писатели, долженствовавшіе составлять ядро гимназическаго преподаванія, всегда представляли изъ себя въ воображеніи гимназистовъ нѣчто смутное, смутное до такой степени, что, напримѣръ, переводя Вергилія, Аркатовъ и К° никогда не знали, о чемъ въ данную минуту идетъ рѣчь? Откуда взялся такой-то герой поэмы, и какова его роль въ Энеидѣ?..

Семь лѣтъ безплоднаго, дикаго убиванія времени!..

Раздается звонокъ... Урокъ конченъ.. Въ перемѣну въ классъ приходитъ классный наставникъ и велитъ ученикамъ написать свои автобіографіи: кто гдѣ родился, гдѣ учился до гимназіи и пр. О различныхъ и семейныхъ непріятностяхъ и пріятностяхъ, о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ писать, впрочемъ, не полагается.. Это къ дѣлу не относится!

Какъ ни какъ, а всетаки это дѣло довольно любопытное, а, главное, новое, необычное... И ученики усердно строчатъ свои маленькіе формулярные списки.

Въ слѣдующую перемѣну въ классъ является самъ директоръ и опрашиваетъ восьмиклассниковъ, кто изъ нихъ и куда хочетъ поступать изъ гимназіи... Удивительное единодушіе: ни одного будущаго филолога и почти сплошь всѣ— будущіе юристы... Лишь два-три медика, да столько-же математиковъ, да и то подозрительныхъ: навѣрное, сбѣгутъ съ математическаго факультета на юридическій, но не слѣдуетъ думать, что такое единодушіе вызвано сознательнымъ отношеніемъ учениковъ къ избираемой дорогѣ; дорога эта для большинства изъ нихъ до того туманна, что нѣтъ никакой возможности разглядѣть ее, и выбираютъ они ее, руководствуясь совершенно особыми посторонними соображеніями...

— Ты особое призваніе чувствуешь что-ли къ юриспруденціи?—спрашиваетъ директоръ, лукаво улыбаясь:—судить нравится?

— У меня старшій братъ юристъ... ну, такъ и я тоже!

— А ты почему въ юристы идешь?—обращается директоръ къ другому:—у тебя тоже старшій братъ, что ли? Или сестра, можетъ быть?

— Отецъ такъ хочетъ... Мнѣ все равно!

— Ну, а ты?

— Призваніе чувствую.

— Слава тебѣ, Господи! Хоть у одного призваніе есть!.. Эхъ, вы, юристы, юристы!..

И бритый, сморщенный старикъ-директоръ еще ядовитѣе и загадочнѣе улыбается, и сквозь эту улыбку у него

проглядываетъ грусть... Но о чемъ онъ грустить?—О томъ ли, что изъ стѣнъ классической гимназіи не выходитъ ни одного филолога, или о томъ, что выходятъ слѣпые, не видящіе и не знающіе своего будущаго пути юноши, и онъ—директоръ и хозяинъ гимназіи—ничего не могъ подѣлать противъ этого?.. Вѣроятно, о послѣднемъ...

X.

Послѣдній ученикъ на экзаменахъ зрѣлости.

(Письма Аркатова къ Е. В. Голыбиной).

I.

Согласно обѣщанію, данному вамъ, Елизавета Венедиктовна, при вашемъ отъѣздѣ въ Москву, я открываю серію писемъ о нашихъ экзаменахъ зрѣлости, при чемъ буду описывать ихъ на столько подробно, на сколько хватитъ умѣнья и способностей... Постараюсь, чтобы письма были длинныя и краснорѣчивыя... Нужно же мнѣ оправдать предъ вами свою славу перваго ученика по русскому языку, постоянно получающаго пятерки за сочиненія!..

За то по всѣмъ остальнымъ предметамъ я, какъ извѣстно, послѣдній ученикъ... И до самаго послѣдняго момента я не былъ вполнѣ увѣренъ, что меня допустятъ къ экзаменамъ зрѣлости... На педагогическомъ совѣтѣ, какъ говорятъ, изъ-за меня происходило цѣлое сраженіе... Большинство учителей хотѣли погубить меня, но директоръ — спасибо ему — сказалъ совѣту какое-то волшебное слово, и я уцѣлѣлъ...

Итакъ, я допущенъ до экзаменовъ. У насъ было уже два письменныхъ испытанія... Спѣшу сообщить вамъ, что я покуда еще не провалился, а дальше—что Богъ дастъ!.. Ну, а теперь прошу васъ обратить вниманіе на нижеслѣдующія строки... Начинается исторія о томъ, какъ послѣдній ученикъ VIII-го класса держалъ экзамены зрѣлости...

Вы знаете, что экзамены зрѣлости контролируются учебнымъ округомъ (а на нѣкоторыхъ экзаменахъ у насъ даже будутъ присутствовать особые ассистенты-контролеры отъ округа, не только на устныхъ, но, кажется, и на письменныхъ). Такимъ образомъ, экзамены зрѣлости—это, нѣкоторымъ образомъ, смотръ для нашего начальства... Начальство, разумѣется, хочетъ показать насъ съ казовой стороны: вотъ, молъ, какихъ умниковъ и ученыхъ воспитали! А такъ какъ мы и не умники, и не ученые, то начальство (т. е. директоръ и учителя) вступаетъ съ нами въ безмолвно заключае-

мую сдѣлку, помогаетъ намъ, всячески насъ вывозитъ и, вмѣсто независимаго и строгаго судіи, превращается во что-то робкое и трепещущее предъ другимъ — высшимъ начальствомъ... Скорѣе выходитъ такъ, что наши учителя съ директоромъ во главѣ держатъ экзамены, а мы такъ только, простой матеріалъ, или вѣрнѣе, та наука, изъ которой они держатъ экзаменъ...

Вы уже знаете изъ моихъ разсказовъ, что мы такое за люди (мы—т. е. восьмиклассники). Вы знаете, какими феноменальными познаніями мы обладаемъ... Я, напримѣръ, до сихъ поръ не знаю, что такое „биномъ Ньютона", а тригонометріи я и вовсе не училъ... Вѣроятно, вы больше моего знаете по этой части, поэтому не удивляйтесь тому, что прочитаете въ моихъ письмахъ о нашихъ экзаменахъ зрѣлости...

Впрочемъ, первый экзаменъ прошелъ еще, сравнительно, прилично. Это былъ письменный экзаменъ по русскому языку, т. е. изготовленіе сочиненія на присланную изъ округа тему.

Въ достаточной степени взволнованные, вошли мы въ нашу актовую залу, такъ хорошо знакомую намъ, но принявшую по случаю торжественныхъ испытаній нѣсколько иной видъ: въ ея воздухѣ какъ бы носилась нѣкоторая оффиціальность и серьезность, которая необыкновенно ярко вылощила паркетъ, сняла чехолъ съ мрачной, стоявшей въ глубинѣ залы каѳедры и уставила всю залу двухмѣстными партами, расположенными на весьма почтительномъ разстояніи одна отъ другой. Во время слѣдующаго экзамена за одной изъ этихъ партъ нѣкоторый молодой человѣкъ претерпѣлъ ужасную нравственную пытку... но я забѣгаю впередъ... Этотъ же первый экзаменъ „нѣкоторому молодому человѣку" никакихъ непріятностей не причинилъ...

Въ 10 часовъ утра, послѣ того, какъ мы уже заняли залу, явился директоръ и съ нимъ двое-трое нашихъ педагоговъ. Была торжественно вскрыта „тема"... Директоръ далъ предъ вскрытіемъ намъ въ руки два большихъ конверта (съ главной и запасной темами) и просилъ осмотрѣть ихъ и убѣдиться, что они вполнѣ корректны, и что, вообще, никакой фальши въ нихъ нѣтъ. Конверты были, ничего себѣ: чистенькіе и аккуратные... Мы конфузливо подержали ихъ въ рукахъ и возвратили затѣмъ обратно директору, который, наконецъ, и вскрылъ одинъ изъ нихъ, вытащилъ листъ бумаги съ крупно начертанной „темой" и громко прочиталъ послѣднюю.

Тема была самая пустая: „Послѣдствія открытія Америки"... На урокахъ исторіи (у Кузнецова) мы давнымъ

давно разрѣшили этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ. Не теряя времени, я усѣлся на свою двухмѣстную одинокую парту и началъ писать. Работая, я старался показать экзаменаторамъ, что трудъ этотъ мнѣ до невѣроятія легокъ и ничтоженъ... Я принималъ непринужденный видъ; съ развязнымъ видомъ знатока и дѣльца шумѣлъ листами выданной намъ казенной бумаги и даже слегка напѣвалъ и выбивалъ тактъ пальцами... Всѣ окружающіе должны были видѣть, что экзаменъ для меня нивѣсть-какое привычное и пустое дѣло... Такъ я разважничался, благодаря легкой темѣ!..

Педагоги, бродившіе теперь по залѣ между скамьями, останавливались то у одного, то у другого ученика и, наклоняясь къ нимъ, что-то шептали, послѣ чего писавшій нерѣдко торопливо перечеркивалъ написанное и начиналъ быстро строчить что-то другое подъ конфиденціальное нашептываніе педагога... А какое невинное выраженіе играло на лицахъ нашихъ отцовъ и благодѣтелей въ это время!..

Проходя мимо меня, нашъ историкъ Кузнецовъ (онъ также забрелъ на экзаменъ, будто бы случайно!) остановился около моей парты со своей усмѣшечкой... Мой развязный тонъ, несомнѣнно, заинтересовалъ его. Онъ наклонился надъ моей рукописью, прочелъ ее и остался недоволенъ. Конечно, можно оставить и такъ: то, что я написалъ, очень недурно, но было бы желательно произвести нѣчто еще лучшее...

Признаюсь, мнѣ было до нѣкоторой степени даже непріятно это вмѣшательство Кузнецова: точно я нуждался въ его помощи, я — спеціалистъ по писанію сочиненій, будучи еще при этомъ такъ знакомъ съ темой (я занимался вопросомъ объ открытіи Америки еще въ бытность мою въ числѣ первыхъ учениковъ и до сихъ поръ хорошо помню все, касающееся этого вопроса). Но мнѣ показалось неловко и неприлично отвергнуть помощь Кузнецова, и въ результатѣ самостоятельность моего произведенія нарушилась!.. Мой развязный видъ оказался совершенно безполезнымъ: меня все равно третировали, какъ послѣдняго ученика... Я съ успѣхомъ могъ бы ничего не знать ни объ открытіи Америки, ни даже объ употребленіи буквы ять... Учительская заботливость нивеллировала всѣхъ насъ... Не было ни хорошихъ учениковъ, ни плохихъ, были лишь одни подозрительные, которыхъ наше начальство и вывозило на своихъ плечахъ...

Подъ конецъ экзамена, когда уже пробило два часа (срокъ подачи экзаменаціонной работы), дверь въ залу широко растворилась: мы увидѣли директора (ушедшаго незадолго предъ тѣмъ изъ залы) и вмѣстѣ съ нимъ нѣкоторую

внушительную личность во фракѣ со звѣздой... Директоръ, стоя съ нею въ дверяхъ, обвелъ широкимъ жестомъ всю актовую залу и громко промолвилъ:

— Видите, какъ они размѣщены: скамья отъ скамьи далеко... Пишутъ самостоятельно!

Вслѣдъ за этими словами дверь снова закрылась, и внушительная персона исчезла съ директоромъ, такъ и не издавъ никакого звука...

Таковъ былъ нашъ первый экзаменъ... Что касается второго, то я опишу его вамъ въ слѣдующемъ посланіи.... Сейчасъ у меня еще рука не поднимается описывать то позорище, которое пришлось мнѣ претерпѣть на математикѣ...

До свиданія!

II.

...На математику я шелъ съ удрученнымъ чувствомъ. Представьте себѣ положеніе человѣка, которому предстоитъ рѣшить задачу изъ тригонометріи и алгебры, и который не знаетъ даже основаній этихъ наукъ!.. Я чувствовалъ неимовѣрный стыдъ и къ тому же, не шутя, боялся, что наши педагоги всетаки не помогутъ мнѣ въ достаточной степени... Я даже уже не вѣрилъ въ то, что бывали въ прошломъ году случаи, когда одинъ изъ нашихъ учителей подсказывалъ экзаменующимся, буквально, все рѣшеніе задачи отъ строчки до строчки... „Мало-ли что было въ прошломъ году?—думалъ я:—вдругъ нынче педагоги сконфузятся своего ухаживанія за нами и не станутъ помогать? Или же помогутъ такъ, что отъ этой помощи мнѣ не будетъ ни тепло, ни холодно! Ну, пусть, напримѣръ, мнѣ разскажутъ весь планъ задачи, все объяснятъ и наладятъ, но какая мнѣ польза отъ этого, если я азовъ не знаю“?..

И вотъ мы — всѣ двадцать два человѣка восьмиклассниковъ и четверо постороннихъ—экстерновъ—опять собираемся къ 10 часамъ утра въ актовой залѣ... Повторяется та же церемонія со вскрытіемъ темъ, что и на предыдущемъ экзаменѣ. Двѣ полученныя изъ округа задачи (геометрія съ примѣненіемъ тригонометрическихъ положеній и алгебра съ высшей ариѳметикой) читаются директоромъ вслухъ, а мы записываемъ ихъ подъ эту диктовку. За исключеніемъ троихъ математиковъ—знатоковъ изъ нашего класса, да экстерновъ — остальные мы всѣ ровно ничего не разумѣемъ въ диктуемыхъ намъ задачахъ... Буквально, что называется, „ни тяти, ни мамы“!..

Мнѣ даже кажется нелѣпымъ и смѣшнымъ записывать диктуемое... Пишу, точно путный!.. Съ нами обращаются, какъ

съ людьми, находящимися въ курсѣ дѣла и способными уяснить себѣ, что такое синусъ или сложные проценты, а между тѣмъ большинство изъ насъ (а въ особенности я—послѣднiй ученикъ) совершенно не въ состоянiи уяснить это...

Но вотъ тема продиктована. Директоръ предупреждаетъ насъ, что мы располагаемъ временемъ всего лишь до двухъ часовъ пополудни, и что у не подавшихъ работы къ этому сроку работы будутъ отбираться такими, какими онѣ есть. Я съ ужасомъ думаю—что̀ будетъ представлять изъ себя моя „работа“ въ этомъ случаѣ?.. Мы разсаживаемся на наши одинокiя парты, и экзаменъ начинается...

Педагоговъ—математиковъ двое: генералъ и инспекторъ... Третiй, по болѣзни, не явился, а онъ-то и былъ самымъ покладистымъ и полезнымъ человѣкомъ на прошлогоднихъ экзаменахъ!. Его отсутствiе приводитъ меня въ полное уныніе: что же мнѣ дѣлать при такомъ дурацкомъ положенiи вещей? Темы я совершенно не разумѣю; тригонометрическое построенiе сдѣлать не въ состоянiи!.. Я сижу, сложа руки, предъ листомъ бумаги съ чистенько написанными задачами и разсматриваю ихъ. Но мертвыя слова скользятъ предъ глазами совершенно зря. Я вижу, что въ концѣ первой задачи забылъ поставить вопросительный знакъ—и ставлю его, хотя скептически соображаю при этомъ: къ чему ставить его, когда все равно не смогу на него отвѣтить?.. И я опять сижу, положивъ перо, потому что мнѣ рѣшительно нечего писать!..

Педагоги, между тѣмъ, рѣшаютъ за экзаменацiоннымъ столомъ наши задачи. Они вполголоса переговариваются между собою, спорятъ...—Я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на нашу братью — экзаменующихся: экстерны пишутъ, но довольно вяло... Одинъ изъ нихъ морщится и поглядываетъ по сторонамъ, очевидно, соображая, нельзя ли раздобыться чьей-нибудь помощью?.. Посреди залы стоитъ столикъ, на которомъ поставлена для насъ вода въ графинѣ. Экстернъ направляется къ этому столику яко бы за водой, но на полъ-пути храбро наклоняется надъ партой другого экстерна и торопливо читаетъ его произведенiе. Чрезъ минуту онъ уже стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало, у графина съ водой, а еще черезъ минуту возвращается на свое мѣсто и, просвѣтленный и успокоенный, торопливо и увѣренно строчитъ... Я завидую ему! Ахъ, какъ я ему завидую!.. Я начинаю думать о томъ, что хорошо бы и мнѣ отправиться къ графину съ водой!.. Но, къ сожалѣнiю, я сижу слишкомъ на виду у педагоговъ, а тотъ субъектъ, у котораго счастливый экстернъ почерпнулъ необходимыя свѣдѣнiя, сидитъ совсѣмъ не по пути для меня.

И я сижу и жду, что будетъ дальше?.. Не могу же я рѣ-

шать задачи, если я ничего въ нихъ не понимаю! Проклятые часы, стоящіе около моей парты, такъ и отзваниваютъ одну четверть часа за другой... Боже ты мой, какое гнусное положеніе!.. Я жду помощи, но помощь такъ и не является!.. Неужели же я одинъ нахожусь въ такомъ положеніи? Что же дѣлаютъ мои товарищи?...

Трое математиковъ работаютъ съ увлеченіемъ. У нихъ-то, очевидно, нѣтъ такой тьмы въ головѣ, какъ у меня! Они-то, разумѣется, понимаютъ задачу.. Они пишутъ, перечеркиваютъ, шевелятъ губами и, вообще, дѣйствуютъ!.. На то, впрочемъ, они и математики!.. Но что же остальные-то мои коллеги—такіе же безпутные, какъ и я самъ?

Несомнѣнно, и у нихъ дѣла плохи! Мой сосѣдъ облокотился о парту, склонилъ голову и съ меланхолическимъ видомъ чертитъ на партѣ какія-то надписи и орнаменты. Слѣдующій экзаменующійся что-то какъ будто бы и пишетъ, но стоитъ вглядѣться въ его безучастное, не отъ міра сего, лицо, чтобы понять, что и онъ столь же чуждъ начертанной его рукою задачѣ, какъ и я... Нѣтъ, не я одинъ нахожусь въ такомъ отвратительномъ положеніи!..

Да! Приходится пережить скверныя минуты! Время близится уже къ полудню; я сижу, не сходя съ мѣста, около двухъ часовъ, но на листѣ бумаги съ написанной на немъ задачей, который лежитъ предо мной, кромѣ этой задачи, ровно ничего болѣе нѣтъ!..

Учителя что-то слишкомъ долго возятся съ задачей... Должно быть, она и имъ не дается! Но въ порывѣ отчаянія, я начинаю думать, что всѣ предсказанія относительно стремленія педагоговъ помогать намъ—на этотъ разъ не должны сбыться! Мнѣ кажется, что они и думать-то забыли объ насъ!.. Ужъ не думаютъ ли они, наконецъ, что мы, въ самомъ дѣлѣ, способны выдержать экзаменъ и, какъ путные, рѣшить задачу? Неужели они не знаютъ, кто мы такіе?!

Пока всѣ эти сомнѣнія волновали меня, одинъ изъ педагоговъ—инспекторъ, преподававшій математику въ младшихъ классахъ, сталъ обходить наши парты... Вотъ онъ наклоняется къ одному изъ экстерновъ и бесѣдуетъ съ нимъ... И по выраженію ихъ лицъ видно, что и экстернъ относится къ задачѣ сознательно, и инспекторъ видитъ въ экстернѣ не чудовищное отрицаніе всякаго знанія, а дѣльнаго малаго... И при всемъ томъ бесѣда ихъ тянется неимовѣрно долго... Меня начинаетъ разбирать злость: если инспекторъ будетъ тратить время на такихъ экзаменующихся, которые и безъ него кое-что маракуютъ, то это будетъ дѣломъ величайшей

несправедливости! Когда же онъ успѣетъ помочь намъ, которымъ помощь нужна паче всѣхъ другихъ?!. Вѣдь ужъ время-то подходитъ къ двумъ часамъ!

Другой педагогъ — „Генералъ“ — также отправляется въ обходъ. Хоть бы онъ-то не мѣшкалъ съ этими проклятыми экстернами! Но нѣтъ! Онъ знаетъ нашу братью и идетъ, переваливаясь съ ноги на ногу, толстый и добродушный, прямо къ намъ, къ несчастненькимъ, къ пасынкамъ науки, къ обездоленнымъ! Вотъ ужъ онъ-то, дѣйствительно, поможетъ!..

Онъ остановился около меня. О, какъ я смутился!.. Сколько разъ я обманывалъ этого заслуженнаго старика, отвѣчая ему по подсказкѣ, вводя его въ заблужденіе, заставляя его ставить мнѣ иной разъ даже четверки и думать, что я нѣчто путное!.. Вотъ когда припоминаются и отзываются старые-то грѣхи!..

— Но, гдѣ-же-жъ твое рѣшеніе? — спросилъ онъ меня отрывисто, важнымъ басомъ (онъ намъ до сихъ поръ говоритъ „ты“).

Я молчалъ.

— Ну чего жъ тутъ труднаго?.. Ты подумай!..

И онъ отправился дальше, а я послалъ его, въ глубинѣ души, къ чорту, не смотря на все свое смущеніе и стыдъ передъ нимъ. Нечего сказать—хороша помощь!.. „Подумай“!.. Мало развѣ я „думалъ“ съ десяти-то часовъ? Да и надъ чѣмъ это мнѣ думать? Ужъ не надъ задачей ли?..

Часы опять бьютъ... Два часа!.. Но отбирать немыслимо!.. Кромѣ трехъ—четырехъ человѣкъ, еще никто не исписалъ и первой страницы!.. Какъ же можно отправлять въ округъ такія работы?.. „Генералъ“ всталъ сейчасъ около моего сосѣда Ѳомина—бранитъ его: „Болванъ-же-жъ ты“!—и... что-то пишетъ у него на бумагѣ!.. Собственноручно!..

Боже мой!.. Чѣмъ же я-то хуже Ѳомина? Почему же помощь пришла къ нему, а не ко мнѣ?.. Неужели „Генералъ“ считаетъ меня чѣмъ-то выше „болвана“?..

Какая пытка ужаса, зависти, тоски!..

Уже, Богъ знаетъ, сколько времени я мучаюсь, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ острѣе и напряженнѣе становятся мои муки. Тоска снѣдаетъ меня, ломаетъ все мое существо... Мое волненіе неописуемо! Вѣдь уже третій часъ, а у меня хоть бы іота была написана на проклятомъ листѣ съ задачей! Вѣдь есть же счастливцы, которымъ помогаютъ или „Генералъ“, или инспекторъ!.. Пусть они ругаютъ ихъ, пусть изводятъ кислыми словами, но за то у этихъ счастливцевъ появляются на бумагѣ разные синусы и косинусы, альфы и

беты, плюсы и минусы, а у меня до сихъ поръ все еще ничего нѣтъ!..

Но вотъ инспекторская фигура появляется и у моей парты, заслоняя собою свѣтъ отъ окна... Я не рѣшаюсь поднять на него глаза... Съ какой ироніей, съ какимъ желаніемъ опозорить меня, онъ начинаетъ свою бесѣду со мной: настоящій драматическій діалогъ:

— У васъ еще ничего нѣтъ?

— Я не понимаю задачи!—отвѣчаю я, глотая слова, потому что мнѣ стыдно той лжи, которую я ему говорю.

— Да чего же тутъ не понимать, батенька? Нужно знать основное правило; если вы его знаете—для васъ все будетъ ясно... Знаете формулу синуса двойной дуги?..

— Н-нѣтъ!..

— Ну, батенька, ужъ если вы этого не знаете, то вамъ не зачѣмъ было и экзаменоваться!..

Я холодѣю отъ ужаса.

— Ну, что такое синусъ? Знаете вы по крайней мѣрѣ, что называется синусомъ?

— Вотъ это!—говорю я, изображая на листѣ бумаги соотвѣтствующую фигуру. Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову, что синусомъ, кажется, зовется именно это...

— Да что жъ это за отвѣтъ? „Вотъ это“? — горячится инспекторъ...—Какъ вы понимаете синусъ?.. Что это такое?..

Молчаніе.

— Ну, послѣ этого я ничего не могу съ вами подѣлать! Видно, ужъ получите, батенька, единицу! Это ужъ изъ рукъ вонъ!..

И онъ уходитъ отъ меня.

У меня слезы готовы брызнуть изъ глазъ. Что же мнѣ дѣлать? Значитъ, я погибъ? Значитъ, всѣ надежды на помощь учителей—вздоръ? Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, помогать, если я не знаю основаній тригонометріи? Какъ могъ я вѣрить всѣмъ росказнямъ о безграничномъ подсказываніи учителей?..

Что можетъ сравниться съ подобнымъ отчаяннымъ положеніемъ? Не тоже ли самое испытываетъ преступникъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи казни? И какъ, въ самомъ дѣлѣ, похожи мы на преступниковъ. Заключенные въ четырехъ стѣнахъ, отрѣшенные ото всего живого и ожидающіе послѣдняго страшнаго приговора, т.-е. попросту, единицы!.. Какой тяжелый кошмаръ, полный стыда, ужаса, отчаянія!..

— Но, рѣшилъ-же-жъ задачу? Э, какой!—громогласно баситъ надъ моимъ ухомъ Генералъ, — какъ же ты не понимаешь такихъ пустяковъ? Гдѣ-же-жъ у тебя построеніе?..

— Это, просто, возмутительно!—раздается голосъ инспектора, который опять подошелъ сюда:—ровно никакихъ знаній! Что же вы? такъ-таки ничего и не придумали?..

Я молчу.

— Ну, начертите кругъ! Сумѣете изобразить его? Знаете, по крайней мѣрѣ, что такое кругъ?

— Знаю!—отвѣчаю я съ затаенной злобой.

— Ну, и чертите! Начертили? Превосходно! Теперь проведите въ какую нибудь точку А радіусъ. Вы, можетъ быть, въ первый разъ слышите это слово? Радіусъ? Или слыхали раньше?..

Я молча провожу радіусъ.

— Теперь изобразите тутъ въ точкѣ О острый уголъ и начертите вотъ такую штуку—синусъ его.

Инспекторъ что-то изобразилъ пальцемъ на моей бумагѣ. Я не уловилъ, что онъ изобразилъ, и начертилъ требуемую линію невѣрно. Генералъ, который дотолѣ молча стоялъ рядомъ съ инспекторомъ, разсердился:

— Но, болванъ-же-жъ!.. Невѣрно!.. Вотъ такъ начерти!..

И онъ, взявъ изъ моихъ рукъ перо, энергически и сердито изобразилъ все то, что требовалось...

Такъ черта за чертой, буква за буквой, выматывая изъ меня душу разными жалкими словами, оба педагога подсказали мнѣ все рѣшеніе первой (тригонометрической) задачи. Они то бросали меня на произволъ судьбы съ непонятными мнѣ буквами и цифрами, то опять подходили ко мнѣ и, бранясь, подсказывали дальнѣйшій ходъ дѣйствія. Не смотря на отвратительное впечатлѣніе всей этой комедіи, я чувствовалъ себя теперь лучше. Да и къ тому же не я одинъ былъ въ такомъ положеніи: инспекторъ и Генералъ теперь уже не стѣснялись и громко, почти на всю залу бранились, помогая то тому, то другому несчастненькому... А такихъ несчастненькихъ была почти вся зала!..

— Теперь логариѳмируйте! — сказалъ мнѣ инспекторъ, когда окончательная формула задачи была уже выведена.

— Господи, Боже! Какъ же я стану логариѳмировать? Еще этого не доставало!..

Однако я попытался припомнить то, что когда-то однажды училъ относительно логариѳмовъ. А такъ какъ при таблицѣ логариѳмовъ приложенъ и способъ ихъ употребленія, то я, руководясь имъ, началъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, логариѳмировать свою формулу... Когда же я сталъ окончательно погибать съ мантиссами и характеристиками, ко мнѣ опять подошелъ Генералъ и вызволилъ меня, подсѣвъ ко мнѣ и самолично вычисливъ всѣ логариѳмы.

Было уже около 4-хъ часовъ, а между тѣмъ, вторая (алгебраическая) задача такъ и не была рѣшена еще никѣмъ. Съ ней случился настоящій скандалъ: оказалось, что наши учителя оттого такъ долго въ началѣ экзамена и не шли помогать намъ, что все время возились съ этой задачей, да такъ и бросили ее, не докончивъ. У нихъ получилась въ результатѣ какая-то безконечная формула, разъѣхавшаяся чуть-ли не на цѣлую страницу... Подъ конецъ экзамена они, не стѣсняясь насъ, громко ругали неудававшуюся имъ задачу, и изъ ихъ-то разговоровъ я и почерпнулъ свѣдѣнія о положеніи вещей...

Но покамѣстъ инспекторъ и Генералъ возились съ неподдававшейся ихъ усиліямъ формулой, нашъ первый математикъ—Лавровъ дѣлалъ, дѣлалъ злополучную задачу—да и сдѣлалъ ее! Окончательная формула у Лаврова была такая маленькая, простая и элегантная... Генералъ, подойдя къ нему, только диву дался...

— Но ты—геній-же-жъ! — пробасилъ онъ на всю залу, обращаясь къ покраснѣвшему отъ смущенія Лаврову.

А вслѣдъ затѣмъ онъ списалъ у Лаврова рѣшеніе задачи... У него списалъ инспекторъ и, такимъ образомъ, благодаря Лаврову, честь гимназіи была спасена. Такъ какъ время было уже позднее, а намъ нужно еще было переписывать работу на бѣло, то педагоги подсказывали теперь намъ вторую задачу, торопясь, и уже безъ лишнихъ кислыхъ словъ. Я и на этотъ разъ попалъ въ послѣднюю очередь. Мои сосѣди одинъ за другимъ кончали работу, подавали ее инспектору и уходили домой. Подъ конецъ я остался совершенно одинъ въ пустынномъ и мрачномъ залѣ... Только инспекторъ съ Генераломъ бродили вдоль партъ, поджидая, когда и я кончу переписываніе на бѣло, и громко бранили трудную задачу...

Когда, наконецъ, я вышелъ изъ залы, было уже восемь часовъ вечера... Я просидѣлъ на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ десять часовъ, не пивши, не ѣвши и будучи при этомъ терзаемъ тяжкимид ушевными муками... Не мудрено, что, идя по корридору, я былъ принужденъ держаться за стѣны, а придя домой, вдругъ ударился въ слезы, и весь оставшійся вечеръ пролежалъ въ постели съ сильнѣйшей головной болью.... Такъ-то наказывается порокъ, многоуважаемая Елизавета Венедиктовна!..

Черезъ три дня опять предстоитъ экзаменъ изъ латыни!.. Ужъ не знаю, какимъ образомъ на сей разъ будетъ наказано мое неуваженіе къ учебѣ! Что-то останется отъ Аркатова Георгія?!

До свиданія!..

III.

— Ну, знаете-ли, я и не думалъ, что съ древними языками дѣло обойдется такъ благополучно!.. Я ожидалъ, что повторятся тѣ же исторіи, что и на математикѣ, но судьбы на этотъ разъ меня пощадили!.. Я не только не провалился, но даже преуспѣлъ!..

Латинскій и греческій письменные экзамены шли одинъ за другимъ въ прошедшій вторникъ и среду. Сначала латынь, а на другой день греческій...

Присланныя изъ округа темы имѣли нѣсколько иной видъ, чѣмъ на предыдущихъ экзаменахъ. По вскрытіи конверта, въ немъ оказалось извѣстное (по числу экзаменовавшихся) количество листковъ сѣрой бумаги съ напечатаннымъ „древнимъ“ текстомъ. Отъ экзаменующихся требовалось умѣнье перевести напечатанный текстъ на русскій языкъ, перевести точно, не искажая смысла подлинника, и притомъ „правильнымъ русскимъ слогомъ“... На это особенно напиралъ нашъ латинистъ чехъ—Миличъ. Можетъ быть, это требованіе насчетъ „правильнаго русскаго языка“ потому тревожило его пуще всего, что самъ-то онъ былъ ужъ очень не силенъ въ русскомъ языкѣ...

Я уже не разъ разсказывалъ вамъ, каковы наши познанія въ древнихъ языкахъ—въ частности, въ латинскомъ.

Если намъ предлагали (даже въ послѣднемъ классѣ) перевести à livre ouvert, напримѣръ, Ливія, то мы попадали въ довольно оригинальное положеніе. Слова перевода какъ будто-бы и всѣ знакомы, если брать ихъ по одиночкѣ, но въ цѣломъ—мы рѣшительно ничего не можемъ понять и кладемъ оружіе...

Экзаменаціонный латинскій текстъ былъ снабженъ русскимъ значеніемъ всего трехъ-четырехъ словъ... Остальныя слова предполагались извѣстными намъ... Получивъ на свою долю четвертушку тонкой сѣрой бумаги съ слѣпо-напечатанной латынью, я направился на свою парту и сталъ разбирать эту „тему“... „Тема“ оказалась взятой изъ Цезаря, а такъ какъ Цезаря я когда-то (въ бытность мою первымъ ученикомъ) всетаки могъ переводить болѣе или менѣе самостоятельно, то я, припомнивъ значеніе нѣкоторыхъ словъ, сталъ доходить до уясненія общаго смысла экзаменаціоннаго текста... Нѣсколько словъ еще оставались мнѣ неизвѣстными, кое-какія двусмысленныя выраженія еще не были мною разоблачены, но въ воздухѣ залы то и дѣло, проносились разныя крылатыя слова, раздавался тихій, но полный зна-

ченія шепотъ, долетавшій съ партъ экстерновъ, оказавшихся знатоками дѣла... Крылатыя слова уяснили мнѣ почти все, бывшее дотолѣ темнымъ въ переводѣ... И сверхъ всякаго ожиданія, случилось то, что я почти самъ, и уже безъ всякой помощи педагоговъ, одолѣлъ латынь... И когда Миличъ подошелъ ко мнѣ съ яснымъ желаніемъ подсказывать, то я могъ съ гордостью показать ему уже оконченный черновикъ перевода...

Но онъ всетаки не оставилъ меня въ покоѣ... Онъ нашелъ, что я перевелъ Цезаря не совсѣмъ правильнымъ русскимъ слогомъ, и принялся исправлять мой слогъ на собственный ладъ, сталъ диктовать мнѣ свою редакцію перевода... Я пытался, было, опровергать его, когда онъ употреблялъ какіе-то сверхъестественные обороты рѣчи, но онъ съ рѣзкостью перебивалъ меня и торопился покончить со мной, чтобы направиться къ другимъ ученикамъ.

— Вотъ такъ и перепишите!—заключилъ онъ.

Но я переписалъ всетаки „не такъ“ и, конечно, хорошо сдѣлалъ!.. Говорятъ, что я получилъ за свой переводъ пятерку... Возможно! Хотя это уже что-то слишкомъ большая роскошь для послѣдняго ученика!..

. . . .

На экзаменѣ изъ греческаго языка хозяйничали наши знаменитости—Ѳита и Элладскій... Много „жалкихъ гибелей“ могло бы случиться изъ-за ихъ хозяйничанья, но надъ нами бодрствовалъ нашъ геній-хранитель, директоръ... Онъ присутствовалъ въ залѣ неотлучно, и по его настоянію Элладскій и Ѳита, вкупѣ съ молодымъ преподавателемъ Ивановымъ, принялись за дѣятельную помощь намъ.

Греческая тема, выданная намъ на такихъ же четвертушкахъ сѣрой бумаги, какъ и въ прошлый экзаменъ, и такъ же слѣпо напечатанная, поставила меня совершенно въ тупикъ... Я еще могъ кое-какъ понимать Цезаря, но въ греческомъ языкѣ былъ совершенный профанъ. Я читалъ мертвую для меня красивую вязь греческаго текста, зналъ значеніе кое-какихъ словъ, но общій смыслъ этихъ іероглифовъ совершенно ускользалъ отъ меня... Въ ожиданіи помощи извнѣ, я началъ довольно оригинальную работу: я сталъ выписывать послѣдовательно одно извѣстное мнѣ выраженіе за другимъ, оставляя неизвѣстныя мѣста не переведенными. Такимъ образомъ, у меня на бумагѣ появился рядъ словъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга громадными пробѣлами, и посредствомъ этихъ безсвязныхъ словъ я надѣялся временно составить себѣ хоть какое-нибудь понятіе о сущности экзаменаціоннаго отрывка... Моя работа очень походила на какую-то старинную надпись, въ которой масса словъ истлѣла

и исчезла, и по оставшимся словамъ которой нужно реставрировать всю надпись...

Я прислушивался, не раздастся-ли хоть какое-нибудь крылатое слово. Но и крылатыя слова на этотъ разъ не летали... Педагоги, сидя за столомъ, совмѣстными трудами переводили тему...

Элладскій, впрочемъ, не принималъ участія въ этомъ товарищескомъ консиліумѣ, а одиноко бродилъ у оконъ и тупо созерцалъ то, что дѣлается на дворѣ... Время отъ времени Ѳита или Ивановъ убѣгали въ уголъ за печку и возились тамъ, согнувшись въ три погибели и какъ бы прячась отъ насъ. Я сначала, было, вообразилъ, что тамъ за печкой поставлена для нихъ закуска и выпивка, но мое грѣшное предположеніе не оправдалось. Мой товарищъ Ѳоминъ, сидѣвшій ближе всѣхъ къ экзаменаціонному столу, послѣ экзамена передавалъ намъ долетѣвшія до него при началѣ экзамена слова Ѳиты, обращенныя къ Иванову:

— Я, Павелъ Ивановичъ, принесъ съ собою два словаря и спряталъ ихъ за печку. Я смотрѣлъ, видно-ли ихъ отъ дверей... Ничего не видно!

Дѣло, стало быть, было въ томъ, что Ѳита и Ивановъ не надѣялись на собственныя силы и запаслись необходимымъ рессурсомъ для перевода темы... Должно быть, оба они не особенно полагались на товарищескую помощь Элладскаго, который, разумѣется, въ словаряхъ не нуждался... И, дѣйствительно, Элладскій, будучи на этотъ разъ трезвъ и поэтому золъ, одиноко бродилъ, какъ я уже сказалъ, по залѣ, со своимъ обычнымъ видомъ коронованной особы и не удостаивалъ бесѣды ни Ѳиты, ни Иванова.

Но при этомъ наши учителя ожидали появленія на экзаменъ контролера изъ округа, и поэтому Ѳита такъ старательно припряталъ свои толстые словари и заботился о томъ, видно-ли ихъ отъ входной двери... Нужно, однако, сказать, что и на этотъ разъ никакихъ постороннихъ гостей у насъ не появилось...

Раза два или три ко мнѣ подбѣгалъ Ивановъ и понемножку „реставрировалъ“ мою работу, подсказывая то или другое выраженіе... Элладскій тоже въ концѣ-концовъ снизошелъ къ намъ... Онъ подошелъ ко мнѣ и, не обращая, повидимому, никакого вниманія на меня, стоя прямо и непоколебимо и вперивъ взоръ куда-то въ пространство, монотоннымъ и торжественнымъ голосомъ перевелъ мнѣ весь греческій текстъ отъ слова и до слова... Я едва успѣлъ записать диктуемое имъ... Повторять онъ не сталъ. Онъ слишкомъ дорого цѣнилъ свои слова...

Теперь наши письменные экзамены зрѣлости кончились,

и предстоитъ серія устныхъ... Боюсь-ли я? Ну, да, боюсь, хотя и глубоко убѣжденъ, что и на нихъ произойдетъ такая же комедія... До свиданія, Елизавета Венедиктовна!.. Пожалѣйте меня—послѣдняго ученика—и не смѣйтесь надо мной! Впрочемъ, почему не смѣяться?.. Вѣдь все это ничто иное, какъ комедія, а на то и комедія, чтобы надъ ней смѣяться...

Одно жаль: эта комедія тянулась цѣлыхъ семь лѣтъ... Когда же начнется серьезное дѣло?.. Не мѣшало бы ему начаться пораньше, а то я — да и всѣ мы — гимназисты послѣдняго класса — великовозрастные юноши — облѣнились, распустились, ничего не знаемъ, ничего не видимъ...

Вашъ Г. А.

Б. Никоновъ.

---

* * *

Ужъ близится осень, ужъ дни убываютъ,
И воздухъ не такъ ужъ душистъ;
Свинцовыя тучи все небо скрываютъ,
Желтѣетъ и падаетъ листъ.

И дождь надоѣдливый, частый и мелкій,
Часами шумитъ и шумитъ;
Лишь изрѣдка вспыхнутъ вдругъ молніи стрѣлки
И громъ вдалекѣ загремитъ.

Сквозь сѣрую мглу ужъ и солнца не видно:
Взглянуло — и снова ушло
За черныя тучи... И сердцу обидно,
Что красное лѣто прошло!

А.. А. Б.

ОСЕННІЯ МЕЛОДІИ

I.

Запоздавшее грустное лѣто,
Бабье лѣто—съ короткимъ дождемъ,
Въ золотистомъ нарядѣ своемъ
Умирающей лаской согрѣто.

И торопятся жить на прощаньи
Поздней астры нѣмые цвѣты,
И печальной полно красоты
Бабье лѣто съ улыбкой страданья...

II.

Солнце свой праздникъ кончаетъ,
Хмурится лѣсъ утомленный,—
Плащъ позлащенный
Грустно роняетъ.

Пѣсня послѣдняя спѣта,
Таетъ послѣдняя ласка...
Кончена сказка—
Умерло лѣто!

III.

Близится вечеръ въ безмолвной тиши.
Небо темнѣетъ вдали,
Тѣни печально легли...
Близится вечеръ души!

Утро лазурное жизни прошло
Съ ясной улыбкой своей...
Ночь! Приходи же скорѣй—
Солнце зашло...

V.

Какъ холодны, какъ измѣнились ночи!
Онѣ не ждутъ ужъ пѣсенъ соловья,
Не улыбнутся мнѣ, не позовутъ меня
Ихъ непривѣтливыя очи.

Но иногда, какъ-будто вспомнивъ лѣто,
Онѣ заплачутъ жалобно о немъ—
И слезы падаютъ дождемъ
До поблѣднѣвшаго разсвѣта...

Г. Галина.

---

* * *

Мы ждали бури,—бури нѣтъ!
Ея тревожные раскаты
Неслись, минуя насъ, куда-то,
Гдѣ въ нихъ, быть можетъ, нужды нѣтъ.
А такъ она была близка
И такъ могуче надвигалась,
Что — вотъ обрушится, казалось,
Живящимъ ливнемъ свысока!
Все стихло; какъ дитя, робка,
Жизнь боязливо притаилась;
Рѣка, застывши, чуть рябилась;
Клубясь, чернѣли облака.
Въ затишьи,—легкій спутникъ бурь,—
Сердито молнія сверкала;
Небесъ насмѣшливыхъ увяла
Нахально-яркая лазурь.
Еще бы мигъ — и грянулъ громъ
Среди мертвящаго покоя...
. . . .
Ударъ—и сгинетъ, ждали мы,
Миражъ тяжелаго молчанья,
И гнѣвной молніи сіянье
Развѣетъ чары долгой тьмы!..
Мы ждали бури — бури нѣтъ!
Ея тревожные раскаты
Неслись, минуя насъ, куда-то,
Гдѣ въ нихъ и нужды, можетъ, нѣтъ.

С. Травиновъ.

Посадскіе избирательные сходы XVIII столѣтія.

I. Городовые магистраты и посадскіе сходы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Самоуправленіе посадскихъ общинъ, какъ и вообще земское самоуправленіе старой Россіи, восходитъ по своей древности къ довольно раннимъ временамъ стараго московскаго царства. Въ XVI и XVII ст. самоуправленіе посадскихъ міровъ не было отмѣчено какими либо специфическими особенностями сравнительно съ прочими самоуправляющимися мірами уѣзда. Уставныя грамоты XVI в., узаконившія замѣну намѣстниковъ и волостелей „излюбленными людьми", избранными мѣстной общиной, вообще не заключали въ себѣ подробной регламентаціи внутренняго общиннаго распорядка. Центръ тяжести постановленій этихъ грамотъ лежалъ въ опредѣленіи обязанностей выборныхъ представителей общины по отношенію къ государственной власти, въ установленіи объема и порядка отвѣтственности, какъ самихъ избранныхъ лицъ, такъ и ихъ избирателей передъ центральной администраціей. Въ этомъ сказался фискальный характеръ всей реформы областного управленія, проведенной въ XVI столѣтіи. Обезпечивъ интересы казны установленіемъ круговой отвѣтственности общинъ за дѣйствія ихъ избранниковъ, государственная власть считала свою задачу исчерпанной. Обезпеченіе интересовъ самихъ общинъ путемъ точнаго опредѣленія тѣхъ или другихъ началъ общинной организаціи было положено „на души" самого земства. Составъ и дѣятельность общиннаго схода, взаимоотношеніе различныхъ группъ населенія, входившихъ въ составъ общины и т. п. — все это не было предуказано закономъ и предоставлялось дѣйствію мѣстнаго обычая. Такъ стояло дѣло и въ XVI ст., когда земское самоуправленіе всецѣло замѣняло прежнюю коронную администрацію „кормленщиковъ", такъ стояло дѣло и въ XVII в., когда съ учрежденіемъ городовыхъ воеводъ выборные органы земства превратились во второстепенныхъ административныхъ агентовъ,

отданныхъ въ непосредственное распоряженіе воеводъ и ихъ товарищей.

Послѣдніе годы XVII в. ознаменовались, какъ извѣстно, важной реформой посадскаго управленія. Въ связи съ предпринятымъ тогда переустройствомъ финансовой системы, посады получили право взамѣнъ воеводъ выбирать бурмистровъ „для мірскихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлъ и для сбору доходовъ", а центральное управленіе „расправными, челобитчиковыми и купецкими дѣлами и сборами" всего торгово-промышленнаго населенія государства было ввѣрено бурмистерской палатѣ, переименованный черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ ратушу *). Въ 20-хъ годахъ XVIII в. рефора была завершена созданіемъ магистратскихъ учрежденій **). Эти учрежденія, временно отмѣненныя при ближайшихъ преемникахъ Петра, были возобновлены при Елизаветѣ ***) и просуществовали затѣмъ безъ особенно-важныхъ измѣненій вплоть до коренныхъ преобразованій муниципальнаго устройства, произведенныхъ въ царствованіе Екатерины II. Начиная съ послѣднихъ лѣтъ XVII ст. и въ теченіе всего XVIII в. организація посадскаго самоуправленія подробно регламентируется многочисленными уставами и указами. Съ этихъ поръ обиліе обязательныхъ предписаній, опутывающихъ чуть-ли не каждый шагъ магистратскихъ учрежденій, съ избыткомъ вознаграждаетъ изслѣдователя за скудность и отрывочность болѣе древнихъ законодательныхъ опредѣленій. Почтенные труды Плошинскяго, Пригары, Дитятина всесторонне использовали этотъ матеріалъ и отчетливо выяснили намъ характеръ и значеніе магистратскихъ учрежденій прошлаго столѣтія. Труды этихъ изслѣдователей не оставили никакого сомнѣнія въ томъ, что фискальная точка зрѣнія не переставала занимать первое мѣсто во всѣхъ законодательныхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ городскому самоуправленію въ теченіе всего прошлаго вѣка. Бурмистерская палата, ратуша, главный магистратъ, земскія избы, городовыя ратуши и магистраты—всѣ эти учрежденія, будучи земскими по своему выборному составу, являлись, по преимуществу, органами бюрократической централизаціи по характеру своей дѣятельности, по свойству поставленныхъ имъ задачъ, по порядку присвоенной имъ отвѣтственности и отчетности.

Однако, знакомясь съ практикой всѣхъ названныхъ учрежденій, нельзя не замѣтить, что они составляли лишь одинъ рядъ органовъ посадскаго самоуправленія, такъ сказать, „верхній этажъ" этого самоуправленія, непосредственно соприкасавшійся съ высшей центральной властью и прикрывавшій собою циклъ

---

*) Полн. собр. зак. №№ 1674, 1675, 1718.
**) Ibid. 3708, 4624.
***) Ibid. № 9018.

другихъ общинныхъ учрежденій, въ которыхъ какъ разъ и сплетались основныя нити общиннопосадской жизни. Я разумѣю мірской посадскій сходъ со всѣми его исполнительными органами. Городовой магистратъ являлся переходнымъ соединительнымъ звеномъ между центральной администраціей и мірскимъ посадскимъ сходомъ, этой первичной ячейкой общинно-посадской организаціи. Городовой магистратъ составлялся изъ лицъ, выбранныхъ самой общиной. Но выборная магистратская служба, не смотря на новизну иноземныхъ терминовъ и внѣшнихъ обрядовъ, въ которые она была облекаема согласно регламентамъ XVIII ст., упорно сохраняла, какъ только что было сказано, глубоко-архаическій характеръ выборной службы стараго московскаго государства. Выбирая магистратскихъ членовъ, посадская община лишь выдѣляла изъ своей среди опредѣленное количество лицъ въ распоряженіе центральной власти, и „излюбленные люди", бургомистры и ратманы, переступая порогъ магистратской присутственной камеры, тѣмъ самымъ отщеплялись отъ своей общины, дѣлались не слугами избравшаго ихъ общества, а агентами правящей бюрократіи. Они не были исполнительными органами избравшаго ихъ посадскаго міра. Ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы 1) осуществлять на мѣстѣ распоряженія центральнаго правительства въ предѣлахъ ихъ непосредственныхъ обязанностей, 2) оповѣщать посадскую общину о касающихся ея предписаніяхъ центральной власти, 3) слѣдить за дѣятельностью посадскаго міра, понуждать его къ строгому выполненію правительственныхъ указовъ и доносить по принадлежности о всѣхъ его неправильныхъ дѣйствіяхъ.

Такимъ образомъ, городовые магистраты не являлись органической частью посадскообщиннаго самоуправленія. Это самоуправленіе въ истинномъ его значеніи начиналось лишь за дверями магистратскаго присутствія. Его органомъ служилъ *мірской посадскій сходъ*, исполнительной инстанціей котораго являлся не магистратъ, а „старостинская изба" или „старшинское правленіе", т. е. канцелярія тоже избраннаго общиной посадскаго старосты. Не магистратскій бургомистръ или ратманъ, а посадскій староста былъ настоящимъ представителемъ земскаго міра. Вся совокупность постановленій, касающихся отношеній магистратскихъ членовъ къ сходу и къ посадскому старостѣ, съ необычайной выразительностью рисуетъ, какъ далеко простиралось отчужденіе членовъ магистрата отъ избравшей ихъ общины. Магистраты сообщали посадскому міру касавшіяся его административныя распоряженія не иначе, какъ черезъ посадскаго старосту, съ канцеляріей котораго они сносились „указами", получая отъ нея отвѣтныя бумаги въ формѣ „доношеній". Съ особенной рельефностью выраженъ взглядъ на магистратское присутствіе, какъ на органъ, совершенно чуждый посадской общинѣ,

въ одномъ дѣлѣ о выборахъ магистратскихъ членовъ въ г. Олонцѣ. Въ 1753 г. Олонецкій городовой магистратъ кассировалъ своей властью произведенные на мірскомъ сходѣ выборы. Посадъ черезъ своего старосту обжаловалъ это распоряженіе мѣстнаго магистрата въ главный магистратъ. Послѣдній утвердилъ первоначальные выборы; во-первыхъ, не согласившись по существу съ тѣми мотивами, по которымъ была произведена кассація этихъ выборовъ, а во-вторыхъ, вообще не признавъ за городовымъ магистратомъ права отмѣнять выборы и сославшись при этомъ на указъ 11 августа 1731 г., коимъ воспрещалось „мѣшаться" въ посадскіе выборы губернаторамъ, воеводамъ и *„прочимъ управителямъ"*. Здѣсь городовой магистратъ въ его отношеніяхъ къ посадской общинѣ прямо приравненъ къ органамъ коронной администраціи *). Правда, и въ регламентѣ главнаго магистрата, и въ инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 года говорится о непосредственныхъ сношеніямъ магистрата съ посадскимъ міромъ, о призываніи мірскихъ людей на совѣтъ въ магистратское присутствіе по особо важнымъ дѣламъ, касающимся мѣстныхъ интересовъ. Но дѣлопроизводство магистратскихъ учрежденій прошлаго вѣка положительно убѣждаетъ въ томъ, что только что упомянутыя постановленія не примѣнялись на практикѣ. Напротивъ того, городовые магистраты склонны были даже усматривать проявленіе мятежнаго духа въ нѣкоторыхъ попыткахъ мірскихъ сходовъ подавать свой самостоятельный голосъ по тѣмъ дѣламъ, которыя уже производились въ магистратѣ.

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь одинъ весьма характерный образчикъ подобнаго конфликта между мѣстнымъ магистратомъ и мірскимъ посадскимъ сходомъ, встрѣченный нами въ дѣлопроизводствѣ астраханскаго магистрата. Астраханскій магистратъ, по мысли своего президента, вошелъ въ главный магистратъ съ предложеніемъ объ устройствѣ въ Астрахани школы для купеческихъ дѣтей, руководствуясь XXI главой регламента, предписывающей заведеніе въ городахъ школъ подъ смотрѣніемъ магистратовъ и на земскомъ иждивеніи. Главный магистратъ утвердилъ этотъ проектъ, а также утвердилъ въ должности и представленнаго отъ астраханскаго магистрата кандидата въ преподаватели этой школы. Но мірской посадскій сходъ взглянулъ на дѣло иначе. Соглашаясь на устройство школы, соглашаясь на обложеніе посада особымъ сборомъ на содержаніе учителя и школы, сходъ рѣшительно отвергъ выставленнаго магистратскимъ президентомъ кандидата въ учителя и предложенную этимъ послѣднимъ программу школьнаго курса. Соображенія, выставленныя сходомъ, были весьма основательны и вытекали изъ существа дѣла. Тогда магистратъ или, что тоже, его президентъ по-

---

*) Архивъ мин. юст., дѣла главн. магистр. Вязка 44, № 76.

спѣшилъ прикрыться распоряженіемъ высшаго начальства: въ состоявшемся уже указѣ главнаго магистрата—говорилось въ магистратской резолюціи—предписано завести школу, согласно первоначальному президентскому предложенію, при чемъ посылку въ эту школу дѣтей сдѣлать обязательной для всѣхъ астраханскихъ купцовъ, „а не то, чтобы требовать отъ нихъ мнѣнія или приговору". Представленныя сходомъ возраженія астраханскій магистратъ приравнивалъ къ открытому сопротивленію власти и полагалъ необходимымъ подвергнуть всѣхъ подписавшихъ этотъ мятежный приговоръ штрафу. Однако, одинъ изъ членовъ магистратскаго присутствія—бургомистръ Лошкаревъ—не примкнулъ къ этой резолюціи и остался при особомъ мнѣніи, при чемъ онъ прямо сослался на инструкцію магистратамъ, коей предписывалось магистратамъ „о пользѣ гражданъ имѣть съ первостатейными людьми совѣты". Такъ какъ астраханскій магистратъ испросилъ у главнаго магистрата указъ объ открытіи школы безъ предварительнаго опроса посадскаго схода, то граждане астраханскаго посада и имѣли, по мнѣнію Лошкарева, законное право представить свои возраженія на состоявшееся постановленіе. Ссылка на магистратскую инструкцію не произвела желаемаго эффекта. Главный магистратъ усмотрѣлъ во всѣхъ этихъ доводахъ „не иное что, какъ въ грубости затвердѣлость и упрямство", и хотя на этотъ разъ въ видѣ снисхожденія и избавилъ астраханскій посадъ отъ грозившаго ему штрафа, но предписалъ неукоснительно исполнить первоначальный указъ, съ предупрежденіемъ, что на будущее время за такое „упрямство" будутъ налагаемы строгія кары *). Вотъ во что обращалось на практикѣ постановленіе магистратской инструкціи о совѣтованіи магистратовъ съ представителями посадской общины. Обыкновенно мірской посадскій сходъ функціонировалъ обособленно отъ городового магистрата, его созывалъ староста въ особомъ помѣщеніи, спеціально приспособленномъ для „земскихъ совѣтовъ", а когда предметомъ собранія являлись выборы новыхъ магистратскихъ членовъ, тогда всѣмъ членамъ магистратскаго присутствія былъ даже запрещенъ входъ на „земскіе совѣты" и ихъ присутствіе на сходѣ являлось самымъ важнымъ поводомъ къ кассаціи избирательнаго приговора **).

Посадскіе люди, избранные міромъ въ члены магистрата, превращались въ *начальство* посада (въ магистратстскомъ регламентѣ прямо сказано: „магистратъ яко глава и *начальство* есть всему гражданству"– глава XIV ***), получавшее приказаніе изъ центра и передъ одною центральною властью обязанное служебной отчет-

*) Арх. м. ю. д. гл. маг. в. 54, № 101.
**) См., напр., арх. мин. юст., д. гл. м. в. 24, № 56, в. 55 № 48 и мног. друг.
***) П. С. З № 3708.

ностью. Напротивъ того, староста, являвшійся исполнительнымъ органомъ посадской общины, отвѣчалъ за свои дѣйствія прежде всего передъ посадскимъ сходомъ, который его провѣрялъ, учитывалъ и подвергалъ наказаніямъ за неисправность и злоупотребленія по службѣ. Эти наказанія принимали порой весьма внушительныя формы и доходили до битья батогами передъ всѣмъ міромъ *).

Указывая на всѣ эти факты, я хотѣлъ бы подчеркнуть то обстоятельство, что анализъ посадскаго самоуправленія прошлаго столѣтія не будетъ полнымъ, пока мы будемъ ограничиваться изученіемъ дѣятельности однихъ магистратскихъ учрежденій. Тѣ выводы, напримѣръ, къ которымъ пришелъ Дитятинъ относительно магистратскихъ учрежденій въ своемъ превосходномъ изслѣдованіи „Устройство и управленіе городовъ по Россіи“, было бы преждевременно распространять на характеристику всего вообще муниципальнаго строя прошлаго вѣка, пока еще не разсмотрѣна исторія посадскаго схода въ связи съ тѣми общими условіями посадской жизни, которыми опредѣлилось его устройство и его дѣятельность. Между тѣмъ изслѣдователи обыкновенно характеризовали все зданіе нашего муниципальнаго строя того времени по одному его верхнему этажу. Причина этого вполнѣ очевидна. Она обусловливалась свойствомъ того матеріала, которымъ изслѣдователи оперировали.

Многочисленные регламенты и указы XVIII ст., посвященные организаціи городского управленія и вошедшіе въ составъ полнаго собранія законовъ, касались почти исключительно однихъ магистратскихъ учрежденій. Посадскіе сходы, заслоненные магистратами отъ центральныхъ установленій, не были предметомъ ихъ вниманія, ускользали отъ ихъ регламентирующаго воздѣйствія. Конечно, эти сходы собирались на легальномъ основаніи, были предусмотрѣны закономъ; но законодатель чрезвычайно мало интересовался подробностями ихъ устройства и порядкомъ ихъ функціонированія. Въ длинныхъ регламентахъ, посвященныхъ магистратскихъ учрежденіямъ, посадскимъ сходамъ удѣлялось нѣсколько строкъ, похожихъ на глухіе, отрывочные намеки.

Въ XVIII ст. повторялось тоже самое явленіе, которые мы отмѣтили въ началѣ по уставнымъ грамотамъ XVI в.: законодательная регламентація касалась лишь тѣхъ элементовъ общинной жизни, которые по преимуществу были обращены въ сторону фискальныхъ интересовъ казны, которыми земская община непосредственно соприкасалась съ обще-государственнымъ административнымъ механизмомъ. Эти элементы и были развиты въ систему магистратскихъ учрежденій. Все остальное по прежнему

*) См., напр., Арх. м. ю., д. сената о раздорахъ и несогласіяхъ орловскаго купечества. Кн. 387—2870 л. 398 и слѣд.

почти цѣликомъ представлялось свободному воздѣйствію мѣстнаго обычая. Собрать вмѣстѣ все, что было выражено въ законодательныхъ опредѣленіяхъ и отдѣльныхъ указахъ о посадскихъ сходахъ, начиная съ реформы 90-хъ годовъ XVII в. и до изданія екатерининскаго учрежденія о губерніяхъ, не представляетъ особенной трудности. Я попытаюсь сдѣлать это въ нижеслѣдующихъ строкахъ, чтобы показать, какъ отрывочны и недостаточны были всѣ эти опредѣленія.

2. Законодательство XVIII в. о мірскихъ посадскихъ сходахъ вообще и объ избирательныхъ сходахъ въ частности.

Прежде всего существованіе посадскаго мірского схода наряду съ городовымъ магистратомъ получило законодательное признаніе уже въ самомъ установленіи выборной магистратской службы. Указы 30 января 1699 г. *) устанавливали избирательные сходы изъ всѣхъ членовъ мѣстной общины для выбора московскихъ и провинціальныхъ бурмистровъ, регламентъ главнаго магистрата 1721 г.**) (глава VI) предоставлялъ выборы магистратскихъ членовъ собранію „всѣхъ мірскихъ людей“. Въ послѣдующихъ указахъ XVIII ст. были опредѣлены нѣкоторыя дальнѣйшія подробности избирательныхъ сходовъ, которыя я разсмотрю ниже, въ другой связи.

Мірскіе выборы были не единственнымъ предметомъ, оффиціально предоставленнымъ вѣдѣнію посадскихъ сходовъ. На сходахъ производилось также „совѣтованіе о мірскихъ нуждахъ“. Регламентъ главному магистрату 1721 г. и инструкція городовымъ магистратамъ 1724 г. намѣчаютъ два типа такихъ земскихъ совѣтовъ: 1) городовымъ магистратамъ было предоставлено призывать къ себѣ представителей міра для совѣщанія съ ними о дѣлахъ. „А ежели случится, когда къ пользѣ города какому быть совѣту, и имъ для того призывать изъ первостатейныхъ и изъ среднихъ людей добрыхъ и умныхъ“ (регламентъ 1721 г., глава VI). О томъ же говорится въ 16 пунктѣ инструкціи городовымъ магистратамъ 1724 г. ***), хотя здѣсь кругъ призываемыхъ для совѣта лицъ ограничивается уже только старостами и гильдейскими старшинами: „магистрату, ежели что особливое до гражданства, а наипаче въ гражданскую жъ пользу касатися имѣетъ, надлежитъ старостъ и старшинъ призывать и съ ними совѣтовать“. Какъ мы уже видѣли выше, эти совмѣстные совѣты магистратовъ съ представителями міра не привились на практикѣ. Представителямъ міра была отведена въ данномъ случаѣ чисто совѣщательная, пассив-

*) Полн. С. Зак. №№ 1674, 1675.
**) П. С. З. № 3708.
***) П. С. З. № 4624.

ная роль, и у нихъ не было основаній ревниво настаивать на выполненіи этого параграфа регламента. А магистраты, съ своей стороны, вовсе не обнаруживали особаго вкуса пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ просить совѣтовъ у міра. Поставленные на чисто бюрократическую ногу, магистраты скоро усвоили себѣ свойственную всякой бюрократіи сомнительную увѣренность въ собственной непогрѣшимости. Выслушиванію совѣтовъ они предпочитали отдачу приказаній. Перебирая подлинныя дѣла магистратскихъ учрежденій прошлаго столѣтія, мы встрѣчали время отъ времени случаи призыва посадскихъ гражданъ въ магистратское присутствіе, но во всѣхъ этихъ случаяхъ они призывались туда не для совѣтованія о дѣлахъ, а лишь для выслушиванія обязательныхъ для міра распоряженій *). За то на ряду съ такими совѣтами инструкція узаконяла посадскіе мірскіе сходы, собиравшіеся независимо отъ магистратскаго начальства по созыву старостъ и старшинъ. Такъ, въ п. 18 раскладка подушнаго сбора и уравненіе этого сбора между плательщиками „по разсмотрѣнію каждаго гражданина въ пожиткахъ состоянія“ возлагается на „общее старостъ и старшинъ со всѣми гражданы согласіе“. Въ рѣшеніи вопроса о своевременности передѣла прежней раскладки также участвуетъ мірской сходъ.

Пунктъ 19-й инструкціи устанавливаетъ на этотъ случай слѣдующую процедуру. Вопросъ о новомъ „поравненіи“ подушныхъ окладовъ возбуждается или по инициативѣ самого магистрата или по прошенію кого-либо изъ мѣстныхъ посадскихъ людей о томъ, что „нѣкоторые пожитками пополнились, а нѣкоторые ужъ умалились“. Убѣдившись въ справедливости такого прошенія, магистратъ сообщаетъ о томъ старостамъ и старшинамъ, которые должны затѣмъ *„со всѣми гражданы о томъ совѣтовать“* и „ежели граждане не согласны въ томъ будутъ, предложить о томъ магистрату письменно“. Послѣ этого магистратъ даетъ разрѣшеніе на производство новой раскладки.

Въ 21 пунктѣ мірскому сходу предоставляется раскладывать на гражданъ всякіе экстренные сборы сверхъ окладныхъ подушныхъ денегъ, какіе будутъ назначены указами сената. Магистратъ письменно извѣщаетъ о назначеніи этихъ сборовъ старостъ, а старосты, собравъ всѣхъ старшинъ и *прочихъ гражданъ*, объявляютъ имъ о предстоящей раскладкѣ и лишь послѣ этого производится раскладка, примѣняясь къ подушнымъ окладамъ.

Таковы были функціи посадскаго схода по первымъ учреди-

---

*) Лишь въ одномъ случаѣ инструкція категорически предписывала магистратамъ дѣйствовать не иначе, какъ совмѣстно съ міромъ. По пункту 25-му сборщики окладныхъ податей выбираются магистратомъ *«общимъ съ гражданы согласіемъ»*. Далѣе, учитываютъ этихъ сборщиковъ магистраты *«обще съ выборными за присягою гражданы»*.

тельнымъ актамъ при введенiи магистратскихъ учрежденій. Затѣмъ наказомъ губернаторамъ и воеводамъ 1728 г. (п. 26) посадскимъ общинамъ было предоставлено *право самообложенія* для удовлетворенія мірскихъ нуждъ, при чемъ осуществленіе этого права было передано мірскому посадскому сходу: сборы съ посадскихъ людей на мірскія нужды — говорится въ этомъ наказѣ — *сверхъ указныхъ сборовъ* установляются не иначе, какъ по приговорамъ сходовъ за руками *всѣхъ мірскихъ людей*. Для такихъ „мірскихъ сборовъ" велись особыя „сборныя книги", такія же, какъ и для окладныхъ государственныхъ сборовъ *). Затѣмъ въ указахъ встрѣчаются и другіе бѣглые намеки на то, что законъ признавалъ самодѣятельность посадскаго схода въ области посадскаго хозяйства. — По тому же губернаторскому наказу 1728 г. всѣ излишки сверхъ установленныхъ окладовъ, поступившіе по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ, велѣно было обращать *„на общую городовую пользу"*. Какъ видно изъ одной резолюціи кабинетъ-министровъ и по нѣкоторому частному случаю, право распоряженія этими суммами признавалось не только за мѣстными магистратами и ратушами, но и за мірскимъ посадскимъ сходомъ. Въ 1732 г. тульская ратуша взяла на себя съ разрѣшенія сената таможенные и прочіе сборы на томъ условіи, чтобы изъ сверхъокладныхъ приборовъ $^2/_3$ поступало въ казну вмѣстѣ съ окладной суммой, а $^1/_3$ обращалась на общегородовую пользу. Въ 1739 г. явилась надобность произвести ремонтъ обветшавшаго тульскаго гостиннаго двора и таможенныхъ покоевъ. Тульское купечество возбудило чрезъ своего повѣреннаго ходатайство передъ сенатомъ о томъ, чтобы расходы по этому ремонту были отнесены на счетъ *казенной* доли приборныхъ суммъ, скопившихся въ ратушѣ за 1733—1739 гг. По этому ходатайству послѣдовало утвержденное кабинетомъ мнѣніе сената: обратить на этотъ ремонтъ *казенныя* доли приборныхъ денегъ, такъ какъ по указу 1793 года изъ приказа большой казны строенія этого рода велѣно принимать на счетъ казны, но, если стоимость ремонта превыситъ казенныя доли, въ такомъ случаѣ употребить въ расходъ и ту часть прибора, которая оставлена на гражданскія нужды, однако, не иначе, какъ *„съ общаго тульской ратуши и мірскихъ людей приговора"* **). Итакъ, постановленіе ратуши признано здѣсь недостаточнымъ для производства ассигновки изъ мірскихъ суммъ, требуется сверхъ того и согласіе посадскаго схода.

Вопросъ объ отчисленіи сверхъокладныхъ приборовъ въ разрядъ мірскихъ суммъ, предназначенныхъ на удовлетвореніе мѣст-

---

*) П. С. З. № 5333, № 8504, п. 6. Итакъ, Дитятинъ неправильно отрицаетъ право самообложенія за посадскими общинами XVIII вѣка.

**) П. С. З. № 7975.

ныхъ потребностей, не разъ привлекалъ къ себѣ вниманіе законодательства. Въ связи съ разработкой этого вопроса каждый разъ затрогивался такъ или иначе и вопросъ о распорядительной власти посадскаго схода по отношенію къ этимъ суммамъ.—Губернаторскимъ наказомъ 1728 г., какъ мы только что видѣли, постановлялось всѣ такіе приборы полностью обращать на общую городовую пользу. На практикѣ, однако, тотчасъ обозначилась тенденція къ ограниченію этого постановленія Казна не могла равнодушно воздержаться отъ всякихъ поползновеній на эти свободные остатки. Отдѣльные контракты, утверждавшіеся сенатомъ при отдачѣ сборовъ на ратуши, игнорировали вышеупомянутый пунктъ губернаторскаго наказа, произвольно распредѣляя, „приборныя суммы" между казной и мѣстной общиной въ разнообразныхъ пропорціяхъ. Потому-то и тульскіе приборы по условію 1732 г. распредѣлились на двѣ части: $^2/_3$ отбирались въ казну и только $^1/_3$ пріобщалась къ мѣстному посадскому бюджету. Эти отступленія отъ закона пустили такіе глубокіе корни въ текущей практикѣ, что скоро явилась потребность видоизмѣнить и самый законъ, примѣнительно къ жизненному опыту. Въ 1735 г. сенатъ указалъ оставлять только $^1/_{10}$ часть приборныхъ денегъ на мірскіе расходы, а $^9/_{10}$ отсылать въ казенныя рентереи.

Рѣзкая несоразмѣрность установленной здѣсь пропорціи между казенной и мірской долями показывала, что съ теченіемъ времени въ подлежащихъ сферахъ все болѣе усиливались чисто фискальныя соображенія, неблагопріятныя для рѣшенія вопроса о приборахъ согласно съ интересами мірского хозяйства. Наконецъ, черезъ два года—въ 1737 г.—резолюціей кабинета уже всѣ приборы цѣликомъ постановлено отсылать въ казенныя рентереи *). Съ тѣмъ вмѣстѣ урѣзывалась и компетенція посадскаго схода въ сферѣ городского хозяйства. Однако, въ 1745 г. вопросъ о приборахъ снова былъ поднятъ. Указъ 1737 г. въ свою очередь плохо соблюдался на практикѣ. Въ рентереи поступала по прежнему лишь часть приборныхъ суммъ, остальное удерживалось на мірскія нужды. Въ виду такого неопредѣленнаго состоянія этой отрасли посадскихъ финансовъ въ 1745 г. предписывается собрать въ камеръ-коллегію и главный магистратъ вѣдомости о количествѣ всѣхъ накопившихся за 1738—1745 гг. приборовъ по всѣмъ ратушамъ и, на основаніи этихъ вѣдомостей, камеръ-коллегіи сообща съ главнымъ магистратомъ учинить разслѣдованіе, на сколько цѣлесообразны были произведенныя изъ тѣхъ приборовъ затраты на мірскія нужды, какія изъ этихъ затратъ могутъ быть зачтены городовымъ ратушамъ и какія подлежатъ взысканію, какъ допущенныя безъ достаточныхъ основаній. Свои заключенія о рас-

*) Какъ видно изъ вышеприведеннаго дѣла о тульскихъ приборахъ, этотъ указъ не получилъ обратной силы.

ходованіи приборовъ по каждому городу камеръ-коллегія и главный магистратъ должны были представить въ сенатъ. Впредь до окончанія этого разбора, городовымъ ратушамъ и посадскимъ сходамъ безусловно воспрещалось расходовать приборныя суммы иначе, какъ по спеціальнымъ предписаніямъ. Приборныя деньги должны были храниться въ городовыхъ магистратахъ и ратушахъ уже безъ сдачи ихъ въ рентереи, но распоряженіе этими суммами сосредоточивалось всецѣло въ главномъ магистратѣ. Мѣстные органы были совершенно отстранены отъ завѣдыванія ими. Главному магистрату предоставлялось обращать часть городовыхъ приборовъ на покрытіе недоборовъ слѣдующихъ лѣтъ, онъ могъ даже зачитать приборы одного города за недоборы другихъ городовъ въ томъ случаѣ, если причины недоборовъ будутъ признаны имъ уважительными.

Такимъ образомъ, приборные остатки окончательно утрачивали мѣстный характеръ. Ихъ назначеніе суживалось. Преимущественно передъ всѣми другими мѣстными нуждами они должны были употребляться теперь на покрытіе тѣхъ же государственныхъ недоимокъ. И лишь послѣ того, какъ повсемѣстно исчезнетъ недоимочность по государственнымъ сборамъ, отданнымъ на магистраты и ратуши, когда платежныя вѣдомости всѣхъ городовъ будутъ показывать одни сплошные приборы,— указъ допускаетъ возможность обращенія части этихъ приборовъ на мѣстныя нужды, какъ-то: строеніе госпиталей, богадѣленъ, ремонтированіе магистратскихъ зданій и т. д. Но и въ этомъ — несомнѣнно весьма проблематичномъ—случаѣ распоряженіе приборными суммами сохраняется лишь за центральной администраціей: главный магистратъ представляетъ въ сенатъ свои предположенія о томъ, въ какихъ именно городахъ возможно приступить къ подобнымъ работамъ, которыя и производятся по утвержденнымъ сенатомъ смѣтамъ. Предоставленное нѣкогда мірскому посадскому сходу право распоряженія подобными суммами цѣликомъ выскользнуло теперь изъ его рукъ. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ указѣ опять находимъ ограниченіе компетенціи мѣстнаго магистрата въ пользу посадскаго схода въ области посадскихъ финансовъ. Если по причинѣ „убожества" мѣстнаго купечества посадъ будетъ не въ силахъ выплачивать подушный сборъ за убылыя души—за умершихъ, бѣглыхъ, отданныхъ въ рекруты и т. д., то посадской общинѣ предоставляется возбудить ходатайство передъ главнымъ магистратомъ о воспособленіи изъ накопившихся ранѣе приборныхъ суммъ. Приговоръ о возбужденіи такого ходатайства долженъ состояться не въ магистратѣ, а непремѣнно на мірскомъ сходѣ, съ общаго согласія всѣхъ гражданъ всѣхъ трехъ гильдій. Итакъ, посадскій сходъ по прежнему остался въ вопросахъ о посадскихъ платежахъ рѣшающей инстанціей въ ряду мѣстныхъ органовъ посадскаго самоуправле-

нія. Измѣнились только предѣлы той власти, которая вообще предоставлялась мѣстнымъ органамъ въ этомъ отношеніи. Раньше сходу принадлежала иниціатива въ самомъ распоряженіи приборными суммами, теперь ему предоставлена иниціитива въ возбужденіи ходатайства передъ центральными установленіями объ ассигнованіи части этихъ суммъ на восполненіе посадской недоимки.

Всѣмъ изложеннымъ постановленіямъ *) приданъ былъ временный характеръ, впредь до окончанія предпринятой ревизіи приборныхъ суммъ за 1738—1745 гг. Однако, какъ и слѣдовало ожидать, эта ревизія затянулась, и намъ неизвѣстно, была ли она даже вообще приведена къ окончанію. А между тѣмъ указъ 1745 г., содержаніе котораго мы только что изложили, продолжалъ сохранять свою силу. Еще четыре года спустя, сенатъ кладетъ его въ основаніе своихъ частныхъ распоряженій по отдѣльнымъ случаямъ **).

Наконецъ, въ матеріалѣ, вошедшемъ въ составъ „Полнаго собранія законовъ", имѣются указанія и на административно-полицейскія функціи посадскаго схода. Въ 1742 году была издана инструкція гильдейскимъ старшинамъ и старостамъ московскаго купечества. Третій пунктъ этой инструкціи предписываетъ старшинамъ и старостамъ исполнять все, что потребуетъ отъ купечества полиція, съ вѣдома ратуши и *„съ совѣта всѣхъ гражданъ"*. Объемъ возможныхъ требованій полиціи здѣсь не обозначенъ, вмѣсто чего просто приведена ссылка на X главу регламента главнаго магистрата, гдѣ, какъ извѣстно, кругъ полицейской дѣятельности очерченъ весьма широко. Недаромъ эта глава оканчивается такимъ краснорѣчивымъ опредѣленіемъ: „вкратцѣ же надъ всѣми полиція есть душа гражданства и всѣхъ добрыхъ порядковъ и фундаментальный подпоръ человѣческой безопасности и удобности". Это предписаніе ставило посадскій сходъ и его представителя—старосту въ непосредственное подчиненіе городской полиціи, учрежденію, чуждому посадскому самоуправленію. Но сходу представлялись вмѣстѣ съ тѣмъ и такія функціи полицейскаго характера, которыя служили къ огражденію интересовъ общины отъ чуждаго давленія. Я разумѣю регулированіе постойной повинности. Та же инструкція предоставляла сходу выбирать погодно изъ среды посадскихъ людей *„квартермистровъ"*, которые слѣдили за соблюденіемъ очереди при занятіи посадскихъ дворовъ воинскими постоями ***). Постойная повинность была тяжелымъ бременемъ для посадскаго населенія и право выбора „квартермистровъ" изъ среды самихъ посадскихъ

*) П. с. з. № 9208.
**) П. с. з. № 9577.
***) П. с. з. № 8504.

людей имѣло для посадовъ весьма важное значеніе. Любопытно отмѣтить, что регламентъ главнаго магистрата (глава XIII) предоставляетъ назначеніе квартермистровъ изъ посадскихъ людей *городовымъ магистратамъ*, а разсматриваемая инструкція, присвояя право выбора квартермистровъ не магистратамъ, а „совѣтамъ гражданъ", въ тоже время ссылается на XIII главу регламента. Не означаетъ ли это, что нѣкоторыя функціи городовыхъ магистратовъ *фактически* бывали перелагаемы на посадскіе сходы, при чемъ магистраты удерживали за собой лишь общее наблюденіе за дѣйствіями сходовъ? Въ такомъ случаѣ, за посадскимъ сходомъ приходится признать двойственную роль въ строѣ посадскаго самоуправленіи. Съ одной стороны, сходъ являлся органомъ посадской общины, конкуррирующимъ съ мѣстнымъ магистратомъ, ограничивающимъ компетенцію магистрата, благодаря нѣкоторымъ полномочіямъ, спеціально ему присвоеннымъ, и въ то время, какъ члены магистрата, не смотря на выборное происхожденіе своей власти, служили агентами центральнаго правительства, сходъ выступалъ органомъ общинныхъ интересовъ. Съ другой стороны, тотъ же сходъ со своимъ старостой былъ подчиненъ магистрату „яко главному начальству всего гражданства", выполнялъ по распоряженію и подъ контролемъ магистрата различныя служебныя дѣйствія, которыя были возложены по закону на обязанность магистратовъ, но которыя магистратъ перелагалъ по своему усмотрѣнію на посадскій сходъ, какъ на подчиненное себѣ мѣсто.

Въ заключеніе бѣглаго обзора матеріала полнаго собранія законовъ, касающагося посадскихъ сходовъ, я могу упомянуть еще о сенатскомъ указѣ 1760 г., коимъ за посадскими обществами, какъ и за помѣщиками, и за обществами дворцовыхъ и государственныхъ крестьянъ, признавалось право ссылать непотребныхъ и вредныхъ обществу людей въ Сибирь, съ зачетомъ ссыльныхъ въ рекруты *). Приговоры о ссылкѣ членовъ посадской общины въ Сибирь постановлялись на посадскихъ мірскихъ сходахъ.

Приведенными постановленіями исчерпываются законодательныя опредѣленія о предметахъ дѣятельности посадскихъ сходовъ отъ начала царствованія Петра I до половины 70-хъ гг. прошлаго столѣтія. Ихъ можно дополнить лишь немногими постановленіями о личномъ составѣ и условіяхъ созыва сходовъ, на которыхъ я остановлюсь ниже.

Читатель согласится съ нами, что эти постановленія не даютъ яснаго представленія о посадскомъ сходѣ, какъ органѣ общинно-посадской жизни. Между тѣмъ наши архивы сохранили весьма обильный матеріалъ, на основаніи котораго можно съ большей отчетливостью опредѣлить организацію и значеніе посадскаго

*) П. с. з. № 11.166.

схода прошлаго столѣтія, его отношеніе къ магистратскимъ учрежденіямъ, его связь съ коренными условіями посадскаго быта. Документы, сюда относящіеся, сохранились преимущественно въ дѣлопроизводствѣ главнаго и городовыхъ магистратовъ прошлаго вѣка. Отлагая до другого времени всесторонній анализъ этихъ документовъ, я намѣренъ разсмотрѣть въ предлагаемомъ очеркѣ лишь одну категорію посадскихъ сходовъ, именно тѣ сходы, на которыхъ производились выборы магистратскихъ членовъ. Изученіе этихъ сходовъ вводитъ насъ въ центръ посадскихъ интересовъ, въ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ внутренней жизни посада. Тотъ или другой исходъ такихъ выборовъ довольно глубоко захватываетъ интересы посадскаго населенія. Съ одной стороны, избранные въ члены магистрата получали весьма обширную власть надъ „гражданами“ посада, которая могла превратиться въ ихъ рукахъ — что и бывало часто на самомъ дѣлѣ—въ опасное орудіе всевозможныхъ злоупотребленій, дорого стоившихъ посадскимъ жителямъ. Съ другой стороны, члены общины, приложившіе руки къ выбору магистратскаго чиновника, сами становились отвѣтственными передъ высшими властями за дѣйствія своего избранника. Эта отвѣтственность была тѣмъ тяжелѣе, что она отнюдь не соединялась для отвѣтчика съ правомъ контроля надъ своимъ избранникомъ, съ правомъ по своему усмотрѣнію своевременно замѣнить его другимъ въ томъ случаѣ, если онъ не оправдывалъ возлагавшихся на него ожиданій. Избиратели не могли смѣнять выбранныхъ ими лицъ; все, что они могли, это — „бить челомъ“ у подлежащаго начальства о позволеніи произвести новые выборы. Челобитье могло не увѣнчаться успѣхомъ, но это обстоятельство нисколько не избавляло избирателей объ обязанности отвѣчать за тѣхъ, о смѣнѣ кого они просили. Такое своеобразное сочетаніе обязанности съ отрицаніемъ соотвѣтствующаго ей права указываетъ намъ на глубоко-архаическій характеръ, которымъ была проникнута организація посадскаго самоуправленія въ прошломъ вѣкѣ. Это сочетаніе цѣликомъ переноситъ насъ къ традиціямъ московскаго государства XVI—XVII ст.

Уже одна эта черта достаточно объясняетъ, почему посадскіе выборы сплошь и рядомъ сопровождались ожесточеннѣйшей борьбой различныхъ партій, на которыя разбивалась каждая посадская община. Нерѣдко избирательная борьба принимала до дикости рѣзкія формы и затягивалась на нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ. Мѣстнымъ властямъ не разъ приходилось въ этомъ случаѣ доносить въ главный магистратъ и въ сенатъ: „едва мало что не всѣ граждане состоятъ въ великомъ несогласіи“ *).

Наряду съ общей постановкой магистратской службы пар-

---

*) Арх. м. ю. д. гл. маг. вяз. 3, № 10 и мног. друг.

тійная борьба избирателей вызывалась и разжигалась экономическимъ антагонизмомъ различныхъ слоевъ посадскаго населенія. *Избирательная борьба* вскрываетъ передъ нами еще болѣе глубокую *соціальную борьбу*, разъѣдавшую посадскую общину прошлаго вѣка. Выборы въ члены магистрата являлись обыкновенно наиболѣе жгучимъ предлогомъ для открытаго обнаруженія этого коренного междупосадскаго антатонизма. Такимъ образомъ, изученіе избирательныхъ посадскихъ сходовъ можетъ содѣйствовать въ одно и тоже время и пополненію того, что уже извѣстно о постановкѣ магистратской службы прошлаго столѣтія, и освѣщенію нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ внутренней жизни посадской общины того времени, до сихъ поръ не служившихъ еще предметомъ систематическаго разсмотрѣнія. Съ этихъ двухъ точекъ зрѣнія я и попытаюсь подойти къ занимающему насъ матеріалу.

Законодательныя постановленія прошлаго вѣка, касавшіяся спеціально выборовъ въ магистратскіе члены, также необильны, какъ и все вообще законодательство о посадскихъ сходахъ. Процедура выборовъ была относима къ кругу тѣхъ вопросовъ, которые касались всецѣло внутреннихъ интересовъ общины; интересы казны, государства начинались лишь тамъ, гдѣ возникалъ вопросъ объ отвѣтственности за результаты уже произведенныхъ выборовъ. Указы 1699 г., установившіе выборныхъ бурмистровъ въ центральной „бурмистерской палатѣ" и по городовымъ земскимъ избамъ, можно сказать, совсѣмъ упраздняли вопросъ о самой организаціи выборовъ. Въ указѣ объ учрежденіи бурмистерской палаты сказано только: „выбирать въ нихъ (въ бурмистры) имъ изъ гостей и сотенъ и слободъ, *кого они межъ себя хотятъ и поскольку человѣкъ похотятъ*"; въ указѣ о городовыхъ земскихъ избахъ, городамъ, которые того пожелаютъ, предоставлено выбирать въ бурмистры „межъ себя изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей" *). Мы видимъ здѣсь не простое умолчаніе о порядкѣ выборовъ, не пробѣлъ закона, а категорическое предоставленіе общинѣ опредѣлять этотъ порядокъ по своему усмотрѣнію. Условія избранія, процедура избранія, количество избираемыхъ лицъ,— все это поставлено въ зависимость отъ того, какъ члены общины „межъ себя похотятъ"; для всего этого не признается необходимымъ какого-либо *неизмѣннаго единообразія*. Введено только одно обязательное условіе: бурмистры избираются на годъ и ежегодно перемѣняются. Отвѣтомъ на это провозглашеніе государственнаго невмѣшательства во внутренній распорядокъ общинныхъ выборовъ явилось „письмо", поданное гостями въ Разрядъ черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ изданія вышеупомянутыхъ указовъ**).

*) П. с. з. № 1674, 1675.
**) П. с. з. № 1683.

Гости просили въ этомъ „письмѣ“ выдать бурмистрамъ указъ съ дьячьей приписью о предметахъ ихъ вѣдомства и указывали на необходимость различныхъ дальнѣйшихъ постановленій въ разъясненіе характера вновь вводимыхъ учрежденій. Очевидно, населеніе недоумѣвало, что ему дѣлать съ такимъ страннымъ учредительнымъ актомъ, который весь былъ составленъ изъ намековъ и недоконченныхъ мыслей. Въ одномъ изъ пунктовъ своего „письма“ гости возбудили вопросъ и о порядкѣ выборовъ въ бурмистры. Они предложили слѣдующее: установить, чтобы бурмистровъ было избираемо 12 человѣкъ: 4—отъ гостей, 4—отъ гостинной сотни и 4—отъ всѣхъ слободъ и черныхъ сотенъ. Итакъ, при первой же попыткѣ законодателя XVIII вѣка урегулировать строй посадскаго самоуправленія прежде всего всплылъ вопросъ о взаимномъ отношеніи различныхъ слоевъ посадскаго населенія относительно участія въ выборныхъ учрежденіяхъ. Тенденція представленнаго гостями проекта ясна—онъ устанавливалъ крайне неравномѣрное распредѣленіе представительства въ бурмистерской палатѣ для верхнихъ и низшихъ слоевъ посадской общины. Сравнительно незначительная по количеству кучка гостей и гостинной сотни должна была, согласно проекту, получить $^2/_3$ мѣстъ въ бурмистерской палатѣ, тогда какъ для всѣхъ слободъ и черныхъ сотенъ оставалось $^1/_3$. Мы не знаемъ, что побудило гостей испрашивать правительственнаго утвержденія для ихъ проекта, послѣ того, какъ законъ опредѣленно предоставилъ такого рода вопросы усмотрѣнію самой общины. Не дѣйствовало ли тутъ желаніе предотвратить такимъ путемъ возможную оппозицію со стороны низшихъ слоевъ посадскаго населенія? Любопытно, что въ отвѣтѣ на этотъ пунктъ снова было подчеркнуто выраженное раньше начало, а именно—въ резолюціи по этому пункту было сказано только: „бурмистровъ выбирать *межъ себя*“ и больше ничего. Однако, мѣсяцъ спустя, вопросъ о представительствѣ разныхъ слоевъ общины былъ разрѣшенъ все же при помощи правительственнаго вмѣшательства, хотя и не совсѣмъ въ духѣ притязаній гостей. Именнымъ указомъ 17 апрѣля 1699 г.*) было постановлено: жителей малыхъ слободъ—селъ въ 20-30—совсѣмъ устранить отъ выборовъ, выборы установить двухстепенные, первоначально отъ гостей, отъ гостинной сотни и отъ каждой слободы выбирается по одному человѣку, затѣмъ изъ числа всѣхъ избранныхъ выбираются уже члены бурмистерской палаты въ количествѣ 12 человѣкъ на одинъ годъ. Повидимому, такой порядокъ выборовъ предназначался и для городовыхъ бурмистровъ **). Такимъ образомъ, всѣ разряды посадскаго населенія получили въ

*) П. с. з. № 1685.
**) П. с. з. № 1686.

концѣ концовъ, если не de facto, то de jure, равномѣрное представительство въ бурмистерскихъ учрежденіяхъ.

Однако это установленіе не было сохранено при замѣнѣ бурмистерскихъ избъ магистратскими учрежденіями въ 20-хъ годахъ XVIII-го столѣтія. Магистратскій регламентъ *) уже нѣсколько подробнѣе регламентируетъ посадскіе выборы. Онъ точно опредѣляетъ число магистратскихъ членовъ, раздѣляя въ этомъ отношеніи города на нѣсколько разрядовъ, смотря по количеству дворовъ, онъ предначертываетъ и нѣкоторыя условія избираемости въ магистратскія должности. Основной принципъ регламента въ этомъ отношеніи рѣзко расходится съ апрѣльскимъ указомъ 1699 г. Магистратскому присутствію сообщается здѣсь олигархическій характеръ: въ члены магистратовъ могутъ быть выбираемы только лица изъ состава гостей, гостинной сотни и гостинныхъ дѣтей и изъ гражданъ первостатейныхъ (глава VI регламента). Городское самоуправленіе отдается въ руки мѣстной плутократіи. Не только пассивное, но и активное избирательное право монополизируется теперь въ пользу однихъ высшихъ слоевъ посадскаго населенія. Въ той же главѣ регламента читаемъ: „губернаторамъ, вице-губернаторамъ и воеводамъ во всякомъ надлежитъ городѣ, бургомистровъ и *первыхъ мірскихъ людей* призвавъ, предложить имъ... выбрали бы они къ магистратскому дѣлу между собою въ президенты и бургомистры и ратманы изъ первостатейныхъ добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей...“

Регламентъ 1721 г. уже не обходитъ полнымъ молчаніемъ вопроса о самомъ порядкѣ выборовъ. Онъ предписываетъ выбирать въ члены магистратовъ тѣхъ, *„на которыхъ больше голосовъ будетъ“*. Правда, это бѣглое упоминаніе оставляло еще весьма обширное поле для всякаго рода недоразумѣній. Отнюдь нельзя сказать, что порядокъ выборовъ устанавливался имъ прочно и опредѣленно, и мы скоро увидимъ, въ какихъ разнородныхъ смыслахъ понималось это предписаніе въ текущей практикѣ посадскихъ избирательныхъ собраній.

Магистратскія учрежденія были отмѣнены тотчасъ по смерти Петра. Но введенное регламентомъ въ посадскіе выборы олигархическое начало не только не было оставлено, но получило, напротивъ, дальнѣйшее развитіе. Послѣ регламента 1721 г. важнѣйшимъ актомъ по законодательному урегулированію посадскихъ выборовъ явился именной указъ 28 іюня 1731 г. **). И на этотъ разъ вмѣшательство законодателя было вызвано запросами самого посадскаго населенія. Указъ былъ изданъ по докладу коммиссіи о коммерціи, составленному на основаніи челобитій посадскихъ обществъ. Ни одинъ законодательный актъ не входилъ

*) П. с. з. № 3708.
**) П. с. з. № 5794.

еще въ столь подробную регламентацію избирательныхъ посадскихъ сходовъ. Мы разсмотримъ попристальнѣе содержаніе этого указа.

Мы находимъ въ немъ, во-первыхъ, нѣсколько формальныхъ опредѣленій, направленныхъ на защиту избирательнаго схода отъ различныхъ внѣшнихъ давленій, на обезпеченіе полной свободы и независимости схода. Строго предписывалось губернаторамъ и воеводамъ „ничѣмъ до выборовъ не касаться и собою не перемѣнять и другихъ выбирать не вынуждать". Повтореніе этого запрещенія, уже вошедшаго въ магистратскій регламентъ 1721 г., было весьма важно послѣ того, какъ магистраты были отмѣнены, а возобновленныя ратуши были подчинены воеводамъ и губернаторамъ. Далѣе запрещалось участвовать въ выборахъ и „прикладывать руки" къ избирательнымъ приговорамъ тѣмъ лицамъ, на смѣну которыхъ производятся выборы, а также и ихъ родственникамъ, „дабы не могли принудить общество къ выбору самихъ себя, или кто имъ надобенъ". Во-вторыхъ, указъ впервые устанавливалъ нѣкоторыя ограниченія для опредѣленія кандидатовъ на выборныя должности. Основная идея этихъ ограниченій очевидна: они должны были смягчить, по возможности, тотъ ущербъ, который наносился торговлѣ и промышленности отвлеченіемъ посадскихъ людей къ службамъ съ тѣмъ, однако, чтобы подобныя изъятія не обременили и посадскую общину чрезмѣрной неуравнительностью посадскихъ службъ. Такъ, при выборахъ предписывалось обходить *одинокихъ*, не семьянистыхъ людей, имѣющихъ отъѣзжіе или лавочные торги или промыслы и не могущихъ никѣмъ замѣнить себя въ торговомъ дѣлѣ на время своей службы. Въ случаяхъ крайней необходимости, выборъ одинокихъ былъ дозволенъ, но съ тѣмъ, чтобы для нихъ во всякомъ случаѣ были установляемы болѣе рѣдкія очереди, чѣмъ для семьянистыхъ. Свободу отъ обязательныхъ службъ получали также фабриканты и заводчики. Это изъятіе еще со времени Петра Великаго входило въ кругъ тѣхъ разнообразныхъ привилегій, которыми правительство стремилось побудить населеніе къ размноженію отечественныхъ мануфактуръ. Подтверждая это изъятіе, указъ 1731 г. ставитъ, въ интересахъ посадской общины, нѣкоторыя границы его примѣненію. Предоставленныя фабрикантамъ и заводчикамъ привилегіи послужили источникомъ многихъ злоупотребленій. Произведенная въ 30-хъ годахъ ревизія фабрикъ обнаружила не мало фабрикъ, заведенныхъ только на бумагѣ, „для лица", какъ выражается указъ 1731 г., исключительно ради щедрыхъ льготъ разнаго рода, сопряженныхъ съ званіемъ фабриканта. Кромѣ того, освобожденіе всѣхъ фабрикантовъ отъ несенія посадскихъ службъ и повинностей обременяло посадскую общину, увеличивая неуравнительность въ раскладкѣ очередныхъ службъ. Въ силу всего этого, указомъ 1731 г. предписывалось

впредь освобождать не всѣхъ вообще фабрикантовъ отъ очередныхъ службъ, но лишь тѣхъ изъ нихъ, которые *впервые* заведутъ какую-либо новую въ Россiи отрасль фабричнаго или заводскаго производства, строго наблюдая, чтобы и въ этомъ разрядѣ отнюдь не было фиктивныхъ фабрикъ. Изложенныя опредѣленiя не относились спецiально къ ратушской службѣ, а касались всѣхъ очередныхъ посадскихъ службъ. Но ихъ необходимо было привести въ настоящемъ обзорѣ, такъ какъ они играли немаловажную роль въ практикѣ ратушскихъ и магистратскихъ выборовъ.

Ограждая независимость избирательнаго схода отъ давленiя администрацiи, стремясь обезпечить посадской общинѣ возможно большую уравнительность въ отправленiи выборной службы, указъ 1731 г. въ то же время вноситъ весьма важное измѣненiе въ организацiю избирательнаго схода, въ полномъ согласiи, впрочемъ, съ той олигархической тенденцiей, которая выразилась уже въ регламентѣ 1721 г. Указъ 1731 г. дробитъ на части единый обще-посадскiй избирательный сходъ примѣнительно къ соцiально-экономической группировкѣ различныхъ слоевъ посадскаго населенiя. Къ выборамъ въ бургомистры допускаются только первостатейные и среднестатейные люди; къ выборамъ въ цѣловальники, счетчики и вообще второстепенные агенты выборной администрацiи допускаются только люди меньшей статьи, „дабы—сказано въ указѣ—первостепенные и среднiе, зная между себя достойныхъ людей, къ дѣламъ выбирали и меньшей статьѣ въ томъ выборѣ съ ними не мѣшаться, а въ товарищи и подчиненные меньшая статья съ своей стороны, кому вѣрятъ, выбирали-жъ, и въ томъ имъ отъ первостатейныхъ и отъ среднихъ не препятствовать“. Въ этихъ строкахъ указа рисуется глубокая взаимная отчужденность различныхъ слоевъ посадскаго населенiя, отмѣчается рѣзкая соцiально-экономическая дифференцiацiя въ средѣ посадской общины. Какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, въ дѣйствительности эта дифференцiацiя шла еще глубже, чѣмъ намѣчено въ указѣ; первая и средняя статьи посадскихъ людей, отнесенныя указомъ въ общую однородную группу въ противоположность меньшей статьѣ, въ свою очередь раздѣлялись другъ отъ друга постоянно вспыхивающимъ антагонизмомъ.

Теперь спрашивается, какими мотивами руководствовался законодатель, создавая для высшихъ слоевъ посадскаго населенiя исключительное положенiе въ сферѣ городской выборной службы и совершенно отстраняя меньшую статью не только отъ занятiя ратушскихъ должностей, но и отъ всякаго влiянiя на выборъ должностныхъ ратушскихъ лицъ? Эти мотивы прямо не раскрыты въ указѣ, но въ одномъ мѣстѣ указа можно найти довольно прозрачный на нихъ намекъ: пунктъ 11-й, посвященный опредѣленiю состава избирательнаго схода, заканчивается напоминанiемъ, что за недоборы и всякiя упущенiя со стороны выбранныхъ лицъ взы-

сканіе будетъ падать и на избирателей. Теперь для насъ ясенъ источникъ той олигархической тенденціи, которая постепенно просачивалась въ законодательство о посадскихъ выборахъ. Допуская въ число избирателей при выборахъ въ наиболѣе отвѣтственныя должности лишь наиболѣе состоятельныхъ членовъ посадской общины, законодатель стремился обставить выборную службу надежнѣйшимъ имущественнымъ поручительствомъ въ огражденіе интересовъ казны. Законодательство о выборной службѣ продолжало сохранять свой чисто фискальный характеръ. Тотъ же самый мотивъ продиктовалъ предоставленіе и пассивнаго выборнаго права однимъ первостатейнымъ гражданамъ. Это лучше всего выясняется изъ п. 5-го того же указа 1731 г. Важенъ не самъ по себѣ фактъ замѣщенія выборной должности непремѣнно первостатейнымъ человѣкомъ, важно лишь обезпеченіе возможныхъ вслѣдствіе служебныхъ упущеній убытковъ для казны капиталомъ первостатейнаго разряда; потому-то выбранному въ службу „знатному и пожиточному" купцу дозволяется поставить за себя по свободному соглашенію другого купца, но съ выдачей ратушѣ письменнаго обязательства брать на себя отвѣтственность за всѣ начеты и упущенія, которыя будутъ допущены его замѣстителемъ. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что окончательное регулированіе состава избирательнаго схода совпало по времени какъ разъ съ тѣмъ моментомъ, когда взиманіе городскихъ сборовъ, послѣ кратковременнаго опыта передачи его отставнымъ военнымъ, снова было возложено на выборныхъ посадскими обществами купцовъ подъ смотрѣніемъ магистратовъ и ратушъ *).

Итакъ, согласованіе порядка посадскихъ выборовъ съ фискальными интересами государства стояло на первомъ планѣ въ глазахъ законодателя. Затѣмъ, въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ интересы самихъ посадскихъ обществъ не сталкивались съ этими фискальными мотивами, государственная власть охотно узаконяла различныя облегченія по несенію выборной службы, согласно заявленіямъ самого посадскаго населенія. Сюда относятся приведенныя выше постановленія объ устраненіи нѣкоторыхъ чиновъ посадской общины отъ выборныхъ службъ, сюда относится также и законодательная разработка вопроса о *срокахъ* магистратской и ратушской службы. До изданія магистратскаго регламента выборная служба въ бурмистрахъ была ограничена годичнымъ срокомъ. Въ регламентѣ 1721 г. о срокахъ магистратской службы ничего не упомянуто, что понималось на практикѣ, какъ установленіе *безсрочной* службы. Съ отмѣной магистратовъ, въ 1728 г. былъ возстановленъ годичный срокъ бурмистерской

*) Ср. П. Н. Милюковъ. Государств. хозяйство Россіи и реформа Петра Великаго, стр. 692.

службы. Іюньскій указъ 1731 г. установилъ болѣе длинный срокъ въ *три* года, предоставивъ посадскому міру право перемѣнять выбранныхъ бурмистровъ и до истеченія трехлѣтія, въ случаѣ недовольства ихъ дѣятельностью, но не иначе, какъ въ началѣ каждаго служебнаго года. Удлиненіе срока выборной службы отяготило посадскія общества и вызвало рядъ челобитій о возстановленіи погодной службы. Такъ, напр., въ челобитьѣ калужскаго и тульскаго посадовъ указывалось на то, что послѣ устраненія отъ ратушской службы одинокихъ лицъ по указу 1731 г. кругъ возможныхъ кандидатовъ на бурмистерскія должности очень сократился, тѣмъ болѣе, что многіе семьянистые купцы уѣзжаютъ для торговъ къ портамъ, на Украйну, въ Персію, въ Китай, не мало посадскихъ людей отвлекается къ выполненію подводной повинности, вслѣдствіе большого движенія полковъ чрезъ эти города, и къ призывамъ на различныя казенныя отхожія работы. Такимъ образомъ, трехлѣтняя бурмистерская служба падаетъ на небольшую кучку гражданъ, которымъ отяготительно отрываться отъ своихъ домашнихъ занятій на столь долгое время безъ болѣе частой смѣны. Въ виду подобныхъ заявленій, кабинетъ постановилъ 10 января 1739 г., не прибѣгая къ общему измѣненію узаконеннаго порядка, допустить погодную смѣну бурмистровъ въ Калугѣ и Тулѣ, а также и въ другихъ городахъ, *отъ которыхъ поступятъ о томъ челобитья* *). Въ полн. собраніи законовъ находимъ затѣмъ одинъ частный случай примѣненія этой резолюціи кабинета: въ 1741 г. указанной льготой воспользовался псковскій посадъ **). Можно предполагать, что въ дѣйствительности случаи примѣненія этой льготы были гораздо обильнѣе. Архивный матеріалъ подтверждаетъ это предположеніе. Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго вѣка практиковались выборы ратушскихъ членовъ на одинъ годъ. Это явствуетъ изъ одного дѣла о московскихъ посадскихъ выборахъ 1744 года. Между избирателями, какъ это бывало въ большинствѣ случаевъ, произошелъ расколъ. Восемь человѣкъ написали выборъ въ бургомистры на трехъ лицъ—Козьму Андронова, Панкрата Павлова и Петра Каблукова. Противъ этого выбора протестовала другая группа купцовъ 1-й и 2-й гильдій. Въ числѣ мотивовъ протеста находимъ, между прочимъ, указаніе на то обстоятельство, что двое изъ вышеназванныхъ кандидатовъ уже были выбраны однажды въ ратушскіе члены въ 1742 г. и тогда въ избирательномъ приговорѣ было опредѣленно написано, *что ихъ выбираютъ лишь на одинъ годъ*, между тѣмъ они нарушили постановленіе своихъ выбирателей и своевольно пробыли въ

---

*) П. с. з. № 7728.
**) П. с. з. № 8439.

должности сверхъ срока два съ половиною мѣсяца, не требуя себѣ перемѣны *).

Тѣмъ же путемъ послѣдовательныхъ мірскихъ челобитій посадскія общества добились отмѣны отяготительнаго правила о высылкѣ избранныхъ въ магистратскія должности лицъ въ столицу для освидѣтельствованія ихъ въ магистратѣ прежде окончательнаго утвержденія ихъ въ должности. Это правило, въ особенности при тогдашнихъ путяхъ и средствахъ сообщенія, во многихъ отношеніяхъ изнуряло посадскія общества, вводило міръ въ крупныя издержки, такъ какъ расходы по поѣздкѣ кандидатовъ въ столицу оплачивались всей общиной по мірской раскладкѣ. Первоначально и въ этомъ случаѣ правительство ограничивалось единичными отступленіями отъ общаго порядка по отдѣльнымъ челобитьямъ. Въ указахъ упоминается о подобныхъ распоряженіяхъ въ видѣ частныхъ льготъ для новоторжскаго посада въ 1757 г., для тверского—1758 г. Въ 1760 г., въ виду постояннаго поступленія такихъ челобитій отъ разныхъ посадовъ, сенатъ уже въ качествѣ общей мѣры отмѣнилъ высылку выбранныхъ магистратскихъ членовъ въ столицу, принявъ въ соображеніе, что эта высылка была установлена регламентомъ 1721 г. для того, чтобы магистратскіе члены лучше могли выразумѣть подъ руководствомъ главнаго магистрата только что изданную тогда магистратскую инструкцію, между тѣмъ какъ продолжительная практика магистратскихъ учрежденій устранила необходимость этой мѣры **).

Указъ 1731 г. съ примыкавшими къ нему такъ или иначе послѣдующими постановленіями представилъ собою какъ бы основное положеніе о порядкѣ посадскихъ выборовъ и ратушской службы, замѣнившее собою магистратскій регламентъ Петра Великаго. Является вопросъ, въ какой мѣрѣ сохранили силу установленія этого указа по возобновленіи магистратскихъ учрежденій при Елизаветѣ, когда въ 1743 г. было указано: „магистратамъ быть *на прежнемъ основаніи*, какъ оные были“ ***) и, слѣдовательно, петровскій регламентъ былъ признанъ возстановленнымъ во всемъ своемъ объемѣ? Дѣлопроизводство магистратскихъ учрежденій второй половины прошлаго вѣка позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ. Въ тѣхъ пунктахъ, по которымъ старый регламентъ содержалъ въ себѣ опредѣленныя постановленія, противорѣчившія позднѣйшимъ указамъ, эти указы теряли силу въ 1743 г. Такъ, напр., магистратская служба снова была признана безсрочною. Магистратскіе члены смѣнялись лишь

*) Арх. мин. юст. Дѣла гл. маг. вязка 13, № 33.

**) П. с. з. № 10746; 11126. Тоже въ 1758 г. для Тихвина, Арх. м. ю. д. гл. маг. в. 56, № 27.

***) П. с. з. № 8734.

по особому ходатайству ихъ самихъ или посадскихъ общинъ. Такъ, въ 1757 г. сенатъ постановилъ смѣнить новоторжскихъ бургомистровъ и ратмановъ на основаніи донесенія новоторжскаго магистрата, гдѣ мотивомъ просьбы была выставлена долговременная безсмѣнность этихъ магистратскихъ членовъ, приведшая ихъ въ изнеможеніе, такъ какъ служба отрывала ихъ отъ правильнаго занятія торговыми дѣлами *). Такъ, въ 1759 г. состоялся сенатскій указъ, коимъ разрѣшалось въ силу тѣхъ-же соображеній произвести выборы въ Твери лишь на три года **). Но всѣмъ подобнымъ распоряженіямъ придавалось значеніе лишь частныхъ, исключительныхъ льготъ. Центральная власть строго слѣдила за тѣмъ, чтобы на практикѣ подобныя льготы не переходили въ общее правило и чтобы избирательныя сходы отнюдь не присваивали себѣ права устанавливать въ своихъ приговорахъ срочность магистратской выборной службы. Сходы не были чужды такихъ поползновеній, слѣды которыхъ находимъ въ одномъ любопытномъ челобитьѣ. Въ 1746 г. тверской бургомистръ Ѳома Козинъ подалъ челобитье въ главный магистратъ объ отрѣшеніи его отъ должности, въ который онъ находился съ 1744 года. Въ числѣ мотивовъ этой просьбы онъ приводитъ то весьма важное въ его глазахъ обстоятельство, что въ 1744 г. тверское гражданство просило его вступить въ члены магистрата съ „такимъ увѣщаніемъ, что ему послужить только два года“, а затѣмъ обѣщали его перемѣнить, а „то его магистратское служеніе противъ прочихъ купцовъ впредь зачесть ему въ службу“. Главный магистратъ согласился удовлетворить прошеніе Козина въ уваженіе различныхъ другихъ приведенныхъ имъ резоновъ, между тѣмъ какъ только что выписанное соображеніе было обойдено въ резолюціи главнаго магистрата полнымъ молчаніемъ; оно не получило никакой цѣны въ глазахъ центральнаго правительственнаго мѣста, такъ какъ самое рѣшеніе тверского схода, на которое ссылался Козинъ, не могло имѣть никакой юридической силы въ виду его противорѣчія съ закономъ ***).

Допуская въ отдѣльныхъ единичныхъ случаяхъ возвращеніе къ срочной магистратской службѣ, главный магистратъ послѣдовательно и настойчиво отклонялъ всѣ просьбы о возстановленіи служебныхъ сроковъ въ видѣ общей мѣры. Между тѣмъ эти просьбы безпрерывно неслись, можно сказать, со всѣхъ концовъ посадской Россіи въ теченіе всей второй половины XVIII-го столѣтія. Очевидно, это былъ жгучій, наболѣвшій вопросъ для посадскихъ обществъ того времени. Нѣкоторые посады считали, что и по возстановленіи магистратовъ въ 40-хъ годахъ указъ 1731 г. о трех-

*) П. с. з. № 10746.
**) Арх. мин. юст. д. главн. маг. вязка 17, № 45.
***) Арх. мин. юст. Дѣла гл. маг. в. 17, № 45.

годичномъ срокѣ магистратской службы сохранилъ свою силу и возбуждали ходатайства о сокращеніи трехгодичнаго срока на годичный. Такъ поступилъ, напр., тверской посадъ въ 1749 г. *) и, разумѣется, безуспѣшно. Какъ мы только что видѣли, тверскому посаду черезъ десять лѣтъ послѣ этого пришлось удовольствоваться и трехгодичнымъ срокомъ, лишь какъ исключительной милостью. Другіе посады были еще менѣе счастливы въ этомъ отношеніи. Всѣ ихъ челобитья объ установленіи какихъ-либо сроковъ магистратской службы встрѣчали категорическій отказъ. Безчисленные примѣры этому можно найти въ дѣлопроизводствѣ главнаго магистрата. Чтобъ не быть голословнымъ, упомяну лишь о нѣкотрыхъ изъ этихъ примѣровъ. Въ 1750 г. новоторжскій посадъ возбуждаетъ просьбу о возвращеніи къ трехгодичному сроку; въ 1747 г. купцы гжатской пристани ходатайствуютъ о годичномъ срокѣ, а, за полученіемъ на это отказа, хотя бы о трехгодичномъ „не въ примѣръ другимъ посадамъ", ссылаясь на особыя тягости, понесенныя гжатскимъ купечествомъ при заведеніи посада у этой пристани: гжатскіе купцы были вывезены къ этой пристани изъ разныхъ городовъ въ то время, когда кругомъ ея стояли одни лѣса и болота, они тратили свое иждивеніе на обстройку этого мѣста и, потерпѣвъ отъ этого значительные убытки, нуждаются въ особомъ покровительствѣ правительства. Въ 1747 г. Балахна проситъ объ установленіи годичнаго срока въ виду отсутствія въ балахнинскомъ посадѣ первостатейныхъ купцовъ, вслѣдствіе чего вся тяжесть службы падаетъ на среднестатейныхъ. Въ 1750 г. торопецкій посадъ домогается трехгодичнаго срока на основаніи указа 1731 г. Въ 1748 г. тульскій посадъ проситъ о годичномъ срокѣ. Припомнимъ, что онъ уже получилъ эту льготу въ 1739 г. (см. выше), очевидно сенатскій указъ 1739 г. тоже считался потерявшимъ свою силу послѣ возстановленія магистратскихъ учрежденій. Теперь посадъ снова вооружился тѣми же мотивами, которые однажды уже доставили ему эту льготу, и которые я привелъ выше, въ своемъ мѣстѣ, но они уже не произвели желаемаго эффекта.

Въ 1758 г. тихвинскій посадъ заговорилъ о трехгодичномъ срокѣ, пространно мотивируя свою просьбу указаніями на особенности мѣстной жизни. „Тихвинъ—говорилось въ челобитьи—именуется посадъ, а не городъ, не въ числѣ городовъ состоящій, но приписной." Купечества въ Тихвинѣ очень мало и при томъ торгующихъ изъ нихъ не болѣе четвертой части, всѣ остальные землепашцы. Они просятъ установить у нихъ трехгодичную службу въ магистратѣ, „ибо въ тѣхъ черезъ три года перемѣнахъ каждый въ надлежащемъ купечествѣ и ремеслѣ, между собою верстаясь, никогда отъ безсмѣнности упадку подверженъ быть не можетъ;

*) Ibid.

хотя черезъ такое трехлѣтнее время выбранный приметъ нѣсколько и убыль, но потомъ паки авантажъ свой и поправленіе получить можетъ.“

Въ 1751 г. купцы Нарской слободы возбудили ходатайство о погодной смѣнѣ магистратскихъ членовъ. Они указывали на то, что „за непремѣннымъ бытіемъ (этихъ членовъ) производятъ имъ подмоги на каждый годъ по 60 р., отчего де и всему купечеству состоитъ крайнее отягощеніе, а если буде по прежнему погодно съ перемѣною были, то бы купечество отъ платежа объявленной подмоги могли избѣжать безъ убытковъ“.

Не продолжаемъ примѣровъ, полагая, что и приведенные достаточно обрисовываютъ общій характеръ всѣхъ такихъ челобитій. Большинство посадовъ, возбуждавшихъ эти челобитья, усиленно подчеркивали различныя *мѣстныя* особенности, надѣясь на удовлетвореніе своей просьбы, какъ наи исключительную льготу, и понимая, на сколько расходятся ихъ домогательства съ буквою закона. Но исходъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ, можно сказать, неизсякаемыхъ попытокъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Главный магистратъ крѣпко стоялъ на формальной точкѣ зрѣнія. По всѣмъ челобитьямъ слѣдовалъ отказъ со ссылкой на регламентъ 1721 г. и съ указаніемъ на то, что указъ 1731 г. о трехлѣтней службѣ относился къ ратушамъ, подчиненнымъ воеводамъ и губернаторамъ, а не къ магистратамъ *). Въ началѣ 60-хъ годовъ этотъ назрѣвшій вопросъ обратилъ на себя пристальное вниманіе высшихъ государственныхъ учрежденій. Казалось, приближался моментъ его разрѣшенія законодательнымъ порядкомъ. Въ концѣ 1759 г. сенатъ указалъ главному магистрату „учинить разсмотрѣніе“ по разнымъ вопросамъ, касающимся магистратской службы и, между прочимъ, и по вопросу „черезъ сколько лѣтъ членовъ магистратскихъ перемѣнять во избѣжаніе купечеству отягощеній“. 18 августа 1760 г. главный магистратъ представилъ въ сенатъ свой докладъ, въ которомъ съ большой энергіей защищалъ принципъ *безсрочности* магистратской службы. Выписываю соотвѣтствующее мѣсто этого доклада **): „въ магистратскомъ правленіи служеніе главный магистратъ за излишнее отягощеніе и въ производимой купечеству ихъ коммерціи помѣшательства и въ капиталѣ подрыву быть не признаваетъ, потому что оные въ то званіе выбираемы быть имѣютъ изъ семьянистыхъ и пожиточныхъ людей“; къ тому же на время магистратской службы ихъ освобождаютъ отъ всѣхъ другихъ службъ, въ случаѣ нужды они могутъ испрашивать отпуски, наконецъ, при впаденіи ихъ въ полное убожество они могутъ быть и вовсе увольняемы главнымъ

*) Арх. м. юст. д. гл. маг. вязка 20, № 56; в. 24, № 55; в. 24, № 67; в. 26, № 47; в. 40, № 69; в. 56, № 27; в. 56, № 63.

**) Арх. м. юст. д. гл. маг. вязка 194, № 3.

магистратомъ по особымъ ихъ прошеніямъ. Если же опредѣлить урочное время для магистратской службы, то магистратскіе члены не будутъ заботиться о лучшемъ содержаніи порядка, особенно объ „интересныхъ" (т. е. о государственныхъ) сборахъ, а будутъ думать лишь о томъ, какъ бы скорѣе проводить назначенное имъ къ служенію время. Срочная служба не оставитъ имъ времени для „порядочнаго знанія правленія и гражданскихъ правъ". Наконецъ, при срочной службѣ магистратскіе члены будутъ поставлены въ большую зависимость отъ купцовъ, что помѣшаетъ имъ строго наблюдать добрый во всемъ порядокъ. Что касается указа 1731 г., то, по мнѣнію главнаго магистрата, этотъ указъ былъ изданъ лишь для своего времени, по состоянію ратушъ въ вѣдомствѣ губернаторовъ и воеводъ, а за возстановленіемъ магистратовъ въ 1743 г. „во всемъ на прежнемъ основаніи" сила этого указа должна была отмѣниться. Сенатъ указалъ отослать это доношеніе въ учрежденную при сенатѣ „коммиссію о коммерціи".

Не трудно замѣтить всю односторонность аргументаціи главнаго магистрата. Докладъ, нами цитированный, доказывалъ полезность безсрочной службы съ точки зрѣнія сопряженныхъ съ ней государственныхъ интересовъ и необременительность ея для самихъ замѣстителей магистратскихъ должностей, но онъ совершенно не касался интересовъ посадскихъ обществъ, во имя которыхъ главнымъ образомъ и были возбуждаемы всѣ вышеупомянутыя челобитья. Такъ, освобожденіе магистратскихъ членовъ отъ всѣхъ другихъ службъ, на которое указывается въ докладѣ, несомнѣнно являлось облегченіемъ для замѣстителей магистратскихъ должностей, но для посадскихъ обществъ это было какъ разъ однимъ изъ серьезныхъ отягощеній, сопряженныхъ съ безсрочностью магистратской службы. Въ члены магистратовъ требовалось выбирать наиболѣе состоятельныхъ и служилоспособныхъ членовъ посадской общины. При круговой отвѣтственности всего посада за отправленіе всякой казенной службы, безсрочное освобожденіе отъ участія въ этой отвѣтственности наиболѣе видныхъ и солидныхъ въ имущественномъ отношеніи тяглецовъ не могло не наносить чувствительнаго ущерба интересамъ всей посадской общины. Далѣе, не всѣ доводы главнаго магистрата вполнѣ согласовывались съ реальными условіями посадскаго быта. Въ докладѣ говорилось, что всѣ неблагопріятныя послѣдствія безсрочности службы устраняются тѣмъ, что магистратскія должности должны быть замѣщаемы *семьянистыми* и *пожиточными* людьми. Однако, законъ не вводилъ никакихъ спеціальныхъ постановленій на тотъ случай, если за общей оскудѣлостью посада пришлось бы выбрать въ члены магистра людей не особенно „пожиточныхъ". Въ дѣйствительтости такіе случаи попадались сплошь да рядомъ и тогда всѣ соображенія посадскихъ челобитій сохраняли всю свою силу, не смотря на аргу-

ментацію разбираемаго доклада. Въ общемъ нельзя не признать, что главный магистратъ при составленіи своего доклада не принялъ во вниманіе въ достодолжной мѣрѣ поставленной ему сенатомъ цѣли—достигнуть „избѣжанія купеческихъ отягощеній". У насъ есть свѣдѣніе, что сенатъ „не апробовалъ" этого доклада, почему и передалъ его на разсмотрѣніе коммиссіи о коммерціи. Объ этомъ упоминается въ другомъ докладѣ, составленномъ при разсмотрѣніи въ главномъ магистратѣ одного дѣла о тверскихъ посадскихъ выборахъ *). Мы не знаемъ, какова была судьба этого вопроса въ коммиссіи о коммерціи. Но несомнѣнно одно: принципъ безсрочности магистратской службы остался непоколебленнымъ и главный магистратъ продолжалъ неукоснительно оберегать его и въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Весьма опредѣленныя указанія на это находимъ въ наказахъ, данныхъ городскимъ депутатамъ въ комиссію по составленію проекта новаго государственнаго уложенія 1767 г. Какъ извѣстно, представительство городовъ въ названной коммиссіи фактически свелось къ представительству торгово-промышленныхъ посадскихъ обществъ, соотвѣтственно чему и наказы, данные городскимъ депутатамъ, выразили собою спеціальныя нужды и желанія посадскаго населенія Россіи **). Среди этихъ желаній старый вопросъ о возстановленія сроковъ для магистратской службы занялъ видное мѣсто. Въ заявленіяхъ наказовъ по этому вопросу не замѣчаемъ принципіальныхъ разногласій, есть оттѣнки лишь въ опредѣленіи продолжительности просимаго срока. Очень многіе наказы просятъ о возстановленіи трехгодичнаго срока, согласно указу 1731 г. Сюда относятся, напр., наказы малоярославецкій, коломенскій, воротынскій (воротынскій наказъ ставитъ альтернативу: или ограничить магистратскую службу трехгодичнымъ срокомъ, или назначить бургомистрамъ и ратманамъ на ихъ пропитаніе денежное жалованье), нерехтинскій, гжатскій, юрьева-польскаго, каширскій и друг. Другіе наказы идутъ еще далѣе и домогаются срока въ два года, это—наказы тульскій, серпуховскій, веневскій, козельскій, рузскій, кашинскій и др.; нѣкоторые наказы, какъ напримѣръ, боровскій, рязанскій, соглашаются безразлично и на три, и на два года. Наконецъ, встрѣчаются наказы, въ которыхъ содержатся требованія годичнаго срока, напримѣръ,—кадыевскій, шуйскій. Нѣкоторыя посадскія общества, не рѣшаясь предустановлять размѣры срока, удовольствовались общей просьбой разсмотрѣть этотъ вопросъ, въ виду обременительности безсрочной службы. См., напр., наказъ любимскій ***). Какъ бы то ни было, положеніе

*) Арх. м. юст. д. гл. маг. в. 17, № 45.

**) См. нашу ст. «Происхожденіе городскихъ депутатскихъ наказовъ въ коммиссію 1767 года». «Русское Богатство», 1898 г., ноябрь.

***) Сборникъ Русскаго Историч. Общества, т. 93.

этого вопроса, какъ видно изъ всѣхъ этихъ заявленій, нисколько не измѣнилось къ концу изучаемаго нами періода, сравнительно съ 40-ми годами столѣтія. Попытки отдѣльныхъ посадскихъ обществъ ввести у себя срочную службу, такъ сказать, домашними средствами, на основаніи одного приговора мірского схода, встрѣчали энергичный отпоръ со стороны главнаго магистрата. Въ 1765 г. въ Цывильскѣ избрали въ бургомистры Михаила Яшина и въ избирательномъ приговорѣ, между прочимъ, написали: „быть ему у того служенія два года". Главный магистратъ, утвердивъ избраннаго кандидата, отвергъ опредѣленіе срока его службы, какъ противорѣчащее VI-й главѣ регламента. Если по какой либо причинѣ, сказано въ резолюціи главнаго магистрата,—Яшинъ пожелаетъ уволиться отъ службы, онъ можетъ возбудить объ этомъ спеціальное ходатайство *).

Я привелъ всѣ эти факты въ подтвержденіе того положенія, что съ возстановленіемъ при Елизаветѣ магистратскихъ учрежденій всѣ постановленія указовъ, явно противорѣчившія регламенту 1721 г., считались отмѣненными. Но это правило не распространялось на тѣ постановленія 30-хъ годовъ, которыя дополняли различныя умолчанія стараго регламента и, не расходясь съ буквой этого регламента, существенно реформировали, однако, ту практику, которая создалась на почвѣ первоначальныхъ законоположеній. Сюда относятся, напр., всѣ тѣ важныя нововведенія 30-хъ годовъ, которыя касались состава избирательнаго схода. Такимъ образомъ, петровскіе магистраты были возстановлены при Елизаветѣ не вполнѣ въ своемъ первоначальномъ видѣ; указы 30-хъ годовъ не пропали совершенно безслѣдно для дальнѣйшей исторіи выборной магистратской службы.

Царствованіе Елизаветы не принесло съ собой какихъ либо новыхъ измѣненій въ дѣйствующихъ правилахъ о магистратскихъ выборахъ.

Разсмотрѣнныя законодательныя опредѣленія XVIII в. о магистратскихъ выборахъ обрисовываютъ намъ общее отношеніе законодателя къ этой сторонѣ посадской жизни. Подробности, частности устройства и дѣятельности избирательныхъ сходовъ едва намѣчены, но въ то же время очень опредѣленно установлена основная тенденція, служившая руководящимъ началомъ для тѣхъ инстанцій, которымъ былъ ввѣренъ высшій объединяющій надзоръ за практикой посадскихъ выборовъ. Согласно этой тенденціи участіе въ магистратской службѣ должно было монополизироваться въ рукахъ наиболѣе состоятельной части посадскаго населенія, въ цѣляхъ возможно болѣе прочнаго обезпеченія фискальныхъ интересовъ государства. Въ какой мѣрѣ эта руководящая тенденція законодательства опиралась на реальныя условія

*) Арх. мин. юст. д. глав. маг. вязка 40, № 41.

общинно-посадскихъ отношеній того времени, въ какомъ направленіи она сама воздѣйствовала на постановку посадскихъ выборовъ, какую роль играли эти выборы въ общинной жизни посада— вотъ вопросы, съ которыми мы переходимъ теперь отъ законодательныхъ опредѣленій о выборахъ къ разсмотрѣнію текущей выборной практики посадскихъ обществъ прошлаго столѣтія.

III. Различные типы посадскихъ избирательныхъ сходовъ.

Я обращаюсь къ длинной вереницѣ дѣлъ главнаго магистрата по производству посадскихъ выборовъ. При неполнотѣ и скудости законодательныхъ опредѣленій о посадскихъ выборахъ роль главнаго магистрата въ этомъ отношеніи являлась чрезвычайно важной. Ему принадлежалъ высшій надзоръ за практическимъ примѣненіемъ этихъ опредѣленій. Онъ истолковывалъ и развивалъ ихъ, разсматривая отдѣльные случаи выборной практики, утверждая или кассируя приговоры избирательныхъ сходовъ, которые всегда восходили на его окончательное воззрѣніе. Въ нѣкоторыхъ— болѣе рѣдкихъ—случаяхъ, когда вопросъ о выборахъ осложнялся особенно острой партійной борьбой, затрогивая слишкомъ серьезные интересы посадскаго населенія, дѣло переходило въ сенатъ по требованію мѣстнаго посадскаго міра, а иногда и по иниціативѣ самаго главнаго магистрата. Такимъ образомъ, дѣлопроизводство главнаго магистрата раскрываетъ намъ довольно полную картину практики посадскихъ выборовъ и позволяетъ съ извѣстной отчетливостью выяснить взаимоотношеніе взглядовъ правительственной власти и самихъ посадскихъ обществъ на эту сторону общинно-посадской жизни.

Не смотря на то, что законодательные акты не установили почти никакихъ обязательныхъ обрядностей для хода избирательныхъ посадскихъ собраній, практика главнаго магистрата выработала нѣкоторые объективные признаки законности избирательнаго схода. Къ этимъ признакамъ относились прежде всего— опредѣленное *мѣсто* для такихъ сходовъ и опредѣленный *порядокъ* ихъ созыва. По общему правилу избирательный сходъ созывается мірскимъ посадскимъ старостой и никѣмъ кромѣ него. Созывая сходъ, староста является и его предсѣдателемъ. Въ нѣкоторыхъ посадахъ предсѣдательствующія на сходахъ и созывающія ихъ лица носятъ другія наименованія: въ Тотьмѣ (1723 г.) на сходѣ предсѣдательствуетъ „земскій цѣловальникъ“, въ Тобольскѣ (1722 г.) — „земскіе управители“ *), но это различіе не идетъ далѣе разнообразія терминологіи: то были такіе же представители посадской общины, равносильные старостамъ другихъ посадовъ. Въ отличіе отъ другихъ второстепен-

*) Д. гл. маг. вязка 3, № 11; в. 4, № 39.

ныхъ агентовъ посадско-общиннаго самоуправленія, тоже называвшихся иногда старостами, эти главныя должностныя лица, поставляемыя во главѣ міра, часто носили спеціальное названіе „городовыхъ старостъ". Они являлись отвѣтственными исполнительными органами посадскаго схода и представителями всей общины передъ правительственною властью. Руководительство избирательными сходами составляло одну изъ важныхъ функцій этого представительства. Въ 1763 г. пензенскій посадъ представилъ „выборъ", т. е. избирательный приговоръ не черезъ городового старосту, и это обстоятельство тотчасъ же послужило задержкой къ утвержденію выборовъ. Пензенское купечество оправдывалось тѣмъ, что „у нихъ купечество немногочисленное и старосты городового прежде не бывало и нынѣ не имѣется, а имѣется единственно для взысканія однихъ только подушныхъ денегъ ежегодно старостою" *). Очевидно, подобные случаи представлялись исключительными. По общему правилу никто не могъ замѣнить городового старосту въ качествѣ предсѣдателя избирательнаго схода. Созывъ схода, напримѣръ, мѣстнымъ магистратскимъ бургомистромъ являлся въ глазахъ главнаго магистрата однимъ изъ уважительныхъ поводовъ къ кассаціи избирательнаго приговора. Староста въ этомъ случаѣ возбуждалъ жалобу на бургомистра въ превышеніи власти. Такъ, городовой староста коломенскаго посада подалъ въ 1744 г. доношеніе въ главный магистратъ, гдѣ указывалъ на незаконность только что состоявшагося въ Коломнѣ избирательнаго приговора. Упомянувъ въ началѣ о томъ, что сходъ былъ собранъ бургомистромъ безъ его вѣдома, и перечисливъ затѣмъ цѣлый рядъ допущенныхъ при этомъ нарушеній общаго порядка, староста говоритъ въ заключеніе, что если бы во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дѣйствія схода и отличались правильностью, все таки приговоръ подлежалъ бы отмѣнѣ, такъ какъ—говоритъ онъ—*„выборъ надлежало чинить мнѣ, старостѣ* съ согласія всего купечества". Опротестованный старостою приговоръ былъ отмѣненъ главнымъ магистратомъ **).

Старосты созывали избирательные сходы не по собственной инціативѣ, а не иначе, какъ по указу изъ мѣстнаго магистрата или ратуши. Впрочемъ, и самъ мѣстный магистратъ игралъ въ этомъ случаѣ роль лишь передаточной инстанціи между посадскимъ міромъ и главнымъ магистратомъ, черезъ него направлялось все дѣлопроизводство, но самъ онъ былъ совершенно отстраненъ отъ всякаго касательства до хода посадскихъ выборовъ. Не только созваніе избирательныхъ сходовъ лично членами мѣстнаго магистрата, но и распоряженіе о производствѣ выборовъ, отданное черезъ старосту, безъ указа изъ главнаго магистрата, раз-

*) Ibid. вязка 48, № 39.
**) Д. глав. маг. вязка 8, № 2.

сматривалось, какъ превышенiе власти со стороны мѣстныхъ магистратскихъ присутствiй, за которое онѣ подвергались оштрафованiю *). Такимъ образомъ, непосредственное завѣдыванiе посадскими выборами сосредоточивалось исключительно въ главномъ магистратѣ.

Для законности избирательнаго схода требовалось далѣе, чтобы онъ былъ созванъ старостою въ особомъ помѣщенiи, спецiально предназначенномъ для „мiрскихъ совѣтовъ", гдѣ помѣщалась иногда также и канцелярiя городоваго старосты, „старостиныхъ дѣлъ присутствiе". Это помѣщенiе называлось „градской избой", „посадской избой" и т. п. **). Что вопросъ о мѣстѣ созыва схода не былъ безразличенъ для опредѣленiя законности схода, это видно, между прочимъ, изъ этого, что въ текстѣ мiрскихъ приговоровъ встрѣчаемъ оговорку: „... мы, нижеподписавшiеся граждане... въ общемъ нашемъ собранiи и *во опредѣленномъ для общихъ совѣтовъ мѣстѣ*, приговорили"... ***). Правда, встрѣчались случаи, когда избирательные сходы собирались въ „ратушѣ" ****), но это не измѣняло существа дѣла. Ратуша давала помѣщенiе для мiрскихъ совѣтовъ за отсутствiемъ въ городѣ другихъ удобныхъ зданiй, иногда посадская изба строилась въ общей связи съ ратушскими покоями, и тогда попадавшее въ мiрскiе приговоры выраженiе „въ ратушѣ" имѣло чисто-топографическое значенiе, нисколько не мѣшая полной раздѣльности этихъ двухъ самостоятельныхъ учрежденiй и не подавая повода къ смѣшенiю этихъ сходовъ съ другими дѣйствительными „сходами гражданъ въ ратушѣ", которые созывались на основанiи инструкцiи городовымъ магистратамъ 1724 г. Запрещенiе членамъ ратушскаго и магистратскаго присутствiя участвовать на избирательныхъ сходахъ, провозглашенное извѣстнымъ уже намъ iюньскимъ указомъ 1731 г., строго примѣнялось на практикѣ, и отдѣльныя попытки нарушенiя этого правила всегда преслѣдовались взысканiями со стороны главнаго магистрата и вызывали кассированiе выборовъ. Иногда, впрочемъ, выборы, опороченные присутствiемъ на нихъ мѣстныхъ бургомистровъ или ратмановъ, утверждались, но не иначе, какъ послѣ особой, такъ сказать, „очистительной" процедуры: главный магистратъ отдавалъ приказанiе вновь собрать въ мѣстной воеводской канцелярiи *все* купечество посада для опроса—подтверждаетъ ли мiръ произведенные выборы и не было ли оказано со стороны бургомистровъ и ратмановъ, присутствовавшихъ на избирательномъ сходѣ, какихъ-нибудь насильственныхъ давленiй на

*) Ibid. вязка 8, № 8.

**) Дѣла глав. маг. вязка 31, № 42, в. 33, № 83.

***) Крестининъ. Краткая исторiя о городѣ Архангельскомъ, стр. 51.

****) Дѣла глав. маг. в. 38. № 132 «... въ Васильгородской *ратушѣ*... со всякаго мiрскаго согласiя выбрали»...

исходъ голосованія. Только благопріятный результатъ такого опроса спасалъ отъ кассаціи первоначальные выборы. Постановленія избирательныхъ сходовъ должны были быть облечены въ форму мірского приговора, который назывался просто „выборомъ“. Общеобязательной формы для этихъ приговоровъ никогда не было издано, тѣмъ не менѣе практика установила эту форму, единообразіе которой нарушалось при обычныхъ условіяхъ лишь второстепенными стилистическими варьяціями. По обозначеніи даты и приведеніи полнаго текста того указа, по которому сходъ былъ созванъ, указывалось мѣсто собранія и затѣмъ прямо перечислялись имена избранныхъ; иногда къ этому присоединялось въ общей формѣ удостовѣреніе того, что избранные обладаютъ качествами, которыя требуются закономъ отъ кандидатовъ на данныя должности. Далѣе слѣдовали подписи старосты и избирателей. Такимъ образомъ, текстъ избирательныхъ приговоровъ не заключалъ въ себѣ обыкновенно никакихъ указаній на ходъ и условія выборовъ, не являлся протоколомъ избирательныхъ сходовъ, а представлялъ собою, съ одной стороны, актъ поручительства за избранныхъ лицъ передъ правительственной властью, съ другой стороны,—актъ облеченія ихъ избирателями „полною мочью“ на занятіе отвѣтственныхъ должностей.

Въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ содержаніе избирательнаго приговора осложнялось, такъ сказать, побочными эпизодами. Когда при выборахъ подымалась особенно обостренная партійная борьба, избирательный приговоръ сопровождался иногда дополнительнымъ доношеніемъ въ главный магистратъ съ обстоятельнымъ описаніемъ достоинствъ избраннаго кандидата. То была экстренная мѣра, вызываемая желаніемъ предупредить тѣ затрудненія въ утвержденіи выбора главнымъ магистратомъ, которыя могла бы выставить противная партія. Такъ, напримѣръ, въ пензенскомъ посадѣ въ 50-хъ годахъ обнаружилось сильное броженіе среди маломочнаго, „меньшаго“ купечества противъ магистратскаго президента Петра Никифорова. Въ главный магистратъ начали поступать челобитья отъ разныхъ группъ посадскаго населенія Пензы. Одна партія добивалась смѣщенія президента, мрачными чертами рисуя его многочисленныя злоупотребленія: произвольное раскладываніе подушнаго и мірскихъ сборовъ, помимо „мірскихъ совѣтовъ“, насильственные захваты лавочныхъ купеческихъ мѣстъ и принадлежащихъ посаду общественныхъ сѣнныхъ покосовъ, различныя насилія надъ личностью посадскихъ людей. „Нынѣ—писали, напримѣръ, челобитчики въ іюлѣ 1754 г.—въ самую рабочую пору, призвавъ купечество, яко бы для мірскаго совѣту и взявъ по согласію съ пензенскимъ полицеймейстеромъ солдатъ, заключилъ ихъ подъ караулъ и держитъ, не объявляя причинъ ареста“. Другая партія отрицала всѣ эти обвиненія и, обѣляя президента, настаивала на томъ, что жалобщики—всѣ люди самые

малотяглые, которые всегда пьянствуютъ и податей совсѣмъ или почти совсѣмъ не платятъ. Главный магистратъ нарядилъ слѣдствіе, не дождавшись окончанія котораго, президентъ Никифоровъ умеръ. Очевидно, выборы новаго президента должны были носить боевой характеръ. „Малотяглая" партія, руководимая, по всей вѣроятности, бургомистромъ Крюковымъ, провела послѣдняго въ президенты на сходѣ въ ноябрѣ 1755 г. Собравшіеся на сходѣ избиратели отлично понимали, что „лучшіе люди" не сложатъ оружія. Вотъ почему вслѣдъ за избирательнымъ приговоромъ въ главный магистратъ отправилось дополнительное „доношеніе", гдѣ подробно описывалась безупречная служба Крюкова въ бургомистрахъ, его заботливая внимательность къ нуждамъ купечества, въ доказательство чего приводилось, между прочимъ, то, что благодаря его хлопотамъ пензенское купечество было избавлено отъ службы по полицейскимъ карауламъ при тюрьмѣ по нарядамъ пензенскаго полицеймейстера. „Доношеніе" дѣйствительно не оказалось излишнимъ: избирательная борьба разгорѣлась *). Подобнымъ же образомъ въ Ярославлѣ въ 60-хъ годахъ весь посадъ въ теченіе почти десяти лѣтъ былъ глубоко взволнованъ обостреннѣйшей избирательной борьбой. Въ разгаръ этой борьбы группа ярославскихъ купцовъ, подписавъ на сходѣ 2-го мая 1765 г. „выборъ" на президента и бургомистровъ, составила на томъ же сходѣ „доношеніе", въ которомъ старалась оправдать нѣкоторыя неправильности, сознательно допущенныя ею при выборахъ. Они писали: „хотя показанный выбранный нами въ президенты купецъ Викулинъ и былъ въ прошломъ 1763 г. старшиною и то только четыре мѣсяца, къ тому-жъ и родственникъ ярославскому купцу Ив. Кучумову и прочимъ, а бургомистръ Ив. Подосеновъ купцу Рыбникову и прочимъ родственникъ же **), точію мы, нижепоименованные, *для приведенія онаго ярославскаго купечества въ согласіе* и впредь пресѣченія незаконныхъ поборовъ и расходовъ и *лучшаго въ гражданствѣ покою и тишины и благосостоянія* охотно быть президенту Викулину и бургомистру Подосенову желаемъ, потому что они люди честные и совѣсти доброй и ко всякой гражданской пользѣ весьма быть надежны и между всѣмъ ярославскимъ купечествомъ справедливость наблюдать могутъ, а хотя показанный выбранный нами въ президенты купецъ Викулинъ по такой его справедливой къ гражданству и непорочной службѣ, а особливо къ облегченію въ бытность его въ старшинахъ какъ и средняго, такъ и подлаго народа о сборахъ уменьшенія и въ прочемъ, а хотя ярославскій магистратъ репортуетъ, что состоитъ въ вѣдомствѣ костромскаго купечества, точію онъ находится въ ярославскомъ купечествѣ и службы служитъ по оче-

---

*) Дѣла глав. маг., вязка 48, № 39.

**) Это все—лица, сильно прикосновенныя къ избирательной борьбѣ.

реди, да и къ счету подлежателенъ, точію мы нижепоименованные по справедливости его претензіи никакой на него не имѣли" *).

Подобныя-то разъяснительныя соображенія включались иногда и въ самый текстъ избирательнаго приговора, приподымая завѣсу надъ закулисной стороной избирательной кампаніи. Случалось, что эта полемика направлялась не противъ враждебной партіи, а противъ самого кандидата, удостоеннаго выборомъ въ томъ же приговорѣ. Въ этихъ случаяхъ мотивированіе „выбора" вызывалось не боязнью внезапныхъ подкоповъ противной партіи, а необходимостью устранить тѣ доводы, которые намѣченный кандидатъ приводилъ на избирательномъ сходѣ противъ своего избранія и которые онъ могъ повторить передъ главнымъ магистратомъ, чтобы помѣшать утвержденію написаннаго на него выбора. Образчикъ такой комбинаціи находимъ, напримѣръ, въ дѣлопроизводствѣ о тверскихъ выборахъ 50-хъ, 60-хъ годовъ. Въ тверскомъ посадѣ состоялъ купецъ Вагинъ, дѣятельно оборонявшійся отъ неоднократныхъ попытокъ міра избрать его на ту или другую мірскую должность. Въ 1757 г. ему удалось выхлопотать отъ главнаго магистрата увольненіе отъ выборныхъ службъ впредь до совершеннолѣтія его сына. Въ 1764 г. онъ былъ выбранъ снова въ президенты тверского магистрата. Доводы, которыми Вагинъ отстаивалъ обыкновенно свою свободу отъ выборныхъ службъ, были уже общеизвѣстны. Потому-то, еще не дожидаясь новыхъ протестовъ съ его стороны,—которые и дѣйствительно не замедлили затѣмъ появиться,—міръ включилъ въ самый избирательный приговоръ подробное опроверженіе его обычныхъ аргументовъ: ссылки на болѣзнь и на продолжительное и частое пребываніе въ службахъ въ предшествующіе годы. Ссылка на болѣзнь была опровергнута указаніемъ на подложность предъявляемаго имъ докторскаго аттестата, ссылка на службы—подробнымъ разсмотрѣніемъ его предшествующей служебной дѣятельности, по которому явствовало, что до освобожденія его въ 1757 г. отъ мірскихъ службъ онъ былъ выбираемъ „по тогдашнимъ въ службѣ обращеніямъ" не иначе, какъ „въ очередь", и слѣдовательно не подвергался излишнему отягощенію, сравнительно съ другими посадскими людьми; что службы его въ окладчикахъ въ 1736, 1742 и 1750 годахъ, на которыя онъ особенно напираетъ, не должны быть зачитаемы въ очередную годовую службу, потому что тѣ службы, хотя и происходятъ по выборамъ купечества, но назначаются на короткое время, а не на годовые сроки; что, наконецъ, начиная съ 1753 г., т. е. въ теченіе уже одиннадцати лѣтъ, онъ не бывалъ ни у какихъ службъ въ то время, какъ „тверское купечество въ службахъ иные обращаются черезъ два года". Къ

*) Дѣла глав. маг. вязка 249, № 1. Текстъ приведенъ дословно съ сохраненіемъ синтаксиса подлинника.

этой критикѣ доводовъ самаго Вагина были присоединены затѣмъ еще два соображенія: 1) „за пожарнымъ разореніемъ 1763 г. кромѣ него, Вагина, президентомъ быть и некому“ и 2) „по регламенту магистрата и указу 1731 г. выборы оставлены на общую купечества волю, кого выберутъ по большинству голосовъ“ *).

Такимъ образомъ, сходъ отвергалъ въ концѣ концовъ право главнаго магистрата кассировать мірскіе выборы и измѣнять расрядокъ служебныхъ очередей въ угоду отдѣльныхъ членовъ посадской общины. Послѣднее соображеніе, приведенное разсматриваемымъ „приговоромъ“, показываетъ, что мотивированные избирательные приговоры могли вызываться иногда помимо несогласій, возникавшихъ внутри посадской общины, столкновеніями общинъ съ самимъ главнымъ магистратомъ. Общины тяготились регламентирующимъ воздѣйствіемъ главнаго магистрата, особенно когда оно выходило, по ихъ мнѣнію, за предѣлы существующихъ узаконеній о посадскихъ выборахъ. Иногда, впрочемъ, и сами общины отступали отъ этихъ узаконеній, примѣняясь къ особенностямъ мѣстныхъ условій. Въ такихъ случаяхъ выборы опять таки заканчивались составленіемъ мотивированныхъ избирательныхъ приговоровъ. Любопытный образчикъ такого приговора находимъ въ дѣлѣ объ олонецкихъ выборахъ 1744—1751 гг. Главный магистратъ предписалъ въ дополненіе къ выбраннымъ уже въ Олонецкѣ одному бургомистру и двумъ ратманамъ „добрать“ еще одного бургомистра и двухъ ратмановъ. На новомъ избирательномъ сходѣ были выбраны одинъ бургомистръ и одинъ ратманъ, а вмѣсто другого ратмана сходъ, по собственной инициативѣ и въ противность всѣмъ существующимъ правиламъ о составѣ магистратскихъ присутствій, выбралъ *двухъ бургеровъ* для сбору съ *уѣздныхъ* посадскихъ людей подушныхъ денегъ и къ исправленію всякихъ *уѣздныхъ* дѣлъ, „понеже—мотивировалъ сходъ свой приговоръ—олонецкихъ людей безъ мала третья доля жительство имѣютъ *въ уѣздѣ* на немалой обширности и для исправленія тѣхъ дѣлъ въ небытность тѣхъ бургеровъ надлежало бы въ уѣздѣ быть изъ ратмановъ двумъ, а, по крайней мѣрѣ, одному человѣку неотлучно“. Главный магистратъ не удостоилъ этихъ соображеній ни одного замѣчанія и, замолчавъ вопросъ о замѣнѣ второго ратмана бургерами, просто предписалъ добрать и второго ратмана **).

А. Кизеветтеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Дѣла глав. маг., вязка 17, № 45.
**) Дѣла глав. маг. вязка 44, № 76.

ЧОРТОВЪ ЯРЪ.

(Разсказъ).

Вечеромъ знойнаго іюльскаго дня, по безконечному сибирскому тракту быстро катилась на западъ почтовая кибитка, въ которой сидѣло нѣсколько путниковъ. Господинъ среднихъ лѣтъ, съ большимъ умнымъ лбомъ, обрамленнымъ красивыми посѣдѣвшими локонами, и съ одутловатыми, багровыми щеками, изобличавшими закоренѣлаго любителя крѣпкихъ напитковъ, неумолкаемо болталъ, доставая время отъ времени изъ-подъ подушки бутылку и усердно къ ней прикладываясь.

— Не довольно-ли, Вася?—не разъ уже тщетно замѣчала, протягивая къ бутылкѣ руку, молодая, молчаливая дама съ глубокими синими глазами, въ которыхъ свѣтились доброта и печаль. Отъ мимолетнаго взгляда этихъ большихъ, грустныхъ глазъ сжималось невольно сердце, какъ при видѣ большого горя, которому не можешь помочь.

Третій спутникъ, моложавый брюнетъ съ солиднымъ брюшкомъ и крупными перстнями на пальцахъ, казался разсѣяннымъ и чѣмъ-то обезпокоеннымъ.

— Хоть разъ въ жизни оказало мнѣ мое докторство существенную услугу!—говорилъ, ни къ кому въ особенности не обращаясь, выпивающій господинъ:—Гонораръ, какого не получали, вѣроятно, и величайшіе въ мірѣ акушеры: двѣ тр-ройки!.. Ха-ха-ха! Съ колокольчиками, съ бубенцами... Какъ истинный рыцарь духа, одну уступаю плачущей дамѣ съ дѣтьми, двое сутокъ торчащей на станціи, въ другую захватываю почтеннѣйшаго Ивана Ивановича... изъ уваженія къ отечественной промышленности, изъ желанія, такъ сказать, послужить родинѣ. Выпьемъ же за здоровье станціоннаго писаря, его дражайшей половины и ихъ новорожденнаго чада!

— Да, докторъ, безъ васъ сидѣли бы мы, пожалуй, до слѣдующей субботы въ этой проклятой ловушкѣ. Ее и зовутъ то обыкновенно не Чернымъ, а Чортовымъ Яромъ! Помилуйте:

деревушка въ пять безлошадныхъ дворовъ—„дружковъ“ ни закакія деньги не достанешь. Ну, и лѣтечко же, доложу вамъ, выпало! Разгонъ!..

— Ежели вы, милостивый государь, патріотъ своего отечества, то не ропщите. Вникните только: постройка ве-ли-каго сибирскаго пути... Военныя осложненія на дальнемъ востокѣ... Кому же и честь и мѣсто, какъ не господамъ инженерамъ и военнымъ съ ихъ супругами и чадами? А мы, частные проѣзжающіе, можемъ и пѣтушкомъ, пѣтушкомъ...

— Такъ-то оно такъ, но согласитесь, докторъ, по ночамъ, воровскимъ манеромъ, не очень-то пріятно ѣздить. Смотрите, какъ быстро темнѣетъ... Слышали вы, у одного инженера чемоданъ вчера, кажется, на этомъ же станкѣ отрѣзали?

— Да вѣдь не голову? А, впрочемъ, это дѣло вкуса: иному чемоданъ-то дороже.

— Вы все шутите...

— Хе-хе-хе! Изрядно, должно быть, понабито здѣсь? А?

Иванъ Ивановичъ сердито отодвинулся отъ доктора, который хотѣлъ коснуться его бокового кармана.

— Мы, коммерсанты, не свои только деньги возимъ,—сухо сказалъ онъ:—по-неволѣ приходится съ оружіемъ ѣздить.

— Ну, конечно, конечно! Не обижайтесь, голубчикъ! А главное, твердо вѣруйте, что съ Василіемъ Павловичемъ Мелеховымъ ни въ огнѣ не сгорите, ни въ водѣ не потонете. Меня вѣдь сама судьба бережетъ—ужъ не знаю, для великихъ ли дѣлъ, увы, еще не начатыхъ, или для уничтоженія того количества спирта, какой отъ вѣка записанъ въ книгѣ моего живота... Хо-хо-хо! А посему, батенька, хлопнемте по рюмочкѣ англійской горькой, да закусите икоркой... которой, къ сожалѣнію, нѣтъ. За здоровье господъ разбойниковъ!

— Послушай, другъ мой, тебѣ вредно... Я больше не позволю!

— Ну, это, положимъ, дудки. Уговоръ, Дашенька, дороже денегъ: перевалимъ за Уралъ—тогда распоряжайся моей особой, какъ хочешь. Начнемъ, пожалуй, опыты возрожденія дѣлать... А покамѣстъ на территоріи старика Кучума обрѣтаемся, пить я не брошу. Н-нѣтъ! Никакъ невозможно! Здѣсь, въ Сибири, воздухъ ужъ такой—пьяный, развратный... Страна, политая слезами и... водкой!

— А супруга ваша, Василій Павлычъ, тоже россійская?

— Нѣтъ, я сибирячка.

— Какъ же, какъ же! Параша, то бишь—Даша-сибирячка. Въ читинской гимназіи съ золотой медалью курсъ окончила. Вы съ ней, батенька, не шутите, даромъ что тихонькая...

— Брось, Вася!..

— Нѣтъ, ужъ позволь, позволь... Маленькій дифирамбикъ необходимо пропѣть. Эта вотъ мудрая дщерь Евы мечтаетъ,

видите ли, спасти меня отъ кошмара алкогольнаго. Необычайныя какія-то достоинства и таланты во мнѣ открыла... Отъ гибели такого великаго человѣка, какъ я, оказывается, Россія, человѣчество пострадать могутъ! И представьте: вышла за меня замужъ, а я такой свиньей былъ, что жертву эту допустилъ и принялъ. Ну, да! ей не нравится, я знаю, слово жертва... Она способна вѣрить поэтамъ, что „не только первый пухъ ланитъ да русы кудри молодыя—порой и старца строгій видъ“ можетъ страстныя мечты будить... Даже если этотъ поэтическій старецъ будетъ въ дѣйствительности беззубымъ, лысымъ, пьянымъ старикашкой! Но вѣдь для этого надо быть сомнамбулой! Какъ вы полагаете? Почтенной Дарьѣ Михайловнѣ пригрезилось очевидно одно изъ тѣхъ золотыхъ видѣній, какія посѣщаютъ насъ на зарѣ жизни и называются идеализаціей... Спимъ-то мы, правда, и потомъ превосходно, но ужъ сновъ такихъ больше не видимъ! Нѣтъ, чортъ возьми! потомъ мы просто-напросто дрыхнемъ... Мнимъ объ себѣ, что живемъ, чувствуемъ, мыслимъ, а на самомъ дѣлѣ храпимъ во всѣ носовыя завертки—и ни съ мѣста. Да, это глубокое мое убѣжденіе: мы спимъ!.. И я, и она, и вы...

— Ну, нѣтъ, докторъ, при этихъ проклятыхъ толчкахъ не очень-то заснешь...

— Что касается меня, я прямо скажу вамъ, что проспалъ жизнь самымъ идіотскимъ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Жилъ зря, ничего не зная такого, что бы осмыслило, такъ сказать, озарило жизнь...

— Скотина, какъ ты ѣдешь?—неожиданно вскинулся Иванъ Ивановичъ на ямщика:—вѣдь ты носомъ клюешь, я вижу... Ты не погоняешь совсѣмъ лошадей!

— Оставьте его: онъ, вѣроятно, отлично знаетъ дорогу. Пускай себѣ спитъ!

Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого колотятъ...

Читали у Тургенева?

Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ,
И, штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кавказъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая!

Да, да, чортъ возьми, тысячу разъ да! Все находится у насъ во власти или пьянаго каприза, или безсмысленной случайности, все—даже, если хотите, и великое, и прекрасное... Отъ рожденья до смертнаго часа мы въ Чортовомъ Ярѣ какомъ-то сидимъ... Спимъ—и горе тому, кто вздумаетъ неожиданно проснуться!

— Хорошіе это стишки—про царевъ-то кабакъ. Жаль—темно, списать бы...

— Оглянешься—и видишь позади рядъ безпутныхъ, позорныхъ дней...

Эхъ, кабъ Волга-матушка да вспять побѣжала,
Кабы можно, братцы, начать жить сначала!

Дарья Михайловна, вонъ, вѣритъ, что можно... И хочетъ вытащить меня изъ темной ямы, называемой Сибирью... Но я сильно опасаюсь, что свѣтъ, который мерещится ей тамъ, въ далекой Россіи, сіяетъ, говоря высокимъ штилемъ, исключительно въ ея собственномъ прекрасномъ сердцѣ!

— По твоимъ рѣчамъ, Вася, можно, Богъ знаетъ, что подумать о твоемъ прошломъ,—замѣтила Дарья Михайловна, останавливая на докторѣ печальные ласковые глаза.—Но вы не вѣрьте ему, Иванъ Ивановичъ! Онъ былъ общимъ любимцемъ въ Забайкальи... Его тамъ всѣ со слезами провожали, рабочіе, поселенцы, даже арестанты... Вѣдь онъ гдѣ только не служилъ? На пріискахъ, даже въ каторгѣ—тюремнымъ врачомъ.

— Та-та-та! Пошла-поѣхала! Весь мой формулярный списокъ готова развернуть. Но въ такомъ случаѣ прибавь, что гдѣ я ни служилъ, отовсюду меня выгоняли.

— Да вѣдь не за дурное?..

— Ну, это какъ на чей взглядъ, голубушка. Помилуйте! ошельмованныхъ людей осмѣливался на одну доску съ тѣми ставить, которые аки солнце сіяютъ — не добродѣтелями, правда, а только орденами и позументами. Людей признавалъ за людей... Ха-ха-ха! Какова ересь, или, если хотите, какова доблесть? А на самомъ дѣлѣ, одну только вещь я искренно любилъ на протяженіи всей своей жизни: водку! Да и ту, ежели говорить по совѣсти, ото всего сердца моего ненавидѣлъ!

— Ямщикъ! а, ямщикъ! А ты все, братецъ, спишь?—уже жалобнымъ тономъ окликнулъ Иванъ Ивановичъ ямщика, который, дѣйствительно, все ниже и ниже склонялъ голову и, казалось, готовъ былъ упасть съ козелъ. Услыхавъ окрикъ, онъ опять подбодрился, поднялъ голову, хлеснулъ лошадей.

— Но-о-о, миленькія, пта-хи!.. Обѣдняли мы нонѣ вовсе, что есть, сномъ, — заговорилъ онъ, оборачиваясь слегка къ сѣдокамъ: — по двое, по трое сутокъ не спимъ. Одинъ ямщикъ, за два станка отседова, взбѣсился, слышно: проѣзжающіе цѣлую недѣлю спать не давали—ну, у парня и сдѣлалось помутнѣнье ума... Что мудренаго? Ходишь все лѣто—глаза кровью налиты, въ башкѣ, быдто, молоткомъ кто сту-

каетъ... Ляжешь инò вздремнуть, а въ ушахъ-то все: брякъ-брякъ! дзынь-дзынь! Нѣту сна, да и шабашъ. Промаешься этакъ часа два, глядишь—и впрямь колокольчикъ: вставать время, ѣхать... Слава Богу, вотъ енаралы манафестъ намъ дадутъ. Отдохнемъ!

— Что за генералы такіе?

— А енаралы, слышь ты, бѣгутъ,—двое изъ Расеи, одинъ съ Амура. Должнó, самые, что ни есть, нàбольшіе: писарь сказывалъ, предписанье есть—съ завтрева частнымъ проѣзжающимъ ни проѣзду, ни пропуску не давать, да и по казенной—съ разборомъ отпущать. Денно и нощно на кажнаго енарала по двѣ пары въ запасѣ держать.

— Мы, значитъ, во время улепетнули... А скоро проѣдутъ?

— Ничего неизвѣстно. Лонись также вотъ двоихъ ждали: одинъ, точно, черезъ недѣлю пробѣжалъ, а другого и по-сейчасъ нѣту!

— Въ Расею ѣдете? — помолчавъ немного, спросилъ ямщикъ.

— Въ Россію. А что?

— Да такъ, ничего. Какъ даве баринъ Сибирь-то нашу ремизилъ!..

— Сердце, видно, челдонское заговорило? Они патріоты всѣ ужасные,—замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Я, миленькіе мои, самъ расейскій, не челдонъ, — съ живостью возразилъ ямщикъ:—Только, вѣстимо, давно оттедова, изъ Расеи-то, годовъ тридцать, либо сорокъ будетъ, инó ужъ и забывать сталъ. Мы, Фирюлины, коренной расейской природы,—новгородскіе мы...

Мѐлеховъ встрепенулся.

— Какъ! изъ Новгорода? Землячокъ?..

Онъ даже привсталъ съ мѣста, чтобы лучше разглядѣть земляка.

— Вотъ чудеса! пятнадцать лѣтъ въ Сибири живу—ни разу никого изъ нашей губерніи не встрѣтилъ... Я изъ самого вѣдь Новгорода... Какъ сейчасъ вотъ, вижу и берегъ Волхова, и нашу старенькую церковь съ высокой колокольней... И улицу, гдѣ мы, мальчишки, въ рюхи, бывало, играли... А ты помнишь родную сторону?

— Да я, баринъ, въ самомъ-то городу рѣдко бывалъ. Мы вѣдь уѣздные, крéстецкіе...

Отвернувшись и свѣсивъ голову, ямщикъ прежними потухшими глазами смотрѣлъ на дорогу.

— Но все же помнишь? Помнишь? — приставалъ Мелеховъ, почти тряся его за плечи. — Вотъ радость-то, земляка встрѣтилъ... Знаешь что? Разопьемъ-ка эту бутылочку!

— Василій Павлычъ, ради Бога, — закричалъ коммерсантъ, хватая доктора за руку: — Ямщикъ пьянъ напьется, вывалитъ насъ. Смотрите, темень какая... Нѣтъ, прошу васъ!

— Конечно, не нужно, — подтвердила и Дарья Михайловна.

— А, не нужно?.. — губы Мелехова искривились капризной усмѣшкой:—Ну, ладно, а по твоему все же не выйдетъ. Я-то буду пить... Одинъ... А ему, какъ на станцію пріѣдемъ, поднесу. Такъ Фирюлинъ, говоришь, фамилія твоя? Превосходно. А про помѣщиковъ Мелеховыхъ слыхалъ, можетъ?

— Можетъ, и слыхалъ. Гдѣ ихъ, всѣхъ-то, упомнишь... Сорокъ вѣдь годовъ безъ малаго.

— Да ты какъ попалъ-то сюда, милый человѣкъ? Ссыльный, что-ли?

— Зачѣмъ ссыльный... Мы господскіе были. Девятнадцатый мнѣ годокъ шелъ, — молодой нашъ баринъ привезъ меня въ Томскій. Онъ, значитъ, товарища своего саблей зарубилъ... Изъ-за барышни чего-то промежъ нихъ вышло...

— Сослали его, значитъ?

— Ну-ну... Скоро потомъ волю объявили; еще три года я у него по найму выжилъ.

— А потомъ домой чего не вернулся?

— А кто его знаетъ... Остался, да и остался... Сначала, вишь ты, письмо было: погорѣло, молъ, наше Лаптево, начисто погорѣло. Не причемъ жить стало. Ну, чего-жъ на нищее мѣсто ѣхать? Потомъ... быдто скрозь сонъ помню... Въ Ачинскій сперва перебрался. Ребята шибко тамошнее житье нахваливали. Ну, только ничего я тамъ не видалъ хорошаго... Оттедова въ Красноярскъ уѣхалъ... Далѣ, да далѣ...

— Ну, что-жъ дальше? Какъ жилъ?

— Да какъ? Жилъ, какъ всѣ. Вѣкъ прожилъ, горя большого, слава Богу, не видалъ.

— А радости?

— Радости? Да какія-жъ тебѣ радости... Сытъ, обутъ, здоровъ... Чего еще надоть? Куды болѣ подашься?

— Постой. Жену-то, дѣтей имѣешь?

Старикъ пожевалъ губами.

— Оборонилъ Господь. Холостымъ вѣкъ прожилъ. Нонича, баринъ, семейному человѣку жить — ой-ой, какъ чижело! Дѣтей надо подымать, ростить... За бабой опять глядѣть... Мужъ-то норовитъ въ домъ, а жена изъ дому... Наряды тамъ, да полюбовники... Что ужъ тамъ! Говорю: оборонилъ Богъ.

— Ахъ, идолъ какой! — съ негодованіемъ воскликнулъ Иванъ Ивановичъ, все время молча слушавшій разговоръ:— да для чего же ты жилъ, чортъ тебя побери? Птица, несмы-

сленная тварь, и та цѣль имѣетъ,—гнѣздо строитъ, дѣтей выводитъ. Ну, и человѣку то же указано. „Да прилѣпится человѣкъ"... какъ оно тамъ? Это, братъ, первый нашъ долгъ. Мнѣ, вотъ, и двадцати шести еще нѣтъ, а я ужъ четверыхъ дѣтокъ имѣю!

Въ словахъ Ивана Ивановича звучала гордость.

— Асмодей ты, должно быть, вотъ что, — прибавилъ онъ съ увѣренностью, — денежки, знать, копишь. Да куда тебѣ деньги? Умрешь — все вѣдь прахомъ пойдетъ. Оберутъ тебя челдоны и выбросятъ за поскотину, какъ ветошку негодную.

— Го-о-о-о-о!..—неожиданно пронеслось впереди.

— Это что такое?—вздрогнулъ коммерсантъ:—ямщикъ, что тамъ?

Но Фирюлинъ, вмѣсто отвѣта, бросилъ въ воздухъ такой же ободряющій кличъ:

— Ге-э-э-э!..

— Должно быть, разбойники близко,—сердито пробурчалъ Мелеховъ.

— Разбойники не разбойники, а, надо полагать, спускъ близко,—зашепталъ Иванъ Ивановичъ, выглядывая изъ повозки.—Хоть бы мѣсяцъ поскорѣй взошелъ... Страшеннѣйшій спускъ... Онъ-то и прозывается, собственно, Чорнымъ Яромъ... Чортовымъ тоже оврагомъ зовутъ!

Экипажъ вдругъ остановился. По близкому лошадиному фырканью видно было, что стоитъ и передняя тройка.

— Тор-ма-зи!—раздался голосъ изъ темноты.

Но Фирюлинъ преспокойно сидѣлъ на облучкѣ.

— Докторъ, а вы не помните, очень крутой спускъ? Ямщикъ, ты чего же не тормозишь?

— А я, баринъ, этой привычки не имѣю. Лошадки меня и такъ слухаютъ.

— Что онъ говоритъ? Онъ тормозить не хочетъ... Да вѣдь ты вывалишь насъ... въ такой темнотѣ... лошади понести могутъ... Постой, я лучше вылѣзу... Василій Павловичъ, Дарья Михайловна, пойдемте пѣшкомъ!

— А если и въ самомъ дѣлѣ нападутъ разбойники?—пошутила Дарья Михайловна:—схватятъ насъ въ охапку, а ямщикъ ускачетъ.

Приготовившійся прыгать, Иванъ Ивановичъ осѣкся и покорно нырнулъ въ глубину повозки. Лошади тронулись.

— Гепъ-гопъ!

— Го-о-о-о!..—подбодряли другъ друга ямщики, видимо допуская возможность внезапнаго нападенія въ глухомъ таёжномъ ущельи.

— Василій Павлычъ, —почти на ухо доктору шепталъ перетрусившій окончательно коммерсантъ,—у меня въ шка-

тулкѣ два револьвера. Оба заряжены, но... стрѣлять-то я, собственно, не умѣю. Возьмите, пожалуйста, одинъ! неровенъ часъ... мѣсто тутъ самое разбойничье, да и землякъ вашъ, признаться, мнѣ подозрителенъ.

II.

Въ глаза путникамъ неожиданно бросилась красивая розовая полоска, свѣтлѣвшая на краю неба: это всходила луна... И едва только глазъ отыскалъ прочную точку опоры въ одномъ пунктѣ, какъ тьма ночи сразу утратила свою зловѣщую непроницаемость, и стало возможно различать окрестные предметы. Слѣва плотной черной стѣной надвинулась тайга, глухо шелестя низко нависшими вѣтвями угрюмыхъ сибирскихъ деревьевъ; справа высоко къ небу ушла гигантская сопка, и рѣдкіе разбросанные на ней кусты приняли въ темнотѣ очертанія притаившихся въ засадѣ кучекъ людей... Сѣрая и волнистая, какъ змѣя, упала внизъ песчаная лента дороги... Кое-гдѣ сосны и лиственницы стоятъ къ ней такъ близко, что почти задѣваютъ тройку своими черными мохнатыми лапами; одна за другой, онѣ выплываютъ изъ темной глубины, медленно, но упорно лѣзутъ вверхъ, къ небу, и что-то тихо, злорадно шепчутъ... А экипажъ упирается, жалобно взвизгиваетъ, тарахтитъ и все глубже и глубже опускается на мрачное дно Чортова оврага... Лошади косятся, боязливо фыркаютъ и несутъ почти на спинѣ тяжелый четырехмѣстный рыдванъ, сознавая, повидимому, что туго натянутыя вожжи находятся въ сильныхъ, умѣлыхъ рукахъ.

— Гепъ-гопъ! Ну-у, миленькія... полегче, полегче... родимыя...

Вдругъ изъ темной пропасти, оттуда, гдѣ мерцала розовая полоска, точно выпрыгнулъ огромный золотой шаръ,—и на дорогу, на тайгу, на сопку и въ сердца людей брызнулъ потокъ веселаго фантастическаго свѣта. Лошади весело заржали... Ночная жуть на половину отлетѣла...

— У меня, докторъ, аневризма: при спускахъ внизъ сердце такъ и замираетъ,—сконфуженно заговорилъ Иванъ Ивановичъ:—въ другихъ случаяхъ не скажу, чтобъ особенной трусливостью отличался, но еще въ дѣтствѣ не могъ равнодушно качелей видѣть.

Спускъ кончился. Ѣхали по гладкому, ровному мѣсту. Природа преобразилась. Фосфорически-свѣтлыя пятна легли рядомъ съ рѣзко-черными полосами. Верхушки деревьевъ приняли серебристо-зеленый оттѣнокъ, а песокъ дороги казался теперь почти бѣлымъ. Освѣщенная луной, понурая, сгорбленная фигура ямщика была теперь видна отчетливо. Невзрачныя черты: носъ картошкой, маленькіе тусклые глазки, песоч-

наго цвѣта волосы... Землистыя щеки, прикрытыя щетиной короткихъ сѣдыхъ волосъ, представляли сплошную сѣтку морщинъ.

— А родину повидать тебя не тянетъ?—возобновила разговоръ Дарья Михайловна.

Фирюлинъ помолчалъ немного.

— Это ты про новгородску губерню? Да какая-жъ тамъ теперича мнѣ родина?

— Какъ какая? Все же своя сторона?..

— Чудачка-барыня! Своя! Да и пеньковъ, поди, тѣхъ не осталось, что при мнѣ были... Родители, знать, померли давно, царство имъ небесное; тѣ, что при мнѣ молодыми были, какъ я же, старики теперь... И имя мое позабыли! Приди къ нимъ— кто ты такой? скажутъ. Деревня наша, слышь, выгорѣла, новая, знать, выстроилась; лѣсъ, небось, вырубленъ—чугунка прошла... Говорю тебѣ—и пеньковъ тѣхъ не осталось!

— Вздоръ! Не всѣ же перемерли!—вмѣшался опять Мелеховъ, чувствуя тайное раздраженіе противъ того равнодушія, съ какимъ старикъ говорилъ о родинѣ, и, видимо, борясь съ какой-то внутренней, поднимавшейся въ немъ болью:—Авось кто и помнитъ еще?.. Девятнадцать, говоришь, лѣтъ тебѣ было? Неужто зазнобы никакой въ деревнѣ не имѣлъ?

Фирюлинъ поглядѣлъ на барина съ тупымъ удивленіемъ и ничего не отвѣтилъ.

Мелеховъ и самъ, впрочемъ, отлично понималъ, что вопросъ его нелѣпъ, что за сорокъ лѣтъ времени должна была испариться и самая пламенная зазноба, но что-то продолжало въ немъ протестовать...

— Неужели и умереть на родной землѣ не хотѣлъ бы? Фирюлинъ заморгалъ глазами, точно не вынося рѣзкаго луннаго свѣта.

— Земля, баринъ, у Бога одна... Три-то аршина вездѣ, чай, найдутся?

— Ха-ха-ха!—залился звонкимъ смѣхомъ развеселившійся Иванъ Ивановичъ:—да чего вы съ нимъ разговариваете? Сказалъ я вамъ—асмодей, ну, и все тутъ. Одно слово: безполезный человѣкъ!

А ямщикъ сидѣлъ на облучкѣ, полуобернувшись къ сѣдокамъ, сгорбленный, сморщенный и попрежнему, казалось, безстрастный. Лѣнивой потрухивающей рысцей бѣжали усталые кони, покорно опустивъ головы внизъ, и колокольчикъ уныло пѣлъ свою монотонную пѣсню. Сколько уже лѣтъ раздавалась здѣсь эта пѣсня... Сколько сѣдоковъ проѣхало по этой скучной дорогѣ, взадъ и впередъ, безъ конца и безъ счета... И всѣ одинаково куда-то спѣшатъ, чего-то волнуются, стремятся въ даль. Куда и зачѣмъ?..

III.

Утро встало прелестное. На синемъ небѣ ни облачка. Какъ огромная хрустальная чаша, накрыло оно собою зеленые лѣса и сизыя горы, съ невиннымъ дѣтскимъ любопытствомъ смотрѣвшіе вверхъ, точно въ ожиданіи великаго чуда: вотъ-вотъ приподнимется таинственная чаша—и откроется еще невиданная никѣмъ красота... Тихо и радостно шелестѣла омытая росою тайга; лиловымъ моремъ разлился по горамъ пахучій цвѣтъ богульника; весело тявкали у своихъ норокъ жирные, неуклюжіе тарбаганы, и какъ-то весело перекликались заунывные голоса кукушекъ. Жаворонки неумолкаемо гремѣли въ залитой золотомъ лазури... Величавое и прекрасное, какъ молодой богъ, поднималось солнце.

Возвратившійся въ Черный Яръ Фирюлинъ не смотрѣлъ вверхъ и не видѣлъ кругомъ себя никакой красоты: старику было не по себѣ.

— Да, какъ же,—сердито ворчалъ онъ,—асмодей—какъ же... У тебя мошна-то потолще моей. Тебя, небось, дѣти на старости кормить будутъ... Четверо, вишь,—запасливъ!

И онъ съ презрѣніемъ сплевывалъ на сторону А сердце не переставало почему-то болѣзненно сжиматься, и отъ груди не отваливалось что-то тяжелое, темное, какъ дурное предчувствіе...

Между тѣмъ, оповѣщенный заранѣе проѣздъ трехъ генераловъ уже возымѣлъ свое дѣйствіе: разгонъ начиналъ замирать. Вмѣсто прежнихъ 8—9 паръ лошадей, на каждой станціи было теперь свободныхъ всего двѣ-три, и тѣмъ ожесточеннѣе шла борьба между „частными проѣзжающими“ и тѣми счастливцами, которые могли громко и властно крикнуть: „по казенной надобности“!

У крыльца черноярской станціи произошла въ это утро безобразная сцена.

Ямщики запрягали свободную тройку для двухъ ѣхавшихъ въ Иркутскъ дамъ, уже болѣе сутокъ ждавшихъ своей очереди и теперь въ сильномъ волненіи готовившихся къ отъѣзду. Но запряжка шла мучительно медленно; сбруя приносилась почему-то частями, съ долгими промежутками; станціонный писарь, блѣдный и злой, стоялъ все время на крыльцѣ и поглядывалъ на дорогу, нервно прислушиваясь къ малѣйшему звуку.

— Возьмите же, наконецъ, прогоны!—приставала одна изъ дамъ, искательно заглядывая ему въ глаза и раскрывая ко-

шелекъ:—Теперь вѣдь никто уже не пріѣдетъ... Лошади все равно наши...

— Прогоны отдадите, когда въ повозку сядете,—невозмутимо отвѣчалъ писарь.

— Послушайте, какой смыслъ въ этомъ несносномъ формализмѣ?

Писарь, молча, отвернулся.

Наконецъ, лошади запряжены, поданы, вещи уложены; дамы усѣлись въ экипажъ. Писарь готовится получить прогоны... И вдругъ, въ это самое мгновеніе звякнулъ въ отдаленіи колокольчикъ... Писарь быстро отдернулъ руку.

— Это что значитъ? Вы издѣваетесь надъ проѣзжающими... Вы не имѣете права!

Но писарь не слушаетъ,—онъ такъ и впился глазами въ клубящееся по дорогѣ облако пыли, въ которомъ мелькаютъ копыта мчащихся со звономъ и грохотомъ лошадей.

Изъ подъѣхавшаго къ крыльцу рессорнаго экипажа, не торопясь, вылѣзъ высокаго роста упитанный господинъ въ мундирѣ съ зелеными кантами и посеребренными пуговицами.

— Ло-ша-дей!

— Лошадей нѣтъ, ваше-ство...

— По Высочайшему повелѣнію!

— Послѣдняя пара, вотъ, подъ нихъ запряжёна...

— Подъ кого? По какой надобности?

Зеленый кантъ бросилъ искоса взглядъ на сидящихъ въ повозкѣ притихшихъ и поблѣднѣвшихъ дамъ.

— По частной-съ.

— Ну, такъ вы-пря-гать!

Ямщики, съ самимъ писаремъ во главѣ, кинулись исполнять приказаніе.

— И вамъ не стыдно, милостивый государь, поступать такъ съ женщинами?—съ гнѣвно вспыхнувшимъ лицомъ обратилась къ владѣльцу зеленыхъ кантовъ старшая изъ дамъ:—Вы, человѣкъ, получившій высшее образованіе, вы...

Съ нахальной усмѣшкой на сочныхъ, румяныхъ губахъ пріѣзжій повернулся спиною.

Собравшаяся въ залѣ публика горячо обсуждала случившееся.

— Удивительная формація молодежи народилась на Руси,—ораторствовалъ господинъ въ штатскомъ, съ длинными усами и глубокомысленнымъ видомъ,—въ наше время такихъ, какъ-будто, не было. Нахальство самое неприкрытое! Помилуйте, влетаетъ этакій гусь на станцію и кричитъ: „По Высочайшему повелѣнію!" Писаря, ямщики такъ и трясутся... А дѣло-то очень просто: грозныя слова въ его подорожной относятся къ желѣзной дорогѣ, которая, дѣйствительно, по

Высочайшему повелѣнію строится, а отнюдь не къ Ивану Петрову, ѣдущему на ея постройку.

— Избаловали этихъ господъ огромными окладами и взятками. Вѣдь министры столько не получаютъ!

— Ну, и просвѣтятъ же Сибирь подобные представители культуры!

Опять загремѣли колокольчики, и у крыльца послышалось новое движеніе. Это пришла на цѣлыхъ трехъ возкахъ амурская почта. Почтальонъ, высокій, худой юноша съ рѣзко очерченнымъ горбатымъ носомъ и вызывающимъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, находился въ явно возбужденномъ состояніи; въ закинутой на самый затылокъ фуражкѣ, съ большимъ болтавшимся на поясѣ револьверомъ, чехолъ котораго онъ то-и-дѣло потрогивалъ рукой, молодой человѣкъ живо напоминалъ тѣхъ молоденькихъ пѣтушковъ, которые, при малѣйшемъ шорохѣ вблизи, топорщатся и нахохливаются, желая казаться отчаянными храбрецами.

— Ѣдемъ это по дорогѣ,—разсказывалъ онъ собравшимся вокругъ ямщикамъ,—глядимъ, двое въ канавѣ лежатъ... Ну, я и пальнулъ согласно инструкціи... Вскочили, стрекача дали!

— Развѣ они при оружіи были? Можетъ, такъ—бродяжня отдохнуть хотѣла,—замѣтилъ скептически писарь.

Почтальонъ самолюбиво вспыхнулъ.

— Какъ это „такъ"? Почто жъ они, мерзавцы, въ канаву спрятались? По вашему что жъ—я долженъ ждать, когда мнѣ въ глотку вцѣпятся? Нѣтъ, покорно благодарю, тогда-то ужъ поздно, пожалуй, будетъ. Я, можетъ, не одну тыщу казенныхъ денегъ везу, мнѣ и самому про то неизвѣстно... Да и жизнь-то мнѣ, поди, еще не надоскучила!

— Вѣр-рно!—загремѣли одобрительные голоса ямщиковъ.

Почтальонъ отправился составлять рапортъ по начальству о случившемся, а писарь—въ виду экстреннаго случая—махнулъ рукой на приказъ о генералахъ и распорядился о немедленномъ снаряженіи почты въ дальнѣйшій путь. Не успѣвшій еще отдохнуть порядкомъ Фирюлинъ опять оказался однимъ изъ трехъ назначенныхъ въ очередь ямщиковъ.

Солнце мчалось... И съ каждымъ мгновеніемъ картина замѣтно измѣнялась. Высыхала роса, и тускнѣла зелень. Тайга переставала шумѣть. Могучіе красные стволы сосенъ, точно, застывали въ какомъ-то мистическомъ созерцаніи... Удушливый зной быстро разливался въ помутнѣвшемъ воздухѣ, и небесная лазурь мало-по-малу линяла и блёкла. Въ одинадцатомъ часу утра прекрасная хрустальная чаша уже казалась огромнымъ раскаленнымъ котломъ, подъ которымъ задыхалось все живое. При одномъ взглядѣ на ослѣпительно-желтый песокъ дороги подошвы ногъ начинали горѣть...

Нижняя часть неба незамѣтно заволоклась смутно очерченными, сбитыми въ кучу облаками зловѣще-багроваго цвѣта, точно клубы дыма отъ далекаго небеснаго пожара. Не въ силахъ подняться въ безвѣтренной атмосферѣ, они стояли внизу, медленно мѣняя цвѣтъ и очертанія, безсильныя, безмолвныя и зловѣщія, какъ привидѣнія...

Передъ спускомъ въ Чортовъ оврагъ почта остановилась. Передніе ямщики тормозили свои повозки, и одинъ Фирюлинъ, какъ и вчера ночью, сидѣлъ равнодушно на козлахъ и сплевывалъ на сторону, затягиваясь изъ маленькой носогрѣйки. Ночью, въ фантастическомъ лунномъ освѣщеніи, все кругомъ было неясно и таинственно; малѣйшій хрустъ песка подъ копытомъ лошади заставлялъ вздрагивать и настораживаться; каждая вѣтка дерева принимала грозныя очертанія... Теперь, напротивъ, все было открыто и лишено тайны. Утопая въ горячемъ пескѣ, низко свѣсивъ головы, тихо, равнодушно спускаются измученныя лошади, и самый спускъ не кажется такимъ крутымъ и страшнымъ. Лѣпящіяся по лѣвому краю дороги великаны-сосны въ безсильномъ изнеможеніи протягиваютъ впередъ вѣтви— и не угрожаютъ, а, словно, молятъ о пощадѣ и защитѣ противъ жестокаго неба. Но оно неумолимо: безъ конца льется ослѣпительный потокъ невидимаго расплавленнаго металла... Уже не зеленымъ, а бурымъ кажется тощій кустарникъ, покрывшій гигантскіе склоны сопки, и кровавымъ пожаромъ разливается вдали потемнѣвшій шиповникъ и богульникъ... А надъ пылающей зноемъ картиной царитъ мертвая тишина; только колокольчики слегка брякаютъ, да шуршитъ горячій песокъ...

— Тр-рахъ!..

Неожиданно прокатилось въ застывшемъ воздухѣ. Совсѣмъ близко отъ огромной мохнатой сосны, къ которой подъѣзжала передняя тройка, Фирюлинъ ясно видѣлъ блеснувшій огонь. Онъ протиралъ глаза, чувствуя не столько страхъ, сколько безконечное удивленіе: откуда взяться, при такомъ ясномъ небѣ, грозѣ?.. Но вотъ за первымъ ударомъ раздался второй, и третій, и четвертый; лошади сразу стали, уткнувшись мордами въ переднюю повозку.

— Кар-раулъ!!—послышался впереди страшный, нечеловѣческій крикъ и тотчасъ же смолкъ.

Соскочивъ съ козелъ и все еще не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, въ какомъ-то оцѣпенѣніи, Фирюлинъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, держа на плечѣ кнутъ, точно собираясь имъ на кого-то замахнуться. Совсѣмъ вплотную подбѣжалъ къ нему человѣкъ съ револьверомъ въ рукѣ—и остановился, какъ вкопанный, въ видимомъ удивленіи и смущеніи. Оба

глядѣли молча, въ лицо другъ другу, силясь вспомнить, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ встрѣчались раньше. Нападавшій былъ совсѣмъ еще юноша; безбородое лицо его горѣло возбужденіемъ, и въ широко раскрытыхъ сѣрыхъ глазахъ читался испугъ, почти ужасъ... Минута, которую длилась эта безмолвная сцена, показалась обоимъ за вѣчность. Наконецъ, рука молодого человѣка судорожно дрогнула, раздался сухой, короткій трескъ, и Фирюлинъ упалъ на землю.

— Чего тамъ копаешься, Ѳедоръ? Сумы айда пороть!— крикнулъ мужчина съ черной окладистой бородой, стоявшій у передней повозки. На солнцѣ ярко блестѣли бутылкообразныя голенища его сапогъ, и, какъ острые черные гвозди, свѣтились глаза на матово-блѣдномъ, узкомъ лицѣ. Черезъ плечо висѣло ружье.

У Ѳедора подгибались колѣни, и въ глазахъ все двоилось и прыгало. Идя на зовъ чернобородаго, онъ чуть не упалъ, споткнувшись объ лежащаго поперекъ дороги, кверху лицомъ, съ широко раскинутыми руками, почтальона. Бѣдняга не успѣлъ даже вытащить изъ кобуры револьверъ и, очевидно, погибъ отъ первой же мѣтко направленной пули; изъ повозки онъ былъ выброшенъ, вѣроятно, уже мертвымъ. Голова убитаго была высоко запрокинута, и на длинной, тонкой шеѣ угрожающе торчалъ огромный кадыкъ; дѣтски-припухлыя, оттѣненныя прозрачнымъ пушкомъ губы и горбомъ изогнутый носъ по-прежнему придавали лицу вызывающій, нѣсколько смѣшной видъ; между тѣмъ, глаза были удивленно раскрыты, какъ у охваченнаго сильнымъ любопытствомъ ребенка...

Отвернувшись поспѣшно отъ трупа, убійца увидалъ еще болѣе ужасную картину: у самаго колеса первой повозки, въ огромной лужѣ крови, лежалъ ничкомъ сѣдобородый ямщикъ-великанъ, и тутъ же, съ вытянутой окровавленной мордой, съ оскаленными зубами, распростерся, запутавшись въ упряжи, убитый наповалъ коренникъ. Одна изъ пристяжекъ, съ перебитой задней ногой, стояла, низко опустивъ голову, какъ бы ожидая покорно слѣдующаго удара, а другая, упавъ на переднія колѣни, умными, печальными глазами смотрѣла кругомъ не то съ недоумѣніемъ, не то съ трогательной мольбою...

Ахъ, неужели это не сонъ?!

— Ѳедоръ, сдурѣлъ ты, что-ли?..—послышался прежній голосъ.

Нѣтъ, не сонъ это... Онъ сразу все вспомнилъ. Въ одну короткую минуту мелькнулъ передъ нимъ весь послѣдній годъ его жизни: нищенское прозябаніе съ больной старухой-

матерью; отупляющая работа въ низкой, душной комнатѣ съ ранняго утра до поздняго вечера; безсильно стонущія и умирающія одна за другой молодыя мечты о счастьи, о волѣ... И потомъ... потомъ это роковое знакомство... Что связало его, почти юношу, съ этимъ сорокалѣтнимъ полуграмотнымъ человѣкомъ? Къ нему онъ шелъ за разрѣшеніемъ мучившихъ его вопросовъ и сомнѣній,—и о чемъ только не переговорили они въ поздніе зимніе вечера, сидя съ глазу на глазъ при слабомъ свѣтѣ коптящей керосиновой лампы!

Злобой дышало каждое слово, злобой противъ счастливыхъ и сильныхъ... Сколько горя, сколько неправды кругомъ... А тѣ, въ чьихъ рукахъ богатство и сила, не думаютъ о другихъ... Овладѣть бы этой силой, какой бы то ни было цѣною! Разъ въ жизни грѣхъ сдѣлать, да за то потомъ увѣнчать его дѣлами, какія и святымъ не снились!..

„Но какъ же, однако, случилось это? Какъ пошелъ я на подобное дѣло"?—съ тоской, съ ужасомъ спрашивалъ себя Ѳедоръ, растерянно оглядываясь кругомъ:—„Никогда я не представлялъ себѣ, что кровь такъ ужасна, что такъ страшно могутъ глядѣть человѣческіе глаза"...

Ахъ! почему такъ безмолвно это блестящее небо, зачѣмъ такимъ зловѣщимъ огненнымъ взоромъ глядитъ солнце? И тайга молчитъ, и горы, залитыя кровью... Откуда на нихъ эта кровь?!

Какъ болитъ сердце, какъ ломитъ голову... Раскаленный песокъ огнемъ жжетъ ноги... Заснуть бы теперь непробуднымъ сномъ!

Но что-то нужно еще дѣлать, куда-то идти... Опять тотъже властный, грозный голосъ...

Нѣтъ, никогда уже больше не знать ясной радости, никогда не глядѣть въ глаза людямъ съ спокойной, свѣтлой улыбкой! Всякій отшатнется съ ужасомъ отъ убійцы...

И, почти обезумѣвъ, молодой человѣкъ хватался руками за голову, ощупывая себя, точно надѣясь, что страшный кошмаръ сейчасъ кончится, и онъ проснется...

IV.

Фирюлинъ на короткое только мгновеніе потерялъ сознаніе. Пуля, пробивъ шапку, скользнула вдоль черепа и оцарапала кожу, не причинивъ существеннаго вреда.

Но, очнувшись отъ легкаго оглушенія, старикъ сразу сообразилъ, чѣмъ онъ рискуетъ, если обратитъ на себя вниманіе убійцъ, и, затаивъ дыханіе, притворился мертвымъ. И тутъ только впервые онъ ощутилъ ужасъ, понявъ съ полной

отчетливостью, что произошло. Падая, онъ свалился на правый бокъ (съ правой стороны дороги) и теперь ясно видѣлъ все, что дѣлалось впереди, внизу. Подъ колесами второй повозки ему сразу бросились въ глаза плисовыя шаровары и праздничный нанковый пиджакъ младшаго ямщика—Сѣрьги, восемнадцатилѣтняго парня съ веселымъ взглядомъ лукавыхъ карихъ глазъ, съ вѣчной шуткой на румяныхъ губахъ, балагура, грамотѣя и пѣсенника, этой же осенью собиравшагося жениться... Уже была и невѣста, ядреная, краснощекая дѣвка изъ зажиточной семьи, съ толстой русой косой и съ такимъ же, какъ у жениха, веселымъ нравомъ. Но теперь для Сѣрьги все было кончено: онъ лежалъ, неподвижно распростертый уткнувшись лицомъ въ горячій песокъ, и алый потокъ крови обильно орошалъ его темныя кудри...

А грабители уже хозяйничали въ переднихъ возкахъ.

Толстая кожа почтовыхъ сумокъ подъ остріями быстро работающихъ ножей издавала непріятно скрипящій звукъ (точно гдѣ-то гвоздемъ водили по стеклу), и его смѣнялъ торопливый шелестъ разворачиваемой и разрываемой бумаги. Опустошенные конверты въ изобиліи летѣли на дорогу... Наибольшей опытностью отличался, повидимому, тотъ, который работалъ во второй повозкѣ: время отъ времени, какъ мышь изъ норы, онъ высовывалъ изъ кибитки свою маленькую головку съ огненно-рыжими волосами и краснымъ веснушчатымъ лицомъ и бросалъ зоркіе, подозрительные взгляды вверхъ и внизъ по дорогѣ

Но зловѣщая тишина продолжала стоять въ воздухѣ. Даже гремѣвшіе еще недавно жаворонки вдругъ замолчали... Безмолвно глядѣло солнце, и огненный ликъ его казался слегка затуманеннымъ...

Вдругъ Рыжій, какъ кошка, выскочилъ изъ возка, побѣжалъ съ ножомъ въ рукѣ на лѣвую сторону дороги (за повозками Фирюлину не все было видно) и зачѣмъ-то поспѣшно нагнулся...

— Не напился еще, аспидъ? Дѣло-то лучше бъ дѣлалъ!—вскинулся на него чернобородый, и въ глазахъ его сверкнуло презрѣніе...

— Думалъ, живъ... Кабысь шевельнулся...—прохрипѣлъ Рыжій, отходя назадъ къ повозкѣ.

— Да, братъ, шевельнется послѣ тебя,—жди!..

И опять все затихло. Опять слышенъ лишь трескъ распарываемой кожи, шелестъ бумаги, да изрѣдка храпъ лошади, или робкое бряканье колокольчика подъ дугой...

Фирюлинъ смотрѣлъ и чувствовалъ, какъ волосы на головѣ встаютъ у него дыбомъ. Дойдетъ чередъ до послѣдней повозки—и его замѣтятъ... Неужели смерть неизбѣжна?!

Никогда до этой минуты мысль о смерти не пугала его. Но онъ представлялъ себѣ, что произойдетъ это при совсѣмъ иной обстановкѣ: къ больному, настроенному на спокойный, торжественный ладъ, придетъ священникъ и приготовитъ его къ дальней дорогѣ... И будетъ кончина „христіанская и непостыдная“. Но здѣсь, сейчасъ предстояло умереть неожиданно, безъ покаянія, въ полномъ здоровьѣ и силѣ, умереть на большой дорогѣ, подъ ножемъ нечестиваго разбойника, среди картинъ крови и ужаса...

— Господи, не попусти! Помилуй!—беззвучно шепталъ старикъ запекшимися губами, стараясь вспомнить слова молитвъ и не въ силахъ ничего вспомнить. Отъ природы не злой и честный, онъ прожилъ жизнь въ такомъ равнодушіи къ вопросамъ религіи, что заглядывалъ въ церковь лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ и имѣлъ довольно смутное представленіе о Богѣ, Христѣ и ихъ отличіи отъ Ильи Пророка или Николая Угодника; теперь воспоминаніе объ этомъ равнодушіи усиливало его ужасъ, и съ глазами, полными слезъ, онъ не переставалъ твердить одни и тѣ же слова:

— Господи, не попусти!..

Передъ лицомъ близкой смерти все освѣтилось для Фирюлина инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Міръ, въ которомъ— вчера еще казалось ему—человѣку „податься некуда“, жизнь, въ которой онъ видѣлъ одинъ лишь смыслъ—безцѣльнаго и безплоднаго копленія грошей („на черный день“, „на упокой души)“, внезапно представились его воображенію чѣмъ-то безконечно-широкимъ, свѣтлымъ и радостнымъ.

Что лучше жизни подъ этимъ синимъ небомъ, въ лучахъ краснаго солнца? Какъ чудно-хорошъ Божій міръ! Какъ смѣшны и ничтожны всѣ тѣ мелкія невзгоды и лишенія, на которыя люди обыкновенно жалуются, считая ихъ за великія, непереносныя горести! Сейчасъ онъ съ радостью готовъ былъ надѣть суму самаго послѣдняго нищаго, несчастнѣйшаго и жалчайшаго калѣки, и съ открытой головой, съ босыми ногами брести по раскаленному песку, побираясь Христовымъ именемъ! Лишь бы только жить, жить... Лишь бы еще немного подышать вольнымъ воздухомъ, повидать красоту Божьяго созданія!

И старику вдругъ вспомнился его ночной сѣдокъ, землякъ-докторъ, обличавшій людей въ томъ, что всѣ они спятъ и не живутъ по правдѣ, и звавшій его, Фирюлина, на родную сторону. Старый баринъ, видимо, огорчился, не встрѣтивъ горячаго отзыва...

И, въ ту же минуту, точно прекрасный забытый сонъ, передъ Фирюлинымъ ярко блеснула голубая лента рѣчки съ

пологимъ песчанымъ берегомъ, вся усѣянная русыми головками плавающихъ, гогочущихъ и барахтающихся ребятишекъ. И онъ плыветъ съ ними... А надъ водной гладью съ веселымъ щебетаньемъ проносятся ласточки, и высокій противоположный берегъ кажется красивымъ синимъ ковромъ отъ залившихъ его сплошь незабудокъ...

Сорокъ лѣтъ прошло, и если бы кто-нибудь вчера еще спросилъ Фирюлина, есть ли въ его родной деревнѣ рѣка, онъ, быть можетъ, отвѣтилъ бы равнодушно: „А кто ее знаетъ! Гдѣ теперь упомнишь“! Но въ эту минуту онъ не только ясно припомнилъ картину, но даже и названіе рѣчки—Цвѣточная, происходившее, должно быть, отъ множества покрывавшихъ ее желтыхъ и бѣлыхъ кувшинокъ.

А вотъ и большой цвѣтущій лугъ подъ палящими лучами лѣтняго полдня; идетъ уборка зеленаго, душистаго сѣна. Онъ, Фирюлинъ, уже взрослый парень.

— Аннушка!—кричитъ кто-то на одномъ концѣ луга.

— Аннушка!—раздается смѣхъ въ другомъ концѣ, и всюду мелькаетъ голубой сарафанъ дѣвушки, стройной, гибкой, веселой... Съ граблями въ рукахъ, вороша сѣно, она поетъ, и далеко раздается звонкій голосъ:

Въ тѣсной клѣткѣ соловейка заскучалъ
По дубравушкѣ зеленой, по густой...
Заскучала красна дѣвица-душа
По шелко́вымъ молодецкіимъ кудрямъ!

Откуда это? Какая Аннушка? Но одно за другимъ оживаютъ старинныя воспоминанія, и сердце стараго бездомнаго бродяги раскрывается, размягчается и почему-то сладко болитъ... Дрожатъ въ немъ какія-то давно забытыя нѣжныя струны...

— Заскучала красна дѣвица-душа...

пропѣлъ еще разъ звонкій дѣвичій голосъ, и все разомъ исчезло... Сознаніе вернулось къ ужасной дѣйствительности.

— Господи, спаси! Микола Угодникъ, не попусти!—еще разъ прошепталъ почти вслухъ старикъ:—Глазкомъ хоть однимъ на матушку-Расеюшку поглядѣть... Цвѣтошну нашу повидать... И Аннушку... Старушка, можетъ, и помнитъ еще... Пеньки-то, можетъ, цѣлы... Привелъ бы Господь,—деньги бы всѣ, какія скопилъ, обществу отдалъ... Въ нуждѣ, поди, живутъ православные...

Оцѣпенѣвшіе отъ ужаса и тоски, глаза Фирюлина упали нечаянно на одинъ предметъ, который зажегъ ихъ мыслью. Въ душѣ проснулась отчаянная рѣшимость...

Его тройка, въ моментъ катастрофы уткнувшаяся мордами

въ кузовъ второй повозки, отошла затѣмъ понемногу, ни для кого незамѣтно, въ сторону, и теперь незаторможенный экипажъ имѣлъ передъ собой свободный путь. Что еще удивительнѣе, возжи не упали на землю и не запутались межъ копытами лошадей, а держались на облучкѣ козелъ. Случайно ли онѣ за него зацѣпились, или Фирюлинъ машинально накинулъ ихъ на крючокъ, когда, растерянный и испуганный, прыгалъ на землю?

Вскочить въ возокъ, схватить возжи и съ дикимъ крикомъ ударить ими по лошадямъ—было для стараго ямщика дѣломъ какихъ-нибудь двухъ секундъ. Тройка, какъ бѣшеная, взвилась на дыбы и сорвалась съ мѣста... Стрѣлой пролетѣла она мимо переднихъ повозокъ и сумасшедшимъ галопомъ понеслась внизъ съ горы, увлекая за собой тяжелый рыдванъ...

Все это произошло такъ неожиданно, такъ быстро, что грабители, точно вкопанные, оставались нѣсколько мгновеній на мѣстѣ. Первымъ опомнился Рыжій и, выпрыгнувъ изъ повозки, второпяхъ пустилъ вдогонку двѣ пули... Увидавъ, что промахнулся, онъ бросилъ ружье на землю и разразился отчаянной бранью.

— Черная тебя немочь задави! Законъ твой, и вѣру, и душу!— обратился онъ къ блѣдному, какъ смерть, чернобородому товарищу, еще вылѣзавшему только изъ возка и трясущимися руками взводившему курокъ берданки:—Жалко, вишь, ему, стало.. Добить не далъ... Добрый выискался, честный! Чортъ тебя чесалъ, да и чесалку сломалъ! Послалъ Богъ товарищей: одинъ, какъ баба, жалостливъ, другой, ровно заяцъ,—чуть коснулось до дѣла—и завонялъ... Кое, гляди, время зря стоитъ, какъ сонная муха, бродитъ... Ахъ, чтобъ васъ язвило, кикиморы вы несчастныя, тюремные жители! Въ томъ-то возкѣ вѣдь золото, надо быть, было... Стягомъ бы васъ здоровымъ по башкѣ обоихъ!..

Въ глубокомъ сознаніи своей тяжкой вины, чернобородый молчалъ. Вина была тѣмъ больше, что денегъ въ двухъ разобранныхъ возкахъ оказалось совсѣмъ мало...

А спасшаяся чудесно тройка неслась тѣмъ временемъ во весь духъ къ станціи, заливаясь веселымъ, побѣднымъ звономъ!

V.

Слѣдъ преступниковъ отыскался скоро. Фирюлинъ въ тотъ же день вспомнилъ, что младшаго изъ убійцъ не разъ видалъ въ городской почтовой конторѣ за столомъ, гдѣ продавались марки и писались росписки на заказныя письма;

онъ слышалъ, кромѣ того, какъ чернобородый грабитель называлъ его Өедоромъ... По наведеннымъ немедленно справкамъ оказалось, что въ N-ской почтовой конторѣ въ числѣ мелкихъ служащихъ, дѣйствительно, есть нѣкій Өедоръ Мальчевскій, 19 лѣтъ, примѣты котораго совершенно подходятъ къ тѣмъ, какія указалъ Фирюлинъ. Впрочемъ, по отзыву начальства, ни въ чемъ предосудительномъ Мальчевскій не былъ замѣченъ. Окончилъ курсъ трехъ классовъ мѣстнаго реальнаго училища, изъ котораго вышелъ по недостаточности средствъ къ жизни; происхожденія дворянскаго, воспитанія хорошаго: отличается деликатностью манеръ и почтительностью обращенія со старшими... Въ утро рокового воскресенья на службѣ, какъ и другіе чиновники, не былъ.

Полиція принялась тщательно слѣдить за частной жизнью Мальчевскаго, за его знакомствами, и въ числѣ послѣднихъ особенное вниманіе обратила на торговца желѣзными товарами Алексѣя Бусырина, у котораго онъ бывалъ почти ежедневно и наружность котораго опять-таки вполнѣ соотвѣтствовала примѣтамъ главнаго убійцы, указаннымъ Фирюлинымъ. Къ Бусырину нѣсколько разъ заходилъ также рыжій поселенецъ, уже давно находившійся у полиціи на подозрѣніи... Всѣ трое были одновременно арестованы, и подъ крыльцомъ у Бусырина найденѣ были 2000 рублей — бумажками, среди которыхъ замѣшался одинъ не уничтоженный второпяхъ денежный конвертъ. Улики были подавляющія, и когда арестованные встрѣтились на очной ставкѣ съ Фирюлинымъ, одинъ только рыжій поселенецъ продолжалъ во всемъ запираться. Онъ съ ожесточеніемъ все время твердилъ, что знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, и что роковое воскресенье провелъ неотлучно въ городѣ, пьяный, хотя въ какихъ именно мѣстахъ—не помнитъ.

Общественное положеніе преступниковъ, необычайная дерзость и кровавыя подробности тройного убійства, совершеннаго среди бѣлаго дня на большой дорогѣ, глубоко взволновали весь городъ, и убійцы преданы были военно-окружному суду. Двое старшихъ присуждены были къ висѣлицѣ; Өедоръ Мальчевскій, какъ несовершеннолѣтній, къ 20 годамъ каторжныхъ работъ.

На мѣсто казни Бусыринъ вышелъ блѣдный, изможденный, видимо упавшій духомъ, съ низко опущенной головою; но иногда онъ высоко ее вскидывалъ, оглядывалъ собравшуюся оффиціальную публику лихорадочно блестящими глазами, кланялся въ поясъ и говорилъ:

— Простите, православные! Пролилъ кровь неповинную!

Рыжій, напротивъ, глядѣлъ на всѣхъ, въ томъ числѣ и

на товарища, съ непримиримой злобой и ненавистью, и съ губъ его то-и-дѣло срывались проклятія..

А жизнь идетъ своимъ чередомъ, ни на минуту не останавливаясь, и новыя событія затираютъ старыя, окутывая ихъ забвеніемъ. Тройка за тройкою мчится взадъ и впередъ, на востокъ и на западъ отъ высокаго чернаго креста, стоящаго надъ Чортовымъ оврагомъ, и скоро на вопросы проѣзжихъ, что́ обозначаетъ этотъ крестъ, ямщики будутъ отвѣчать равнодушно:

— А кто его знаетъ, мы не здѣшніе!

Л. Мельшинъ.

Литературная дѣятельность декабристовъ.

II.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій.

Литературная дѣятельность князя Александра Ивановича Одоевскаго почти совсѣмъ забыта; и даже имя его въ простомъ перечнѣ нашихъ поэтовъ 20-хъ и 30-хъ годовъ упоминается рѣдко. Не заставили говорить о немъ и два недавно изданныхъ *) сборника его стихотвореній.

Причины такого забвенія болѣе чѣмъ понятны. Александръ Ивановичъ родился поэтомъ, но не раздѣлялъ съ поэтами обычной имъ страсти заявлять міру о каждомъ своемъ шагѣ, не исключая и собственнаго зарожденія. Онъ таилъ свои стихи отъ чужого глаза, рѣдко кому позволялъ ихъ подслушать и еще рѣже записывалъ ихъ. Почти всѣ его стихотворѣнія были записаны его друзьями, иногда по памяти, и онъ самъ, вѣроятно, менѣе чѣмъ кто либо, могъ думать, что эти импровизаціи, эти слова, сказанныя въ утѣшеніе самому себѣ или товарищамъ, составятъ современемъ сборникъ, который не позволитъ забыть о немъ, какъ о поэтѣ. Было ли это скромностью или гордыней художника, который считаетъ „ложью" всякое „изреченное" слово, безсильное передать глубину мысли и чувства, его породившихъ—но только Александръ Ивановичъ составлялъ исключеніе въ семьѣ художниковъ; и глубоко вѣрующій въ безсмертіе своей души, совсѣмъ не желалъ безсмертія для тѣхъ звуковъ, какими она откликалась на мимолетныя впечатлѣнія жизни. Итакъ, онъ самъ торопилъ для себя наступленіе минуты забвенія.

Она должна была наступить быстро и въ силу внѣшнихъ

*) «Полное собраніе стихотвореній князя А. И. Одоевскаго» собралъ баронъ *А. Е. Розенъ*. Спб. 1883. «Сочиненія князя А. И. Одоевскаго съ біографическимъ очеркомъ и примѣчаніями, составленными *М. Н. Мазаевымъ*. Ежемѣсячное приложеніе къ журналу «Сѣверъ» за іюль 1893». Кромѣ краткихъ упоминаній въ нѣкоторыхъ общихъ обзорахъ русской словесности, А. И. Одоевскому посвящена статья *А. Н. Сиротинина* «Князь А. И. Одоевскій. Біографическій очеркъ» «Историческій Вѣстникъ» 1883. Май. См. также *В. А. Тимирязевъ* «Піонеры просвѣщенія въ западной Сибири» «Историческій Вѣстникъ» 1896, томъ LXIV, 638—9.

обстоятельствъ. Одоевскому было 22 года, когда его отправили на каторгу и, кажется, что именно наканунѣ того дня, когда ему пришлось вступить на этотъ послѣдній этапъ своей молодой жизни, онъ впервые заговорилъ стихами *). Его стихи были, такимъ образомъ, какъ онъ самъ выражался, „пѣснями изъ гроба“. Это вѣрно также и въ томъ смыслѣ, что всѣ его стихотворенія, кромѣ одного, появились въ печати уже послѣ его кончины. Само собою разумѣется, что подъ ними первое время не могло стоять имени автора. Но даже если бы это имя и стояло, стихи Александра Ивановича, взятые порознь, едва ли могли произвести большое впечатлѣніе и остаться надолго въ памяти: они какъ тѣ цвѣты, которые издаютъ сильный ароматъ лишь тогда, когда собраны и связаны въ цѣломъ букетѣ. И вотъ, когда уже въ наши дни стараніями барона Розена стихотворенія его друга были соединены въ одномъ сборникѣ, можно было думать, что о нихъ вспомнятъ. Но этотъ сборникъ являлся уже какъ историческій памятникъ и привлекалъ къ себѣ вниманіе не столько какъ голосъ поэта, сколько какъ задушевный дневникъ историческаго дѣятеля. Изданные почти спустя полстолѣтія послѣ смерти автора, эти стихи, сохраняя свою художественную стоимость, утратили всякое литературное значеніе, которое они безспорно могли бы имѣть, если бы вышли въ свѣтъ во время.

Въ исторіи нашей лирики 20-хъ и 30-хъ годовъ поэзія Одоевскаго могла бы занять свое мѣсто въ ряду тѣхъ непринужденно-искреннихъ, пережитыхъ и прочувствованныхъ, сильныхъ своей простотой и почти совсѣмъ неэффектныхъ лирическихъ стихотвореній, которыя подписывались въ тѣ годы друзьями Пушкина. Пѣсня Одоевскаго той же высокой пробы, что и лирика этой плеяды. Въ ней поражаетъ таже тщательная отдѣлка стиха, рѣдкое гармоничное сочетаніе формы съ содержаніемъ при отсутствіи въ этой формѣ излишне узорнаго или недосказанно неяснаго, таже способность мѣнять и тонъ, и ритмъ, способность одинаково просто выражать весьма разнообразныя настроенія и чувства и, наконецъ, особый даръ, говоря все о себѣ, не слишкомъ навязывать свою личность читателю. Стихи Одоевскаго, изданные въ свое время, т. е. въ концѣ 30-ыхъ годовъ, завершили бы собой тотъ циклъ художественной лирики, которая въ Пушкинѣ нашла себѣ лучшаго выразителя и и въ которую затѣмъ Полежаевъ, Лермонтовъ и Огаревъ внесли новую ноту рѣзкаго личнаго протеста и эффектнаго, иногда вычурнаго, самолюбованія. Они могли бы быть одной изъ послѣднихъ пѣсенъ, въ которыхъ выразилось уже отходившее въ прошлое религіозно-философское, въ общемъ оптимистическое міро-

*) По крайней мѣрѣ въ сборникѣ его стиховъ самые ранніе помѣчены 1826 годомъ, и мы не знаемъ было ли имъ что нибудь писано раньше.

созерцаніе, которое не позволяло человѣку такъ болѣзненно ощущать разладъ мечты и жизни.

И, дѣйствительно, Александръ Ивановичъ, который болѣе чѣмъ кто либо имѣлъ основаніе быть въ обидѣ на жизнь, избѣгалъ подчеркивать то противорѣчіе, въ какомъ его личность, умственно и нравственно высокая, стояла къ окружающей его обстановкѣ и къ моменту, свидѣтелемъ котораго онъ являлся. Въ его міросозерцаніи было много религіознаго, иногда мистическаго, иногда философскаго элемента, который не мѣшалъ поэту жить страстями, но какъ-то не позволялъ этимъ страстямъ обращать всѣ душевные порывы, всѣ набѣгающія мысли въ предлогъ для непримиренно враждебнаго отношенія къ жизни вообще и къ людямъ въ частности. Знакомясь съ духовной жизнью нашего писателя, на сколько, конечно, эта сложная и полная смысла жизнь отражается въ его случайныхъ поэтическихъ замѣткахъ, видишь, что первой житейской мудрости онъ учился у того религіознаго либерализма, который, не смотря на всѣ предостереженія, былъ такъ силенъ во все царствованіе Александра I, и что поэту не остались чужды тѣ оптимистическіе взгляды на міръ и судьбу человѣка, къ которымъ вообще имѣли пристрастіе люди его времени, серьезно воспитанные на идеалистической философіи запада или только усвоившіе себѣ ея конечные выводы *).

Этотъ обще-философскій складъ ума Одоевскаго и спокойствіе его духа подтверждаются не только его стихами, но и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ производилъ на людей, способныхъ оцѣнить эти рѣдкія, не бросающіяся въ глаза душевныя качества. Если Огаревъ, который встрѣтилъ Одоевскаго въ концѣ тридцатыхъ годовъ солдатомъ на Кавказѣ, былъ не только пораженъ, но и увлеченъ его личностью,—то это еще понятно: самъ Огаревъ въ эти годы искалъ въ религіи и въ философіи разгадки смысла жизни. Но любопытно, что такое же глубокое впечатлѣніе Одоевскій произвелъ на натуру, совсѣмъ съ нимъ несходную, на Лермонтова, съ которымъ тотъ же случай свелъ его на Кавказѣ. Для пониманія Одоевскаго Лермонтовъ былъ по своему темпераменту и по своимъ взглядамъ мало подготовленъ, но и онъ преклонился передъ „гордой вѣрой Одоевскаго въ людей и въ жизнь иную“, хотя и придалъ его сблику оттѣнокъ горделивой замкнутости и разлада со „свѣтомъ“ и „толпой“—эти, ему самому, Лермонтову—столь привычныя чувства.

Когда затѣмъ Лермонтовъ говорилъ, обращаясь къ Одоевскому:

---

*) Баронъ Розенъ—близко знавшій поэта—указываетъ прямо на знакомство Одоевскаго съ философскими воззрѣніями Канта и Фихте. На сколько близко было это знакомство, опредѣлить, однако, нельзя, за полнымъ отсутствіемъ данныхъ.

Дѣла твои и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Лакъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ: ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда?—кто ихъ спроситъ...

онъ былъ не совсѣмъ правъ: если бы онъ зналъ эти думы, какъ знаемъ ихъ мы, онъ не задалъ бы имъ вопроса, зачѣмъ они и откуда; онъ призналъ бы въ нихъ, какъ и въ поступкахъ поэта—проявленіе цѣлаго и цѣльнаго міросозерцанія, оптимистическаго, съ большой дозой благодушія, довѣрчиваго къ судьбѣ и къ людямъ, либеральнаго и полнаго религіозной вѣры сначала въ близкое, а затѣмъ въ конечное торжество такого либерализма.

Лермонтовъ, типичнѣйшій представитель разочарованнаго протеста, скептикъ и сынъ Николаевской эпохи, могъ видѣть въ Одоевскомъ живой примѣръ старшаго поколѣнія. Передъ нимъ былъ также одинъ изъ протестовавшихъ, но примирившійся съ проигрышемъ идеалистъ, человѣкъ, котораго никакія житейскія невзгоды не заставили усомниться въ томъ, во что онъ вѣрилъ, каторжникъ со „звонкимъ дѣтскимъ смѣхомъ и живой рѣчью", „постоянно бодрый и веселый, снисходительный къ слабостямъ своихъ ближнихъ, христіанинъ, сердце котораго было обильнѣйшимъ источникомъ чистѣйшей любви, гражданинъ, страстно любящій родину, свой народъ и свободу въ высокомъ смыслѣ общаго блага и порядка" *).

Такимъ либераломъ и сентименталистомъ александровской формаціи умеръ этотъ человѣкъ случайно въ 1839 году, наканунѣ той эпохи, когда послѣ десятилѣтней растерянности и долгаго выжиданія, сталъ слагаться въ нашей средѣ новый типъ общественнаго дѣятеля, болѣе сердитаго, желчнаго, недовѣрчиваго, скептически относящагося ко многимъ прежнимъ иллюзіямъ, а потому порой и большого пессимиста.

А какъ много основаній имѣлъ Александръ Ивановичъ стать пессимистомъ!

I.

О жизни Одоевскаго сохранилось очень мало свѣдѣній, да и само слово жизнь какъ то не подходитъ къ тому, что съ нимъ въ жизни случилось.

Родился онъ въ 1802 или 1803 году вмѣстѣ съ годами великихъ обѣщаній Александровскаго царствованія. Потомокъ одного изъ самыхъ древнихъ дворянскихъ родовъ Россіи, онъ получилъ домашнее образованіе, въ тѣ годы, быть можетъ, болѣе широкое, чѣмъ то, которое давала тогда школа. Готовили его, конечно,

*) *Розенъ;* 9, 10, 17.

къ службѣ военной, и онъ началъ ее очень успѣшно. Въ 1823 году онъ былъ произведенъ въ корнеты и служилъ въ лейбъ-гвардіи конномъ полку.

Какъ жилъ онъ въ эти годы, что читалъ и что думалъ—мы не знаемъ.

Его имя всплываетъ передъ нами только въ роковомъ 1825 году.

Изъ всего, что до сихъ поръ извѣстно о дѣлѣ декабристовъ, мы не можемъ себѣ составить хоть сколько нибудь яснаго представленія о томъ, какъ Одоевскій былъ привлеченъ къ участію въ этомъ дѣлѣ. Вся исторія развитія его политическихъ идей за годы, предшествующіе декабрьскому движенію, либо совсѣмъ утрачена, либо пока еще не обнародована. Мы знаемъ только, что въ 1824 году онъ вступилъ въ члены сѣвернаго общества, что онъ посѣщалъ собранія, которыя происходили на дому у К. Ѳ. Рылѣева, на которыхъ, впрочемъ, онъ никакой видной роли не игралъ. Извѣстно, по донесенію слѣдственной коммиссіи, что почти наканунѣ 14-го декабря онъ на собраніи тайнаго общества находился въ особенно экзальтированномъ состояніи духа и мечталъ о славной смерти. „Умремъ! восклицалъ онъ, ахъ, какъ славно мы умремъ"!— и этотъ восторженный крикъ, кажется, единственное до насъ долетѣвшее слово изъ всего, что онъ говорилъ на этихъ собраніяхъ. Извѣстно также, что 13-го декабря онъ былъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, а 14-го стремился помѣшать выходу конногвардейскаго полка на сенатскую площадь для усмиренія мятежа и самъ—какъ говоритъ докладъ суда—принималъ въ этомъ мятежѣ личное участіе, съ пистолетомъ въ рукахъ. Этимъ его дѣятельность и ограничилась. Судить по этимъ даннымъ о зрѣлости, сущности и предѣлахъ его политической мысли—нельзя; одно только ясно: онъ не обманывался насчетъ возможности печальнаго исхода дѣла, чѣмъ, быть можетъ, и объясняется та бодрость духа, съ какой съ перваго же дня онъ переносилъ постигшую его кару.

Одинъ изъ его товарищей, Михаилъ Бестужевъ, оставилъ въ своихъ запискахъ весьма интересное свидѣтельство о томъ, какъ Одоевскій на первыхъ порахъ уживался съ новой обстановкой въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости. „Въ сосѣднемъ номерѣ сидѣлъ Одоевскій—разсказываетъ Бестужевъ—молодой, пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ. Мысли его витали въ областяхъ фантазіи, а спустившись на землю, онъ не зналъ, какъ угомонить потребность дѣятельности его кипучей жизни. Онъ бѣгалъ, какъ запертой львенокъ, въ своей клѣткѣ, скакалъ черезъ кровать или стулъ, говорилъ громко стихи и пѣлъ романсы. Однимъ словомъ, творилъ такія чудеса, отъ которыхъ у стражей волосы подымались дыбомъ: что ему ни говорили, какъ ни стращали—все напрасно. Онъ продолжалъ свое, и кончилось тѣмъ, что его оставили". Видѣть во всемъ этомъ одну лишь безпечность или непониманіе опасности едва ли возможно, такъ какъ тотъ же

веселый и бодрый нравъ Одоевскій сохранилъ и тогда, когда размѣръ и тяжесть наказанія вполнѣ опредѣлились. Очевидно, что эти выходки, не смотря на ихъ эксцентричность, были проявленіемъ извѣстнаго бодраго самообладанія, которое дѣйствительно никогда не покидало Одоевскаго.

Во всякомъ случаѣ участіе Александра Ивановича въ декабрьскомъ движеніи было лишь косвенное, и по разряду наказаній онъ попалъ въ четвертую группу. Его приговорили къ пятнадцатилѣтней каторгѣ. Конфирмаціей императора этотъ срокъ былъ сокращенъ до 12-ти лѣтъ. Въ 1832 году его освободили отъ каторжныхъ работъ, и онъ былъ поселенъ вблизи Иркутска въ Тельмѣ. Онъ оставался здѣсь не долго и, по собственному ходатайству, былъ переведенъ въ западную Сибирь *), въ Ишимъ, а въ 1836 году на Кавказъ рядовымъ для выслуги. Здѣсь онъ участвовалъ въ разныхъ экспедиціяхъ противъ горцевъ и 15-го августа 1839 года въ лазаревскомъ фортѣ умеръ отъ горячки—„отдалъ Богу, какъ сказалъ его другъ—послѣдній вздохъ безпредѣльной любви“ **).

Въ такихъ узкихъ рамкахъ умѣщается вся страдальческая жизнь Одоевскаго, съ момента его ареста до его смерти. А между тѣмъ, именно въ эти четырнадцать лѣтъ и жилъ онъ той настоящей духовной жизнью, общій смыслъ которой дошелъ до насъ въ его стихотвореніяхъ. Это была жизнь очень интимная, рядъ бесѣдъ съ самимъ собою, въ которыхъ воспоминанія задвигали собой всѣ надежды и упованія, и размышленіе брало верхъ надъ непосредственнымъ ощущеніемъ дѣйствительности. И вотъ въ эту интимную жизнь поэтъ позволялъ иногда заглянуть и другимъ, которымъ она показалась на столько интересной, что они запомнили и записали его признанія и думы.

II.

Литературное наслѣдство Одоевскаго совсѣмъ не равнаго достоинства. Одоевскій лирикъ, поэтъ личныхъ чувствъ и настроеній, несравненно выше Одоевскаго литератора, защитника и проводника извѣстнаго литературнаго направленія въ нашей словесности.

Дѣйствительно, не смотря на свои юношескіе годы, Александръ Ивановичъ, еще на свободѣ, успѣлъ себя приписать къ опредѣленному литературному лагерю, успѣлъ даже тиснуть двѣ статейки, въ которыхъ попробовалъ свои силы, какъ критикъ и

*) Смтр. *Дмитріевъ-Мамоновъ* «Декабристы въ западной Сибири».
**) *Гозенъ*, 9.

журнальный наѣздникъ *). Онъ выступалъ въ нихъ, какъ все его поколѣніе, поборникомъ „романтической“ поэзіи и тѣсно связанной съ ней „народности“. Какъ большинство его соратниковъ въ этомъ дѣлѣ, онъ едва ли могъ теоретически вывести формулу пресловутаго „романтизма“, не запутавшись въ противорѣчіяхъ; да онъ, впрочемъ, и не пытался выводить ее, а просто заявлялъ при случаѣ о своемъ недовольствѣ пріемами стараго классическаго искусства и тѣмъ несоотвѣтствіемъ этого искусства съ „природой“, какое онъ подмѣчалъ въ старыхъ образцахъ. Въ своей критической статейкѣ „О трагедіи „Вѣнцеславъ“, онъ, послѣ многихъ колкостей по адресу старины, призывалъ нашихъ поэтовъ не бояться нововведеній, „когда они, не касаясь законовъ природы и искусства, клонятся къ избавленію отъ излишнихъ узъ“.

При такой любви къ новизнѣ въ искусствѣ, Одоевскій имѣлъ, однако, большое пристрастіе къ старинѣ народной. Онъ былъ патріотъ въ искусствѣ и хотѣлъ, чтобы народный сюжетъ и по возможности народная форма проникли въ нашу поэзію.

Эта же любовь къ самобытной русской литературѣ заставила Одоевскаго еще въ самые юные годы заняться изученіемъ нашей словесности со временъ самыхъ древнихъ.

Въ читинскомъ острогѣ декабристы, какъ извѣстно, устроили нѣчто вродѣ вольной академіи. „Въ долгіе зимніе вечера—разсказываетъ баронъ Розенъ—для развлеченія и поученія, нѣсколько товарищей спеціалистовъ согласились читать лекціи: Никита Муравьевъ—стратегіи и тактики, Ф. Б. Вольфъ—химіи и физики, П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ—прикладной и высшей математики, А. О. Корниловичъ и П. А. Мухановъ—русской исторіи, К. П. Торсонъ—астрономіи и А. И. Одоевскій—русской словесности“ **).

Баронъ Розенъ разсказываетъ далѣе обстоятельно о томъ, какъ Одоевскій справлялся со своей задачей. Разсказъ любопытенъ, такъ какъ показываетъ, какимъ богатымъ запасомъ знанія обладалъ Александръ Ивановичъ еще до ссылки, т. е. какъ литературно и при томъ учено литературно былъ образованъ этотъ свѣтскій молодой человѣкъ.

„А. И. Одоевскому, говоритъ Розенъ ***), въ очередной день, слѣдовало читать о русской литературѣ: онъ сѣлъ въ углу съ тетрадью въ рукахъ, началъ съ разбора пѣсни о походѣ Игоря, продолжалъ нѣсколько вечеровъ и довелъ лекціи до состоянія

---

*) «О трагедіи Вѣнцеславъ, сочиненіе Ротру, передѣланной г. Жандромъ» «Сынъ Отечества» 1825 т. XCIX и «Перечень изъ писемъ къ издателямъ «Сына Отечества» изъ Москвы. «Сынъ Отечества» 1825 т. CII.

**) Самъ баронъ Розенъ пояснялъ своимъ товарищамъ личное освобожденіе крестьянъ Прибалтійскихъ губерній изъ крѣпостной зависимости безъ надѣловъ земли, безъ всякихъ выкупныхъ договоровъ, но съ общимъ правомъ пріобрѣтенія земельной собственности по обоюднымъ соглашеніямъ.

***) *Розенъ* 11—12.

русской словесности въ 1825 году. Окончивъ послѣднюю лекцію, онъ бросилъ тетрадь на кровать, и мы увидѣли, что она была бѣлая, безъ замѣтокъ, безъ чиселъ хронологическихъ, и что онъ все читалъ на память" *).

Ролью историка литературы Одоевскій не ограничился: ему хотѣлось иллюстрировать свой курсъ собственными произведеніями съ болѣе или менѣе широкимъ общимъ замысломъ. До насъ дошли двѣ такихъ попытки, за которыми остается извѣстное историко-литературное значеніе, хотя ихъ художественная стоимость болѣе чѣмъ скромная. Упомянуть о нихъ, однако, необходимо, чтобы указать на внѣшнюю связь поэзіи Одоевскаго съ господствующимъ въ тѣ времена стремленіемъ къ „народности" и „романтизму".

На сколько въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ нашъ поэтъ самобытенъ и оригиналенъ, на столько въ этихъ опытахъ въ „романтическомъ" и „народномъ" стилѣ онъ рабъ установившагося литературнаго шаблона. Такимъ является онъ въ своей романтической поэмѣ „Чалма". Повѣсть написана подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ кавказскихъ горъ и—на сколько можно судить по дошедшему отрывку—не что иное, какъ варіація на старую тему борьбы свободнаго, страстнаго и цивилизаціей не тронутаго женскаго сердца съ мужскимъ, цивилизаціей утонченнымъ эгоизмомъ. Эту тему еще въ 20-хъ годахъ разрабатывалъ Пушкинъ, ее повторялъ затѣмъ Марлинскій. Подъ перомъ Лермонтова она, какъ извѣстно, была исчерпана, дополнена побочными мотивами съ рѣзкой соціальной и этической тенденціей и стала очень удобнымъ предлогомъ для обличенія различныхъ извращеній и недочетовъ нашей культуры. Одоевскому такое обличеніе было совсѣмъ не свойственно, и въ поэзіи его было слишкомъ мало страстности, чтобы удачно овладѣть хотя-бы только самой романической завязкой этой темы, какъ, напр., овладѣлъ ею Пушкинъ въ своемъ „Кавказскомъ Плѣнникѣ". „Чалма" вышла какимъ-то недоноскомъ: вмѣсто настоящаго пыла страсти, получилось лишь нагроможденіе довольно откровенныхъ картинъ и не совсѣмъ скромныхъ образовъ; вмѣсто яркаго восточнаго колорита, дана была лишь мозаика изъ нѣкоторыхъ общеупотребительныхъ восточныхъ словъ, и, наконецъ, разсказъ былъ начатъ въ такомъ тонѣ, что трудно было понять, чѣмъ онъ долженъ былъ кончиться—драмой или комедіей. Первый опытъ въ романтическомъ стилѣ оказался промахомъ; Одоевскій понялъ это, и своей поэмы не окончилъ.

Несравненно болѣе удачна была другая попытка Одоевскаго выйти изъ сферы стихотвореній чисто личнаго характера. Это

*) Тому же Розену Одоевскій преподавалъ русскій языкъ по имъ самимъ составленной грамматикѣ.

была длинная, въ четырехъ пѣсняхъ написанная, историческая поэма объ ослѣпленіи князя Василька. Одоевскій работалъ надъ ней, кажется, около трехъ лѣтъ (1827—30). Трудъ былъ не изъ малыхъ—какъ можетъ подтвердить любой лирикъ, котораго обязали бы написать на одну тему 150 строфъ по 8 строкъ каждая. Одоевскій предпринялъ этотъ подвигъ умышленно, въ интересахъ словесности „народной и самобытной".

Опытъ этотъ показалъ прежде всего, что еще до ссылки Одоевскій успѣлъ запастись весьма солидными историческими и археологическими свѣдѣніями. Ихъ хватило не на какую нибудь балладу или пѣсню, а на цѣлую бытовую картину довольно туманнаго историческаго періода.

Такихъ поэмъ, какъ „Василькò", писалось въ тѣ времена не мало. Онѣ были весьма популярны, какъ первыя попытки использовать народный сюжетъ для литературныхъ и, главнымъ образомъ, патріотическихъ цѣлей и при томъ использовать его на новый ладъ, въ стилѣ западноевропейскаго романтизма. Читая поэму Одоевскаго, можно, дѣйствительно, подумать, что она—переложеніе на русскіе нравы какой нибудь риѳмованной повѣсти Вальтеръ-Скотта. Даже чудесное, введенное въ эту поэму, которое Одоевскій особенно тщательно старался выдержать въ русскомъ стилѣ, смахиваетъ на простое подражаніе столь распространенному тогда на западѣ фантастико-мистическому символизму.

Содержàніе поэмы умышленно запутанное. Краткій лѣтописный разсказъ объ ослѣпленіи Василькá давалъ мало пищи для вдохновенія. Автору пришлось разбавлять разсказъ собственнымъ вымысломъ. Этотъ вымыселъ мало оригиналенъ: авторъ либо повторяетъ общеевропейскіе мотивы романтики, рисуетъ соотвѣтствующіе мрачнымъ дѣяніямъ мрачные ночные пейзажи, описываетъ таинственныя появленія и исчезновенія дѣйствующихъ лицъ, разсказываетъ о тайныхъ собраніяхъ и свиданьяхъ, изображаетъ ужасъ темницъ и подземелій и т. д., либо онъ повторяетъ опять-таки условныя, въ изобиліи тогда встрѣчавшіеся, но уже русскіе народные мотивы: описываетъ какую нибудь отеческую бесѣду князя съ народомъ, въ которой князь обнаруживаетъ всю свою патріархальную душевную благость, а народъ—свойственную ему покорность и смѣтливость, разсказываетъ о княгинѣ, которая льетъ горючія слезы и полна страха въ виду зловѣщаго сна или страшнаго гаданія; описываетъ красоты престольнаго Кіева града, съѣздъ князей и обѣдъ, который по сему случаю былъ предложенъ и боярамъ, и нищимъ; разсказываетъ, какъ на этотъ княжій пиръ является неизбѣжный Баянъ—совсѣмъ какъ трубадуръ или менестрель въ рыцарскій замокъ...

Поетъ этотъ Баянъ хвалу кіевскому князю Святополку за его гостепріимство, но примѣшиваетъ къ своей хвалѣ зловѣщее пророчество объ ослѣпленіи Василькá и, пользуясь правомъ, ко-

торое ему на сей случай пожелалъ дать Одоевскій, говоритъ съ укоризной пирующимъ князьямъ о слезахъ родного „убогаго" народа.

Баяна смѣняетъ опять традиціонное лицо злодѣя, который вступаетъ въ союзъ съ темными силами, чтобы погубить несчастную жертву. Вокругъ Василька́ сплетается цѣлая адская интрига, впрочемъ, не вполнѣ намъ ясная, такъ какъ третья часть поэмы Одоевскаго утрачена. Въ послѣдней части описывается, и при томъ весьма реально, вся омерзительная сцена ослѣпленія.

Не трудно догадаться, чтò именно заставило Одоевскаго остановиться на этой совсѣмъ не благодарной темѣ. Для него въ ней крылся символическій смыслъ. Несчастный князь Василькò, низвергнутый нежданно съ высоты своего положенія въ такую пучину несчастія и смирившійся духомъ—былъ историческимъ призракомъ, въ который Одоевскій облекъ свое собственное настроеніе, то преклоненіе передъ высшей волей, которой онъ самъ свою несчастную судьбу довѣрилъ.

Религіозная тенденція поэмы, дѣйствительно, выступаетъ наружу очень ясно. Авторъ, вопреки исторіи, перенесъ умышленно въ эпоху, когда жилъ Василькò, ту рѣзкую борьбу христіанства и язычества, которая отмѣчала собой первые годы христіанскаго просвѣщенія Россіи. Все чудесное и фантастическое въ поэмѣ пригнано къ этому мотиву борьбы двухъ религіозныхъ началъ. Какъ въ историческихъ романахъ изъ жизни императорскаго Рима,—передъ нами два русскихъ Кіева, одинъ надземный—христіанскій, другой языческій—подземный, и этотъ подземный, пожалуй, красивѣе правовѣрнаго. Одоевскій съ особой тщательностью украшалъ его разными фантастическими и археологическими подробностями, желая быть по возможности самобытнымъ. Чтобы дать образецъ этой „самобытности", конечно, поддѣльной, приведемъ нѣсколько строфъ изъ той славянской „Валпургіевой ночи", которую Одоевскій вставилъ въ свою поэму, и которая, на нашъ взглядъ, не смотря на всю фальшь,—самый образный и поэтическій эпизодъ его разсказа.

Авторъ разсказываетъ, какъ князь Давидъ, главный виновникъ погубленія Василька́, шелъ совѣщаться съ подземными силами въ пещеру около Кіева, гдѣ по ночамъ совершались жертвоприношенія уже давно поверженному Перуну. Разсказъ длинный, съ подробнымъ описаніемъ пещеры, всѣхъ привидѣній, которыя ограждаютъ къ ней доступъ, съ описаніемъ какой-то страшной дѣвы, съ мечомъ и свѣточемъ въ рукѣ, не то прорицательницы, не то фуріи,—однимъ словомъ, со всѣмъ инвентаремъ романтическихъ ужасовъ. Упоминаются, конечно, и всѣ истинныя и мнимыя божества русской миѳологіи, и Перунъ, и Стрибогъ, Велесъ, Купала, Коляда, Ладо и Дажбогъ. Въ присутствіи всѣхъ этихъ зловѣщихъ призраковъ разыгрывается сцена заклинанія и

проклятія христіанскаго Кіева. И вотъ какіе мелодичные стихи попадаются въ этой сценѣ:

Хоръ жрецовъ.

Грудныхъ младенцевъ, не причастныхъ
Грѣху отцовъ,
Несите, вѣдьмы и русалки,
Предъ ликъ боговъ!
Мы на кострѣ сожжемъ начатки
Отъ ихъ волосъ,
Чтобъ сынъ славянъ богамъ славянскимъ
Во славу росъ.

Три вѣдьмы.

Мы змѣею зашипѣли
И какъ вихорь понеслись;
Съ визгомъ въ теремы влетѣли
И дѣтей изъ колыбели
Мы схватили и взвились.

Всѣ вѣдьмы.

Цѣпки у вѣдьмы медвѣжія лапы,
Лёгокъ нашъ конь, помело,
Свищемъ и скачемъ, пока на востокѣ
Не разсвѣло.

Русалки.

Неслышной стопою
Касаясь земли,
Мы руку съ рукою,
Какъ вѣтви, сплели.
Мы пѣснь напѣвали
И въ лунныхъ лучахъ,
Какъ тѣни, мелькали
На Лысыхъ Горахъ.
Мы дѣвъ заманили
На пѣсенный гласъ,
Вкругъ липы водили,
И съ каждой изъ насъ,
Смѣясь, цѣловались
Онѣ сквозь вѣнокъ
И съ нами сплетались
Въ русальный кружокъ.
Вотъ сходимъ. Какъ птицы,
Поемъ и летимъ,
Со смѣхомъ въ свѣтлицы
Порхнемъ къ молодымъ;
То шопотомъ сладко
Надъ люлькой поемъ,
Поемъ и украдкой
Дитя унесемъ, etc.

Всѣмъ этимъ бѣсовскимъ призракамъ Одоевскій готовилъ въ концѣ своей поэмы полное посрамленіе. Свершить злое дѣло имъ удалось, но всѣ ихъ чары были безсильны надъ духомъ праведника. Ослѣпленный Василько утратилъ способность зрѣть внѣш-

ній свѣтъ; но тѣмъ ярче продолжалъ ему свѣтить свѣтъ внутренній.

И нигдѣ религіозная идея всей поэмы не выражена такъ ясно, какъ въ заключительныхъ словахъ, которыми священникъ выясняетъ всѣмъ присутствующимъ значеніе совершившагося предъ ихъ лицомъ преступленія:

Предъ Спасомъ не виновенъ Василько,
И предъ людьми страдалецъ не виновенъ:
Пройдутъ князья, пройдетъ и судъ князей;
Но истина на небѣ и въ потомствѣ,
Какъ солнце просіяетъ!

Съ извѣстнымъ правомъ эти слова можно отнести и къ самому автору.

И для него, которому перестала свѣтить „денница жизни", которому „цѣлый міръ сталъ темницей"—и ему продолжалъ свѣтить тотъ внутренній свѣтъ, въ которомъ и заключался весь смыслъ и все движеніе его земной жизни.

Какой обликъ приняла духовная сторона этой жизни подъ лучами такого свѣта—намъ покажутъ стихотворенія, писанныя имъ для себя, въ свое утѣшеніе и свою защиту, а не для обороны чего-либо посторонняго, хотя бы и столь дорогого писателю, какъ самобытная литература его родины.

III.

Въ одномъ стихотвореніи, посвященномъ памяти отлетѣвшихъ отъ него милыхъ ббразовъ, Одоевскій очень картинно и вѣрно назвалъ всю свою духовную жизнь „воспоминаніемъ о красотѣ міра сквозь сонъ". Дѣйствительно, онъ жилъ только воспоминаніями, и въ нихъ ему всегда свѣтила красота недоступнаго для него міра. Жизнь успѣла подарить Одоевскому только первую свою улыбку — именно въ тѣ ранніе годы, когда человѣкъ смотритъ на такую улыбку, какъ на залогъ грядущаго долгаго счастья, какъ на намекъ возможнаго въ мірѣ блаженства; и нашъ поэтъ, въ силу особыхъ условій его блестящей и счастливой юности, могъ быть легче, чѣмъ кто-нибудь, прельщенъ такимъ раннимъ привѣтомъ жизни. Когда онъ готовился провѣрить ея обѣщанія, когда онъ ей задалъ первый серьезный вопросъ и поставилъ первое свое требованіе, онъ въ одинъ день и навсегда потерялъ сразу все, что люди теряютъ постепенно и къ чему они, въ виду такой медленной утраты, становятся мало по малу равнодушны. Одоевскій очутился въ совсѣмъ особомъ положеніи; онъ не зналъ медленнаго угасанія надеждъ, не испыталъ, какъ одна за одной гаснутъ путеводныя звѣзды, его сразу окутала тьма, и онъ продолжалъ любить, безумно любить жизнь, создавая

въ мечтахъ ея плѣнительный образъ по тѣмъ мимолетнымъ воспоминаніямъ, которыя сохранилъ о ней.

При всемъ печальномъ колоритѣ его стихотвореній—печальномъ потому, что правдивомъ — въ его стихахъ нѣтъ и тѣни пессимизма. Какъ бы онъ ни скорбѣлъ о себѣ—онъ былъ далекъ отъ всякой скорби о жизни; онъ привѣтствовалъ ее гдѣ только могъ, и каждый, самый мимолетный веселый лучъ ея, который случайно падалъ въ его темницу, онъ встрѣчалъ съ весельемъ и благодарностью.

Эта веселость и игривая шутка были привѣтомъ той жизни, которая съ ея свѣтлыми сторонами и радостями, какъ неизвѣстный заповѣдный рай, начиналась за оградой его собственнаго существованія. Если Одоевскій безропотно сносилъ свою судьбу и подавилъ въ себѣ всякую спесивную жалобу, то это грустное примиреніе со своей участью не влекло за собой никакого грустнаго осужденія всего міропорядка. Въ оцѣнкѣ этого міропорядка онъ всегда былъ оптимистомъ.

Міръ мечты не могъ быть для нашего поэта тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для многихъ другихъ, которые, идя свободно своей дорогой, въ концѣ ея или даже по срединѣ говорили, что все, кромѣ мечты—суета, обманъ и разочарованіе, что красота и счастье не въ сближеніи съ міромъ, а въ отдаленіи отъ него, что оно въ мечтахъ, а не на землѣ. Для Одоевскаго такое утѣшеніе и счастье въ мечтахъ существовало лишь на половину. Всетаки его мечта была „воспоминаніемъ о красотѣ *жизни*“, которая не обманула его, не надоѣла ему, а, наоборотъ, прельщала его издали.

Его мечта, а потому и его поэтическое творчество, и тотъ „міръ“, красоту котораго онъ силился припомнить, слились въ его представленіи въ одно неразрывное цѣлое. Одоевскій вѣрилъ, что если всѣ матеріальныя его связи съ этимъ міромъ порваны, то всетаки—въ его мечтѣ осталась одна связь, неуловимо тонкая, но вмѣстѣ съ тѣмъ самая крѣпкая, которая пока цѣла и не дастъ ему погибнуть въ одиночествѣ. Провожая послѣдній „лучезарный хороводъ блеснувшихъ надеждъ“, онъ молилъ эту воздушную дѣву-мечту запоздать своимъ отлетомъ; ее одну, „неотлетнаго его друга“, просилъ онъ побыть съ нимъ, въ залогъ того, что всякая мечта не есть случайное видѣніе, что въ ней дано общеніе съ другими людьми, что она можетъ присниться и другому и на ту же высоту вознести думы ближняго. („Послѣдняя надежда“).

Мечта, не какъ убѣжище для скорбящаго и оскорбленнаго духа, а какъ живая связь съ другими людьми—вотъ какой являлась Одоевскому эта богиня - фантазія, съ которой большинство его современниковъ любили встрѣчаться не иначе, какъ

вдвоемъ, въ тишинѣ, въ уединенiи, вдали отъ людей и по возможности о нихъ не думая.

„Какъ я давно поэзiю оставилъ“! — говорилъ однажды Одоевскiй—

Я такъ ее любилъ: я черпалъ въ ней
Всѣ радости, усладу скорбныхъ дней,
Когда въ снѣгахъ пустынныхъ мiръ я славилъ,
Его красу и стройность вѣчныхъ дѣлъ,
Господнихъ дѣлъ, грядущихъ къ высшей цѣли
На небѣ, гдѣ мнѣ звѣзды не яснѣли
И на землѣ, гдѣ въ узахъ я коснѣлъ...

Какъ ни темна была его дорога, какъ ни терялъ онъ свѣжесть юныхъ силъ—въ ней одной, въ этой поэзiи, въ этой мечтѣ, находилъ онъ „живой воды источникъ“:

О другъ, со мной въ печаляхъ неразлучный,
Поэзiя! Слети и мнѣ повѣй
Опять твоимъ божественнымъ дыханьемъ!
Мой вѣрный другъ! когда однимъ страданьемъ
Я мѣрялъ дни, считалъ часы ночей--
Бывало, кто приникнетъ къ изголовью
И шепчетъ мнѣ, цѣлитъ меня любовью
И сладостью возвышенныхъ рѣчей?
Слетала ты, мой ангелъ утѣшитель!

И за что же поэтъ такъ превозносилъ эту гостью? Не за то, что она ему давала забвенiе и подъ своимъ узорнымъ покровомъ стремилась скрыть отъ него всѣ мрачныя стороны бытiя, не за то, что она убаюкивала его мысль и смиряла тревогу сердца,—наоборотъ, лишь за то, что—высшее проявленiе жизни—она учила его любить эту жизнь и въ конечномъ мiрѣ чуять безконечность духа. Она была—Божьимъ глаголомъ, вдыхающимъ жизнь и вѣчность въ Божiй свѣтъ, и отнюдь не призывомъ къ забвенiю того, что на этомъ свѣтѣ творится:

Поэтъ
Въ свой тѣсный стихъ вдыхаетъ жизнь и вѣчность,
Какъ самъ Господь вдохнулъ въ свой Божiй свѣтъ—
Въ конечный мiръ всю духа безконечность.
[«Поэзiя», 1837—39].

Чѣмъ же былъ милъ Одоевскому этотъ Божiй свѣтъ и о какой его красотѣ могъ нашъ двадцатилѣтнiй узникъ—вспомнить? Такъ мало было прожито, что само слово „воспоминанiе“ звучитъ какъ-то странно — можно было бы подумать, что оно по ошибкѣ поставлено вмѣсто слова „надежда“, если бы мы не знали, что для себя лично Одоевскiй навсегда отъ всякихъ надеждъ отказался.

Но онъ, дѣйствительно, любилъ мiръ, и любилъ его неэгоистично, не для себя, и зналъ, за что любилъ. Бережно и ревниво

хранилъ онъ также и свои личныя воспоминанія; и въ этой памяти о быломъ свѣтила ему все та же красота міра.

Его ровное и ясное міросозерцаніе опиралось, такимъ образомъ, и на общія размышленія о красотѣ и цѣнѣ жизни, и на память о тѣхъ раннихъ впечатлѣніяхъ бытія, въ которыхъ для него было столько намековъ на возможное въ мірѣ блаженство.

Присмотримся же сначала поближе къ этимъ общимъ размышленіямъ и затѣмъ припомнимъ сами то, о чемъ онъ могъ вспомнить.

IV.

Первое, что въ глазахъ Одоевскаго придавало міру его высокую цѣну и что одѣвало его въ особую красоту, было Божіе присутствіе въ немъ, религіозный смыслъ всего бытія. Одоевскій, какъ большинство людей его времени, былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, и при томъ христіаниномъ. Для него тайна искупленія и тайна воскресенія были двумя актами непосредственнаго Божьяго вмѣшательства въ дѣла міра,—два дара, въ которыхъ залогъ не только возможности спастись за гробомъ, но и залогъ того, что и здѣсь, на землѣ, часть обѣтованнаго блаженства станетъ истиной. Воскресеніе не для неба, а для земли—вотъ одинъ изъ лучей вѣры, который вспыхнулъ ярко въ душѣ поэта въ первые же дни его несчастья. Въ казематѣ Петропавловской крѣпости въ пасхальную ночь 1826 года онъ писалъ:

Я, на колѣняхъ стоя, пѣлъ;
Съ любовью къ небесамъ свободный взоръ летѣлъ...
И серафимовъ тьмы внезапно запылали
Въ надзвѣздной вышинѣ;
Ихъ пѣсни слышалися мнѣ.
Съ ихъ гласомъ всѣ міры гармонію сливали.
Средь горнихъ силъ воскресшій Богъ стоялъ,
И день, блестящій день сіялъ
Надъ сумраками ночи;
Стоялъ Онъ радостный средь волнъ небесныхъ силъ
И полныя любви, божественныя очи
На міръ спасенный низводилъ.
И славу Вышняго, и на землѣ спасенье
Я тихимъ гласомъ воспѣвалъ
И мой, мой также гласъ къ Воскресшему взлеталъ:
Изъ гроба пѣлъ я воскресенье.

[«Полночь»].

Когда въ другомъ стихотвореніи („Рѣка Усьма“) Одоевскій говорилъ, что „цѣль всей жизни нашей — отрадный Спасовъ Крестъ“ — онъ всегда разумѣлъ торжество этого Креста здѣсь среди насъ и никогда не отчаявался въ своей завѣтной мысли о „спасеніи на землѣ“ и о воскресеніи изъ гроба не для безсмертія, а для жизни.

Въ Господѣ предѣлъ
Путей земныхъ и всѣхъ благихъ дѣяній—

говорилъ онъ, и весь земной путь, проходимый человѣчествомъ, былъ въ его глазахъ такимъ благимъ путемъ къ благой цѣли. Онъ, какъ сынъ своего поколѣнія, родившійся послѣ великой исторической драмы, послѣ скорбнаго отчаянія въ нравственной стоимости человѣка, и воспитавшійся въ эпоху религіозно-сентиментальнаго просвѣтленія духа,—вѣрилъ въ прогрессъ и въ торжество „гуманизма". Сквозь туманъ вѣковъ ему это торжество было видимо, какъ видимы были и всѣ трудности и опасности земной дороги.

Человѣкъ всетаки смертный пришлецъ великаго безсмертнаго міра, думалъ поэтъ. Не все въ этомъ мірѣ создано для него и не все созданіе его рукъ.

Высится пышный дворецъ, горитъ онъ блескомъ алмазовъ, бѣлѣетъ подъ нимъ снѣжный фундаментъ и мрачный лѣсъ лежитъ у его ногъ. Это—Глетчеръ. Дивнымъ рѣзцомъ изваяны его стѣны, блеститъ и горитъ онъ своимъ убранствомъ. Вокругъ него стоятъ алтари изъ снѣга и, чистыя, лежатъ на нихъ приношенія. Кто ваятель этого дворца и кто его житель? Ваятель—Вѣкъ, отрасль вѣчности—мысль Творца, а житель его—царь роковой смерти. Человѣку нѣтъ въ этомъ дворцѣ мѣста. Сюда не взойдетъ онъ; для него, если ужъ онъ рѣшилъ подняться на высоту—есть иное жилище. Тамъ, у подножія дворца, стелется темный лѣсъ, необозримый для слабаго человѣческаго зрѣнія. Онъ частый, густой и дикій лѣсъ. Въ немъ, если захочетъ, пусть живетъ человѣкъ и съ высоты смотритъ долу. Сирый жилецъ міра фантазіи, пусть онъ тихо смотритъ по сторонамъ и поддерживаетъ пылкій духъ своихъ мечтаній. Несчастный! въ мірѣ повсюду онъ зритъ суету, зритъ нищету чистыхъ стремленій... Взглянетъ онъ ввысь—передъ нимъ недоступная холодная вершина, посмотритъ онъ долу—подъ нимъ сельская жизнь въ своей вѣковой неподвижности. („Глетчеръ" 1838).

Въ такихъ символическихъ образахъ рисовалась Одоевскому земная жизнь человѣка, поставленнаго среди не имъ созданной и непобѣдимой природы, безразличной и холодной во всей ея божественной красотѣ. Выйти изъ инертной сельской жизни, изъ первобытнаго своего состоянія—человѣкъ долженъ. Пылкій духъ заставляетъ его идти впередъ, влечетъ его на высоту и мирная жизнь смѣняется для него блужданіемъ въ непроглядномъ лѣсу, у подножія таинственнаго храма природы, созданной вѣчностью и творческой мыслью Бога. Состязаться съ Богомъ въ такомъ творчествѣ онъ—смертный пришлецъ—не можетъ, но онъ не можетъ также и остаться въ долинѣ: она тѣсна для него и таинственная высь его манитъ.

Необузданъ бываетъ человѣкъ въ своихъ стремленіяхъ, мысляхъ и чувствахъ. Великъ и ничтоженъ онъ въ своихъ порывахъ. Онъ какъ—лавина.

Рванулась она и катится по скату крутогора...... для трепетнаго взора она кажется орудіемъ неба; громъ ея гремитъ по полянамъ. Для нея нѣтъ препятствій. Утесъ дрожитъ подъ ея ударомъ и лѣсъ ложится на землю. Жестока бываетъ она въ своемъ страшномъ, свирѣпомъ бореньи: гибнутъ стада, гибнутъ люди. Все поглощаетъ она и стремглавъ несется къ озеру. И вотъ, когда она, полная ярости, въ вихрѣ снѣга и пара, мнитъ, что уничтожитъ и это препятствіе... она сама гибнетъ. На нее падаетъ лучъ солнца, и грозный шаръ, тая, обращается въ воду. („Лавина").

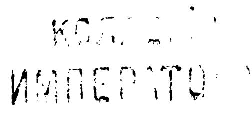
Опять рядъ символовъ. Великъ и грозенъ бываетъ человѣкъ, когда даетъ просторъ своей силѣ. Все, что становится ей по дорогѣ, можетъ погибнуть, и страшная жестокость сопровождаетъ иногда ея проявленіе. Но есть и для этой разрушительной силы нежданная могила и—что̀ важнѣе—есть въ мірѣ солнце, есть свѣтъ духа, который обращаетъ грубую и опасную снѣговую глыбу въ мирныя и ясныя волны.

Много въ жизни человѣческой и загадочно-страшнаго и жестоко-несправедливаго, но какъ бы ни былъ труденъ путь земной, онъ всетаки есть движеніе отъ худшаго къ лучшему.

Этотъ непостижимый путь волнуетъ насъ своей мучительной тайной. Какъ скудно наслажденіе сердца въ этой жизни, какъ смѣшаны на этомъ похоронномъ пирѣ скорбь съ радостью! Иногда все кажется тѣнью и весь міръ какъ-бы обширная гробница—

Но вѣченъ родъ! Едва слетятъ
Потомковъ новыхъ поколѣнья,
Иныя звенья замѣнятъ
Изъ цѣпи выпавшія звенья;
Младенцы снова расцвѣтутъ,
Вновь закипитъ младое племя,
И до могилы жизни бремя,
Какъ даръ безъ цѣли, донесутъ
И сбросятъ путники земные...
Безъ цѣли! Кто мнѣ дастъ отвѣтъ?
Но въ насъ порывы есть святые,
И чувства жаръ и мыслей свѣтъ,
Высокихъ мыслей достоянье!
Въ лазурь небесъ восходитъ зданье:
Оно незримо, каждый день,
Трудами возрастаетъ вѣка;
И со ступени на ступень
Вѣка возводятъ человѣка. («Элегія» 1830, Чита).

И возведутъ они его, наконецъ, на ту высоту, съ которой онъ въ сознаніи своей нравственной побѣды сможетъ спокойно

обозрѣть пройденный имъ страдальческій путь разочарованій, ошибокъ и преступленій.

За этотъ-то глубокій смыслъ, вложенный самимъ Богомъ въ жизнь человѣка, смыслъ, освященный тайной искупленія и символически выраженный въ тайнѣ воскресенія—Одоевскій любилъ жизнь.

Итакъ, онъ любилъ ее прежде всего за ея духовную красоту, за то, что она была ареной для нравственныхъ подвиговъ человѣчества, ареной торжества, обѣщаннаго человѣку и дарованнаго ему Богомъ.

V.

Кромѣ этой духовной красоты поэтъ любилъ въ мірѣ и его красоту внѣшнюю. Это была его вторая любовь—живая и сильная въ его поэтической душѣ. Много великолѣпныхъ поэтическихъ образовъ, взятыхъ изъ жизни природы, разсыпалъ онъ въ своихъ случайныхъ стихотвореніяхъ. Онъ не могъ пройти мимо этой внѣшней красоты, не почувствовавъ прилива любви къ творенью и наплыва опять религіозныхъ чувствъ.

Поэзія - не Божій ли глаголъ,
И пѣніемъ птицъ, и бурями воспѣтый?
То въ радугу, то въ молнію одѣтый,
И въ цвѣтъ полей, и въ звѣздный хороводъ,
Въ порывы тучъ, и въ глубь бездонныхъ водъ.
Единый ввѣкъ и вѣчно разнозвучный? («Поэзія». 1837-39).

спрашивалъ онъ.

Свою собственную поэзію онъ нерѣдко дѣлалъ отзвукомъ этой таинственной рѣчи Создателя, но всегда въ его описаніяхъ и сравненіяхъ зерномъ его мысли и родникомъ его чувства остался человѣкъ—созерцатель и сожитель этой нѣмой величаво-красивой природы.

Не затѣмъ, чтобы забыть о людяхъ, присматривался и прислушивался Одоевскій къ природѣ, а лишь затѣмъ, чтобы найти соотвѣтствіе между нею и человѣкомъ. Мы встрѣчали уже нѣсколько такихъ описаній въ его символическихъ картинахъ, мы встрѣтимъ ихъ много и въ его чисто лирическихъ стихотвореніяхъ. Всегда во всякой картинѣ природы, набросанной его словомъ, мы найдемъ скрытый или явный намекъ на какое нибудь чисто человѣческое чувство. Рисуетъ ли поэтъ зеленое море родныхъ полей, рощъ и холмовъ и пышную сѣнь лѣсовъ, вдоль которыхъ бѣжитъ простая русская рѣчка, „одѣтая, какъ невѣста въ небесную лазурь“ („Рѣка Усьма“ 1837)—мы чувствуемъ, что эта картинка набросана изгнанникомъ въ первую минуту свиданія съ отчизной:—такъ много въ ней игривой радости, такъ эта рѣчка

бросается въ объятія къ склоненному надъ ней влюбленному лѣсу, такъ она шалитъ и радуется, какъ ребенокъ, такъ рѣзвясь, она разгульными струями бѣжитъ вдоль рощъ и полей...

Рисуетъ ли Одоевскій дикій горный пейзажъ, изображаетъ ли онъ „великановъ въ ледяныхъ шлемахъ, за плечами которыхъ гремятъ полные молній колчаны", „туманы, которые какъ поясъ облегаютъ ихъ станъ, сорвавшуюся вблизи нихъ шумную лавину"—онъ пріурочиваетъ эти грозныя и мрачныя картины къ прославленію какого нибудь великаго акта человѣческой воли, какъ напр. къ переходу черезъ Альпы Наполеона, вслѣдъ за которымъ по тому же пути пройдетъ и сынъ той страны, гдѣ въ полночной мглѣ, среди снѣговъ высится на своемъ пьедесталѣ конь и его мѣдный всадникъ [„Сенъ-Бернаръ" 1831 г.].

И часто нашъ поэтъ дополнялъ красоту человѣческихъ помысловъ, чувствъ и дѣяній такими картинами, въ которыхъ изображалась красота столь имъ любимой природы. И самъ онъ на фонѣ этой вѣчной красоты, сначала въ снѣгахъ Сибири, а затѣмъ въ горахъ Кавказа былъ какимъ-то поэтическимъ видѣніемъ.

„Мы, пошли въ лѣсъ, по дорожкѣ къ источнику,—разсказывалъ Огаревъ про свою встрѣчу съ Одоевскимъ въ Желѣзноводскѣ.—Деревья по всей дорожкѣ дико сплетались въ крытую аллею. Мѣсяцъ просвѣчивалъ сквозь темную зелень. Ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ разсказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся:

Долго слѣдилъ я эѳирную поступь...

Онъ кончилъ, а этотъ стихъ и его голосъ все звучали у меня въ ушахъ. Стихъ остался въ памяти; самый образъ Одоевскаго, съ его звучнымъ голосомъ, въ поздней тишинѣ лѣса, мнѣ теперь кажется тоже какимъ-то видѣніемъ, возникшимъ и исчезнувшимъ въ лунномъ сіяніи Кавказской ночи" *).

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этой ночи Одоевскій скончался; и Лермонтовъ такими словами проводилъ друга въ могилу:

Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—
И мрачныхъ горъ зубчатые хребты.
И вкругъ твоей могилы неизвѣстной
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ, склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая.
А море Черное шумитъ не умолкая.

*) Въ статьѣ «Кавказскія воды».

Послѣ Бога, о которомъ Лермонтовъ вспоминалъ рѣдко, и послѣ людей, о которыхъ онъ вспоминалъ въ большинствѣ случаевъ недружелюбно, ему оставалось говорить только о природѣ, если онъ, дѣйствительно, хотѣлъ упомянуть о томъ, чѣмъ этотъ міръ былъ дорогъ страдальцу.

VI.

У Одоевскаго была, впрочемъ, и еще одна привязанность, чисто земная. Онъ былъ большимъ и страстнымъ патріотомъ. Судьбы Россіи были для него предметомъ особаго культа. Онъ вѣрилъ въ великое призванье своей отчизны и мечталъ объ ея всеславянской миссіи, и, какъ нѣкоторые изъ его современниковъ, онъ упреждалъ въ данномъ случаѣ славянофиловъ.

Мысли Одоевскаго о Россіи дошли до насъ, конечно, въ весьма неполномъ видѣ. Въ своихъ стихахъ онъ говорилъ о родинѣ часто, говорилъ возвышенно и хвалебно, безъ всякой тѣни критическаго отношенія къ ея настоящему.

А что такая критика была, это—несомнѣнно. Самый фактъ участія Одоевскаго въ декабрьскомъ движеніи указываетъ яснѣе всякихъ словъ на его недовольство настоящимъ. Какъ бы молодъ онъ ни былъ и какъ бы ни были шатки въ тѣ годы его взгляды, во всякомъ случаѣ его юношескій патріотизмъ былъ далеко не изъ самодовольно-миролюбивыхъ.

Въ первые годы тюремной жизни поэта агрессивный тонъ этого воинствующаго патріотизма не измѣнялся. На это указываетъ стихотвореніе, написанное имъ въ 1826 году, въ казематѣ Петропавловской крѣпости:

Таится звукъ въ безмолвной лирѣ,
Какъ искра въ темныхъ облакахъ;
И пѣснь, незнаемую въ мірѣ
Я вылью въ огненныхъ словахъ.
Въ темницѣ есть пѣвецъ народный;
Онъ не поетъ для суеты:
Скрываетъ онъ душой свободной
Небесъ безсмертные цвѣты;
Но похвалой не обольщенный,
Не ищетъ ранняго вѣнца.—
  Почтите сонъ его священный,
  Какъ предъ борьбою сонъ борца.

[«Сонъ поэта», 1827 г.]

Очевидно—отъ перваго удара судьбы не убавился воинственный пылъ поэта: Одоевскій хотѣлъ видѣть въ своей пѣснѣ пѣсню „народную“, и она была ему нужна для „борьбы“, отъ которой онъ, повидимому, не думалъ отказываться.

Мысли о родинѣ сохранили свой боевой характеръ и во второй годъ испытанія. Въ отвѣтъ на стихи Пушкина „19-е октября 1827 года“:

Богъ помощь вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви.
Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ счастьѣ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ странахъ чужихъ, въ пустынномъ морѣ
И въ темныхъ пропастяхъ земли—

Одоевскій отвѣчалъ посланіемъ:

Струнъ вѣщихъ пламенные звуки
До слуха нашего дошли,—
Къ мечамъ рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрѣли...

стихотвореніемъ, которое даже въ 1883 году цензура не разрѣшила напечатать — въ такомъ вызывающемъ тонѣ оно было написано.

Этотъ воинственный призывъ умолкаетъ, однако, очень скоро въ стихахъ Одоевскаго *). Онъ исчезаетъ вмѣстѣ съ ранними годами его молодости, уступая мѣсто тому уравновѣшенному и созерцательному взгляду на жизнь, который смягчалъ всякую рѣзкость чувства.

Ни отъ одного изъ тѣхъ гуманныхъ убѣжденій, за которыя Одоевскому пришлось пострадать, онъ не отрекся, и только о способѣ проведенія этихъ убѣжденій въ жизнь онъ хранилъ молчаніе. Оставляя за собой право критически относиться къ нѣкоторымъ сторонамъ русской жизни и, вѣроятно, критикуя ихъ на частныхъ собраніяхъ и бесѣдахъ **), Одоевскій въ своихъ стихахъ говорилъ лишь о тѣхъ явленіяхъ русской дѣйствительности, которыя не вызывали въ немъ иного чувства, кромѣ радости, и иныхъ пожеланій, кромѣ самыхъ восторженныхъ.

Вотъ почему въ его стихахъ такъ часто превозносится внѣшній блескъ русской державы и ея международное призваніе. Одоевскій въ данномъ случаѣ не составлялъ исключенія и въ началѣ царствованія императора Николая I, патріотическая восторженная рѣчь о могуществѣ Россіи была обычнымъ явленіемъ въ устахъ даже очень умныхъ и осторожныхъ людей. Всѣ признавали то особое привилегированное положеніе, которое Россія заняла среди державъ при Александрѣ I, и расплата за излишнее самомнѣніе наступила не раньше 1855 года.

*) Если не считать какой-то латинской фразы, сказанной Одоевскимъ въ 1837 году въ Ставрополѣ въ ожиданіи прибытія императора. О ней упоминаетъ Сатинъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Починъ», 1895, 243—244.

**) Какъ видно изъ программъ «академическихъ» чтеній декабристовъ.

Эта военная слава Россіи нашла себѣ въ Одоевскомъ пѣвца очень искренняго, а подъ конецъ его жизни, когда онъ солдатомъ служилъ на Кавказѣ, и одного изъ своихъ терпѣливыхъ и выносливыхъ слугъ, умѣющихъ умирать безгласно.

Особенной оригинальной красотой и силой эти патріотическія стихотворенія, однако, не блещутъ.

Подвиги старыхъ князей кіевскихъ и новгородскихъ, восхваленіе князей-собирателей земли русской, подвигъ Ермака, гражданская доблесть Минина и Пожарскаго, затѣмъ великій Петръ и его побѣды, затѣмъ Суворовъ, пылающая Москва и нашествіе Галловъ, наконецъ, побѣды нашего оружія на Востокѣ, „бракъ русскаго царства съ Грузіей"—всѣ эти кровавыя страницы родной исторіи приходили часто на память нашему мирному поэту, и такъ же часто поэзія и вымыселъ заступали въ его рѣчахъ мѣсто исторической правды. Иногда, впрочемъ, онъ позволялъ себѣ помечтать и о грядущемъ, и тогда его стихотвореніе выходило столь типично славянскимъ, что подъ нимъ охотно подписался-бы любой изъ членовъ кружка Хомякова. Таково, напр., его стихотвореніе „Славянскія дѣвы".

Во образѣ дѣвъ рисуется Одоевскому вся великая славянская семья. Быстры и нѣжны напѣвы дѣвъ ляшскихъ, просты и дики пѣсни дѣвъ сербскихъ; дышатъ любовью и славой пѣсни чешскихъ дѣвъ—отчего же всѣ эти дѣвы не поютъ согласно святыя пѣсни минувшихъ временъ и не сольютъ всѣхъ своихъ голосовъ въ единый голосъ? И отчего такъ грустны пѣсни старшей дочери въ славянскомъ семействѣ, почему она проводитъ свои дни, какъ ночи, въ теремѣ, почему заплаканы ея очи? „Отчего ты не выйдешь въ чистое поле", спрашиваетъ поэтъ старшую сестру, „отчего не разгуляешь своей грусти? Спѣши въ поле на встрѣчу меньшимъ сестрамъ, веди за собой ихъ хороводъ и, дружно сплетя свои руки съ ихъ руками, запой пѣсню свободы!

Боже! Когда-же сольются потоки
Въ рѣку одну, какъ источникъ одинъ!
Да потечетъ сей потокъ исполинъ,
Ясный, какъ день, какъ море широкій,
И, увлажая полміра собой,
Землю украситъ могучей красой [«Славянскія Дѣвы»].

Въ стихахъ, въ которыхъ Одоевскій говорилъ о Россіи, ему приходилось неоднократно вспоминать о томъ лицѣ, противъ котораго онъ нѣкогда поднялъ оружіе. За исключеніемъ тѣхъ раннихъ стиховъ, на которые уже указано, Одоевскій во всѣхъ своихъ словахъ о царѣ выдерживалъ тонъ восторженнаго почтенія. Этотъ тонъ не былъ ему насильно навязанъ обстоятельствами, такъ какъ никто не заставлялъ его говорить объ императорѣ, и если бы

онъ питалъ къ нему прежнія враждебныя чувства —онъ могъ молчать. Нельзя видѣть въ этихъ словахъ также и умышленной лести; это не согласовалось-бы съ характеромъ самого лица, которое говорило, и затѣмъ, кромѣ того, нельзя заподозрить въ лести тѣ слова, которыя были сказаны въ тѣсномъ кругѣ, написаны для себя и не посланы по адресу.

Если по свидѣтельству барона Розена *) самъ поэтъ смотрѣлъ на свое извѣстное „Посланіе къ отцу" 1836 года, которое кончалось такимъ обращеніемъ къ императору:

> Взнеси опять мой бѣдный чёлнъ,
> Игралище безумныхъ волнъ,
> На океанъ твоей державы,
> Съ небесъ мнѣ кроткій лучъ пролей,
> И грѣшной юности моей
> Не помяни ты въ царствѣ славы—

если онъ на это стихотвореніе, посланное черезъ гр. Бенкендорфа, смотрѣлъ „какъ на единственную пилу, которою онъ могъ перепилить желѣзную рѣшетку своей темницы и выйти на волю", то у него были и другія стихотворенія, въ которыхъ онъ говорилъ о царѣ въ тѣхъ же выраженіяхъ и которыя шефу жандармовъ не были переданы. Заподозрить эти стихи въ льстивой тенденціи нѣтъ основанія, да и написаны они къ тому же съ большой искренностью.

Остается предположить —и въ этомъ не будетъ никакой натяжки—что у Одоевскаго и у многихъ другихъ его товарищей очень скоро послѣ катастрофы исчезло непріязненное чувство къ тому лицу, которое ихъ такъ жестоко покарало. И это понятно. Они были врагами не какого либо лица, а извѣстной системы, извѣстнаго порядка. Этотъ порядокъ не могъ въ ихъ глазахъ и представленіи соединяться съ личностью императора Николая Павловича, котораго они почти совсѣмъ не знали; они были свидѣтелями только единственнаго и при томъ самаго тревожнаго дня его царствованія; государственная тенденція этого новаго царствованія опредѣлилась лишь позднѣе, какъ разъ въ тѣ годы, когда декабристы не имѣли уже возможности пристально слѣдить за ея развитіемъ. Такимъ образомъ, они могли на первыхъ порахъ лишь съ извѣстной натяжкой перенести свою нелюбовь къ императору Александру на его брата. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ нихъ—людей особенно мягкихъ—воспоминаніе о 14-мъ Декабря могло вызывать и сожалѣніе и извѣстную тревогу сердца. Они не могли не думать о жертвахъ этого дня и не только о тѣхъ, которые страшнымъ страданіемъ поплатились за свою рѣшимость, но и о тѣхъ, которые остались лежать на площади, жертвами проиграннаго дѣла. Нужно помнить также, что многіе изъ декабристовъ,

*) *Розенъ*, 207.

при своемъ религіозно-сентиментальномъ міровоззрѣніи и при своей житейской неопытности, могли питать надежду на то, что новое царствованіе не пожелаетъ повторить или усугубить ошибокъ прошлаго. Наконецъ, нельзя забывать и того, что извѣстнымъ залогомъ надежды имъ могли служить тѣ частичныя льготы, которыми правительство изрѣдка смягчало непомѣрно тяжелыя условія ихъ жизни.

Въ 1837 году наслѣдникъ Александръ Николаевичъ совершилъ свое путешествіе по Сибири. Для Одоевскаго это событіе было предлогомъ цѣлаго ряда патріотическихъ стихотвореній („На проѣздъ Наслѣдника Престола“ и четыре стихотворенія „На пріѣздъ въ Сибирь Наслѣдника Цесаревича“). Нашъ поэтъ привѣтствовалъ наслѣдника отъ имени забытой и въ опалѣ находящейся Сибири. Если въ своихъ обращеніяхъ къ императору Одоевскій держался патетически возвышеннаго тона, то въ привѣтствіяхъ его сыну онъ этотъ тонъ еще повысилъ. Его стихи были настоящимъ гимномъ въ честь гостя, котораго—казалось ему—Сибирь встрѣчала какъ исполнителя своего завѣтнаго мечтанія о томъ, чтобы „пришелъ, наконецъ, владыко и извелъ для великаго свѣта всѣхъ сидящихъ въ узахъ темноты“.

Когда Одоевскій писалъ эти стихи, предчувствовалъ-ли онъ, какое въ нихъ заключалось пророчество? Угадывалъ-ли онъ, что съ именемъ того юноши, пріѣздъ котораго онъ благословлялъ, будетъ связана исторія паденія тѣхъ „узъ темноты“, за борьбу противъ которыхъ погибалъ онъ и его товарищи?

Во всякомъ случаѣ, поэтъ былъ преисполненъ чувствъ и надеждъ самыхъ радостныхъ.

VII.

Міръ, какъ воплощеніе Божьей мысли и воли, и какъ арена для подвига человѣка, міръ, какъ воплощеніе красоты вѣчной и, наконецъ, среди этого міра Россія съ ея настоящей и грядущей славой—вотъ тѣ главные общіе устои, на которыхъ было построено міросозерцаніе Одоевскаго, и вотъ источникъ той любви къ жизни, которую не могли заглушить въ немъ печали его личнаго существованія.

Что же дала ему эта жизнь, ему самому, какъ человѣку, чтобы „воспоминаніе объ ея красотѣ“ могло скрасить его настоящее?

Отмѣтимъ прежде всего, что вся личная жизнь поэта была, дѣйствительно, сосредоточена на одномъ воспоминаніи.

Какъ недвижимы волны горъ,
Обнявшихъ тѣсно мой обзоръ
Непроницаемою гранью!
За ними—полный жизни міръ,
А здѣсь я одинокъ и сиръ
Отдалъ всю жизнь воспоминанью [«Посланіе къ отцу» 1836].

признавался онъ тому человѣку, котораго любилъ больше всего на свѣтѣ.

Стихи, въ которыхъ онъ велъ эти одинокія бесѣды со своимъ прошлымъ, должны были носить, конечно, характеръ самый интимный. Въ одномъ граціозномъ по замыслу стихотвореніи „Роза и соловей", поэтъ заставляетъ соловья жаловаться на то, что роза, склонивъ печально свою голову, не глядитъ на него и его не слушаетъ. „Зачѣмъ мнѣ слушать?"—отвѣчаетъ роза—„ты про свою любовь поешь слишкомъ громко, и мнѣ грустно: если ты поешь не для меня одной, то значитъ ты меня не любишь." „Отдай мнѣ всю твою душу—говоритъ ей въ отвѣтъ соловей—не расточай ее другимъ, и тогда я буду пѣть тихо." Пѣснь Одоевскаго о своемъ прошломъ была именно такой тихой пѣснью любви, при которой и пѣвецъ, и то, къ чему онъ обращался, принадлежали неразрывно другъ другу и въ своихъ бесѣдахъ не желали имѣть свидѣтелей. „Скромный, пустынный цвѣтъ, цвѣтущій надъ могилой пѣвца"—вотъ какъ самъ поэтъ называлъ эти свои завѣтныя думы. Но хоть эти цвѣты и росли надъ могилой и говорили дѣйствительно о смерти, въ нихъ, тѣмъ не менѣе, было затаено глубокое и сильное очарованье жизнью.

Само собою ясно, что о медленномъ увяданіи и смерти поэту приходилось думать и говорить очень часто. Еще въ Петропавловской тюрьмѣ онъ писалъ:

Однообразна жизнь моя,
Какъ океана безконечность.
Но онъ кипитъ... свои главы
Подъемлетъ онъ на вызовъ бури,
То отражаетъ свѣтъ лазури
Бездоннымъ сводомъ синевы,
Пылаетъ въ заревахъ, кровавый
Онъ брани пожираетъ слѣдъ;
Шумитъ въ отвѣтъ на громы славы
И клики радостныхъ побѣдъ.
Но мысль моя—едва живая—
Течетъ, въ себѣ не отражая
Великихъ міра перемѣнъ.
Все прежній міръ она объемлетъ,
И за оградой душныхъ стѣнъ—
Востока узница—не внемлетъ
Восторгамъ западныхъ племенъ. («Дума узника» 1827).

Тюрьма смѣнилась каторгой, и мысль о настоящемъ стала еще мрачнѣе:

Не измѣнилось заточенье;
Но отъ надеждъ, какъ отъ огня,
Остались только дымъ и тлѣнье.
Онѣ—мнѣ огнь; уже давно
Все жгутъ, къ чему ни прикоснутся... («Дума на смерть Грибоѣдова» 1829).

Такъ текли годы, и мысль о близкой смерти все настойчивѣе и настойчивѣе тревожила фантазію поэта. Одоевскій писалъ отцу:

Меня чужбины вихрь умчалъ
И бросилъ на девятый валъ
Мой чёлнъ, скользившій безъ кормила;
Очнулся я въ степи глухой,
Гдѣ мнѣ не кровною рукой,
Но вьюгой вырыта могила. («Посланіе къ отцу» 1836).

Но вотъ каторга смѣнилась поселеніемъ; окончились и годы поселенія: Одоевскій ѣхалъ на Кавказъ. На пути, за нѣсколько верстъ до Ставрополя, онъ и его товарищъ М. А. Назимовъ, сидѣвшій съ нимъ въ одной повозкѣ, увидѣли стаю журавлей, летѣвшихъ къ югу. „Привѣтствуй ихъ!"—сказалъ Назимовъ своему товарищу, и Одоевскій отвѣтилъ на вызовъ стихами, въ которыхъ опять прозвучало привѣтствіе смерти.

Куда несетесь вы, крылатыя станицы?
Въ страну-ль, гдѣ на горахъ шумитъ лавровый лѣсъ,
Гдѣ рѣютъ радостно могучія орлицы
И тонутъ въ синевѣ пылающихъ небесъ?
И мы—на югъ! туда, гдѣ яхонтъ неба рдѣетъ,
И гдѣ гнѣздо изъ розъ себѣ природа вьетъ;
И насъ, и насъ далекій путь влечетъ...
Но солнце тамъ души не отогрѣетъ,
И свѣжій миртъ чела не обовьетъ.
Пора отдать себя и смерти, и забвенью!
Но тѣмъ ли, послѣ бурь, намъ будетъ смерть красна,
Что насъ не сѣвера угрюмая сосна,
А южный кипарисъ своей покроетъ тѣнью? («Экспромптъ» 1838).

И чѣмъ ближе подходилъ поэтъ къ 1839 году, послѣднему въ его жизни, тѣмъ все явственнѣе слышался ему этотъ призывъ смерти. Среди его стихотвореній есть одно, очень сильное и мрачное, написанное неизвѣстно по какому случаю и обращенное къ какому-то женскому образу, если подъ этимъ образомъ не разумѣть души самого поэта. Это—очень яркое изображеніе предсмертной агоніи.

Зачѣмъ ночная тишина
Не принесетъ живительнаго сна
Тебѣ, страдалица младая?
Уже давно заснули небеса;
Какъ усыпительна ихъ сонная краса
И дремлющихъ полей недвижимость ночная!
Спустился мирный сонъ, но сонъ не освѣжитъ
Тебя, страдалица младая!
Опять недугъ порывомъ набѣжитъ,
И жизнь твоя, какъ листъ предъ бурей, задрожитъ.
Онъ жилы нѣжныя, какъ струны напрягая,
Идетъ, бѣжитъ, по нимъ ударитъ, и въ отвѣтъ
Ты вся звучишь и страхомъ, и страданьемъ.
Онъ жжетъ тебя, мертвитъ своимъ дыханьемъ,
И по листу срываетъ жизни цвѣтъ...

И каждый мигъ усиливая муку,
Онъ въ грудь твою впился, онъ царствуетъ въ тебѣ.
Ты вся изнемогла въ мучительной борьбѣ;
На шею съ трепетомъ ты наложила руку;
Ты вскрикнула, огнь брызнулъ изъ очей,
И на одрѣ безрадостныхъ ночей
Привстала, бѣдная: въ очахъ горитъ мученье,
Страдальческимъ огнемъ блеститъ безумный взоръ,
Блуждаетъ жалобный и молитъ облегченья...
Еще проходитъ мигъ; вновь тянутся мгновенья
И рвется изъ груди чуть слышимый укоръ:
«Нѣтъ жалости у васъ! Постойте! вы такъ больно,
«Такъ часто мучите меня,
«Минуты нѣтъ покойной. Нѣтъ! довольно
«Страдала я въ сей жизни; силы нѣтъ...»

Къ счастью, этотъ страшный кошмаръ въ жизни самого Одоевскаго не оправдался. На сколько вѣрно поэтъ угадывалъ приближенье кончины, на столько неожиданна была для него сама развязка: за день до смерти онъ не переставалъ быть веселымъ и разговорчивымъ и не сознавалъ опасности своего положенія и умеръ почти мгновенно *).

Приведенныя стихотворенія говорятъ достаточно ясно о томъ, какое безотрадное настроеніе охватывало поэта всякій разъ, когда онъ начиналъ размышлять о своемъ настоящемъ.

Особенно печально былъ онъ настроенъ въ послѣдніе годы своей жизни. Эта предсмертная тоска всего яснѣе отразилась на его стихотвореніи „Моя Пери“, которое онъ сочинилъ въ Кархагачѣ, въ Грузіи, въ 1838 году, т. е. за годъ до кончины. Это единственное изъ всѣхъ его произведеній, въ которомъ онъ измѣнилъ своей любви къ людямъ и жизни, почувствовалъ полное свое одиночество и съ радостью готовъ былъ промѣнять земную жизнь на любую воздушную отчизну. Въ сборникѣ его стиховъ, это—одно изъ самыхъ граціозныхъ стихотвореній:

Взгляни, утѣшь меня усладой мирныхъ думъ,
Степныхъ небесъ заманчивая Пери;
Во мнѣ грусть тихая смѣнила бурный шумъ,
Остался дымъ отъ пламенныхъ повѣрій...
Теперь, топлю ли грусть въ волненіи людей,
Меня смѣшитъ ихъ суетная радость;
Ищу я думою подернутыхъ очей,
Люблю рѣчей задумчивую сладость.
Меня тревожитъ смѣхъ дряхлѣющихъ дѣтей,
Съ усмѣшкою гляжу на нихъ угрюмый;
Но жизнь моя цвѣтетъ улыбкою твоей,
Твой ясный взоръ съ моей сроднился думой.
О, Пери! улети со мною въ небеса
Въ твою отчизну, гдѣ все нѣгой вѣетъ,
Гдѣ тихо и свѣтло, и времени коса
Предъ цвѣтомъ жизни цѣпенѣетъ.

---

*) «Послѣдніе дни князя А. И. Одоевскаго» *Розенъ*, 18.

Какъ облако плыветъ въ иной, прекрасный міръ
И таетъ, просіявъ вечернею зарею,
Такъ полечу и я, растаю весь въ эѳиръ
И обовью тебя воздушной пеленою.

VIII.

Тоска по этой Пери была, конечно, невинной шалостью фантазіи. Въ жизни для Одоевскаго существовало нѣчто болѣе реальное, съ чѣмъ онъ сдружился тѣснѣе, была область чувствъ и ощущеній, куда онъ спасался всякій разъ, когда тягота дѣйствительности давала себя слишкомъ чувствовать. Это были его личныя воспоминанія—предъ ними блѣднѣло настоящее.

Такъ много цѣннаго, свѣтлаго и радостнаго было въ этихъ воспоминаніяхъ, что жизнь, которая хоть на мгновеніе могла дать человѣку такую радость и такой свѣтъ, была въ глазахъ поэта навсегда оправдана.

Одоевскому даровано было радостное безоблачное утро, и оно было согрѣто рѣдкой по силѣ отцовской и материнской любовью. Мать онъ потерялъ рано, и вотъ какъ онъ вспоминалъ о ней, сочетая свою любовь къ отлетѣвшей со своей любовью къ людямъ:

Тебя ужъ нѣтъ, но я тобою
Еще дышу;
Туда, въ лазурь, я за тобою
Спѣшу, спѣшу!
Когда же ласточкой взовьюсь я
Въ тотъ лучшій міръ,
Растаю и съ тобой сольюсь я
Въ одинъ эѳиръ—
Чтобъ съ неба пасть росой жемчужной,
Алмазомъ слезъ
На бѣдный міръ, гдѣ крестъ я дружно
Съ тобою несъ.
Но на землѣ блеснувъ слезами,
Взовьюся вновь
Туда, гдѣ вѣчными зарями
Блеститъ любовь.

[«Къ отлетѣвшей», 1828. Читинскій острогъ].

Такое же глубокое чувство питалъ онъ и къ своему отцу, котораго, къ счастію для себя, пережилъ, хотя всего лишь нѣсколькими мѣсяцами. Трудно найти болѣе нѣжное стихотвореніе, какъ то, съ какимъ онъ обращался къ отцу въ 1836 году. Онъ писалъ ему:

Всю жизнь, остатокъ прежнихъ силъ,
Теперь въ одно я чувство слилъ,
Въ любовь къ тебѣ, отецъ мой нѣжный,
Чье сердце такъ еще тепло,
Хотя печальное чело
Давно покрылось тучей снѣжной.
Проснется-ль тайный сводъ небесъ,

Заговоритъ ли дальній лѣсъ,
Иль золотой зашепчетъ колосъ—
Въ лунѣ, въ туманной выси горъ
Всегда мнѣ видится твой взоръ,
Вездѣ мнѣ слышится твой голосъ.
Когда-жъ объ отчій твой порогъ
Пыль чуждую съ изсохшихъ ногъ
Стряхнетъ твой первенецъ—изгнанникъ!
[«Посланіе къ отцу», 1836].

Поэту въ отчій домъ не пришлось вернуться, но отецъ съ сыномъ встрѣтились. Старикъ давно просилъ о разрѣшеніи повидать сына въ Сибири, но въ этой просьбѣ ему было отказано *). Наконецъ, когда сынъ ѣхалъ уже на Кавказъ, князь Одоевскій поспѣшилъ ему навстрѣчу, и въ Казани произошло это умилительное свиданіе, при которомъ старикъ плакалъ, какъ ребенокъ и, дѣйствительно, чуть-чуть не умеръ отъ радости. Это было ихъ первое и послѣднее свиданіе и два года спустя они оба скончались. Передъ кончиной старый князь приказалъ подать себѣ портретъ его Саши. Онъ положилъ его къ себѣ на грудь, прижалъ его обѣими руками — и умеръ. Портретъ сошелъ съ нимъ въ могилу **). Такова была сила родительской любви. Въ юные годы узналъ Александръ Ивановичъ и дружбу—святую, искреннюю и глубокую, память о которой онъ сохранилъ на всю жизнь. Такая дружба связывала его съ Грибоѣдовымъ ***). О глубинѣ и силѣ этого чувства можно теперь догадываться только по стихотвореніямъ, въ которыхъ Одоевскій оплакивалъ свою утрату ****).

Смерть Грибоѣдова была для него едва ли не самымъ сильнымъ житейскимъ ударомъ, послѣ собственной катастрофы. Онъ не находилъ словъ, чтобы выразить свое горе и выражалъ его въ стихахъ почти не отдѣланныхъ, въ оборотахъ неловкихъ и малопоэтическихъ, — что̀ безспорно указываетъ на смятеніе духа, въ какомъ онъ находился при первомъ извѣстіи о несчастіи (см. его стихотвореніе „Дума на смерть А. С. Грибоѣдова“ 1829 г. и „Элегія“ 1830 г.). Онъ могъ только, думая о себѣ, спросить у Провидѣнія,

Зачѣмъ земли я путникъ былъ,
И ангелъ смерти и забвенья,
Крыломъ сметая поколѣнья,
Меня коснуться позабылъ?
[«Элегія» 1830].

---

*) *Дмитріевъ-Мамоновъ*. «Декабристы въ Западной Сибири», А. И. Одоевскій

**) Письмо А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову. 1839 г. *Розенъ*, 192.

***) Объ ихъ дружбѣ смотри *Сиротининъ* «Князь А. И. Одоевскій», «Историческій Вѣстникъ», 1883 г. Май, 400 *А. Пыпинъ* Исторія русской литературы. IV, 325.

****) Если не считать того факта, что Одоевскій во время наводненія 1824 г. рисковалъ жизнью, спасая Грибоѣдова, см. письмо Грибоѣдова къ Одоевскому, 1826 г. *Розенъ*, 188.

Дружба не измѣняла Александру Ивановичу ни разу и во всю его послѣдующую жизнь. Онъ былъ любимцемъ своихъ товарищей, Веніами́номъ въ ихъ семьѣ; и сколько счастливыхъ минутъ эта дружба принесла ему! Когда одинъ изъ товарищей привезъ ему привѣтъ отъ курганскихъ ссыльныхъ, онъ, чувствуя какую волну до самозабвенія радостныхъ воспоминаній этотъ привѣтъ поднялъ въ его сердцѣ, писалъ и́мъ:

Такъ путники идутъ на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океанъ,
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье
Манятъ ихъ въ даль... лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ; но ихъ бодрѣютъ силы,
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы.
[«А. М. Янушкевичу. 1836].

Кажется, что и любовь, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, была одной изъ тѣхъ красотъ міра, которыми Одоевскій успѣлъ насладиться. Намъ, впрочемъ, ничего неизвѣстно объ его сердечныхъ привязанностяхъ, но въ двухъ стихотвореніяхъ есть несомнѣнный ихъ отблескъ, есть намекъ на счастье, которое могло бы осуществиться, еслибы поэтъ нечаянно не умеръ заживо. Оба стихотворенія („Мой непробудный сонъ“ 1827 г. и „Къ**“) написаны въ очень минорномъ тонѣ, но въ этихъ грустныхъ словахъ заключена радость очарованья:

Какъ носятся тучи за вѣтромъ осеннимъ,
Я мыслью ношусь за тобою;
А встрѣчусь—забьется въ груди ретивое,
Какъ листъ запоздалый на вѣткѣ.
Хотѣлъ-бы—какъ небо въ глубь синяго моря—
Смотрѣть и смотрѣть тебѣ въ очи!
Привѣтливой рѣчи, какъ пѣсни родимой
Въ изгнаньи хотѣлъ бы послушать:
Но свѣта въ пространствѣ падучей звѣздою
Мелькнешь, ненаглядная, мимо—
И сново невидно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротѣя.
[«Къ **»].

Но собственное сиротство не могло поколебать вѣры поэта въ святость и силу любви: ему стоило только оглянуться, чтобы имѣть передъ глазами примѣры такой самоотверженной и ни передъ чѣмъ не отступающей привязанности; и Одоевскій преклонился передъ подвигомъ тѣхъ женъ и невѣстъ, которыя послѣдовали въ Сибирь за своими избранными и мужьями. Объ этихъ „ласточкахъ“, которыя прилетѣли въ ихъ тюрьму, этихъ „ангелахъ, низлетѣвшихъ съ лазури, небесныхъ духахъ, видѣніяхъ, одѣвшихъ прозрачныя, земныя пелены“, объ этихъ „благихъ вѣстникахъ Провидѣнья“, которыя каждый день садились у ограды ихъ тюрьмы и умиротворяли ихъ печали, поэтъ вспоминалъ съ истин-

нымъ умиленіемъ („Далекій путь“ 1831 г. „Въ альбомъ М. Н. Волконской“ 1829 г.).

Одоевскій могъ вспомнить также съ благодарностью и о чисто внѣшнемъ блескѣ жизни, который тѣшилъ его, конечно, во дни его свободы. И изъ этого круга свѣтскаго веселья онъ также не вынесъ ни одного непріятнаго воспоминанія. Обычнаго, очень распространеннаго тогда, глумленія надъ пустотой и безсердечностью этого свѣтскаго круга мы не находимъ въ его стихахъ; мы встрѣчаемъ, наоборотъ, рѣдкую способность смотрѣть съ высоты на внѣшнія прикрасы жизни, смотрѣть на нихъ философски, не гоняясь за ними, и не тоскуя о нихъ, какъ тосковали нерѣдко многіе самые злые ихъ обличители...

1 февраля 1826 года Одоевскаго, закованнаго въ цѣпи, провозили ночью мимо дома кн. Кочубея, гдѣ въ тотъ вечеръ былъ блестящій балъ. Вотъ въ какихъ словахъ прощался поэтъ съ этимъ вихремъ веселья, въ которомъ лишь нѣсколько дней назадъ самъ кружился:

Открылся балъ. Кружась, летѣли
Чета младая за четой;
Одежды роскошью блестѣли,
А лица—свѣжей красотой.
Усталый, изъ толпы я скрылся,
И жаркую склоня главу,
Къ окну въ раздумьи прислонился
И заглядѣлся на Неву.
Она покоилась, дремала,
Въ своихъ гранитныхъ берегахъ,
И въ тихихъ, сребренныхъ водахъ
Луна, купаясь, трепетала.
Стоялъ я долго; залъ гремѣлъ...
Вдругъ безъ размѣра полетѣлъ
За звукомъ звукъ. Я оглянулся;
Морозъ по тѣлу пробѣжалъ.
Свѣтъ меркнулъ... Весь огромный залъ
Былъ полонъ остововъ... четами
Сплетясь, толпясь, другъ друга мча,
Обнявшись желтыми костями
Кружася, по полу стуча,
Они залъ быстро облетали.
Лицъ прелесть, становъ красота,
Съ костей ихъ всѣ покровы спали;
Одно осталось: ихъ уста,
Какъ прежде, все еще смѣялись,
Но одинаковъ былъ у всѣхъ
Широкихъ устъ безгласный смѣхъ.
Глаза мои въ толпѣ терялись:
Я ни кого не видѣлъ въ ней:
Всѣ были сходны, всѣ смѣшались:
Плясало сборище костей.

[«Балъ» (князю П. А. Вяземскому. 1827)].

Въ этой пляскѣ смертей насъ не можетъ не поразить ея философское спокойствіе. Въ отличіе отъ всѣхъ dances macabres въ ней нѣтъ ни сатирическаго элемента, ни злорадства: ясный, трезвый взглядъ на тлѣнность всего мірского, среди котораго человѣкъ счастливъ, если можетъ сохранить улыбку. Этотъ безгласный смѣхъ пляшущихъ остововъ—не насмѣшка надъ весельемъ міра, а какъ бы оправданіе улыбки среди неизбѣжнаго крушенія.

Когда живешь окруженный могилами, какъ жилъ Одоевскій, остается либо пожелать самому лечь скорѣе въ землю—чего Одоевскій никогда не желалъ, либо стремиться почерпнуть въ этихъ гробахъ новыя силы для подвига жизни—что̀ нашъ поэтъ всегда и дѣлалъ.

Въ одномъ очень интимномъ стихотвореніи („Два Образа" 1832) поэтъ самъ говоритъ вполнѣ откровеннно о томъ, чѣмъ для него въ жизни были могилы.

Въ ранней юности, говоритъ онъ, предстали мнѣ два образа, вѣчно ясные слились они въ созвѣздіе надъ моимъ сумрачнымъ путемъ; я возносился къ нимъ съ благодарной молитвой, слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня; и каждая черта ихъ свѣтозарной красы западала мнѣ въ душу. Въ отливѣ ихъ сіянія передо мной открылся міръ чудесъ, онъ цвѣлъ ихъ лучами—

И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести...
Я въ море бросился—и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.
Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня могучій,
Меня недвижнаго понесъ онъ и примчалъ—
И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню;
Что шагъ—то гробъ, на жизнь—отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святыню,
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ.

Но, наконецъ, померкло мое небо и обѣ звѣзды упали на камни двухъ могилъ. Онѣ разсыпались и смѣшались съ прахомъ и слить ихъ въ живую полноту я теперь безсиленъ—

И только въ памяти, какъ на плитахъ могилы,
Два имени горятъ: когда я ихъ прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жизненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра красоту.

То, что въ этихъ стихахъ сказано о какихъ-то о̀бразахъ, земное имя которыхъ отъ насъ скрыто, можно отнести ко всѣмъ впечатлѣніямъ и о̀бразамъ, съ которыми Одоевскому пришлось столкнуться въ короткіе дни счастливой и вольной жизни. Всѣ его

воспоминанія были кладбищемъ, и всѣ свѣтлыя и радостныя чувства и ощущенія—могильными плитами, говорившими о прошломъ, но за то о такомъ хорошемъ и красивомъ прошломъ, что поэтъ ни разу не пожалѣлъ о томъ, что остается среди живыхъ и что ему приходится скрашивать свои будни созерцаніемъ раскинувшагося передъ нимъ кладбища.

IX.

Можно спросить, однако, неужели декабрьскаго дня было недостаточно для того, чтобы отнять у этого человѣка всякую любовь къ жизни и всякую охоту ею миролюбиво восхищаться? Неужели этотъ день, день страшнаго разочарованія, не могъ навсегда оставить въ сердцѣ человѣка осадокъ горечи и злости, достаточный, чтобы вызвать въ немъ не только осужденіе переживаемой минуты, но, вообще, отрицательное отношеніе къ самому процессу жизни, къ ея радостямъ, благамъ и идеаламъ?

А между тѣмъ пессимистическій взглядъ на жизнь, на судьбу человѣка и на его нравственную стоимость былъ чуждъ всѣмъ декабристамъ, даже наиболѣе пострадавшимъ изъ нихъ, конечно, за исключеніемъ тѣхъ, на которыхъ несчастіе такъ сильно подѣйствовало, что ихъ душевное равновѣсіе было навсегда поколеблено. Какъ бы ни было тяжело ихъ несчастіе, они не переносили своей печали съ почвы личныхъ ощущеній на почву историко-философскихъ обобщеній.

Такая устойчивость въ міросозерцаніи вытекала прежде всего изъ непоколебимой вѣры въ правоту тѣхъ основныхъ гуманныхъ взглядовъ и тѣхъ общественныхъ идеаловъ, которые заставили ихъ стать въ ряды недовольныхъ; и исторія оправдала эту вѣру тѣмъ, что въ шестидесятыхъ годахъ выполнило часть намѣченной ими программы. Кромѣ того, катастрофа 14-го декабря не была въ ихъ глазахъ какимъ-либо крушеніемъ идеаловъ или историческимъ фактомъ, при которомъ человѣкъ не оказался на высотѣ своего нравственнаго достоинства. Столкнулись двѣ партіи, произошло открытое сраженіе и одна сторона его проиграла...

Въ сердцѣ проигравшихъ этотъ роковой день не отозвался ни колебаніемъ увѣренности въ правотѣ ихъ убѣжденій, ни подрывомъ довѣрія къ нравственнымъ силамъ человѣка вообще.

X.

Кто былъ рожденъ для вдохновеній
И міръ въ себѣ очаровалъ,
Но съ юныхъ лѣтъ пилъ желчь мученій
И въ гробѣ заживо лежалъ;
Кто ядомъ облитъ былъ холоднымъ
И съ разрушительной тоской
Еще пылалъ огнемъ безплоднымъ
И порывался въ міръ душой,
Но порывался изъ могилы...
Тотъ жилъ! Онъ духомъ былъ борецъ:
Онъ, искусивъ всѣ жизни силы,
Стяжалъ страдальческій вѣнецъ—(«Элегія» 1830).

—писалъ Одоевскій въ одной изъ своихъ элегій. Эти слова—его эпитафія: такъ сжато и полно выражена въ нихъ вся сущность его внутренней жизни—а иной онъ не имѣлъ.

Поэтическое вдохновенье, какъ даръ природы..... любовь къ міру и къ людамъ..... очарованіе красотой этого міра..... пылъ душевнаго огня, презирающій опасность..... мимолетная улыбка свободы и счастья..... живая могила..... разрушительная тоска, и все-таки жизнь, жизнь полная духовной борьбы..... и надъ всѣмъ этимъ вѣнецъ страданія.....

Н. Котляревскій.

МЕДОВЫЯ РѢКИ.

(Очерки).

VII.

Сибирскіе старцы, кухарка Агафья и гражданинъ Рихтеръ.

(Окончаніе).

V.

„Честная, матёрая *) вдова“ Марья Тимофеевна жила на самомъ краю Ушкуйскаго завода. Ея пятистѣнная изба стояла на самомъ берегу заводскаго пруда. Марьѣ Тимофеевнѣ было за пятьдесятъ, но она казалась гораздо моложе своихъ лѣтъ,— ядреная, рослая, румяная баба хоть куда, особенно когда въ праздники выряжалась въ кумачный сарафанъ. Въ избѣ съ ней жила дочь Палагея, некрасивая и сердитая дѣвушка, лѣтъ двадцати, на которую временами „находило“, а потомъ ютились какіе-то подозрительные люди, вродѣ сибирскихъ старцевъ и разныхъ скитницъ, являвшихся въ Ушкуйскій заводъ изъ невѣдомой горной глуши за подаяніемъ разныхъ доброхотовъ и милостивцевъ. Марья Тимофеевна чѣмъ-то приторговывала въ досчатой лавчонкѣ на базарѣ, куда-то по временамъ уѣзжала и, вообще, вела таинственный образъ жизни. Свои заводскіе считали ее ухомъ-бабой, у которой всякое дѣло къ рукамъ пристаетъ. Время отъ времени въ избѣ Марьи Тимофеевны появлялись таинственные младенцы, которые еще болѣе таинственно исчезали. Всѣмъ было извѣстно, что этихъ младенцевъ привозили изъ женскихъ скитовъ, и всѣ молчали, чтобы не выдать честную вдову въ лапы любезнаго антихристоваго сосуда, становового Ѳедора Иваныча.

Встрѣчая Марью Тимофеевну, становой непремѣнно грозилъ ей пальцемъ и говорилъ:

— Ты у меня смотри, сахарная... Все знаю!

---

*) Матёрая, женщина, у которой есть дѣти.

— Да чего и знать-то про вдову,—отвѣчала Марья Тимофеевна.—Каждый таракань знаетъ наши бабьи дѣла...

Марья Тимофеевна за словомъ въ карманъ не лазила, и Ѳедоръ Иванычъ любилъ съ ней пошутить..

— Ужо въ гости къ тебѣ чай прiѣду пить, сахарная...

— Милости просимъ, Ѳедоръ Иванычъ...

Становому, конечно, было извѣстно кое-что про честную вдову, но онъ ее не трогалъ до поры до времени. Ничего, пусть себѣ живетъ, а когда будетъ нужно—отъ рукъ правосудія не уйдетъ. Конечно, главное подозрѣніе заключалось въ пристанодержательствѣ, и Ѳедоръ Иванычъ даже берегъ Марью Тимофеевну про всякій случай. Мало ли бывало въ его практикѣ случаевъ, когда приходилось ловить какого-нибудь бродягу, подозрительнаго пустынника или шляющаго человѣка, а пятистѣнная изба Марьи Тимофеевны являлась очень удобной ловушкой.

Между прочимъ, Марья Тимофеевна частенько завертывала къ Парасковьѣ Ивановнѣ. У нея всегда было какое-нибудь неотложное дѣло, начиная съ собственныхъ болѣзней. Парасковья Ивановна только удивлялась, что такая на видъ здоровая женщина и болѣла самыми утонченными нервными болѣзнями. Въ сущности, Марья Тимофеевна была форменная истеричка, какъ и кухарка Агафья. Откуда, какъ и почему? Гражданинъ Рихтеръ, призванный къ отвѣту, по обыкновенію, отвѣтилъ уклончиво:

— Удивительнаго въ этомъ рѣшительно ничего нѣтъ... да. Вѣдь это чисто городская логика, что здоровые люди могутъ быть только въ деревнѣ. Нѣтъ и нѣтъ... Каждый самый простой мужикъ—истерикъ. Не смѣйся, Парасковья Ивановна, ибо я говорю правду... А твои деревенскія бабы еще болѣе истеричны, что уже въ порядкѣ вещей.

Парасковья Ивановна даже не желала спорить съ гражданиномъ Рихтеромъ, потому что это, во-первыхъ, было безполезно; а во-вторыхъ, гражданинъ Рихтеръ былъ правъ. Лучшимъ примѣромъ являлась та же Марья Тимофеевна, какъ женщина для крестьянской среды незаурядная.

Марья Тимофеевна являлась въ докторскомъ домикѣ какъ-то неожиданно, всегда оглядывалась и любила говорить какимъ-то предательскимъ шопотомъ. Въ ней чувствовалась та истеричная ласковость, которая гипнотически дѣйствуетъ на толпу. Она именно такъ и явилась къ Парасковьѣ Ивановнѣ дня черезъ три послѣ исторіи съ Агафьей. Парасковья Ивановна встрѣтила ее довольно сухо.

— А вотъ я и пришла...—пѣвуче проговорила Марья Тимофеевна.—Не ладно у васъ, Парасковья Ивановна, въ дому.

— Нѣтъ, ничего,—неизвѣстно для чего солгала Парасковья Ивановна.—Кучеръ у насъ дерется съ женой...

— Слышала, слышала... Поучить бы его немножко надо. Глуповатъ паренекъ...

— Ну, я въ этой исторіи рѣшительно ничего не понимаю,—откровенно призналась Парасковья Ивановна.—Ничего не разберешь... Думаю, что вы больше знаете, Марья Тимофеевна, что дѣлается у насъ въ домѣ...

— Я?!.. Да храни меня Богъ... Такъ, стороной слышала...

— Перестаньте и будемте говорить откровенно... Представьте себѣ, что я знаю гораздо больше, чѣмъ вы думаете.

Лицо Марьи Тимофеевны сразу измѣнилось, такъ что Парасковья Ивановна сочла нужнымъ поправиться:

— Вы, пожалуйста, не подумайте, что... Однимъ словомъ, вы понимаете, что я хочу сказать.

— Вотъ сейчасъ помереть, ничего въ толкъ не возьму.

— Дѣло ваше,—сухо отвѣтила Парасковья Ивановна.—А, впрочемъ, должна сказать вамъ откровенно, что вы совершенно напрасно подсылаете къ Агафьѣ вашихъ сибирскихъ старцевъ. Для васъ же можетъ выйти большая непріятность...

— Охъ, Парасковья Ивановна, какое ты словечко выговорила...—заговорила раскольница, размахивая руками.—И то ко мнѣ Ѳедоръ Иванычъ подсыкается. А мое дѣло вдовье, и ничего я не понимаю. А что касаемо Агафьи, такъ ей про себя-то ближе знать.

Марья Тимофеевна долго наговаривала какіе-то пустяки, которыхъ нельзя было разобрать, и Парасковья Ивановна чуть не прогнала ее, сославшись на какое-то дѣло.

— А ты не сердитуй, матка-свѣтъ, на глупую деревенскую бабу,—говорила Марья Тимофеевна, уходя.—Ну, какой спросъ съ нашего брата бабы? Хуже овцы... И слова-то только самыя глупыя умѣемъ говорить.

Изъ господскихъ комнатъ Марья Тимофеевна завернула въ кухню, гдѣ Агафья была одна, и безъ обиняковъ объяснила:

— Ну, нахлебалась я изъ-за тебя и жару, и пару, Агафья. Какъ разстервенилась твоя-то полубарыня... Все грозила мнѣ Ѳедоромъ Иванычемъ. Я, гритъ, тебѣ покажу, будешь, гритъ, меня помнить, а сама табачище проклятый куритъ... Смрадъ отъ нея идетъ на версту... тьфу!.. Ужъ я думала, что и живая отъ нея не вырвусь. Такъ къ сердцу и подкатываетъ...

Агафья слушала эти наговоры, опустивъ виновато глаза. Вѣдь изъ-за нея барыня сживаетъ со свѣту Марью Тимофеевну... Она уже видѣла, какъ ночью Ѳедоръ Иванычъ наѣдетъ въ избу къ Марьѣ Тимофеевнѣ съ обыскомъ, заберетъ въ плѣнъ сибирскихъ старцевъ, да и Марью Тимофеевну

посадитъ вмѣстѣ съ ними въ острогъ. А Марья Тимофеевна смотрѣла на нее и качала головой.

— Ловко тебя мужъ-то изукрасилъ, Агафьюшка? Вонъ какъ глаза-то подбилъ...

Агафья старалась надвинуть платокъ на лобъ такъ, чтобы не видно было мужниныхъ синяковъ, но всего лица не скроешь. Сожалѣніе Марьи Тимофеевны вызвало у нея слезы.

— Случается, что мужья учатъ женъ,—не унималась Марья Тимофеевна.—Только и учатъ, жалѣючи... И виноватая жена своя, а не чужая. Не мужъ онъ тебѣ, твой Игнатъ...

Парасковья Ивановна своимъ косвеннымъ вмѣшательствомъ очень помогла Марьѣ Тимофеевнѣ.

VI.

Вечеромъ, когда господа уѣхали въ гости къ мировому судьѣ, Агафья урвалась на минуточку къ Марьѣ Тимофеевнѣ. Ее давило предчувствіе какой-то неминучей бѣды. А вдругъ Ѳедоръ Иванычъ накроетъ сибирскихъ старцевъ... И все изъ за нея, скверной. Сердце Агафьи замирало отъ страха, а мысли въ головѣ путались во что-то безсвязное и безвыходное.

Шатровыя ворота у избы Марьи Тимофеевны, какъ во всѣхъ раскольничьихъ домахъ, всегда были на запорѣ, и калитка отворялась по старинному только тогда, когда гость „помолитвуется“ подъ волоковымъ оконцомъ. Марья Тимофеевна выглянула въ окно и узнала въ темнотѣ Агафью.

— Чего примчалась, свѣтъ?—ласково спрашивала она, когда Агафья вошла въ избу.

— Охъ, матушка Марья Тимофеевна, тошнехонько...—шептала Агафья, сдерживая слезы.— Вся сама не своя... Мѣста не найду... и страшно до смерти...

— Вотъ, вотъ, матушка...—жалѣла ее Марья Тимофеевна. —Извели тебя въ конецъ, бабочка.

Въ избу вошла Палагея и злыми глазами посмотрѣла на гостью. Она слышала, какъ Игнатъ избилъ жену, и радовалась. Такъ и надо вамъ, мужнія жены... Маленькая жестяная лампочка плохо освѣщала избу, и Палагея никакъ не могла разсмотрѣть агафьиныхъ синяковъ.

— Ужо, пойдемъ въ заднюю избу, — предложила Марья Тимофеевна.

Изба Марьи Тимофеевны, не особенно казистая снаружи, вмѣстѣ съ надворными постройками и крытымъ дворомъ, являлась чѣмъ-то вродѣ деревянной крѣпости. Самая изба большими сѣнями дѣлилась на двѣ половины: передняя

изба жилая и задняя—„на всякій случай", главнымъ образомъ для пріема гостей. Сейчасъ въ задней избѣ, замѣнявшей моленную, сидѣлъ за столомъ старецъ Спиридонъ и писалъ раскольничьимъ уставомъ „канунъ о единоумершемъ" по заказу какого-то милостивца-питателя.

— Матвѣя-то нѣтъ еще?—довольно грубо спросила Марья Тимофеевна, державшая сибирскихъ старцевъ въ строгости.

— А придетъ, куда ему дѣваться, — спокойно отвѣтилъ Спиридонъ, не подымая глазъ отъ своей работы. — Не мѣшокъ съ деньгами—не потеряется...

— Бѣда мнѣ съ вами, вотъ что,—продолжала Марья Тимофеевна.—Того гляди, Ѳедоръ Иванычъ накроетъ...

— А ты терпи, Марья Тимофеевна,— съ прежнимъ спокойствіемъ отвѣтилъ Спиридонъ.— Не за насъ будешь страдать, а за правильную вѣру...

Условный стукъ въ окно прервалъ эту сцену. Въ избу вошелъ старецъ Матвѣй и сердито бросилъ какой-то мѣшокъ въ уголъ подъ лавку. Агафья стояла у двери и чувствовала, какъ ее начинаетъ бить лихорадка. Марья Тимофеевна не приглашала ее сѣсть на лавку и начала разсказывать, какъ давеча ей грозила докторская „полубарыня".

— Грозится на меня, а отъ самой смрадъ табачищемъ... Я-то изъ-за чего терпѣть все это должна? Въ самъ-то дѣлѣ прикачается Ѳедоръ Иванычъ и заморитъ въ тюрьмѣ...

— Будетъ тебѣ,—рѣзко остановилъ ее Матвѣй.— Какія слова неподобныя выговариваешь? Другая радовалась-бы, что свою часть въ страданіи пріемлетъ, а ты, какъ коза, новыхъ воротъ боишься. Агафья, ты ее не слушай... И протчая во страданіяхъ да не минуетъ. Табашниковъ да щепотниковъ испугались, а того не боитесь, что душу свою вотъ въ этомъ самомъ страхѣ губите. Не Ѳедоромъ Иванычемъ заперто царствіе небесное. Что сказано въ писаніи: *нуждницы восхищаютъ царство небесное*. А вы: Ѳедоръ Иванычъ... Вотъ наложу послушаніе, тогда и будете знать.

— Подобострастный я человѣкъ, Матвѣй Петровичъ,— заговорила другимъ тономъ Марья Тимофеевна. — Боюсь по своей женской слабости страданія...

— А ты себя бойся... Что тебѣ показано? Тверди одно: „щепотью молитесь, противъ солнца ходите, табакъ курите, рыло свое скоблите"... Вотъ и вся ваша грамота.

Старецъ Матвѣй снялъ съ себя кафтанъ и остался въ одной рубахѣ изъ синей крестьянской пестрядины, которая выдавала во всѣхъ подробностяхъ его могучее сложеніе. Онъ раза два взглянулъ на Агафью и погладилъ косматую бороду. Старецъ Спиридонъ продолжалъ писать, время отъ вре-

мени присматривая свою работу къ унылому свѣту оплывавшей сальной свѣчи.

— А ты ничего не бойся, Агафья, — заговорилъ Матвѣй, не глядя на нее.—Страхъ и отчаяніе пуще смертнаго грѣха. Тебѣ страшно, а ты наоборотъ старайся.

— И терпѣть надо, — прибавилъ Спиридонъ, продолжая писать свой канунъ.—Все терпѣть...

Потомъ старцы какъ-то сразу накинулись на полубарыню и принялись ее ругать такими словами, что даже Марья Тимофеевна вступилась.

— И что она вамъ далась?!

— А зачѣмъ табачище курить? Развѣ это подобаетъ женску полу?!. И волосы подстригаетъ въ образъ козы... Въ постные дни жретъ скоромное... Дохтуръ нѣмецъ и творитъ волю пославшаго, а она въ свою голову антихристу служитъ. Вотъ какъ прилѣпилась къ антихристову окаянству...

Что было дальше — Агафья плохо помнила. Очень ужъ складно говорилъ старецъ Матвѣй и даже кулакомъ себя въ грудь колотилъ. Для нея было ясно одно, именно, что она еще можетъ спасти свою грѣшную душу и что еще не все погибло.

— Дщи *), уже близится часъ, — говорилъ старецъ Матвѣй, когда она собралась уходить. — Да не будетъ унынія и протчая... Маловѣрни, ежели въ васъ нѣсть горчичнаго зерна вѣры...

Это была не рѣчь разумнаго человѣка, а какіе-то истерическіе выклики, и Агафья отлично понимала ихъ какъ-то всѣмъ своимъ грѣшнымъ бабьимъ естествомъ. Ахъ, какая она была грѣшная, вся грѣшная, до послѣдней косточки... И какъ она чувствовала сейчасъ свой женскій грѣхъ, и чувствовала, какъ далеко желанное спасеніе. И мужъ ей казался еще больше грѣшнымъ. За что онъ ее билъ, какъ не бьютъ лошадь?

— Уйду, уйду... — шептала она, возвращаясь въ свою кухню.—Уйду...

Ее смущало только одно: полубарыня Парасковья Ивановна, конечно, была кругомъ виновата, а всетаки была добрая. Никогда не обидитъ и всегда очестливая такая. Вотъ только ничего настоящаго не хочетъ понимать и не можетъ даже понять.

Когда Агафья вернулась домой, господа были уже дома. Игнатъ отпрегъ лошадь и лежалъ на полатяхъ. Онъ притворялся, что спитъ. Агафью дожидалась на крылечкѣ горничная Паня и успѣла шепнуть:

*) Дщи—дщерь, дочерь.

— *Онъ* опять тебя будетъ бить?

— А пусть его бьетъ... — совершенно спокойно отвѣтила Агафья.

Дѣйствительно, ничего особеннаго не произошло. Агафья, не раздѣваясь, прилегла на лавку около печи и хотѣла заснуть. Она до того устала, что, какъ говорится, рада была мѣсту.

— Агафья...—послышался голосъ Игната.

— Была Агафья, а теперь нѣтъ Агафьи,—отвѣтила она со смѣлой простотой.—Чего тебѣ?

Молчаніе. Потомъ послышались какіе-то сдавленные вздохи и всхлипыванье.

— Агафья...

— Да отстань, постылый!..

Опять молчаніе, опять всхлипываніе.

— И что-же это будетъ?—слышался въ темнотѣ голосъ Игната.—Убью я тебя, Агафья...

— Бей...

— Агафья...

— Бей, говорятъ тебѣ!.. Мало еще билъ?..

— Агафья...

— Молчи, постылый...

— Такъ ничего и не будетъ?..

— Ничего...

VII.

Что дѣлалось въ кухнѣ, доходило въ докторскую квартиру черезъ Паню, которая все вызнавала съ ловкостью ящерицы. Такъ гражданинъ Рихтеръ узналъ, что Агафья уже больше не ѣстъ изъ одной чашки съ мужемъ, молится только своему образку, а главное—неистово постится. Игнатъ больше ее не бьетъ и все молчитъ. Однимъ словомъ, кухонная трагедія продолжала разыгрываться, оставаясь непонятной и загадочной. Сначала докторъ отнесся къ этой семейной мужицкой драмѣ совершенно равнодушно, какъ къ самому обычному проявленію жестокой народной тьмы, но потомъ началъ интересоваться все больше и больше и какъ человѣкъ, и какъ врачъ.

— Должны-же быть какія нибудь основанія Агафьиной психологіи,—разсуждалъ онъ.—Расколъ расколомъ, соціальныя условія сами по себѣ, а по моему, тутъ причины кроются гораздо глубже... Если, напримѣръ, смотрѣть на Агафью, какъ на нервную больную?

— Она и въ дѣйствительности больная, — подтверждала Парасковья Ивановна.—Я уже говорила вамъ объ этомъ. И

Марья Тимофеевна тоже больная, а ея дочь Пелагея форменный эпилептикъ.

— Да, все это такъ... Но почему наклонность къ истеріи въ Агафьѣ приняла форму упорной религіозной маніи? По твоему, всѣ простыя бабы истерички, но не всѣ такъ неистово предаются спасенію души. Чрезвычайно интересная и типичная форма психическаго разстройства...

Съ этой точки зрѣнія докторъ и приступилъ къ своему дѣлу. Вѣдь фактъ—все, а выводы и заключенія приклеиваются къ нему, какъ штукатурка къ готовымъ стѣнамъ. Доктору начало казаться, что, по существу дѣла, и вся русская исторія только curriculum громадной народной истеріи. Развѣ солдатъ, который идетъ въ огонь, не истерически храбръ? Наукой установленъ фактъ, что всѣ великіе историческіе герои были самые обыкновенные истерико-эпилептики, которымъ настоящее мѣсто въ психіатрической больницѣ. А исторія, сама по себѣ, развѣ не есть исторія массовой истеріи? Первые вѣка христіанства, эпоха крестовыхъ походовъ, священная инквизиція, реформація, нашъ родной русскій расколъ—все это только отдѣльныя звѣнья одной общей органической цѣпи. Агафья являлась въ этомъ круговоротѣ громадной исторической концепціи только минимальнымъ фактомъ, той бактеріей, которая создавала незримо самую исторію. И чѣмъ больше вдумывался докторъ въ находившійся предъ его глазами матеріалъ, тѣмъ сильнѣе убѣждался въ его громадности и, рядомъ, въ недостаткѣ собственныхъ средствъ для его изслѣдованія, провѣрки и точнаго научнаго анализа. Онъ походилъ на человѣка, который голыми руками хочетъ схватить раскаленное до бѣла желѣзо... Все это было и безсмысленно, и обидно, и какъ то больно, больно той тупой болью, какая является только при серьезныхъ хроническихъ заболѣваніяхъ.

Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было по частному вопросу объ Агафьѣ обратиться къ ея родовому прошлому, какъ первоисточнику. Случай не заставилъ себя ждать. Къ доктору сразу явились отецъ и мать Агафьи, очень почтенные люди, составлявшіе по заводски „справную семью“. Они часа два просидѣли въ кухнѣ, прежде чѣмъ рѣшились безпокоить господъ.

— Ахъ, да, я очень радъ васъ видѣть,—съ торопливой виноватостью заговорилъ докторъ.—Вы относительно Агафьи?

Отецъ Агафьи, рослый и, сравнительно, молодой мужикъ, тупо переминался на одномъ мѣстѣ и ничего не отвѣчалъ. Краснорѣчивѣе оказалась мать Агафьи, преждевременно состарившаяся женщина.

— Все, дохтуръ, черезъ Марью Тимофеевну,—быстро заговорила она, выступая впередъ.—Все черезъ нее, поскуду...

Мужъ дернулъ ее за сарафанъ, но это оказалось безполезнымъ.

— Она первую дочь заморила въ скитахъ, — продолжала мать Агафьи съ нароставшимъ азартомъ.—А вторая дочь Палагея ни къ чему, вотъ она и ухватилась за нашу Агафью.

— Для чего-же ей именно ваша Агафья? — спрашивалъ докторъ, не понимая ничего.

— Марья-то Тимофеевна знаетъ для чего... У ней всякое лыко въ строку. На части ее мало растерзать... У ней и тетка такая-же была. Въ третьемъ году померла... Она вся въ тетку.

— Вы тетку Агафьи оставьте,—заявилъ докторъ, шагая по кабинету. — А вотъ что мы будемъ дѣлать съ Агафьей?

Мать Агафьи, какъ и слѣдуетъ дамѣ, въ отвѣтъ расплакалась, а отецъ, переминаясь съ ноги на ногу, заявилъ:

— Конешно, Агафья, напримѣрно, намъ единоутробная дочь, а промежду прочимъ у ней мужъ... Мужъ и должо̀нъ отвѣчать за родную жену.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?—спросилъ докторъ, ставя вопросъ ребромъ.

Кстати, черезъ ту же всевѣдущую Паню онъ зналъ, что отецъ и мать Агафьи „прикержачиваютъ", т. е. тайно сочувствуютъ расколу, хотя и числятся православными. Это для доктора имѣло громадное значеніе, потому что (слѣдовательно) Агафья только фактически довершала реальнымъ фактомъ невыясненное стремленіе всей семьи.

— Такъ, значитъ, какъ же быть?—рѣшительно поставилъ вопросъ докторъ.—Мое дѣло сторона. Вамъ ближе знать...

Докторъ смотрѣлъ на отца и мать Агафьи, какъ на первоисточники ея религіозной маніи, а эти первоисточники рѣшительно ничего не давали для собственнаго оправданія. Самая обыкновенная семья заводскихъ рабочихъ—и больше ничего. Никакихъ ненормальныхъ признаковъ, кромѣ нѣкоторой тупости и обычной русской апатіи. Они говорили о родной дочери, какъ о постороннемъ лицѣ, не проявляя ничего особеннаго.

— Парасковья Ивановна, я въ отчаяніи,—заявлялъ гражданинъ Рихтеръ.—Отецъ и мать Агафьи—совершенно нормальные люди.

— Не можетъ быть?!—горячо протестовала Парасковья Ивановна.—Я вамъ говорю, гражданинъ Рихтеръ: не можетъ быть!..

— У меня уже составилась цѣлая теорія, а они ее нарушаютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Это какіе-то пещерные люди, т. е. я хочу сказать—люди пещернаго періода.

Парасковья Ивановна выкурила, покрайней мѣрѣ, двѣ папиросы, пока отвѣтила совершенно опредѣленно и категорически:

— Гаврило Гаврилычъ, а я сочувствую вотъ именно этимъ пещернымъ людямъ. По наукамъ, какъ вамъ извѣстно, я ушла не особенно далеко, но чувствовать могу. И если бы... да...

— Если бы я былъ кучеромъ Игнатомъ и билъ тебя смертнымъ боемъ...

— Гаврило Гаврилычъ, есть предѣлъ даже для шутокъ, а я говорю совершенно серьезно...

— Слушаю-съ...

— И слушайте... Я завидую вотъ этой самой Агафьѣ, завидую, конечно, не потому, что она ходитъ въ синякахъ, а тому, а тому, что у нея...

— Спасеніе души?

— Да!

Парасковья Ивановна не замѣчала, что она повторяется,— все это она высказала еще раньше.

Съ Парасковьей Ивановной дѣлалось что то странное, чего раньше не было. Ну, скажите пожалуйста, при чемъ тутъ какая-то кухарка Агафья?!. Гражданинъ Рихтеръ самымъ добросовѣстнымъ образомъ отказывался что-нибудь понимать.

— Парасковья Ивановна, ты, просто, какъ говорится, чудишь,—категорически резюмировалъ все происходившее гражданинъ Рихтеръ.

— Я?!.—Она засмѣялась и такъ странно засмѣялась.

— Гражданинъ Рихтеръ, вѣдь вы никогда не думали о душѣ? Да? А правда, совѣсть, та маленькая правда, которая творится въ четырехъ стѣнахъ?!.

Парасковья Ивановна плакала, смѣялась и опять плакала, какъ живой препаратъ истеріи. Гражданинъ Рихтеръ только махнулъ на нее рукой, потому что давно убѣдился въ безполезности всякихъ средствъ, когда дѣло коснется дамскихъ нервовъ. Да, есть именно дамскіе нервы, хотя и принято смѣяться надъ этимъ опредѣленіемъ, какъ есть нервы раскольничьи—(читай: Агафья).

VIII.

Гражданинъ Рихтеръ дѣлалъ нѣсколько попытокъ разговориться по душѣ съ Агафьей, но изъ этого ничего не вышло. Она изъ слова въ слово повторила тѣ же безсмыслицы, какія говорила барынѣ. Игнатъ оказался толковѣе жены. На допросѣ онъ сообщилъ много интереснаго.

— Сказываютъ, ужъ пятая труба прошла...

— Какая труба? Кто сказываетъ?

— Ну, тѣ ужъ знаютъ, баринъ, которые сказываютъ. Будетъ всѣхъ семь трубъ до свѣтопреставленья... Двѣ кровавыхъ

звѣзды упадутъ. Первая то пала еще при третьей трубѣ, а вторая, сказываютъ, недавно свалилась... Эта похуже будетъ первой, потому какъ отворила кладезь бездны.

— Кладезь?

— Точно такъ, Гаврило Гаврилычъ. Прямо сказано въ писаніи: и возгласи труба пятая.

— Да, вѣдь, ты неграмотный, Игнатъ, какъ же говоришь о писаніи?

— А сказывали... Тѣ ужъ знаютъ.

— А отчего я не знаю, хоть и грамотный?

Игнатъ уставился глазами въ уголъ и долго подыскивалъ отвѣтъ.

— У господъ совсѣмъ наоборотъ, баринъ...

— Значитъ, по твоему, спасутся только простые люди и купцы?

— Точно такъ... Только купцамъ гораздо труднѣе, потому какъ состоятъ при собственномъ капиталѣ.

Побившись напрасно съ Агафьей и кучеромъ Игнатомъ, докторъ догадался, что дѣлалъ именно то, чего ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало дѣлать. Конечно, о его разговорахъ и разспросахъ все доводится до свѣдѣнія сибирскихъ старцевъ; тѣ примутъ, съ своей стороны, соотвѣтствующія мѣры, такъ какъ въ ихъ глазахъ онъ, гражданинъ Рихтеръ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Иванычемъ только любезный антихристовъ сосудъ. Нужно было начать съ Марьи Тимофеевны, которую Парасковья Ивановна прогнала совершенно напрасно. Изъ-за послѣдняго у доктора съ Парасковьей Ивановной произошла горячая семейная сцена, при чемъ онъ чувствовалъ себя совершенно правымъ и долженъ былъ просить извиненія.

— Если вамъ ее нужно, такъ я ее приглашу, — сдѣлала съ своей стороны уступку Парасковья Ивановна.—Она такая безсовѣстная, и ее трудно огорчить.

— Такъ, пожалуйста, пригласи ее.

Марья Тимофеевна явилась по первому зову, какъ ни въ чемъ не бывало. Она, конечно, догадалась, въ чемъ дѣло, хотя и не выдавала себя ни однимъ словомъ. Когда докторъ заявилъ ей о своемъ желаніи познакомиться съ сибирскими старцами, Марья Тимофеевна только замахала руками.

— И что ты только придумалъ, Гаврило Гаврилычъ? И любопытнаго-то ничего въ нихъ нѣтъ... Просто, мужичье сиволапое.

— Ну, это мое дѣло, Марья Тимофеевна, а вы всетаки приведите какъ-нибудь ихъ вечеркомъ. Будто пришли полѣчиться—я не имѣю права никакому больному отказывать въ пріемѣ.

— Ужо, поговорю... Можетъ, какъ-нибудь завернутъ ко мнѣ.

— Я вамъ даю честное слово, что разговоръ останется между нами, и Ѳедоръ Иванычъ никогда ничего о немъ не узнаетъ. Вѣдь старцы ходятъ же въ мою кухню...

— Ужъ не знаю, право... Поговорить поговорю, а только... А ежели спросятъ, для чего ихъ надобно тебѣ?

— Хочу поговорить о старой вѣрѣ...

— Значитъ, на счетъ Агафьи?

— И на счетъ Агафьи, между прочимъ...

Сибирскіе старцы расхохотались, когда узнали о желаніи доктора познакомиться.

— Никакъ въ нашу вѣру хочетъ перейти,—шутливо говорилъ старецъ Матвѣй. — Въ самый-бы разъ... Вотъ только зачѣмъ постовъ не соблюдаетъ, да табачище куритъ, да съ женой не по закону живетъ.

— А ты его и обличи,—совѣтовала Марья Тимофеевна.

— И обличу... Даже очень это просто.

Дня черезъ три Марья Тимофеевна привела старца Спиридона въ кухню и послала Агафью сказать объ этомъ барину. Было уже темно, но старца провели въ столовую не прямо, а черезъ садикъ, чтобы никто не видалъ.

— Такъ-то лучше будетъ, ежели съ опаской,—объяснила Марья Тимофеевна.

Опытъ оказался совершенно неудачнымъ. Старецъ Спиридонъ рѣшительно ничего не зналъ, кромѣ своихъ каноновъ, и несъ какую то околесную.

— И нужно терпѣть...—повторялъ онъ ни къ селу ни къ городу.

Докторъ попросилъ его показать языкъ, сосчиталъ пульсъ и выслушалъ сердце, которое работало неправильно. Старецъ жаловался на одышку и на то, что отъ постной пищи у него „голову обноситъ". Потомъ старецъ ходилъ по комнатѣ съ закрытыми глазами, стоялъ на одной ногѣ, растопыривалъ пальцы на рукахъ, попеременно раскрывалъ глаза и т. д. Когда докторъ для полноты діагноза хотѣлъ смѣрить температуру старца, послѣдній обозлился.

— Не согласенъ, ваше благородіе,—грубо заявилъ онъ.— Это вы ужъ другихъ обманывайте, кто попроще...

— Вѣдь вы же сами говорите, что нужно терпѣть?

— Терпѣть да не отъ антихриста!.. Другимъ показывай свою антихристову машинку..

— Хорошо, хорошо... А какъ вы относительно водки?

— По уставу, когда разрѣшеніе вина и елея...

Докторъ только теперь догадался, что это совсѣмъ не тотъ старецъ, котораго ему нужно, и спросилъ:

— Это вы дрались съ моимъ кучеромъ Игнатомъ?

— Никакъ нѣтъ-съ,—по солдатски отвѣтилъ Спиридонъ,

принимая почему-то виноватый видъ. — Хилый я человѣкъ, и куда мнѣ драться.

— Ну, хорошо. Это я такъ... Можетъ быть, вы какого-нибудь лѣкарства желаете получить?

— Сохрани, Господи...

Можно себѣ представить то впечатлѣніе, которое произвелъ разсказъ старца Спиридона, когда онъ вернулся къ Марьѣ Тимофеевнѣ. Даже никогда не смѣявшійся старецъ Матвѣй хохоталъ до слезъ.

— Вотъ-вотъ, оно самое,—повторялъ онъ.—Ты кому языкъ то показывалъ? Ахъ, Спиридонъ, Спиридонъ... это ты бѣсу показывалъ. Ты языкъ высунулъ, а бѣсу это и надобно... Онъ ужъ знаетъ, что ему нужно. И персты растопыривалъ? А какую руку? Правую? Вотъ-вотъ... Щепоть и вышла. А на одной ногѣ, какъ журавль, къ чему стоялъ? Христосъ-то когда на одной ногѣ стоялъ? Ну-ка?

— Неученый я человѣкъ...—хмуро отвѣчалъ сконфуженный Спиридонъ.

— Вотъ то-то и есть... какъ есть ничего не понимаешь. На одной-то ногѣ вотъ какъ грѣшно стоять, потому какъ Христосъ стоялъ на одной ногѣ, когда садился на осла... Ахъ, Спиридонъ, Спиридонъ, потѣшился надъ тобой бѣсъ...

Спиридонъ, наконецъ, озлился.

— Да я-то что-же? Все это Марья Тимофеевна... Она меня подвела. Докторъ-то наказалъ тебя прислать. Вотъ ступай и покажи свою храбрость.

Марья Тимофеевна тоже грѣшнымъ дѣломъ посмѣялась надъ простотой Спиридона. Очень ужъ смѣшно все вышло. Она скрыла, что Парасковья Ивановна и ее тоже заставляла стоять на одной ногѣ и ходить по комнатѣ съ закрытыми глазами.

— А зачѣмъ ты бѣсу мигалъ?—не унимался старецъ Матвѣй.—Ахъ, Спиридонъ, Спиридонъ... И оба глаза закрывалъ? Бѣсу вотъ это самое и нужно, чтобы человѣкъ оба глаза закрывалъ—онъ въ эту пору и цапаетъ его своей мерзкой лапой.

— Вотъ что, Матвѣй Петровичъ,—заговорила Марья Тимофеевна, косвенно вступаясь за Спиридона.—Осудилъ ты Спиридона и посмѣялся надъ нимъ, значитъ, грѣхъ-то и перекачнулся на тебя. Ты-бы лучше пошелъ самъ къ доктору и переговорилъ съ нимъ...

— А ты думаешь, не пойду?—храбрился Матвѣй.—Ничего я не боюсь... И еще обличу отъ писанія.

— Такъ-то лучше будетъ, миленькій.

— Зачѣмъ докторъ и его полубарыня вцѣпились въ Агафью? Не стало имъ другихъ кухарокъ? Небойсь, пока

Агафья не думала о спасеніи души, такъ ее и не замѣчали... Вотъ пойду и обличу.

Подвела старца Матвѣя честная вдова Марья Тимофеевна. Позахвастался онъ грѣшнымъ дѣломъ, и отступаться отъ своего слова было поздно.

— И пойду,—упрямо повторялъ онъ.—Можетъ, еще и бѣса посрамлю...

IX.

Старецъ Матвѣй сдержалъ свое слово и черезъ нѣсколько дней вечеромъ „объявился" въ докторской кухнѣ.

— Въ горницы я не пойду,—заявилъ онъ Агафьѣ.—А твоему доктору могу сказать словечко, если придетъ сюда. Такъ и скажи...

Агафья побѣжала сначала къ барынѣ, блѣдная и перепуганная. Парасковьѣ Ивановнѣ сдѣлалось ее жаль.

— Да вы не волнуйтесь, Агафья,—старалась она ее успокоить.—Ничего особеннаго не будетъ. Поговорятъ—и только.

Гражданинъ Рихтеръ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и что-то читалъ, когда Парасковья Ивановна сообщила ему о появленіи старца Матвѣя.

— А, отлично...

Взглянувъ на Парасковью Ивановну, онъ прибавилъ:

— Ты, кажется, волнуешься?

— Да... такъ... Прибѣгала Агафья—лица на ней нѣтъ.

— Пустяки... Мнѣ хочется выяснить себѣ нѣкоторые вопросы съ чисто научной точки зрѣнія. Ты, можетъ быть, думаешь, что этотъ старецъ будетъ бить меня, какъ Игната?

— Нѣтъ, я этого совсѣмъ не думаю, а только... Мнѣ нельзя идти въ кухню вмѣстѣ съ вами?

— Гмъ... Думаю, что лучше этого не дѣлать. Ты только будешь мѣшать намъ...

Парасковья Ивановна сочла долгомъ обидиться, хотя и понимала, что гражданинъ Рихтеръ былъ правъ. Все нельзя... И это съ ранняго дѣтства: „ты—дѣвочка и тебѣ это нельзя". Дѣвушкѣ тоже все „нельзя", а теперь она женщина, все можетъ понимать—и всетаки проклятое слово „нельзя" остается, какъ у какихъ-то дикарей слово—„табу". Никто не виноватъ, а одно слово виситъ у всѣхъ на языкѣ, какъ замокъ.

Кстати, когда гражданинъ Рихтеръ былъ чѣмъ нибудь недоволенъ, онъ называлъ Парасковью Ивановну Парасковьей Ивановной; когда онъ былъ въ хорошемъ настроеніи, то называлъ Пашей или Параней, а когда въ совсѣмъ веселомъ—по просту Приськой. Прислугѣ и паціентамъ онъ неизмѣнно говорилъ вы, кромѣ отдѣльныхъ случаевъ, и не обижался, что они всѣ говорили ему „ты".

Старецъ Матвѣй сидѣлъ въ кухнѣ, на лавочкѣ у самой двери. Это была его привычка, точно онъ вѣчно хотѣлъ куда-то бѣжать, а бѣгать ему приходилось всю жизнь. Когда докторъ подходилъ къ кухнѣ, ему загородила дорогу Агафья и умоляюще прошептала:

— Баринъ, папиросу бросьте...

— Ахъ, да...

Онъ бросилъ папиросу и вошелъ въ кухню. Старецъ Матвѣй поднялся и молча поклонился.

— Здравствуй, баринъ...

— Садитесь, пожалуйста.

Агафья осталась караулить у двери, чтобы кто-нибудь не вошелъ. Она вся замерла отъ страха и чувствовала, какъ бьется собственное сердце въ груди. Что только и будетъ— подумать страшно. Какъ на грѣхъ, еще наѣдетъ Ѳедоръ Иванычъ...

По привычкѣ докторъ прошелся нѣсколько разъ по кухнѣ прежде, чѣмъ заговорить. Сибирскій старецъ ему понравился съ перваго раза, какъ великолѣпный антропологическій экземпляръ. Такихъ сохранившихся субъектовъ ему приходилось встрѣчать въ своей практикѣ не много. Настоящій крестьянскій богатырь.

— Да, такъ мнѣ хотѣлось переговорить съ вами относительно Агафьи,—началъ докторъ, точно продолжалъ только что прерванный разговоръ.

— Нестоющее это дѣло, баринъ, — спокойно отвѣтилъ Матвѣй.

— Какъ нестоющее?

— Первое дѣло—баба, а второе дѣло—силòмъ никого въ царство небесное за рога не тащатъ. Кому, значитъ, дадено.

— Однако, вотъ вы уговариваете Агафью уходить въ скиты?

— Я?!. И даже не подумалъ... А ежели она сама, напримѣрно, желаетъ спасти душу. Да... Сама пристаетъ ко мнѣ, а я что же...

Кухня освѣщалась слабымъ огнемъ дешевой жестяной лампочки, и докторъ не могъ хорошенько разсмотрѣть выраженіе лица старца Матвѣя, когда онъ говорилъ. Доктору казалось, что этотъ загадочный старецъ смотритъ на него съ улыбкой, и онъ начиналъ чувствовать себя неловко. Матвѣй, съ своей стороны, тоже присматривался къ доктору и въ свою очередь остался доволенъ. И борода, и усы—все какъ слѣдуетъ, хоть и нѣмецъ. Вотъ зачѣмъ онъ только шею себѣ удавилъ „галстусомъ“.

— Вотъ ты со мной разговариваешь, баринъ,—заговорилъ Матвѣй.—А мнѣ, можетъ, и слушать-то тебя грѣшно...

— Почему?

— Да вотъ креста-то, поди, на тебѣ нѣтъ, а вмѣсто него галстусъ удавленія носишь...

— Это пустяки. Ты просто не смотри на мой галстухъ.

— По твоему-то оно, точно, что все пустяки...

— Грѣхъ совсѣмъ не въ томъ, какъ человѣкъ одѣвается или что онъ ѣстъ и пьетъ, а въ томъ, живетъ онъ по совѣсти или нѣтъ... Не правда-ли? Вотъ ты читаешь писаніе, а въ писаніи сказано, что не сквернитъ человѣка входящее во уста, а исходящее изъ устъ.

— Сказано-то оно сказано, да только это самое надо понимать тоже по писанію. Въ седьми-толковомъ Апокалипсисѣ пряменько говорится... Прочитай-ка Изложеніе Филарета патріарха—и тамъ найдешь. Вотъ вы и ученые, а всѣ сидите въ челюстяхъ мысленнаго льва...

Старецъ Матвѣй съ ловкостью записного полемизатора отводилъ рѣчь отъ Агафьи и засыпалъ доктора совершенно непонятными для него цитатами изъ разныхъ раскольничьихъ цвѣтниковъ и еще болѣе непонятной терминологіей. Такъ могутъ говорить только религіозные маніаки, для которыхъ слова дороже ихъ содержанія. По всему было видно, что Матвѣй привыкъ поучать и говорилъ учительскимъ тономъ, и что больше всего на его „послушниковъ" и „послушницъ", какъ Агафья, дѣйствовалъ именно этотъ убѣжденный и страстно-повелительный тонъ. Вѣроятно, такъ-же говорилъ Стенька Разинъ, Гришка Отрепьевъ, Емельянъ Иванычъ Пугачевъ, „изящный скиталецъ" протопопъ Аввакумъ и другіе вожаки и коноводы, потому что за шелухой ихъ ненужныхъ иногда словъ чувствовалась стихійная сила, та почвенная поёмная вода, которая неудержимо подмываетъ самые крутые берега и крушитъ все на своемъ властномъ пути. Конечно, сибирскій старецъ Матвѣй только ничтожность самъ по себѣ, особенно рядомъ съ крупными историческими именами, но онъ дѣйствовалъ отраженной силой, какъ отработанный паръ.

— Если бы смѣрять у него температуру...—думалъ докторъ, слушая старца Матвѣя.—Или, покрайней мѣрѣ, сосчитать пульсъ?

А старецъ Матвѣй уже вошелъ въ ражъ и принялся обличать барина въ „галстусѣ".

— А что тебѣ далась Агафья? Конечно, баба, а свою тѣлесную бабью немощь жаждетъ отложить и мужецкую крѣпость воспріять... Господамъ - то этого и не понять, потому какъ у нихъ одно сладкое житье на умѣ. Зачѣмъ вамъ далась Агафья?

— А развѣ нельзя спасти душу у себя дома, а нужно бѣжать куда-то въ горы, въ лѣсъ?..

— Никакъ даже не возможно... И опять вамъ этого не

возможно понять, значитъ подвига. Въ міру со всѣхъ сторонъ грѣхъ плыветъ, а въ пустынѣ кругомъ одно спасенье. Тамъ и мысли другія... Ты вотъ какъ посмѣялся надъ старцемъ Спиридономъ, да еще надо мною хотѣлъ пошутить...

— И не думалъ... Я просто не понимаю, зачѣмъ для спасенія души непремѣнно нужно куда-то бѣжать. Вы побѣжите, я побѣгу...

— Не побѣжишь, баринъ... Некуда тебѣ бѣжать, да и отъ самого себя не убѣжать.

— И спасенья нѣтъ?

— Нѣтъ.

Странное дѣло, гражданинъ Рихтеръ, разговаривая съ сибирскимъ старцемъ, началъ испытывать что-то такое особенное, для чего не было названія. Въ безсвязныхъ словахъ старца Матвѣя было своя гипнотизирующая логика, было то, что называется настроеніемъ. Докторъ точно начиналъ что-то такое понимать, какъ мы съ радостнымъ страхомъ начинаемъ иногда понимать морской прибой, торжествующій ропотъ дремучаго лѣса, подавляющую красоту горъ... Вѣдь и здѣсь мысли и чувства шли могучимъ прибоемъ и застывали каменными громадами. Вчера мертвое и даже ничтожное слово принимало глубокое внутреннее значеніе, смыслъ и силу.

Это начинавшееся настроеніе было прервано появленіемъ испуганной Агафьи, которая побѣлѣвшими губами едва могла прошептать:

— Ѳедоръ Иванычъ пріѣхалъ...

X.

Наступило лѣто. Сибирскіе старцы куда-то исчезли и больше не показывались въ Ушкуйскомъ заводѣ. Въ докторской кухнѣ водворились миръ и тишина. Кучеръ Игнатъ, какъ ни въ чемъ не бывало, исполнялъ свои кучерскія обязанности, а Агафья управлялась въ своей кухнѣ. Парасковья Ивановна была рада, что все уладилось само собой.

— Старцы ушли въ горы,—сообщала горничная Паня.

— Совсѣмъ?

— Не извѣстно... Марья Тимофеевна знаетъ, но ничего не говоритъ даже Агафьѣ.

— Ну, а что-же Агафья?

— А ничего... Все молится по своему и ѣстъ только изъ своей чашки. Игнатъ все молчитъ...

Агафья за лѣто сильно похудѣла, потому что постилась и волновалась. Синяки прошли, и она сдѣлалась еще красивѣе. Глаза, благодаря худобѣ, казались больше и смотрѣли та-

кимъ хорошимъ вдумчивымъ взглядомъ. Докторъ какъ-то встрѣтилъ ее въ столовой, когда Парасковья Ивановна заказывала обѣдъ, и невольно залюбовался ею.

— Какая красивая женщина,—подумалъ онъ вслухъ.

Парасковья Ивановна была ревнива и надулась. Помилуйте, любоваться кухаркой,—что же это такое?

— Что же, я не слѣпой,—какъ-то по дѣтски оправдывался докторъ.—Да, очень красивая женщина... И лицо совсѣмъ какое-то особенное.

Становой Ѳедоръ Иванычъ еще раньше обратилъ свое благосклонное вниманіе на Агафью, и доктору не нравилось, что при встрѣчѣ съ ней онъ отпускалъ довольно свободныя шуточки. Сейчасъ Ѳедоръ Иванычъ удвоилъ свое вниманіе и нѣсколько разъ повторялъ:

— Очень пріятный бабецъ эта ваша Агафья... Ужъ, кажется, я знаю женщинъ, каждую бабу въ своемъ стану по имени могу назвать. И, вообще, докторъ, говоря между нами—Парасковья Ивановна не слышитъ?—да, говоря между нами, я предпочитаю простую русскую бабу всѣмъ этимъ барынямъ. А вашихъ ученыхъ женщинъ—ужъ извините меня за откровенность—просто ненавижу.

— Да гдѣ вы видали ученыхъ женщинъ, Ѳедоръ Иванычъ?

— А, вообще... Для меня ученая женщина напоминаетъ собаку, выкрашенную въ зеленую краску.

— Да вѣдь вы и собакъ такихъ нигдѣ не видали?

— Не видалъ, а ненавижу... То ли дѣло какая-нибудь Агафья. У нея все какъ-то кругло выходитъ и говоритъ она какими-то круглыми словами... Э, батенька, повѣрьте мнѣ, что я отлично знаю женщинъ. Была тутъ одна дьяконица... Ну, да это все равно... Вообще, отлично понимаю этотъ самый женскій вопросъ.

Пренебрежительный тонъ, которымъ Ѳедоръ Иванычъ говорилъ о женщинахъ, не нравился доктору, и онъ въ тоже время ловилъ самого себя въ этомъ отношеніи, потому что относился къ женщинамъ немного свысока, съ прибавкой спеціально докторской точки зрѣнія на этотъ деликатный предметъ. А такая точка зрѣнія, къ сожалѣнію,. существовала, хотя докторъ и считалъ себя поборникомъ женскаго образованія и вѣрилъ въ женскую эмансипацію. Но все это было въ области теоретическихъ мечтаній, а настоящая реальная женщина (Парасковья Ивановна) какъ-то совсѣмъ не укладывалась въ эту рамку. Почему, напримѣръ, онъ сожительствуетъ съ той же Парасковьей Ивановной? А такъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, какъ складывается большинство такихъ сожительствъ. Свѣжая молодая дѣвушка, которая отлично варила свой малороссійскій борщъ, пѣла малороссій-

скія пѣсни и танцовала съ Ѳедоромъ Иванычемъ гопака— вотъ и все. Прибавьте къ этому сближающую обстановку совмѣстной медицинской работы, полныя бѣлыя руки Парасковьи Ивановны, заразительный веселый смѣхъ—и женскій вопросъ для даннаго случая былъ рѣшенъ. Въ голову доктора какъ-то даже не заходилъ вопросъ, любитъ онъ или не любитъ Парасковью Ивановну. Затѣмъ, явилась привычка, и день шелъ за днемъ.

Кучеръ Игнатъ относился къ бабамъ презрительно, какъ всѣ кучера. Но въ одно прекрасное утро пришелъ къ доктору и, глядя въ уголъ, заявилъ:

— А я къ тебѣ, баринъ...

— Что случилось, Игнатъ?

— А ты бы поговорилъ съ Агафьей... Совсѣмъ отбилась отъ рукъ бабенка.

— А зачѣмъ ты ее бьешь?

— А кто же ее будетъ учить? Поговорите вы съ ней, баринъ, можетъ она васъ больше послушаетъ...

Агафья въ докторскомъ кабинетѣ. Она остановилась у дверей и смотритъ на барина спокойными добрыми глазами. Докторъ только сейчасъ замѣтилъ, что у Агафьи чудные темно-сѣрые глаза съ поволокой и мягкіе, какъ шелкъ, темнорусые волосы.

— Вотъ что, Агафья... — начинаетъ докторъ, подбирая слова.—Приходилъ Игнатъ и просилъ переговорить съ тобой. У васъ что-то такое тамъ вышло... Однимъ словомъ, онъ жаловался на тебя.

— Не жена я ему больше, баринъ,—съ покорной ласковостью отвѣчаетъ Агафья, оправляя сарафанъ. — Напрасно только тебя безпокоилъ, значитъ, Игнатъ.

— Какъ не жена? Вѣдь вы вѣнчаны?

— Жена бываетъ отъ Бога, а не отъ людей...

— Ты его, всетаки, любила?

Агафья не понимаетъ вопроса. Докторъ поправляется:

— Ну, по вашему, жалѣла?

— И сейчасъ жалѣю...

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А уйду я отъ него, отъ Игната... Своя-то душа дороже Игната. Ни къ чему мы жили... такъ... Одинъ грѣхъ. Всякая баба грѣшная, баринъ... И хуже нѣтъ нашего бабьяго грѣха. Мужикъ-то какими глазами на бабу глядитъ? И что ему отъ нашего брата бабы нужно? Вотъ это и есть самый настоящій бабій грѣхъ... Развѣ такой-то мужъ думаетъ о бабьей душѣ? Для него что лошадь, что баба—одна одну работу работаетъ, а другая другую. И не одинъ мой Игнатъ, а всѣ мужики на одну руку. Вотъ я и уйду...

— Въ скиты?

— Не знаю, ничего не знаю...

— А кто же знаетъ?

Агафья въ отвѣтъ только опустила глаза. Докторъ замѣтилъ, что у нея чудный, свѣжій ротъ и удивительно красивые зубы. И смущеніе такъ къ ней шло. Доктору вдругъ захотѣлось сказать ей что нибудь такое хорошее и доброе, чтобы поддержать эту проснувшуюся душу, утѣшить ее, просто—приласкать, приласкать по хорошему, какъ ласкаютъ ребенка.

— И вамъ не страшно, Агафья?—неожиданно для самого себя спросилъ онъ.

Она посмотрѣла на него такъ просто, довѣрчиво и отвѣтила тономъ человѣка, который много страдалъ и привыкъ къ своему положенію.

— Какъ же не страшно, баринъ? И еще какъ страшно-то... Какъ раздумаешься про себя—головушка съ плечъ. Отецъ съ матерью съѣли покорами... Мать-то какъ убивается. Тоже не чужая. А что же я могу?

— Въ лѣсу скучно будетъ жить?

— Богу молиться не скучно... Грѣхи буду отмаливать.

— Да... Такъ что же сказать Игнату?

— А то и скажи, что... что...

Агафья закрыла лицо руками и тихо заплакала. Докторъ смотрѣлъ на нее и не зналъ, что ей сказать въ утѣшеніе. Вѣдь, въ сущности, она была права... Да и что онъ, гражданинъ Рихтеръ, могъ ей сказать: живи съ нелюбимымъ мужемъ и спасай свою душу у меня въ кухнѣ. А ее манило пустынножительство въ горной глуши, жажда подвига, страстное желаніе стряхнуть съ себя всякую женскую скверну. Сколько въ послѣднемъ для этой простой и чистой души было поэзіи, смысла и неотвратимой ничѣмъ тяги... И какъ сейчасъ онъ, гражданинъ Рихтеръ, вотъ сейчасъ понималъ ее, всю понималъ, съ ея нелѣпыми словами, полумыслями и родовыми муками внутренняго духовнаго человѣка.

Кучеръ Игнатъ получилъ отъ барина неожиданно для него суровый отвѣтъ:

— Вы, Игнатъ, просто негодяй и пальца не стоите Агафьи. Бить такую женщину—это... это... Однимъ словомъ, вы—негодяй.

Кучеръ Игнатъ долго чесалъ въ затылкѣ, переминался съ ноги на ногу, какъ спутанная лошадь, и кончилъ тѣмъ, что погрозилъ въ пространство, неизвѣстно кому, кулакомъ.

XI.

Съ гражданиномъ Рихтеромъ дѣлалось что-то странное, непонятное, радостное и пугавшее его. Въ его жизнь ворвалась новая струя, которая провела рѣзкую грань между его прошлымъ и настоящимъ. Онъ не узнавалъ самого себя. Ему иногда дѣлалось совѣстно, хотя при самомъ тщательномъ анализѣ онъ ничего нехорошаго и не находилъ. Выходило какъ-то такъ, что какъ будто онъ до сихъ поръ даже не жилъ, потому что не испытывалъ никогда того радостнаго волненія, которое сейчасъ захватило его.

— Неужели это... это...—думалъ онъ, не рѣшаясь назвать настоящимъ именемъ свое душевное настроеніе.—Не можетъ быть... Пустяки и вздоръ!..

Онъ точно оправдывался передъ самимъ собой, какъ дѣлаютъ безнадежно больные. Потомъ онъ открылъ массу новыхъ вещей, которыхъ раньше не замѣчалъ, а главное—открылъ другого себя, того себя, который до сихъ поръ былъ точно похороненъ. Боже мой, какъ хороша жизнь, какъ хорошо свѣтитъ солнце, какъ ласково зеленѣетъ трава, какъ мило шепчетъ съ ней вѣтеръ... Ему хотѣлось думать стихами, чтобы придать гармоническій ритмъ своимъ чувствамъ. Парасковья Ивановна часто наблюдала его испытующими и взвѣшивающими глазами, и на ея лбу всплывала жирная морщинка. Она инстинктомъ догадывалась, что съ гражданиномъ Рихтеромъ творится что-то неладное, и что онъ скрываетъ отъ нея свое настроеніе. По свойственной южанкамъ пылкости она рѣшилась дѣйствовать стремительно, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ.

Становой Өедоръ Иванычъ былъ немного удивленъ, когда Паня передала ему записку Парасковьи Ивановны. Она приглашала его въ необычное время, т. е. утромъ, когда гражданинъ Рихтеръ занимался въ своей больницѣ.

— Г-мъ... Скажи барынѣ: хорошо,—отвѣтилъ Өедоръ Иванычъ, перечитывая записку.

Когда Паня ушла, Өедоръ Иванычъ подошелъ къ зеркалу, подмигнулъ самому себѣ и лукаво улыбнулся. Онъ немножко ухаживалъ за Парасковьей Ивановной и... мало ли что могло быть съ спеціалистомъ по женскому вопросу? Конечно, гражданинъ Рихтеръ хорошій человѣкъ, но вѣдь и онъ не дурной.

Въ докторской квартирѣ Өедора Иваныча ожидало самое горькое разочарованіе. Парасковья Ивановна встрѣтила его почти сухо.

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами по очень важному дѣлу, Ѳедоръ Иванычъ...

— Къ вашимъ услугамъ, Парасковья Ивановна...

— Благодарю. Я всегда знала, что вы хорошо относитесь ко мнѣ... И теперь... да... Прежде всего: все должно остаться въ самой строгой тайнѣ... между нами...

Ѳедоръ Иванычъ поднялъ плечи, надулся и принялъ такой видъ, точно превратился въ несгораемый шкафъ, въ которомъ можно безопасно спрятать всѣ драгоцѣнности.

— Садитесь, Ѳедоръ Иванычъ...

Разговоръ происходилъ въ гостиной, что тоже не представляло особенной интимности.

— Видите-ли, Ѳедоръ Иванычъ...—рѣшительно заговорила Парасковья Ивановна, глядя на гостя своими темными, какъ черная смородина, глазами прямо въ упоръ.—Вѣдь вы знаете нашу кухарку Агафью? Да?

Ѳедоръ Иванычъ прищурилъ глаза, дѣлая видъ, будто старается припомнить.

— Брюнетка?

— Нѣтъ, шатенка... Но это все равно для васъ. Да, такъ если бы вы, Ѳедоръ Иванычъ, выслали-бы ее куда нибудь подальше...

— Позвольте, т. е. какъ это выслалъ?

— А какъ высылаютъ? Вамъ это ближе знать...

— Позвольте, сударыня, вы можете выслать ее гораздо проще, т. е. отказать отъ мѣста, какъ поступаютъ съ прислугой.

— Ахъ, это совсѣмъ не то, Ѳедоръ Иванычъ... Во первыхъ, она ничего не сдѣлала такого, за что бы я могла ей отказать, а во вторыхъ... мнѣ даже какъ-то неудобно это говорить... Однимъ словомъ, могутъ подумать, что я это сдѣлала изъ ревности. Понимаете?

„Любезный антихристовъ сосудъ“ былъ совершенно озадаченъ. Вотъ положеніе... Ужъ не рехнулась-ли Парасковья Ивановна, потому что городитъ совершенно несообразное, точно съ печи свалилась.

— Знаете, Парасковья Ивановна, высылаютъ людей только по приговору суда или по какимъ-нибудь чрезвычайнымъ случаямъ.

— По чрезвычайнымъ? вы, пожалуйста, не подумайте, что я прошу васъ удалить Агафью, изъ ревности... Конечно, вы понимаете, что верхъ нелѣпости ревновать къ какой-то несчастной кухаркѣ... да... Затѣмъ, вѣдь я не говорю вамъ рѣшительно ничего такого, что могла-бы сказать вотъ про эту Агафью?

— Рѣшительно ничего.

— Вѣдь я не говорю вамъ, что къ ней по ночамъ приходятъ два бѣглыхъ сибирскихъ разбойника, которыхъ она называетъ старцами?

— Нѣтъ, не говорите, Парасковья Ивановна...

— Вѣдь я могла-бы вамъ сказать, что эти бродяги собираются у Марьи Тимофеевны, и наша Агафья бѣгаетъ туда? И я не говорю...

— Ничего не говорите...

— Наконецъ, я могла-бы вамъ сказать, что она не желаетъ жить съ мужемъ и собирается бѣжать съ сибирскими старцами куда-то въ горы?

— Да, очень могли-бы...

— Я не люблю мѣшаться въ чужія дѣла, Өедоръ Иванычъ, и если бы дѣло коснулось ревности, то завтра бы моей ноги не было въ этомъ домѣ, какъ ни было-бы это тяжело для меня, какъ для женщины. Вы понимаете меня?

— О, совершенно, Парасковья Ивановна...

Подслушивавшая у дверей, Паня сломя голову бросилась въ кухню и, задыхаясь отъ волненія, сообщила Агафьи, что Өедоръ Иванычъ хочетъ ее посадить въ тюрьму, и что барыня упрашиваетъ его не дѣлать этого. Агафья выслушала это извѣстіе совершенно спокойно, не проронивъ ни одного слова.

— Өедоръ Иванычъ сказалъ, что ты подманиваешь разбойниковъ, чтобы убили господъ,—продолжала Паня:—и что Марью Тимофеевну онъ посадитъ въ острогъ вмѣстѣ съ тобой...

Өедоръ Иванычъ уѣхалъ, давъ честное слово, что все останется въ тайнѣ, и что онъ, съ своей стороны, приметъ мѣры. Вечеромъ „весь" Ушкуйскій заводъ, конечно, уже зналъ, что Парасковья Ивановна хотѣла сначала отравить Агафью, а потомъ отравиться сама, и что, только по свойственной Өедору Иванычу проницательности, онъ предупредилъ катастрофу.

— О, я знаю, что такое женщина, хотя никакой медицинѣ и не учился,—повторялъ Өедоръ Иванычъ, лукаво подмигивая.

Гражданинъ Рихтеръ узналъ эту исторію послѣднимъ, когда вечеромъ игралъ въ карты у мирового судьи. Онъ остался безъ пяти, объявивъ маленькій шлемъ, и уѣхалъ скоро домой. Парасковья Ивановна совсѣмъ не ожидала, что онъ такъ рано вернется домой, и хотѣла что-то такое сказать относительно ужина.

— Не нужно,—довольно рѣзко отвѣтилъ ей докторъ.— Долженъ сказать вамъ, сударыня, что я знаю все и считаю ваше поведеніе недостойнымъ порядочной женщины... да!..

Поблѣднѣвшая Парасковья Ивановна хотѣла что-то воз-

ражать, но докторъ хлопнулъ дверью и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Поздно вечеромъ, когда Парасковья Ивановна уже улеглась спать, въ окно докторскаго кабинета кто-то осторожно постучалъ. Это была Агафья.

— Пришла проститься, баринъ... Пожалѣлъ—купилъ ты меня... Вотъ принесла тебѣ на память рушничокъ (полотенце), сама пряла, сама ткала, сама вышивала узоры. Не поминай лихомъ...

— Куда ты Агафья? Ты съ ума сошла...

— А куда иголка, баринъ, туда и нитка... Прощай, милый баринъ...

Докторъ хотѣлъ выскочить во дворъ, чтобы удержать Агафью, и въ дверяхъ кабинета чуть не сшибъ съ ногъ подслушивавшую Парасковью Ивановну. Она не сказала ни слова, а только смотрѣла на доктора широко раскрытыми глазами. Онъ понялъ стоявшій въ этихъ глазахъ нѣмой вопросъ и, задыхаясь, отвѣтилъ:

— Да, да, вы угадали... Я люблю ее!..

XII.

Агафья исчезла, какъ тѣнь. Куда она ушла—никто не зналъ, хотя всѣ и догадывались, что ей некуда было идти, кромѣ скитовъ.

— Куда ей дѣться окромя,—сурово отвѣчалъ Игнатъ, примирившійся съ фактомъ.—Старцы уволокли, какъ волки овцу...

Гражданинъ Рихтеръ былъ мраченъ. Онъ ничего не говорилъ о своемъ настроеніи и отнесся съ презрительнымъ ранодушіемъ къ гнусному поведенію Парасковьи Ивановны. Послѣдняя давно раскаялась въ своемъ проступкѣ и не знала, чѣмъ и какъ возстановить свою репутацію въ глазахъ гражданина Рихтера. Она, по женской логикѣ, во всемъ обвиняла Ѳедора Ивановича, который все разболталъ, какъ базарная баба, а потомъ въ ея глазахъ оставался виновнымъ и гражданинъ Рихтеръ, который своимъ поведеніемъ довелъ ее до гнуснаго предательства. Если бы онъ вступилъ съ Агафьей въ преступную связь—это еще можно было бы понять и такіе факты случаются, но полюбить свою собственную кухарку, женщину, у которой такія громадныя красныя руки, широкая мужицкая спина и, главное, ноги... Она не могла никакъ понять, что для гражданина Рихтера совсѣмъ не существовало ни Агафьиныхъ рукъ и ногъ, ни Агафьиной спины. Агафья для него оставалась той чудной русской жен-

щиной, которая незримо и безъимянно творила всю русскую исторію.

Прошло лѣто. Наступила осень. Въ концѣ октября выпалъ первый снѣгъ. Однажды утромъ пришелъ къ доктору кучеръ Игнатъ и заявилъ, что онъ уходитъ и чтобы искали другого кучера.

— Куда же вы уходите?—полюбопытствовалъ докторъ.

— Я-то? не знаю... такъ... тошно мнѣ... Пойду искать Агафью.

— Гдѣ же вы ее найдете? Въ горахъ много мѣста...

— Ужъ я-то найду... Лѣтомъ старцамъ вездѣ дорога, а зимой прошелъ или проѣхалъ—слѣдъ и остался, а ихъ я по слѣду и найду.

Игнатъ ушелъ, и гражданину Рихтеру было совѣстно, что онъ бранилъ его негодяемъ.

Вмѣсто Агафьи была нанята другая кухарка, вмѣсто Игната—новый кучеръ. Происходившая въ докторской кухнѣ драма начала понемногу зарастать травой забвенія. Только пріѣзжавшій изрѣдка Ѳедоръ Иванычъ, когда оставался съ докторомъ съ глазу на глазъ, говорилъ:

— Агафья не вернулась?

— Нѣтъ...

— Ну, я приму свои мѣры... Впрочемъ, она могла уйти въ другой станъ—тогда я безсиленъ.

Помолчавъ немного, Ѳедоръ Иванычъ прибавлялъ:

— А славная была бабенка...

— Не будемте говорить объ этомъ, Ѳедоръ Иванычъ.

— Дѣйствительно, наплевать. Навѣрно, она ушла изъ моего стана...

Наступила зима, суровая, снѣжная. Гражданинъ Рихтеръ чувствовалъ себя какъ-то особенно скверно. Его охватывала неопредѣленная глухая тоска. День за днемъ тянулся съ унылой медленностью, а люди точно не жили, а только отбывали повинность собственнаго бытія. Въ докторскомъ домикѣ водворилась какая-то хроническая скука. Парасковья Ивановна тоже чувствовала себя хмуро. Она, не смотря на всѣ свои старанія, никакъ не могла возстановить своей репутаціи въ глазахъ гражданина Рихтера, и это угнетало ее съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе. Она отводила душу только съ своей горничной Паней, которую вывезла изъ Малороссіи.

— У насъ теперь на Украйнѣ какъ хорошо...—повторяла Паня съ тяжелымъ вздохомъ.—Поѣдемте, барыня, домой?..

— Некуда мнѣ ѣхать, Паня.

Прошло Рождество, масляница и наступилъ великій постъ. Суровая уральская зима долго не сдавалась на ласки начинавшейся календарной весны. Провертывались и теплые

деньки, а потомъ опять падалъ снѣгъ, выла мятель и замерзала оттаявшая вода. Эта пестрая погода, когда зима точно боролась съ весной, характерно называется отзимьемъ. Особенно скучны были вечера, темные, непріютные, раздражающіе своей безнадежной тоской. На Уралѣ весна очень коротка, и зима почти безъ всякихъ предисловій переходитъ прямо въ лѣто, тоже короткое, но полное своеобразной прелести.

Среди скверныхъ и тяжелыхъ дней бываютъ еще болѣе скверные и тяжелые. Именно въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ дней въ докторскій домикъ завернула Марья Тимофеевна. Дѣло было вечеромъ, и она, по обыкновенію, прошла сначала въ кухню. Паня, цѣлый день вертѣвшаяся въ кухнѣ, сообщила объ этомъ событіи господамъ, которые пили чай въ столовой.

— У ней есть какое-то дѣло до васъ,—объясняла она, задыхаясь отъ совершенно безпричиннаго волненія.

— Зови ее сюда,—коротко приказала Парасковья Ивановна, чтобы насолить гражданину Рихтеру, который усвоилъ гнусную привычку за вечернимъ чаемъ читать вѣчную газету и изводить ее угнетающимъ молчаніемъ.

Марья Тимофеевна вошла въ столовую крадущимся шагомъ, точно боялась кого-то разбудить. Парасковья Ивановна пригласила ее сѣсть, что дѣлалось тоже на зло гражданину Рихтеру, прятавшемуся за газетой.

— Ну, каково вы поживаете, Марья Тимофеевна? — съ усиленной ласковостью заговорила Парасковья Ивановна, обрадовавшаяся живому человѣку.

— Какая ужъ наша жисть...—пѣвуче отвѣтила Марья Тимофеевна, оглядываясь кругомъ, точно ждала какой-то засады.—Такъ, день да ночь—сутки прочь...

— Чаю хотите? Ахъ, да, вѣдь вы не пьете чай... Я вамъ сдѣлаю просто сахарной воды съ вареньемъ... Вѣдь вы любите варенье, Марья Тимофеевна?

— Охъ, не до угощенья мнѣ, Парасковья Ивановна... Головушка съ плечъ! Вотъ какое дѣло...

— Что такое случилось, Марья Тимофеевна?!.

— Да ужъ не знаю, какъ тебѣ и разсказать...

Марья Тимофеевна еще разъ оглянулась кругомъ и заговорила уже шопотомъ:

— Сижу я это третьева дни вечеромъ, а въ окошко кто-то и постучи... Страсть я перепугалась, потому какъ живу одна съ дочерью, и всякій можетъ обидѣть. Выглянула въ окошечко, вижу, стоитъ старецъ Спиридонъ... У меня такъ сердце и упало. Чувствую, что онъ не съ добромъ... Ну, пустила его въ избу, а сама глазъ съ него не спускаю. Ну,

снялъ онъ съ себя шубу и говоритъ: „Приказала тебѣ, Марья Тимофеевна, Агафья долго жить“... У меня ноженьки подкосились, гляжу на него, а сама ничего не понимаю. Затемнилась вся... „Какая Агафья?“ спрашиваю.—„А, гритъ, которая у дохтура въ стряпкахъ жила. Она самая“... Заплакала я, глупая Палагея тоже реветъ... И что бы, думала, вышло? Эти самые сибирскіе старцы совсѣмъ даже безсовѣстные, т. е. Матвѣй. Это онъ тогда увелъ отъ васъ Агафью въ лѣсъ. Сначала для прилику упомѣстилъ ее у двухъ старушекъ скитницъ. Она тамъ и жила до снѣгу. А потомъ объявился Игнатъ и началъ жену звать домой или чтобы она жила съ нимъ. Онъ тоже хотѣлъ спасать душу. Матвѣй-то тутъ и оказалъ себя настоящимъ волкомъ. Прогналъ Игната, а Агафью увелъ къ себѣ въ избушку. А она идетъ за нимъ, какъ коза... Грѣшно и разсказывать-то. Все Агафья дѣлала, что ей Матвѣй ни скажетъ... Ахъ, грѣхъ, грѣхъ!.. У Спиридона-то все на глазахъ было, потому какъ онъ вмѣстѣ съ Матвѣемъ въ одной избушкѣ спасался. А Игнатъ-то въ томъ родѣ, какъ послѣдняго ума рѣшился. Всю зиму, слышь, все по скаламъ бродилъ, а потомъ высмотрѣлъ себѣ пещеру и поселился въ ней съ другимъ скитникомъ. По веснѣ, этакъ недѣлѣ на шестой поста... охъ, грѣхъ и разсказывать-то! Тяжелая была Агафья и не могла никакъ разродиться. Такъ и померла въ избушкѣ у Матвѣя, онъ ее и похоронилъ въ лѣсу, а самъ ушелъ, куда глаза глядятъ. Вотъ какой грѣхъ-то, Парасковья Ивановна... Ну, Спиридону стало скушно жить одному, онъ и пошелъ разыскивать Игната. Нашелъ ихнюю пещеру, а Игнатъ еле живъ. Слышь, тринадцать дёнъ безъ ѣды прожилъ... Спиридонъ-то едва изъ пещеры выволокъ да къ матери на заводъ и привезъ. Охъ, грѣхъ, грѣхъ...

Гражданинъ Рихтеръ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ и, не зажигая лампы, долго стоялъ у окна. На него глядѣла темная ночь. Падалъ мягкими хлопьями послѣдній снѣжокъ. Темно было и на душѣ гражданина Рихтера...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

Отрывки о религіи.

I.

Заглавіе предлагаемой статьи имѣетъ цѣлью предупредить читателя, что авторъ отнюдь не претендуетъ на хотя бы приблизительно цѣльную и исчерпывающую обработку выбранной имъ обширной и значительной темы,— въ извѣстномъ смыслѣ обширнѣйшей и значительнѣйшей изъ всѣхъ, какія только могутъ представиться человѣческому уму. Для такой обработки въ его распоряженіи нѣтъ, во первыхъ, достаточно времени; во вторыхъ, въ томъ идейномъ и фактическомъ матеріалѣ, который обнимается этою темою, для автора существуетъ огромный пробѣлъ: онъ не считаетъ для себя возможнымъ трактовать о религіи, исповѣдуемой нынѣ 30-ю процентами всего населенія земного шара, — о христіанствѣ. Какъ религія, преподанная человѣчеству путемъ откровенія свыше, или, вѣрнѣе, какъ наслѣдница такого откровенія, христіанская религія, занимаетъ въ исторіи совершенно особое и неприкосновенное для насъ мѣсто. Насъ будутъ занимать только до-христіанскія и не-христіанскія религіи, происхожденіе и ходъ развитія которыхъ доступны изслѣдованію съ научной точки зрѣнія. Правда, и изъ нихъ нѣкоторыя приписываютъ себѣ свыше откровенное начало, но для насъ необязательно раздѣлять мнѣнія ихъ послѣдователей, и само лежащее въ основѣ ихъ откровеніе, самый типъ его, какъ въ своемъ процессѣ, такъ и въ своемъ содержаніи, подлежитъ критическому анализу.

Научную точку зрѣнія на прошедшее, настоящее и будущее религіи можно считать въ настоящее время вполнѣ обезпеченною. Есть уже рядъ писателей, выдвигающихъ „науку о религіи“ въ качествѣ особой, самостоятельной дисциплины, долженствующей занять свое спеціальное мѣсто въ системѣ нашихъ положительныхъ знаній. Указать это мѣсто не легко, такъ какъ „наука о религіи“ переплетается множествомъ перекрещивающихся нитей съ психологіей, соціологіей, этикой, не говоря уже объ этнологіи и исторіи культуры. Было бы поэтому, можетъ быть, правильнѣе

довольствоваться пока болѣе общимъ и менѣе опредѣленнымъ названіемъ „ученія о религіи", хотя названіе это и не подчеркиваетъ существеннаго элемента этой новой дисциплины—ея научнаго характера. Во всякомъ случаѣ эта возникающая наука не имѣетъ ничего общаго ни съ теологическими трактатами апологетическаго или полемическаго характера, ни съ примирительными или воинствующими метафизическими полетами мысли, которые тоже имѣли бы право называться ученіемъ о религіи. Основы для „науки о религіи" положены довольно давно, но разработка ихъ стала возможна лишь съ тѣхъ поръ, какъ, съ одной стороны, въ трудахъ этнографовъ, историковъ культуры, лингвистовъ, путешественниковъ, христіанскихъ миссіонеровъ накопился колоссальный фактическій матеріалъ, а съ другой стороны, на мысль наложилъ свою благодѣтельную, хотя и тяжелую руку принципъ эволюціи.

Вѣковая распря вѣры и разума, стоившая столькихъ жертвъ, обагрившая кровью столько плахъ, зажегшая столько костровъ,—хотя, слѣдуетъ замѣтить, наибольшую долю этихъ жертвъ, костровъ и плахъ надо отнести на счетъ борьбы не вѣры съ разумомъ, а тако вѣрующихъ съ инако вѣрующими,—распря это породила, между прочимъ, одинъ предразсудокъ, затемнявшій значеніе религіи. Люди науки и вообще свободомыслящіе склонны были считать всякую религію, религію, какъ таковую, только собраніемъ заблужденій и вздорныхъ вымысловъ, порожденныхъ невѣжествомъ дикихъ массъ и завѣдомыми обманами жрецовъ разныхъ наименованій. Научная точка зрѣнія прежде всего упраздняетъ этотъ предразсудокъ. Какъ бы ни была велика роль невѣжества и обмана на длинномъ и трудномъ пути исторіи человѣчества,—не ими опредѣляется самая сущность религіи. Разумѣется, невѣжество было однимъ изъ главнѣйшихъ условій появленія, укрѣпленія, распространенія и переживанія многихъ вѣрованій и культовъ, поражающихъ, на нашъ просвѣщенный взглядъ, своею очевидною безсмысленностью или чудовищною жестокостью. Но, удовлетворяя невѣжественные умы нашихъ звѣрообразныхъ предковъ, эти вѣрованія и культы утоляли вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторую непреходящую потребность человѣческой природы, не менѣе сильно дающую себя чувствовать и намъ, просвѣщеннымъ потомкамъ, хотя утоляемъ мы ее совсѣмъ иначе. Разумѣется, жрецы всякихъ наименованій уже на очень раннихъ ступеняхъ культуры (не говоря о ступеняхъ болѣе высокихъ, когда процессъ общественнаго раздѣленія труда окончательно закрѣпляетъ за жрецами положеніе свѣдущихъ въ дѣлѣ религіи людей) прибѣгаютъ къ фокусамъ, выдавая ихъ за подлинное общеніе съ добрыми или злыми божествами. Но даже въ этихъ, часто вполнѣ безсовѣстныхъ, людяхъ ложь переплетается иногда съ искренней вѣрой. Только они либо по слабости, лѣности или тру-

сости мысли не умѣютъ связать концы съ концами въ своемъ міросозерцаніи, либо, какъ, напримѣръ, шаманы, пифіи и т. п., находятся въ особенномъ психическомъ состояніи, въ которомъ ложь и правда свиваются въ клубокъ. И во всякомъ случаѣ, какъ ни велика сила ловкой лжи въ невѣжественной средѣ, ею невозможно объяснить ту,—благодѣтельную, какъ думаютъ обыкновенно, имѣя въ виду лишь нѣкоторыя религіи или нѣкоторыя стороны ихъ, или пагубную, какъ огульно утверждалъ Юмъ и другіе,—но во всякомъ случаѣ великую роль, которую играетъ религія въ исторіи.

Оригинальную попытку умалить историческую роль религіи сдѣлалъ экономическій матеріализмъ, по недоразумѣнію претендующій на титулъ научности par excellence. Религія съ этой точки зрѣнія, будучи одною изъ отраслей идеологіи, не имѣетъ самостоятельнаго значенія; она есть только одна изъ подробностей надстройки надъ фундаментомъ формъ производства матеріальныхъ цѣнностей и обмѣна ихъ, формъ, тяготѣющихъ въ своемъ имманентномъ развитіи къ извѣстному концу, которому предстоитъ совершенно упразднить религію. Теорія эта, слишкомъ узкая и сухая, чтобы обнять собою всѣ явленія жизни—и въ особенности такую яркую и могучую силу, какъ религія,—гаснетъ на нашихъ глазахъ, быстро теряя когда то столь же быстро завоеванный, благодаря ея простотѣ и ясности, кредитъ. Намъ, вѣроятно, еще придется вернуться къ этой якобы по преимуществу научной теоріи въ ея отношеніи къ религіи. Теперь приведемъ лишь нѣсколько относящихся сюда замѣчаній Масарика. „Ни одинъ разумный человѣкъ—говоритъ онъ—не будетъ серьезно утверждать, что религія, конкретнѣе—церковь и еще конкретнѣе—іерархія и многочисленное духовенство (монастыри и проч.), не имѣетъ никакого отношенія къ экономикѣ; я думаю, что даже человѣкъ, никогда и не слыхавшій объ экономическомъ матеріализмѣ, согласится, что религія, да и всякая идеологія, имѣетъ близкое отношеніе къ экономикѣ. Дѣло и состоитъ въ томъ, чтобы точнѣе опредѣлить эти отношенія. Но Марксъ и Энгельсъ спеціально поставили себѣ задачей указать, что религія и идеологія (въ послѣдней инстанціи, какъ часто выражается Энгельсъ) суть только экономическія отношенія“. „Они видѣли въ религіи только одностороннюю теорію, не обращая вниманія на то, что религія захватываетъ всего человѣка—и его голову, и его сердце, даже его тѣло“. И приведя одно разсужденіе Энгельса о кальвинизмѣ (въ извѣстной брошюрѣ о Фейербахѣ), Масарикъ замѣчаетъ: „возможно, что подобныя объясненія сразу и ошарашатъ читателя, но, подумавъ немного, онъ увидитъ ихъ искусственность и несостоятельность“ („Философскія и соціологическія основанія марксизма“). Такихъ и даже еще болѣе „ошарашивающихъ“ объясненій у второстепенныхъ и третьестепенныхъ марксистовъ, отъ ко-

торыхъ стали, наконецъ, открещиваться сами творцы экономическаго матеріализма, можно найти очень много.

Многія ошибочныя мнѣнія о религіи и ея значеніи въ исторіи объясняются неопредѣленностью самаго термина: разные люди разно понимаютъ религію и часто съуживаютъ ея смыслъ, сводя ее къ одному изъ ея составныхъ элементовъ.

Писатель, особенно настаивающій на самостоятельности science des religions, Рауль де ла Грассри („Des religions comparées au point de vue sociologique") признаетъ эту science отраслью соціологіи на одинаковыхъ правахъ съ политической экономіей или наукой права, но для него, съ другой стороны, и сама религія есть наука. Раздѣляя всѣ отрасли знанія на науки абстрактныя, конкретныя и абстрактно-конкретныя, онъ относитъ къ послѣднимъ механику, физику, химію, біологію, психологію, соціологію и, наконецъ, *космосоціологію*, распадающуюся на философію, „науку въ ея ультра-синтетическомъ состояніи" и религію, которая и составляетъ предметъ его изслѣдованія. Отъ двухъ другихъ „космосоціологическихъ наукъ" религія отличается тѣмъ, что она обращается не непосредственно къ разуму, а къ чувству, къ инстинкту, и косвенно къ волѣ, тогда какъ тѣ имѣютъ дѣло непосредственно съ разумомъ. Мы не будемъ обсуждать всю эту странную концепцію и всѣ, отличающіеся крайнею запутанностью, доводы автора въ ея пользу. Остановимся только на самой идеѣ религіи, какъ космосоціологіи.

Напомнивъ этимологическое значеніе слова „религія", въ основѣ котораго лежитъ идея „связи" (отъ religare или relegere), Грассри продолжаетъ разсуждать слѣдующимъ образомъ. Связь предполагаетъ нѣсколько лицъ, между которыми существуютъ тѣ или другія отношенія. Это ведетъ насъ въ область соціологіи, вѣдающей, между прочимъ, и взаимныя отношенія единовѣрцевъ, и отношенія религіозныхъ обществъ къ политическимъ обществамъ или союзамъ, съ которыми они то совпадаютъ, то живутъ въ нихъ рядомъ съ другими подобными же религіозными обществами, то выступаютъ за ихъ предѣлы, такъ какъ они могутъ быть и международными. Но это есть внѣшняя религіозная связь (lien de la religion externe)., мало интересующая нашего автора. Есть другая, внутренняя связь, обнимающая несравненно большій кругъ существъ, видимыхъ и невидимыхъ, человѣческихъ, стоящихъ выше и ниже человѣка. Это—связь человѣка съ Богомъ или богами, съ безчисленными посредниками между людьми и богами,—съ демонами, ангелами, геніями, добрыми и злыми духами, далѣе съ умершими людьми (культъ предковъ), съ животными, растеніями, неорганическими предметами (анимизмъ, тотемизмъ, ученіе о переселеніи душъ, поклоненіе деревьямъ, камнямъ, рѣкамъ, солнцу, лунѣ, звѣздамъ). Это то вселенское общество и есть религія, а вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ предметъ религіи, какъ на-

уки космосоціологіи. И такъ какъ Грассри приверженецъ органической теоріи въ соціологіи, то онъ прилагаетъ ее и къ своему вселенскому космическому обществу. Онъ говоритъ о питаніи и о ростѣ религій, о ихъ размноженіи путемъ дѣленія, почкованія и половымъ путемъ, о ихъ болѣзняхъ и прививкѣ къ нимъ таковыхъ и т. д.

Какъ ни нескладна вся концепція Грассри въ цѣломъ и особенно во многихъ подробностяхъ, которыя мы опускаемъ, въ ней есть зерно истины. По опредѣленію, предложенному мною еще въ 70-хъ годахъ (въ „Запискахъ профана"), но, мнѣ кажется, лучше выраженному въ „Предисловіи къ книгѣ объ Иванѣ Грозномъ", религія есть „та неразрывная *связь* понятій о сущемъ (наука) и долженствующемъ быть (мораль и политика въ обширномъ смыслѣ), которая властно и неуклонно направляетъ дѣятельность человѣка. Можно имѣть вѣрныя и многостороннія понятія о фактическомъ ходѣ вещей, стоять на высотѣ знаній современнаго уровня, и въ то же время не имѣть руководящихъ принциповъ дѣятельности. Можно, наоборотъ, обладать высокими руководящими принципами, но или содержать ихъ внѣ всякой связи съ объективной наукой, или же только знать ихъ, но не руководиться ими въ дѣйствительности, принимать ихъ только къ свѣдѣнію, а не къ исполненію. Эта „разсыпанная храмина", эти membra disjecta жизни духа должны быть приведены къ гармоническому единству". И въ этомъ состоитъ функція религіи. Религія, конечно, не наука; онѣ не покрываютъ одна другую, и это относится какъ къ религіи и наукѣ вообще, такъ и въ частности къ любой религіи и любой наукѣ. Но въ религіи есть интеллектуальный элементъ, она говоритъ не только чувству и волѣ, какъ думаетъ Грассри, полагая въ этомъ ея отличіе отъ философіи (метафизики?) и „синтетической науки" (научной или положительной философіи?). Этотъ интеллектуальный элементъ религіи составляютъ вѣрованія. Они не наука, но замѣняютъ ее. Это первыя, зачаточныя и быстро отвердѣвающія гипотезы, которыя представляютъ собою возможные для ума, бѣднаго опытомъ и развитіемъ, отвѣты на вопросы, задаваемые природой. Въ извѣстномъ смыслѣ вѣра и знаніе совсѣмъ не такъ далеки другъ отъ друга, какъ принято думать. Въ сознаніи вѣрующаго они даже часто совершенно совпадаютъ. Образцомъ этого совпаденія можетъ служить „научный прогнозъ" экономическаго матеріализма, который въ дѣйствительности есть дѣло совсѣмъ не знанія, а вѣры. Если марксистъ говоритъ: я *знаю*, что цѣлесообразный естественный ходъ вещей ведетъ къ такому то благому результату,—то вѣдь и дикарь думаетъ: я *знаю*, что Богъ грома поражаетъ людей, преступающихъ его велѣнія. Эту аналогію можно бы было провести и дальше, но для насъ здѣсь интересенъ фактъ

естественнаго замѣщенія вѣрованій знаніями, и обратно—знаній вѣрованіями.

Въ самомъ сердцѣ науки элементъ вѣры представленъ гипотезами. Конечно, это вѣра условная, и добросовѣстные люди науки всегда готовы измѣнить ее, какъ скоро она окажется въ противорѣчіи съ истиной. Такъ, Делажъ въ своей книгѣ „La structure du protoplasma et l'hérédité“ прямо говоритъ, что тотчасъ отказался бы отъ теоріи трансформизма, какъ недостаточно доказанной, если бы явилась другая гипотеза, удовлетворительнѣе объясняющая происхожденіе видовъ. Но такой гипотезы нѣтъ, и потому онъ остается при трансформизмѣ, хотя никто никогда не видалъ, чтобы одинъ видъ давалъ начало другому виду; разумѣю—прибавляетъ онъ—настоящій естественный видъ, сложившійся безъ вмѣшательства человѣка.

Неудобство неопредѣленности термина „религія“ отмѣчаетъ и Липпертъ. Но онъ высказываетъ по этому поводу чрезвычайно странную мысль. Онъ говоритъ: „Понятіе религіи въ теченіе исторіи одновременно съ развитіемъ общественныхъ отношеній все болѣе расширялось и достигло въ наше время большой неопредѣленности. Первоначально религія была только отношеніемъ между человѣкомъ и нѣкоторымъ духомъ или міромъ духовъ. Нынѣ же, желая знать, какой вы „религіи“, освѣдомляются о вашихъ взглядахъ на астрономію, геологію, біологію и разные другіе предметы. Такъ какъ нынѣ предполагается, что не отдѣльный лишь человѣкъ, а весь міръ находится въ постоянной связи съ верховнымъ духовнымъ существомъ, то все міросозерцаніе человѣка входитъ въ составъ его религіи“. Ясно,—продолжаетъ Липпертъ,—что понятіе религіи на двухъ концахъ ея развитія существенно различно. („Die Kulturgeschichte in einzelnen Hauptstücken“). Разумѣется, религія человѣка каменнаго вѣка и религія современнаго европейца очень различны, но отнюдь не на томъ пунктѣ, который намѣчаетъ Липпертъ. Всякая первобытная религія даетъ посильные для нея отвѣты и на тѣ вопросы, которые мы нынѣ называемъ астрономическими, геологическими, біологическими и т. д. А въ религіяхъ болѣе развитыхъ, хотя все еще „существенно отличныхъ“ отъ нашей, жрецъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ уже прямо представитель науки, свѣдущій человѣкъ по астрономіи, біологіи, медицинѣ и проч. И скорѣе наоборотъ въ наше время религія и наука, для большинства, раздѣлены непроходимою пропастью.

Священное писаніе древнихъ персовъ называется Авеста, что значитъ *знаніе*, а современный нѣмецкій писатель, желая сопоставить науку съ отжившими вѣрованіями, озаглавливаетъ свою книгу „Der alte und der neue Glaube“. И какъ въ Зендъ-Авѣтѣ содержатся не только вѣрованія, а и дѣйствительныя знанія своего времени, такъ въ книгѣ Штрауса содержатся не только зна-

нія, а и дѣйствительныя вѣрованія современнаго нѣмецкаго буржуа. Дикарь, которому при какихъ-то трудно возстановимыхъ для насъ обстоятельствахъ посчастливилось добыть огонь треніемъ другъ о друга двухъ деревяшекъ, объяснитъ это чудо самымъ фантастическимъ образомъ. Напримѣръ, деревяшки окажутся отцомъ и матерью страшнаго бога-огня, который тотчасъ послѣ своего рожденія пожираетъ родителей и затѣмъ возносится въ видѣ дыма къ небу. Въ дождѣ этотъ темный человѣкъ увидитъ процессъ оплодотворенія жены-земли мужемъ-небомъ. И тому подобное. Все это расцвѣтится съ теченіемъ времени яркими легендами, о которыхъ съ завистью и скорбью вздохнетъ художникъ нашего времени („Боги Греціи“ Шиллера). Но червь опыта и наблюденія постепенно подкапываетъ это фантастическое зданіе, замѣняя его своими собственными продуктами, фантастическія представленія вытѣсняются болѣе трезвыми и, наконецъ, безъ остатка таютъ въ чисто научныхъ объясненіяхъ. Но и тамъ, и тутъ мы имѣемъ замѣщающія другъ друга объясненія явленій природы въ ихъ причинной связи. Только въ одномъ случаѣ причина лежитъ въ произволѣ боговъ, въ другомъ—въ неизмѣнномъ естественномъ законѣ. Древнеегипетскій или какой другой чудодѣй *вѣрилъ*, какъ вѣритъ и современный колдунъ, что онъ можетъ излѣчивать нѣкоторыя болѣзни прикосновеніемъ или властнымъ приказаніемъ. Мы же *знаемъ* это, только знаемъ въ придачу, что болѣзнь, поддающаяся такому лѣченію, не есть „порча“, „бѣсноватость“ и т. п.

Но вѣрованіями религія не исчерпывается, они составляютъ только часть ея, одинъ изъ ея элементовъ. Когда мы безразлично говоримъ, напримѣръ, о буддійской религіи и буддійской вѣрѣ, мы дѣлаемъ ошибку, которую указалъ самъ геній человѣческаго языка, не довольствуясь словомъ „вѣра“, foi, Glaube, и давъ всемірное распространеніе слову „религія“. Буддійская, какъ и всякая другая, религія не только по своему удовлетворяетъ потребность ума („теософы“, какъ извѣстно, находятъ, что это удовлетвореніе весьма близко къ тому, которое дается современною наукой или даже совершенно съ нимъ совпадаетъ). Входящія въ ея составъ вѣрованія съ одной стороны являются или источниками или санкціей извѣстныхъ чувствъ—страха, благодарности, умиленія, скорби и проч., а съ другой стороны извѣстнымъ образомъ направляютъ волю,—скажемъ къ аскетической практикѣ, къ бережному отношенію къ животнымъ и т. п. Таковы три элемента всякой религіи, достойной этого имени, достойной не въ смыслѣ возвышенности,—объ этой сторонѣ дѣла мы пока не говоримъ,—а въ смыслѣ жизненности. Тѣсно связанные между собой, элементы эти, однако, логически различимы даже на самыхъ раннихъ ступеняхъ культуры. Съ теченіемъ же времени они часто фактически расходятся въ разныя стороны и идутъ каждый своей до-

рогой, если не стоятъ, окаменѣлые, на мѣстѣ. Вѣрованія перестаютъ возбуждать чувства, когда-то волновавшія вѣрующихъ, и не даютъ властнаго толчка дѣятельности,—данная религія умираетъ, ибо по истинѣ „вѣра безъ дѣлъ мертва есть". Такъ умерло въ Европѣ язычество. Но смерть данной религіи отнюдь не обозначаетъ собою смерти религіи вообще.

Неистребима въ человѣчествѣ потребность такого объединенія понятій о сущемъ, то есть вѣрованій или постепенно замѣщающихъ ихъ знаній, и долженствующемъ быть, то есть морали и политики, которое черпаетъ въ своемъ единствѣ могучую силу управлять дѣятельностью человѣка. Темныя языческія массы могли долго оставаться при однихъ омертвѣлыхъ догматахъ и обрядахъ, изъ которыхъ испарился оживлявшій ихъ духъ, отдѣльные люди могли отказываться и отъ нихъ, не замѣщая ихъ чѣмъ нибудь другимъ, мораль могла снизойти до положенія чистой словесности, ничѣмъ не отзывающейся на дѣлѣ; но тамъ и здѣсь вспыхивали искры новой религіи, иногда зажигавшія лишь очень немногихъ или даже никого не зажигавшія, а иногда разроставшіяся въ цѣлые духовные пожары.

Язычество умерло, но не умерла и не могла умереть религія. Съ одной стороны, язычество было побѣждено христіанствомъ, юнымъ, пылкимъ, въ лицѣ своихъ мучениковъ явившимъ непреходящіе образцы истинно религіозныхъ людей: ихъ мученическая смерть свидѣтельствовала о томъ, что они владѣли всѣми тремя элементами религіи, удовлетворявшими ихъ разумъ, чувство и волю. Съ другой стороны, язычество подтачивалось процессомъ внутренняго разложенія. Римскіе боги состарѣлись, утратили свою власть надъ сердцами, и хлынувшая въ Римъ волна иноземныхъ, главнымъ образомъ восточныхъ боговъ и культовъ лишь на короткое время, казалось, помолодила ихъ. Для темной массы за ними осталось лишь декоративное значеніе, а для просвѣщенныхъ скептиковъ упразднилось и оно. Но не только голый скептицизмъ подкапывался подъ язычество,—рядомъ съ нимъ шло и нѣчто положительное, стремившееся сложиться въ новую религію. Вспомнимъ хоть Лукреція и его поэму „О природѣ вещей". Съ страстнымъ негодованіемъ и ядовитой насмѣшкой отвергая вѣрованія своихъ современниковъ, поэтъ-мыслитель пришелъ къ извѣстному заключенію: Tantum religio potuit suadere malorum. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы у него самого не было религіи. Обветшалыя, утратившія всякую силу вѣрованія онъ замѣнялъ смѣлыми гипотезами почти научнаго характера, устранявшими личныя языческія божества, гипотезы эти оплодотворялись соотвѣтственными чувствами, и въ результатѣ получалось извѣстное направленіе воли, выразившееся хотя бы въ написаніи поэмы, въ этомъ страстномъ стремленіи сразиться со старымъ и оповѣстить міру новое. Истинно религіозный человѣкъ его вре-

мени былъ не тотъ, кто только вѣрилъ въ существованіе Юпитера со всей его безчисленной свитой и въ усвоенные по преданію разсказы объ этихъ небожителяхъ, такъ похожихъ на земнородныхъ. Лукрецій не вѣрилъ въ нихъ, ихъ произволъ замѣнялся въ его міропониманіи законосообразною игрою физическихъ силъ и это, покрайней мѣрѣ, въ принципѣ могло бы составить интеллектуальный элементъ новой религіи, которой, однако, не суждено было сложиться.

Мы увидимъ впослѣдствіи источникъ этого неустаннаго тяготѣнія къ религіи, этого то бурнаго, то еле замѣтнаго, то мелкаго, то глубокаго, то раздробляющагося на множество ручьевъ, то вновь возсоединеннаго теченія; увидимъ и причины, и слѣдствія всѣхъ этихъ перемѣнъ въ судьбахъ религіи. Теперь бросимъ только бѣглый взглядъ на нѣкоторые относящіеся сюда факты современной жизни.

Мы часто слышимъ направленныя по адресу западной Европы обличенія въ утратѣ ею христіанства или даже религіи вообще. Какъ бы мы ни смотрѣли на эти обличенія, на ихъ мотивы и содержаніе, съ своей субъективной точки зрѣнія,—ихъ объективная справедливость, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нѣкоторымъ слоямъ европейскаго общества, не подлежитъ сомнѣнію. И этого не только не укрываютъ, но еще ярче подчеркиваютъ фальшивые звуки громовъ французскаго клерикализма, слишкомъ прозрачное лицемѣріе англійскаго общества и т. п. Вѣрованія поблѣднѣли или даже совсѣмъ погасли; теоретическая мораль или открыто принимаетъ рѣзко и нарочито анти-христіанское направленіе (Ничше), или же, не возбуждая былого одушевленія, обращается въ пустую и черствую словесность, холодно поминаемую въ совершенно неподходящихъ оффиціальныхъ случаяхъ, да въ школѣ; цѣлое стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи со всѣмъ складомъ и со всѣми подробностями практической жизни. Штраусъ въ мимоходомъ упомянутой выше книгѣ „Der alte und der neue Glaube“ спрашиваетъ: „христіане ли мы“?—*мы*, то есть образованное европейское буржуазное общество (Bürgerthum) и отвѣчаетъ отрицательно. Затѣмъ онъ спрашиваетъ: „имѣемъ ли мы еще религію“?—и отвѣчаетъ условно: смотря по тому, какъ мы относимся ко вселенной (das All), къ ея мощи, къ строгой законности всѣхъ ея процессовъ, питаемъ ли мы къ ней то благоговѣйное чувство зависимости, которое составляетъ основу всякой религіи (идея Шлейермахера и Фейербаха), или нѣтъ...

У самаго Штрауса мы видимъ попытку привести къ одному знаменателю, связать въ нѣкоторую цѣлокупность научныя понятія о міровомъ порядкѣ, нравственно политическую теорію, то есть предписанія личной и общественной морали, и самую практику жизни. Правда, научная часть его книги слишкомъ поверхностна, этическая, специфически мѣщанская, слишкомъ плоска, а въ цѣ-

ломъ книга совершенно неспособна возбудить необходимый для neuen Glauben энтузіазмъ. Она произвела въ свое время много шуму, но затѣмъ, вѣроятно, читается съ чувствомъ удовлетворенія полу-просвѣщеннымъ нѣмецкимъ бюргеромъ, который, отдыхая за кружкой пива, очень гордъ тѣмъ, что имѣетъ право безданно-безпошлинно называться дарвинистомъ и преуспѣваетъ на практикѣ въ борьбѣ за существованіе; что Бисмаркъ великій человѣкъ и Германія объединена и имѣетъ свою Weltstadt; что необходимость смертной казни доказана, а онъ, сидящій за кружкой пива бюргеръ, есть „ядро народа и очагъ его нравственности". И только. Но это всетаки попытка. Есть не мало людей, далекихъ и отъ подобныхъ попытокъ. Они или, какъ Брюнетьеръ и комп., объявляютъ наукѣ войну во имя религіи, понимаемой ими исключительно въ смыслѣ вѣрованій, или утѣшаются мыслью о примирительномъ размежеваніи областей науки и религіи, даже не пытаясь привести ихъ въ какую нибудь связь. Это, во первыхъ, люди, ко всему, кромѣ „себя, своего обѣда и жены", равнодушные, или поглощенные мелочами жизни, отъ которыхъ имъ вздохнуть некогда. Затѣмъ искренніе люди этого рода часто попадаются между даже очень почтенными спеціалистами той или другой отрасли знанія, которымъ ихъ спеціальность, какъ привязанная къ ногамъ гиря, не даетъ подняться до высоты цѣльнаго міропониманія. О лицемѣрахъ, напоминающихъ собою тѣхъ вошедшихъ въ поговорку авгуровъ, которые не могли смотрѣть другъ на друга безъ смѣха, говорить не стоитъ. Интереснѣе люди, со страхомъ отступающіе передъ внутренней ломкой въ ту или другую сторону. Но бываютъ случаи, когда люди вполнѣ искренніе, безбоязненно совершивъ работу мысли про себя, прячутъ результаты ея изъ страха не передъ собой, не передъ своей логикой и совѣстью, а передъ общественнымъ мнѣніемъ или другою какою нибудь внѣшнею силою. Такъ, взгляды Дж. Ст. Милля на занимающій насъ предметъ міръ узналъ лишь послѣ смерти знаменитаго мыслителя,—при жизни онъ не рѣшался предложить ихъ вниманію англійскаго общества, хотя лицемѣромъ его, конечно, никто не назоветъ: онъ дѣлалъ лишь уступку, притомъ молчаливую, отрицательную, лицемѣрію своихъ соотечественниковъ. Жестче можно бы было отнестись къ прославленному Вольтеромъ, Гольбахомъ, Анахарсисомъ Клотцомъ католическому священнику XVIII столѣтія, Жану Мелье, который, будучи до конца дней своихъ священникомъ, оставилъ въ рукописи рѣзко антихристіанское „завѣщаніе" (О немъ см. въ моей статьѣ „Вольтеръ-человѣкъ и Вольтеръ-мыслитель", Сочиненія, VI). Но въ виду перспективы времени и мѣста (французъ XVIII вѣка!), а также несомнѣнныхъ свидѣтельствъ о высокихъ нравственныхъ качествахъ этого несчастнаго человѣка въ духѣ именно христіанской

морали,—справедливѣе будетъ не бросать въ его память камнемъ, а поскорбѣть объ условіяхъ, породившихъ это явленіе.

Какъ видно уже изъ послѣдняго примѣра (а можно бы было заглянуть и еще гораздо дальше въ глубь исторіи), этотъ порядокъ или безпорядокъ идей, чувствъ и практики жизни не со вчерашняго дня начался въ Европѣ и, надо думать, не завтра кончится. И тѣмъ не менѣе потребность въ религіи постоянно давала и даетъ себя знать въ европейскомъ обществѣ, хотя мы и не знаемъ ни одного опыта, дѣйствительно удовлетворяющаго ее. Потребность эта сказывается и въ Робеспьеровской „религіи разума", и въ „религіи человѣчества" Огюста Конта, и въ „религіи морали" „Общества нравственной культуры", и въ нео-буддизмѣ „Теософическаго общества", и въ магизмѣ и прочихъ petites religions de Paris декадентовъ, и въ увлеченіи ученіемъ Толстого, и въ „религіи красоты" Рёскина, и въ конгрессѣ религій въ Чикаго. Всѣ эти опыты болѣе или менѣе и въ разныхъ смыслахъ неудачны. Созданіе ума холоднаго ритора, „религія разума", не смотря на торжественность провозглашенія, производитъ даже комическое впечатлѣніе своимъ противорѣчіемъ съ пожаромъ страстей, среди котораго она явилась, и естественно, что дни ея были сочтены въ самый день ея рожденія. Немногимъ лучше „религія человѣчества", которую такъ легко отрубить отъ главнаго наслѣдія Огюста Конта. Больше силы можетъ оказаться на сторонѣ „религіи морали", но она придаетъ слишкомъ малое значеніе интеллектуальному элементу религіи (это относится и къ нѣкоторымъ, наиболѣе благомыслящимъ ораторамъ Чикагскаго конгресса). Что же касается нео-буддизма и въ особенности разныхъ petites religions de Paris (такъ озаглавлена книжка одного изъ участниковъ этого движенія, Ж. Буа), то въ нихъ вошли такія обильныя струи шарлатантства, невѣжества, шутовства и просто глупости, что названіе религіи имъ совсѣмъ не приличествуетъ. Но и онѣ интересны, какъ симптомы недовольства пустотой, оставшейся за убылью вѣрованій. Эти petites religions возникли первоначально на художественной почвѣ, именно на почвѣ протеста противъ протоколизма или золаизма, покушавшагося убить всякій идеалъ при помощи якобы научныхъ пріемовъ творчества. Затѣмъ протестъ направился противъ теоретическаго источника протоколизма,—противъ узкаго позитивизма, французскій глава котораго понималъ, что изъ однихъ научныхъ принциповъ нельзя создать религію, но въ нѣкоторыхъ идеяхъ котораго — детерминизмъ, эволюція—иные видѣли замѣну ея. Не декадентамъ бороться съ этимъ заблужденіемъ, но это во всякомъ случаѣ заблужденіе. Задача не въ томъ, чтобы унизить или оттолкнуть науку, но и не въ томъ, чтобы поставить ее на мѣсто религіи, что прямо невозможно. Задача въ томъ, чтобы ввести науку,—разумѣется, не въ ея спеціальностяхъ, а въ ея, по выраженію Грассри, „ультра-

синтетическомъ состояніи",—въ составъ религіи, въ качествѣ ея интеллектуальнаго элемента. Въ этомъ отношеніи подавалъ было надежды экономическій матеріализмъ, но это незаконное дѣтище гегельянства и позитивизма не оправдало надеждъ и, между прочимъ, оказалось слабо именно въ той своей части, которою особенно гордилось,—научной. Съ другой стороны, интересно слѣдующее замѣчаніе Масарика: „Лучшіе изъ рабочихъ, на сколько я могъ замѣтить, жаждутъ религіозной жизни и понимаютъ соціализмъ именно религіозно, вопреки Марксу и всѣмъ программамъ".

Есть въ современной европейской жизни еще одно теченіе, котораго слѣдовало бы коснуться въ настоящей главѣ,—ничшіанство. Но по нѣкоторымъ соображеніямъ, которыя выяснятся въ свое время, мы разсмотримъ его ниже особо.

II.

Одинъ изъ собесѣдниковъ въ „Dialogues et fragments philosophiques" Ренана уподобляетъ „религіозный инстинктъ" тому, который побуждаетъ птицъ вить гнѣзда. Онъ говоритъ: „въ птицѣ, никогда не клавшей яицъ, никогда не видѣвшей, какъ ихъ кладутъ, вдругъ таинственно просыпается инстинктъ, дотолѣ ей чуждый. Она съ извѣстнаго рода нѣжною радостью и преданностью служитъ цѣли, ей непонятной. Подобнымъ же образомъ зародилась въ человѣкѣ религіозная идея. Человѣкъ шелъ, не обращая вниманія на окружающее. Вдругъ все затихло, образовался какъ бы провалъ въ ощущеніяхъ. О, Боже! сказалъ онъ себѣ тогда, какъ странна моя судьба! Правда-ли, что я существую? Что такое міръ? Это солнце—не я ли это? Не изъ моего ли сердца оно лучится? О, отецъ, я вижу тебя за облаками!—Затѣмъ возобновляется шумъ внѣшняго міра, порывъ прекращается, но съ этой минуты существо, повидимому, эгоистическое будетъ совершать необъяснимыя дѣла, почувствуетъ потребность преклоняться и обожать".

Стоило привести это объясненіе или описаніе возникновенія религіи, какъ образчикъ легкомысленной и пустопорожней болтовни, которую не выручаютъ и непередаваемыя особенности французскаго языка, но, конечно, не стоитъ на немъ долго останавливаться. Не говоря уже о всесторонней нелѣпости параллели съ гнѣздованіемъ птицъ, религіозное чувство, способное охватить всего человѣка и властно гнать его къ высокимъ подвигамъ, къ ужаснымъ преступленіямъ, къ собственной его гибели въ радостномъ экстазѣ, разумѣется, не могло возникнуть „вдругъ", какъ не могли возникнуть „вдругъ" ни тѣ вопросы, которые задаетъ себѣ Ренановскій субъектъ, ни представленіе объ „отцѣ" въ не-

бесахъ, когда и личнаго своего, земного отца первобытный человѣкъ не зналъ. Историкъ Ренанъ, конечно, знаетъ, какими страшными усиліями вырабатывалась монотеистическая идея, и все приведенное разсужденіе есть не болѣе, какъ дань идолу красоты слога, которому Ренанъ склоненъ былъ приносить слишкомъ обильныя жертвы. Не только идея единаго творца, но и несравненно болѣе элементарныя представленія религіознаго характера были результатомъ страшно долгаго и медленнаго процесса.

Максъ Мюллеръ и за нимъ Гартманъ и другіе признаютъ особый видъ вѣрованій, представляющій нѣчто среднее между многобожіемъ и единобожіемъ,—генотеизмъ или катенотеизмъ. Но если и согласиться съ необходимостью различать эту форму религіи, въ чемъ позволительно сомнѣваться (Шантепи де-ла Соссей предлагаетъ совершенно устранить слово генотеизмъ, какъ ведущее въ неясности), она во всякомъ случаѣ не можетъ быть признана отправнымъ пунктомъ религіознаго развитія.

Существуетъ мнѣніе, что религіозное чувство врождено человѣку и что нѣтъ ни одного, самаго грубаго дикаго племени, которому была бы совершенно чужда религія въ какой нибудь зачаточной формѣ. Однако Леббокъ, Спенсеръ, Тайлоръ приводятъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ путешественниковъ и христіанскихъ миссіонеровъ, не нашедшихъ у наблюдаемыхъ ими дикарей никакихъ признаковъ религіи. На этомъ основаніи Леббокъ, особенно настаивающій на этомъ положеніи, считаетъ первою ступенью развитія человѣчества атеизмъ—не въ смыслѣ отрицанія божества, а въ смыслѣ отсутствія какихъ бы то ни было представленій о немъ, и лишь постепенно изъ этой нолевой точки вырабатывались низшія формы религіи: фетишизмъ, тотемизмъ, идолопоклонство. На это не безъ основанія возражаютъ, что разница между міровоззрѣніемъ европейскаго путешественника и взглядами грубѣйшихъ изъ дикарей слишкомъ велика и не даетъ первому возможности войти какъ слѣдуетъ въ кругъ пониманія послѣднихъ. Указываютъ далѣе на естественное недовѣріе дикаря къ столь чужому ему бѣлому человѣку и проистекающее изъ этого недовѣрія стремленіе скрыть, утаить отъ него самое дорогое и завѣтное. Дѣло, однако, въ томъ, что и самые грубые изъ современныхъ дикарей не представляютъ собою дѣйствительно первыхъ ступеней развитія человѣчества,—вѣка и надъ ними прошли не даромъ. „Если—говоритъ Леббокъ—простое ощущеніе страха и признаніе того, что, вѣроятно, есть нѣкоторыя другія существа могущественнѣе человѣка, можно считать религіей, въ такомъ случаѣ мы, конечно, должны допустить, что религія свойственна всему человѣчеству“. Но, замѣчаетъ онъ далѣе, вѣдь, напримѣръ, и дѣти боятся темноты, однако никто не назоветъ этого страха религіознымъ чувствомъ. Опредѣленнѣе выражается Тайлоръ. Онъ считаетъ теоретически допустимымъ моментъ от-

сутствія религіи въ первобытномъ человѣчествѣ, но, говоритъ онъ, матеріаловъ для фактическаго подтвержденія этого положенія мы пока не имѣемъ: „Хотя теоретическая ниша готова и удобна, но статуя, которая должна наполнить ее, еще не поспѣла“.

Какъ бы то ни было, религія возможна лишь при наличности извѣстныхъ умственныхъ и вообще духовныхъ силъ на достаточно высокой степени развитія: нужна извѣстная пытливость ума, нужна способность задавать себѣ вопросы о причинахъ окружающихъ явленій, нужно воображеніе для изобрѣтенія или комбинированія отвѣтовъ на эти вопросы. Но, высокая для даннаго момента отдаленнѣйшей отъ насъ древности, эта степень развитія, конечно, не высока безотносительно: она, быть можетъ, ниже всего, что мы въ этомъ отношеніи въ состояніи представить себѣ. Поэтому несравненно, конечно, менѣе грубую ошибку, чѣмъ Ренанъ, но всетаки ошибку дѣлаетъ Максъ Мюллеръ, когда утверждаетъ, что богамъ предшествовала идея божественнаго, въ формѣ безконечнаго. Онъ не считаетъ эту идею *врожденною* человѣку въ томъ смыслѣ, который придавался этому слову идеалистической метафизикой. Напротивъ, религія есть, по его мнѣнію, „развитіе чувственныхъ воспріятій“. Именно эти воспріятія заставляютъ первобытнаго человѣка чувствовать безконечное, тяготѣть къ нему и преклоняться передъ нимъ прежде, чѣмъ онъ найдетъ для него символическое выраженіе въ богѣ или въ богахъ. „Зрѣніе человѣка простирается до извѣстной точки, на которой и обрывается; но какъ разъ на этой точкѣ его по необходимости ждетъ чувство безграничнаго, безконечнаго“. „Было бы слишкомъ смѣло сказать, что человѣкъ реально видитъ невидимое, но онъ страдаетъ по невидимому, а это невидимое есть только частное названіе безконечнаго“. И точно такъ же изъ-за осязаемаго первобытному человѣку предстоитъ неосязаемое, изъ-за различимаго слухомъ—неразличимое. („Origine et développement de la religion étudiés à la lumière des religions de l'Inde“, tr. par Darmesteter). Какъ видно уже изъ самаго заглавія книги Макса Мюллера, на всю его работу наложило печать изученіе главнымъ образомъ индусскихъ религій, отличающихся необыкновенною тонкостью и тщательностью разработки абстракцій. Но, конечно, и въ Индіи древнѣйшіе, истинно первобытные люди были далеки отъ идеи безконечнаго, и для нихъ линія горизонта была предѣломъ пространства, за который они не заглядывали мыслью. Гюйо („L'irréligion de l'avenir“) справедливо замѣчаетъ, что теорія Макса Мюллера рѣшительно противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о психологіи первобытнаго человѣка, и что конецъ процесса развитія религіи она произвольно относитъ къ началу его.

По Огюсту Конту первою ступенью религіозныхъ представленій былъ фетишизмъ, по Спенсеру — почитаніе предковъ, по Тайлору—анимизмъ, Леббокъ, какъ было уже сказано, осторожно

начинаетъ исторію религій съ атеизма въ смыслѣ отсутствія какихъ бы то ни было опредѣленныхъ представленій о божествѣ. Но это чисто отрицательное положеніе само по себѣ ничего не говоритъ о началѣ религіи, и Леббокъ начинаетъ ея исторію въ сущности фетишизмомъ. Таковы три главныя направленія въ вопросѣ объ историческомъ началѣ религіи. Но я думаю, что отъ изслѣдованія дѣйствительно первыхъ проблесковъ религіи слѣдуетъ совершенно отказаться, они останутся для насъ навсегда неуловимыми, какъ и вообще первые шаги человѣчества на пути выдѣленія изъ животнаго міра. И современные дикари, и древнѣйшіе памятники, литературные, архитектурные, скульптурные и всякіе другіе, не даютъ достаточно яснаго понятія объ этихъ отдаленнѣйшихъ моментахъ исторіи; мы можемъ только болѣе или менѣе приблизиться къ нимъ. И, что касается фетишизма, культа предковъ съ его оригинальнымъ осложненіемъ—тотемизмомъ и анимизма, то нѣтъ надобности искать для нихъ точнаго хронологическаго порядка: не вполнѣ совпадая, но и не противорѣча другъ другу, они могли развиваться параллельно или же самостоятельно складываться у разныхъ народовъ. Огромная, но по необходимости безпорядочная куча матеріаловъ, собранныхъ Спенсеромъ, Тайлоромъ, Леббокомъ и многими другими, не говоритъ ничего рѣшительнаго въ пользу хронологическаго примата той или другой изъ этихъ формъ.

Но если мы отказываемся отъ поисковъ исторически первоначальныхъ формъ религіи, то это не означаетъ отказа отъ изслѣдованія и ея психологическаго зерна, въ разныя времена, у разныхъ народовъ, при разныхъ условіяхъ разростающагося въ разныя формы. И здѣсь мы прежде всего должны обратиться къ Фейербаху, котораго справедливо называютъ отцомъ германскаго позитивизма, но который, въ противоположность Огюсту Конту, не пытался основать собственную, новую религію съ культомъ, календаремъ и проч., давъ за то прочныя основанія для науки о религіи.

Странная судьба этого мыслителя. Іодль говоритъ о немъ между прочимъ: „Рядомъ съ критикой, направленной противъ Канта, Шеллинга, Гегеля, вообще противъ идеализма, у Фейербаха развивается воззрѣніе, въ которомъ содержится готовый и ясный отвѣтъ на нѣкоторыя настоятельныя потребности настоящаго времени“ („Исторія этики въ новой философіи“). Однако, произведя сначала сильнѣйшее впечатлѣніе у себя въ отечествѣ („Одушевленіе было всеобщее,—вспоминаетъ Энгельсъ,—всѣ мы моментально стали фейербахіанцами“. „Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie“), этотъ глубокій мыслитель и блестящій писатель нынѣ почти забытъ, а во Франціи и въ Англіи остался неизвѣстенъ мыслителямъ, наибо-

лѣе родственнымъ ему по духу (Контъ, Милль) *). Едва ли не значительнѣйшую часть всего духовнаго наслѣдія Фейербаха составляютъ мысли, относящіяся или непосредственно къ религіи или къ вопросамъ познанія и морали въ ихъ связи съ религіей. А между тѣмъ, напримѣръ, Мензисъ въ своей „Исторіи религіи“ даже не упоминаетъ о немъ, хотя и приводитъ Шлейермахерово опредѣленіе религіи, получившее надлежащее развитіе только у Фейербаха. Не упоминаетъ о немъ и Шантепи де-ла-Соссей, поминающій Канта, Шлейермахера и въ особенности Гегеля, который, по его мнѣнію, „окончательно выяснилъ для науки о религіи ея задачу“. А, напримѣръ, у Гюйо можно найти такія, глубоко несправедливыя, слова: „Мы не хотимъ сказать, подобно Фейербаху, что корень религіи заключается въ грубомъ интересѣ, въ животномъ (или даже скотскомъ—brutal) эгоизмѣ“. Фейербахъ, восторженный проповѣдникъ любви, сливавшій мѣстоименія *я* и *ты* въ одно неразрывное цѣлое, Фейербахъ, противопоставившій положенію: „homo homini lupus est“—положеніе: „homo homini deus est“,—и „скотской эгоизмъ“... Всю оскорбительную несправедливость словъ Гюйо, объясняемую только незнакомствомъ этого вообще добросовѣстнаго писателя съ подлиннымъ Фейербахомъ, намъ не придется здѣсь раскрыть, такъ какъ изложеніе и оцѣнка этическихъ взглядовъ нѣмецкаго мыслителя не входитъ въ нашу задачу. Но несправедливость эта станетъ, полагаю, достаточно ясна и изъ того немногаго, что намъ теперь предстоитъ привести изъ Фейербаха. При этомъ, согласно оговоркѣ, сдѣланной въ началѣ статьи, мы совершенно оставимъ въ сторонѣ взгляды Фейербаха спеціально на христіанство; и если будемъ имѣть въ виду его „Wesen des Christentums“, то лишь въ той части этого сочиненія, которая относится къ до-христіанскимъ и не-христіанскимъ религіямъ, а главнымъ образомъ воспользуемся другими его писаніями.

Въ противность мнѣнію Шантепи, Гегель уже потому не могъ „выяснить наукѣ о религіи ея задачу“, что считалъ религію за все необъятное время ея существованія продуктомъ не человѣческаго, а „божественнаго духа“, „божественной дѣятельности“. Онъ былъ бы съ своей точки зрѣнія правъ, если бы имѣлъ въ виду только, по его терминологіи, „абсолютную“ религію, то-есть христіанство, которымъ для него, въ его, Гегелевомъ, толкованіи, оканчивается исторія. Но онъ разумѣетъ и „непосредственную“ религію или колдовство и „религію мѣры“, и „религію фантазіи“, и „религію въ себѣ бытія“ (буддизмъ), словомъ, всѣ извѣстныя

---

*) Принимая въ соображеніе общую бѣдность русской философской литературы, можно, пожалуй, сказать, что въ Россіи сравнительно больше посчастливилось, если не самому Фейербаху,—потому что онъ рѣдко поминался,—то его идеямъ.

ему формы религіи. Спрашивается, можно ли объявлять „божественный духъ“, „божественную дѣятельность“, какъ она понимается въ настоящее время, отвѣтственною за всѣ, съ нашей же точки зрѣнія безсмысленныя, безнравственныя и безобразныя формы, которыя принимала и принимаетъ религія у разныхъ народовъ? Очевидно, что, по крайней мѣрѣ, для этихъ формъ нужно найти земное, человѣческое основаніе. Это и предпринялъ Фейербахъ, вообще возставшій своимъ горячимъ, но трезвымъ словомъ противъ странно холоднаго опьяненія чистымъ умозрѣніемъ, въ лицѣ Гегеля такъ пренебрежительно тискавшимъ факты дѣйствительной жизни, если они не укладывались въ систему.

По Фейербаху, въ основѣ религіи лежитъ чувство зависимости, чувство или сознаніе человѣка, что существованіе его зависитъ отъ какого-то другого, отличнаго отъ него существа или существъ. Чувство это знакомо и животнымъ, но оно въ нихъ не освѣщено сознаніемъ; поднять его до сознанія, проникнуться имъ (beherzigen), исповѣдать его можетъ только человѣкъ, и въ этомъ именно состоитъ функція религіи. Разумѣется, первые проблески этого сознанія по необходимости имѣли грубо матеріальный характеръ, но Фейербахъ былъ далекъ отъ мысли приписывать эту черту религіи вообще. Напротивъ, какъ сейчасъ увидимъ, по его мнѣнію, рядомъ съ грубымъ и низкимъ въ религію входитъ и не можетъ не входить и чистѣйшее, что только можетъ представиться человѣку. Первоначально человѣкъ сознаетъ свою зависимость отъ ближайшихъ къ нему явленій природы, и именно отъ происходящихъ въ нихъ измѣненій: дерево даетъ цвѣтъ, затѣмъ плоды; солнце поднимается утромъ, разгоняетъ тьму и затѣмъ, освѣтивъ все видимое, скрывается за горизонтомъ; на его мѣсто поднимается луна; собираются тучи, разрѣшающіяся дождемъ, громомъ, молніей; рѣка течетъ, что-то немолчно говоря и храня въ своихъ нѣдрахъ полезныхъ и грозныхъ животныхъ; лѣсъ шумитъ, колеблемый вѣтромъ, разрастающимся въ бурю, и т. д., и т. д. И все это несетъ съ собой добро или зло, все такъ или иначе отражается на судьбѣ человѣка. Его слабый умъ естественно видитъ во всѣхъ процессахъ природы намѣреніе, цѣлесообразную дѣятельность, подобную его собственной дѣятельности. Его напуганная или благодарная фантазія населяетъ всю окружающую его природу дѣятелями, такъ или иначе принимающими участіе въ его жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, алчущими и жаждущими, любящими и ненавидящими, откликающимися на хвалу и оскорбленіе. Иногда это прямо люди или бывшіе люди. Такъ, нѣкоторые краснокожіе утверждаютъ, что солнце, луна, звѣзды—такіе же люди, какъ они; гренландцы считаютъ небесныя свѣтила своими предками, при нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ попавшими на

небо. Но люди или человѣкоподобныя существа, они во всякомъ случаѣ обладаютъ несравненно большими силами, чѣмъ обыкновенные люди, и этимъ объясняется зависимость отъ нихъ человѣка. Въ мысли, въ желанiи человѣкъ неограниченъ, свободенъ, всемогущъ, или кажется себѣ такимъ, но въ достиженiи, исполненiи, въ дѣйствительности онъ обусловленъ, зависимъ, ограниченъ и чувствуетъ это на каждомъ шагу. Мышленiе, хотѣнiе принадлежатъ ему, но то, чего онъ хочетъ, о чемъ мыслитъ, находится внѣ его и отъ него не зависитъ. Между желанiемъ и достиженiемъ, намѣренiемъ и исполненiемъ, представленiемъ и дѣйствительностью, мышленiемъ и бытiемъ существуетъ противорѣчiе, которое слабый человѣкъ не можетъ уничтожить собственными средствами и потому передаетъ это дѣло своимъ богамъ. Въ этомъ же состоитъ задача культуры вообще. Но послѣдняя достигаетъ своей цѣли, съ одной стороны, подрѣзывая у желанiй крылья фантазiи, устраняя желанiя неисполнимыя, а съ другой стороны, удесятеряя силы человѣка теоретическимъ знанiемъ и техникой. Въ богахъ же непосредственно осуществляется то, что доступно желанiямъ человѣка, но недоступно его силамъ. Боги суть олицетворенныя, облеченныя въ образы желанiя, не будь которыхъ или будь они всегда исполнимы человѣческими силами, дикарь не создавалъ бы боговъ. Имъ же, этимъ олицетвореннымъ желанiямъ и разрастающимся изъ желанiй идеаламъ предоставляется исполненiе такихъ важныхъ, полезныхъ, нужныхъ человѣку дѣлъ, которыя самъ онъ не надѣется или не въ силахъ исполнить, или же отклоненiе такихъ грозныхъ, непрiятныхъ, вредныхъ, которыя самъ онъ не можетъ предотвратить. Какъ поэтически выражается Фейербахъ, „испаренiя слезъ сердца сгущаются въ небѣ фантазiи въ туманные образы божественныхъ существъ; Гомеръ выводитъ боговъ изъ мiровой рѣки Океана, но эта обильная богами рѣка есть въ дѣйствительности излiянiе человѣческихъ чувствъ". „Въ несчастiи, въ нуждѣ—своей или чужой—человѣкъ приходитъ къ горестному заключенiю, что онъ не можетъ того, что онъ хочетъ, что у него связаны руки. Но разслабленiе двигательныхъ нервовъ не есть и разслабленiе нервовъ ощущенiя, цѣпи, сковывающiя мои тѣлесныя силы, не сковываютъ въ то же время моей воли, моего сердца. Напротивъ: чѣмъ больше связаны у меня руки, тѣмъ необузданнѣе мои желанiя, тѣмъ сильнѣе мое стремленiе къ освобожденiю, къ неограниченности воли. Поднятая силою нужды до высшей степени, сверхчеловѣческая сила человѣческаго сердца или воли есть сила боговъ, для которыхъ нѣтъ нужды и границъ. Боги могутъ то, чего люди желаютъ, то есть они приводятъ въ исполненiе законы человѣческаго сердца". Тайна теологiи заключается въ антропологiи, homo homini deus est.

Итакъ, всѣ эти обожествленныя небесныя свѣтила, животныя,

растенія, камни, фетиши, идолы и т. д. суть ипостазированныя, облеченныя въ образы желанія и идеалы человѣка. Но желанія и идеалы измѣняются въ исторіи, вмѣстѣ съ чѣмъ измѣняются и формы религіи, каковыя измѣненія и отмѣчаютъ собою новые періоды исторіи. Понятно поэтому, что не смотря на то, что сущность религіи остается всегда одною и тою же, ея формы и содержаніе представляютъ на всемъ протяженіи исторіи нѣчто очень пестрое: тутъ и грубость, и грязь, тутъ же и чистое, и высокое. Фейербахъ, правда, по другому поводу, вспоминаетъ слова Сократа: „другіе живутъ, чтобы ѣсть, я же ѣмъ, чтобы жить". И понятно, что религія Сократа отличается, какъ небо отъ земли, отъ религіи этихъ „другихъ". Каждая позднѣйшая форма религіи открываетъ ошибочность предыдущей, усматривая человѣческую сущность подъ божественной оболочкой, но въ свою очередь впадаетъ въ то же заблужденіе, принимая человѣческое за божественное, пока, наконецъ, мысль не познаетъ истины. До тѣхъ же поръ, пока для сознанія не вскрыта человѣческая сущность всякихъ идоловъ, существуетъ возможность сдѣлки съ ними, а отсюда необходимость жертвоприношеній и обращенія къ нимъ въ повелительномъ наклоненіи,—въ формѣ ли заклинаній и, слѣдовательно, почти приказаній, или же просьбъ, молитвъ. Къ заклинаніямъ и приказаніямъ прибѣгаетъ гордый магъ, волшебникъ, чувствующій въ себѣ сверхъестественную силу, къ просьбамъ—благочестивый человѣкъ, но и тамъ, и тутъ одна и та же цѣль: осуществленіе желаній. Въ старо-нѣмецкомъ языкѣ wünschen, желать — значило bezaubern, очаровывать, околдовывать.

Таковъ, въ самыхъ общихъ и бѣглыхъ чертахъ, психологическій источникъ религіи съ Фейербаховой „антропологической" точки зрѣнія. Насъ здѣсь не касаются этическія воззрѣнія Фейербаха, тѣсно примыкающія все къ той же формулѣ „homo homini deus est", и въ интересахъ дальнѣйшаго изложенія мы приведемъ лишь слѣдующее. Человѣкъ, представляющій собою источникъ религіи, но долго не сознающій этого и поклоняющійся въ лицѣ своихъ боговъ порожденіямъ своихъ же, человѣческихъ желаній, не есть первое встрѣчное индивидуальное *я*. *Я* и вообще немыслимо безъ *ты*. Ближайшимъ подтвержденіемъ этого служитъ взаимная любовь мужчины и женщины, въ которой эгоистическое счастіе одного лица сливается со счастіемъ другого. „Человѣкъ" Фейербаха есть носитель всѣхъ чертъ человѣческой природы, человѣческаго рода. Не *я* стоитъ въ центрѣ его философіи, а человѣкъ въ рамкахъ родовыхъ признаковъ, которому, слѣдовательно, не чуждо все человѣческое.

Изъ возраженій, предъявленныхъ противъ Фейербаха, для насъ интересны тѣ, которыя были представлены теоретиками экономическаго матеріализма, когда-то бывшими фейербахіанцами.

Энгельсъ недоволенъ прежде всего тѣмъ, что Фейербахъ „хочетъ отнюдь не упразднить религію, а дополнить, закончить ее“. Далѣе, его естественно оскорбляетъ мысль о великой исторической роли религіи, которая, дескать, самое большое, „сопровождаетъ“ ходъ исторіи, направляемый измѣненіями формъ производства и обмѣна. Наконецъ, „человѣкъ“ Фейербаха есть существо слишкомъ абстрактное, взятое внѣ исторической среды, внѣ всякой соціально-политической обстановки, при чемъ Энгельсъ имѣетъ, конечно, въ виду классовую организацію общества. Онъ самъ приводитъ нѣсколько одобряемыхъ имъ выраженій Фейербаха, въ родѣ: „въ палатахъ думаютъ не такъ, какъ въ хижинѣ“, или: „человѣкъ, выйдя изъ рукъ природы, былъ естественнымъ произведеніемъ, а не человѣкомъ, человѣкъ есть продуктъ человѣка, культуры, исторіи“ и т. п. Но, говоритъ Энгельсъ, эти выраженія суть простыя Redensarten, и правъ Штарке, говорящій, что соціологія была для Фейербаха terra incognita. Это почти вѣрно, хотя отдѣльныхъ мѣстъ, въ родѣ приводимыхъ Энгельсомъ, можно найти у Фейербаха и гораздо больше, и гораздо болѣе значительныхъ (см., напримѣръ, въ „Wesen der Religion“ мысли о культѣ цезарей, о первыхъ шагахъ уголовнаго права въ исторіи, параллель между восточными и западными народами, или въ „Pierre Bayle“ о вліяніи общественнаго положенія на духовный складъ человѣка и т. п.). Но все это, дѣйствительно, только мимоходомъ и вскользь брошенныя мысли. Несравненно важнѣе общая мысль Фейербаха объ общественности, какъ объ одной изъ характерныхъ чертъ человѣческаго рода, вносимой и въ религію, мысль, изъ которой, впрочемъ, Фейербахъ сдѣлалъ мало цѣнныхъ выводовъ.

Нѣкоторою поправкою или дополненіемъ къ Фейербахову антропоморфизму можетъ служить „соціоморфизмъ“ Гюйо.

Какъ уже сказано, Гюйо, повидимому, знаетъ Фейербаха изъ вторыхъ или третьихъ рукъ. Онъ знаетъ, что Фейербахъ видитъ психологическій источникъ религіи въ желаніяхъ человѣка, но объясненіе роли чувства или сознанія зависимости приписываетъ Шлейермахеру, который дѣйствительно указалъ ее раньше; но затѣмъ Гюйо утверждаетъ, что эти два источника религіи слѣдуетъ соединить, очевидно не зная, что это уже сдѣлано Фейербахомъ. Съ своей стороны, Гюйо считаетъ необходимымъ прибавить къ психологическому источнику религіи еще одну, какъ ему кажется, самостоятельную струю: потребность нѣжности, любви, преданности, потребность прислониться къ чему-нибудь возвышенному и сильному, передъ которымъ человѣкъ могъ бы изливать свои скорби и радости. Не трудно, однако, видѣть, что эта черта совсѣмъ не самостоятельна и очень удобно входитъ въ теорію Фейербаха. Въ книгѣ Гюйо важно не это, а указаніе на соціологическій характеръ религіи. Онъ говоритъ: „Идея *общественной связи* между человѣкомъ и высшими, но болѣе или

менѣе подобными ему силами объединяетъ всѣ религіозныя концепціи. Человѣкъ становится истинно религіознымъ, когда строитъ надъ человѣческимъ обществомъ, въ которомъ онъ живетъ, другое общество, болѣе высокое и сильное, общество всемірное, такъ сказать, космическое. Общественность, составляющая одну изъ чертъ человѣческаго характера, при этомъ расширяется и поднимается до небесъ. Эта общественность составляетъ прочную основу религіознаго чувства, и религіозное существо можно опредѣлить, какъ существо, тяготѣющее къ сообществу не только со всѣмъ живымъ, что открывается ему опытомъ, но и съ мысленными существами, которыми онъ населяетъ міръ" *). Связь эта, сначала миѳическая, потомъ мистическая, всегда понималась ex analogia societatis humanae. Взаимныя отношенія, то дружескія, то враждебныя, существующія между отдѣльными людьми, семьями, племенами, народами, усваиваются силамъ природы или силамъ, выше ея стоящимъ. Это, по мнѣнію Гюйо, нельзя или недостаточно назвать антропоморфизмомъ, тѣмъ болѣе, что животныя и фантастическія существа играютъ значительную роль въ различныхъ религіяхъ; это—всемірный *соціоморфизмъ*, расширеніе всѣхъ хорошихъ или дурныхъ отношеній, какія могутъ складываться между одаренными волей существами: война и миръ, ненависть и дружба, покорность и возмущеніе, страхъ, уваженіе, преданность, любовь. „Сообщество съ животными, сообщество съ покойниками, сообщество съ духами, съ добрыми и злыми геніями, сообщество съ силами природы, съ верховнымъ принципомъ природы, все это различныя формы всемірной соціологіи, въ которой ищется смыслъ всѣхъ вещей: физическихъ фактовъ, каковы громъ, буря, болѣзнь, смерть; отношеній метафизическихъ — происхожденіе и назначеніе; отношеній моральныхъ— добродѣтели, пороки, законъ и санкція". „Религія есть физическое, метафизическое и моральное объясненіе всѣхъ вещей по аналогіи съ человѣческимъ обществомъ и въ миѳической формѣ".

Эти общія положенія предъявлены уже во введеніи къ книгѣ Гюйо. Возвращаясь къ нимъ въ текстѣ, авторъ говоритъ: „Итакъ религія есть соціологія, понимаемая какъ физическое, метафизическое и моральное объясненіе всѣхъ вещей; она сводитъ всѣ естественныя и даже сверхъестественныя силы къ человѣческому типу и ихъ отношенія къ отношеніямъ соціальнымъ. И прогрессъ религіи былъ въ точности параллеленъ прогрессу соціальныхъ отношеній, который велъ за собой прогрессъ морали. Боги сначала раздѣлились на два лагеря, благодѣтельныхъ и вредонос-

*) Нѣкоторое сходство идей Гюйо съ вышеизложенными идеями Рауля де-ла Грассри не должно вводить читателя въ заблужденіе относительно оригинальности Гюйо: его книга безъ малаго на десять лѣтъ старше книги Грассри.

ныхъ, которые стали затѣмъ добрыми и злыми; далѣе эти два легіона были поглощены ихъ вождями, Ормуздомъ и Ариманомъ и т. п. воплощеніями принциповъ добра и зла. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ отдѣлили душу отъ тѣла, былъ введенъ новый дуализмъ, распредѣлившій боговъ по двумъ классамъ. Наконецъ, принципъ добра побѣдилъ: Богъ сталъ олицетвореніемъ моральнаго закона и моральной санкціи, верховнымъ законодателемъ и верховнымъ судьей, словомъ, живымъ закономъ всемірнаго общества. Затѣмъ Онъ становится самою совѣстью человѣка, поднятаго до безконечности, адэкватнаго міру и, наконецъ, символомъ нравственности и идеала. Такова эволюція религіозныхъ идей, постепенное торжество соціоморфизма, распространяющее на весь міръ соціальныя отношенія между людьми, непрестанно совершенствующіяся".

Читатель видитъ, что здѣсь имѣется уже нѣкоторое расширеніе понятія религіи за предѣлы миѳологіи, которыми авторъ ограничивался во введеніи. Но мы обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла.

Не смотря на обширный размѣръ книги Гюйо (480 страницъ) и на содержащіяся въ ней многія интересныя мысли, мы не находимъ въ ней именно того, чего вправѣ были бы ожидать: сколько-нибудь обстоятельнаго изложенія того, какъ отражается на религіи форма общественныхъ отношеній. По этой части мы найдемъ у Гюйо отрывочныя замѣчанія о вліяніи промышленности, торговли, улучшенныхъ путей сообщенія, практики страхованія, особенно его занимаетъ прогрессъ науки. Въ общемъ же онъ довольствуется указаніемъ на параллелизмъ эволюціи религіи и общественныхъ отношеній: и то, и другое единовременно развивается, „эволюціонируетъ", совершенствуется, при чемъ, однако, не дается опредѣленнаго критерія совершенствованія, конечно, въ томъ предположеніи, что на этотъ счетъ нѣтъ и не можетъ быть разногласія. Но такъ ли это?

Выше были указаны два условія, способствовавшія разработкѣ науки о религіи: накопленіе фактическаго матеріала и торжество принципа эволюціи, „наложившаго на нашу мысль свою благодѣтельную, хотя и тяжелую руку". И по истинѣ тяжела эта рука для многихъ. Для людей, *овладѣвшихъ* принципомъ эволюціи, онъ есть только могучее орудіе, которымъ въ густой чащѣ историческихъ и современныхъ фактовъ пробиваются просѣки, открывающія перспективы впередъ и назадъ, въ глубь прошлаго и въ тьму будущаго. Но есть люди, *которыми* онъ, этотъ принципъ, *овладѣлъ*, овладѣлъ, связалъ по рукамъ и по ногамъ и можетъ отравить каждую минуту жизни. Въ самомъ дѣлѣ: вѣчность за нами и послѣ насъ, и вся эта безпредѣльность наполнена смѣною возникающихъ, растущихъ и гибнущихъ явленій, образовъ, картинъ, мыслей, чувствъ, среди которыхъ я съ своими мучитель-

нѣйшими страданіями и возвышеннѣйшими радостями—ничтожнѣе капли въ океанѣ или песчинки въ Сахарѣ; стоитъ ли радоваться и мучиться, стоитъ ли ловить въ быстротекущей жизни то, что мнѣ кажется такимъ дорогимъ и что въ сущности такъ ничтожно? Прямо—стоитъ ли жить, и не лучше ли, не проще ли, если не стряхнуть съ себя эту жизнь, то, по крайней мѣрѣ, ничего не добиваться, не искать, не ловить, а пассивно дотянуть нитку до конца? Вѣдь все равно слѣдующая волна смоетъ и слезы, и кровь, и грязь, и всѣ краски сегодняшняго дня... И такъ разсуждаетъ человѣкъ, можетъ быть, высокой цѣны, способный дѣйствительно къ возвышеннымъ радостямъ, которыхъ онъ сознательно себя лишаетъ, и неспособный къ объяденію маленькими пріятностями пяти чувствъ, которое претитъ его натурѣ. Понятно, что человѣкъ, которому цѣна грошъ, которому ничего не нужно, кромѣ этихъ самыхъ маленькихъ пріятностей, наоборотъ, окрыляется мыслью о вѣчной смѣнѣ формъ и красокъ жизни: пей, ѣшь и веселись, топчи все, что мѣшаетъ пить, ѣсть и веселиться, а après nous le deluge, и не все ли равно мнѣ, котораго не будетъ, найдется ли новый Ной и какихъ животныхъ больше—чистыхъ или нечистыхъ—посадитъ онъ въ свой ковчегъ. Для такихъ людей принципъ эволюціи составляетъ, конечно, легкое бремя.

Это чисто житейскіе случаи; на иной взглядъ они не имѣютъ прямого отношенія къ принципу эволюціи, по крайней мѣрѣ въ его научной одеждѣ. Но и въ научно-философской области можно и овладѣть принципомъ эволюціи, и быть въ его власти, при чемъ иго его, глядя по обстоятельствамъ, можетъ оказаться и очень тяжелымъ, и очень легкимъ. Такъ оно, очевидно, непереносно тяжело для г. Бердяева, о статьѣ котораго въ „Мірѣ Божіемъ“ была уже рѣчь въ „Русскомъ Богатствѣ“ у В. Г. Подарскаго. Для г. Бердяева принципъ эволюціи отравляетъ если не каждую минуту жизни, то, по крайней мѣрѣ, тѣ минуты, которыя онъ посвящаетъ служенію „абсолютному добру“. Только что онъ примется за это дѣло, какъ „приходитъ эволюціонистъ, зоветъ васъ назадъ, къ изслѣдованію моллюсковъ, и предлагаетъ вамъ немедленно показать, что все, что переживается вами, какъ святыня, есть лишь полезная иллюзія въ борьбѣ за существованіе, что нравственное сознаніе разлагается на какія то частицы, не имѣющія ничего общаго съ нравственностью, и что все это неопровержимо доказывается уровнемъ нравственныхъ идеаловъ рыбъ“. Какой эволюціонистъ приглашалъ почтеннаго автора „назадъ къ моллюскамъ“, —неизвѣстно, но очевидно, очень насолили послѣднему моллюски и рыбы, а вѣроятно, и насѣкомыя, и гады, и птицы, да и вся вселенная, потому что вѣдь все въ ней эволюціонируетъ, то есть измѣняется. И въ этой вѣчной смѣнѣ вещей и идей, на которой когда то такъ настаивали марксисты, г. Бердяевъ не знаетъ, гдѣ спустить якорь „абсолютнаго добра“, не знаетъ и

мучится... Г. Бердяевъ—изъ „учениковъ", хотя и далеко, ужасно далеко ушелъ отъ учителя. Это напоминаетъ мнѣ, что почти надъ тѣми же вопросами мучился герой романа Бурже „Le disciple", для котораго идеи эволюціи и детерминизма подъ конецъ оказались тоже непереноснымъ бременемъ.

Если Роберъ Грелу, ученикъ въ романѣ Бурже, мучился, если, по волѣ автора, и учитель, Адріанъ Сикстъ, въ концѣ романа, по крайней мѣрѣ, на одно мгновеніе поклоняется всему, что сжигалъ всю жизнь, и сжигаетъ все, чему поклонялся, то оба они до извѣстнаго момента были вполнѣ счастливы. Тѣ самыя идеи, которыя стали для нихъ впослѣдствіи такимъ тяжелымъ бременемъ, напротивъ облегчали имъ жизнь. Они знали, что „все течетъ", по выраженію древняго эволюціониста, что всякому овощу свое время, и спокойно наслаждались созерцаніемъ этой безконечной и безначальной смѣной идей и вещей. Наслажденіе это, разумѣется, еще напряженнѣе у людей, увѣренныхъ въ томъ, что эволюція есть не просто измѣненіе, а измѣненіе къ лучшему, высшему; что маленькія непріятности текущей жизни только способствуютъ большому удовольствію слѣдующаго момента; что, какъ говоритъ Дарвинъ, изъ голода, смерти и жестокой борьбы возникаютъ все высшія и высшія формы жизни... Съ этой стороны г. Бердяевъ, вѣрующій въ „нравственный міропорядокъ", надо думать, не откажется отъ эволюціонизма. Да онъ и не отказывается отъ него. „Въ настоящее время нельзя не быть эволюціонистомъ", говоритъ онъ, только эволюціонизмъ „нуждается въ переработкѣ". Я этого не думаю. Я думаю, что принципъ эволюціи нуждается не въ переработкѣ, а только въ выясненіи. И для читателей, оказывавшихъ нѣкоторое вниманіе моимъ писаніямъ, должно быть извѣстно, что эволюціонный принципъ выясняется для меня въ смыслѣ теоріи борьбы за индивидуальность, которую намъ теперь и предстоитъ приложить къ темѣ настоящей статьи.

Ник. Михайловскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МОЙША.

(разсказъ).

I.

Я только что окончилъ курсъ и поступилъ въ первый разъ на службу. Служить мнѣ пришлось въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Россіи,—въ той именно части Кіевской губерніи, которая, сливаясь съ Полѣсьемъ, теряетъ характеръ благодатнаго мягкаго юга и смотритъ сурово, угрюмо и дико. Пѣвучая малорусская рѣчь смѣняется здѣсь шепелявымъ и цокающимъ говоромъ бѣлоруссовъ, тучныя черноземныя нивы исчезаютъ, уступая мѣсто пескамъ, болотамъ и остаткамъ когда-то, вѣроятно, пышныхъ могучихъ лѣсовъ, а чудный Днѣпръ, воспѣтый Гоголемъ, принимаетъ видъ жалкой рѣчки, по которой съ трудомъ, избѣгая мелей, скрипя и кряхтя, чуть-чуть тащится небольшой пароходъ. Мѣстность дичаетъ, по мѣрѣ удаленія отъ Кіева. Тихо, пустынно, бѣдно и безцвѣтно!..

Таковы были мои первыя впечатлѣнія. До фабрики—мѣста моего назначенія, пришлось ѣхать около 40 верстъ по жалкимъ, тощимъ, полу-песчаннымъ полямъ и лѣснымъ порубямъ; мѣстами, какъ бы для разнообразія, встрѣчалась трясучая гать, тянувшаяся на полверсты и болѣе, мѣстами только желтый и бѣловатый песокъ, въ которомъ тонули ноги лошадей и колеса экипажа, ровными, невысокими волнами, какъ застывшая морская зыбь, стлался направо и налѣво, при малѣйшемъ движеніи вѣтра поднимаясь цѣлой тучей и осыпая лицо и шею мелкими горячими иглами. Тоска властно охватывала душу, и думалось невольно,—кому понадобилось въ этой глуши привить „пышный цвѣтокъ культуры“—фабрику,—и къ чему она среди этихъ песковъ, вырубокъ, болотъ и бѣдныхъ рѣдкихъ деревушекъ...

Охватившая меня сразу суетливая, нервная дѣятельность фабрики, съ ея строгимъ распорядкомъ времени, съ ея на-

пряженнымъ вниманіемъ, шумомъ и гуломъ, не разсѣяла всетаки этого перваго впечатлѣнія чахлой, бѣдной и будто ограбленной природы. Впечатлѣніе отъ людей, въ особенности на первый взглядъ, было то-же. Рабочіе, мужчины и женщины, показались мнѣ такъ же чахлы, малорослы и придавлены, какъ лѣсъ, окружавшій весь фабричный поселокъ, и какъ длинная улица, застроенная низенькими, невзрачными, выстроенными по одному образцу, домишками (фабрика стояла вдали отъ деревень, и рабочіе жили въ помѣщеніяхъ отъ хозяевъ).

Съ теченіемъ времени я научился находить какую-то прелесть въ блѣдно голубомъ, точно затянутомъ легкой дымкой, небѣ, особенно, когда, надышавшись запахомъ хлора или только что выпущенныхъ изъ котловъ, пропитанныхъ ѣдкой щелочью, тряпокъ, выходилъ вдохнуть полной грудью свѣжій утренній воздухъ; но общее впечатлѣніе и до конца оставалось то же. Мнѣ было жаль и печальной природы, и утомленныхъ блѣдныхъ людей, и себя самого, Богъ вѣсть зачѣмъ прикованнаго къ постылой и довольно таки безсмысленной работѣ.

II.

Какъ бы то ни было,—постепенно я входилъ въ колею фабричной жизни, и люди, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться ежедневно, становились ближе и понятнѣе, а на общемъ сѣромъ и тускломъ фонѣ обрисовалось сначала нѣсколько яркихъ фигуръ, затѣмъ и остальныя стали опредѣляться со своими личными особенностями.

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, это сравнительно большое число евреевъ, работавшихъ на фабрикѣ, особенно женщинъ и подростковъ и, что всего болѣе меня поразило,—всѣ они, почти безъ исключенія, работали въ самомъ нездоровомъ, самомъ тяжеломъ отдѣленіи. Работали они на „тряпкѣ“—трудъ, не требующій ни силы, ни особеннаго умѣнія, но все же такой, за который возьмется не всякій. Сортировка грязнаго тряпья, разборка его по сортамъ, очистка отъ пыли и спекшихся комьевъ нечистотъ—это такая работа, на которую можетъ гнать только самая гнетущая нужда. Невыносимый воздухъ отдѣленія всегда полонъ пыли и мелкихъ волоконъ грязнаго тряпья, лица у работниковъ землистыя, глаза глубоко впалыя, груди разбитыя, и глухой, болѣзненный кашель то и дѣло раздается въ удушливой и ѣдкой атмосферѣ этого отдѣленія.

Привлеченный любопытствомъ, я сталъ наблюдать за этимъ почти совершенно обособленнымъ міркомъ. Въ фабричномъ

поселкѣ они ютились на самомъ краю, тамъ, гдѣ улица упиралась въ широкую плотину, проложенную черезъ рѣчку. Весной здѣсь все заливалось водой, а лѣтомъ тянуло запахомъ сырости и болотнаго перегноя. Дома, гдѣ они жили, были построены такъ же, какъ у другихъ, но грязь около нихъ стояла невообразимая, точно эти люди разъ навсегда рѣшили, что грязь—неизбѣжный спутникъ ихъ существованія. Множество дѣтей, большею частью довольно красивыхъ на видъ, копошились въ грязи этого своеобразнаго „гэтто", но никогда я не слыхалъ въ немъ ни смѣха, ни веселаго говора взрослыхъ. Весь день здѣсь стояла тишина, и только вечеромъ, когда работники и работницы возвращались домой,—„тряпичная" работала только днемъ,—онъ наполнялся оживленнымъ говоромъ, рѣзкими голосами, сердитыми возгласами и перебранкой на трескучемъ, бойкомъ жаргонѣ; никогда, однако, при всей ихъ запальчивости, ссоры здѣсь не переходили въ драку.

III.

Сколько я ни приглядывался, но никакой розни между рабочими изъ „гэтто" и остальными не замѣчалъ. Если случалось слышать грубыя, подчасъ обидныя шутки или просто ругань, то онѣ сыпались на любую голову безъ различія національностей. Оба міра, христіанскій и еврейскій, рѣзко обособленныя другъ отъ друга, уживались какъ нельзя лучше въ своихъ ежедневныхъ столкновеніяхъ, хотя минуло всего два года послѣ извѣстныхъ „еврейскихъ безпорядковъ". Трудъ, вѣроятно, лучшій примиритель племенныхъ и религіозныхъ разногласій. Нашъ поселокъ, при томъ, имѣлъ одну особенность: фабрика работала, не останавливаясь въ своихъ главныхъ частяхъ не только на ночь, но и во время праздниковъ, а потому праздники—дни особеннаго разгула—проходили почти какъ будни. Усталая смѣна спѣшила къ отдыху, выходившая взамѣнъ ей не успѣвала еще войти въ разгаръ кутежа, а опаздывавшихъ или являвшихся на веселѣ на работу штрафовали, а то и просто разсчитывали.

Тихо и мирно жилось въ этомъ чахломъ лѣсу, подъ блѣднымъ небомъ, среди изморенныхъ работой людей. Тихо, мирно и, разумѣется, не весело...

Къ „тряпичному" двухъ-этажному корпусу фабрики примыкала небольшая пристройка внизу, гдѣ помѣщалась переплетная мастерская. Всякій разъ, надышавшись тряпичной пылью, я съ удовольствіемъ спускался въ небольшую, покрытую толстымъ сводомъ, прохладную комнату, гдѣ, какъ

будто, смолкалъ надоѣдливый гулъ машинъ... Кругомъ виднѣлись груды свѣжей, бѣлой бумаги, ручные прессы, пахло клеемъ, а на столахъ были разбросаны цвѣтные клочки разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ, куски кожи, картона, краски и грубыя кисти.

Однажды, придя уже послѣ вечерняго свистка, я засталъ въ мастерской одного только главнаго переплетчика, котораго на фабрикѣ звали по просту Мойша.

— Что же вы еще дѣлаете здѣсь,—спросилъ я,—свистокъ былъ уже четверть часа?

Онъ испуганно оглянулся, точно я поймалъ его на преступленіи.

— Извините, — проговорилъ онъ, отчетливо и правильно по-русски,—я замѣшкался. Эти ребята никогда не приберутъ всего къ мѣсту. Видите, здѣсь вотъ краска, здѣсь лакъ... Самому приходится убирать...

При этомъ глубокіе, темные глаза еврея, горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ, смотрѣли на меня изъ глубины комнаты, освѣщенные лѣтними сумерками; въ нихъ было много покорности, недоумѣнія и доброты.

— Что-жъ, тутъ нѣтъ ничего дурного,—сказалъ я, не зная, что сказать, и повернулся къ двери.

— Ну, пойдемъ же, пойдемъ,—услышалъ я за собой шопотъ и, оглянувшись, увидалъ, что изъ угла, заставленнаго огромнымъ столомъ, заваленнымъ грудами бумагъ и почти скрытымъ тѣнью, робко выступалъ кто-то, не то дѣвочка, не то мальчикъ.

— Это кто?—спросилъ я, обернувшись назадъ.

Фабричная дисциплина строга не менѣе полковой.

— Это... это ..—смущенно отвѣчалъ переплетчикъ,—это—мое дитя, дочка моя—Ревекка. Она помогаетъ мнѣ даромъ, она не работаетъ на фабрикѣ, господинъ... она приноситъ мнѣ обѣдъ и помогаетъ иногда въ работѣ.

Лучи заката упали въ это время на стоявшихъ рядомъ отца и дочь, и мнѣ показалось, что я вижу передъ собой картину изъ старинной библіи.

Онъ былъ не высокъ, тщедушенъ и хилъ, и жалко куталось въ городского покроя пальто его невзрачное тѣло, но голова могла бы служить моделью библейскаго пророка, а огромные, темные глаза, казалось, пронизывали меня насквозь; дѣвушка, робко прижавшаяся къ его рукѣ, точно ища опоры, была замѣчательно красива, и широко раскрытые глаза ея были полны нѣмой и робкой мольбы.

— Боже, — подумалъ я,—сколько гоненій и горя должно было вынести это племя, чтобы смотрѣть прямо въ душу та-

кимъ взглядомъ... Это—тысячелѣтія гоненій и постояннаго страха...

Я повернулся и спѣшно поднялся по лѣстницѣ.

IV.

Съ этого дня я часто заглядывалъ въ переплетную, послѣ вечѐрняго свистка, и всегда видѣлъ, какъ по окончаніи дневного труда, когда съ шумомъ и веселыми криками разбѣгалась его команда, переплетчикъ оставался на мѣстѣ и прибиралъ брошенную кое-какъ впопыхахъ работу. Часто помогала ему и дочь. Вначалѣ онъ, видимо, стѣснялся меня, но съ теченіемъ времени ледъ растаялъ, и не разъ случалось мнѣ просиживать въ мастерской цѣлые часы со старымъ переплетчикомъ. Не смотря на то, что утомленіе двѣнадцатичасовой смѣны сказывалось желаніемъ какъ можно скорѣй отдохнуть,—его разговоръ привлекалъ мое любопытство, и я забывалъ объ усталости.

Мы никогда не касались фабричныхъ порядковъ. Сразу, независимо отъ моей воли, наши бесѣды приняли общій характеръ. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ я почувствовалъ въ его рѣчахъ огромную житейскую опытность, вдумчивость и недюжинный умъ.

Слушая, съ какимъ подчасъ тонкимъ пониманіемъ разсуждаетъ онъ о различныхъ вещахъ, я невольно думалъ о горькой участи бѣдняка, въ которомъ такъ и заглохнетъ огонь души, никогда не пробившись наружу; я думалъ о непрерывномъ трудѣ, лишеніяхъ, болѣзняхъ, скорбяхъ—спутникахъ жизни огромнаго большинства людей—и мнѣ становилось грустно и радостно въ одно и то же время; въ глазахъ этого хилаго, преждевременно сгорбленнаго человѣка свѣтилась мысль—единственное право людей на преимущество передъ животными,—живая, „яркая“ мысль, которая, разъ пробудившись, не можетъ быть заглушена никакими условіями жизни.

Было еще что-то особенное во взглядѣ, въ голосѣ, въ манерѣ стараго еврея. Передо мной точно открывалась исторія, но не исторія документовъ, поступковъ и событій, а тотъ особенный скрытый смыслъ прошлаго, о которомъ рѣдко говорятъ книги. Все, что я передумалъ раньше, становилось ярче и рельефнѣе послѣ бесѣдъ съ простымъ фабричнымъ переплетчикомъ.

Однажды мы заговорили о взрывахъ насилія, которое принято называть „еврейскими безпорядками“.

— И, знаете, что я скажу вамъ,—положивъ голову на руку

заговорилъ мой собесѣдникъ: все это отъ непониманія истиннаго Бога. Хотите, я вамъ разскажу одну сказку.

— Слушаю.

— Давно когда-то на свѣтѣ жилъ могучій царь. У него былъ чудный перстень, ну, такой богатый, такой богатый,— разсказчикъ чмокнулъ губами,—пхэ!.. и за него можно было бы отдать весь шаръ земной; но кромѣ перстня у этого царя было еще три сына. Онъ ихъ очень любилъ и каждому, тайно отъ другихъ, обѣщалъ подарить этотъ перстень, когда станетъ умирать. И, вотъ, наступило время его смерти...

— Позвольте, перебилъ я, вѣдь это—старинная легенда, я знаю ее прекрасно.

— Развѣ васъ этому учили?—спросилъ онъ, поднимая на меня глаза, опущенные до тѣхъ поръ книзу.

— Это знаетъ всякій гимназистъ,—отвѣчалъ я,—и всякій кто читалъ Лессинга, хотя не онъ первый передалъ эту сказку: это арабская легенда.

Мой собесѣдникъ задумался.

— Арабская?—недовѣрчиво повторилъ онъ,—я не думаю... Ну, однако, пускай арабская. Хорошо. Только какъ же, если вы всѣ узнали ее еще въ школѣ, какъ же можете вы не видѣть, почему насъ бьютъ и гонятъ. И васъ, и насъ одинаково любилъ отецъ, и каждый изъ насъ повѣрилъ, что у него настоящій перстень. И нѣтъ виноватыхъ: виноватъ-ли сынъ, если повѣрилъ отцу и перстень фальшивый принялъ за настоящій? Но гдѣ же тотъ майстеръ,—горячо воскликнулъ онъ,—кто скажетъ, какой камень настоящій? И гдѣ же, говорилъ онъ, тотъ виноватый? А? И развѣ же не обманываютъ въ лучшемъ магазинѣ того, кто покупаетъ? И развѣ же виноватъ покупатель, если за камень купилъ стекло? И кто же рѣшилъ, кто же сказалъ и гдѣ стекло, и гдѣ камень? Каждый вѣритъ, что у него алмазъ—отсюда и кровь, и вражда...

На этомъ оборвался разговоръ, такъ какъ я не отвѣчалъ ни слова.

V.

Черезъ нѣсколько дней я засталъ переплетчика грустнымъ. Торопливо и нервно убирая, по обыкновенію, брошенную разбѣжавшимися мальчишками работу, онъ бормоталъ что-то сквозь зубы, въ голосѣ его слышалось раздраженіе. На мой вопросъ, не случилось-ли чего нибудь, онъ, тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ:

— Ревекка больна.

Я понялъ безъ объясненій. Мойша, у котораго была одна только дочь, не могъ надышаться на нее, и стоило посмотрѣть,

какъ улыбались его глаза, какъ оживало и точно выпрямлялось все тѣло, когда она приходила къ нему въ мастерскую. Единственный ребенокъ былъ предметомъ нѣжнѣйшихъ, порою трогательныхъ заботъ—и росъ, какъ тщательно взлелѣянный цвѣтокъ, обѣщая пышный расцвѣтъ. Кромѣ разговоровъ объ общихъ вопросахъ, Ривка, какъ по просту звали дѣвушку въ поселкѣ,—отецъ не называлъ ее иначе, какъ Ревекка,—была самымъ любимымъ предметомъ, на которомъ онъ останавливался. Не разъ съ грустью передавалъ онъ мнѣ свои опасенія: онъ боялся старости, боялся болѣзни, могущей лишить заработка, боялся, наконецъ, больше всего возможности смерти своего единственнаго ребенка, и, когда въ фабричномъ поселкѣ проносился слухъ о чьей нибудь болѣзни, щеки Мойши за одну ночь становились похожими на выжатый и высушенный лимонъ. Дѣвушка между тѣмъ пользовалась цвѣтущимъ здоровьемъ и совсѣмъ, казалось, не могла вызывать такихъ опасеній.

— Все можетъ случиться съ бѣднымъ человѣкомъ,—отвѣтилъ переплетчикъ, когда я попытался разсѣять его преувеличенные страхи,—и нѣтъ этакой казни, которая за родителей не могла бы пасть на дѣтей.—Онъ тяжело вздохнулъ.

Эти слова я объяснилъ сначала просто цвѣтистымъ оборотомъ рѣчи и не придалъ имъ особаго значенія, но, взглянувъ на постарѣвшее сразу лицо, блуждающій взглядъ и дрожащія губы стараго еврея, понялъ, что передо мной тяжелое и глубокое горе.

— Чѣмъ же она больна?—спросилъ я.

— Богъ знаетъ,—отвѣчалъ онъ, качая головой,—горитъ, вся сухая, бредитъ, какъ во снѣ.

Онъ и самъ говорилъ, какъ во снѣ и, видимо, черезъ силу, почти безъ сознанія дѣлалъ привычную работу.

Нѣсколько дней я не видалъ Мойши и узнавалъ о переплетчикѣ только отъ мальчугана, приносившаго мнѣ обѣдъ и ужинъ. Мальчикъ работалъ въ той же мастерской.

— Поправляется, встала,—сообщилъ онъ мнѣ черезъ недѣлю,—и Мойша придетъ завтра работать.—Мальчикъ, собравшій уже со стола, остановился въ дверяхъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Ну, что же еще?—спросилъ я.

— Не смѣю, какъ сказать,—проговорилъ онъ,—только...

— Что?

— Только тамъ докторъ бувъ; Мойша за нимъ гонялъ въ городъ.

— Я слышалъ объ этомъ.

— Наши говорятъ, Мойша далъ „копу“ червонцевъ.

Я усмѣхнулся.

— Что же, по твоему, Мойша богачъ?

— А, якъ же,—мальчикъ торопливо поставилъ тарелки на порожній столикъ и уже съ одушевленіемъ продолжалъ:—а якъ же, ему всѣ должны, кто злотый, кто два, со всякаго винъ получаетъ.

Извѣстіе, признаться, меня покоробило, и сразу я ему даже не повѣрилъ.

— Пустое болтаешь,—проговорилъ я.

— Нѣтъ правду, — убѣжденно заговорилъ онъ, старый Жигадло—(Жигадло былъ старшій кочегаръ, кутила, широкая натура)—все, что заробогаетъ, ему несетъ, дядя Панасъ тоже,—Панасъ былъ неразлучный пріятель кочегара,—да и другіе, кого хотите, спросите, скажутъ.

— Хорошо, ступай,—перебилъ я его и глубоко задумался, оставшись одинъ. Передо мной выростала въ иномъ уже свѣтѣ хилая и слабая фигурка переплетчика, и я начиналъ чувствовать, какъ въ сердцѣ накипаетъ раздраженіе. Мнѣ хотѣлось прежде всего провѣрить слова мальчугана, но говорить объ этомъ съ рабочими, выпытывая ихъ, было бы неудобно. Оставалось обратиться къ самому переплетчику.

VI.

И я это сдѣлалъ черезъ нѣсколько дней. Заставъ Мойшу одного въ мастерской, безъ лишнихъ словъ я приступилъ къ дѣлу.

— Правда-ли, что вы даете рабочимъ деньги взаймы?— спросилъ я, краснѣя отъ неловкости моего вопроса и не рѣшаясь добавить: „за лихвенные проценты“.

Къ моему удивленію, переплетчикъ нисколько не обидѣлся, не смутился, но отвѣчалъ ясно и отчетливо:

— Что-же дѣлать бѣдному человѣку? Я же не ученый, мнѣ же никто не станетъ платить тысячи за мой трудъ... Ну, а я хотѣлъ бы, чтобъ моему ребенку жилось на свѣтѣ легче, чѣмъ мнѣ.

— Но вы приносите вредъ другимъ,—заговорилъ я.

— Пхэ!.. тѣ, кому я даю, и безъ меня нашли бы другого. Не все-ли равно—Мойша далъ деньги и взялъ ихъ назадъ, или Шмуль.

— Послушайте,—продолжалъ я, вспыхивая молодымъ негодованіемъ,—вѣдь, это гадко, грязно, вѣдь, вы грабите не только человѣка, ближняго, а своего брата, товарища, такого-же рабочаго, какъ вы.

— Извините, господинъ,—обидѣвшись на этотъ разъ, заговорилъ онъ,—извините: всѣ рабочіе люди, всѣ люди—братья,

это вѣрно! Но, если бъ всѣ жили, какъ братья, то не было бы ни фабрикъ, ни богатыхъ дворцовъ, а были бы на всемъ свѣтѣ однѣ только хатки. Я бѣдный жидъ, мнѣ хочется, чтобы единственный мой ребенокъ дышалъ легко, какъ я никогда не дышалъ, и я не умѣю заработать много денегъ, и я зарабатываю немного денегъ, какъ умѣю. Спрашивайте всѣхъ! Развѣ я заставляю кого нибудь брать у меня мои деньги? Развѣ кто взялъ деньги, не долженъ отдать? Развѣ не платитъ процента всякій, кто беретъ въ банкѣ, или у кого угодно? Или, можетъ быть, тамъ, въ банкахъ, сидятъ не люди, не братья наши, или, можетъ быть,—ядовито усмѣхаясь, закончилъ онъ,—я беру съ рабочаго больше, чѣмъ беретъ съ него хозяинъ фабрики?

Я не ожидалъ такой постановки вопроса и замолчалъ глубоко раскаиваясь въ томъ, что началъ разговоръ.

Онъ, послѣ минутной паузы, продолжалъ болѣе спокойно и съ раздумьемъ:

— Да! правду сказать, это грѣхъ, и я—грѣшникъ великій. Или я не понимаю самъ, что дѣлаю? Нѣтъ, я понимаю и дѣлаю, вотъ почему я грѣшникъ, но я не могу ничего больше сдѣлать. Я старъ. Какъ жилъ, такъ и умру бѣднымъ жидомъ! Пусть же она, моя дочка, вздохнетъ привольно и... Никто у нея не спроситъ: кто далъ ей свободу и какъ?

— А вы не читали въ вашихъ книгахъ, что богатство, достигнутое неправильнымъ путемъ, не приноситъ счастья,— возражалъ я.

— И что вы говорите,—опять разгорячился онъ.—Кто же спрашиваетъ монету, когда она въ рукахъ, гдѣ она была раньше? Кто спрашиваетъ богатаго человѣка, кто его дѣдъ или даже отецъ? У денегъ нѣтъ племени, нѣтъ рода, и тотъ, кто сегодня нашелъ мѣшокъ съ золотомъ, завтра будетъ счастливѣе того, кто потерялъ его вчера.

— Но дочь ваша... еще неизвѣстно поблагодаритъ-ли она за такую заботу объ ней,—проговорилъ я.—Бываетъ, что дѣти смотрятъ своими глазами, и не всегда сынъ принимаетъ наслѣдство отца!

Я не ожидалъ, признаться, дѣйствія, произведеннаго моими словами. Лицо переплетчика сразу поблѣднѣло, какъ полотно, весь онъ съежился и безсильно опустился на деревянный табуретъ. Когда онъ вновь началъ говорить, его голосъ звучалъ глухо.

— Вы ударили въ мое сердце! Мнѣ самому приходило это на мысли. Она такая странная,—Ревекка, она много думаетъ, много читаетъ, и она много понимаетъ не такъ, какъ я бы хотѣлъ... Быть можетъ, это оттого, что я слишкомъ часто говорилъ съ ней, она же такая любопытная... Но,—глубоко

вздохнувъ, закончилъ онъ,—дѣти растутъ и вмѣстѣ съ ростомъ умнѣютъ! И я тоже смотрѣлъ когда-то на свѣтъ иными глазами.

— Кромѣ того,—прибавилъ я послѣдній доводъ, бывшій въ моемъ распоряженіи,—если слухи о вашей дѣятельности дойдутъ опредѣленно и ясно до фабричнаго начальства, васъ прогонятъ отсюда.

— Ахъ, господинъ,—заговорилъ переплетчикъ, уже успокоившись,—я здѣсь служу уже десять лѣтъ; я ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ, я честный человѣкъ и хорошій майстеръ, а то, что я держу банкъ,—онъ даже улыбнулся,—быть можетъ, давно извѣстно начальству, какъ стало извѣстно теперь и вамъ; кому придетъ въ голову притѣснять бѣднаго жида: онъ зарабатываетъ гроши, какъ умѣетъ.

Мнѣ стало непріятно. Ни слова не говоря, я вышелъ изъ мастерской, твердо рѣшившись избѣгать на будущее время всякихъ сношеній съ Мойшей. Съ этихъ поръ я заглядывалъ въ мастерскую только тогда, когда того требовала прямая обязанность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сживаясь съ уединеннымъ маленькимъ міркомъ, я наблюдалъ отношенія этихъ, связанныхъ общимъ дѣломъ, нѣсколькихъ сотенъ людей другъ къ другу и, между прочимъ, не разъ замѣчалъ уваженіе и предупредительную вѣжливость, какія оказывало большинство не только рабочихъ, но и мастеровъ, по отношенію къ старому переплетчику. Я не былъ настолько наивенъ, чтобы предпологать, что ростовщикъноcитъ на себѣ клеймо, но не могъ объяснить этого и незнаніемъ. Здѣсь всѣ знали все о каждомъ, и явное уваженіе, оказываемое старику, являлось слѣдствіемъ не тонкаго обмана или притворства съ его стороны, а оттѣняло извѣстную сторону душевной жизни другихъ. Они, какъ и онъ самъ, не могли понять истиннаго смысла его дѣятельности; они почитали въ немъ лишь проявленіе силы, создающей богатство и потому требовавшей къ себѣ почтенія. Свободнѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи были или новички, еще не знавшіе Мойши, или самый отпѣтый народъ, который держался на фабрикѣ лишь до перваго случая, или извѣстные на весь поселокъ забубенныя головы.

VII.

Переставъ такимъ образомъ болтать съ Мойшей и вообще измѣнивъ наши отношенія въ чисто формальныя, я всетаки не могъ отказать себѣ совершенно въ удовольствіи заглянуть лишній разъ въ его мастерскую. Удивительный порядокъ и чистота царили въ ней всегда. Мальчики, работавшіе у

него, были чисто одѣты, бодры и здоровы на видъ, ихъ нельзя было сравнить съ ихъ товарищами, работавшими въ другихъ отдѣленіяхъ. Ни разу не слышалъ я жалобъ на переплетчика, ни разу не видалъ въ его мастерской заплаканныхъ дѣтскихъ глазъ,—повидимому, онъ любилъ дѣтей вообще. Меня привлекало, однако, въ мастерскую не столько любопытная сама по себѣ фигура Мойши, сколько его дочь—Ревекка. Оправившись отъ болѣзни, она стала опять приносить отцу обѣдъ и появлялась ежедневно въ его мастерской.

Кто не былъ молодъ? Дѣвушка, замѣчательно выросшая послѣ болѣзни, становилась настоящей красавицей и, при всей суровости моихъ тогдашнихъ убѣжденій, я не могъ не любоваться иной разъ ея классически-правильными чертами, ея стройнымъ ростомъ, чудеснымъ цвѣтомъ смуглаго, чуть-чуть подернутаго румянцемъ, лица и блескомъ огромныхъ, темныхъ глазъ, какъ будто тонувшихъ въ тѣни длинныхъ рѣсницъ.

Конечно, я никогда не говорилъ съ ней, но мнѣ очень хотѣлось узнать, что таятъ въ себѣ эти глубокіе глаза, о чемъ думаетъ дѣвушка и правъ ли я, говоря, что дѣти не всегда охотно принимаютъ порой грязноватое наслѣдство отцовъ. Не стану разбирать моихъ чувствъ, скажу только, что мнѣ отъ души въ то время хотѣлось, чтобы дочь не была похожа на отца.

Однажды я засталъ стараго переплетчика въ угнетенномъ состояніи и нарушилъ данное себѣ слово быть съ нимъ какъ можно сдержаннѣе и холоднѣе.

— Что у васъ на душѣ?—спросилъ я.

— Ай, не говорите,—отвѣчалъ онъ.—Я и самъ уже ничего не понимаю. Сегодня день рожденія Ревекки, и я подарилъ ей браслетъ,—ахъ, какой браслетъ,—разводя руки, воскликнулъ онъ,—золотой, съ крупнымъ жемчугомъ, какъ слеза. Сколько дней я думалъ объ немъ, сколько ночей! Я хотѣлъ ее обрадовать. И что же она сказала? Она сказала: это—слезы, людскія слезы... И заплакала, и говоритъ: я не хочу, носить людскихъ слезъ!.. Слышите?..—Онъ замолчалъ на секунду и, сдѣлавъ два шага ко мнѣ, понизивъ до шопота голосъ, продолжалъ:—И знаете, я понялъ и отвѣчалъ такъ: дитя мое, это слезы твоего бѣднаго народа! Лишенный своей земли, безъ пристанища и пріюта на свѣтѣ, онъ, гдѣ можетъ и какъ умѣетъ, ищетъ своего счастья!..“ Она ничего не сказала, а только заплакала и вышла изъ комнаты.

Я тоже не сказалъ ничего.

— Ну и что-же, господинъ,—продолжалъ переплетчикъ,—ну и что-же, развѣ же я не правъ? Развѣ слезы бѣднаго моего народа не слезы? И развѣ мало ихъ пролилось! И

развѣ нельзя, если можешь, обратить ихъ въ жемчугъ. А плакали мы, господинъ, много, охъ много!..

Онъ говорилъ еще что-то, но я уже не слушалъ его разсужденій. Мнѣ почему-то представились слезы, цѣлый міръ прекрасныхъ глазъ, въ каждомъ изъ которыхъ блестѣла слезинка, и всѣ онѣ катились неисчерпаемымъ потокомъ въ глубокое спокойное море. Жемчугъ — слеза, складывалась мысль, жемчугъ играетъ, какъ слезинка, слеза драгоцѣнна, какъ жемчугъ, а слезы передъ моимъ отуманеннымъ взоромъ падали и падали въ спокойное море, а море росло и росло, и это было море общей человѣческой скорби...

Назойливый шумъ фабрики глухо долеталъ откуда-то, точно издалека, глухо же звучалъ въ моихъ ушахъ голосъ стараго переплетчика; я понялъ, что со мной небольшая лихорадка, обычная болѣзнь новичковъ въ здѣшнихъ болотахъ и, овладѣвъ собой, проговорилъ:

— Что же, надѣла она всетаки вашъ жемчугъ?

— Ай, она бросила его на полъ!.. Ну я теперь не знаю, что дѣлать... Она что-то себѣ думаетъ, и я не знаю, что мнѣ дѣлать съ ея мыслями...

Глубокая нѣжность слышалась въ голосѣ, неподдѣльныя слезы сверкали на глазахъ старика и, не пробуя даже утѣшить его, я ушелъ.

VIII.

Нѣсколько дней спустя, я уѣхалъ въ Кіевъ и пробылъ тамъ двѣ недѣли, занятый дѣлами. Фабричныя впечатлѣнія подъ вліяніемъ жизни большого шумнаго города сгладились, потускнѣли, и странно казалось опять подъѣзжать къ поселку, закинутому среди чахлыхъ порослей лѣса. Что-то здѣсь дѣлается, спрашивалъ я себя, и отвѣчалъ:—то же, что прежде.

Дѣйствительно, все шло по старому. Тѣ же урочные свистки, тѣ же смѣны, та же работа привычная, однообразная, повторяющаяся изо дня въ день. Обойдя фабрику, я заглянулъ въ переплетную, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, было угрюмое лицо „майстера“.

— Все-ли благополучно у васъ?—спросилъ я.

— Не все, господинъ,—сдавленнымъ голосомъ отвѣчалъ онъ, но у меня не было времени разспрашивать подробнѣе, я торопился, зная, что меня ожидаютъ въ главной конторѣ, и отложилъ разговоръ до вечера. Вечеромъ, однако, намъ не пришлось говорить.

— Вы привезли намъ радостную новость,— сказалъ ди-

ректоръ, когда я вошелъ въ контору:—съ сегодняшняго дня мы свободны дней на десять! Назначенъ ремонтъ фабрики, и васъ я думаю приставить къ нему,—усмѣхнувшись, прибавилъ онъ.—Вы только что изъ Кіева, отдохнули, а я собираюсь туда немного освѣжиться.

До поздняго вечера мнѣ пришлось просидѣть въ конторѣ, слушая соображенія и распоряженія директора, отмѣчая то, что было особенно необходимо, провѣряя разсчеты и смѣты.

Когда, совершенно измучившись, мы поднялись съ мѣстъ, давно наступилъ темный осенній вечеръ, и я, не зная, что фабрика уже остановлена, удивленно проговорилъ: какъ тихо!

— И темно,—прибавилъ директоръ,—пожалуй, можно и лбомъ стукнуться обо что нибудь.

Обыкновенно освѣщавшія весь дворъ окна фабрики были темны и только звѣздное небо чуть-чуть озаряло свѣтомъ большой каменный корпусъ съ высокой трубой, строенія справа и темную линію домиковъ рабочихъ слѣва, за оградой двора. Непривычная тишина странно дѣйствовала на воображеніе, раздражая его сильнѣе, чѣмъ обычный шумъ. Казалось, все вокругъ уже умерло, или готовится умереть, и голоса, порой доносившіеся издали, звучали какъ-то особенно, точно не были людскими голосами.

Я долго просидѣлъ на крыльцѣ моего домика, прислушиваясь къ тишинѣ этой странной ночи. Что-то неясное шевелилось въ груди. Не то мнѣ была пріятна эта ночь, напоминавшая своей тишиной множество другихъ ночей, знакомыхъ мнѣ съ дѣтства, не то она тревожила своей мертвой молчаливостью, своимъ небомъ, въ которомъ не чувствовалось ласки, и темнѣвшими въ сумракѣ звѣзднаго блеска очертаніями фабричныхъ зданій. И долго я не могъ уснуть, раздраженный неотвязной мыслью о томъ, что думаютъ, что чувствуютъ сегодня нѣсколько сотенъ людей, не знавшихъ никогда полнаго отдыха, жившихъ только отъ „смѣны до смѣны" и внезапно получившихъ долгій праздникъ.

Послѣ этой тихой ночи для меня наступила настоящая каторга. Дѣло ремонта требовало особенной внимательности и напряженія и, кромѣ того, много приходилось возиться съ рабочими. Неожиданный продолжительный праздникъ сразу разрушилъ установившійся порядокъ вещей, и, Боже мой, сколько тяжелыхъ минутъ приходилось переживать въ эти дни. Люди выходили не во время, совались, куда не слѣдуетъ, и никакъ не могли стать на свое мѣсто; работали неохотно, небрежно; шумная теперь жизнь поселка точно дразнила ихъ и звала къ себѣ. Измученный и разбитый, торопливо окончивъ несложный обѣдъ, я засыпалъ до утра мерт-

вымъ сномъ, чтобы на слѣдующій день начать ту же работу. Этотъ лихорадочный трудъ не позволялъ ни думать, ни мечтать, не давалъ и отдыха—нужно было торопиться. „Скорѣй, какъ можно скорѣй“!—говорилъ я ремонтнымъ рабочимъ и повторялъ себѣ. Нашъ поселокъ какъ бы раскололся на двѣ части—одна спѣшно работала, другая праздновала, и шумъ праздничнаго разгула съ каждымъ днемъ все явственнѣе доносился къ намъ, прикованнымъ къ торопливой работѣ. Приходилось напрягать всѣ усилія, всю волю, чтобы сдержать людей, товарищи и близкіе которыхъ проходили съ пѣснями и своеобразной музыкой — скрипкой и волынкой— мимо, въ то время, какъ они должны были тщательно исполнять заданную работу. Мнѣ вспоминались ощущенія юности, когда, оставленные послѣ классовъ, мы, школьники, смотря на весело бѣгущихъ домой со смѣхомъ и шутками товарищей.

IX.

Разгулъ становился день ото дня сильнѣе. Нежданный праздникъ и полное отсутствіе какихъ бы то ни было развлеченій сдѣлали свое дѣло. Въ шинкѣ съ утра толпился народъ. Пьяное пѣнье, крѣпкая ругань, иной разъ визгъ, иной разъ плачъ, доносились съ поселка—фабричный загулялъ, и эта гульба напоминала широкій размахъ стариннаго разгула, съ тою разницею, что старинный разгулъ, хотя бы на Сѣчи Запорожской, кончался дерзкимъ, смѣлымъ походомъ, гдѣ не одинъ десятокъ людей складывалъ свои буйныя головы, часто еще не очнувшіяся отъ хмѣля; здѣсь этого исхода не было, да и чахлый фабричный мало напоминалъ сѣчевого „лыцаря“.

Какъ ни какъ, однако, пришлось обратить на это вниманіе. По ночамъ были удвоены караулы около фабричныхъ воротъ; кромѣ того, изъ охочихъ людей образованы были обходы, поддерживавшіе порядокъ въ поселкѣ; откуда-то явилось множество пришлыхъ съ мелкой торговлей, или безъ всякой видимой надобности; пришлось сдѣлать нѣсколько наставленій старшимъ, надежнымъ рабочимъ,—послѣднее было, однако, напрасно. Выслушавъ слова увѣщанія, эти большею частью степенные, бородатые отцы семействъ, широко усмѣхаясь, ограничивались или молчаливымъ кивкомъ головы или нѣсколькими словами, выражавшими, съ одной стороны, полное желаніе исполнить волю начальства, съ другой—полную невозможность это сдѣлать.

Рѣзко отличалась тишиной въ эти пьяные дни часть деревушки, населенная евреями; взрослые мужчины всѣ,

повидимому, разбрелись, женщины, подростки и дѣти точно присмирѣли,—не слышно было ни звонкой перебранки и громкихъ возгласовъ, ни обычнаго дѣтскаго гама, всѣ какъ-бы притаились... Главный центръ разгула, шинокъ, какъ разъ соприкасался съ ихъ хатками.

Однако время напряженнаго труда однихъ и безшабашнаго разгула другихъ приближалось къ концу. Еще день, два, все должно окончиться. Опять въ свое время загудятъ призывные свистки, опять потянутся фабричныя будни...—Опять начнется скука,—думалось невольно,—но, съ другой стороны, все приметъ обычный видъ, успокоится и придетъ въ порядокъ. Ложась спать въ одинъ изъ такихъ вечеровъ съ такими мыслями,—я какъ-то вдругъ вспомнилъ, что за эти двѣ недѣли совсѣмъ не видалъ стараго переплетчика и его дочки...

Не знаю, произошло-ли это отъ особенно сильнаго утомленія, или просто разстроились нервы отъ спѣшной работы, уснуть сразу, какъ это обыкновенно бываетъ послѣ дневного труда, я не могъ, и мысли мои неясныя, безформенныя, помимо воли, возвращались теперь къ дѣвушкѣ и ея отцу. Передо мной въ темнотѣ комнаты обрисовался безукоризненный овалъ смуглаго лица съ алымъ ртомъ и глубокими бархатными глазами; я живо представлялъ себѣ горе старика, непонятаго единственной дочерью, и съ любопытствомъ пытался разрѣшить вопросъ, почему же и какъ случилось, что она думаетъ и поступаетъ не такъ, какъ поступила бы любая на ея мѣстѣ. Темная звѣздная ночь мигала въ мои, не закрытыя ни ставнями, ни занавѣсками, окна тысячью любопытныхъ глазъ; глухо слышалась издали пѣсня. Мѣрно, назойливо-отчетливо, чикалъ будильникъ...

Я долго ворочался съ боку на бокъ и заснулъ, безуспѣшно разрѣшая вопросъ, почему это жемчугъ напоминаетъ слезы...

Проснулся я отъ громкаго стука. Въ окна и дверь кто-то настойчиво барабанилъ палкой. Я не сразу понялъ даже, гдѣ я и что со мной. Спѣшно зажегъ я свѣчу и, полураздѣтый, кинулся къ двери. На порогѣ стоялъ надсмотрщикъ моей смѣны, блѣдный и растерянный.

— Бѣда,—проговорилъ онъ, входя въ сѣни.—Бѣда, одѣвайтесь скорѣй.

— Что такое? Несчастье, пожаръ?—спрашивалъ я.

— Хуже того,—отвѣчалъ онъ,—разбой, грабежъ.

Я не понималъ.

— Одѣвайтесь скорѣй, дорогой все разскажу,—торопилъ онъ.—Я уже собралъ сторожей, разбудилъ кое кого изъ рабочихъ,—они ждутъ у воротъ.

Наскоро одѣвшись, я бросился бѣгомъ по темному фабричному двору къ воротамъ. Громкіе крики неслись изъ глубины темной ночи, и я безъ труда понялъ, въ чемъ дѣло. Отчетливо-ясно донесся до меня чей-то рѣзкій голосъ, кричавшій:

— Бей жида!

Мы бросились еще быстрѣе на крикъ.

X.

Если вамъ, читатель, случалось когда нибудь, хотя бы въ дѣтствѣ, принимать участіе въ ручной схваткѣ, „стѣна на стѣну", если вамъ потомъ, въ годы зрѣлости, приходилось быть однимъ изъ аттакующихъ или отражающихъ нападеніе въ „рукопашномъ" бою; если случалось вамъ темной ночью испытать нападеніе „шаловливыхъ" людей на большой дорогѣ, и вы вспомните то странное чувство, какое охватываетъ во время опасности человѣка—чувство полнаго самозабвенія, пропитаннаго въ то же время отчетливо-яркимъ сознаніемъ всего окружающаго, то вы всетаки не будете имѣть ни малѣйшаго понятія о томъ, что я увидѣлъ передъ собой и что почувствовалъ. Для боя, для дерзкаго нападанія, для простой даже драки нужна извѣстнаго рода смѣлость, нужно кромѣ того еще что-то, часто смутное и неясное, но важное. Это нѣчто я назвалъ бы „идеей", если бы не боялся громкаго слова, а потому замѣню его другимъ—нужно „воображенье"—фикція какой-то идеи...

Предо мной совершалось что-то непонятное. Люди, всего десятокъ дней назадъ работавшіе бокъ-о-бокъ другъ съ другомъ, внезапно раздѣлились больше чѣмъ пропастью. Одни, почти исключительно мужчины, били за что-то другихъ, по преимуществу женщинъ, подростковъ, дѣтей. Слабыя попытки защищаться вызывали только большую ярость, да и гдѣ-жъ было защищаться дѣтямъ и женщинамъ. Звенѣли стекла, гремѣли кулаки по закрытымъ дверямъ. Плачъ и визгъ, съ одной стороны, хохотъ—съ другой; летящіе на улицу чугуны, плошки, миски, горшки, тарелки, самовары, пухъ отъ разорванныхъ перинъ и подушекъ и вдобавокъ ко всему пѣнье, несшееся изъ широко раскрытыхъ дверей ярко освѣщеннаго шинка, представляли странную картину. Здѣсь какъ будто шутилась шутка, шла какая-то забавная игра, при чемъ ни слезы, ни плачъ не принимались за дѣйствительность.

Все это мнѣ, не видавшему никогда ничего подобнаго, показалось на столько омерзительнымъ, что я охотно отдалъ бы приказанье взять въ палки бушевавшихъ молодцовъ, если бы

не малочисленность моего отряда, большинство котораго состояло изъ фабричныхъ сторожей, людей, обыкновенно не первой молодости и въ значительной части инвалидовъ труда. Я попробовалъ дѣйствовать убѣжденьемъ, но голосъ мой терялся въ бушевавшей толпѣ. А вокругъ слышались возгласы:

— Бей ихъ!

— Бей жидовъ!

— Бей аспидовъ...

Бросаясь то къ одному, то къ другому дому, я въ сущности успѣвалъ сдѣлать немного. Рабочіе, узнавая меня, сторонились, отступали, и порой даже сквозь крѣпкій хмѣль у нихъ пробивались лучи сознанія; но въ то время, какъ я отгонялъ толпу отъ однѣхъ дверей, около другихъ слышались новые крики, плачъ, шумъ борьбы, возгласы отчаянія; я давно отбился отъ своихъ и охрипъ отъ крика... Наконецъ, подошла еще партія трезвыхъ рабочихъ и съ ихъ помощью, не безъ усилій, конечно, сталъ водворяться порядокъ. Только отдѣльныя кучки буяновъ, мало по малу рѣдѣвшихъ, еще продожали свои подвиги.

Въ это время я вновь замѣтилъ человѣка, который съ самаго начала казался мнѣ предводителемъ; я не могъ узнать его въ темнотѣ мерцавшей звѣздами ночи, не могъ узнать и голоса, но смутно вспоминалъ, что голосъ мнѣ знакомъ. Онъ билъ теперь стекла хатки стараго переплетчика, и сердце мое сжалось...

Когда я подбѣгалъ къ дому, то слышалъ только послѣднія слова:

— Вотъ же тебѣ, жидовская морда!

Я видѣлъ, какъ высоко поднялась и опустилась рука и какъ, тяжело охнувъ, свалился на порогѣ своего жилища Мойша. Вѣроятно, и меня постигла бы та же участь, если бъ въ эту минуту не очутился со мной старшій качегаръ, Жигадло, извѣстный гуляка, но смѣлый старикъ. Онъ заслонилъ меня въ то время, какъ я наклонился надъ несчастнымъ переплетчикомъ, изъ головы котораго лилась кровь, и на него упалъ второй ударъ... Жигадло, какъ Мойша, свалился на землю.

— Своихъ, своихъ бьешь!—раздались кругомъ негодующіе крики,—и вся ватага отхлынула отъ дверей, такъ какъ уже подбѣгали водворители порядка.

Внутри домика слышались стоны и полудѣтскій надрывающійся плачъ. Спѣшно внесли мы обоихъ, и Мойшу, и старшаго кочегара, въ хатку и, положивъ прямо на полъ, при блѣдномъ свѣтѣ сальной свѣчи старались привести ихъ въ чувство; у обоихъ на головѣ оказались раны, нанесенныя чѣмъ-то тяжелымъ.

— Это онъ гирькой,—выразилъ свое соображеніе надсмотрщикъ, разбудившій меня ночью,—это здѣсь въ обычаяхъ драться гирьками.

Когда оба стали шевелиться, я, облегченно вздохнувъ, осмотрѣлся кругомъ. Я былъ въ небольшой, очень чистой комнатѣ, по двумъ внутреннимъ стѣнамъ которой стояли двѣ кровати: одна тяжелая, широкая, заваленная горами подушекъ, другая—небольшая, желѣзная, подъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ: на ней, плотно прижавшись другъ другу и точно застывъ въ томъ положеніи, какъ мы ихъ застали, сидѣли двѣ женщины. Дыханье ихъ точно остановилось, ни слова, ни звука не вылетѣло изъ крѣпко стиснутыхъ губъ; глаза, выражавшіе ужасъ и отчаяніе, слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ... За открытой дверью, на улицѣ, стихалъ уже шумъ, и мало по малу тишина ночи вносила миръ и спокойствіе въ смущенныя сердца людей.

Мнѣ захотѣлось утѣшить чѣмъ нибудь этихъ испуганныя женщинъ, но я не находилъ словъ и вышелъ на улицу. Поселокъ утонулъ во мракѣ; теперь слышались тамъ и сямъ всхлипыванія, да улица смутно бѣлѣла перьями и пухомъ. Порядокъ былъ возстановленъ...

Черезъ два дня, спѣшно вызванный моей телеграммой, пріѣхалъ директоръ, которому я немедленно же сдалъ должность. Онъ былъ хмуръ и раздраженъ, и было отчего: начались допросы, многихъ, задержанныхъ въ ту ночь буяновъ, пришлось сдать на руки властямъ, фабрика волей неволей не могла идти полнымъ ходомъ. Началось томительное слѣдствіе о причинахъ безпорядковъ; поселокъ наполнился властями и полиціей, отъ военной помощи фабрика рѣшительно отказалась. Люди имѣли растерянный, виноватый видъ, и на осеннемъ фонѣ грустной замирающей природы еще грустнѣе оттѣнялась эта растерянность людей. Къ счастью, больше не было раненыхъ, а Жигадло всталъ на третій день. У переплетчика, вѣроятно, отъ общей слабости открылась горячка.

II.

На меня все происшедшее произвело удручающее впечатлѣніе. Моя неопытность равнялась тогда моей впечатлительности и, не находя ни правыхъ, ни виноватыхъ, я чувствовалъ только, что весь поселокъ съ его глухой тьмой, напряженнымъ безцѣльнымъ и нездоровымъ трудомъ, полнымъ отсутствіемъ того, что красить жизнь, съ чахлымъ населеніемъ, смотритъ полумертвецомъ среди полумертвой природы. Мнѣ хотѣлось бѣжать куда нибудь, какъ можно дальше, къ

простору, къ свѣту, къ радости, къ солнцу—и я рѣшилъ уѣхать.

Меня, однако, задерживали еще нѣсколько времени дѣла. Переплетчикъ медленно отправлялся, и я почти каждый день заходилъ навѣдаться объ его здоровьи.

Ухаживали за нимъ жена и дочь самымъ тщательнымъ образомъ. Теперь, когда мы столкнулись ближе и разговоры наши стали еще продолжительнѣе, меня странно поражала въ этомъ человѣкѣ смѣсь живого ума со страшной темнотой въ то же время. Въ болѣзни онъ все время бредилъ золотыми уборами и драгоцѣнными камнями; поправляясь, переводилъ чаще и чаще рѣчь на свое единственное „дитя" которому онъ хотѣлъ бы приготовить первое мѣсто на свѣтѣ, нисколько не заботясь объ остальномъ мірѣ.

Онъ горько жаловался на то, что дочь его не понимаетъ и упрямо доказывалъ, что „гешефтъ"—законная награда бѣднаго жида, рискующаго не только деньгами, но и кровью,—онъ поднималъ при этомъ руку къ перевязкѣ на головѣ... И этотъ человѣкъ, изсушившій грудь надъ переплетнымъ станкомъ, поступившій въ ремесло семи лѣтъ отъ роду, добросовѣстный и дѣльный мастеръ своего дѣла, раздражался, какъ ребенокъ, когда я пытался доказывать ему различіе между его трудомъ и его „гешефтомъ".

— Всякій беретъ, что можетъ. Всякій хочетъ дышать. Всякій, какъ умѣетъ, ищетъ своего счастья!—непреклонными афоризмами отвѣчалъ онъ на мои иногда юношески-запальчивыя рѣчи, и чѣмъ больше узнавалъ я его, тѣмъ больше удивлялся. Онъ былъ добръ и незлопамятенъ по природѣ; онъ не жаловался на причиненные ему побои, какъ будто прощая того, кто прибилъ его, какъ собаку. И въ то же время онъ не могъ безъ злобы вспомнить о томъ, что теперь, когда многимъ изъ его должниковъ грозитъ довольно продолжительная высидка въ тюрьмѣ, а, стало быть, безработица и безденежье, теряются на время, а можетъ быть и навсегда его деньги.

Между тѣмъ слѣдствіе о „безпорядкахъ" шло своимъ чередомъ; призывались свидѣтели, опрашивалась, записывались отвѣты; дѣло росло, какъ дождевой грибъ на пустомъ мѣстѣ и, какъ этотъ грибъ, грозило лопнуть, обнаруживъ полную свою безсодержательность.

Отвѣты были безконечно наивны и просты. Все сводилось къ тому, что въ подходящую минуту, когда разгулявшаяся толпа была въ полномъ куражѣ, кто-то крикнулъ „пароль и лозунгъ" и невольнымъ, быть можетъ, движеніемъ далъ исходъ не находившей правильнаго пути энергіи. „Бей жида"! раздалось внезапно, преднамѣренно или случайно, и возгласъ,

подхваченнный десяткомъ голосовъ, въ одно мгновенье сдѣлался знаменемъ толпы; къ передовымъ бойцамъ примкнула инертная, вѣчно послушная властному голосу, середина, и вотъ, разыгралась безобразная, всего вѣрнѣе, неожиданная даже для самихъ зачинщиковъ исторія.

Даже потерпѣвшіе, казалось, смотрѣли на все, что произошло, не слишкомъ вдумчиво. Съ перваго дня, какъ фабрика пошла, опять рядомъ стали обѣ стороны, и опять нельзя было подъ общимъ выраженіемъ усталости, томительной скуки прочесть ни у тѣхъ, ни у другихъ ни озлобленія, ни вражды.

Встрѣтивъ въ первый разъ Жигадлу—трезвый онъ былъ очень интересеный человѣкъ, много видавшій на своемъ вѣку,—я заговорилъ съ нимъ о недавнемъ происшествіи:

— Спасибо, Жигадло,—сказалъ я,—за твое заступничество. Но... какъ всетаки ты попалъ въ эту свалку?

— Ну, такъ вѣдь я жъ пьянъ былъ,—хмуро отвѣтилъ онъ и поникъ головой,—трезвый я не пошелъ бы на это дѣло, съ бабами воевать.

Больше я ничего отъ него не добился, старикъ крѣпко насупился.

Въ другой разъ онъ самъ несмѣло подошелъ ко мнѣ и заговорилъ.

— А можно сказать?

— Говори, отвѣчалъ я.

— За что-жъ они, народъ трезвый, держатъ въ рукахъ половину поселка? За что-жъ я всѣ гроши свои тому же Мошкѣ отдаю?

— А ты пилъ бы меньше,—сказалъ я ему.

Онъ махнулъ рукой и пресерьезно отвѣтилъ:

— Стало быть, такъ и быть должно на свѣтѣ: одинъ копитъ, другой тратитъ, мотаетъ, пьетъ, и никому до поры нѣтъ ни на кого обиды; а если вдругъ покажется обидно, обиду вымещаетъ человѣкъ, какъ придется; съ женой вѣкъ живутъ, не каются, а подвернись подъ злую руку... Я тоже махнулъ рукой.

Черезъ нѣсколько дней я опять ѣхалъ въ Кіевъ, на этотъ разъ съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться въ фабричный поселокъ. Меня тянуло вонъ изъ этого уголка, гдѣ я такъ и не прижился. Опять потянулись ржавыя поля, чахлая поросль, трясучія гати, накрапывалъ мелкій дождь, быстро надвигались сумерки осенняго короткаго дня и, перебирая впечатлѣнія недавняго прошлаго, я, казалось, видѣлъ передъ собой тѣ же сумерки осенняго вечера, одинаково окутавшаго своей мглой и сырымъ пронизывающимъ туманомъ и тѣхъ, кто билъ, и тѣхъ, кого били, и виноватыхъ, и правыхъ; люди

ходили въ потемкахъ—длинной осеней ночи... не скоро еще наступитъ разсвѣтъ...

И только на краю горизонта, далеко, свѣтились двѣ звѣздочки... Я начиналъ дремать, и порой мнѣ казалось, что онѣ разгораются все ярче... И что это не звѣзды, а глаза странной дѣвушки, которая не хотѣла жемчуга изъ чужихъ слезъ...

Алексѣй Евреиновъ.

---

* * *

Я люблю, когда луна,
Сквозь обрывки сѣрыхъ тучъ,
Свой побѣдный броситъ лучъ,
Силъ невѣдомыхъ полна.

Принятъ вызовъ тьмы ночной!..
Въ бой готовый каждый мигъ,
Строго смотритъ гордый ликъ
Межъ тумановъ, какъ живой.

Но едва лазурь небесъ
Ляжетъ радостно вокругъ,
Поблѣднѣетъ лунный кругъ;
Гаснетъ жизнь, миражъ исчезъ.

Этотъ ровный, ясный свѣтъ
Весь—безстрастье, весь—покой,
Но... тамъ жизни нѣтъ живой,
Гдѣ борьбы и страсти нѣтъ!

С. Травиновъ.

„СОГРѢШИХЪ".

(PECCAVI).

Романъ Эрнеста Уильяма Хорнуна.

Переводъ съ англійскаго З. Журавской.

I.

Прахъ—праху.

Церковь въ Лонгстоу лѣтней порой вся пряталась въ зелени. У нея не было ни башни, ни колокольни, которая бы возвышалась надъ деревьями; и лѣса, поставленные внутри церкви, между алтаремъ и внутренней частью, не предзнаменовали собой появленія ни той, ни другой. Это была самая обыкновенная небольшая церковь, не древняя и безъ всякихъ претензій по части архитектуры; начатая же въ ней перестройка была самаго утилитарнаго характера. Выстроенная изъ песчаника въ мѣстности, изобилующей кремнемъ, церковь стояла въ сторонѣ отъ дороги, на зеленомъ бугрѣ, теперь желтомъ отъ множества лютиковъ, и весь день была укрыта тѣнью высокихъ каштановъ и вязовъ. Церковь была выстроена на восточной окраинѣ деревни Лонгстоу.

Былъ лѣтній день въ концѣ іюня, суббота и время послѣобѣденное, недалеко до вечера, такъ что вся деревня собралась въ церкви, хотя съ дороги видна была только группа зѣвакъ у воротъ, да на старой каменной стѣнѣ стая ребятишекъ, которымъ школьный учитель рекомендовалъ „оставаться за оградой". Бѣлые переднички жались къ крышѣ ограды, тонкія ножки въ чулочкахъ болтались въ воздухѣ; неугомонные каблучки, подбитые гвоздями, барабанили по стѣнѣ, отбивая кусочки щебня;—предвкушеніе интереснаго зрѣлища у воротъ, жгучее любопытство на оградѣ, внизу на тропинкѣ законъ и порядокъ во образѣ школьнаго учителя, и тутъ же, въ прохладной зеленой тѣни, пара досокъ, осыпающійся земляной холмикъ, открытая могила.

Возлѣ, любуясь дѣломъ рукъ своихъ, бродилъ пономарь— онъ же и церковный сторожъ и могильщикъ—дряблое существо, скрюченное ревматизмомъ — или же стоялъ, опираясь на заступъ и по обыкновенію гримасничая подъ вліяніемъ дикой галлюцинаціи, преслѣдовавшей его въ послѣдніе годы. Онъ былъ увѣренъ, что, напившись какъ-то нечистой воды, проглотилъ зародышъ жабы, и эта жаба выросла въ его тѣлѣ. Многіе этому вѣрили. Самъ пономарь явственно слышалъ, какъ она квакала у него въ груди, загораживая проходъ въ желудокъ и перехватывая каждый проглоченный имъ кусокъ. Пономарь былъ, безспорно, тощъ, хотя и не подвергался неминучей опасности очень скоро умереть съ голоду—какъ онъ увѣрялъ, ибо онъ постоянно надоѣдалъ всѣмъ и каждому разсказами о своей болѣзни и теперь еще приставалъ къ школьному учителю съ послѣднимъ бюллетенемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ недуга.

— А жаба то моя — еще хуже прежняго стала. Хотите послушать, м-ръ Джонсъ?

И старикъ почти выпрямилъ свой согбенный станъ, выставивъ впередъ грудь и ухмыляясь во весь свой беззубый ротъ; демонстрировать свою болѣзнь доставляло ему высокое наслажденіе.

— Благодарствуйте,—сказалъ учитель.—У меня есть другое дѣло.

— Ква-ква-ква!—хихикалъ пономарь. Что я ни съѣмъ, все проглотитъ, животная! И докторъ ничего съ ней не можетъ подѣлать—гдѣ ему!

— Я думаю!

— Ну вотъ, вотъ, опять заквакала! Она меня въ гробъ сведетъ, эта животная. Слышите, м-ръ Джонсъ? словно по мѣху—такъ и щелкаетъ!

Чтобы избавиться отъ него, пришлось на него прикрикнуть:

— Проваливайте, Бэсби! Развѣ вы не видите, что мнѣ хочется послушать нѣчто другое?

Въ церкви ректоръ читалъ первый изъ полагающихся на такой случай псалмовъ. На тропинкѣ слышенъ былъ каждый слогъ. Искусство читать было наименѣе оспариваемымъ изъ дарованій м-ра Карльтона, благодаря прекрасному голосу, безошибочной интонаціи и безукоризненной передачѣ. Но сейчасъ не замѣтно было, чтобы хоть одно слово изъ прочитаннаго было прочувствовано самимъ ректоромъ; онъ читалъ все одинаковымъ, умышленно монотоннымъ тономъ, какой рѣдко приходится слышать гдѣ-либо, кромѣ церкви. Зато именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ иной понизилъ бы голосъ, голосъ Лонгстоунскаго ректора звучалъ всего слышнѣе и явственнѣе:

„Когда Ты караешь и казнишь человѣка за грѣхъ его, Ты понемногу истребляешь его красоту, какъ моль, пожирающая одежду; а потому всякая красота человѣческая не что иное, какъ суета.

„Господи, услыши молитву мою, преклони ухо Твое къ моленію моему, не останься безчувственъ къ слезамъ моимъ.

„Ибо я чужой Тебѣ и пришлецъ, какими были отцы мои.

„О, пощади же меня немного, чтобы я могъ вновь собраться съ силами, прежде чѣмъ я уйду отсюда и стану невидимъ“.

Пономарь угощалъ теперь ребятишекъ на стѣнѣ всегда популярными подробностями о своей замѣчательной болѣзни. Школьный учитель все еще съ важнымъ видомъ расхаживалъ по дорожкѣ, то заглядывая внутрь церкви, то дѣлясь подмѣченнымъ съ любопытными у воротъ—странное воплощеніе сознательной печали и безсознательнаго удовольствія.

— Не увидишь сухихъ глазъ, — сообщилъ онъ послѣ псалма.—М-ръ Карльтонъ и самъ Мускъ, пожалуй, единственные, умѣющіе скрывать, что они чувствуютъ.

— Какъ будто-м-ръ Карльтонъ чувствуетъ что-нибудь!— замѣтилъ нескладный парень съ розой въ петличкѣ.—Да не больше моего мизинца!

— Да ужъ,—вставилъ другой,—ему только и заботы, что о своихъ свѣчахъ, да трубахъ, да о новомъ боковомъ входѣ.

— Полноте,—сказалъ учитель,—неужели вы хотѣли бы, чтобы пасторъ разрюмился въ церкви. Я жалѣю, что упомянулъ о немъ. Я думалъ собственно о Джасперѣ Мускѣ. Онъ стоитъ, словно каменное изваяніе.

— Еще удивительнѣе,—возразилъ парень съ цвѣткомъ,— что онъ стоитъ тамъ и слушаетъ то, во что не вѣритъ, изъ устъ человѣка, которому онъ не вѣритъ. Это *похороны*? Хорошо, что мы это знаемъ—онъ такимъ же голосомъ сталъ бы читать и на свадьбѣ.

Школьный учитель отошелъ, двусмысленно пожимая плечами. Не его дѣло было защищать м-ра Карльтона противъ его недоброжелателей и невѣрующихъ. Онъ считалъ, что долгъ его будетъ выполненъ въ достаточной мѣрѣ, если онъ сообщитъ ректору, кто его враги и (если ему позволятъ продолжать) что они говорятъ за его спиной. Школьный учитель мысленно поставилъ отмѣтку противъ фамиліи нѣкоего Кубита, эксъ-клирошанина, затѣмъ удѣлилъ долю своего вниманія ребятамъ на стѣнѣ, положилъ конецъ ихъ неумѣстному веселью и, не спѣша, вернулся снова къ церкви.

На Лонгстоунскомъ кладбищѣ тѣнь была съ утра до вечера; въ церкви водворялся полусвѣтъ съ того момента, какъ солнце переставало свѣтить въ восточное окно. Эта особенность была отчасти временная. Церковь находилась въ пе-

реходномъ состоянiи; къ ней пристраивали трансепты *) съ сѣвера и съ юга; изъ-за этого въ церкви были поставлены лѣса и по одному окну съ каждой стороны забито досками. Деревья, окружавшiя церковь, еще прибавляли тѣни, и каждый разъ, какъ школьный учитель прямо со свѣту всходилъ на паперть, чтобы заглянуть внутрь церкви, онъ въ первую минуту ничего не могъ разглядѣть. Затѣмъ изъ океана мрака выдвигались нѣсколько свѣтлыхъ точекъ: прежде всего восточное окно, пока еще нетронутое; въ верхнiе квадраты стеколъ виднѣлось голубое лѣтнее небо, въ остальные—колеблющiяся вѣтви; затѣмъ—мѣдный налой, за налоемъ—риза и надъ нею высокiй бѣлый лобъ. Потомъ вырисовывалось свѣтлое пятно въ алтарѣ—гробъ, поставленный на козлы. Затѣмъ, на скамьяхъ для хора, сейчасъ пустыхъ, выдвигалась изъ тѣни человѣческая фигура, одинокая, массивная, продолжавшая стоять даже и тогда, когда всѣ садились, не обращая вниманiя на то, что творилось вокругъ. То былъ мужчина уже въ лѣтахъ, но богатырскаго сложенiя. Густые сѣдые волосы щеткой стояли на его крупной, большой головѣ; на широкихъ впалыхъ щекахъ они были короче и не такъ бѣлы. Онъ держался не безъ достоинства, выраженiе лица у него было суровое, дикое, неукротимое. Онъ не отрывалъ глазъ отъ стѣны напротивъ, ни разу не удостоивъ опустить ихъ на предметъ, бѣлѣвшiй на козлахъ. Могучей рукой старикъ тяжело налегъ на набалдашникъ толстой палки. Онъ былъ одѣтъ въ черное, не совсѣмъ какъ джентельменъ, но все же какъ зажиточный обыватель, первый въ приходѣ послѣ помѣщика. Это и былъ Джасперъ Мускъ.

Священникъ окончилъ чтенiе, и бѣлый лобъ склонился надъ закрытой книгой; на бородатомъ, сильно тронутомъ загаромъ лицѣ горѣли мрачнымъ огнемъ глаза, поражавшiе неожиданностью послѣ оффицiальнаго звука голоса; рука, закрывшая книгу, была нервна, но сильна. Выйдя изъ-за налоя, священникъ показался во весь ростъ, склоняясь передъ алтаремъ, потомъ поднялся и медленно направился къ выходу. Изъ мрака выдвинулись носильщики, подняли гробъ и понесли вслѣдъ за нимъ. Они были уже у дверей, когда Джасперъ Мускъ замѣтилъ, что гробъ унесли, и заковылялъ въ догонку, стуча своей палкой. Прихожане поджидали его, толпясь въ боковомъ придѣлѣ, и пропустили впередъ. Такъ они дошли до могилы.

И здѣсь, при свѣтѣ дня обнаружилось одно обстоятельство, непрiятно поразившее большинство послѣдовавшихъ за гробомъ изъ церкви и глубоко оскорбившее, какъ поруганiе

---

*) Боковые ходы.

святыни, чувство священника, правившаго погребальную службу: на гробѣ не было крышки. М-ръ Карльтонъ покраснѣлъ до корней волосъ и сверкнулъ глубоко ушедшими въ орбиты глазами на того, кто былъ всѣхъ ближе умершей; тотъ, стоя по другую сторону могилы, крѣпче оперся на палку и въ свою очередь бросилъ на него угрюмый и грозный взглядъ. Налетѣвшій вѣтеръ прошумѣлъ вѣтвями, и всѣ воробьи вдругъ зачирикали разомъ. Ректоръ опустилъ глаза на книгу; теперь голосъ его звучалъ еще холоднѣе. Минуту спустя прахъ былъ преданъ землѣ.

М-ръ Карльтонъ произнесъ благословеніе присутствующимъ, но всѣ еще оставались на мѣстахъ, безмолвные, охваченные торжественностью минуты, какъ вдругъ на дорогѣ затрещалъ звонокъ велосипеда; минуту спустя, ругнувъ ребятишекъ, наскучившихъ зрѣлищемъ похоронъ и вертѣвшихся на дорогѣ, загораживая проѣздъ, велосипедистъ соскочилъ на землю возлѣ лавки шорника, крошечной лачужки, помѣщавшейся рядомъ съ его же домомъ и напротивъ церкви. Велосипедистъ былъ мальчикъ лѣтъ пятнадцати, темноволосый, красивый, живой, но немного малъ ростомъ для своихъ лѣтъ—возраста, когда носятъ высокіе воротнички и модные галстухи; и велосипедъ у него былъ высокій, модный,—послѣднее слово моды,—и весь никеллированный.

— Послушайте, Фуллеръ, кого это хоронятъ?

Фуллеръ, сѣдельный мастеръ и шорникъ, единственный въ мѣстечкѣ, но въ сущности только отдыхавшій за работой отъ главнаго занятія своей жизни—чтенія и распространенія новостей дня,—сидя на табуреткѣ у открытаго окна, читалъ по складамъ „Standard“. Шорникъ выронилъ газету и проворно стащилъ очки съ огромнаго внушительнаго носа.

— Господь съ вами, м-ръ Сидней, вы ли это стоите передо мной? Да неужто же вы не слыхали?

— Гдѣ же я могъ услыхать, когда я бываю дома только съ субботы до понедѣльника? Я и теперь ѣду домой. Кого же это хоронятъ; старую Салли Вебъ или кого нибудь изъ стариковъ Вильсонъ?

— Нѣтъ, сэръ, не старика и не старуху. Ахъ ты, Господи! Лучше бы ужъ старуху!

— Такъ кого же?

— Молли Мускъ—вотъ кого, м-ръ Сидней,—медленно выговорилъ сѣдельщикъ.

Мальчикъ не обладалъ способностью на каждомъ шагу разѣвать ротъ отъ удивленія, какъ это дѣлаютъ обыкновенные мальчики, и вообще онъ не былъ обыкновеннымъ, дюжиннымъ мальчикомъ, но при этомъ имени ротъ его округлился, а брови поднялись кверху.

— Молли Mускъ! Я думалъ, что никто не знаетъ, гдѣ она. Когда же она вернулась?

— Во вторникъ ночью, а на слѣдующую ночь умерла.

— Однако, это интересно, Фуллеръ!—Быть можетъ, обыкновенный мальчикъ былъ бы потрясенъ не больше его, можетъ быть, даже не нашелъ бы этого интереснымъ. Тотъ, о комъ идетъ рѣчь, прислонилъ свой велосипедъ къ стѣнѣ, а локтями облокотился на подоконникъ и, понизивъ голосъ, спрашивалъ:—Гдѣ же она была все это время? Отчего она умерла? Что все это значитъ?—И углы его рта искривились тонкой усмѣшкой.

— Что это значитъ?—повторилъ сѣдельщикъ.—Не вамъ однимъ хотѣлось бы это знать, м-ръ Сидней, но—на всякое хотѣнье есть терпѣнье. Старый Джасперъ—тотъ знаетъ; покрайней мѣрѣ, такъ говорятъ, но я не увѣренъ. Онъ и привезъ ее домой, бѣдняга; въ понедѣльникъ пришло письмо, а во вторникъ къ ночи онъ ужъ привезъ ее домой. Никогда я этого человѣка не любилъ, м-ръ Сидней, и всегда говорилъ ему это въ глаза и буду говорить, пока живъ; но, теперь, Господи помилуй! мнѣ до смерти жалко его. Для такого человѣка, какъ онъ, это жестокій ударъ. Такая милочка была эта бѣдненькая Молли Мускъ!.. Не то чтобы я такъ ужъ дивился, какъ нѣкоторые. Человѣка съ моей опытностью не проведешь, и я никогда не довѣрялъ этимъ тихонямъ. Но все же и мое сердце обливается кровью, если не кипитъ негодованіемъ; а что касается нашего пастора, онъ тоже огорченъ не меньше другихъ—это ужъ *мнѣ* позвольте знать. Только передъ вами приходитъ сюда молодой Джимъ Кубиттъ и говоритъ: „Онъ, говоритъ, служитъ панихиду все равно, какъ вѣнчаетъ“. А я ему:—„Тебя изъ хора-то выставили, вотъ ты и злишься на его преподобіе; иначе ты не сталъ бы возмущаться, что мужчина не выказалъ себя бабой. Благодареніе Богу, есть въ приходѣ одинъ живой человѣкъ,—это я говорю,—хоть я и не охотникъ съ нимъ водиться“. Я и не вожусь, м-ръ Сидней, но, Господи помилуй, для человѣка съ моей опытностью это не составляетъ разницы. Поповскія замашки нашего пастора мнѣ не по душѣ, все равно какъ и сквайру, и я ему это въ глаза сказалъ, а онъ всетаки приноситъ мнѣ каждый день „Standard“, послѣ того какъ самъ прочтетъ. Найдите-ка другого священника, который бы такъ поступалъ со своимъ же прихожаниномъ, идущимъ противъ него? Не найдете! Сдѣлалъ ли бы это преподобный Престонъ въ Линквортѣ? Или преподобный Скронъ въ Бёртонъ Мильсѣ? Или каноникъ Уайльдерсъ или кто другой изъ ихъ братьи? Нѣтъ, нѣтъ, сэръ, ни одинъ!

— Но если самъ онъ не читаетъ газетъ, это еще немно-

гаго стоитъ,—возразилъ юноша, кладя руку на три не распечатанныхъ номера газеты съ именемъ пастора на бандероли.

— Къ тому-то я и велъ,—воскликнулъ сѣдельщикъ,—но со мной всегда такъ: какъ заговорю о нашемъ пасторѣ, такъ языкъ и пойдетъ вилять. Говорятъ: ему все одно, что свадьба, что похороны; онъ не чувствуетъ. А я говорю: чувствуетъ, и знаю, что говорю. Всю эту недѣлю онъ не присылалъ мнѣ Standard'a; вотъ я нынче утромъ набрался храбрости, да и пошелъ къ нему, а онъ и даетъ мнѣ всѣ шесть номеровъ нераспечатанными. „Ваше преподобіе—говорю,—вы, должно быть, нездоровы; тутъ египетскій вопросъ назрѣлъ, кажись-бы есть о чемъ покалякать—мы вѣдь съ нимъ, съ пасторомъ-то, завзятые политики—а вы и въ газету не взглянете". А онъ только головою качаетъ. „Нѣтъ, говоритъ, Фуллеръ, я не болѣнъ, а только довольно у насъ трагедій и въ приходѣ, чтобы еще искать ихъ въ газетахъ. И разсуждать о политикѣ у меня пропала охота—даже съ вами". Вотъ вы и понимайте, чувствуетъ онъ или нѣтъ.

Мальчикъ все время терпѣливо слушалъ, выводя узоры на подоконникѣ шорнымъ рѣзцомъ: теперь онъ поднялъ на сѣдельщика свои смѣлые темные глаза и спросилъ въ упоръ:

— Вы все говорите о трагедіи, а не говорите въ чемъ заключается трагедія. Что убило эту дѣвушку?

— Такому молодому барину, какъ вы, не слѣдовало бы о томъ и разсказывать—хотя, знаете, по всей деревнѣ ни о чемъ другомъ и не говорятъ.

— Быть можетъ,—загадочно улыбаясь, замѣтилъ юноша,—я не такъ невиненъ, какъ бы мнѣ слѣдовало быть. Ну, говорите же, выкладывайте!

— Ну такъ вотъ, изволите ли видѣть, дѣвчонку-то привезли домой передъ тѣмъ, какъ ей родить; ну она и умерла на другой день отъ родовъ.

Мальчикъ смотрѣлъ на шорника прищуренными глазами, въ которыхъ поблескивалъ хитрый огонекъ, и по угламъ его рта опять зазмѣилась усмѣшка.

— Отъ родовъ—вотъ оно что! Такъ вотъ почему она скрылась, эта Молли-Мускъ!

II

Отецъ.

Джасперъ Мускъ оставался еще нѣсколько минутъ у могилы, одинъ, болѣе чѣмъ когда либо служа мишенью для любопытныхъ взоровъ; глаза его были устремлены вверхъ, губы шевелились; трудно было ошибиться въ значеніи про-

износимыхъ имъ словъ, но еще труднѣе—допустить это въ его устахъ. Что Джасперъ невѣрующій,—знали всѣ, и поднятое къ небу лицо его не было лицомъ человѣка молящагося. То былъ камень, облитый желчью, слишкомъ горькой для вѣры, слишкомъ дикой для горя, застывшее море морщинъ, безъ единой полоски ряби, которая говорила бы о волненіи. Но губы шевелились, шевелились и тогда, когда онъ проходилъ сквозь толпу, собравшуюся у воротъ, прямой, не смотря на свою хромоту, съ блескомъ въ глазахъ—но и только.

Какъ въ церкви толпа ждала его и раздвинулась передъ нимъ, такъ и здѣсь его дождались и пропустили впередъ. Такимъ образомъ, когда Мускъ заковылялъ по дорогѣ, онъ нашелъ деревню почти что пустой. Онъ повернулъ направо; западный вѣтеръ дулъ ему въ лицо, сильный и теплый, нагоняя облако за облакомъ желтой пыли; надъ головою его, въ вышинѣ плыли другія разорванныя бѣлыя облака, цѣлая флотилія бѣлыхъ парусовъ на синемъ фонѣ. Но Мускъ уже не смотрѣлъ на небо, не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво; налегая на палку, онъ шагалъ какъ разъ посерединѣ дороги. Такъ онъ прошелъ, не глядя, мимо лавки шорника, мимо поворота въ лѣсокъ, которымъ шла дорога въ Линквортъ, съ бѣлымъ мостомъ, сверкавшимъ между деревьями, съ моремъ уже желтѣющихъ листьевъ, волнуемымъ вѣтромъ и шептавшимъ, какъ лѣтній прибой. Все это осталось позади налѣво, а направо калитка ректорскаго дома, которою оканчивалась каменная ограда, послужившая убѣжищемъ для дѣтей. Пасторатъ, церковь и церковная земля составляли одно цѣлое, нераздѣльную троицу; съ сѣвера и востока мѣстность была высокая, открытая. На западъ шли коттэджи, крытые черепицей, выкрашенные въ свѣтло-желтую краску; коттэджи тянулись на полмили, но не подрядъ, а раздѣленные довольно большими пространствами, тамъ лужкомъ, здѣсь полемъ пшеницы. Въ Лонгстоу каждый хозяинъ владѣетъ, кромѣ дома, и участкомъ земли; во всей восточной Англіи не найти болѣе независимаго прихода. Однако-жъ собственныхъ домовъ, не коттэджей, въ деревнѣ было всего только три—на одномъ концѣ пасторатъ, на другомъ—помѣщичья усадьба и Флинтгоузъ на полпути между обоими.

Флинтгоузъ принадлежалъ теперь Джасперу Муску. Говорили, что старикъ заплатилъ за него, вмѣстѣ съ лугомъ налѣво и запущеннымъ садомъ, доходившимъ до рѣки, чистоганомъ девятьсотъ фунтовъ. Вначалѣ эта усадьба входила въ составъ владѣній Лонгстоунскаго сквайра и, вмѣстѣ съ добрымъ кускомъ земли, много лѣтъ подрядъ отдавалась

въ аренду лондонскимъ спортсменамъ, проводившимъ здѣсь два мѣсяца въ году изъ двѣнадцати. Мускъ былъ управляющимъ этихъ спортсменовъ и съумѣлъ такъ хорошо опушить свое гнѣздо, что, когда все имѣніе, въ томъ числѣ и Флинтгоузъ перешло въ другія руки, эксъ-управляющій оказался въ состояніи пріобрѣсти домъ и землю, для новаго хозяина безполезную. Всѣ дивились, какъ онъ могъ честнымъ трудомъ накопить столько денегъ; положимъ, честности онъ былъ испытанной, но нравомъ крутъ и суровъ, а о такихъ людяхъ за глаза обыкновенно говорятъ дурно. Болѣе естественно было бы дивиться тому, что онъ потратилъ свои деньги на домъ, въ сущности, совершенно для такого человѣка не подходящій, и, вдобавокъ, прескверный домъ. Онъ торчалъ прямо на дорогѣ, словно вылѣзшій изъ канавы бродяга, мрачный, безобразный, съ фальшивыми окнами, походившими на бѣльма, съ такой острой гранью на каменныхъ стѣнахъ, что толкнуться объ стѣну этого дома значило изорвать въ клочья рукавъ. Въ немъ было множество комнатъ, затхлыхъ и полныхъ мышей, и теперь въ цѣломъ домѣ старики остались только вдвоемъ. Мускъ выгналъ изъ дому всѣхъ сыновей и тѣмъ, самъ того не вѣдая, оказалъ услугу странѣ, ибо это были какъ разъ такіе молодцы, кровью которыхъ крѣпится имперія. Но дочь у него была только одна, и вотъ теперь онъ закопалъ её въ землю и порѣшилъ забыть и думать о ней.

Но рѣшить было легче, чѣмъ выполнить: уже на порогѣ слухъ его оскорбилъ пронзительный дѣтскій крикъ. А въ гостиной ходила изъ угла въ уголъ его жена, кроткая, плоскогрудая, съ потухшими глазами, не слишкомъ убитая;—онъ былъ чрезчуръ жестоко оскорбленъ, она слишкомъ измучена, чтобы сильно чувствовать горе;—въ тощихъ рукахъ она укачивала всего четыре дня тому назадъ родившагося ребенка.

Мускъ загородилъ ей дорогу.

— Будетъ тебѣ ходить!

— Онъ опять проснется,—вздохнула м-рсъ Мускъ, но тѣмъ не менѣе повиновалась.

— Все равно. Пусть перекричится хоть до смерти—и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Подыми-ка его чуточку. Вотъ такъ. Я хочу посмотрѣть на это пакостное отродье—на кого оно похоже.

— Какъ есть бѣдняжка Молли,—всхлипнула старуха, и слезы, которыхъ она не умѣла ни удержать, ни скрыть, покатились по ея впалымъ щекамъ.

Мускъ стукнулъ палкой объ полъ.

— Молли? Молли? Ты опять повторяешь мнѣ это имя! Не

сказалъ ли я тебѣ разъ навсегда, чтобы ты, пока жива, не смѣла произносить его, ни при мнѣ, ни у меня за спиной. Изволь позабыть его и не смѣй врать. Онъ столько же похожъ на нее, какъ и на тебя. Но на кого то онъ похожъ— только на кого, хоть убей, не придумаю. Погоди немножко. Дай срокъ. Я припомню—припомню!

Но тоненькій дѣтскій голосокъ продолжалъ заливаться пронзительнымъ плачемъ, пока маленькое красное личико не посинѣло и не сморщилось до того, что утратило почти всякое человѣческое подобіе; тогда только Мускъ прекратилъ свой безплодный осмотръ и сдѣлалъ знакъ женѣ, чтобъ она опять поносила ребенка, но самъ остался въ комнатѣ. И здѣсь онъ стоялъ, опираясь на палку, какъ давеча на похоронахъ, но дома онъ не снималъ шляпы и изъ подъ широкихъ полей ея слѣдилъ за ходившей изъ угла въ уголъ женой мрачными, сверкающими изподлобья глазами.

— Знаешь-ли, что я поклялся сдѣлать?—выговорилъ онъ наконецъ.—Знаешь-ли, какую клятву я далъ себѣ тамъ, у раскрытой могилы, когда вся эта глупая комедія кончилось, и этотъ іезуитъ убрался домой?

— Разумѣется, не знаю,—вздохнула м-рсъ Мускъ, замедляя шагъ, благо ребенокъ уснулъ у ея изсохшей груди.

— Стоя тамъ, я клялся, что отыщу соблазнителя. И еще поклялся, что, когда отыщу, вырву у него сердце изъ груди. И я сдѣлаю и то, и другое!

Онъ выкрикнулъ это такимъ громовымъ голосомъ, что старуха вся затрепетала, а ребенокъ снова заплакалъ. Вслѣдъ затѣмъ половицы затряслись подъ тяжелой пятой и однимъ прыжкомъ, заплативъ за это усиліе острой болью, мужъ очутился возлѣ жены; голосъ его загремѣлъ надъ самымъ ея ухомъ, и сильная рука легла на худенькое плечо, приковавъ ее къ мѣсту.

— *Ты* знаешь, кто онъ? Ой, сдается мнѣ, что ты знаешь!

— Не знаю, право-же не знаю.

— Она не говорила тебѣ?

— Богу извѣстно, не говорила.

— Или кому другому?

— Не знаю.

— Но ты думаешь—думаешь это? Я вижу по твоему лицу. Кому, ты думаешь, она открылась? Будь это мужчина или женщина, я выпытаю у него имя. Ужъ я съумѣю выжать изъ него правду!

Вмѣсто отвѣта, женщина въ рыданіяхъ повалилась на волосяной диванъ, раскачиваясь вмѣстѣ съ ребенкомъ; лицо ея было искажено страхомъ и горемъ.

— Ты разсердишься на меня,—стонала она;—ты прямо обезумѣешь отъ злости!

— О нѣтъ, не бойся!—увѣрялъ Мускъ болѣе мягкимъ тономъ.—Я не такъ уже золъ, хотя такая исторія и можетъ свести человѣка съ ума. Говори, старая, и не бойся—я не трону тебя.

— О, Джасперъ, это было, когда ты ѣздилъ въ Лекенхолль за докторомъ—въ послѣдній разъ.

— Ну?

— Она знала, что конецъ близокъ, бѣдняжка!

— Что же она сказала?

— Что она умерла-бы счастливою, еслибъ она только могла поговорить—еслибъ я послала...

— Неужто за Карльтономъ?

Женщина въ страхѣ и отчаяніи могла отвѣтить только кивкомъ головы.

— И ты послала за этимъ человѣкомъ, какъ только я повернулъ спину?

— О, я знала, что ты разсвирѣпешь,—я знала!—я знала!

Мускъ усиліемъ воли сдержалъ себя.

— Нѣтъ... Ничего. Не бойся. Я только узнаю отъ него это имя; вѣдь онъ еще не принадлежитъ къ римской церкви. Говори дальше. Ну!

— Я пошла сама. Никто не знаетъ. Она оставалась одна, пока я ходила.

— И ты привела его съ собой?

— Онъ пришелъ первымъ. Онъ бѣжалъ всю дорогу.

— Боялся, какъ бы я не засталъ его. Іезуитъ! И долго онъ съ нею пробылъ?

— Не долго, Джасперъ, право, не долго.

— И ты ничего не слыхала?

— Ни единаго слова. Я оставалась внизу. Она заставила меня пообѣщать это, прежде чѣмъ я ушла. Она говорила, что ей надо сказать м-ру Карльтону что-такое, чего никто другой не долженъ знать.

— Но узнаетъ еще одинъ человѣкъ!—свирѣпо усмѣхнулся Джасперъ.—Она назвала ему имя—можешь быть увѣрена; тебѣ слѣдовало подслушать у дверей. Ну да все равно. Не пройдетъ и получаса, какъ еще кто-то узнаетъ это имя!

И каменное лицо расплылось въ широкую безобразную усмѣшку, но женщина почуяла недоброе. Быстрѣе мысли она очутилась на ногахъ, а ребенокъ на диванѣ. Вся дрожа отъ испуга, она заступила дорогу мужу.

— Джасперъ! Ты не пойдешь въ пасторатъ?

— Конечно, пойду—сію же минуту!

— О, Джасперъ!

— Пусти меня.

— Но я обѣщала, что ты никогда не узнаешь. Ты заставилъ меня нарушить торжественное обѣщаніе, данное умирающей. Онъ узнаетъ, что я не сдержала слова.

— Да, онъ узнаетъ отъ меня кой-что такое, чего онъ до сихъ поръ не зналъ. Пустишь ты меня или нѣтъ?

— *Она* тоже узнаетъ—тамъ—гдѣ она теперь!..

— Ой, лучше не задерживай меня!

— Джасперъ! Джасперъ! Я обѣщала ей на ея смертномъ одрѣ...

— Прочь съ дороги!

III.

Признаніе.

Кабинетъ ректора помѣщался въ нижнемъ этажѣ, выходящемъ окнами на югъ. Это была длинная, но узкая комната, и такая низкая, что теперешній ея хозяинъ, росту шести футовъ съ двумя вершками, благодаря постоянному инстинктивному страху удариться лбомъ о старинныя балки, перерѣзывавшія потолокъ, и въ то-же время давно усвоенной привычкѣ ходить по комнатѣ, сталъ горбиться и нажилъ себѣ сутулость. Въ комнатѣ были двѣ двери; одна вела въ садъ,—черезъ нее въ любой моментъ могъ войти кто-угодно изъ прихожанъ, не заставшій ректора въ церкви;—другая во внутренній коридоръ. Обѣ двери были дубовыя, незапамятной древности, и обѣ, подобно старинной рѣшеткѣ вокругъ письменнаго стола, трещали и скрипѣли при малѣйшемъ вѣтрѣ. Такова была комната, служившая убѣжищемъ Роберту Карльтону, когда непогодь или люди удерживали его внутри дома. Ветхая, плохо освѣщенная, съ вѣчными сквозняками, когда двери были не закрыты, она все же была довольно сносной берлогой, и даже живописной, не смотря на своего обитателя.

Обстановка, которою люди произвольно окружаютъ себя, прекрасный ключъ къ поверхностному опредѣленію человѣка, но не даетъ истиннаго ключа къ пониманію его личности. Судя по обстановкѣ м-ра Карльтона, можно было предположить, что онъ лишенъ всякаго эстетическаго чувства. А между тѣмъ это чувство было присуще ему въ самой высокой степени; только оно находило себѣ выраженіе въ другомъ мѣстѣ. Подобно многимъ ритуалистамъ, Карльтонъ былъ эстетъ въ религіи; невозможно было быть требовательнѣе его въ церкви и во время церковной службы, но личная жизнь его, по примѣру его излюбленныхъ авторитетовъ въ лонѣ

обѣихъ церквей, была обставлена съ суровой простотой. Почти вся его мебель была куплена изъ вторыхъ рукъ: и обтянутыя проволокой полки, и книги на нихъ, и дубовая скамья, и огромное кресло, заваленное всякимъ хламомъ. Здѣсь же стояли двѣ обитыя байкой скамьи для слушателей различныхъ лекцій, которыя читалъ ректоръ; въ единственномъ чисто убранномъ углу комнаты помѣщался налой, обращенный къ востоку. На стѣнахъ всего три картины: Святое Семейство и св. Себастіанъ, Гвидо Рени, обыкновенныя гравюры въ оксфордскихъ рамкахъ, воспоминаніе о поѣздкѣ на богомолье въ Римъ,—и старинная картинка, изображающая игру въ крокетъ, выцвѣтшая отъ времени и засиженная мухами, за давнимъ отсутствіемъ стекла. Была здѣсь еще пара жестяныхъ щитовъ съ геральдическими девизами школы и Оксфордской коллегіи, гдѣ учился Робертъ Карльтонъ; надъ налоемъ висѣло распятіе. Внимательному наблюдателю бросились бы въ глаза изъ книгъ—два тома „*Строительнаго Искусства*", лежавшіе на дубовой скамьѣ, вмѣстѣ съ истрепаннымъ экземпляромъ Паркерова „*Введенія къ готической архитектурѣ*"; и среди хлама, наваленнаго на креслѣ, сѣкачъ и каменьщичья лопатка. Въ кабинетѣ пахло, но не противно, травами.

Джасперъ Мускъ, войдя въ открытую рѣшетчатую калитку, увидалъ въ окно пастора поспѣшно подымающимся съ колѣнъ, не у налоя, но возлѣ письменнаго стола, на которомъ лежала раскрытая толстая книга. Когда его впустили минуту спустя, книга была прикрыта газетой.

Онъ вошелъ тяжелой неровной поступью, остановился у порога и началъ съ того, что торжественно и чопорно отклонилъ предложеніе сѣсть.

— Нѣтъ, благодарствуйте, м-ръ Карльтонъ. Я никогда не бывалъ здѣсь раньше—при васъ—и по всей вѣроятности никогда больше не буду. Я пришелъ теперь только затѣмъ, чтобы предложить вамъ одинъ вопросъ—и отплатить учтивостью за учтивость!

Глаза гостя сверкнули при видѣ складокъ, легшихъ на лбу м-ра Карльтона, такомъ бѣломъ въ сравненіи съ остальнымъ лицомъ; впрочемъ, сейчасъ этотъ контрастъ былъ не очень замѣтенъ.

— Какъ я слышу,—пояснилъ Мускъ, — вы оказали мнѣ любезность придти ко мнѣ въ домъ, въ то время какъ я былъ въ отсутствіи.

— И вы только теперь узнали объ этомъ?

— Десять минутъ тому назадъ и пошелъ прямо сюда. Вы поймете, что безъ дѣла я не пришелъ бы, разъ до сихъ поръ нога моя не переступала вашего порога. Я не сторон-

никъ вашъ, м-ръ Карльтонъ, и не я одинъ. Правда, я человѣкъ не религіозный и никогда имъ не былъ, но если бы и былъ, то выбралъ бы не вашу религію. Нѣтъ, сэръ; если мнѣ придетъ охота посмотрѣть елку въ церкви, я поѣду въ Римъ и конецъ. И вамъ бы лучше отправиться туда, м-ръ Карльтонъ, прежде чѣмъ добиваться, чтобы женщины исповѣдывались вамъ въ своихъ грѣхахъ, словно самому всемогущему Богу!

М-ръ Карльтонъ отнесся совершенно спокойно къ этой неожиданной критикѣ; онъ даже вздохнулъ съ облегченіемъ и нервно вздрагивавшимъ пальцемъ разгладилъ въ обѣ стороны темно-каштановые усы.

— Какъ бы я самъ ни смотрѣлъ на это, — возразилъ онъ,—я никогда не проповѣдывалъ тайной исповѣди. Я говорилъ только, чтобы въ трудныя минуты, въ сомнѣніи, бѣдѣ или напасти желающіе приходили ко мнѣ, и я, съ Божьей помощью, постараюсь помочь имъ, насколько это будетъ въ моей власти.

— Въ бѣдѣ!—презрительно повторилъ Мускъ.—Я знаю одну, которая, можетъ быть, и не попала бы въ бѣду, еслибъ не слушала васъ! Это-то и привело меня сюда. Довольно ходить вокругъ да около. Жена сказала мнѣ, что ходила за вами давеча ночью. Я не осуждаю васъ за то, что вы исполнили ея просьбу; такъ далеко я не иду. Я хочу знать—и не уйду, пока не узнаю,—вотъ что: призналась вамъ молодая женщина, которая лежитъ тамъ,—онъ указалъ кулакомъ въ сторону кладбища—или не призналась?

— Призналась въ чемъ?

Голосъ ректора звучалъ холодно и принужденно, какъ тогда на краю могилы; но бѣлый лобъ блестѣлъ, какъ у мертваго.

— Въ томъ, кто отецъ ребенка!

Карльтонъ взялъ съ конторки разрѣзной ножикъ слоновой кости, и тонкое лезвіе переломилось надвое въ его пальцахъ. Наступила пауза. Мускъ стоялъ, словно высѣченный изъ гранита, съ палкой и шляпой въ рукѣ, изподлобья глядя на ректора, сидѣвшаго за письменнымъ столомъ. Наконецъ священникъ поднялъ глаза.

— Я могъ бы сказать, м-ръ Мускъ, что такого вопроса вы не имѣете права мнѣ предлагать; и ужъ конечно, еслибы рѣчь шла объ исповѣди, я не имѣлъ бы права отвѣтить вамъ. Но исповѣди никакой не было. Ваша дочь послала за мной, чтобы поговорить со мной, и мы говорили; но она не называла мнѣ имени этого негодяя.

— Но вы его знаете!

— Какъ вы смѣете говорить это?—вскричалъ Карльтонъ,

и на мигъ блѣдность на его щекахъ смѣнилась краской гнѣва.

— Я вижу это по вашему лицу, и я добьюсь правды; я вырву у васъ это имя!—въ внезапномъ приливѣ ярости загремѣлъ Мускъ, стуча палкой объ полъ,—еслибы даже вмѣстѣ съ нимъ мнѣ пришлось вырвать вашъ лживый языкъ! Вы такъ мѣрно и плавно читали псалмы надъ убитой дѣвушкой, все время зная, кто ея убійца, и думали сохранить это при себѣ! Ну нѣтъ! нѣтъ! Это вамъ не удастся, хотя бы мнѣ пришлось простоять здѣсь до полуночи. Вы знаете! знаете! Попробуйте отрицать это, если смѣете!

— Я ничего не стану отрицать,—возразилъ ректоръ.— Нѣтъ, я ничего не стану отрицать,—повторилъ онъ, словно про себя.—Но подумайте минуту, м-ръ Мускъ; умоляю васъ спокойно подумать одну минутку! Предположимъ, что я могъ бы сказать вамъ то, что вы спрашиваете, могло-ли бы это пойти вамъ на пользу?

— На пользу! Конечно, могло-бы. Вы знаете, что могло бы. Я могъ бы убить человѣка, который убилъ мою дочь—и убью его—а тамъ пусть меня повѣсятъ, коли имъ угодно. Вотъ такъ чудесный конецъ! Какъ же не на пользу!

— Если такъ, мнѣ ли ставить искушеніе на вашемъ пути? Мое ли дѣло испортить жизнь, если не прекратить ее вовсе? Почемъ вы знаете, м-ръ Мускъ, можетъ быть во всѣхъ другихъ отношеніяхъ это жизнь честная и полезная; быть можетъ, человѣкъ этотъ пользуется доброй славой. Нѣтъ, больше!—воскликнулъ м-ръ Карльтонъ, словно вдругъ разсердившись на себя самого за излишнюю сдержанность,—я пойду дальше: я скажу, что его жизнь и была такой—честной, полезной, уважаемой. И человѣкъ этотъ сдѣлалъ бы все, что велитъ ему долгъ—загладилъ бы всѣмъ...

Онъ вдругъ застоналъ, вспомнивъ, что заглаживать ужъ поздно, и этимъ стономъ оборвалась его защитительная рѣчь, которой Мускъ не слыхалъ; съ него довольно было одной первой фразы; широкое лицо его сіяло удовольствіемъ при мысли, что онъ кое чего ужъ добился и побѣда близка.

— Ну вотъ, такъ то лучше! Такъ вы знаете, кто это, и признаетесь въ этомъ, какъ мужчина. Я всегда считалъ васъ мужчиной, сэръ, хотя особенной пріязни между нами и не было, и я вамъ скажу—мнѣ теперь жалко, что я давеча такъ рѣзко говорилъ съ вами, м-ръ Карльтонъ. Дѣло въ томъ, что я схватился за палку не съ того конца—теперь я это вижу. Это *онъ* признался вамъ,—*онъ* самъ. Сэръ, если вы христіанинъ и джентльменъ, какимъ я васъ считаю, и если это ваше христіанство не одно только ханжество и обманъ, вы скажете мнѣ имя этого человѣка. Самъ я не могу при-

помнить ни одного, на кого бы она хоть взглянула ласково—кромѣ развѣ молодого Меллиса.

— Нѣтъ, нѣтъ; Богъ свидѣтель, бѣдный Джорджъ ни въ чемъ неповиненъ!

— Надо такъ думать, судя по всему, что я слышу. Говорятъ, онъ носитъ за вами крестъ по воскресеньямъ—но я не хочу больше говорить объ этомъ. Если онъ ваша правая рука въ приходѣ—а сказываютъ, что такъ—я надѣюсь, что онъ, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ бы открыто.

Вѣтеръ, ворвавшійся въ растворенное окно, сдвинулъ было газету съ раскрытой на столѣ книги, но пасторъ поспѣшилъ придержать ее рукой. Такъ эта рука и осталась на столѣ. А его скорбные глаза не отрывались отъ руки.

— Такъ что я разъ только подумалъ на Джорджа Меллиса, да больше и не сталъ. Это все равно, что подозрѣвать васъ самихъ, сэръ. Но въ такомъ случаѣ кто же это можетъ быть?

М-ръ Карльтонъ вскочилъ на ноги, бѣлый, какъ полотно его воротничка; все лицо его ходуномъ ходило отъ нервной дрожи.

— Вы хотите знать?

— Я рѣшилъ, что узнаю, и узнаю.

— И—убьете его!—да!

— Надо полагать, что близко къ тому.

— Нѣтъ ужъ, дѣлать—такъ сразу, а не наполовину!—вскричалъ Карльтонъ страннымъ высокимъ голосомъ.—Убейте его теперь-же, сейчасъ!—Руки его повисли, какъ плети, голова упала на грудь; тяжко согрѣшившій передъ Богомъ и человѣкомъ, но не рожденный лицемѣромъ, онъ стоялъ неподвижно, беззащитный, презрѣнный, самъ себя погубившій.

Проходили секунды, минуты; въ ректорскомъ кабинетѣ не слышно было иного звука, кромѣ скрипа внутренней двери, да голосовъ, доносившихся черезъ садъ съ улицы. Мало-по-малу до слуха Роберта Карльтона донеслось частое тяжелое дыханіе, но самъ онъ заговорилъ первый, откинувъ голову назадъ въ порывѣ внезапнаго отчаянія.

— Что же вы медлите?—крикнулъ онъ. Палка при васъ; бейте-же, бейте!

Прошелъ, казалось, часъ, пока онъ дождался отвѣта. Голосъ Джаспера Муска было трудно узнать, такъ онъ сталъ тихъ и спокоенъ, но въ этихъ низкихъ медлительныхъ звукахъ была такая же напряженная неукротимая ненависть, какъ и въ неподвижномъ пристальномъ взорѣ его свѣтлыхъ глазъ и во всемъ массивномъ лицѣ, недвижномъ, сине-багровомъ отъ короткой стальной бороды до густыхъ серебристыхъ волосъ.

— О да, я ударю!—прошипѣлъ Мускъ.—Я ударю! ударю!— И онъ казнилъ виновнаго взглядомъ до тѣхъ поръ, пока глаза ректора снова не опустились и онъ не упалъ, обезсиленный, въ кресло, руками на столъ и головой на руки.—Но я ударю по своему—и тогда, когда найду нужнымъ. Сначала вы немножко помучьтесь—узнайте, что значитъ страдать—отвѣдайте ада на землѣ, на случай, если нѣтъ ада для такихъ убійцъ на томъ свѣтѣ! Какъ бы я желалъ, чтобъ вы могли видѣть себя теперь! Какъ бы я желалъ, чтобъ ваша драгоцѣнная паства могла увидѣть васъ—и увидить, увидитъ! Гробъ повапленный... грязный лицемѣръ... живая ложь!

Тщательно выбираемые, съ долгими промежутками, съ отбрасываніемъ худшихъ словъ, которыя просились на языкъ,—слишкомъ сильныхъ, чтобы уязвить—эти взвѣшенные эпитеты впивались, какъ стрѣлы, въ сердце, которое потокъ необузданной брани только оглушилъ бы, или убилъ сразу Карльтонъ скрылъ свое лицо, но не могъ скрыть дрожи, пробѣгавшей по его тѣлу. А Мускъ, кивая головой, съ дикимъ самодовольствомъ продолжалъ:

— Собственно говоря, нечему бы мнѣ тутъ и дивиться; отъ переодѣтаго іезуита чего иного и ждать! одно только удивительно, какъ я не заподозрилъ васъ съ самаго начала. Я никогда не выставлялъ себя особенно добрымъ и снисходительнымъ, но къ вамъ—грѣшный человѣкъ—я былъ черезчуръ снисходителенъ. Какого бы мнѣнія я ни былъ о васъ и вашихъ затѣяхъ, худого я не думалъ, нѣтъ! Я могъ издѣваться, могъ злиться, но *такое* подумать—нѣтъ! для этого моя душа была не настолько грязна. Господи! какъ у меня хватаетъ силы не избить васъ на смерть этой палкой, когда я вспомню про ваши спѣвки, обученіе игрѣ на органѣ, про сомѣстное чтеніе Библіи, про Христіанское Общество Молодыхъ Женщинъ. Вѣдь недурно звучитъ?—а? Христіанское Общество Молодыхъ Женщинъ! Теперь мы знаемъ, что это значитъ; теперь мы знаемъ, что это за штука ваша церковь, попы, религія и т. под.—помойная яма, скопище беззаконій, шайка сопливыхъ, слезливыхъ, развратныхъ...

— Стойте!—вскричалъ Карльтонъ, овладѣвъ, наконецъ, собой и вскочивъ на ноги, чтобы усилить впечатлѣніе своихъ словъ.—Говорите, что хотите, обо мнѣ; дѣлайте, что хотите, со мной. Для меня ничего не можетъ быть слишкомъ обидно—я заслужилъ худшее. Но оскорблять мою церковь—при мнѣ—я вамъ не позволю!

— Его церковь!—издѣвался Мускъ.—Вы такъ много сдѣлали, чтобы внушить мнѣ уваженіе къ ней, не правда ли? Богъ мой, да какъ у васъ хватаетъ совѣсти смотрѣть мнѣ въ глаза, какъ-будто я неправъ, а не вы? Знаете ли вы,

что вы сдѣлали, *въ чемъ* сознались? Вы убили мою дѣвочку—все равно какъ еслибы взяли и перерѣзали ей горло ножемъ—знаете вы это? Хуже того, вы убили ея тѣло и душу—вы, распускающіе нюни, говоря о душѣ! И вы можете стоять здѣсь и визжать: „не позволю оскорблять мою церковь“ и это все, что вы можете сказать въ свое оправданіе—отцу дѣвушки, которую вы погубили, довели до могилы?

— Это все, что я имѣю сказать вамъ, м-ръ Мускъ. Я не оскорблю васъ просьбой о прощеніи, ни тѣмъ болѣе попыткой найти для себя хотя бы тѣнь оправданія; для меня оправданія быть не можетъ, точно такъ же, какъ и простить меня вы не можете, ни вы, ни ваша жена; и вообще я не жду пощады отъ людей, ни въ этомъ приходѣ, ни въ этомъ мірѣ. Ступайте разносить новость, губите меня въ свой чередъ; я заслужилъ это и снесу безропотно.

— Не такъ скоро, не извольте такъ спѣшить! Такъ вы думаете, что я пойду разносить интересную новость? Вы полагаете, для меня такая честь, что дочка связалась съ его преподобіемъ? Съ вашего позволенія, м-ръ Карльтонъ, я эту самую новость буду держать при себѣ, пока не выжму изъ нея всего, что мнѣ нужно.

— Придумывайте какія хотите утонченныя наказанія. Ничто не можетъ быть для меня слишкомъ жестоко—или слишкомъ много!..

Джасперъ Мускъ надѣлъ шляпу, но, прежде чѣмъ выйти, подошелъ вплотную къ священнику.

— Я хотѣлъ бы знать васъ лучше, чѣмъ я знаю,—проскрипѣлъ онъ сквозь зубы.—Я жалѣю теперь, что я не дружилъ съ вами, какъ женщины, вмѣсто того, чтобы держаться настороже. Сказать вамъ, почему? Потому что я тогда зналъ бы, гдѣ васъ можно всего больнѣе уязвить,—прошипѣлъ Мускъ, какъ змѣя,—куда васъ всего лучше ударить!

Карльтонъ немного выпрямилъ станъ: злоба его врага пробудила въ немъ остатки самоуваженія.

— Я жалѣю, что не ходилъ въ церковь, какъ другіе,—продолжалъ Мускъ;—впрочемъ, никогда не поздно исправиться! Можетъ быть я приду завтра послушать, какъ вы будете проповѣдывать; можетъ быть и самъ вставлю словечко,—а можетъ и нѣтъ. Узнаете, когда придетъ время, не раньше.

Карльтонъ въ первый разъ оробѣлъ при этой угрозѣ, и его очевидный испугъ словно опьянилъ его мучителя. Схвативъ его за плечо, какъ давеча жену, Джасперъ Мускъ облапилъ его, какъ дикій звѣрь и, придвинувъ свое огромное лицо почти вплотную къ лицу несчастнаго священника, осыпалъ его площадной бранью, самыми грубыми оскорбленіями,

самыми невозможными богохульствами, пока у него не захватило дыханія. Вся грязь, всѣ гадости, какихъ онъ наслушался за шестьдесятъ лѣтъ своей жизни и какія могъ припомнить за вдвое меньшее количество секундъ, брызнули изъ него теперь потокомъ невообразимаго сквернословія; слова, какихъ онъ никогда не произносилъ на своемъ вѣку, теперь, обгоняя другъ друга, срывались съ его устъ и продолжали звенѣть въ больной головѣ Роберта Карльтона даже и послѣ того, какъ онъ пришелъ въ себя и убѣдился, что онъ одинъ.

Первое его ощущеніе было ощущеніемъ нестерпимаго отвращенія, физической тошноты. Всѣ внутренности его болѣли, словно вывернутыя на изнанку. Онъ тяжело повалился на открытый шкафъ съ книгами, ухватившись рукой за одну изъ верхнихъ полокъ, и прижался лицомъ къ рукаву. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вся тяжесть его тѣла лежала на этой рукѣ; потомъ онъ открылъ глаза и вниманіе его привлекли заглавія книгъ. Ни одно изъ нихъ не было ему понятно, но всѣ знакомы, и эта знакомость приводила его въ изступленіе. Онъ таращилъ глаза то на одну стѣну, то на другую, полный сомнѣній, всегдашнихъ жестокихъ спутниковъ пережитой сверхъестественной муки. Да ужъ полно, было ли это на самомъ дѣлѣ? Комната совсѣмъ не измѣнилась, отъ немногихъ картинъ на стѣнахъ до массы предметовъ, наваленныхъ на креслѣ! Все такое милое, знакомое, успокаивающее, и нигдѣ никакихъ видимыхъ слѣдовъ Муска! Да ужъ полно, былъ ли онъ здѣсь?

Значитъ, былъ, коли уходитъ! Вдали скрипнула калитка и съ шумомъ захлопнулась; слухъ Карльтона уловилъ этотъ звукъ, но онъ не сразу дошелъ до сознанія. Теперь онъ разслышалъ и другой звукъ, который съ перерывами раздавался все это время, но котораго онъ до сихъ поръ не замѣчалъ, — шорохъ газеты, которою шелестилъ вѣтеръ, словно шутки ради то врывавшійся въ отворенную дверь, то вылетавшій въ открытое окно. Карльтонъ мысленно вернулся къ тому, что было полчаса назадъ—въ эти полчаса онъ пережилъ цѣлую жизнь—и вспомнилъ, какъ налетѣвшій вѣтеръ зашуршалъ газетой, чуть не сбросилъ ея и какъ онъ поспѣшилъ придержать ее рукой—послѣднее событіе минувшей эры его существованія—послѣднее движеніе Роберта Карльтона—лицемѣра!

Какая же опасность побудила его въ послѣдній разъ пустить въ ходъ свою осторожность и хитрость? Для него было новой ироніей судьбы неожиданное открытіе, что эта опасность существовала главнымъ образомъ въ его преступномъ воображеніи: когда онъ снялъ газету, подъ ней не ока-

залось ничего инкриминирующаго, кромѣ метрической книги, куда вносили умершихъ, съ недоконченной записью, начатой его же рукой, съ чернильнымъ кляксомъ на мѣстѣ имени и какими-то бѣлыми кружками внизу страницы. Но передъ этой-то страницей Карльтонъ и стоялъ на колѣняхъ часъ тому назадъ и теперь упалъ на колѣни, не у налоя, какъ бы слѣдовало для молитвы, но здѣсь же, у стола, какъ прежде.

— Отче, умилосердись надо мною! — молился онъ, — ибо отъ людей я и не заслужилъ и не жду милосердія.

IV.

Лѣтняя ночь.

Пока онъ стоялъ на колѣняхъ, событія развертывались съ поразительной и поистинѣ милосердной быстротой въ совершенно непредвидѣнной области; и настойчивый стукъ во внутреннюю дверь, прервавшій его молитву, явился въ своемъ родѣ какъ бы отвѣтомъ на нее.

Прислуги въ пасторатѣ было немного—всего одно небольшое семейство, которое пасторъ цѣликомъ взялъ къ себѣ на службу чисто изъ благотворительности. На порогѣ растворившейся двери показалась старшая представительница этого семейства, мать, вся пылающая негодованіемъ, въ своемъ чепцѣ изъ дешеваго крепа, и объявила, что она слышала все—поневолѣ должна была слушать—и что въ *такомъ* домѣ не мѣсто приличнымъ женщинамъ и честному парню—и они всѣ уйдутъ, хотя бы имъ пришлось ночевать подъ открытымъ небомъ. Парнишка уже сложилъ ихъ вещи на телѣжку, но телѣжку онъ привезетъ обратно. Они всѣ уходятъ, всѣ до единаго—лучше просить пріюта въ Лэкенхолльской богадѣльнѣ, чѣмъ оставаться хоть одинъ лишній часъ въ этомъ опозоренномъ домѣ.

М-ръ Карльтонъ, не сказавъ ни слова, вынулъ деньги и отсчиталъ каждому жалованье за мѣсяцъ впередъ помимо зажитаго. Бѣдная женщина добросовѣстно пыталась отклонить эту милость, но не устояла и по собственному желанію вернулась въ кухню, а черезъ четверть часа и въ ректорскій кабинетъ—доложить, что ужинъ на столѣ и жаркое прикрыто проволочнымъ колпачкомъ отъ мухъ.

При прощаньи она расплакалась.

— Прости вамъ Господи, сэръ! Ни за что бы я этому не повѣрила, если бы не слыхала своими ушами изъ вашихъ собственныхъ устъ!

Карльтонъ и самъ многому бы не повѣрилъ. Онъ сидѣлъ, какъ пришибленный, въ своемъ опустѣвшемъ домѣ, словно

человѣкъ, брошенный на необитаемомъ островѣ; единственнымъ острымъ его ощущеніемъ было ощущеніе внезапнаго одиночества. Такъ трудно было привыкнуть къ мысли, что объ этомъ знаютъ другіе, что нынче ночью узнаетъ весь приходъ, а черезъ недѣлю его родные, а за ними весь свѣтъ! Онъ хорошо зналъ, какія послѣдствія будетъ имѣть подобный скандалъ, когда онъ откроется—они слишкомъ часто представлялись ему въ жестокомъ кошмарѣ, томившемъ его душу всю эту недѣлю. Всего болѣе невѣроятнымъ казалось ему, что онъ самъ выдалъ себя, что даже отецъ до послѣдней минуты не подозрѣвалъ его!

При этой послѣдней мысли онъ содрогнулся отъ отвращенія къ самому себѣ.—Какимъ надо быть лицемѣромъ!.. Притомъ лицемѣромъ безсознательнымъ, по инстинкту—что хуже всего!

Вотъ онъ теперь ужинаетъ! Какъ онъ добрался до стола, онъ не помнитъ, но онъ поймалъ себя за ѣдой—и кусокъ не всталъ у него поперекъ горла и его не тошнитъ отъ стыда;—онъ презираетъ себя и все таки ѣстъ.

На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Онъ, должно быть, самъ зажегъ лампу. Вставая изъ-за стола и поднявъ ее, онъ поймалъ отраженіе своего лица въ зеркалѣ надъ каминомъ и, подойдя къ зеркалу при свѣтѣ лампы, сталъ разсматривать себя такъ внимательно, какъ никогда въ жизни раньше. Не тщеславіе говорило въ немъ; онъ изучалъ свое лицо просто изъ любопытства, съ новой и отнюдь не личной точки зрѣнія—какъ лицо чудовищнаго лицемѣра и сластолюбца.

Странная вещь человѣческая природа: онъ самъ не заподозрилъ бы человѣка съ такимъ лицомъ. Лобъ такъ широкъ и высокъ; взглядъ глубоко сидящихъ глазъ такъ твердъ и спокоенъ, и въ то же время въ немъ столько огня. Это глаза фанатика, не духовидца: выпуклости надъ надбровными дугами говорятъ объ умѣ и интеллигентности. Но признаковъ дурныхъ инстинктовъ—если вы имѣете дѣло не съ безумцемъ и не съ врожденнымъ преступникомъ—надо искать въ нижней части лица. И, однако,—эти ноздри чувствительны, но не чувственны; а ротъ—да, ротъ виденъ изъ подъ темной бородки и густыхъ темныхъ усовъ, но въ очертаніяхъ его только сила. Нѣтъ, ни слабость, ни порочность не наложили своей печати на это лицо—это долженъ былъ признать даже Робертъ Карльтонъ. Но быть сильнымъ и всетаки упасть; имѣть доброе намѣреніе и сдѣлать зло; стремиться къ одному и стать другимъ—все это значило воплотить собою типъ, къ которому онъ самъ питалъ всегда безпредѣльное отвращеніе и презрѣніе.

Онъ понесъ лампу въ кабинетъ и, входя туда черезъ

внутреннюю дверь, услыхалъ стукъ въ наружную. Кто-то хотѣлъ видѣть ректора,—нѣкто, стучавшійся въ эту дверь чаще всѣхъ остальныхъ прихожанъ.

Карльтонъ отшатнулся и въ первый моментъ едва поборолъ искушеніе обратиться въ бѣгство. Ему понадобилась вся его воля, чтобы, войдя, затворить за собою дверь и твердымъ голосомъ спросить: „Это Джорджъ Меллисъ"?.

Вмѣсто отвѣта въ комнату ворвался юноша въ высокихъ сапогахъ, широкоплечій, мускулистый, но съ нѣжнымъ лицомъ и глазами женщины: глаза эти всѣ девятнадцать лѣтъ его жизни смотрѣли кротко и ласково, но теперь, когда онъ всталъ передъ ректоромъ, мертвенно блѣдный, глаза эти сверкали негодованіемъ.

— Правда ли это?—шепталъ онъ, задыхаясь.—Правда ли это?

Юноша былъ любимымъ ученикомъ Карльтона, его поклонникомъ и подражателемъ, его восторженнымъ почитателемъ и защитникомъ, его помощникомъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ, больше—его неизмѣннымъ спутникомъ и правой рукой во время церковной службы. И передъ этой могучей бурно вздымающейся грудью, передъ этими невинными глазами, сверкающими гнѣвомъ, мужество виновнаго измѣнило ему, и языкъ его прилипъ къ гортани.

— Вся деревня кричитъ объ этомъ!—прерывающимся голосомъ продолжалъ юноша.—Вы знаете, что̀ я подразумѣваю. Всѣ говорятъ въ одинъ голосъ. Говорятъ, вы сами сознались. Ради Бога, скажите что это неправда! Только скажите, что вы не говорили этого, и я вернусь туда и заткну имъ ихъ лживыя глотки!

М-ръ Карльтонъ уже овладѣлъ собой и съ любовью смотрѣлъ въ послѣдній разъ на полное тревоги и страсти лицо юноши, который любилъ и чтилъ его; но взглядъ его былъ истолкованъ ошибочно: выраженіе тревоги на лицѣ юноши смягчилось, въ немъ мелькнула надежда... Острой болью сжалось сердцѣ Карльтона, и на этотъ разъ признаніе было произнесено неувѣреннымъ хриплымъ голосомъ.

И впечатлѣніе было иное. Не прошло и секунды, какъ молодой Меллисъ, заливаясь слезами, какъ большое дитя, какимъ онъ и былъ, бросился въ кресло ректора и зарыдалъ во весь голосъ, пряча свое дѣвичье лицо въ сильныхъ, красныхъ рукахъ. Карльтонъ смотрѣлъ на него, усиліемъ воли заставляя себя смотрѣть; онъ не хотѣлъ уклоняться отъ заслуженной кары, а немногое могло уязвить его больнѣе, чѣмъ это. Онъ пристальнымъ взглядомъ встрѣтилъ взглядъ полныхъ слезами глазъ юноши, когда тотъ наконецъ нашелъ въ себѣ силу поднять ихъ.

— Вы! И надо же, чтобъ это были именно вы!—шепталъ Меллисъ.—Вы, поддерживавшій насъ всѣхъ—меня перваго. Одной мысли о васъ было для меня довольно, чтобы противустоять искушенію! Вы, съ вашей религіей... Нѣтъ для меня больше религіи!

Тутъ Карльтонъ перебилъ его: религію свою онъ еще могъ защищать, или думалъ, что могъ, пока не попробовалъ и, слова не застряли у него въ горлѣ отъ сознанія своей недостойности.

— Говорите, что хотите,—продолжалъ Меллисъ,—вы ввели меня въ церковь, вы же и гоните меня вонъ изъ нея; и въ другую, послѣ вашей, я ужъ не пойду! Подумать только...

И онъ принялся вспоминать разныя подробности ихъ интимной религіозной жизни, прожитой вмѣстѣ, разныя мелочи богатаго ритуала, въ которыхъ ему дана была привиллегія принимать участіе,—какъ будто онѣ усугубляли вину ректора, дѣлали ее еще болѣе невѣроятной.

— Если бы самъ Господь Богъ...

Юноша осѣкся раньше, чѣмъ ректоръ успѣлъ сдѣлать движеніе, чтобъ остановить его, но слово уже было сказано; мысль уже промелькнула.

— Да, вамъ лучше уйти,—сказалъ Карльтонъ, когда юноша вскочилъ на ноги.—Ступайте, и не пускайте ко мнѣ сюда никого изъ тѣхъ, кто когда-либо вѣрилъ въ меня, ибо мнѣ легче встрѣтиться съ моими злѣйшими врагами. И вы—вы должны стать однимъ изъ нихъ! Послѣ ея отца, ни одинъ человѣкъ не можетъ ненавидѣть меня больше васъ!

Въ голосѣ его звучало новое страданіе, новая боль угрызенія; память раскрыла въ душѣ его новую рану. Но юноша покачалъ головой и потупился краснѣя.

— Вы думаете, что я любилъ ее. Я тоже такъ думалъ, пока она не ушла. Мнѣ бы слѣдовало послѣ этого еще больше полюбить ее, а вышло не то. Я погрустилъ - погрустилъ, да и успокоился, а потомъ понялъ, что я для всего этого еще слишкомъ молодъ. И потомъ, съ тѣхъ поръ какъ вы появились, она и смотрѣть на меня перестала, да и я меньше бѣгалъ за ней. Да, я былъ слишкомъ молодъ, чтобы любить женщину, но не настолько старъ, но не настолько взрослый умомъ, чтобы не полюбить васъ, не смотрѣть на васъ, какъ на высшее существо, не подражать вамъ во всемъ. Говорю вамъ истинную правду, м-ръ Карльтонъ,—вскричалъ юноша, и большіе глаза его въ послѣдній разъ блеснули укоромъ,—я бы умеръ за васъ, сэръ, скажи вы мнѣ одно слово! И теперь умеръ бы, съ радостью, еслибъ это могло сдѣлать васъ такимъ человѣкомъ, какимъ я считалъ васъ!

Послѣ этого разговора Карльтонъ на время опять точно

потерялъ сознаніе; онъ ничего не чувствовалъ, кромѣ страшной пустоты въ душѣ. Потомъ—онъ не зналъ, было ли это десять минутъ или часъ спустя—ему пришла мысль: если его любимый ученикъ такъ отнесся къ этому, какъ же отнесутся враги? А враговъ у него въ приходѣ было достаточно. Его предшественникъ былъ настоящій типъ сельскаго священника стараго образца; онъ же сразу повелъ дѣло совсѣмъ иначе, и притомъ проявляя больше настойчивости, чѣмъ дипломатіи. За полтора года онъ ввелъ множество самыхъ разнообразныхъ и смѣлыхъ реформъ. Правда, своими проповѣдями онъ покорилъ больше сердецъ, чѣмъ отвратилъ ихъ своей пастырской дѣятельностью. Но все же болѣе проницательный ревнитель церкви вбивалъ бы клинья не вдругъ, а понемногу: болѣе типичный священникъ дѣлалъ бы своимъ прихожанамъ больше уступокъ, въ видахъ скорѣйшаго пріобрѣтенія болѣе широкой популярности. Карльтонъ шелъ своей дорогой, ни съ кѣмъ не совѣтуясь, привлекая многихъ и многихъ же задѣвая. И онъ былъ увѣренъ, что многіе не замедлятъ свести съ нимъ счеты.

Ждать пришлось недолго. Съ лампой въ рукѣ ректоръ обходилъ свой домъ, запирая двери, такъ же машинально, какъ машинально удовлетворилъ свой тѣлесный голодъ; но во время этого обхода произошло нѣчто, наполнившее его сердце и признательностью, и новой болью. У него была шотландская овчарка, „Гленъ", славная собака, всегда ходившая по пятамъ за господиномъ. Благодаря этой ея привычкѣ, во время церковной службы ее приходилось сажать на цѣпь. Это было неизбѣжное зло; но выйдя изъ ризницы, еще въ рясѣ и беретѣ, ректоръ отправлялся прежде всего на задній дворъ, чтобъ отвязать собаку. Сегодня онъ забылъ это сдѣлать, и бѣдному животному только тогда удалось обратить на себя его вниманіе, когда онъ очутился на заднемъ дворѣ. Только тутъ онъ сообразилъ, что собака лаетъ уже давно, и онъ слышалъ этотъ лай, не понимая его значенія; и съ этимъ новымъ маленькимъ угрызеніемъ въ сердцѣ и другомъ позади онъ уже сознательно, какъ мыслящее существо, продолжалъ свой обходъ.

Онъ былъ наверху, въ спальнѣ, когда собака опять залаяла, заставивъ Карльтона поспѣшно отойти отъ таза съ холодной водой, куда онъ окунулъ голову чтобы хоть немного освѣжить пылающій лобъ, и подойти къ окну, съ полотенцемъ въ рукѣ. Не успѣлъ онъ подойти, какъ отпрянулъ и застылъ на мѣстѣ, не замѣчая, что вода мелкими струйками стекаетъ съ его бороды. Когда онъ наконецъ вытеръ лицо до суха, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто стеръ съ него всю краску. И къ открытому окну вернулся наципочкахъ

ужъ не мыслящій человѣкъ, а шесть футовъ живой, трепещущей глины.

Новый мѣсяцъ уже зашелъ за деревья возлѣ Линкворта, но въ его скудномъ свѣтѣ не было надобности: кольцо изъ яркихъ огней окружало пасторатъ. Вначалѣ несчастный увидалъ только фонари, раскачивавшіеся почти у самой земли, заливая свѣтомъ лужайку. Уже отступивъ, онъ вспомнилъ, что на этомъ яркомъ свѣту обрисовывались позади каждаго фонаря человѣческія ноги. Но только заставивъ себя вернуться къ окну, онъ разглядѣлъ суровыя, злобныя лица и понялъ ярость всѣхъ этихъ людей, возмущенныхъ противъ него его же собственнымъ признаніемъ въ своей винѣ.

При видѣ этого нервы его не выдержали; онъ заломилъ руки, холодный потъ выступилъ у него на лбу. А фонари между тѣмъ вытянулись въ цѣпь по краю лужайки, поднялись кверху, чтобы лучше можно было разсмотрѣть фасадъ дома—все это въ полномъ безмолвіи.

— Вотъ его комната,—сказалъ одинъ.—Тамъ, гдѣ виденъ свѣтъ!

То былъ голосъ школьнаго учителя—онъ же и церковный староста, онъ же и честный факторъ, старавшійся съ каждымъ ужиться и каждому удружить, чѣмъ только возможно. Въ послѣднее время его задача была нѣсколько трудна.—Теперь она упростилась,—подумалъ ректоръ, и эта нотка горечи принесла ему нѣкоторое облегченіе.

На мигъ онъ снова почувствовалъ себя мужчиной, но въ слѣдующій же моментъ другой голосъ крикнулъ:—Онъ въ своей комнатѣ! это *онъ* стоитъ у окна!

И толпа завыла, осыпая его отборной руганью. Вой этотъ превратился въ вопль, когда преступникъ отскочилъ отъ окна и въ паническомъ ужасѣ погасилъ лампу.

— Ахъ ты, трусъ!.

— Подлецъ!

— Вонючая гадина!

— Грязный папистъ!

— Ханжа! Лицемѣръ!

Это были еще лучшіе эпитеты; каждый изощрялся, какъ только могъ, стараясь перещеголять сосѣда; школьный учитель, обезумѣвъ отъ возбужденія, не отставалъ отъ другихъ.

— Сойди оттуда прочь, дьяволъ!

— Что хвостъ поджалъ, песъ поганый! Нутка покажись!

Этому требованію Робертъ Карльтонъ повиновался; мужество снова вернулось къ нему. Но не успѣлъ онъ показаться въ окнѣ, какъ верхнія стекла разлетѣлись въ дребезги надъ его головой и стѣны дрогнули отъ залпа камней. Осколкомъ

стекла оцарапало щеку ректору; одинъ изъ камней больно ударилъ его по рукѣ. Кровь закипѣла въ его жилахъ.

— Сами вы трусы и псы!—загремѣлъ онъ, грозя кулаками толпѣ, и въ десять секундъ очутился внизу, у входной двери съ двумя толстыми тростями въ рукахъ. Но самъ же онъ незадолго передъ тѣмъ заперъ дверь на ключъ и задвинулъ ее болтомъ, и это дало ему время одуматься.

— Тссъ!—замолчи!—крикнулъ онъ собакѣ, слѣдовавшей за нимъ по пятамъ, и застоналъ.—Въ сущности право на ихъ сторонѣ. Будетъ, дружище, пойдемъ: все это заслужено. И это только еще начало! Надо терпѣть!

И онъ терпѣлъ, сидя на лѣстницѣ, совершенно лишенной оконъ, гладя собаку одной рукой и удерживая ее другой и въ то же время презирая свое долготерпѣніе, хотя и продолжая твердить себѣ, что долгъ велитъ ему терпѣть.

Трескъ разбивающагося стекла и немолчный собачій лай въ этомъ темномъ и пустомъ домѣ превращали ночь въ какой-то кошмаръ; разъяренные крестьяне выбили стекла въ ректорскомъ домѣ, не пропуская ни одного. Тамъ, гдѣ штора на окнѣ была поднята, стекла и камни летѣли далеко въ глубь комнаты; тамъ, гдѣ шторы были спущены, стекло и камни ударялись о нихъ и съ трескомъ валились въ одну кучу. Такъ были опустошены столовая и гостиная, одна за другой, съ небольшими промежутками; туда бросали все, что попадалось подъ руку тяжелаго, металлическаго, и мебель въ обѣихъ комнатахъ была сильно повреждена. А хозяинъ дома все сидѣлъ неподвижно на лѣстницѣ, мрачно кивая головой при каждомъ новомъ грохотѣ, содрогаясь при проклятіяхъ; разъ онъ даже выпустилъ собаку, чтобы заткнуть себѣ уши.

Напрасно; любопытство вынуждало его слушать: совѣсть шептала, что онъ не имѣетъ права уклоняться отъ заслуженной кары. Демонъ ненависти овладѣлъ всѣми, ярость была заразительна; школьный учитель оралъ во все горло, не хуже любого школьника; тутъ же каркалъ, какъ ворона, его старинный врагъ, трактирщикъ Пальмеръ, голосомъ хриплымъ отъ пьянства и торжества. Юный Кубиттъ, привѣтствовавшій радостнымъ крикомъ каждый залпъ, также былъ однимъ изъ его ненавистниковъ; но большая часть этой воющей и ругающейся толпы до сихъ поръ составляла его стадо. Все, что онъ сдѣлалъ добраго, пошло прахомъ, доброе сѣмя отравлено, раньше чѣмъ успѣло пустить ростки, и преступникъ, самъ себя выдавшій, въ сотый разъ спрашивалъ себя, не принесетъ ли его сознаніе въ своей винѣ больше вреда, чѣмъ пользы.

Изъ всѣхъ голосовъ, какіе онъ слышалъ и могъ распо-

знать, только одинъ на минуту отвлекъ его презрѣніе отъ него самого. То былъ мягкій безстрастный голосъ молодого джентльмена, очевидно не принимавшаго лично участія въ метаніи камней, но указывавшаго, куда цѣлить и гдѣ стекла еще уцѣлѣли,—голосъ Сиднея Глида.

Такъ продолжалось минутъ десять, затѣмъ крики и ругань внезапно измѣнили характеръ. Очевидно, явилась помѣха: ужъ не полиція ли? Нѣтъ, ректору былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ нравъ единственнаго констэбля въ приходѣ. Онъ придетъ, когда все уже кончится. Но въ такомъ случаѣ кто же это?

Каменный градъ прекратился такъ-же внезапно, какъ и начался. Проклятья и ругань полетѣли въ другую сторону; голосъ, котораго ректоръ не слыхалъ раньше, ругался въ свою очередь, не оставаясь въ долгу. Странное волненіе овладѣло священникомъ, когда онъ узналъ голосъ Тома Айви, молодого подрядчика, производившаго ремонтъ въ церкви; онъ не могъ дольше оставаться на лѣстницѣ. Онъ прокрался въ гостиную, споткнувшись по пути о кучу битаго стекла, и, незамѣченный, сталъ въ нишѣ выбитаго окна; свѣжій воздухъ пахнулъ ему въ лицо.

Фонари подпрыгивали, разбѣгаясь вправо и влѣво; при блуждающемъ свѣтѣ ихъ то тамъ, то сямъ обрисовывалась на мигъ сильная мужская фигура, преслѣдующая другихъ, палка, взлетающая на воздухъ и опускающаяся на спины и плечи бѣгущихъ. Нѣкоторые останавливались на бѣгу, чтобы запустить камнемъ въ новаго врага; одинъ, трактирщикъ Пальмеръ, поставилъ фонарь на земь и сталъ въ позицію, готовясь схватиться съ нимъ на кулаки. Робертъ Карльтонъ не видѣлъ, что было дальше; въ это мгновеніе обезумѣвшая собака, метавшаяся по всему дому, ища выхода, выскочила черезъ его голову въ выбитое окно и довершила смятеніе. Скоро всѣ разбѣжались и только фонарь трактирщика свѣтилъ одинокой звѣздой па пескѣ дорожки. Потомъ стукнула калитка; послышались скорые размашистые шаги, и Томъ Айви на ходу поднялъ фонарь.

Карльтонъ выскочилъ въ окно ему навстрѣчу; всѣ другія ощущенія его на мигъ стушевались подъ наплывомъ горячей признательности.

— Томъ,—вскричалъ онъ,—какъ мнѣ благодарить васъ?

— Оставьте при себѣ вашу благодарность!

— Но... Томъ...

— Я вамъ не „Томъ“ и не другъ. Держитесь подальше. Вы думаете, я не слыхалъ?.. Вы думаете я это для васъ старался? Ну ужъ нѣтъ!.. Я бы для васъ пальцемъ не пошевельнулъ—не то что палкой; скорѣй бы пустилъ эту палку

погулять по вашей собственной спинѣ. Но я помню, сэръ, то время, когда въ Лонгстоу былъ ректоромъ хорошій человѣкъ, проповѣдывавшій не слишкомъ выспренно, но жившій именно такъ, какъ онъ проповѣдалъ; и я не хотѣлъ, чтобы домъ, гдѣ онъ жилъ, превратился въ развалины потому только, что его смѣнилъ негодяй.

— Я именно таковъ, — сказалъ м-ръ Карльтонъ. — Продолжайте.

Тотъ уставился на него, не столько обезоруженный, сколько смущенный.

— Мнѣ досадно, что я такъ раскричался; вы сами видите, что мнѣ досадно,—вырвалось у него наконецъ. — Не мое дѣло корить васъ, сэръ, и не хочу я вамъ больше врать. Я не могъ вынести того, что, стоило вамъ упасть, какъ они всѣ накинулись на васъ, словно разъяренные псы; я не могъ этого видѣть—вотъ вамъ и вся правда! Но я вернулся не затѣмъ, чтобы сказать вамъ это,—продолжалъ онъ упрямо. Я пришелъ сказать, что вы можете искать другого подрядчика; я больше на васъ работать не стану. Что сдѣлано, то ваше, а людей ищите другихъ,—можетъ, и найдете. Я разрываю контрактъ; можете подавать на меня въ судъ, если вамъ угодно.

Робертъ Карльтонъ вернулся въ свой кабинетъ. Это была единственная комната изъ лицевыхъ, оставшаяся нетронутой, благодаря рѣшеткѣ у окна; ни одинъ камень не прибавилъ новаго безпорядка къ тому, что уже было. Осмотрѣвъ комнату при свѣтѣ лампы, ректоръ вздохнулъ съ облегченіемъ, потомъ сбросилъ съ кресла все, что тамъ было положено, и повалился въ него, какъ мертвый. Кровавый рубецъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ стекло оцарапало ему щеку, еще увеличивалъ его блѣдность; глаза его были закрыты, ни одинъ мускулъ не двигался. Но мысли грызли его, какъ волки, и бѣлый лобъ его собирался въ складки и тяжелыя вѣки вздрагивали.

— Можно войти, ваше преподобіе?—сказалъ голосъ шорника.

Карльтонъ со вздохомъ отвѣтилъ: „Войдите!“ но не поднялся навстрѣчу гостю. Тотъ вошелъ, гримасничая, морща лобъ, опрокинулъ стулъ у письменнаго стола и усѣлся съ зловѣщей развязностью. Потомъ опять скорчилъ гримасу и все никакъ не могъ заговорить; но, по выраженію его лица, ректоръ приготовился получить еще порцію того, что онъ рѣшилъ сносить безропотно.

— Фарисеи! — воскликнулъ наконецъ Фуллеръ. — Обманщики и лицемѣры!

Слова были именно тѣ, какихъ ожидалъ Робертъ Карль-

тонъ, но противъ множественнаго числа онъ счелъ себя обязаннымъ протестовать. — Мы не всѣ одинаковы, м-ръ Фуллеръ,—сказалъ онъ.—Благодареніе Богу, я только одинъ такой на много тысячъ.

— Вы?! Богъ съ вами, батюшка, неужто вы думали, что я говорю о *васъ*? Нѣтъ, сэръ, это я про тѣхъ болвановъ и ханжей, которые накидываются на человѣка, какъ только онъ упалъ и подло бьютъ лежачаго, но не про человѣка, котораго они бьютъ.

Карльтонъ молчалъ, ошеломленный, не зная, что онъ испытываетъ: боль или удовольствіе. Онъ думалъ, что прошелъ уже всю гамму эмоцій, но эта была новой, и онъ боялся ее анализировать.

Шорникъ повысилъ голосъ:

— Не про того, кто одинъ стоитъ ихъ всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ,—будь онъ святой или грѣшникъ—виновенъ или невиненъ!

Да, это было удовольствіе, острое и беззаконное, грѣховное и непреодолимое, хотя его и слѣдовало преодолѣть. Имѣть симпатію хотя бы одного человѣка—какъ это было сладко! но какъ постыдно радоваться этому для виновнаго сердца, которое хотѣло быть и сокрушеннымъ! Эта радость вызвала краску на его щекахъ и блескъ въ глазахъ, но прежде чѣмъ блескъ этотъ потухъ и краска сбѣжала съ лица, желѣзная воля Роберта Карльтона заморозила узенькій ручеекъ радости и утѣшенія у самаго истока.

— Вы не должны говорить этого!

Отвѣтъ запоздалъ, но былъ достаточно сухъ и лаконичень, и Карльтонъ остался имъ доволенъ.

— А я говорю и буду говорить, а говорю я только то, что думаю. Поймемъ другъ друга, ваше преподобіе: не отпираюсь—и я почувствовалъ то же, что всѣ, когда впервые узналъ объ этомъ, но когда я сталъ вдумываться, сердце мое не столько горѣло, сколько надрывалось; а когда вдумался поглубже, то понялъ, какъ легко еще ухудшить дѣло. Само собой, уже и то, что есть, достаточно скверно, но вѣдь не намъ же еще ухудшать. Вотъ я и послалъ сюда Тома Айви. А онъ приходитъ и разсказываетъ мнѣ, что онъ тутъ вамъ наговорилъ послѣ того, какъ все кончилось. „Господь съ тобой, Томъ,—говорю я—тебѣ самому будетъ стыдно вспомнить объ этомъ, когда ты доживешь до моихъ лѣтъ! Ты забываешь, сколько хорошаго сдѣлалъ нашъ батюшка за это время, и помнишь только одно дурное. Пойду-ка я самъ къ нему, говорю, пусть онъ увидитъ, что въ этомъ разсадникѣ глупцовъ и фарисеевъ есть хоть одинъ искренній и здравомыслящій человѣкъ!“

— Но Томъ былъ правъ, а вы неправы.

— Кому вы это говорите, батюшка?—Шорникъ придвинулъ свой стулъ ближе къ высокой фигурѣ, безсильно лежавшей въ креслѣ.—Вы вѣдь не можете раздѣлать того хорошаго, что сдѣлали,—даже если-бъ и захотѣли. Оставимъ въ сторонѣ религію; смотрите, сколько вы сдѣлали для бѣдныхъ—клубъ угольщиковъ, читальня, даровая аптека, Общество...

— Къ несчастью, Фуллеръ, все это не имѣетъ отношенія къ дѣлу.

Онъ не выдержалъ своего холоднаго тона, да и тонъ этотъ не скрывалъ его волненія; оффиціально хвалебная рѣчь Фуллера только язвила сердце, которое она имѣла цѣлью утѣшить.

— Ну, что-жъ, если хотите перенесемъ вопросъ на другую почву. Возьмите бѣднаго старика, какъ я. Что бы *я* дѣлалъ безъ васъ, батюшка? Я не хожу въ церковь, но вы не обижаетесь, когда я объясняю вамъ, почему, а обсуждаете вопросъ спокойно, какъ рѣдко кто умѣетъ, и всетаки даете мнѣ читать газету. Преподобный Джаксонъ не потерпѣлъ бы этого ни за что; онъ бы извелъ меня въ одну недѣлю своими наставленіями. Не выставляйте же себя хуже, чѣмъ вы есть, сэръ; вы поступили дурно, согласенъ, но такъ же грѣшили и Соломонъ и Давидъ, и ни одинъ изъ нихъ не былъ такъ скоръ на покаяніе. Подобно имъ, вы дѣлали и добро, много добра, и оно не будетъ забыто, насколько это зависитъ отъ меня. Что же касается той бѣдняжки...

— Не называйте ея, прошу васъ.

— Хорошо, сэръ, не буду. Я жалѣю ее не меньше, чѣмъ другіе, но изъ-за того, что жалко, не нужно быть несправедливымъ. Пусть тамъ себѣ говорятъ, что хотятъ, а человѣкъ съ моимъ опытомъ знаетъ, что девять разъ изъ десяти женщина больше виновата сама...

— Вонъ изъ моего дома!

Карльтонъ вскочилъ на ноги и—въ первый разъ за эту ночь—выпрямился во весь ростъ, сурово указывая на дверь. Лицо его побѣлѣло отъ гнѣва. Шорникъ даже ротъ раскрылъ отъ неожиданности.

— Что... такое, сэръ?

— Вонъ съ глазъ моихъ—сію же минуту!

— За то, что я сказалъ...

— Вы не смѣли говорить и половины того, что сказали!. Я самъ виноватъ. Я допустилъ это, но теперь—вонъ!

Фуллеръ медленно поднялся, изумленный, сконфуженный и жестоко оскорбленный;—онъ былъ человѣкъ добрый, но, какъ всѣ болѣе развитые крестьяне, упрямъ и чрезвычайно

высокаго мнѣнія о себѣ; первое побудило его принять сторону священника, другое—распустить теперь языкъ. Его сочувствіе было искренно и теорія, одинъ намекъ на которую собралъ грозу надъ его головой, составляла его глубокое убѣжденіе, но въ данный моментъ уязвленное тщеславіе говорило въ немъ громче всего остального. Въ теченіе послѣдующаго часа шорникъ каждыя пять минутъ могъ бы вернуться въ пасторатъ съ новымъ возраженіемъ и аргументомъ. Но сейчасъ онъ въ своемъ униженіи могъ только проворчать:

— Я могъ бы съ такимъ же успѣхомъ бросать камни вмѣстѣ съ остальными!

— И лучше бы сдѣлали!—крикнулъ ему вслѣдъ ректоръ.—Вы имѣете право карать меня; но жалѣть меня и оправдывать вы не имѣете права. И тѣмъ менѣе...

Онъ вдругъ смолкъ и стоялъ въ дверяхъ, пока не стукнула калитка и быстрые шаги по песку не замерли вдали. Ночь была темная и на этомъ концѣ деревни все ужъ затихло; трактиръ „Плугъ и Борона“ помѣщался ближе къ другому концу. Вѣтеръ не совсѣмъ спалъ, вмѣстѣ съ вѣтромъ съ запада доносились раскаты отдаленнаго грома. Возлѣ самаго дома кричала пѣночка, и Робертъ Карльтонъ поймалъ себя на мысли о томъ, будетъ завтра дождь, или нѣтъ.

V.

Наединѣ съ самимъ собой.

Въ полночь онъ все еще былъ одинъ, и медлительная пытка его собственныхъ мыслей все же была облегченіемъ. Когда часы въ столовой пробили двѣнадцать—онъ еще раньше замѣтилъ, что часы уцѣлѣли—и тонкій звонъ ихъ черезъ выбитыя окна долетѣлъ къ нему въ кабинетъ, онъ пересталъ прислушиваться, не идетъ ли еще кто-нибудь. Наконецъ-то онъ могъ не бояться, что его уединеніе будетъ нарушено. Онъ могъ отдаться всецѣло своимъ нравственнымъ мукамъ, провести еще одну ночь въ аду. Но худшее было уже пережито, кончились ночи терзаній тайнымъ горемъ, тайными угрызеніями, тайнымъ стыдомъ. Онъ сознался въ своемъ грѣхѣ и тѣмъ завоевалъ себѣ право страдать. Не надо больше прятаться, не надо обманывать. Еще не отдавая себѣ въ томъ полнаго отчета, онъ чувствовалъ, что у него стало легче на душѣ, и ему было стыдно этого облегченія.

Шагая изъ угла въ уголъ, онъ припомнилъ другую ночь—ночь въ прошломъ году, когда полная луна свѣтила межъ

оголенныхъ деревьевъ. *Та* ночь была хуже этой; въ *ту* ночь рушилось зданіе его внутренней жизни. Онъ и тогда, какъ теперь, ходилъ по комнатѣ до разсвѣта. Ночь была такая тихая; кромѣ его шаговъ, ничто не нарушало тишины; если остановиться и прислушаться, можно было уловить даже шумъ паденія листка. Онъ припомнилъ, какъ онъ стоялъ вотъ здѣсь же въ дверяхъ, въ полосѣ луннаго свѣта, и прислушивался и въ головѣ у него звенѣлъ невѣсть гдѣ вычитанный стихъ:

„И Богъ ни слова не сказалъ!"

Теперь Богъ сказалъ свое слово.

И человѣкъ былъ радъ ему.

Радъ! Онъ почти наслаждался своимъ позоромъ, вызывавшимъ въ немъ неожиданныя ощущенія—ощущенія должника, начинающаго расплачиваться. Это былъ яркій примѣръ тому, что есть вещи, которыя ужаснѣе представлять себѣ, чѣмъ переносить на дѣлѣ. Въ часъ своего униженія передъ всѣми людьми онъ чувствовалъ себя менѣе опозореннымъ, чѣмъ во всѣ эти мѣсяцы, когда онъ терзался тайнымъ стыдомъ.

Онъ еще разъ мысленно пережилъ эту одинокую муку. Вѣтеръ свисталъ въ стѣнахъ поврежденнаго дома, словно въ мачтахъ разбитаго корабля, и обезславленный хозяинъ этого дома выпрямлялъ станъ и ускорялъ шаги, и кровь его быстрѣй бѣжала по жиламъ.

Онъ не былъ болѣе господиномъ въ своемъ приходѣ, популярнѣйшимъ проповѣдникомъ въ цѣлой округѣ, слушать котораго стекались благочестивые христіане изо всѣхъ окрестныхъ приходовъ, откровеніемъ для мужиковъ и въ то же время сознательнымъ развратникомъ, съ золотыми устами и свинцовымъ сердцемъ. А главное, онъ не сидѣлъ тутъ въ безопасности, въ тягостной безнаказанности, окруженный претившимъ ему уваженіемъ, онъ, мужчина!—между тѣмъ какъ она... Женщина пострадала; теперь его очередь. Женщина! Бѣдный ребенокъ!.. Бѣдное, погибшее, убитое дитя!.. Ну что-жъ, его расплата за грѣхъ будетъ хуже смерти; она уже теперь хуже. И опять онъ ощутилъ радость, но этотъ мимолетный и странный порывъ ликованія кончился агоніей.

Бѣдная, бѣдная дѣвочка!..

Нѣтъ; для него никакая *кара* не можетъ быть слишкомъ жестокой—даже и та, отъ которой онъ будетъ страдать больше, чѣмъ всѣ остальные, вмѣстѣ взятые. Онъ началъ думать объ этомъ, сосредоточивая свои мысли на этомъ одномъ, намѣренно, не изъ сознательной жалости къ себѣ, но какъ человѣкъ, идущій на встрѣчу наказанію, жадно прильнувшій къ чашѣ, чтобы выпить ее до дна. Это было характерное на-

строеніе потребности въ жертвѣ. Въ другія времена и въ лонѣ иной церкви онъ варварски истязалъ бы свое тѣло во имя умерщвленія плоти. Живя во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія и принадлежа къ англиканской церкви, онъ могъ истязать себя только нравственно.

— Пойду взгляну на нее послѣдній разъ,—выговорилъ онъ громко:—осмѣлиться служить послѣ этой службы еще какую-нибудь другую было бы оскорбленіемъ и Богу и людямъ; я—конченный человѣкъ, я положилъ свой послѣдній камень. Посмотримъ, что я посѣялъ и что будутъ пожинать другіе.

И онъ въ темнотѣ ощупью направился къ церкви.

Тропинка пересѣкала узкій лужокъ, свѣжескошенный, гдѣ копны сѣна слабо обрисовывались при свѣтѣ звѣздъ; легкая изгородь отдѣляла этотъ участокъ земли отъ кладбища; здѣсь, прислонившись къ изгороди и выступая въ кладбище, какъ разъ напротивъ лѣсовъ у сѣверной пристройки, стоялъ небольшой сарайчикъ для склада матерьяловъ. Сарайчикъ былъ малъ и сметанъ на живую нитку, но ректоръ заплатилъ за него изъ собственнаго кармана, да и работы въ церкви производилъ на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы поднести трансепты въ даръ церкви: приходъ былъ даже слишкомъ богатый для холостого священника, и если церковь стала мала, то только благодаря его проповѣдямъ. Поэтому онъ платилъ за все, даже за орудія каменьщиковъ, сложенныя въ сараѣ, ибо Томъ Айви никогда раньше не бралъ подрядовъ и не имѣлъ капитала. Надзоръ за постройкой служилъ полезнымъ дополненіемъ къ его пастырской дѣятельности, все разроставшейся. Правду сказать, разросталось одновременно и то, и другое, и, пожалуй, матерьяльныя заботы даже больше духовныхъ поглощали ректора, привыкшаго отдаваться цѣликомъ каждому своему начинанію. Въ послѣднее время, въ особенности, всѣ замѣчали, что его преподобіе чрезвычайно увлекается постройкой, больше времени проводитъ въ своемъ сарайчикѣ, чѣмъ въ котгэджахъ, и набиваетъ себѣ руку во врожденномъ искусствѣ обтесывать камень, трудясь, какъ человѣкъ, который боится ночи и хочетъ хорошенько натомиться за день, чтобы обезпечить себѣ сонъ. *Какъ* онъ боялся ночи, никто не зналъ, но теперь всѣ могутъ догадываться.

А между тѣмъ онъ любилъ свою работу и ради нея самой, не только какъ средство отгонять черныя мысли; онъ былъ рожденъ художникомъ; создавать что-нибудь, творить было для него высшимъ наслажденіемъ. При видѣ уголка, гдѣ онъ работалъ, у него такъ больно сжалось сердце, что онъ забылъ даже поставить себѣ въ заслугу это начинаніе,

и на мигъ священникъ и грѣшникъ слились въ одномъ тоскующемъ артистѣ, говорящемъ „прости“ не только своей студіи, но и самому искусству. Въ сараѣ было очень темно, полъ былъ усѣянъ неотесанными камнями, жердями, тачками, кучами мусора, но онъ умѣлъ найти дорогу и въ двойномъ мракѣ сарая могъ сразу взять то, что ему было нужно. Онъ снялъ съ полки головку собственнаго издѣлія, предназначавшуюся украшать собою дверь ризницы въ южной пристройкѣ. Онъ держалъ головку обѣими руками, прижимая большіе пальцы къ глазамъ ея и ладони къ щекамъ, вначалѣ нѣжно, какъ будто камень былъ плотью, потомъ вдругъ сжалъ изо всей силы, словно желая стереть въ порошокъ это уродливое лицо.

Такія головки служатъ рыльцами къ водосточнымъ трубамъ, но эта не была полезнымъ предметомъ; вода не могла бѣжать изъ этого для виду только вырѣзаннаго рта, который онъ отдѣлывалъ съ такимъ стараніемъ и любовью. Но это была его идея—украсить такими головками дверь ризницы; это было нѣчто, сдѣланное имъ самимъ;—другіе могутъ бросить это, или сохранятъ и будутъ показывать, какъ собственноручное произведеніе безнравственнаго Лонгстоунскаго ректора. Онъ поставилъ головку на мѣсто и увѣренной поступью вышелъ изъ сарая, уже не чувствуя себя артистомъ. Прощай и это!

Онъ перешелъ черезъ дорогу къ церкви, обошелъ кругомъ до паперти и вошелъ черезъ единственную дверь, которою пользовались теперь, во время ремонта. Полтора года тому назадъ онъ нашелъ бы эту дверь запертой. Это онъ сдѣлалъ домъ Божій открытымъ для всѣхъ желающихъ, во всѣ часы дня и ночи, и уничтожилъ плату за мѣста. Онъ шелъ увѣренно, какъ человѣкъ, обладающій способностью видѣть въ темнотѣ, мягко ступая по цыновкамъ, покрывавшимъ прежде голыя плиты. Еще мягче отдались шаги его, когда онъ, не споткнувшись, поднялся по двумъ ступенькамъ въ алтарь. Эти цыновки были его нововведеніемъ, роскошный коверъ въ алтарѣ—его даромъ. Эти его нововведенія не встрѣчали протестовъ. Онъ зажегъ лампу, висѣвшую надъ налоемъ, сокровище, вывезенное изъ Сиріи, чудной работы: онъ купилъ ее въ Дамаскѣ, много лѣтъ тому назадъ, для своей церкви—когда у него будетъ церковь. Да, онъ щедро дарилъ Божій домъ, чтобы сдѣлать его прекраснымъ и достойнымъ своего назначенія, хотя и не заботился объ украшеніи своего собственнаго.

И вотъ какой конецъ! Ибо теперь ходъ событій уже извѣстенъ: жалоба епископу (ее подпишетъ весь приходъ), вызовъ въ епископскій дворецъ, судъ въ консисторіи, времен-

ное отрѣшеніе отъ должности, а можетъ быть, и чистая отставка,—онъ еще раньше навелъ справки и зналъ, что можетъ грозить ему. Епископъ будетъ огорченъ. Онъ такъ интересовался его дѣятельностью, выказалъ ему такое неожиданное горячее сочувствіе, искреннее, бодрящее... Карльтону стало стыдно, что онъ думаетъ о епископѣ, вмѣсто того, чтобы на колѣняхъ молить Бога о прощеніи. Онъ жаждалъ въ послѣдній разъ преклонить колѣна передъ алтаремъ, который онъ засталъ голымъ и некрасивымъ, а оставляетъ богато украшеннымъ. При слабомъ далекомъ свѣтѣ лампы надъ налоемъ онъ смотрѣлъ на дорогія дамасскія драпировки, на зеленый покровъ на алтарѣ, серебряные шандалы, цвѣты изъ его собственнаго сада—цвѣты, которые онъ растилъ для церкви. Онъ жаждалъ преклонить колѣна и не могъ. Онъ не могъ молиться, не могъ плакать. Его сердце было могилой, и эту могилу засыпали, и тяжесть могильной земли давила его духъ. Онъ жестоко ошибался часъ тому назадъ, думая, что худшее миновало. Самый тяжкій часъ былъ *этотъ*. Такъ много сдѣлать, отдать такъ много—и все потерять! Столько лѣтъ всей душою стремиться къ свѣту, такъ ревностно трудиться надъ обращеніемъ душъ другихъ людей—и быть ввергнутымъ во тьму кромѣшную за одинъ только грѣхъ!

Эта волна горечи, слѣпого упорства и человѣческаго эгоизма вынесла его вонъ изъ церкви. Въ послѣдній разъ имъ овладѣлъ приливъ страстнаго возмущенія и самозащиты—неожиданная и прискорбная перемѣна въ такомъ человѣкѣ и въ такую минуту. Къ счастью, она продолжалась недолго. Онъ гнѣвно шагалъ, не глядя, куда идетъ, и вдругъ почувствовалъ, что идетъ по свѣже разрыхленной землѣ и отпрянулъ, снова подавленный сознаніемъ своего эгоизма и чувствомъ вины, съ раскрывшейся раной въ душѣ, подъ наплывомъ такого раскаянія и угрызеній, какихъ даже онъ не испытывалъ раньше. На глазахъ его, въ звѣздномъ свѣтѣ выростала новая могила, безжалостная, холодная...

Прошелъ часъ, а онъ все еще стоялъ на колѣняхъ передъ этой могилой, и слезы его текли, не переставая.

VI.

Пожаръ.

Свидѣтели расходятся относительно того, въ какое именно время обыватели Лонгстоу, крѣпко спавшіе послѣ всѣхъ пережитыхъ ими волненій, слишкомъ достаточныхъ для одного вечера, проснулись и вскочили съ постелей, испуган-

ные неожиданнымъ и неистовымъ звономъ церковныхъ колоколовъ. Іюльская ночь была темна, какъ всегда, и оставалась—или, по крайней мѣрѣ, такъ казалось, что оставалась темной еще долгое время спустя. Во всякомъ случаѣ не могло быть болѣе двухъ часовъ ночи.

За нѣсколько минутъ до того, какъ забили въ набатъ, Робертъ Карльтонъ заставилъ себя подняться и ощутилъ новый приливъ стыда при видѣ двухъ явныхъ признаковъ того душевнаго состоянія, въ какомъ онъ покинулъ церковь. Онъ оставилъ дверь настежь открытой и церковь освѣщенной. На дорожкѣ ясно виденъ былъ каждый камень; потокъ свѣта лился на нее изъ притвора, куда, однакожъ, невозможно было заглянуть съ того мѣста, гдѣ стоялъ ректоръ. Паперть выходила на югъ, свѣжая же могила помѣщалась какъ разъ напротивъ западнаго окна, теперь явственно обрисовывавшагося на свѣту, падавшемъ изнутри. Минуты размышленія было достаточно, чтобъ убѣдить Карльтона, что это не могъ быть свѣтъ отъ лампы, не погашенной имъ, и онъ пошелъ посмотрѣть, въ чемъ дѣло. На порогѣ ему пахнуло въ лицо жаромъ, и онъ сразу понялъ. Въ церкви начинался пожаръ; двѣ-три скамьи были уже въ огнѣ.

Секундъ двадцать Робертъ Карльтонъ не трогался съ мѣста. Пожаръ казался такъ ничтоженъ, что сильный человѣкъ могъ бы погасить его одинъ, прикрывъ огонь курткой. Но человѣкъ въ полномъ расцвѣтѣ мужества и силъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ пламя, проникнувъ сквозь растрескавшійся лакъ, вливалось въ дерево, и за эти двадцать секундъ столько же мыслей промелькнуло у него въ головѣ. Не обаяніе ужаса удерживало его на мѣстѣ: пожаръ казался такимъ ничтожнымъ съ перваго взгляда. То было скорѣе невыразимое, ошеломляющее изумленіе: какимъ образомъ могъ произойти этотъ пожаръ?

Виновная совѣсть подсказала отвѣтъ: зажигая лампу, онъ, должно быть, уронилъ спичку. Но въ тотъ же моментъ онъ замѣтилъ, что сказанная лампа была потушена, но и она и другія висѣли криво и качались на цѣпяхъ, какъ будто ихъ недавно только трогали безцеремонной рукой. И тутъ его охватилъ ужасъ. Огонь распространялся со странной быстротой, выбрасывая кверху синіе языки, раньше чѣмъ желтые успѣвали, какъ слѣдуетъ, впиться въ дерево, и все это такъ быстро, что площадь огня въ нѣсколько секундъ, казалось, удвоилась. Вдругъ въ самомъ центрѣ ея раздался трескъ и хрустъ, словно загорѣлась скирда; огненный столбъ взвился кверху, и при свѣтѣ его стало ясно, въ чемъ дѣло: горѣла груда новыхъ соломенныхъ подушекъ для молельщиковъ, недавно пріобрѣтенныхъ ректоромъ.

Дивиться больше было нечего; поджогъ былъ слишкомъ очевиденъ. Сквозь дымъ, вившійся черными клубами подъ крышей, виднѣлось восточное забитое досками окно, въ нѣсколькихъ мѣстахъ продырявленное поджигателемъ, очевидно, съ цѣлью вызвать сквознякъ, пахнувшій въ лицо Карльтону, когда онъ опрометью кинулся къ выходной двери и схватился разомъ за всѣ веревки колоколовъ.

Колокола были малы и съ нестройнымъ звономъ; ректоръ давно обѣщалъ себѣ пріобрѣсти современемъ хорошо подобранные новые и построить для нихъ колокольню. Но все же, когда старые колокола зазвонили въ послѣдній разъ, въ мертвой тишинѣ лѣтней ночи, ихъ было слышно въ Линквортѣ за полторы мили отъ Лонгстоу, а по вѣтру и въ Бедингфильдѣ, за цѣлыхъ три мили.

Первымъ прибѣжалъ на пожаръ быстроногій и сильный Томъ Айви, мать котораго держала почтовую контору посрединѣ деревни. Пока онъ бѣжалъ, звонъ прекратился; какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ, добѣжавъ кратчайшимъ путемъ, прыгнулъ черезъ заборъ въ ректорскій садъ, какъ разъ въ этотъ моментъ лопнуло отъ жара первое стекло, и пламя и дымъ черезъ среднее окно въ сѣверной стѣнѣ вырвались въ садъ. Томъ очень встревожился, не найдя никого на кладбищѣ, и бросился въ церковь въ полной увѣренности, что найдетъ звонившаго безчувственнымъ на его посту. И что же онъ увидалъ?—ректора, стоящаго внутри церкви, подъ вѣтромъ у пламени, спиной къ двери и поглощеннаго, повидимому, совершенно пассивнымъ созерцаніемъ пожара.

— М-ръ Карльтонъ!—крикнулъ Томъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить, ректоръ швырнулъ что-то въ огонь—въ густомъ дыму невозможно было разглядѣть, что̀ именно—и въ то же мгновеніе, повернувшись на каблукахъ, кашляя и давясь отъ дыму, обратилъ къ Тому горящіе, какъ угли, глаза и лицо дышущее рѣшимостью.

— Томъ! Слава Богу, что это вы! Надо тушить. Прежде всего прочь отсюда, не то мы задохнемся.—И онъ выбѣжалъ на воздухъ, увлекая за собой подрядчика.

— Кто это сдѣлалъ, сэръ?

— Кто сдѣлалъ? Погодите, пока раздѣлаемъ! Потушить можно, если мы будемъ работать вмѣстѣ. А! вотъ еще люди. Ведеръ, братцы—ведеръ побольше!—кричалъ Карльтонъ, подбѣгая къ группѣ полуодѣтыхъ обывателей, собравшихся у калитки, и командуя ими, какъ будто нѣсколько часовъ тому назадъ между ними не было иной встрѣчи.—Кто живетъ близко, бѣгите за своими ведрами; остальные маршъ ко мнѣ на кухню, тащите, что только можно. Ведра необходимы!

Одинъ пусть качаетъ воду, остальные выстройтесь въ линію отъ колодца до церкви и передавайте другъ другу ведра. Присмотрите за ними, м-ръ Джонсъ!

И школьный учитель и церковный староста, увлеченный, какъ всегда, своей чувствительностью и потребностью вездѣ выдвигаться на первый планъ, бросился исполнять приказанія ректора съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ онъ билъ стекла въ домѣ этого же самаго ректора нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Пусть кто нибудь сбѣгаетъ или съѣздитъ въ Лекенхолль за пожарной машиной.—Только не вы, Томъ!—воскликнулъ ректоръ, схвативъ за руку Айви.—Ихъ тутъ найдетъ еще цѣлая куча, а безъ васъ я обойтись не могу.

— Я останусь, сэръ.

— Заливать огонь внутри церкви безполезно. Подгоняемый вѣтромъ, онъ распространяется слишкомъ быстро. Надобно дать ему отпоръ съ противоположной стороны.

— Боковой придѣлъ не горитъ!

— Но еслибъ мы и добрались живые, они не смогутъ передавать намъ воду. Нѣтъ, надо попробовать съ той стороны, гдѣ стѣна разобрана для ремонта—вотъ гдѣ! Съ которой стороны досчатая перегородка крѣпче?

— Съ обѣихъ одинаково, сэръ.

— Такъ будемъ рубить ту, что ближе. Скорѣе пилу и топоръ и къ тому времени, какъ притащатъ первое ведро, мы будемъ готовы.

И, снова друзья, хотя оба не замѣчая перемѣны, они вмѣстѣ побѣжали въ сарай, съ которымъ такъ недавно еще прощался Робертъ Карльтонъ; въ пылу увлеченія даже и прощанье это было забыто.

Напротивъ сарая была сѣверная пристройка. Тамъ стѣны были доведены уже до двѣнадцати футъ высоты, но оставленъ проходъ для двери. Болѣе широкое отверстіе между трансептомъ и средней частью церкви было забито изнутри вертикально положенными досками. Эти то доски ректоръ и принялся рубить топоромъ, чтобы очистить мѣсто для Томовой пилы. Свѣту у нихъ было довольно. Просвѣты между досками казались раскаленными до красна струнами гигантской арфы. Пила и топоръ скоро сдѣлали свое дѣло, и въ образовавшуюся брешь хлынулъ черный дымъ, словно выдутый вѣтромъ изъ топящагося камина. Оба отскочили въ разныя стороны. Затѣмъ послышался голосъ Карльтона.

— Слушайте-ка! Вы оставайтесь, гдѣ стойте.

— Съ вами вмѣстѣ, сэръ?

— Нѣтъ, я посмотрю, что тамъ дѣлается, но меня одного достаточно.

— Ну ужъ нѣтъ, м-ръ Карльтонъ. Я иду за вами.

— Вы только заставите меня остаться.

— Ладно, сэръ. Полѣзайте за мной!

Черезъ мгновеніе оба были уже внутри, подрядчикъ первый, и присѣдали на корточки, спасаясь отъ дыма. Густые клубы дыма уже окутали крышу и съ каждымъ мгновеніемъ это опрокинутое море становилось чернѣе и глубже. Въ этомъ морѣ были теченія, безплодно стремившіяся къ разбитымъ окнамъ, къ новой бреши, къ отворенной двери—безплодно, потому что вѣтеръ подхватывалъ волны дыма и кружилъ ихъ подъ крышей въ чернильномъ водоворотѣ, такъ что имъ удавалось ускользать въ отверстія только случайно, урывками. За то въ церкви было еще достаточно воздуха, чтобы дышать въ нѣсколькихъ футахъ отъ пола, и съ помощью воды, повидимому, еще можно было что нибудь сдѣлать. Но пожаръ уже не казался ничтожнымъ; среднею частью церкви приходилось пожертвовать; впору было спасти алтарь и крышу. Самая серьезная опасность мѣстами, повидимому, уже миновала. Пылавшая прежде груда подушекъ теперь догорала, тлѣя, а крыша еще не занялась. Синіе языки пламени лизали теперь переднія скамьи и еще нетронутое дерево блестѣло какъ человѣческое тѣло, покрывшееся испариной отъ боли.

— Вы видите?—сказалъ Карльтонъ, указывая на влажную поверхность скамьи.

— Что это?

— Парафинъ! Посмотрите на лампы; онъ просто вылилъ ихъ содержимое...

— Кто, сэръ?—кто?

— Богъ знаетъ—и прости ему Богъ! У меня теперь достаточно враговъ, хотя и не больше, чѣмъ я заслуживаю. Если бы они только стали моими друзьями на одинъ часъ, ради церкви! Да что же они не несутъ воды! Бѣгите, скажите имъ, что сейчасъ каждое ведро дорого, а черезъ десять минутъ, можетъ, и цѣлая бочка не поможетъ. И, главное, скажите имъ, чтобъ они ради самого Господа ни о чемъ не думали, кромѣ пожара, пока мы не потушимъ его!

Онъ и самъ ни о чемъ не думалъ и волновался только, почему не несутъ воды. Какъ только Томъ исчезъ, онъ обнажился до пояса и длиннымъ сюртукомъ пытался гасить вспыхивавшіе тамъ и сямъ огоньки, желтую и синюю пѣну нарастающаго прилива, но на одинъ погашенный онъ раздувалъ сто другихъ и вынужденъ былъ отступить, едва не сгорѣвъ заживо. Его застали въ согнутомъ положеніи у самой бреши, полуобнаженнымъ, въ обжогахъ, перепачканнымъ сажей, но не утратившимъ мужества, — странная фигура въ

этихъ стѣнахъ, которыя привыкли видѣть его въ облаченіи.

Первый прибѣжавшій притащилъ два ведра воды, но на половину расплескалъ ихъ на бѣгу. Карльтонъ не далъ ему войти черезъ отверстіе, принялъ отъ него ведра, вылилъ воду на пылающія скамьи и возвратилъ ихъ пустыми, даже не оглянувшись на результаты. Когда онъ могъ, наконецъ, оглянуться, въ одномъ мѣстѣ дерево дымилось, но огонь свирѣпствовалъ съ той же яростью. Затѣмъ прибѣжалъ мальчикъ съ полной лейкой, но изъ такого сосуда выплеснуть воду сразу нельзя, а поливать было трудно, при возрастающемъ жарѣ. Наконецъ, вернулся Томъ Айви еще съ двумя ведрами.

— Оставайтесь снаружи! — крикнулъ ему Карльтонъ.— Здѣсь двоимъ нечего дѣлать. Развѣ они не могутъ составить цѣпи и передавать ведра вмѣсто того, чтобы носить?

— Нельзя, сэръ;—для такого разстоянія насъ слишкомъ мало.

— Слишкомъ мало людей, способныхъ подумать о церкви прежде чѣмъ о пасторѣ! Вы это хотѣли сказать! Пасторъ, можетъ быть, и заслуживаетъ сгорѣть живьемъ, но бѣдная церковь-то что имъ сдѣлала?

И онъ продолжалъ свое дѣло съ горькимъ чувствомъ въ душѣ, не вполнѣ оправдываемымъ обстоятельствами, ибо его геройская монополизація опасности невольно вызывала сочувствіе, и многіе изъ бросавшихъ камни теперь бѣгали съ ведрами. Но еще больше было такихъ, которые стояли, заложивъ руки въ карманы, ибо жители восточной Англіи по природѣ своей флегматики, и отнюдь не вся деревня принимала участіе въ вечерней демонстраціи противъ пастора.

Шорникъ не пошелъ дальше забора передъ своимъ домомъ и лавкой. Нѣтъ болѣе неумолимаго существа, какъ оскорбленный крестьянинъ.

Джорджъ Меллисъ даже не видѣлъ пожара; онъ отрясъ прахъ Лонгстоу отъ ногъ своихъ и былъ уже далеко.

Такимъ образомъ, изъ трехъ типовъ, столь же далекихъ другъ отъ друга, какъ вершины равнобедреннаго треугольника, поспѣшившихъ къ виновному съ укоромъ, обличеніемъ и сочувствіемъ, болѣе нестерпимымъ, чѣмъ все остальное, только одинъ присутствовалъ при тягостной сценѣ, но этотъ одинъ работалъ за десятерыхъ.

— Посмотрите-ка на Тома Айви! — говорили въ группѣ, выбравшей безопасное мѣстечко у ограды пастората.—У него земля горитъ подъ ногами. А между тѣмъ, онъ, говорятъ, разогнавши народъ изъ сада, явился въ пасторатъ и ругательски ругалъ Карльтона.

— Ну ужъ не такъ, какъ его изругалъ Джасперъ.

— А гдѣ же Джасперъ?

— Дома; съ нимъ опять приключилась старая болѣсть; учитель давеча забѣгалъ къ нимъ, такъ его хозяйка сказывала.

— Жаль. Это облегчило бы его горе.

Два-три человѣка замѣтили, что у нихъ *уже* легче на сердцѣ—по эту сторону ограды реакціи не было. Но худшее изъ всего, что здѣсь говорилось, было произнесено болѣе правильнымъ акцентомъ, звучнымъ молодымъ голосомъ, который заговорилъ и теперь:

— Самое лучшее, что могъ бы сдѣлать Карльтонъ—это сгорѣть вмѣстѣ со своей церковью. Губернаторъ (такъ онъ называлъ отца) выстроитъ вамъ новую церковь и посадитъ туда новаго человѣка. Онъ больше всѣхъ былъ бы радъ перемѣнѣ. Желалъ-бы я видѣть его въ ту минуту, когда онъ узнаетъ.

Говорившій курилъ сигаретку, сидя на тачкѣ, выкаченной изъ сарая. Казалось, онъ долго смотрѣлъ на фейерверкъ и зрѣлище надоѣло ему. Его безстрастный взоръ искалъ, чѣмъ бы отвлечься и остановился на сторожѣ:

— Эге, Бёсби! пожалуйте-ка сюда! Васъ то мнѣ и надо! Какого чорта вамъ вздумалось поджечь церковь!

— Мнѣ—поджечь церковь, мастеръ Сидни! Мнѣ — поджечь церковь! Хи-хи-хи, вы охотникъ смѣшить.

— Ну, не очень то вы посмѣетесь, какъ васъ посадятъ за это, Бёсби!

— Полноте, мастеръ Сидни! Вы сами знаете, въ чемъ дѣло.

— Желалъ бы я знать! Поговариваютъ о поджогѣ. Кстати, какъ ваша жаба?

Увядшее лицо на мигъ сдѣлалось серьезнымъ, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ освѣтилось несказанной радостью мономана, у котораго задѣли слабую струнку. Онъ подковылялъ ближе, гладя себя по груди.

— О, она квакаетъ еще пуще прежняго—должно быть, выскочить хочетъ. Желаете послушать, мастеръ Сидни?

— Благодарствуйте, Бёсби; не разстегивайтесь, мнѣ и отсюда слышно.

Сторожъ окончательно размякъ отъ восторга.

— Вамъ слышно? Вамъ слышно? Обратите вниманіе, вы всѣ: ему оттуда слышно! Ишь, гадина, какъ расквакалась! Это она должно быть отъ пожара. До того расквакалась, что мастеру Сидни слышно оттуда, гдѣ онъ сидитъ!

Сторожъ побѣжалъ разсказывать всѣмъ о своемъ торжествѣ, но его никто не слушалъ. Узкая полоска горизонта между черной крышей и аспиднаго цвѣта небомъ вдругъ освѣтилась, хотя огня изъ крыши не выбросило; повидимому,

загорѣлись карнизы. Изъ сѣвернаго трансепта выбѣжалъ Айви, за нимъ Карльтонъ, съ топоромъ въ рукѣ. Его руки и грудь были черны и обожжены, рѣсницы обгорѣли; все тѣло его, влажное отъ испарины, блестѣло въ красномъ свѣтѣ, падавшемъ изъ вздрагивавшихъ оконъ.

— Оставьте, братцы! — крикнулъ онъ тѣмъ, кто еще бѣгалъ съ ведрами.—Доски занялись съ другой стороны. Помогите мнѣ изрубить ихъ въ куски и намъ, можетъ быть, еще удастся спасти алтарь. Эй вы всѣ!—крикнулъ онъ стоявшимъ у ограды,—если вы люди, помогите отстоять божье святилище!

И онъ побѣжалъ впередъ, размахивая топоромъ, опьяненный борьбой и радостью борьбы. Разговоры за оградою смолкли; разговаривать было больше некому: даже Сидней Глидъ бросилъ свою сигаретку и послѣдовалъ за вдохновеннымъ безумцемъ съ топоромъ въ рукѣ.

Южный трансептъ значительно меньше подвинулся впередъ, чѣмъ сѣверный. Карльтонъ влѣзъ на невысокую стѣну, добѣжалъ по ней до горящихъ направо досокъ и вонзилъ въ нихъ топоръ. Первая брешь была скоро пробита. Онъ расширялъ ее быстрыми, какъ молнія, взмахами топора; мускулы обозначались и узлами выступали на его могучей спинѣ, подъ обожженой кожей. Крестьяне смотрѣли на него, раскрывъ рты отъ изумленія. Имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ съ такой силой, съ такими мускулами, съ такимъ непобѣдимымъ мужествомъ могъ прятаться отъ нихъ, отъ ихъ мести нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Лѣстницу дайте! — крикнулъ онъ. — Тамъ за сараемъ есть лѣстница.

Деревянный щитъ треснулъ, но не доверху. Внизу огонь удалось побѣдить, но вверху онъ ползъ все дальше къ востоку. Въ ожиданіи лѣстницы Карльтонъ продолжалъ расширять вырубленное имъ отверстіе; когда ее принесли, онъ приставилъ ее вертикально къ нетронутому еще карнизу надъ щитомъ и взбѣжалъ по ней на самый верхъ, чтобы докончить начатое. Двѣ доски были выбиты раньше, чѣмъ онѣ успѣли загорѣться. Онъ стоялъ на лѣстницѣ и ждалъ— перепрыгнетъ ли пламя черезъ образовавшуюся широкую щель, стоялъ, пока ступеньки лѣстницы не закурились передъ самымъ его носомъ. Когда пылающія доски налѣво упали, а правыя даже не затлѣлись, тогда только онъ слѣзъ на землю.

У тѣхъ, кто такъ недавно еще осыпалъ его бранью, теперь чесались глотки крикнуть „ура!“ Но время еще не приспѣло. Вмѣсто того раздался чей-то пронзительный крикъ: деревянный щитъ съ другой стороны загорѣлся въ свою очередь.

— Тащи туда лѣстницу!—крикнулъ ректоръ,—мы и тамъ

справимся. Теперь мы ужъ знаемъ, какъ. Мы спасемъ алтарь. Найдите еще топоръ; будемъ рубить сверху и снизу одновременно.

Каждую минуту картина мѣнялась. Аспидный цвѣтъ неба смѣнился свинцовымъ. Десятки зрителей, присутствовавшихъ при пожарѣ въ его первой стадіи, превратились въ сотни. Птицы испуганно чирикали на деревьяхъ; съ дороги неслось ржанье перепуганныхъ лошадей; сколько было экипажей въ деревнѣ, всѣ были здѣсь—кромѣ пожарной машины. На кладбищѣ стоялъ высокій пожилой господинъ, въ надвинутой на сѣдыя брови старомодной шляпѣ и такого же старомоднаго покроя сюртукѣ, застегнутымъ до самыхъ сѣдыхъ бакенбардъ, и разговаривалъ съ Сиднеемъ Глидомъ.

— Вотъ негодяй-то, чортъ бы его побралъ!—говорилъ старикъ.—Но какъ же, чортъ побери, это вышло наружу?

— Мускъ, должно-быть, пронюхалъ и пошелъ къ нему сейчасъ послѣ похоронъ. Онъ сознался во всемъ на чистоту; слуги слышали. Вонъ онъ опять лѣзетъ по лѣстницѣ. Все самое интересное приберегаетъ для себя... Какъ вы думаете, докторъ, кто возьметъ призъ на здѣшнихъ бѣгахъ? Опять Шотоверъ?

— Къ чорту бѣга!—сказалъ докторъ Мэригольдъ, котораго пристрастіе къ спорту, бранчивый языкъ и доброе сердце дѣлали оригинальнѣйшей личностью въ цѣлой округѣ.—Подумать только, что я былъ возлѣ нея, когда она умирала, и готовъ былъ дать десять фунтовъ, за то, чтобы узнать, чье это дѣло,—а это оказывается священникъ, представитель господствующей церкви! Хорошъ молодчикъ! Этотъ сатана въ ризѣ стоитъ того, чтобъ ему сгорѣть вмѣстѣ со своей церковью, а всетаки онъ смѣлъ—въ этомъ ему нельзя отказать;—храбрый, чортъ бы его побралъ!

— Отводъ глазъ!—возразилъ Сидней;—играетъ для галлереи.

— Гмъ; обжоги у него на спинѣ и плечахъ нешуточные. Не будь онъ такою проклятою дрянью, я бы велѣлъ ему сойти.

— Толку отъ его старанья немного, — возразилъ юный циникъ,—и онъ самъ это знаетъ. Онъ бьетъ только на эффектъ—смотрите! Вонъ и крыша занялась — всякій дуракъ могъ бы это предвидѣть. А вотъ и Лекенхолльская машина—какъ разъ во время!

Д-ръ Мэригольдъ опять выругался и повернулся спиной къ Сиднею: въ его сердцѣ не было уголка для наслѣдника Лонгстоунскаго помѣстья. Все его вниманіе сосредоточилось на горящей церкви.

Чудакъ докторъ любилъ рискованныя, трудныя игры и всѣ его инстинктивныя симпатіи въ такихъ случаяхъ были на сторонѣ проигравшихъ. Этотъ „сатана въ ризѣ“ велъ

свою игру, какъ мужчина,—лишь для того, чтобы проиграть ее съ грохотомъ пожарной машины въ ушахъ. Крыша занялась; еще нѣсколько мгновеній и она запылаетъ вся; теперь ужъ полдюжины сельскихъ пожарныхъ машинъ и полсотни Робертовъ Карльтоновъ ничего не могли бы подѣлать. Карльтонъ слѣзъ на землю съ лѣстницы, на этотъ разъ не спѣша, и сталъ поодаль, свѣсивъ бороду на грудь.

— Обидно, чортъ побери!—бормоталъ докторъ Мэригольдъ въ свой высокій воротникъ.—Ей Богу,—обидно! Этакія сони, россомахи, старыя бабы!

Свинцовое небо стало серебрянымъ. За заревомъ пожара, на востокѣ уже алѣла полоска зари. Скоро совсѣмъ разсвѣло и при свѣтѣ дня пожаръ достигъ наибольшей силы, не смотря на тщетныя усилія пожарныхъ. Ничто уже не могло спасти крыши. Потолокъ, балки и сланецъ пылали, какъ сухія дрова въ хорошей печи. Передъ зрителями былъ то огненный горный хребетъ, то ливень изъ раскаленныхъ обломковъ, то столбъ искръ и дыма взвивался надъ обугленными стѣнами, столбъ, не колеблемый вѣтромъ, потому что вѣтеръ на разсвѣтѣ улегся, смѣнившись дождикомъ, отголоскомъ сильнаго ливня, прошедшаго стороною.

Когда крыша обрушилась внутрь, немногіе изъ нѣсколькихъ сотень зрителей не поспѣшили укрыться подальше отъ опасности. Остались на мѣстахъ только пожарные въ шлемахъ, да еще двое съ непокрытыми головами. Одинъ изъ нихъ, съ бородой, стоялъ, какъ ошеломленный, не слушая увѣщаній своего товарища. Въ это мгновеніе крыша рухнула и снопы искръ полетѣли изо всѣхъ трещинъ въ стѣнахъ и зіяющихъ отверстій оконъ. Искры гасли на лету. Когда дымъ разсѣялся, бородатый лежалъ лицомъ на землѣ, а товарищъ его стоялъ возлѣ него на колѣняхъ.

Д-ръ Мэригольдъ бросился къ нимъ со всѣхъ ногъ, не взирая на свои года и длинное пальто, хлеставшее его по ногамъ.

— Его задѣло чѣмъ-нибудь, Айви.

— Кажись, что нѣтъ, сэръ: покрайней мѣрѣ, я не замѣтилъ; а только онъ давно ужъ еле держался на ногахъ; какъ крыша рухнула, такъ и онъ упалъ.

Мэригольдъ тоже опустился на колѣни; любопытные окружили всѣхъ троихъ тѣснымъ кольцомъ.

— Однако, онъ здорово обгорѣлъ, бѣдняга!

Старый докторъ поднялъ отяжелѣвшую руку, пощупалъ пульсъ, среди водворившейся вдругъ тишины, изслѣдовалъ обжогъ на плечѣ и поднялъ кверху густыя сѣдыя брови.

— Но не опасно, чортъ бы его побралъ!

VII.

Мольба грѣшника.

Епископъ сидѣлъ за бо́льшею изъ двухъ конторокъ въ библіотекѣ своего дворца. Было около одиннадцати часовъ утра тринадцатаго числа слѣдующаго мѣсяца. День выпалъ дождливый. Епископъ сидѣлъ, низко наклонившись надъ чистымъ листомъ бумаги малаго формата съ отмѣтками на поляхъ. Бакенбарды его кудрявились по бумагѣ, широкій ротъ былъ плотно сжатъ, и отъ этого гладко выбритая верхняя губа, и безъ того непомѣрно длинная, казалась еще длиннѣе. Но въ очертаніяхъ головы, прикрытой рѣдкими бѣлыми волосами, было благородство, а широкій лобъ прикрывалъ собою широкій умъ. Голова и плечи его были такъ массивны, что въ сидячемъ положеніи онъ казался и росту и силы выше обыкновеннаго. Но, стоя на ногахъ, епископъ оказывался маленькимъ человѣчкомъ, да вдобавокъ еще и прихрамывавшимъ. И эта неожиданность была не послѣдней для тѣхъ, кто видѣлъ его въ первый разъ: маленькій человѣчекъ, несмотря на свой ростъ и хромоту, держался съ большимъ достоинствомъ, а величіе его духа не только ничего не теряло, но еще и выигрывало отъ постояннаго контраста съ физическими недостатками.

Когда доложили о просителѣ, епископъ поднялся, опираясь на кресло одной рукой, а другую протягивая черезъ столъ гостю. Карльтонъ смущенно взялъ эту руку. Плотно сжатый ротъ и испытующій взглядъ епископа не были для него неожиданностью, но этого ласковаго пожатія руки онъ не ждалъ. Его пригласили сѣсть. Вошедшій былъ тѣнью лонгстоунскаго ректора, какимъ его помнилъ его духовный наставникъ и пастырь. Все его лицо было теперь такое же бѣлое, какъ его лобъ въ день пожара, и на этомъ бѣломъ лицѣ бѣлѣли рубцы отъ обжоговъ. Но въ глазахъ горѣлъ ярче прежняго огонь ревности о Господѣ и энтузіазма, радовавшій нѣкогда сердце епископа, но нѣсколько изумлявшій его теперь.

— Мнѣ жаль,—сказалъ епископъ,—что вы выбрали такую погоду для поѣздки сюда. Я увѣренъ, что для васъ это большой рискъ. Вы, повидимому, далеко еще не оправились, м-ръ Карльтонъ. Прежде, чѣмъ мы приступимъ, не могу ли я что нибудь...

Карльтонъ прервалъ его: онъ не въ состояніи былъ слушать дальше.—О, это ничего. Онъ совершенно оправился.—

Тонъ его былъ суховатый: неожиданная и незаслуженная снисходительность епископа казалась ему почти жестокой. Онъ меньше, чѣмъ когда либо, намѣревался играть на состраданіи высшихъ или низшихъ. Онъ пришелъ, какъ проситель, но просить не жалости и не снисхожденія. Онъ выпрямился и выставилъ впередъ грудь, такъ велико было его желаніе казаться вполнѣ здоровымъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ епископъ,—я радъ, что вы приняли къ свѣдѣнію мой намекъ относительно личнаго свиданія, высказанный въ моемъ письмѣ. Когда я получаю жалобу — особенно, жалобу серьезнаго характера—я всегда, раньше чѣмъ предпринять что-нибудь, стараюсь повидать лицо, на которое жалуются — разумѣется, если оно само того желаетъ. Думаю, что вы не пожалѣете объ этомъ, м-ръ Карльтонъ. Вамъ это, можетъ быть, будетъ тягостно...

Карльтона опять передернуло.

— Но за то ваши интересы будутъ соблюдены вполнѣ.

Епископъ смотрѣлъ на бородатаго мужчину передъ нимъ точно такъ-же, какъ онъ много разъ въ своей жизни смотрѣлъ на болѣе юныхъ виновныхъ, и говорилъ особеннымъ голосомъ, который онъ спеціально приберегалъ для такихъ случаевъ—голосомъ, который нѣсколько поколѣній школьниковъ копировали очень усердно—и менѣе удачно, чѣмъ имъ казалось.

Карльтонъ кивнулъ головой.

— Отвѣчая на вопросы, которые я считаю долгомъ вамъ предложить,—епископъ заглянулъ въ листокъ—вы, надѣюсь, отнесетесь ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ и, прежде чѣмъ отвѣтить, загляните въ свою душу; я постараюсь, чтобы наша бесѣда не оставила въ ней больше горечи, чѣмъ уже есть. Но жалоба на васъ, представленная мнѣ, очень серьезна, м-ръ Карльтонъ, подъ ней много подписей, и мы должны объясниться на чистоту. И такъ, правда ли, что вы—отецъ незаконнаго ребенка, родившагося двадцатаго числа истекшаго мѣсяца въ вашемъ собственномъ приходѣ?

— Правда, ваше преосвященство.

— И эта женщина умерла?

— Эта молодая дѣвушка умерла...

Перо епископа забѣгало по чистой половинкѣ листка; когда второй отвѣтъ былъ записанъ, писавшій поднялъ голову и взглянулъ на виновнаго, не съ удивленіемъ, или ужасомъ, но съ яснымъ челомъ и яснымъ взоромъ идеальнаго судьи.

— Мнѣ уже сообщено, что вы сами сознались въ своей винѣ. Это я говорю во избѣжаніе недоразумѣній между нами въ этомъ или иномъ вопросѣ. Но, въ качествѣ вашего епи-

скопа и—покрайней мѣрѣ, до сихъ поръ я былъ имъ—вашего друга, я желаю услыхать отрицаніе или подтвержденіе изъ вашихъ собственныхъ устъ Вы вольны отказать мнѣ въ томъ и другомъ. Это не составитъ разницы въ смыслѣ окончательнаго результата. Результатъ этотъ, какъ вамъ извѣстно, зависитъ не отъ меня.

— Я буду говорить все безъ утайки, милордъ,—твердымъ голосомъ отвѣтилъ Робертъ Карльтонъ.

— Очень хорошо. Я полагаю, мы поняли другъ друга. Бѣдная молодая женщина была, если не ошибаюсь, дочерью зажиточнаго прихожанина?

— Да—зажиточнаго человѣка, живущаго въ моемъ приходѣ.

— Но сама она принимала ближайшее участіе въ приходскихъ дѣлахъ? Правда ли, что она играла на органѣ во время церковной службы?

— Правда.

Епископъ записалъ, положилъ перо и откинулся на спинку кресла; въ этой позѣ, черезъ столъ, его фигура казалась крупной.

— Я очень забочусь о томъ, чтобы съ вами было поступлено по всей справедливости. Скажу вамъ напрямикъ, я уже наводилъ справки. Мнѣ сообщили,—не знаю, насколько это вѣрно,—что молодая женщина скрылась за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти.

— Совершенно вѣрно.

— И вернулась, чтобы дать жизнь ребенку?

— И умереть!—докончилъ Карльтонъ. Его рѣшеніе не щадить себя было непоколебимо, но руки его были крѣпко сжаты, и лицо побѣлѣло отъ внутренней муки.

Епископъ наблюдалъ за нимъ, и взглядъ его становился все мягче и въ сердцѣ росло состраданіе къ человѣку, который не имѣлъ состраданія къ самому себѣ. Но губы его оставались плотно сжатыми, и голосъ звучалъ, какъ прежде, когда онъ нарушилъ молчаніе. То былъ голосъ правосудія, ни добраго, ни враждебнаго, ни суроваго, ни снисходительнаго, но серьезнаго, спокойнаго, безпристрастнаго.

— Мой слѣдующій вопросъ будетъ также продиктованъ полученными мною свѣдѣніями, или лучше скажу: сообщенными мнѣ подозрѣніями. Это—вопросъ весьма важный; вы можете не отвѣчать на него, если это вамъ не желательно; хотя вопросъ этотъ возникнетъ неизбѣжно. Были ли вы или не были причастны исчезновенію молодой женщины?

— Богъ свидѣтель, нѣтъ, милордъ!

— Насколько я понялъ, родители до самаго конца не имѣли понятія о томъ, гдѣ она. А вы?

— Не больше, чѣмъ они. Никто изъ насъ ничего не зналъ. Мы думали, что она поѣхала погостить къ пріятельницѣ,— родомъ изъ нашей деревни,—которая вышла замужъ и поселилась близь Лондона. Прошло нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ мы узнали, что пріятельница и въ глаза ее не видала.

— И все это время вы не подозрѣвали, въ какомъ она положеніи?

— Да; тогда я сталъ подозрѣвать, но не раньше.

— Она никому не сообщала объ этомъ передъ уходомъ?

— Мнѣ—нѣтъ и, сколько мнѣ извѣстно, никому.

— Это было въ самомъ началѣ года?

— Она покинула Лонгстоу въ январѣ и мы не имѣли о ней никакихъ извѣстій, и до половины іюня, когда чужіе люди написали отцу, гдѣ она.

Епископъ опять наклонился надъ листкомъ.

— Вы предлагали ей жениться?—спросилъ онъ отрывисто.

— Неоднократно!

— Но вы не сказали этого ея отцу?

— Нѣтъ, я не могъ унизиться до этого.—Карльтонъ въ первый разъ за все время покраснѣлъ.—Милордъ, я не искалъ оправданій. Да ихъ и нѣтъ. Какія тутъ оправданія!

Епископъ смотрѣлъ въ его измѣнившееся лицо все тѣмъ же спокойнымъ взоромъ.

— Такъ вы любили ее,—выговорилъ онъ мягко, помолчавъ.

— Ахъ! Надо было больше любить ее, чѣмъ я любилъ!

— Если тутъ можетъ быть оправданіе... любовь... до извѣстной степени... оправдываетъ.

Это шепталъ про себя не епископъ и не судья, но старикъ, неизвѣстный епископу и судьѣ.

— Я не хочу оправданій!—запальчиво вскричалъ Карльтонъ.—Каковъ бы я ни былъ въ прошломъ, сейчасъ я хочу быть правдивымъ; если я обманывалъ себя и другихъ, я хочу теперь вывести изъ заблужденія и васъ, и себя. О, милордъ, это была не любовь! Это мнѣ всего горше думать, въ этомъ всего стыднѣе сознаться. Но любовь должна быть чѣмъ-то лучшимъ, *это* не можетъ быть любовь Это была страсть, если хотите,—страсть, одолѣвшая меня въ тотъ моментъ, когда я наиболѣе гордился своей силой; но—прости мнѣ Боже—это была не любовь!

Онъ закрылъ лицо дрожащими руками и теперь, когда эти безумные отъ горя глаза не смотрѣли на него, епископъ не въ силахъ былъ дольше таить свое состраданіе. Линіи рта его смягчились, и—о чудо!—ротъ сталъ прекрасенъ; старческое лицо освѣтилось нѣжностью и стало мило и симпатично до нельзя.

— Любовь — все, заговорилъ онъ; — но и страсть—уже

кое-что въ эти холодные дни мелкихъ людишекъ и мелкихъ грѣховъ. А такая правдивость, какъ ваша, Робертъ Карльтонъ, много значитъ, хотя грѣхъ вашъ остается грѣхомъ, и только кровь Спасителя нашего можетъ очистить васъ.

Карльтонъ быстро съ мольбою вскинулъ глаза на говорившаго.

— Грѣхъ былъ мой, не ея. Она любила... любила... О, такъ любить!.. Это вспоминать всего больнѣе!—Она думала, что это испортитъ мнѣ жизнь; а я даже не догадывался... Но теперь я знаю, знаю! Она ушла ради меня... бѣдное дитя... бѣдная непонятая героиня! Она умерла за меня, а я не могу умереть за нее. Развѣ это не жестоко? Я не могу даже умереть за нее!

Глаза его были полны слезъ; въ этомъ сказалась его физическая слабость; въ *ту* страшную ночь ни одинъ человѣкъ не видѣлъ слезъ на его глазахъ. Но воля была въ немъ еще сильна. Сдвинувъ брови, сжавъ кулаки и стиснувъ зубы, онъ боролся съ собою, между тѣмъ какъ епископъ, склонивъ голову на руку и закрывъ глаза, молился за брата, ввергнутаго въ бездну отчаянія. И молитва его была, казалось, услышана. Когда онъ открылъ глаза, лицо Карльтона снова дышало мужествомъ, а глаза опять горѣли страннымъ неугасимымъ огнемъ, вначалѣ такъ поразившимъ епископа. Старикъ встрѣтилъ ихъ взглядъ серьезнымъ, грустнымъ испытующимъ взглядомъ, но губы его уже не сжимались, и голосъ, когда онъ снова заговорилъ, звучалъ очень мягко.

— Вы можете подумать, что я подвергъ васъ напраснымъ мученіямъ, ибо я долженъ васъ предупредить, что ваше дѣло будетъ разбираться своевременно въ другомъ мѣстѣ. Но я слышалъ, что ваше поведеніе было неизвинительно отъ начала до конца. Теперь я имѣю возможность самостоятельно составить себѣ мнѣніе, хотя оно, можетъ быть, и не сдѣлаетъ разницы, ибо о полномъ отрѣшеніи отъ должности я и раньше не думалъ, а только эта высшая мѣра наказанія налагается мною. Съ другой стороны я обязанъ дать дѣлу законный ходъ. Результатъ можетъ быть только одинъ: временное отрѣшеніе отъ должности. Если мое слово можетъ уменьшить срокъ наказанія, оно будетъ сказано въ вашу защиту, какъ ради вашей полезной дѣятельности въ приходѣ, такъ и въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ, выяснившихся во время нашей бесѣды.

— Но можете ли вы желать моего возращенія въ лоно Церкви?—вскричалъ Карльтонъ, и сердце его забилось чаще, потомъ сжалось тревогой, при видѣ епископа, обдумывавшаго отвѣтъ.

— Я никого не сталъ бы наказывать строже, чѣмъ того

требуетъ буква закона,—еслибы даже это было въ моей власти. Законъ воспрещаетъ отрѣшенному священнику всякое отправленіе церковныхъ службъ и требъ, равно какъ и пользованіе полагающимися ему по должности содержаніемъ и доходами, *до* истеченія срока наказанія. Я не сталъ бы, еслибъ и могъ, ставить дальнѣйшія преграды на пути заблудшаго брата, искренно раскаявшагося въ своемъ грѣхѣ. Я сказалъ бы ему: „Вернись къ своему дѣлу, заставь забыть прошлое и въ послѣдующіе годы, которые тебѣ суждено прожить, постарайся своимъ добрымъ примѣромъ изгладить зло, посѣянное твоимъ дурнымъ примѣромъ въ прошломъ. Исправь, что можно. Насколько можешь, раздѣлай, что сдѣлалъ. А затѣмъ—мужайся, братъ! Молись непрестанно. Смотри впередъ, а не назадъ, и не отчаявайся. Отчаяніе вѣрнѣйшій союзникъ діавола; лучше смертный грѣхъ, чѣмъ смертельное отчаяніе! Помни, что ты въ былое время добросовѣстно трудился на божьей нивѣ, и живи для тѣхъ лучшихъ дней, когда ты искупишь свой грѣхъ и опять будешь достоинъ трудиться ради него".

— А до тѣхъ поръ?—Карльтонъ выговорилъ это шопотомъ, боясь крикнуть—такъ велико было его волненіе и тревога.—Неужели до тѣхъ поръ я ничего не могу сдѣлать—для этихъ бѣдняковъ—пока злое сѣмя еще не взошло?

— Если васъ отрѣшатъ, вы лишитесь права совершать церковныя службы и требы, да я и не думаю, чтобы вамъ было желательно провести это время среди своихъ прихожанъ.

— Но вѣдь у меня не отнимутъ прихода?

— Нѣтъ, не отнимутъ.

— И пастората?

— Нѣтъ; покрайней мѣрѣ, сколько мнѣ извѣстно, вы сохраняете право жить въ немъ; хотя не думаю, чтобы это было цѣлесообразно.

— А церковь! Вѣдь имъ же нужна церковь. Кто же отстроитъ имъ ее заново?

Карльтонъ въ волненіи вскочилъ съ кресла. Епископъ глядѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Объ этомъ я пока еще ничего не слыхалъ, да и рановато немного думать объ этомъ, не правда-ли? Но я не сомнѣваюсь, что они устроютъ подписку.

— Эти бѣдняки!

— Я надѣюсь, что и всѣ состоятельные люди въ сосѣдствѣ внесутъ свою лепту.

— Но зачѣмъ же имъ платить?—пылко вскричалъ Карльтонъ.—Церковь была сожжена не за грѣхи моихъ сосѣдей и не за грѣхи моего прихода, но за мои собственные... О, ми-

лордъ, еслибъ я только могъ вернуться къ своей паствѣ и быть ей слугой—прежде я слишкомъ стремился быть господиномъ! Я не вполнѣ зависѣлъ отъ нихъ—благодаря Бога, у меня было кое-что свое—но теперь все до послѣдней копѣйки будетъ принадлежать имъ!

И блудный сынъ церкви съ мольбой простеръ руки къ своему епископу.

— Вы хотите отдавать свой доходъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, капиталъ!

— На бѣдныхъ вашего прихода? Я—я не совсѣмъ понимаю.

— И я не смѣю дать вамъ понять,—шопотомъ признался Карльтонъ.—Я такъ боюсь вашего неодобренія; я могу пойти противъ цѣлаго міра, но только не противъ васъ, въ особенности, послѣ сегодншняго... О, милордъ, я подалъ своей бѣдной паствѣ гнусный примѣръ и покрылъ стыдомъ свой санъ и званіе; ради этого сана и ради нихъ, если не ради меня, позвольте мнѣ оставить имъ ощутительный знакъ моего искренняго раскаянія. Случай есть—такой случай, какой только Богъ, въ своемъ безконечномъ милосердіи, можетъ послать несчастному грѣшнику. Моя церковь въ Лонгстоу сгорѣла изъ-за меня—черезъ мой грѣхъ—въ наказаніе мнѣ...

— Вы увѣрены въ этомъ, м-ръ Карльтонъ?

— Я знаю это, милордъ. И я хочу сдѣлать то, что представляется мнѣ моимъ священнымъ и очевиднымъ долгомъ—и сдѣлать какъ можно скорѣе.

По глазамъ епископа видно было, что онъ понялъ, но удивленъ.

— Вы хотите на свои деньги отстроить церковь? Вы дѣйствительно, желаете этого?

— Я молю объ этомъ!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

— Разскажите мнѣ все, что знаете о вашемъ предкѣ,— сказалъ Леонардъ.

— Знаю я очень немного. Онъ мой прадѣдъ по матери и по ея матери. Послѣ него остался ребенокъ, дочь, которая и стала моею бабушкою; а ея дочь вышла за моего отца. До меня дошло преданіе, кромѣ котораго я ничего не знаю, что этотъ полный жизни молодой человѣкъ, чей портретъ у меня есть и чей портретъ виситъ въ той комнатѣ, былъ найденъ мертвымъ въ лѣсу. Больше я ничего не слыхала. Я не знаю, кто былъ убійца и что случилось впослѣдствіи—словомъ, ничего не знаю. Мнѣ это казалось такимъ давно минувшимъ, вполнѣ, вполнѣ прошедшимъ. Но, если-бы мы вникали, то понимали-бы, что прошлое для насъ не безразлично. Была другая женщина, которая страдала не менѣе несчастной госпожи этого дома. О, Леонардъ! Что за трагедія! А только на дняхъ мы легкомысленно толковали о семейныхъ скандалахъ!

— Да, много свѣтлаго померкло съ той поры. Моей жизни, какъ видите, не суждено быть длиннымъ рядомъ благополучій, какъ вы предполагали.

— Однако, вѣдь это было семьдесять лѣтъ назадъ! Что же намъ теперь сокрушаться? Если не тотъ старикъ, то хоть мы вполнѣ можемъ равнодушно отнестись къ столь давнему событію.

— Да, да; но мнѣ надо разслѣдовать всю эту исторію. Я чувствую, какъ будто не достаточно ее знаю; она до странности интересуетъ и трогаетъ меня. Какъ былъ убитъ тотъ человѣкъ? За что? Кто это сдѣлалъ? Откуда мнѣ взять подробности?

— Когда вы узнаете, что вамъ нужно, Леонардъ, то разскажите мнѣ. Я же предоставляю всѣ розыски одному вамъ. И вѣдь это было такъ давно. Зачѣмъ намъ воскрешать горести былыхъ временъ?!

— Право не знаю; только меня до странности привлекаетъ эта исторія. Пойдемте, теперь я вамъ покажу того самаго человѣка, который былъ мужемъ сестры вашего предка. Ея портретъ тоже виситъ въ числѣ прочихъ въ гостиной, но попорченъ до неузнаваемости. Очень жаль, что такъ пропали всѣ наши фамильные портреты. Идите тихо, чтобы не разбудить его.

Онъ снова повелъ ее черезъ залу и тихонько отворилъ дверь библіотеки. Въ креслѣ, у камина, спалъ самый великолѣпный старикъ, котораго когда-либо видѣла Констанція. Онъ былъ громаднаго роста; его длинныя ноги были вытянуты, массивная голова закинута назадъ,—благородная голова съ красивами и густыми сѣдыми волосами надъ широкими плечами и могучею грудью. Онъ спалъ мирно, какъ дитя,

тихо дыша. Въ этомъ состояніи покоя ничто въ немъ не намекало на безуміе или умственное разстройство.

Констанція легкими шагами вошла въ комнату и наклонилась надъ нимъ; его губы раздвинулись, и онъ пробормоталъ что-то во снѣ, а затѣмъ вздрогнулъ и проснулся. Онъ выпрямился, открылъ глаза и устремилъ на ея лицо взглядъ ужаса и удивленія.

Она отошла къ сторонѣ, старикъ опять закрылъ глаза и закинулъ назадъ голову. Леонардъ коснулся ея руки, и они ушли изъ комнаты. На порогѣ, Констанція обернулась, чтобы взглянуть на старика: онъ опять уснулъ.

— Онъ сказалъ что-то во снѣ. Онъ встревожился и какъ-будто ужаснулся.

— Ваше присутствіе, Констанція, какъ-нибудь напомнило ему убитаго друга. Можетъ быть ваше лицо подѣйствовало своимъ сходствомъ съ погибшимъ. Представьте вы себѣ, какой нуженъ былъ ударъ, чтобы вывести изъ равновѣсія такого сильнаго человѣка! Вѣдь онъ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ, и во всѣ семьдесять лѣтъ ни разу не приходилъ въ себя. Онъ совсѣмъ не говорилъ во все это время, кромѣ одного раза въ моемъ присутствіи, да и то во снѣ. Онъ сказалъ: „Этимъ все кончится“. Странныя слова!

На глазахъ дѣвушки выступили слезы.

— Какая жалость, Леонардъ! Какая жалость!

— Пойдемте въ сады. Когда-то, въ прошломъ вѣкѣ, при нѣкоемъ предкѣ, который занимался учёнымъ садоводствомъ, они были образцовыми.

Теперь семидесятилѣтняя заброшенность совершенно погубила ихъ. Лужайки заросли грубыми сорными травами; дорожки исчезли, клумбы поросли терніями; запущенность была просто печальна. Они перешли въ огородъ, гдѣ и земляничныя, и спаржевыя гряды были покрыты чертополохомъ и всякимъ соромъ, а въ плодовомъ саду большинство деревьевъ засохло и изъ-подъ сухихъ сучьевъ вылѣзалъ густой кустарникъ.

— Никогда въ жизни я не представляла себѣ,—сказала Констанція,—что̀ получится, если садъ забросить.

— Вотъ это самое, что вы видите. Я думаю, что въ послѣднія семьдесять лѣтъ никто, кромѣ насъ, даже и не ходилъ по нему. По мнѣнію поселянъ, по всей усадьбѣ разгуливаютъ привидѣнія день и ночь. Даже яблоки не соблазняютъ деревенскихъ ребятъ забрести въ этотъ садъ. Пойдемте, Констанція, въ село и взглянемъ на церковь.

Хорошенькое село состояло изъ одной длинной улицы съ гостиницей, лавочкой, почтовой конторой, кузницей и еще однимъ или двумя ремесленными заведеніями. На половинѣ

улицы узкій переулочекъ велъ къ церкви и кладбищу. Церковь, слишкомъ обширная для сельскаго храма, была старо-англійской крестообразной формы съ позднѣйшими пристройками и украшеніями.

Церковь стояла настежь, потому что былъ вечеръ субботы. Пространство за кафедрой было полно памятниками усопшихъ Кампеньевъ. Между ними находилась дощечка: „Памяти Ланглея Хольма, рожденнаго въ Большомъ Миссенденѣ, въ іюнѣ 1798 г. и найденного убитымъ въ лѣсу, въ семъ приходѣ 18-аго мая 1826 года. Вступилъ въ бракъ 1 февраля 1824 г. съ Элеонорой, дочерью покойнаго Мармадюка Флайта, изъ Малаго Бошана въ семъ графствѣ; оставилъ одну дочь Констанцію, рожденную 1 января 1825 г.“.

— Да,—сказала Констанція,—можно себѣ представить: одновременная смерть жены и друга, и такая ужасная!

На кладбищѣ какой-то старикъ хлопоталъ среди могилъ; онъ поднялъ голову и выпрямился медленно, точно съ трудомъ разгибая суставы.

— Добраго утра, сударь,—сказалъ онъ,—добраго утра барышня. Надѣюсь, что вы здоровы; извините, сударь, но вы, навѣрное, Кампейнь. Всѣ Кампейньи одинаковы: высокіе и видные. Но вы не такъ рослы и сильны, какъ нашъ баринъ. Навѣщали стараго барина, сударь? Живетъ еще, Богъ съ нимъ! Даже удивительно: вѣдь ему ужъ девяносто пять. На деревнѣ всѣ знаютъ, когда онъ родился. Онъ еще молодцомъ. По воскресеньямъ, лѣтомъ, прямо изъ церкви, всѣ подходятъ къ садовой стѣнѣ и смотрятъ, какъ онъ маршируетъ по террассѣ. Онъ-то ихъ не видитъ, да и не замѣтилъ-бы, хоть вплоть къ нему подойди.

— Значитъ, вы всѣ его знаете.

— Я помню его ужъ семьдесятъ лѣтъ. Я тогда былъ малюсенькимъ мальчишкой. Вы и не повѣрите, что я былъ мальченкомъ. Правда? Семьдесятъ лѣтъ назадъ мнѣ было восемь лѣтъ. А теперь семьдесятъ восемь. Вы не сказали-бы, что мнѣ столько лѣтъ, правда?

Старикъ былъ очень болтливъ.

— Я былъ свидѣтелемъ на слѣдствіи объ убійствѣ. Безъ меня никакъ нельзя было, хоть мнѣ и было только восемь лѣтъ.

— Вы? Да причемъ-же вы тутъ были?

— Я пугалъ птицъ на холмѣ у лѣсочка. Я видѣлъ, какъ баринъ—такой онъ былъ красивый да видный—и другой господинъ перешли дорогу и черезъ перекрестокъ прошли въ поле. Они вмѣстѣ дошли до лѣсу, а потомъ нашъ баринъ вернулся, а другой-то пошелъ дальше. Послѣ его нашли въ лѣсу съ проломленной головой. Потомъ я видѣлъ, какъ въ лѣсъ вошелъ Джонъ Дуннигъ, тотъ, кого послѣ обвиняли.

И онъ выбѣжалъ вонъ, точно страшное увидѣлъ. Да, я все это видѣлъ, и такъ имъ и сказалъ, поцѣловавши Библію!

— Я слышалъ, что человѣка этого судили за убійство?

— Судили, но оправдали. Всякій знаетъ, что онъ этого не дѣлалъ. Но такъ и не добились, кто это сдѣлалъ.

— А больше ничего вы не знаете?

— Больше ничего, сударь. Сколько сотенъ разъ я повторялъ эту исторію! Благодарю васъ, сударь. Прощайте, барышня. Славный у васъ будетъ женишокъ, барышня! А у него—хорошая невѣста!

— Да,—сказалъ Леонардъ, когда они отошли,—убійство еще у всѣхъ въ памяти и врядъ ли забудется, пока живъ хоть одинъ его современникъ. Неправда-ли, странно, что всѣ эти открытія совпали: что я узналъ правду о своей роднѣ, и всего день или два спустя и вы узнали правду о вашемъ предкѣ? Мы родственники, Констанція, и общая трагедія связываетъ насъ.

Они сѣли на свои велосипеды и молча поѣхали прочь. Радость угасла въ ихъ сердцахъ. Спускался вечеръ. Вѣтеръ похоронно гудѣлъ между деревьевъ; ихъ головы были полны мыслями о насиліи, крови и смерти, въ ихъ ушахъ звучали вопли пораженной горемъ женщины и стоны человѣка, лишившагося ума отъ скорби.

IX.

Мэри-Анна.

Былъ вокресный вечеръ послѣ этихъ посѣщеній предка и родственной семьи на Коммерческой улицѣ. Леонардъ медленно шелъ домой послѣ одинокаго завтрака. Онъ шелъ, опустивъ голову и мимоходомъ касаясь фонарныхъ столбовъ своимъ зонтикомъ. Это, какъ всякій знаетъ, есть вѣрный признакъ озабоченности и унынія.

Дѣйствительно, состояніе его души было странно. Семейная драма томила его, какъ кошмаръ, не давая покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ началъ понимать, что избавиться отъ нея не можетъ, и не видѣлъ конца своему мученію.

Когда человѣкъ рождается съ семейною драмою и выростаетъ, хорошо ее зная, то обыкновенно примиряется съ нею, и оставляетъ ее безъ вниманія или относится къ ней философски, или смѣется надъ нею, или даже хвалится ею. Знаменитый г. Баундерби былъ одинъ изъ тѣхъ, кто ею хвастается. Но онъ уже выросъ со своею драмою. Она стала частью его личности, и онъ оказывался въ состояніи излагать ее по своему.

Совсѣмъ другое дѣло, когда человѣку открывается семейная драма неожиданно и внезапно. Могло-ли быть положеніе болѣе завидное, чѣмъ то, которое занималъ нашъ герой въ теченіе цѣлой четверти столѣтія? Достаточно богатый, стараго дворянскаго рода, удачно дѣлая карьеру, съ увѣренностью ожидая богатаго семейнаго наслѣдства, могъ ли бы онъ желать чего либо еще? И вдругъ на него сразу сваливается мрачнѣйшая и грустнѣйшая изъ семейныхъ драмъ: убійство, внезапная смерть, самоубійство, ранняя смерть, гибель сильнаго духа, раззореніе, бѣдность, родственники, которыхъ, при какомъ угодно снисхожденіи, нельзя было назвать презентабельными. Можно-ли удивляться послѣ этого, что онъ мимоходомъ касался фонарныхъ столбовъ?

Удивительно-ли, что онъ не могъ выкинуть изъ головы эту ужасную исторію? Она заняла всѣ его мысли, вытѣснивши все остальное: большую экономическую статью для „XIX вѣка“, всѣ книги, всѣ занятія. Была-ли у него передъ глазами печатная страница, взглядъ его бѣгалъ по строчкамъ, но ничто не достигало мозга. Семейная драма стѣною становилась между нимъ и всѣмъ прочимъ, или, подобно ревнивому жильцу, выгоняла всякого пришельца, точно щеткою. Пытался ли онъ писать, перо выскальзывало у него изъ рукъ, ибо мозгъ угнетала все та-же мысль. И во всю долгую ночь, и во весь долгій день, передъ нимъ возникали и носились видѣнія,—ужасныя видѣнія, иллюстраціи къ драмѣ, картины, смѣнявшія другъ друга, точно въ кинематографѣ, и ни за что не исчезавшія, не забывавшіяся, даже не блѣднѣвшія.

Это состояніе только еще начиналось: очевидно, оно намѣрено было ухудшиться и усилиться, овладѣть имъ всецѣло и терзать его день и ночь, пока... Но конца онъ даже не могъ себѣ представить. Извѣстно, что при первыхъ симптомахъ долгой болѣзни, душою овладѣваютъ печальныя предчувствія. Сидѣлки и врачи внушаютъ бодрость и надежду: переломъ всегда даетъ возможность вывернуться. Паціентъ слушаетъ и старается не грустить; но онъ знаетъ, что правъ. Онъ понимаетъ безъ объясненій, что находится на пути въ застѣнокъ: дверь отворяется, онъ входитъ, потому что это неизбѣжно; ему предстоитъ лежать и мучиться... О, Господи, доколѣ?

Съ такими предчувствіями и гнетомъ на сердцѣ—невыразимыми предчувствіями и необъяснимымъ гнетомъ, Леонардъ медленно шелъ домой.

Было около трехъ часовъ по полудни, когда онъ поднялся къ себѣ по лѣстницѣ. Въ томъ настроеніи, въ какомъ онъ находился, подъ вліяніемъ мысли о вновь открытыхъ трагедіяхъ, онъ не нашелъ ничего особеннаго и неожидан-

наго въ томъ, что на ступенькахъ у его запертой двери сидѣла его кузина, Мэри-Анна; она конфузливо встала.

— Слуга сказалъ, что не знаетъ, когда вы вернетесь; поэтому я подождала,—проговорила она въ видѣ объясненія.

— Ему-бы слѣдовало попросить васъ подождать въ комнатахъ. Сказали вы ему, кто вы такая?

— Нѣтъ; это—ничего. Мнѣ жаль, что я нарушила вашъ воскресный отдыхъ.

— Мой...? Ахъ, да! Пожалуйста, войдите.

Она повиновалась и сѣла у огня, съ любопытствомъ осматривая комнату.

На колѣняхъ у нея было что-то, завернутое въ коричневую бумагу.

— Я думала, что вы придете домой обѣдать прямо изъ церкви,—начала она,—и потому явилась сюда около часу.

Она замѣтила, что лицо его печально, и затруднилась продолжать.

— Вы пришли сообщить мнѣ еще о семейныхъ бѣдствіяхъ?—отрывисто спросилъ онъ.

— Ахъ,—сказала она,—лучше-бъ я не приходила! Я говорила ей, что вамъ это совсѣмъ не нужно и не понравится. Да и зачѣмъ? Все это было такъ давно. Но бабушка настояла на своемъ. Я принесла вамъ тетрадь. Она говоритъ, что вамъ слѣдуетъ прочесть ее. Если вы не хотите, я унесу ее назадъ. Бабушка должна-бы понимать, что къ вамъ нечего приставать съ этою стариною.

Онъ собрался съ духомъ и принялъ веселый видъ.

— Пустяки!—сказалъ онъ.—Отчего-бы мнѣ не почитать объ этихъ давнихъ происшествіяхъ, которыя для меня такъ новы? Они касаются меня не менѣе, чѣмъ васъ.

Говоря такъ, онъ внимательно посмотрѣлъ на дѣвушку. Ея рѣчи и колебанія выказывали проницательность и чувство. По наружности она была приземиста и грубовата; черты лица принадлежали къ типу изъ наиболѣе ординарныхъ. На ней была черная суконная кофточка, темно-зеленая саржевая юбка и скромная шляпка съ черными перьями, кивавшими надъ головою, какъ надъ погребальнымъ балдахиномъ, по модѣ запрошлаго года; перчатки были сомнительны.

Съ перваго взгляда получалось впечатлѣніе полной незначительности; со второго взгляда дѣвушка начинала казаться интересной. Глаза у нея были хороши: это были глаза ея бабушки; маленькія и нѣжныя руки тоже походили на бабушкины; голосъ былъ звученъ и мягокъ, а выговоръ отчетливъ, въ противоположность грубому и неясному произношенію тѣхъ, съ кѣмъ она жила. Всѣмъ этимъ она напоминала бабушку. Леонардъ замѣтилъ эти подробности,—мысли

о личности кузины отвлекали его отъ семейной драмы,—и заинтересовался дѣвушкой.

— Кузиночка,—сказалъ онъ вдругъ,—вы очень похожи на бабушку.

— Похожа на бабушку?—Она покраснѣла отъ удовольствія: не бывая въ свѣтскомъ обществѣ, она до сихъ поръ не слыхивала комплиментовъ.—Да вѣдь она и сейчасъ красавица, а я... О!

Она засмѣялась.

— У васъ ея голосъ и ея глаза. Она, кажется, славная старушка.

— Она—самая славная и добрѣйшая на свѣтѣ и, ахъ, что ей пришлось пережить!

— Мнѣ грустно это слышать.

— Она заплакала отъ радости и гордости, когда вы ушли. Пятьдесятъ лѣтъ никто изъ ея семьи не навѣщалъ ее! Я никогда не видала ее настолько увлеченной, а вы были такъ добры и ласковы! А Самъ говорилъ, что вы горды, какъ герцогъ.

— Вашъ братъ не долженъ-бы судить по первому впечатлѣнію.

— Вы же оказались совсѣмъ не гордымъ. Ну, такъ бабушка сказала: „Никто не говорилъ ему о семейныхъ бѣдствіяхъ. Это просто срамъ. Я разсказала ему кое-что, но не все. Теперь пошлю ему мой альбомъ съ процессомъ“,—знаете съ процессомъ Джона Дуннинга за умышленное убійство Ланглея Хольма. Я принесла его. Вотъ онъ.

Она вручила ему пакетъ, лежавшій у нея на колѣняхъ.

— За этимъ я и пришла.

— Благодарю васъ,—сказалъ Леонардъ, небрежно бросивъ его на столъ.—Я прочту его или просмотрю когда-нибудь. Но признаюсь: меня не особенно интересуетъ процессъ; онъ происходилъ ужъ черезчуръ давно.

— Когда-то у нея былъ еще экземпляръ, только она отдала его вашему дѣдушкѣ не задолго до того, какъ онъ убилъ себя.

Леонардъ потомъ вспомнилъ объ этихъ словахъ, въ данную-же минуту не придалъ имъ значенія.

— Бабушка говоритъ, что у насъ несчастія наслѣдственны.

— Это она сказала и мнѣ. Наслѣдственны? Почему?—Лобъ его нахмурился.—Не знаю почему. Наслѣдственныя несчастія обыкновенно проистекаютъ отъ преступленій предковъ.

— Она такъ и думаетъ. Если-бы не семейный рокъ, она не вышла-бы за дѣдушку, онъ не разорился-бы; отецъ нашъ не былъ-бы приказчикомъ; Самъ тоже сдѣлалъ-бы блестящую карьеру, и я была-бы барышней, а не учительницей.

— Вы можете быть тѣмъ и другимъ, кузиночка. Теперь взгляните съ другой точки зрѣнія: я полагаю, что вашего дѣда разорило собственное неблагоразуміе; своею бѣдностью онъ былъ обязанъ самому себѣ. Вашъ отецъ не выдвинулся въ жизни, вѣроятно, потому, что оказался слабымъ въ борьбѣ за существованіе. Вашъ братъ сталъ членомъ почтенной корпораціи: на что же ему жаловаться?

— Это и я говорю по временамъ, но бабушка меня не слушаетъ; она стоитъ за семейный рокъ, какъ будто мы должны страдать за то, что сдѣлано сто лѣтъ назадъ. Я, по крайней мѣрѣ, въ это не вѣрю, а вы?

Онъ вспомнилъ о своей бесѣдѣ съ Констанціей на проселочной дорогѣ.

— Это—ужасный вопросъ. Не будемъ имъ смущаться. Давайте продолжать наше дѣло и не думать объ этомъ.

— Очень легко сказать: „не думать", когда она только о томъ и толкуетъ, особенно, когда глядитъ на Сама и вспоминаетъ васъ. Мнѣ надо сказать вамъ еще кое-что.

Она опустила голову и стала нервно переплетать пальцы.

— Мнѣ почти совѣстно сказать. Самъ никогда не простилъ бы мнѣ, но я прежде всего думаю о бабушкѣ и обо всемъ, что она вытерпѣла; поэтому хочу предостеречь васъ.

Она оглядѣлась: они были вдвоемъ.

— Это касается брата моего, Сама. Я хочу, я должна предостеречь васъ, чтобы онъ не поссорилъ васъ съ бабушкой.

— Ему это будетъ трудно. Ну, продолжайте.

— Онъ ѣздитъ въ деревню, гдѣ ваша усадьба, сидитъ и толкуетъ тамъ съ крестьянами. Онъ увѣряетъ, будто ѣздитъ узнавать о здоровьѣ старика, но на самомъ дѣлѣ разузнаетъ все, что касается имѣнія.

— Что ему за дѣло до имѣнія?

— Ему хочется узнать, куда дѣнутся всѣ деньги.

— Не воображаетъ-ли онъ, что мужики могутъ сказать ему?

— Не знаю. Видите-ли, у него голова набита мыслями, какъ-бы добыть хоть часть этихъ денегъ. Ему хочется, чтобы ихъ подѣлили между наслѣдниками. Онъ ихъ называетъ сбереженіями.

— Сбереженія!—нетерпѣливо повторилъ Леонардъ.—Это однѣ легенды. Я ничего о нихъ не знаю, и не знаю, куда онѣ пойдутъ.

— Самъ очень подозрителенъ. Онъ предполагаетъ какой-то заговоръ съ цѣлью устранить его отъ дѣлежа.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!? Такъ скажите ему, что прадѣдушкинъ повѣренный собираетъ доходы и поступаетъ съ

ними сообразно получаемымъ имъ инструкціямъ; у меня-же, напримѣръ, совѣта не спрашиваютъ.

— Я ужъ говорила, что вы ничего не знаете. Бабушка очень сердится. Видите: Самъ не можетъ думать ни о чемъ другомъ. Въ послѣднее время ему не повезло, и онъ утѣшается, высчитывая, сколько тамъ можетъ быть денегъ. Онъ заставлялъ меня высчитывать долго, долго и все въ сложныхъ процентахъ: онъ-то до нихъ не дошелъ. Если вы никогда не высчитывали...

— Никогда. Я, какъ и Самъ, до этого еще не дошелъ.

— Ну, сумма получается, дѣйствительно, удивительная. Иногда мнѣ кажется, что само правило невѣрно. Выходитъ около полутора милліона.

— Въ самомъ дѣлѣ?—беззаботно сказалъ Леонаръ.—Намекните, если можно, брату, что онъ строитъ свои надежды на весьма шаткомъ основаніи.

— Половину этой суммы онъ надѣется получить. Онъ говоритъ, что единственные наслѣдники, это—бабушка и вы. Онъ говоритъ: что ея—то его. Онъ заставилъ ее подписать какую-то бумагу, для передачи ему ея доли.

— Ого! А вамъ-то что достанется?

— Ничего, потому что все будетъ бабушкино; а такъ какъ она подписала бумагу, то все достанется ему.

— Напрасно она подписывала что-либо, хотя думаю, что подобный документъ не можетъ имѣть значенія.

— Самъ говоритъ, что она должна его семьѣ за содержаніе въ теченіе пятидесяти лѣтъ: это составляетъ двадцать тысячъ фунтовъ, кромѣ карманныхъ и случайныхъ расходовъ и платы за квартиру. Откуда онъ это беретъ, не знаю, потому что, по моему, бѣдная бабушка стоитъ не больше тридцати фунтовъ въ годъ. Имѣетъ-ли онъ право требовать эти деньги?

— Разумѣется, нѣтъ. Она ничего не должна ему. Боюсь, что вашъ братъ не особенно придерживается христіанскихъ правилъ. Не такъ-ли?

Она вздохнула.

— Онъ ходитъ въ церковь: по его мнѣнію это хорошо для дѣлъ. Мама держитъ сторону Сама. Они нападаютъ на нее каждый день. Ахъ, г. Кампейнь, неужели это все—однѣ Самовы фантазіи? Неужели не окажется никакихъ денегъ? Если онъ это узнаетъ, то просто сойдетъ съ ума.

— Не знаю. Вы его не слушайте и сами не думайте о деньгахъ.

— Иногда не могу удержаться. Пріятно думать о богатствѣ послѣ такой бѣдности. Вѣдь иногда намъ, женщинамъ, приходилось много дней сряду довольствоваться копченой

селедкой и ломтемъ хлѣба, вмѣсто обѣда. Что-же касается платьевъ, перчатокъ и всякихъ красивыхъ вещей...

— Но теперь у васъ есть жалованье, работа. Тѣ времена прошли. Не мечтайте-же о внезапномъ обогащеніи.

Она встала.

— Не буду. Скверно мечтать о богатствѣ.

— Что стали бы вы дѣлать съ деньгами, если бы ихъ у васъ было много?

— Прежде всего, было бы такъ пріятно не думать о квартирной платѣ и не мучиться, чѣмъ заплатить доктору въ случаѣ болѣзни! А потомъ, Самъ всегда былъ бы въ духѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ Леонардъ рѣшительно,—Самъ не всегда былъ бы въ духѣ.

— Тогда я увезла бы бабушку, съ нимъ пусть оставалась бы мама.

— Знаете, вамъ пришлось бы бросить ваше дѣло: школу, ребятъ и все такое.

— Развѣ я не могла бы продолжать учительствовать?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Ну, это—плохо. Ахъ, я не могла бы бросить школу и ребятъ.

— Такъ... А что бы вы стали покупать?

— Книги. Я бы стала покупать книги.

— Въ безплатной библіотекѣ можете имѣть ихъ даромъ. Вамъ хочется нарядныхъ платьевъ?

— Каждая женщина любитъ быть хорошо одѣтой,—сказала она.—Но нарядныя платья мнѣ не нужны, я не стала бы носить ихъ.

— Значитъ, въ этомъ отношеніи вы не выиграли бы ничего. Вамъ нужна карета?

— Нѣтъ; у меня есть велосипедъ.

— Не хотите ли вы раздавать деньги?

— Нѣтъ. Бѣдные становятся только хуже, когда получаютъ деньги даромъ.

— Очень хорошо. И такъ, кузиночка, вы сами дали себѣ урокъ. У васъ есть трудъ, который вы любите. Вознаграждается онъ недурно. Доступъ къ книгамъ вы имѣете сколько угодно; одѣваетесь сообразно вашему вкусу и желанію. Не хотите ли улучшить вашу пищу?

— Ну, пищей я довольна! Мы, женщины, не особенно прихотливы въ ѣдѣ. А Самъ постоянно спрашиваетъ еще хлѣба съ масломъ за чаемъ!

— Ахъ, жадное существо! Теперь, Мэри-Анна, потрудитесь подумать обо всемъ этомъ и не толковать болѣе о семейномъ рокѣ примѣнительно къ собственной личности. Вы

только представьте себѣ, какою несчастною дѣвушкою вы бы стали, если бы внезапно разбогатѣли.

Она весело разсмѣялась.

— Несчастною,—сказала она.—Вотъ ужъ никогда не думала! Вы хотите сказать, что я не знала бы, что дѣлать съ деньгами?

— Нѣтъ, не то. Вы не знали бы, что дѣлать съ собою. Вы были воспитаны въ извѣстныхъ жизненныхъ условіяхъ. Разбогатѣвши, вамъ пришлось бы измѣнить ихъ. Богатымъ можетъ быть только тотъ,—заключилъ этотъ философъ, которому предстояло унаслѣдовать помѣстье,—кто родился въ богатствѣ и потому не чувствуетъ его бремени.

— Вѣроятно, такъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы повторили все это при Самѣ. Только онъ не сталъ бы слушать.

— А какъ бы вамъ понравилось получать все, что угодно, по первому требованію. У богатой дѣвушки вовсе нѣтъ желаній, нѣтъ стремленій добыть желаемое, нѣтъ ожиданія и радости при достиженіи цѣли. Будете ли вы это помнить?

— Буду. Да, непремѣнно.

— Окончательно выкиньте изъ головы эти скверныя мысли о деньгахъ, продолжайте дѣлать ваше дѣло и этимъ будьте счастливы.

Она серьезно кивнула головой.

— Я этимъ счастлива. Только иногда...

— И помните, пожалуйста, что если вашей бабушкѣ чего-нибудь захочется,—чего бы то ни было,—то вы должны дать мнѣ знать. Вы это сдѣлаете? Вы доставите мнѣ удовольствіе дать ей желаемое?

— Да, да, непремѣнно. А вы скоро будете у насъ?

— Я навѣщу васъ очень скоро.

— Я скажу бабушкѣ. Это ее обрадуетъ. О! болѣе чѣмъ я могу сказать. А вы прочтете тетрадь, не правда ли? ей въ угоду.

— Я прочту тетрадь въ угоду ей.

— Ей очень хочется опять повидать васъ. И мнѣ тоже. О, г. Кампейнь... кузенъ... какъ пріятно съ вами разговаривать!

X.

Обѣдъ въ клубѣ.

Послѣ того, какъ дѣвушка ушла, Леонардъ нѣсколько секундъ простоялъ неподвижно, глядя передъ собою въ пространство. Упущенія судьбы, о которыхъ такъ жалѣла Констанція, казались вполнѣ неисправимыми. Онъ совершенно уподобился прочимъ людямъ съ бѣдными родственниками и

множествомъ фактовъ и людей, которыхъ приходится стыдиться. Всего недѣлю назадъ, у него не было ничего подобнаго; теперь же оказывалось все, и ни въ чемъ не было недостатка. Ему въ изобиліи, хотя неожиданно, ниспосланы всѣ тѣ дары, которыхъ доселѣ онъ былъ лишенъ. Но онъ не оказывался на высотѣ своего положенія: онъ не испытывалъ ни малѣйшей благодарности и охотно отказался бы отъ всѣхъ этихъ новыхъ благъ: трагедіи, новаго родства и величественной теоріи о фамильномъ рокѣ.

Онъ вспомнилъ о завернутомъ въ коричневую бумагу пакетѣ, который обѣщалъ прочесть, и снялъ обертку. Внутри оказалась маленькаго формата книжка изъ тѣхъ, что называютъ альбомами. Онъ раскрылъ ее и сталъ перелистывать. Болѣе чѣмъ на половину она была полна вырѣзками изъ газетъ и писаннымъ текстомъ между ними, передъ ними и послѣ нихъ. Во время перелистыванія, имъ овладѣвало невыразимое отвращеніе. Онъ оттолкнулъ книжку и полубезсознательно откинулся на кресло.

Придя въ себя, онъ опять взялъ тетрадь. Имъ снова овладѣло то же чувство, но уже не такъ сильно. Онъ тихонько положилъ ее, точно вещь, которая могла бы причинить ему вредъ. Его знобило, пробирала дрожь: въ первый разъ въ жизни онъ боялся чего-то. Онъ испытывалъ тотъ смертельный ужасъ, который нападаетъ на суевѣрныхъ людей въ пустыхъ домахъ и уединенныхъ мѣстахъ, когда темно: ужасъ необъяснимый, безпричинный и неожиданный.

Этотъ молодой человѣкъ никогда не бывалъ суевѣрнымъ. Онъ совершенно не боялся ничего сверхъестественнаго; онъ, не поморщившись, переночевалъ бы одинъ въ церковномъ склепѣ, среди гробовъ, костей и оскаленныхъ череповъ. Поэтому такой странный ужасъ, точно передъ грядущею бѣдою, удивилъ его. Онъ казался ему связаннымъ съ тетрадкою. Онъ сталъ ее брать и класть назадъ нѣсколько разъ; и каждый разъ испытывалъ тотъ же трепетъ, то же замираніе сердца.

Онъ рѣшилъ, что оставитъ книгу и выйдетъ, а по возвращеніи преодолѣетъ свою слабость. Онъ вспомнилъ, что вернувшійся австраліецъ, богачъ, удачливый родственникъ, долженъ былъ обѣдать съ нимъ въ клубѣ. Онъ положилъ книгу на столъ, взялъ шляпу и ушелъ, чтобы, хоть до обѣда, избавиться отъ вида этой заколдованной тетрадки, наводившей на него страхъ и трепетъ.

Дядя Фрэдъ явился въ превосходнѣйшемъ настроеніи, олицетворяя собой процвѣтаніе колоній и бесѣдуя громче, чѣмъ было принято въ этомъ клубѣ. Онъ спросилъ горькой водки, потомъ повторилъ, что удивило окружающихъ, и лишь тогда призналъ себя готовымъ къ обѣду.

Дѣйствительно, онъ былъ готовъ и обнаружилъ необычайную способность не только поглощать пищу, но и лить въ себя вино непрерывною струею. Шампанское, подаваемое по новѣйшей модѣ, безъ другихъ винъ, текло въ него, какъ ручей течетъ въ пропасть, безъ остановки и безъ конца. По оканчаніи обѣда откупоренныя и опорожненныя бутылки образовали цѣлый маленькій лѣсъ. Лакеи еще не видывали столь блистательнаго зрѣлища въ этомъ клубѣ, гдѣ большинство членовъ довольствовалось какою-нибудь пинтою кларета. А этотъ поразительный гость выпилъ цѣлую бутылку кларета. Затѣмъ, перейдя въ курильную, онъ, вслѣдъ за кофе, быстро проглотилъ три рюмки ликеру, потомъ закурилъ сигару и спросилъ содовой воды съ виски. Послѣ этого, аккуратно каждые четверть часа, онъ кричалъ, чтобы ему подавали виски и содовой воды, и сколько онъ выпилъ—невозможно сосчитать. Порціи эти были безчисленны, какъ поцѣлуи любви. Это изумительное истребленіе вина и водки началось въ половинѣ девятаго и продолжалось до половины двѣнадцатаго.

Леонардъ видѣлъ, что всѣ въ комнатѣ глядятъ въ безмолвномъ удивленіи; одобреніе же и зависть лакеевъ выражались особенной серьезностью ихъ лицъ. Клубный лакей очень любитъ тѣхъ счастливцевъ, которые могутъ пить, не стѣсняясь. Глубочайшее почтеніе и восторгъ въ немъ возбуждаетъ тотъ, кто уподобляется винной бочкѣ, не выказывая признаковъ опьянѣнія. Этотъ-же гость отъ начала до конца былъ „ни въ одномъ глазѣ“, языкъ его не заплетался, и вообще совсѣмъ не видно было, что онъ столько выпилъ.

Правда, онъ говорилъ громче, чѣмъ было принято въ этомъ клубѣ. Но вѣдь онъ и обыкновенно бесѣдовалъ такъ громко, что рѣчи его были слышны во всѣхъ углахъ, какъ бы велика ни была комната. Предметы его рѣчей, разсказываемые имъ анекдоты, самая форма, въ которую онъ облекалъ свои мысли, удивляли прочихъ посѣтителей клуба—удивляли и восхищали ихъ безмѣрно, потому что они еще не видывали здѣсь такого громогласнаго и откровеннаго гостя и потому, что именно Кампейнью,—Леонарду Кампейнью, безупречному, холодному, суровому,—посчастливилось привести сюда эту бочку для крѣпкихъ напитковъ, эту трубу Іерихонскую, провозглашавшую невѣроятныя вещи. На другой день по клубу ходили анекдоты, пущенные очевидцами, насмѣшники зубоскалили, а тѣ, кому не удалось видѣть самимъ, завидовали очевидцамъ.

— Леонардъ,—говорилъ этотъ восхитительный собесѣдникъ поздно вечеромъ и еще громче, нежели днемъ,—думаю, что кто-нибудь передавалъ тебѣ исторію о той... знаешь...

бумажкѣ... изъ-за чего мнѣ пришлось покинуть родину. Скандаловъ и раньше было не мало, но я говорю о самомъ главномъ. Тебѣ было тогда всего три или четыре года. Ты, разумѣется, не можешь помнить.—Прочіе посѣтители подняли головы. Они были похожи на г-жу Клуппинсъ. Подслушивать они сочли бы унизительнымъ, но въ данномъ случаѣ не возможно было не слышать.

— Мнѣ никто ничего не разсказывалъ, т. е. я услышалъ нѣчто только на дняхъ. Безо всякихъ подробностей. Мнѣ лишь сообщили о причинѣ.

— Желаешь-ли ты знать истинную правду?

— Нѣтъ! О, Боже мой, нѣтъ! Оставьте въ покоѣ минувшіе скандалы, — возразилъ Леонардъ на столько тихо, на сколько допускало его крайнее негодованіе.—Давайте погребемъ все это и предадимъ забвенію.

— Милый племяничекъ,—онъ положилъ большую руку на колѣно Леонарда,—полагаю, что тебѣ сказали правду. Только, видишь-ли,—онъ произнесъ эти ужасныя слова такъ громко, что удовлетворилъ любопытство всѣхъ присутствующихъ,—на самомъ-то дѣлѣ подпись и все прочее сдѣлалъ вѣдь не я, а тотъ—Хрисъ; вотъ и все. Почтеннѣйшій Хрисъ сдѣлалъ это, а никакъ не я.

— Говорю вамъ, что я совсѣмъ не хочу этого знать.

— Мнѣ это все равно, ты долженъ знать. Неужели ты воображаешь, что, разбогатѣвши и вернувшись черезъ столько лѣтъ домой, я стану терпѣть на себѣ гнетъ подобнаго обвиненія? Нѣтъ, сударь, я намѣренъ держать голову также высоко, какъ и ты; пусть Хрисъ вѣшаетъ свою, если угодно. Я же не стану... человѣкъ, еще виски съ содовой водою!.. Въ тѣ дни мы съ Хрисомъ забавлялись вдвоемъ и забавлялись не дурно. Потомъ денежки уплыли и намъ пришлось круто. Хрисъ это и продѣлалъ. Спроси его, коль хочешь. Потому что, видишь-ли...

— Довольно-же, довольно,—Леонардъ оглянулся: посѣтителей оставалось всего трое или четверо. Они сидѣли по одиночкѣ, каждый съ журналомъ въ рукахъ, и дѣлали видъ, будто внимательно читаютъ. Но въ наружности ихъ было нѣчто неуловимое, показывавшее, что они слышали каждое слово восхитительнаго гостя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ говорилъ достаточно громко. Въ порядочномъ клубѣ не каждый день услышишь разоблаченія относительно чьей-то подписи на какомъ-то документѣ.

— Довольно сказано!—съ нетерпѣніемъ повторилъ Леонардъ.

— Любезнѣйшій, ты перебиваешь! Я все тебѣ объясню если позволишь.

— Я не желаю слушать.

— Дѣло не въ томъ, что ты желаешь, а въ томъ, что ты долженъ,—внушительно и серьезно произнесъ дядя Фрэдъ. Имъ было выпито слишкомъ много, даже и для него; отъ этого онъ сталъ упрямъ, отъ этого-же онъ совершенно переталъ контролировать свой голосъ. Но при всѣхъ этихъ изъянахъ его серьезность только возростала.—Надо блюсти свою репутацію, Леонардъ, репутацію и собственное достоинство, и надо умѣть прощать. Я вернулся, не помня зла, что будетъ доказано моимъ завѣщаніемъ, когда Авраамъ призоветъ меня на лоно свое.

— Ахъ, пожалуйста...

— Нѣтъ, пожалуйста, выслушай!.. Человѣкъ, какого чорта мнѣ до сихъ поръ еще не даютъ виски и содовой воды?.. Видишь, Леонардъ. Тутъ былъ одинъ ростовщикъ...

— Нечего толковать о ростовщикѣ...

— Я долженъ толковать о немъ. Помилуй, онъ замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ. Я сейчасъ забылъ, какъ онъ именно замѣшался, но онъ замѣшанъ, о да! Въ тѣ времена мы съ Хрисомъ постоянно бывали у него въ долгу. Чертовскій парень этотъ Хрисъ! Такъ этому жадному червю или крокодилу приходилось платить. Онъ всегда требовалъ денегъ то у Хриса, то у меня. Дай мнѣ вспомнить...

— Развѣ это такъ важно?

— Правда, сударь, и репутація всегда важны. Что сказалъ ростовщикъ, я сейчасъ забылъ. Думаю, что Хрисъ помнитъ: это скорѣй его дѣло, чѣмъ мое. И вышло вотъ что...— Онъ осушилъ свой стаканъ и забылъ, что собирался сказать.—Когда онъ ушелъ, я и говорю Хрису: „ну, братъ, здорово-же ты влопался". Я твердо помню, что влопался онъ, а не я, потому что и штука-то была сдѣлана, чтобы его вызволить. Отсюда ясно, что сдѣлалъ ее Хрисъ, а не я. Мнѣ необходимо было,—прибавилъ онъ съ достоинствомъ,—сдѣлать это развлеченіе... разоблаченіе; меня обязываетъ къ тому чувство собственнаго достоинства. Итакъ, ты понимаешь, что влопался мой братецъ Хрисъ.. человѣкъ, дай еще виски съ содовой!.. Я хочу, чтобы ты отчетливо понялъ, какъ это было.—Леонардъ застоналъ.—Разумѣется, когда дѣло дошло до подписи на бумажкѣ, а бумажка-то была чекъ...

— Ради Бога, замолчите!—прошепталъ Леонардъ.

— Я зналъ и сказалъ ему, что свѣтъ, который безжалостенъ и не знаетъ снисхожденія, назоветъ этотъ поступокъ дурнымъ именемъ. Что и случилось. Но кто могъ предвидѣть, что обвиненіе падетъ на меня?

Леонардъ вскочилъ. Дѣло становилось серьезнымъ.

— Одиннадцать часовъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ пора.

— Пора? А я только что расположился путемъ побесѣдовать. Я думалъ, мы просидимъ до двухъ, до трехъ. Впрочемъ, я почти кончилъ. Остается только сообщить тебѣ, что чекъ...

— Нѣтъ, мнѣ совершенно некогда. У меня назначено свиданіе, есть работа и необходимо писать письма.

Дядя Фрэдъ медленно поднялся.

— Какъ измельчалъ народъ-то,—сказалъ онъ.—По нашему и день-то не начинается, въ сущности, раньше полуночи. Но разъ таковы твои привычки.. Что-жъ, Леонардъ, спасибо за угощеніе. Шампанское было превосходно. Человѣкъ... Нѣтъ, я подожду до гостиницы. Тамъ—два, три стаканчика, и въ постель. Умѣренность, воздержаніе, правильная жизнь—таковы теперь мои правила и мой девизъ.

— Вотъ здѣсь выходъ,—сказалъ Леонардъ, ибо дядюшка стремился въ противоположную сторону.

— Еще одно предупрежденіе. Не говори Хрису объ этой исторіи, потому что тогда услышишь ее въ искаженной передачѣ,—да, сударь, въ искаженной...

Онъ слегка споткнулся, идя по лѣстницѣ, но ничѣмъ инымъ не выдалъ той неукротимой и чудовищной жажды, которую утолялъ весь вечеръ.

Леонардъ пошелъ домой въ глубочайшемъ уныніи и конфузѣ. Зачѣмъ привелъ онъ этого человѣка въ такой клубъ? Его-бы слѣдовало угостить обѣдомъ въ сквернѣйшемъ трактирѣ, полномъ самыхъ буйныхъ пьяницъ.

— Онъ не можетъ быть тѣмъ, за что выдаетъ себя,—размышлялъ Леонардъ.—Богатый человѣкъ сознаетъ отвѣтственность своего положенія, этотъ же болтаетъ безо всякой сдержанности и достоинства. Онъ привыкъ водить компанію съ подонками общества, бывать въ кабакахъ и трактирахъ. Ему слѣдовало-бы вращаться въ другомъ кругѣ, хотя-бы ради его богатства.

Семейная исторія всплывала вновь.

— Ты угощалъ,—гласила она,—еще одного несчастнаго. Этому человѣку подъ пятьдесятъ. Онъ срамитъ и выдаетъ себя всячески; по его собственному признанію, хотя онъ богатъ и благополученъ, онъ дружитъ и водится со всякимъ сбродомъ, отъ котораго не отличается ни мыслями, ни чувствами Нравственныхъ правилъ у него нѣтъ совсѣмъ; пьетъ онъ безъ мѣры и предѣла и оскандалилъ тебя въ клубѣ. Совѣтъ старшинъ непремѣнно потребуетъ объясненія.

Моралисты свидѣтельствуютъ, что нашъ вѣкъ есть вѣкъ распущенности. Существуютъ такіе способы заработка, которые прежде считались недопустимыми; въ клубы допускаются люди, которые прежде не посмѣли-бы выступить и канди-

датами. Въ умѣ Леонарда оставалось еще непоколебимымъ убѣжденіе, что есть вещи, которыхъ не долженъ дѣлать джентельменъ, что есть люди, въ обществѣ которыхъ онъ не долженъ бывать. Между тѣмъ, изъ рѣчей этого человѣка явствовало, что, какова-бы ни была его дѣятельность, онъ привыкъ водиться съ бродягами, ходебщиками, странниками и пастухами.

XI.

Книга вырѣзокъ.

Леонардъ освѣтилъ свой кабинетъ; его взглядъ упалъ на тетрадь съ вырѣзками. Онъ посмотрѣлъ на часы. Было почти двѣнадцать. Онъ взялся за тетрадь. Волна отвращенія такъ и хлынула ему въ душу. Онъ преодолѣлъ это чувство, заставилъ себя раскрыть книгу и началъ читать съ самаго начала.

Содержаніе заключалось, какъ онъ уже видѣлъ, въ газетныхъ вырѣзкахъ со связующимъ письменнымъ текстомъ. На заглавномъ листѣ изящнымъ косымъ почеркомъ было написано слѣдующее объясненіе:

„Эту книгу я получила отъ г-жи Никольсъ, прослужившей у насъ тридцать лѣтъ въ экономкахъ. Она вырѣзала изъ газетъ все, что касалось преступленія и его послѣдствій. Тутъ есть отчетъ объ убійствѣ, слѣдствіи и судѣ. Она прибавила и собственныя замѣчанія о томъ, что сама помнила и видѣла. Вырѣзки эти и замѣтки она сдѣлала въ двухъ экземплярахъ и наклеила ихъ въ два альбома, при чемъ одинъ отдала мнѣ, а другой я нашла у нея въ комнатѣ по ея смерти. Этотъ послѣдній экземпляръ я послала моему брату за три дня до его самоубійства“.

Подъ этимъ объясненіемъ находилась подпись: „Люси Галлей, рожденная Кампейнь“. Затѣмъ шли вырѣзки и замѣтки.

Первая вырѣзка была взята изъ еженедѣльной газеты ближайшаго городка:

„Съ прискорбіемъ сообщаемъ о преступленіи, набросившемъ тѣнь на нашу мѣстность, доселѣ свободную отъ всякихъ насильственныхъ дѣяній. Его жертвою палъ молодой дворянинъ, всѣми любимый и уважаемый: г. Ланглей Хольмъ изъ Вестердинъ-Хауза, близъ города Эмершама.

„Этотъ несчастный заѣхалъ на нѣсколько дней къ своему зятю г-ну Олджернону Кампейню, мировому судьѣ, въ Кампейнь-Паркѣ. Во вторникъ, восемнадцатаго мая, какъ видно будетъ изъ нашего отчета о слѣдствіи, хозяинъ и гость пошли прогуляться послѣ чая. Было около десяти часовъ; они про-

шли по парку, пересѣкли проѣзжую дорогу, проходящую за нимъ, перелѣзли черезъ плетень въ поле и прошли по межѣ до рощицы, замыкающей это поле. Тутъ г. Кампейнь вспомнилъ о какомъ-то забытомъ дѣлѣ и, покинувъ пріятеля, вернулся одинъ. Когда нашли г-на Хольма — неизвѣстно, по прошествіи какого промежутка времени съ тѣхъ поръ, какъ г. Кампейнь разстался съ нимъ, но, очевидно, не ранѣе, какъ черезъ два часа—онъ лежалъ на землѣ, давно мертвый, съ головою, буквально расплющенной толстою дубиною—древеснымъ сукомъ или сломаннымъ нарочно, или валявшимся на землѣ къ услугамъ убійцы. Тѣло унесли въ домъ, гдѣ гостилъ умершій.

„Прискорбно сообщить, что сестра несчастнаго, супруга г-на Кампейня, была такъ потрясена извѣстіемъ, сообщеннымъ ей внезапно и безъ предосторожности, что подверглась преждевременнымъ родамъ и черезъ часъ скончалась. Такъ злополучный г. Олджернонъ Кампейнь, будучи самъ въ молодыхъ лѣтахъ, лишился жены и зятя, такъ сказать, въ одинъ моментъ. Г. Ланглей Хольмъ тоже былъ женатъ и оставилъ малолѣтнюю дочь, которой вмѣстѣ съ матерью суждено оплакивать свою невознаградимую потерю. Слѣдствіе производилось въ среду утромъ“.

Затѣмъ шелъ рукописный отрывокъ:

„Я сидѣла у себя въ комнатѣ, въ комнатѣ экономки, послѣдней въ южномъ флигелѣ, въ нижнемъ этажѣ и выходящей въ садъ: на этомъ концѣ дома расположенъ черный ходъ. Утромъ, только что часы пробили десять, я увидала, что баринъ съ г-номъ Ланглеемъ Хольмомъ прошли по террасѣ въ садъ, а потомъ въ паркъ, направо; они пріятельски бесѣдовали и были полны жизни, находясь въ молодыхъ лѣтахъ и обладая живостью и остроуміемъ. Характеры у обоихъ были не изъ покладистыхъ, какъ и требуется отъ владѣльцевъ такихъ помѣстій, какъ это, для управленія которымъ не годились бы кротость и смиреніе, а требуется духъ повелительный и твердый.

„Черезъ три четверти часа я услышала въ саду шаги и подняла голову отъ работы. Баринъ подходилъ къ дому одинъ. Онъ шелъ быстро и размахивалъ руками, что мнѣ часто приходилось наблюдать. Теперь вспоминаю, что лицо его было блѣдно. Можно подумать, что у него было предчувствіе. Онъ вошелъ въ домъ изъ сада и прошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

„Въ это утро барыня чувствовала себя плохо, и предполагалось послать за докторомъ, но она отказалась отъ этого, понадѣявшись, что нездоровье пройдетъ. Чай ей подали въ въ постель, и я не была за нее спокойна. Теперь жалѣю отъ всего сердца, что не послала записки доктору, жившему за

три мили и которому ничего не стоило бы пріѣхать. Тогда онъ оказался бы при ней въ минуту полученія извѣстія.

„Какъ бы то ни было, около полудня, или немного позже, я услышала въ саду шаги и увидѣла картину, отъ которой застыла вся кровь моя: четверо, тихо ступая, несли ставень, а на ставнѣ было одѣяло, покрывавшее собою что-то. О, нельзя было не угадать что именно. Это было человѣческое тѣло. Сердце во мнѣ упало, и я выбѣжала, крича:

— Господи Боже мой, что случилось?

„Одинъ изъ нихъ, по имени Джонъ Дуннингъ сказалъ:

— Это г. Хольмъ. Я поднялъ его мертвымъ. Кто-то убилъ его.

„Я завопила и побѣжала въ домъ прямо въ кухню, тамъ я разсказала всѣмъ, позабывши съ перепугу о бѣдной барынѣ.

„Тогда всѣ бабы въ домѣ взвыли, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, барыня встала, она уже была одѣта и вышла на площадку: здѣсь она услышала вопль.

— Что случилось?—спросила она.

— Г-на Хольма убили.

„Не знаю, кто сказалъ ей это. Ни одна изъ горничныхъ потомъ не призналась; но она, какъ услышала, такъ упала навзничь, точно ее опрокинули.

„Мы подняли ее и уложили въ постель. Черезъ часъ, когда пріѣхалъ докторъ, была уже мертва наша барыня,— красавица, добрая, кроткая, великодушная! Она скончалась, и намъ только оставалось няньчить ея новорожденную дѣвочку. Что же касается ея мужа, то бѣдный баринъ сидѣлъ въ кабинетѣ, блуждая глазами и сразу похудѣвши съ горя: на него было и жалко и страшно глядѣть. Въ одно утро погибли жена и зять, жена и другъ. Кто слыхалъ что-либо подобное? А несчастную жертву, т. е. покойнаго г. Хольма, положили въ столовой въ ожиданіи слѣдствія".

Дочитавъ до этого мѣста, Леонардъ положилъ тетрадь и посмотрѣлъ вокругъ. Все было тихо. Даже съ улицы не доносилось ни звука. Опять на него напало то же странное отвращеніе, похожее на тошноту. Онъ закрылъ глаза и откинулся на спинку стула. Передъ нимъ яркимъ видѣніемъ проходили люди, несшіе трупъ убитаго; онъ видѣлъ, какъ пораженная женщина съ воплемъ валилась на полъ; видѣлъ стараго затворника молодымъ, сидящимъ въ уединеніи съ убитымъ видомъ, между тѣмъ какъ въ столовой лежалъ одинъ трупъ, а на брачномъ ложѣ—другой.

Чувство тошноты прошло. Леонардъ открылъ глаза и принудилъ себя продолжать чтеніе; но сердце его билось, и тяжелыя опасенія не покидали его.

7*

„Я помню, что весь домъ затихъ, затихъ на столько, что въ моей комнатѣ были слышны крики и возгласы мальчиковъ, находившихся въ дѣтской, рядомъ со спальней, гдѣ лежала ихъ покойная мать. Мальчики эти были: г. Ланглей, тогда трехлѣтній, и г. Христофоръ, тогда полуторагодовой.

„Невинные малютки совсѣмъ не понимали, какою ужасною судьбою грозитъ имъ трагедія этого дня. Имъ предстояло расти безъ матери: страшнѣйшее несчастіе, какое только можетъ постигнуть ребенка. Отца они тоже все равно что лишились, потому что баринъ до сихъ поръ не оправился отъ удара, и боюсь, что не оправится совсѣмъ.

„На другой день, въ среду утромъ, пріѣхалъ слѣдователь со своими присяжными и произвелъ дознаніе. Они осмотрѣли тѣло въ столовой. Я была тутъ же и слышала все. Газетный отчетъ довольно вѣренъ, насколько помню".

Газетная вырѣзка гласила слѣдующее: „Въ прошедшую среду девятнадцатаго числа сего мѣсяца, въ Кампейнь-Паркѣ было произведено дознаніе по поводу скоропостижной смерти Ланглея Хольма, мирового судьи, владѣльца Вестердинъ-Хауза близь Эмершама, двадцати восьми лѣтъ отъ роду. Какъ описано въ нашемъ послѣднемъ номерѣ, онъ былъ найденъ мертвымъ при обстановкѣ, явно указывающей на убійство, въ лѣсу, недалеко отъ Кампейнь-Парка, гдѣ онъ гостилъ у своего пріятеля и зятя, г-на Олджернона Кампейнь.

„Смерть была засвидѣтельствована докторомъ Ольденомъ. Онъ показалъ, что ее причинилъ ударъ тяжелою дубиною или сукомъ, вѣроятно, поднятымъ гдѣ-нибудь по близости. Дубина лежала на столѣ: неровный сукъ, на одномъ концѣ толстый и запачканный кровью. Изслѣдованіе ранъ показало, что нанесенъ былъ только одинъ ударъ и при томъ твердою и рѣшительною рукою, что онъ причинилъ смерть, и что смерть должна была наступить моментально.

„Г. Олджернонъ Кампейнь, мировой судья, владѣлецъ Кампейнь-Парка показалъ, что покойный, по имени Ланглей Хольмъ, былъ его деверемъ и ближайшимъ пріятелемъ; что онъ гостилъ у нихъ и что во вторникъ утромъ вышелъ съ нимъ послѣ чая на прогулку. Они прошли по парку, пересѣкли дорогу, перелѣзли черезъ заборъ и по тропинкѣ сошли съ холма. Они входили въ тотъ лѣсъ, гдѣ впослѣдствіи было найдено тѣло, когда самъ онъ вспомнилъ, что въ это утро ему слѣдуетъ написать и отправить одно письмо; поэтому онъ остановился и объяснилъ, что долженъ вернуться. Къ несчастію, его деверь предпочелъ продолжать прогулку одинъ. Г. Кампейнь пошелъ домой. Онъ болѣе не видалъ покойнаго, пока того не принесли уже мертвымъ.

„Слѣдователь спросилъ, не видалъ-ли онъ кого въ лѣсу. Онъ отвѣтилъ, что внимательно не смотрѣлъ, но никого не видѣлъ.

„Маленькій мальчикъ, назвавшійся Томми Даддомъ и сказавшій, что понимаетъ значеніе присяги, показалъ, что находился на холмѣ, гдѣ пугалъ птицъ весь день; что онъ видѣлъ, какъ господа перелѣзли черезъ заборъ и пошли вдвоемъ по межѣ, разговаривая быстро и громко; что они дошли до рощи и что одинъ изъ нихъ, Кампейнь, вернулся назадъ; что онъ оглядывался, проходя по тропинкѣ, точно поджидалъ еще кого-нибудь, а потомъ пошелъ очень быстро.

— Постой, — сказалъ слѣдователь, — нужно хорошенько выяснить эти факты. Ты видѣлъ, какъ г. Кампейнь и покойный перелѣзли черезъ заборъ и дошли до рощи?

— Да.

— И ты видѣлъ, какъ г. Кампейнь повернулся и пошелъ прочь?

— Да.

— Теперь продолжай.

— Долго спустя, вижу, что съ фермы къ межѣ, по полю, идетъ Джонъ Дуннингъ; за плечами онъ несъ корзину съ чѣмъ-то; на немъ была блуза. Онъ тоже вошелъ въ рощу, но въ ту-же минуту выбѣжалъ и побѣжалъ на ферму; пришли еще трое и унесли что-то.

— Никто иной не входилъ въ рощу?

— Нѣтъ, никто.

„Джонъ Дуннингъ показалъ, что занимается земледѣліемъ; что въ тотъ день онъ шелъ на работу и долженъ былъ пройти рощею; что на полупути онъ наткнулся на человѣка, котораго принялъ за спящаго. Присмотрѣвшись поближе, онъ разглядѣлъ, что это какой-то баринъ, что онъ мертвъ и лежитъ въ лужѣ крови. Отпечатковъ ногъ или слѣдовъ борьбы вовсе не было. Онъ постарался поднять трупъ, при чемъ испачкалъ руки и блузу въ крови; около тѣла оказалась неровная дубина, съ одного конца покрытая кровью; сдѣлавъ это открытіе, онъ выбѣжалъ изъ рощи и какъ можно скорѣй добрался до ближайшей фермы, гдѣ поднялъ тревогу и добылъ четверыхъ людей со ставнемъ и одѣяломъ.

„Слѣдователь подвергъ этого свидѣтеля основательному допросу. Гдѣ онъ работалъ? Мѣстный-ли онъ уроженецъ? Что онъ несъ на плечѣ? Можетъ-ли онъ присягнуть, что это была не та дубина, которая лежала около тѣла?

„На всѣ эти вопросы свидѣтель давалъ обстоятельные отвѣты.

„Затѣмъ слѣдователь спросилъ его, осматривалъ-ли онъ карманы покойнаго.

„Тутъ всталъ лакей умершаго и сказалъ, что баринъ его не былъ ограбленъ; что кошелекъ, часы и кольца нашлись на немъ въ цѣлости.

— Полагаю, что убійца не успѣлъ взять ихъ,—замѣтилъ слѣдователь;—ему, вѣроятно, помѣшали. Я еще не слыхивалъ о такомъ убійствѣ, которое не имѣло-бы цѣлью грабежа, за исключеніемъ случаевъ убійства изъ мести.

„Г. Кампейнь возразилъ:—Позволяю себѣ предположить, г. слѣдователь...—сказалъ онъ.

— Сударь,—отвѣтилъ слѣдователь,—ваши предположенія суть указанія.

— Итакъ, позволяю себѣ предположить, что въ рощѣ были неизвѣстные люди. Показаніе мальчика правдиво, но онъ не могъ видѣть рощу насквозь.

— Это—правда. Призовите мѣстнаго урядника.

„Урядникъ явился и далъ показаніе. Его спросили, не было-ли опасныхъ или подозрительныхъ людей въ деревнѣ или въ окрестностяхъ; не видалъ-ли онъ какихъ-нибудь бродягъ, цыганъ или, вообще, кого-нибудь, могущаго быть заподозрѣннымъ въ этомъ преступленіи.

„Онъ сказалъ, что ничего подобнаго не было.

„Его спросили, не встрѣчалъ-ли онъ браконьеровъ, онъ отвѣтилъ, что здѣсь есть браконьеры, которыхъ онъ хорошо знаетъ, равно какъ и лѣсной сторожъ его милости; но что въ маѣ мѣсяцѣ браконьерства быть не можетъ, и имъ незачѣмъ ходить въ рощу. Сверхъ того, зачѣмъ они попали-бы въ лѣсъ въ десять часовъ утра?

„Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что сельскіе браконьеры были тутъ совершенно ни причемъ.

— Мое предположеніе,—сказалъ г. Кампейнь,—очевидно не привело ни къ чему. Тѣмъ не менѣе тайна объяснилась-бы, если-бы тутъ мы напали на слѣдъ.

— Можетъ быть иное объясненіе,—угрюмо сказалъ слѣдователь.

„Онъ сталъ предлагать уряднику еще вопросы: не видалъ-ли онъ цыганъ или бродягъ въ селѣ или по дорогѣ. Урядникъ отвѣтилъ, что не видалъ: что село, находясь въ сторонѣ отъ большой дороги, съ которой его даже и не видно, не привлекаетъ ни цыганъ, ни бродягъ, ни странниковъ.

„Не замѣчалъ-ли урядникъ случаевъ пьянства?

„Не замѣчалъ. Были люди, склонные выпить лишнее, но во хмѣлю вели себя тихо и не лѣзли въ драку.

— Теперь,—сказалъ слѣдователь,—мы подходимъ къ вопросу, не имѣлъ-ли покойный личныхъ враговъ?

„На это г. Кампейнь отвѣтилъ: „Мой деверь могъ возбудить къ себѣ вражду въ качествѣ судьи, особенно среди

браконьеровъ; но эти враги могли-бы находиться только въ той части графства, гдѣ онъ жилъ за пятнадцать миль отсюда. Здѣсь-же у него не могло быть ни враговъ, ни друзей".

— Въ такомъ случаѣ, г—да присяжные, поводъ къ убійству остается невыясненнымъ, Я только что сказалъ, что возможно и другое объясненіе. Намъ предстоитъ отвергнуть мысль о браконьерахъ, застигнутыхъ за дѣломъ, а также мысль о личной враждѣ и о бродягахъ или цыганахъ, напавшихъ ради добычи. Возвращаемся къ голымъ фактамъ: въ десять утра покойникъ вошелъ въ рощу одинъ, въ двѣнадцать крестьянинъ Дуннингъ выбѣжалъ изъ рощи въ окровавленной блузѣ. Онъ сказалъ, что нашелъ трупъ этого барина на травѣ и старался поднять его, при чемъ вымаралъ въ крови свою блузу. Скажите-же, господа, зачѣмъ надо было стараться поднять мертвое тѣло? Съ другой стороны, представьте себѣ, что человѣкъ, заставъ покойнаго безоружнымъ, можетъ быть, уснувшимъ, возымѣлъ внезапную мысль убить его ради присвоенія денегъ; представьте себѣ, что ему помѣшали—можетъ быть, мальчикъ, пугавшій птицъ—или онъ вообразилъ себѣ, что его видятъ; что онъ тогда бы сдѣлалъ? Разумѣется, поднялъ бы тревогу, при чемъ въ преступленіи обвинялъ бы кого нибудь другого. Вы, г.г. присяжные, должны вывести собственное заключеніе и произнесете приговоръ, какой сочтете разумнымъ, предоставивъ дальнѣйшее суду. Я не стремлюсь подсказывать вамъ умозаключенія или вліять на ваши мнѣнія. Теперь обсудите, кѣмъ и какъ было совершенно это явное убійство.

„Присяжные совѣщались полчаса и вынесли приговоръ о виновности Джона Дуннинга въ предумышленомъ убійствѣ.

„Обвиненный стоялъ въ сторонѣ: всѣ держались отъ него поодаль. Когда прочли приговоръ, онъ воскликнулъ прочувствованно или съ притворнымъ чувствомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, я этого не дѣлалъ"!

„Урядникъ тутъ же арестовалъ его. Послѣ этихъ восклицаній, онъ сталъ совершенно покорнымъ и не выказывалъ никакого сопротивленія. Слѣдователь обратился къ г-ну Кампейнъ:

— Вы сами—судья, сударь, и можете заключить этого человѣка въ тюрьму до суда.

— Я? заключить въ тюрьму?

„Убитый горемъ какъ будто не понималъ, въ чемъ дѣло. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и машинально исполнилъ свою обязанность.

„Обвиняемый Джонъ Дуннингъ теперь находится въ тюрьмѣ въ ожиданіи суда. Мы не рѣшаемся дѣлать предсказаніе, но шансы его на оправданіе не велики".

Сюда экономка приписала: „Слѣдственный судъ былъ полонъ и грустно было видѣть барина, такого красиваго, высокаго, стройнаго, но смертельно блѣднаго. Въ тотъ же день, послѣ полудня, состоялись похороны брата и сестры въ приходской церкви. Они лежатъ рядомъ, за алтаремъ“.

Затѣмъ шелъ отчетъ о судѣ надъ Джономъ Дуннингомъ. Отчасти онъ оказывался повтореніемъ тѣхъ показаній, которыя были даны на слѣдствіи Защищалъ адвокатъ и очень искусный,—молодой человѣкъ, много потрудившійся надъ этою защитою. Леонардъ слыхалъ о немъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался судьей. Свидѣтели допрашивались очень тщательно. Не было упущено ни малѣйшей подробности.

Въ отчетѣ передавались полностью всѣ свидѣтельскія показанія и всѣ рѣчи. Здѣсь же достаточно привести наиболѣе важные вопросы и отвѣты.

У адвоката былъ планъ рощи. Онъ обратилъ на него большое вниманіе. Онъ вычислилъ всѣ разстоянія; напримѣръ, чтобы дойти отъ рощи до фермы требовалось не менѣе пяти минутъ. На этотъ счетъ онъ подробнѣйшимъ образомъ допросилъ г-на Кампейня.

— Вѣдь это совсѣмъ маленькій лѣсокъ, почти кустарная поросль?

— Да, очень маленькій лѣсокъ.

— Во сколько времени вы могли-бы пройти по нему изъ конца въ конецъ?

— Менѣе чѣмъ въ пять минутъ,

— Есть-ли въ этой рощѣ скамейки, вообще, есть-ли тамъ гдѣ присѣсть?

— Нѣтъ.

— Выражалъ ли вашъ другъ намѣреніе побыть въ лѣсочкѣ? имѣлъ ли къ тому причину?

— Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ. Онъ вошелъ въ рощу быстрымъ шагомъ и, на сколько знаю, не собирался замедлять его. Онъ гулялъ отчасти ради маціона, отчасти-же ради осмотра полей.

— Въ рощѣ не было скамеекъ,—адвокатъ снова вернулся къ этому пункту.—Не было ли упавшихъ деревьевъ, годныхъ для сидѣнія?

— Я такихъ не видалъ.

— Соотвѣтствовала-ли погода лежанію на травѣ?

— Нѣтъ; передъ тѣмъ прошелъ дождь, тропинка была грязна, а трава сыра.

— Полагаете-ли вы, что покойный могъ пробыть въ рощѣ среди грязи и сырой травы болѣе двухъ часовъ?

— Я этого не думаю, а считаю это невѣроятнымъ и даже невозможнымъ.

— Вы выразили мысль, что кто-нибудь тайно находился въ рощѣ.

— По моему, все на это указываетъ.

— Иначе, по теоріи обвиненія, вашъ деверь долженъ былъ простоять въ лѣсу, ничего не дѣлая, почти два часа; ибо никто не оспариваетъ того факта, что обвиняемый попалъ въ рощу около полудня.

— Я думаю, что это такъ.

— Мнѣ жаль настаивать, г-нъ Кампейнъ, на столь прискорбной для васъ темѣ, но я обязанъ спасти человѣческую жизнь. Думаете-ли вы, что вашъ другъ могъ дать себя убить, не защищаясь?

— Разумѣется нѣтъ; онъ былъ силенъ и рѣшителенъ.

— Теперь взгляните на обвиняемаго, ростъ котораго не превышаетъ пяти футовъ и пяти дюймовъ. Считали-ли вы вѣроятнымъ, чтобы вашъ пріятель покорно далъ себя убить такому маленькому человѣчку?

— Невозможно предположить подобной нелѣпости.

— Онъ могъ быть застигнутъ врасплохъ, но тогда ударъ пришелся бы по затылку, а онъ нанесенъ въ лобъ. Считаете ли вы возможнымъ, чтобы крестьянинъ, войдя въ рощу, внезапно рѣшился убить чужого барина безо всякой причины, даже безъ надежды на поживу? чтобы онъ кинулся на него въ расплохъ и лишилъ-бы его жизни, самъ не получивъ ни удара, ни царапины?

— Я этого не думаю. Я считаю такую вещь положительно невозможной.

— Полагаете-ли, что если-бы произошли всѣ эти невѣроятности или невозможности, то этотъ человѣкъ побѣжалъ-бы назадъ весь въ крови разсказывать, что онъ увидѣлъ, и обвинять въ своемъ дѣяніи кого-то неизвѣстнаго?

— Конечно, нѣтъ.

„Мальчикъ, уже давшій свое показаніе, былъ призванъ обратно.

— Сколько прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ въ рощу вошелъ г. Хольмъ, до тѣхъ поръ, пока туда-же вошелъ Джонъ Дуннингъ?

— Прошло много времени.

— Намъ уже извѣстны факты,—сказалъ судья:—гулявшіе вышли въ десять часовъ; разсчитывая по плану, они дошли до рощи въ четверть одиннадцатаго; мертвое тѣло было принесено домой вскорѣ послѣ полудня. Поэтому, такъ какъ обвиняемый пробылъ въ роцѣ всего нѣсколько минутъ, то онъ долженъ былъ войти въ нее приблизительно въ двадцать минутъ двѣнадцатаго.

— Онъ пробылъ тамъ не болѣе нѣсколькихъ минутъ.

— Такъ явствуетъ изъ показаній; но и въ нѣсколько минутъ можно надѣлать много зла.

„Адвокатъ вызвалъ доктора.

— Вы, кажется, сказали, что осматривали тѣло приблизительно въ часъ дня?

— Да.

— Вы застали трупъ вполнѣ окоченѣвшимъ?

— Совершенно. Смерть наступила часа за два.

— Онъ былъ мертвъ уже два часа? Вы въ этомъ вполнѣ увѣрены?

— Не могу клятвою подтвердить точность срока, но скажу, что онъ пролежалъ мертвымъ порядочно времени.

— Если вѣрно показаніе мальчика относительно времени, проведеннаго обвиняемымъ въ рощѣ, то смерть должна была наступить за нѣсколько минутъ до появленія носильщиковъ со ставнемъ. Въ этомъ случаѣ, трупъ былъ-бы еще теплымъ.

— Да, онъ былъ-бы теплымъ.

— Рану вы видѣли. Укажите присяжнымъ съ точностью, гдѣ именно она находилась.

„Докторъ положилъ руку себѣ на макушку.

— Не на лбу, а на маковкѣ. Очень хорошо. Г. Хольмъ былъ ростомъ въ шесть футовъ. Взгляните на обвиняемаго, возможно-ли, чтобы такой низкорослый человѣкъ нанесъ подобный ударъ ему по маковкѣ?

— Нѣтъ, кромѣ какъ въ томъ случаѣ, если засталъ бы свою жертву въ сидячемъ положеніи.

— Именно. А мы слышали отъ г. Кампейня, что сидѣть въ мокрой рощѣ было совершено невозможно.

„Дальнѣйшаго приводить не стоитъ. Эта часть допроса была самою важною. Сначала улики оказывались противъ обвиняемаго: отсутствіе другихъ людей въ рощѣ, кровь на блузѣ, дубина, которою совершенно было злодѣяніе, невозможность подозрѣвать кого либо иного. Но на сцену выступилъ этотъ умный адвокатъ, и все обвиненіе разсыпалось въ прахъ.

„Сопоставленіе свидѣтельства доктора о смерти убитаго за два часа до вступленія обвиняемаго въ рощу со свидѣтельствомъ мальчика о томъ, что обвиняемый, только вбѣжавши въ рощу, почти тотчасъ-же оттуда и выбѣжалъ, было прямо въ пользу несчастному. Сюда-же примыкало показаніе г-на Кампейня: его деверь не далъ бы себя убить безъ сопротивленія; онъ былъ силенъ, гораздо сильнѣе крестьянина, котораго обвиняли въ его убійствѣ. Онъ не былъ захваченъ врасплохъ, а получилъ ударъ спереди. При томъ его не ограбили. Когда убиваетъ бѣднякъ, онъ дѣлаетъ это изъ мести, рев-

ности или желанія обобрать. Всѣ эти мотивы не могли имѣть мѣста при убійствѣ несчастнаго Хольма.

„Наконецъ, послѣднимъ и лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу обвиняемаго была его репутація. При сильныхъ уликахъ она утрачиваетъ значеніе; но когда улики слабы, можетъ быть очень полезна. Его работодатель показалъ, что обвиняемый былъ хорошимъ работникомъ и зналъ свое дѣло; что онъ былъ трезвъ, усерденъ и честенъ и что отъ него менѣе всѣхъ можно было ожидать такого гнуснаго дѣла.

„Резюме судьи было благопріятно. Присяжные удалились для совѣщанія. Черезъ часъ они вернулись и произнесли приговоръ: „Не виновенъ".

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Леонардъ, опуская тетрадь.—Этотъ Джонъ Дуннингъ, очевидно, былъ невиновенъ.

Затѣмъ шла приписка экономки:

„Когда прочитанъ былъ приговоръ, обвиняемый вышелъ на средину и сталъ принимать дружескія поздравленія отъ своего хозяина фермера и отъ другихъ лицъ. Судья, прежде чѣмъ выйти изъ суда, послалъ за г.-номъ Кампейнемъ.

— Грустныя событія того несчастнаго дня,—сказалъ онъ, пожимая ему руку,—вызываютъ въ насъ огорченіе не меньше, чѣмъ личная потеря. Я, съ своей стороны, хотя считаю приговоръ присяжныхъ вполнѣ правильно вытекающимъ изъ свидѣтельскихъ показаній, желалъ-бы, однако, слышать ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

— Если вы считаете его достойнымъ вниманія, то я вамъ его выскажу. Я уже давно составилъ опредѣленное мнѣніе на этотъ счетъ. Слѣдствіе было произведено весьма поверхностно. Послѣ бесѣды съ докторомъ я вполнѣ убѣдился, что убійство было совершено задолго до вступленія Дуннинга въ рощу. Если только можно вѣрить врачамъ, то состояніе трупа указывало на наступленіе смерти два часа назадъ, т. е. около одиннадцати, вскорѣ послѣ того, какъ я разстался съ покойнымъ. Онъ шелъ прямо къ смерти, когда я его покинулъ и оглянувшись посмотрѣлъ, какъ онъ шагалъ по рощѣ.

— А вы составили какія-нибудь предположенія?

— Никакихъ. Будь обнаруженъ грабежъ, я заподозрѣлъ-бы цыганъ. Здѣшніе-же—народъ смирный и незлобный. Предумышленное убійство для нихъ невозможно.

— Такимъ образомъ, тайна не разъясняется!

— Я былъ такъ увѣренъ въ невинности обвинявшагося, что не только вызвалъ для него адвоката, но и снабдилъ послѣдняго полнымъ отчетомъ о событіи. Убійца моего деверя, виновникъ смерти моей жены—тутъ г. Кампейнъ сильно поблѣднѣлъ — будетъ обнаруженъ; рано или поздно его откроютъ. Я слыхалъ, что убійцъ мучитъ совѣсть, пока жизнь

не становится имъ въ тягость. Тогда они сами признаются въ содѣянномъ и съ радостью привѣтствуютъ позорную смерть, какъ избавленіе отъ страданій. Подождемъ, пока для убійцы не станетъ слишкомъ тяжкимъ его бремя.

— Однако, — сказалъ судья, — хорошо бы отыскать его путемъ правосудія.

— Ну,—сказалъ г. Кампейнь,—я, со своей стороны, рѣшилъ, что употреблю всѣ усилія, дабы не дать невинному пострадать за виновнаго.

— Сударь,—сказалъ судья,—ваше поведеніе таково, какъ и слѣдовало ожидать отъ благороднаго человѣка. Остается одно предположеніе: кто нибудь могъ быть спрятанъ въ лѣсу. Мальчикъ сказалъ, что никто не выходилъ оттуда. Онъ имѣлъ въ виду оба конца, но не могъ видѣть сквозь рощу или за рощей. Можетъ-быть, однако, еще не поздно поискать слѣдовъ. Впрочемъ, безъ сомнѣнія, все, что возможно, будетъ сдѣлано.

„Такъ окончилось судбище. Я не слыхала, чтобы еще осматривали мѣсто происшествія. Такъ какъ вся наша деревня, а также жители сосѣднихъ селъ и городовъ долго спустя являлись каждое воскресенье для осмотра мѣста, гдѣ былъ найденъ трупъ, то слѣдовъ нѣчего было и искать.

„Джонъ Дуннингъ опять принялся за работу.

„Но деревенскіе жители, его прежніе друзья, обратились противъ него. Они перестали водиться съ нимъ: обвиненіе въ убійствѣ бросало на него тѣнь, хотя онъ былъ вполнѣ невиненъ. Священникъ увѣщевалъ народъ, но понапрасну: на всякаго, кто судился за убійство, смотрѣли какъ на убійцу и бѣгали отъ него, какъ отъ прокаженнаго или помѣшаннаго.

„Потомъ священникъ поговорилъ объ этомъ съ бариномъ, и тотъ далъ Джону денегъ, чтобы ему покинуть родину; и со всею семьею онъ переселился въ Ботани-Бей, гдѣ живутъ, какъ я слыхала, не одни каторожники. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ужъ никто не могъ его попрекать тѣмъ, что его судили по обвиненію въ убійствѣ. Съ тѣхъ поръ я и не слыхивала, что̀ дальше было съ Джономъ Дуннингомъ и его семьею.

„Баринъ назначилъ награду въ 500 фунтовъ за указаніе и поимку неизвѣстнаго лица, убившаго г. Ланглея Хольма. Печатное объявленіе цѣлые годы красовалось на дверяхъ церкви, даже уже слинявши отъ дождя, пока самая бумага не разорвалась въ клочья и не смылась. Но награды не требовалъ никто, и никого болѣе не обвиняли; чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ тверже становилось убѣжденіе, что не могло быть иного виновника, кромѣ того-же Джона Дуннинга, хотя онъ и былъ оправданъ. Такъ что для него было счастьемъ оказаться уже въ отсутствіи, къ тому времени,

какъ общественное мнѣніе такъ безповоротно обратилось противъ него.

„Въ рощѣ стали являться привидѣнія: никто не осмѣливался пройти по ней одинъ даже днемъ, ибо призракъ убитаго расхаживалъ по ней днемъ и ночью. Сама я, признаюсь, его не видала, т. е. ни разу не узнала бѣднаго покойника; но множество достовѣрныхъ очевидцевъ клялись, что видѣли его и въ сумерки, и при лунѣ, и при свѣтѣ солнца. Но разъ, когда я шла домой изъ села и было около одиннадцати часовъ утра, я увидѣла такую странность, что у меня даже замерло сердце.

„Былъ весенній день, солнечный, яркій, со свѣжимъ вѣтромъ и быстро бѣгущими облаками. Они бросали на поля то свѣтъ, то тѣнь. Въ лѣсу, который, какъ сказано было на судѣ, вѣрнѣе могъ-бы назваться маленькой рощицей и состоялъ изъ тонкихъ деревьевъ, при чемъ съ одного бока изъ березъ, а съ другого—изъ лиственницъ и сосенъ, со множествомъ молодыхъ побѣговъ среди березъ,—я увидѣла фигуру совершенно ясно: фигура находилась подъ березами среди кустовъ и молодняка. Я знала, что здѣсь нѣкому быть, но видѣла эту фигуру такъ-же отчетливо, какъ живого человѣка. Она была повернута ко мнѣ спиною; я разглядѣла голову, плечи и руки; остального тѣла не было видно. Пока я смотрѣла, облако проплыло мимо, и показалось солнце. Затѣмъ фигура исчезла. Я ждала, что она появится опять. Но она не показалась.

„Я медленно прокралась по рощѣ, боязливо оглядываясь по сторонамъ. Нигдѣ ничего не было; птицы пѣли и перекликались, и привидѣнія не было. Однако, я видѣла его. Когда я спрашивала себя, какъ оно было одѣто, я не могла припомнить; да, я этого не примѣтила. Но нѣкоторымъ оно показывалось въ той-же одеждѣ, въ какой засталъ его убійца; съ нѣкоторыми даже говорило: значитъ, мое свидѣтельство гораздо менѣе важно, чѣмъ другія.

„Послѣ похоронъ мы сразу замѣтили большую перемѣну въ привычкахъ барина.

„До своего горя г. Кампейнъ любилъ общество; онъ приглашалъ гостей къ обѣду по два и по три раза въ недѣлю. Онъ любилъ выпить, но не пьянствовалъ; разъ въ недѣлю ѣздилъ въ ближайшій городокъ и тамъ обѣдалъ въ лучшемъ ресторанѣ. Онъ былъ мировымъ судьею и дѣятельнымъ; самъ засѣвалъ часть своей земли и интересовался урожаемъ и доходомъ; каждое воскресенье бывалъ въ церкви и каждое утро читалъ молитвы для домочадцевъ; любилъ играть со своими дѣтьми; толковалъ о политикѣ и еженедѣльно читалъ газеты. Въ охотничью пору онъ охотился по разу и по

два въ недѣлю и осенью чуть не ежедневно выходилъ съ ружьемъ; бывалъ на бѣгахъ; любилъ садовничать и наблюдалъ за своими теплицами и оранжереями; однимъ словомъ, былъ такимъ деревенскимъ бариномъ, который находилъ удовольствіе въ деревенской жизни. Онъ былъ хорошій хозяинъ, добрый господинъ, хорошій судья, добрый отецъ и добрый христіанинъ.

„Теперь замѣтьте, что вышло. Когда случилось убійство, тѣло поставили въ столовую. Баринъ ушелъ въ библіотеку; туда ему подавали и кушать. Съ тѣхъ поръ онъ ни разу не вошелъ въ столовую, а сидѣлъ въ библіотекѣ, если не ходилъ одинъ по террасѣ.

„Не постепенно, а сразу онъ бросилъ все. Пересталъ ходить въ церковь, не сталъ ѣздить на базаръ; онъ пересталъ охотиться, стрѣлять, заниматься садомъ, хозяйствомъ, чтеніемъ; удалился отъ общества; отказался принимать гостей; пересталъ распечатывать письма, читать для домашнихъ молитвы, обращать вниманіе на своихъ дѣтей; если онъ заставалъ ихъ за игрою, то проходилъ, точно мимо чужихъ; что-же касается младшей дѣвочки, той, за чье рожденіе ея мать заплатила смертью, то я сомнѣваюсь, чтобы онъ даже видѣлъ ее, а если видѣлъ, то врядъ-ли зналъ, кто она такая.

„И такъ продолжается ужъ сколько лѣтъ. По временамъ пріѣзжаетъ нотаріусъ, когда ему нужны деньги, и получаетъ ихъ. Но баринъ ничего не говоритъ, онъ слушаетъ и подписываетъ чекъ. Въ качествѣ экономки, я время отъ времени подаю ему счетъ; на него кладутся деньги безъ всякихъ разспросовъ. Конюха давно распущены; лошади, выгнанныя на траву, переколѣли; собаки—тоже. Садъ заросъ и заглохъ; комнаты не топятся, не освѣщаются, не провѣтриваются и приходятъ въ упадокъ.

„Что-же касается несчастныхъ заброшенныхъ дѣтей, то они выросли кое-какъ; баринъ не допускалъ никакого вмѣшательства со стороны своей родни; единственно только нотаріусъ, г. Дьюси, могъ убѣдить его сдѣлать то или другое. Мальчиковъ отдали въ приготовительную школу, а потомъ въ гимназію. Второй поступилъ во флотъ,—какой былъ славный и красивый мальчикъ!—но онъ утонулъ; старшій попалъ въ Оксфордъ и въ парламентъ, но убилъ себя; дочка вышла за купца, которому не повезло.

„Да и всѣмъ имъ не повезло. Несчастная это была семья: и отецъ, и дѣти—всѣ были одинаковы несчастны“!

Здѣсь оканчивалась экономкина книга выписокъ и примѣчаній. Къ ней приложено было письмо, озаглавленное: „Письмо отъ Мэри, полученное 2 сентября 1855 г.“:

„Милая Люси!

Я до сихъ поръ не могла тебѣ отвѣтить. Повѣрь мнѣ: бываютъ времена, когда сердце жаждетъ одиночества. Я цѣлый мѣсяцъ провела одна съ моимъ горемъ, съ моимъ ужаснымъ горемъ, съ тѣхъ поръ, какъ это случилось.

Теперь я могу разсказать тебѣ отчасти, но не вполнѣ, о томъ, что постигло насъ: меня и невинныхъ дѣтей. Ты слышала, что Ланглей четыре недѣли назадъ лишилъ себя жизни, и спрашиваешь теперь о причинѣ. Ему жилось хорошо: предстояла хорошая карьера, открывались блестящія перспективы; знакомые увѣряли меня, что я могу твердо надѣяться въ должное время увидѣть его членомъ министерства; его таланты, вліяніе и извѣстность расли день ото дня; съ каждымъ днемъ увеличивалось и его знаніе дѣла. Въ домашней жизни, осмѣливаюсь прямо сказать, онъ былъ счастливъ съ женою, которая съ радостью отдала-бы жизнь для его блага, и съ малыми дѣтьми. Что-же касается чего-нибудь внѣ дома, какъ себѣ позволяютъ нѣкоторые молодые люди, то подобныхъ мыслей у него не было и даже не могло быть, такъ какъ человѣкъ этотъ понималъ свой долгъ по отношенію къ женѣ и дѣтямъ сообразно ученію Христа. Тѣмъ не менѣе, онъ убилъ себя—о, милая, онъ себя убилъ!—а меня оставилъ въ живыхъ. Почему поступилъ онъ такъ?

Одно всегда его угнетало: положеніе его отца. Онъ часто упоминалъ о немъ. Онъ ставилъ вопросъ: почему такое несчастіе, какое постигло его—трагическая гибель друга и внезапная смерть жены—могло такъ безповоротно сокрушить сильнаго, молодого и здороваго человѣка, способнаго противостоять величайшимъ бѣдствіямъ? Почему эта скорбь измѣнила его до основанія, такъ что онъ сталъ пренебрегать всѣмъ, что прежде любилъ, и сдѣлался жалкимъ молчаливымъ затворникомъ, погруженнымъ въ мысли о прошломъ и проводящимъ безполезную жизнь отшельника? Конечно, онъ болѣзненно чувствовалъ ту заброшенность, въ которой выросъ вмѣстѣ съ братомъ и сестрою, и то отсутствіе любви, съ которымъ отецъ къ нимъ относился. Потому что вспомни: вѣдь отецъ ихъ вовсе не безуменъ: онъ прекрасно можетъ вести дѣла. Онъ только отказывается говорить или сноситься съ людьми, и живетъ въ одиночку.

Теперь, милая Люси, я не думаю дѣлать никакихъ намековъ, а только хочу съ точностью разсказать о случившемся. Ты послала ему книгу вырѣзокъ и отчетовъ съ дополнительными примѣчаніями. Въ этихъ вырѣзкахъ заключается

извѣстіе о смерти Ланглея Хольма и описаніе слѣдствія, суда, а также страшнаго потрясенія, произведеннаго всѣмъ этимъ на г-на Кампейня, тогда еще совсѣмъ молодого.

Онъ получилъ книгу и унесъ съ собою въ кабинетъ. Это было утромъ. Въ полночь я заглянула къ нему. Онъ обернулся ко мнѣ лицомъ. Милая, въ немъ было что-то дикое! Я спросила его, почему у него такой больной видъ. Онъ безсвязно отвѣтилъ, что отцы ѣли кислый виноградъ. Я попросила его бросить чтеніе и придти къ намъ наверхъ. Онъ что-то возразилъ, но я не разобрала и вышла вонъ.

Онъ больше уже не пришелъ наверхъ. Въ пять часовъ утра я проснулась и, не найдя его въ постели, кинулась внизъ, полная мрачныхъ предчувствій. Увы! онъ былъ уже мертвъ. Не спрашивай меня, какъ онъ умеръ.

Милая Люси, теперь одна ты изъ трехъ осталась въ живыхъ. Я сожгла книгу. Во всякомъ случаѣ мои дѣти не увидятъ ея и не услышатъ объ этой ужасной исторіи. Умоляю тебя, сожги свой экземпляръ".

Къ этому г-жа Галлей приписала: „Я еще разъ прочла книгу отъ доски до доски. Совершенно не понимаю, почему братъ лишилъ себя жизни. Что касается убійства, то, безъ сомнѣнія, его совершилъ человѣкъ по имени Джонъ Дуннингъ. Больше некому было это сдѣлать".

Леонардъ поднялъ голову. Было три часа утра. На лицѣ его выражались колебанія и сомнѣнія.

— Зачѣмъ они сожгли книгу?—сказалъ онъ.—Что касается убійства, то его совершилъ кто-нибудь спрятанный въ лѣсу. Это ясно, иначе невозможно объяснить. Но почему мой дѣдъ перерѣзалъ себѣ горло? Въ книгѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы привести къ этому поступку.

XII

На мѣстѣ дѣйствія.

Леонардъ закрылъ книгу и отложилъ ее въ сторону. Нѣсколько времени онъ просидѣлъ въ задумчивости, а потомъ сообразилъ, что пора ложиться спать. Ночи уже оставалось не много: на дворѣ совсѣмъ разсвѣло. Но будь это темнѣйшая зимняя ночь, онъ не могъ-бы подвергнуться болѣе тяжелому кошмару.

Въ его грезахъ семейная исторія продолжалась. Она приняла форму тайны, воплощенной тайны. Она сидѣла на его стѣсненной груди и стонала. Онъ не могъ ни угадать, ни разобрать, что это за тайна, ни связать ее въ своемъ снѣ съ чѣмъ-либо земнымъ или загробнымъ. Онъ проснулся и стрях-

нулъ съ себя это бремя; заснулъ—и оно явилось вновь, неутомимо тяготя его. Это было нѣчто смутное, обширное и ужасное, нѣчто, съ чѣмъ несчастный боролся напрасно, чего онъ не могъ ни отбросить, ни понять.

Кошмары бываютъ разные; но ощущеніе непостижимой тайны, отъ которой невозможно избавиться, принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ.

Когда онъ поднялся позднимъ утромъ, не отдохнувшій и разбитый, то связалъ ночной кошмаръ съ чѣмъ-то весьма реальнымъ. Причиною оказывалась книга и передаваемая ею исторія, которая, какъ у Чоусера, оставалась недосказанною. Само по себѣ, оно не имѣло-бы значенія; но съ этого утра съ нимъ началось нѣчто странное. Совершенно внезапно имъ овладѣло твердое убѣжденіе, что этимъ налагается на него обязанность, которою нельзя пренебрегать, долгъ, который слѣдуетъ выполнить, хотя-бы въ ущербъ всему остальному. Ему предстояло вникнуть въ эту исторію и, послѣ семидесятилѣтняго промежутка, возстановить истину относительно злодѣянія, которое бросало столь мрачную тѣнь на его семью въ теченіе столь долгаго срока. Онъ взглянулъ на бумаги, которыя лежали на столѣ: это была не дописанная имъ статья; но его мысли, отвлеченныя въ другую сторону, отказывались работать въ этомъ направленіи: онѣ стремились въ Кампейнь Паркъ, какимъ онъ былъ семьдесятъ лѣтъ назадъ.

Леонардъ получилъ таинственное и безмолвное приказаніе найти правильное истолкованіе тому, что тамъ случилось. Приказаніе это было ясно и не двусмысленно. Отъ кого оно исходило? Онъ не спрашивалъ, а только повиновался.

Открыть убійцу по прошествіи семидесяти лѣтъ казалось трудно. Мы видимъ, что историки, отыскивая виновниковъ минувшихъ событій, приходятъ къ прямо противоположнымъ заключеніямъ, хотя-бы свидѣтельства современниковъ отличались полнотою и обстоятельностью. Возьмемъ, напримѣръ, процессъ Анны Болейнъ или шотландской королевы Маріи, двухъ знаменитѣйшихъ и несчастнѣйшихъ царицъ. Много-ли согласія между историками по поводу этихъ драмъ? Однако въ ихъ распоряженіи находятся цѣлыя горы документовъ, современныхъ, пространныхъ, оффиціальныхъ, частныхъ, конфиденціальныхъ, партійныхъ и всякихъ иныхъ.

Здѣсь-же единственнымъ документомъ являлась книга вырѣзокъ. Единственное, что было доступно частному лицу, это перечитать показанія, уже разсмотрѣнныя двумя судами и, по возможности, придти къ опредѣленному заключенію.

За это Леонардъ и принялся. Онъ совершенно отложилъ въ сторону начатую было работу, положилъ передъ собою

книгу и снова прочелъ ее слово за словомъ, хотя съ тѣмъже страннымъ отвращеніемъ.

Затѣмъ онъ сталъ писать выводы. Первый касался Дуннинга.

I. *Джонъ Дуннингъ.*—Оправданіе обвиненнаго является совершенно справедливымъ. Онъ несомнѣнно былъ невиненъ. Мальчикъ показалъ, что онъ пробылъ въ лѣсу не болѣе двухъ или трехъ минутъ. Покойный былъ на шесть дюймовъ выше Дуннинга и соотвѣтственно сильнѣе. Послѣдній могъ нанести ему роковой ударъ лишь въ томъ случаѣ, когда бы напалъ на свою жертву сзади, при томъ заставши ее въ сидячемъ положеніи. Но медицинскій осмотръ доказалъ, что ударъ былъ нанесенъ спереди, а также было установлено, что трава черезчуръ промокла отъ недавнихъ дождей, чтобы дать покойному возможность сѣсть на нее.

II. *Время смерти.*—Если придавать какое нибудь значеніе свидѣтельству врача, то покойный былъ найденъ черезъ два часа по наступленіи смерти, что доказывалось окоченѣлостью трупа. Это вполнѣ убѣждаетъ каждаго въ невинности Дуннинга и указываетъ на присутствіе другой руки.

Чьей?

Тутъ онъ остановился и углубился въ догадки.

Въ лѣсу долженъ былъ кто-нибудь скрываться; злодѣй долженъ былъ кинуться на жертву внезапно и неожиданно. Выскочить изъ лѣсу съ тяжелымъ сукомъ въ рукѣ, отломленнымъ отъ дерева, было бы достойно гориллы. Если-бы въ то время откуда-нибудь вырвался горилла, то преступленіе было-бы приписано ему. Но въ 1826 году гориллы еще не были извѣстны.

Можетъ быть, нападавшій безшумно подкрался сзади; можетъ быть, Ланглей Хольмъ разслышалъ шорохъ только въ послѣднюю минуту и обернулся такъ, что ударъ, направленный въ затылокъ, пришелся по лбу.

Все это очень хорошо выходило въ теоріи, но гдѣ мотивъ? Кто желалъ смерти этому молодому человѣку и за что? Грабежа не было. Трупъ пролежалъ болѣе двухъ часовъ въ мало посѣщаемомъ мѣстѣ; убійца вполнѣ успѣлъ-бы обобрать его до-чиста, однако ничего не взялъ.

Итакъ, за что?

Какъ это объяснить? Жилъ-былъ молодой помѣщикъ, весьма популярный; если онъ имѣлъ враговъ, то, несомнѣнно, лишь въ мѣстѣ своей осѣдлости. У большинства помѣщиковъ въ тѣ времена бывало не мало враговъ. Эти враги, преимущественно мужики, удовлетворяли свою мстительность и злобу браконьерствомъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ. Они также поджигали скирды. Но Ланглей Хольмъ гостилъ у своего

пріятеля и зятя; онъ гулялъ лѣтнимъ утромъ по рощѣ на разстояніи менѣе мили отъ усадьбы, и тамъ его нашли мертвымъ—убитымъ!

Можно возразить, что эта попытка объяснить необъяснимое по прошествіи семидесяти лѣтъ была напрасною тратою времени, что минувшія злодѣянія слѣдуетъ предавать забвенію. Да, чужія злодѣянія безъ сомнѣнія можно забыть; но это, такъ сказать, было его собственнымъ; оно тяготѣло надъ его семьей. Сверхъ того, его непреодолимо влекло къ размышленію объ этомъ предметѣ; весь его умъ былъ занятъ имъ, ни о чемъ другомъ онъ не могъ думать.

Вскорѣ онъ составилъ теорію, которая сразу удовлетворила его. Теорія была весьма удачной и обѣщала, въ разработанномъ видѣ, объяснить всѣ факты, добытые слѣдствіемъ и судомъ.

Теорія предполагала, что изъ сумасшедшаго дома вырвался больной,—разумѣется, одержимый маніей убійства: этимъ объяснялось все. Маньякъ долженъ былъ скрываться въ лѣсу; онъ долженъ былъ выскочить со своею дубиною, подобно гориллѣ. Эта теорія какъ будто объясняла всѣ подробности. Леонардъ закрылъ книгу: онъ добрался до истины и теперь могъ приняться за собственныя дѣла, забывъ о таинственномъ убійствѣ, которое помутило разумъ его прадѣда.

Онъ вздохнулъ отъ удовольствія и положилъ книгу въ одинъ изъ дальнихъ ящиковъ: теперь ему нечего было мучиться этой исторіей. Со вторичнымъ вздохомъ облегченія онъ досталъ собственныя книги и вернулся къ изученію своей темы.

Но онъ сразу же замѣтилъ, что глаза его покоятся на страницѣ, не читая; что его умъ опять занятъ книгою вырѣзокъ, и что въ мозгу его, помимо воли, возникаютъ мудреные вопросы, касающіеся того помѣшаннаго.

Напримѣръ: если-бы такое существо бродило по окрестности, его непремѣнно бы увидѣли; по всей вѣроятности, онъ не ограничился бы однимъ убійствомъ, пока находился въ состояніи маніи. Тутъ же вѣдь находился и маленькій мальчикъ, пугавшій птицъ: онъ убилъ бы этого мальчика. Кромѣ того, о томъ, что сбѣжалъ сумасшедшій, всѣ бы знали. Откуда же нибудь онъ долженъ былъ сбѣжать; его помѣшательство должно было быть извѣстнымъ. Безъ сомнѣнія, его бы преслѣдовали или искали. На слѣдствіи или судѣ было бы упомянуто, что по близости ходилъ на волѣ такой опасный человѣкъ; непремѣнно возникли бы предположенія, что онъ могъ быть виновникомъ содѣяннаго. Опасные сумасшедшіе не убѣгаютъ незамѣченными, и фактъ ихъ бѣгства не остается тайной.

Нѣтъ. Это не годится. Надо придумать другую и болѣе подходящую теорію.

Онъ придумалъ другую. Браконьеры! Всякій знаетъ, какую смертельную вражду, гораздо болѣе сильную семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, чѣмъ въ наше время, питали къ помѣщикамъ браконьеры. Въ тѣ дни послѣднихъ ловили въ западни, въ капканы; въ нихъ стрѣляли лѣсные сторожа; съ ними расправлялись, какъ съ хищными звѣрями. Браконьеры, со своей стороны, оказывались весьма мстительными и временами рѣшались даже на убійства. Въ этомъ случаѣ злодѣяніе было несомнѣнно совершенно браконьеромъ.

Это предположеніе сразу удовлетворило Леонарда, какъ и предыдущее. Но вскорѣ онъ сообразилъ, что браконьерамъ нечего было дѣлать въ рощѣ въ началѣ іюня, и что они не расхаживаютъ по лѣсамъ при свѣтѣ солнца и въ самый полдень. Сверхъ того, браконьерамъ даннаго помѣстья не за что было питать злобу на чужого помѣщика, пріѣхавшаго за пятнадцать миль. Леонардъ въ отчаяніи отодвинулъ отъ себя бумаги.

Работать оказывалось невозможнымъ; онъ не въ состояніи былъ думать ни о чемъ другомъ. Однако, въ эту минуту онъ почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Ему пришло въ голову, что онъ долженъ лично ознакомиться съ мѣстностью. Ему захотѣлось осмотрѣть рощу, о которой столько разъ упоминалось, мѣсто, гдѣ былъ нанесенъ ударъ, мѣсто, гдѣ скрывался преступникъ. Ему нужно было свидѣтельство самой рощи, которая, вѣроятно, не измѣнилась за семьдесятъ лѣтъ, если только ее не срубили и не заняли ея мѣсто постройками. Впрочемъ, въ той мѣстности лѣса не вырубаются и не застраиваются: тамъ народъ весьма консервативенъ. Каковы были поля сотню лѣтъ назадъ, таковы они и сейчасъ.

Посѣтителямъ усадьбы всего удобнѣе ѣхать по пригородной столичной линіи, идущей на Рикмансвортъ, Амершамъ и Верней. Леонардъ рѣшилъ, что поѣдетъ въ то-же утро. Онъ взялъ съ собою записную книжку и отправился, опредѣливъ тѣ пункты, которые хотѣлъ изслѣдовать.

Онъ прибылъ на станцію незадолго до полудня и черезъ десять минутъ очутился передъ домомъ. По задней террасѣ, какъ обыкновенно, расхаживалъ съ суровымъ, рѣшительнымъ видомъ высокій, прямой, широкоплечій старикъ. Леонардъ не сталъ говорить съ нимъ, а прошелъ въ садъ, гдѣ, взглянувъ на часы, сталъ пробираться по заросшимъ травою аллеямъ, и повернувъ направо, вступилъ въ паркъ.

Паркъ былъ не великъ; по тому направленію, по которому должны были идти тѣ двое, вела лишь одна дорожка; по-

добно садовымъ, она заросла травою. Въ концѣ парка стояла сторожка, но она пустовала уже почти семьдесятъ лѣтъ; ворота ржавѣли на петляхъ своихъ, окна были побиты, а съ крышъ валилась черепица.

За паркомъ шла большая дорога; за дорогою узкая тропинка вела по полю къ рощѣ; направо почва нѣсколько возвышалась. Итакъ, въ этой самой рощѣ совершено было дѣяніе; а здѣсь былъ тотъ холмъ, съ котораго мальчикъ пугалъ птицъ, когда видѣлъ, что въ рощу вошло двое, а вышелъ только одинъ.

Леонардъ прошелъ по полю и вступилъ въ рощу. Онъ снова взглянулъ на часы. Чтобы дойти отъ дома до дороги, потребовалось двадцать минутъ; онъ записалъ эту цыфру и пошелъ по лѣсу. Роща была хорошенькая, точно насаженная нарочно: большихъ деревьевъ было мало, молодяка много; два или три дерева лежали на землѣ и ждали, чтобы ихъ спилили. Весенняя листва сверкала въ лучахъ солнца, смѣна свѣта и тѣни была успокоительна и пріятна; воздухъ былъ мягокъ; птицы пѣли. Все въ этомъ мѣстѣ дышало прелестью и миромъ.

Итакъ, именно здѣсь внезапно погибъ Ланглей Хольмъ. Отъ чьей-же руки?

Пока Леонардъ стоялъ, всматриваясь въ темную чащу кустарника, произошло любопытное явленіе, то самое, которому была свидѣтельницей экономка и которое она описала въ своихъ замѣткахъ. Какая-то капризная игра свѣта и тѣни образовала въ самой темной части лѣса подобіе или призракъ человѣка: только плечи и верхнюю часть туловища, но все-же фигуру человѣка.

Леонардъ былъ не болѣе суевѣренъ, чѣмъ всѣ ему подобные, но это явленіе его поразило; на минуту сердце его забилось сильнѣй отъ того особаго ужаса, не похожаго ни на какой другой, который вызывается въ насъ предметами сверхъестественными.

Есть люди, которые хвалятся, что совсѣмъ его не знаютъ и никогда не испытали. Такіе люди могутъ взять съ собой работу въ покинутый домъ и спокойно исполнять ее одни въ теченіе всей долгой ночи. Съ своей стороны, я не завидую имъ. Дайте мнѣ проявленія міра невидимаго, шопотъ невидимыхъ духовъ, холодное дыханіе невидимыхъ гостей, хотя-бы ихъ пришлось встрѣчать со страхомъ и суевѣрнымъ трепетомъ.

Такой именно трепетъ вызвалс въ Леонардѣ описанное явленіе. Минуту спустя, чувство это пропало, и онъ разобралъ, что человѣческая форма была образована извѣстнымъ расположеніемъ тѣней среди кустарника. Но ему, какъ и эко-

номкѣ, видѣвшей то же самое, эта форма показалась призракомъ убитаго.

Онъ повернулъ назадъ. Оказалось, что рощу можно было пройти изъ конца въ конецъ въ пять минутъ. Она была такъ мала, а кустарная поросль настолько прозрачна вслѣдствіе мелкой листвы, что, гдѣ-бы ни стоялъ въ ней человѣкъ, его легко было увидѣть; спрятаться въ ней было невозможно. Все это онъ тоже записалъ.

Потомъ онъ вспомнилъ о мальчикѣ, который на холмѣ пугалъ птицъ. Теперь тамъ не было мальчика; но Леонардъ взошелъ на холмикъ самъ, чтобы узнать, что могъ увидѣть оттуда мальчикъ.

Хотя холмъ былъ низокъ, но всетаки возвышался надъ деревьями рощи; съ него видна была мѣстность за рощею: еще поле, покрытое зеленью. Леонардъ замѣтилъ, что хотя нельзя видѣть сквозь рощу, но можно было видѣть черезъ рощу все, что за нею и по сторонамъ.

Кто-бы ни подошелъ къ рощѣ съ какой угодно стороны, или выбѣжалъ-бы изъ нея, мальчику, стоявшему на холмѣ, было видно всякаго. Тутъ въ его мысляхъ повторилось показаніе мальчика: „Я видѣлъ барина съ другимъ господиномъ; они вмѣстѣ дошли до рощи. Вскорѣ баринъ вышелъ оттуда одинъ, тогда подошелъ Джонъ Дуннингъ и, тотчасъ выскочивши вонъ, побѣжалъ на ферму. Потомъ принесли ставень и понесли на немъ что-то покрытое. Больше я ничего не видѣлъ“.

Слова эти послышались ему такъ отчетливо и ясно, что онъ оглянулся и удивился отсутствію мальчика. Онъ присѣлъ на перекладину ограды и перечиталъ свои замѣтки.

1. Отъ дома до рощи было двадцать минутъ ходьбы.
2. Всю рощу можно было пройти въ пять минутъ.
3. Она нигдѣ не на столько густа, чтобы скрыть человѣка.
4. Съ холма сквозь рощу не видно.
5. Но оттуда-же можно обозрѣть со всѣхъ сторонъ все, что вокругъ.

Надъ этимъ онъ задумался, болѣе чѣмъ когда-либо будучи подъ гнетомъ и во власти тайны. Сообразите: это было необыкновенное преступленіе, о какомъ можно прочесть въ хроникѣ каждой семьи, внезапно и беззаконно лишенной когда-то одного изъ своихъ членовъ. Это было преступленіе, послѣдствія котораго доселѣ чувствовались всею семьею, вслѣдствіе страннаго затворничества ея главы.

Всякія преимущества, которыя могли-бы выпасть на долю какому-либо члену этого стариннаго и почтеннаго рода, были утрачены, благодаря тому, что глава его и владѣлецъ помѣстья не обращалъ вниманія ни на кого изъ своихъ, не

зналъ даже о ихъ существованіи, а жилъ всецѣло для себя и самъ съ собою.

Въ этомъ и заключалось первое изъ многочисленныхъ несчастій, обрушившихся на эту семью. Наконецъ, тутъ была тайна, которая все время какъ-бы готова была выясниться, благодаря тому или другому предположенію, какъ будто устранявшему всѣ сомнѣнія.

Леонардъ оглянулся вокругъ. Обстановка была черезчуръ мирною для какого-либо акта насилія; солнце грѣло, птицы тѣшили слухъ его пѣніемъ. Контрастъ съ его мыслями какъ-бы околдовалъ его; онъ предпочелъ-бы атмосферу, насыщенную электричествомъ и громами.

Онъ началъ убѣждать себя, что дѣло это совершилось семьдесятъ лѣтъ назадъ, что выясненіе его можетъ быть отложено до того времени, когда откроются тайны всѣхъ сердецъ; что послѣ столькихъ лѣтъ нельзя надѣяться проникнуть въ тайну; что онъ только теряетъ время и т. д. Онъ, такъ сказать, заклиналъ эту тайну его не тревожить. Но никакой бѣсъ, овладѣвшій душой смертнаго, не могъ быть болѣе упрямымъ. Гнетъ остался на немъ, ставъ только еще тяжелѣе и несноснѣе.

Онъ сошелъ съ холма и пошелъ назадъ, къ дорогѣ. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы идти въ паркъ, онъ свернулъ налѣво въ деревушку. Нельзя обходиться безъ ѣды; въ сельской гостиницѣ онъ заказалъ жареную говядину и, пока ее готовили, пошелъ въ церковь. Храмъ былъ полонъ воспоминаній о членахъ его семьи, а въ стѣну была врѣзана дощечка въ память несчастнаго погибшаго.

За церковью, на кладбищѣ, онъ увидѣлъ того-же старика, который подходилъ къ нему, когда онъ привозилъ сюда Констанцію. Старикъ сидѣлъ на могильномъ камнѣ, грѣясь и щурясь на солнцѣ. Онъ медленно всталъ и снялъ съ головы шляпу.

— Надѣюсь, вы въ добромъ здоровьѣ, баринъ? — сказалъ онъ.

— Да!—припомнилъ Леонардъ.—Вѣдь это вы тотъ мальчикъ, который пугалъ птицъ въ тотъ день, семьдесятъ лѣтъ назадъ, когда былъ убитъ г. Хольмъ?

— Точно такъ, баринъ, точно такъ. Я ничего не забылъ. Я помню все, точно какъ вчера. Лучше, чѣмъ вчера. Я старъ, баринъ, и помню, что было въ моемъ дѣтствѣ лучше, чѣмъ вчерашнее. Со многими стариками такъ бываетъ.

— Очень вѣроятно; я объ этомъ слыхалъ. Теперь присядьте и разскажите мнѣ все сначала. Я нарочно пріѣхалъ изъ Лондона взглянуть на мѣсто и вспомнилъ ваше показаніе.

— Я все разскажу вамъ, сударь. Будете вы спрашивать или хотите, чтобы я говорилъ самъ?

— Сначала говорите сами, а потомъ я буду предлагать вопросы.

Старикъ повторилъ, подобно попугаю:

— Было ясное іюньское утро, и время подходило къ обѣду. Я пугалъ птицъ съ пяти часовъ и успѣлъ проголодаться. Я былъ одинъ на холмикѣ, среди поля, у рощицы, сквозь которую идетъ тропинка. Тутъ я увидалъ двухъ господъ: одинъ былъ нашъ баринъ, а другого я видѣлъ въ церкви вмѣстѣ съ бариномъ въ прошедшее воскресенье, только не зналъ, какъ его звать. Онъ былъ высокъ, но все-же пониже нашего барина. Они говорили громко и скоро. Я помню, что слышалъ голоса, но словъ не разобралъ. Они вмѣстѣ вошли въ рощу. Тотчасъ-же послѣ того нашъ баринъ вернулся; онъ оглядывался, точно кого-то поджидалъ, а потомъ пошелъ скорымъ шагомъ домой. Другой-же господинъ не вышелъ ни вмѣстѣ съ бариномъ, ни съ другого конца рощи. Долгое время спустя подошелъ Джонъ Дуннингъ. На немъ была блуза; онъ не пробылъ въ лѣсу и двухъ минуть, какъ выбѣжалъ оттуда и побѣжалъ на ферму. Я замѣтилъ, что блуза на немъ стала красною; а съ фермы пришли люди со ставнемъ и вынесли изъ рощи что-то покрытое. Вотъ все, что я помню.

— Да, это все. Это самое вы сказали на слѣдствіи и судѣ, не такъ-ли?

— Это самое, баринъ.

— Да. Роща была такая-же, какъ теперь?

— Точно такая.

— Не темная, густая, а рѣденькая и прозрачная, совсѣмъ какъ сейчасъ?

— Рѣденькій лѣсочекъ со множествомъ молодяка.

— Значитъ, вамъ видно было сквозь лѣсъ?

— Нѣтъ; оттуда, гдѣ я стоялъ, мнѣ видно было поверхъ деревьевъ, но не насквозь.

— Въ которомъ часу пришли вы туда въ тотъ день?

— Въ половинѣ шестого. Мать дала мнѣ поѣсть и велѣла идти. Я думаю, что было около половины шестого.

— Очень хорошо. Вы пошли прямо на холмъ и принялись за дѣло, я думаю?

— Нѣтъ, я сначала прошелъ по рощѣ.

— Зачѣмъ?

— Поискалъ тамъ птичьихъ гнѣздъ.

— Ахъ, такъ вы были въ лѣсу? Не видали-ли вы тамъ кого-нибудь, или не показалось-ли вамъ, что тамъ кто-нибудь спрятанъ?

— Господи помилуй! Да кто-же могъ прятаться въ такой маленькой рощицѣ?

— Могли быть браконьеры, напримѣръ.

— Только не въ іюнѣ. Если-бы кто былъ, такъ я-бы ужъ увидѣлъ.

— Ну, такъ вы пошли на холмъ и начали свое пуганье. Не проходилъ-ли кто-нибудь въ рощу, прежде чѣмъ пришли вашъ баринъ и г. Хольмъ?

— Нѣтъ; если-бы кто-нибудь былъ, я-бы его увидѣлъ, непремѣнно-бы увидѣлъ. Никого не было въ это утро, совсѣмъ никого на дорогѣ; да тутъ рѣдко и ходятъ.

— А куда ведетъ тропинка?

— Полями къ селу Хайбичъ и къ церкви.

— Такъ по ней мало ходятъ?

— Мало. Часто въ цѣлый день кто-нибудь одинъ пройдетъ.

— Гмъ!—Леонарда сбивала съ толку опредѣленность отвѣтовъ старика. Въ рощѣ никого не было, когда онъ проходилъ по ней, и никто не вошелъ въ нее въ теченіе утра. Гдѣ-же были браконьеры? Гдѣ опасный сумасшедшій?

— Въ то время вы были еще ребенкомъ,—сказалъ онъ.— Не думаете-ли вы, что память могла измѣнить вамъ? Вѣдь, съ тѣхъ поръ прошло семьдесятъ лѣтъ.

Старикъ покачалъ головой.

— Господи, чуть не каждый мѣсяцъ и чуть не каждый годъ меня все спрашиваютъ о томъ, какъ это случилось и что я видѣлъ! То священникъ толкуетъ съ гостями объ этомъ дѣлѣ и пошлетъ за мною. То пришлютъ изъ трактира, разговорившись тамъ объ убійствѣ. То пристанутъ деревенскія кумушки. Не думайте, чтобы меня обманывала память, баринъ: этого не можетъ быть. Я думаю—тутъ онъ захихикалъ,—что и въ минуту смерти буду видѣть все этихъ-же господъ, какъ они шли въ рощу.

— Хорошо, такъ вернемся-же къ этому. Когда они дошли до рощи, вашъ баринъ пошелъ назадъ?

— Да; только сначала вошелъ въ нее вмѣстѣ съ тѣмъ господиномъ.

— Ахъ, это все равно. Но онъ немножко прошелъ по рощѣ, не правда-ли?

— Не знаю, сколько онъ тамъ прошелъ, только онъ нѣсколько времени тамъ пробылъ: пожалуй, пять минутъ, пожалуй—двѣ. А потомъ вышелъ вонъ.

— О! Это было и въ вашемъ показаніи?

— Я отвѣчалъ на то, о чемъ меня спрашивали. Никто и никогда меня не спрашивалъ, долго-ли баринъ пробылъ въ лѣсу.

— Такъ они вошли въ рощу и оживленно разговаривали? Этого тоже не было въ вашемъ показаніи.

— Потому что меня не спрашивали. А ужъ разговаривали-то громко и скоро, точно ругались.

— Этого не могло быть.

— Я не слыхалъ, что они говорили.

— Ну, это все равно. И вашъ баринъ вернулся какъ разъ отъ опушки?

Кладбищенскій сторожъ опять покачалъ головой.

— Я знаю, что говорю,—возразилъ онъ,—и знаю, что видѣлъ.

— Кромѣ васъ, помнитъ ли кто въ селѣ объ этомъ событіи?—спросилъ Леонардъ.

— Тому прошло уже семьдесятъ лѣтъ,—былъ отвѣтъ.— Я старше всѣхъ въ деревнѣ, кромѣ барина. Онъ-то все хорошо помнитъ, хоть и прикидывается помѣшаннымъ. Онъ долженъ помнить. А больше некому.

— Тутъ подозрѣвали одного человѣка.

— Это—Джона Дуннинга. Ну, мнѣ было всего семь лѣтъ а и то я зналъ, что это не могъ быть Джонъ. Во первыхъ, онъ былъ не такъ великъ, потомъ не такъ храбръ, и потомъ—не такъ золъ. Но его всетаки судили, а потомъ отпустили и онъ вернулся въ село. Только ему пришлось выселиться, потому что, видите-ли, у насъ не любятъ водиться съ человѣкомъ, который судился за убійство, хоть-бы онъ и отвертѣлся; никто не захотѣлъ работать вмѣстѣ съ Джономъ, тогда баринъ далъ ему денегъ, и онъ уѣхалъ въ Австралію со всею семьею; съ тѣхъ поръ мы о немъ и не слыхали.

— А больше ни на кого не падало подозрѣніе?

— Можетъ быть, кто и подозрѣвалъ кого, да молчалъ про свои подозрѣнія.

— А сами-то вы подозрѣвали кого-либо?

— Ужъ больно давно это было, баринъ. Старый баринъ да я, только одни это и помнимъ. Зачѣмъ мнѣ подозрѣвать кого-либо черезъ столько лѣтъ? Не скажу, что есть у меня подозрѣнія, не скажу, что и нѣту. Если есть, то они лягутъ со мною въ могилу.

Леонардъ вернулся въ Лондонъ. Теперь онъ хорошо изучилъ мѣстность и допросилъ такого важнаго свидѣтеля, какъ этотъ старикъ. Ничего новаго онъ отъ него не добился; но словесное показаніе очевидца о событіи, совершившемся семьдесятъ лѣтъ назадъ и на столько интересовавшимъ Леонарда, казалось ему замѣчательнымъ.

Онъ вернулся къ себя на квартиру. Сюда-же немедленно пришла и Констанція.

— Мой другъ и родственникъ,—сказала она съ обычной непринужденностью, какъ будто между ними никогда и не было недоразумѣнія,—у васъ измученный видъ. Что случилось?

— Развѣ я кажусь измученнымъ?

— Гораздо важнѣе то, дѣйствительно-ли вы измучены? Леонардъ, вѣдь это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ маленькимъ несогласіемъ, которое возникло между нами на дняхъ?

— Нѣтъ,—возразилъ онъ,—ничего.

Этотъ отвѣтъ не заключалъ въ себѣ комплимента; но Констанція и не была такою дѣвицею, которая-бы ожидала или желала комплиментовъ.

— Ну, такъ васъ тревожитъ появленіе бѣдныхъ родственниковъ?

— Я покажусь вамъ очень смѣшнымъ. Я вовсе не тревожусь о бѣдныхъ родственникахъ; но меня мучитъ это преступленіе: убійство, совершенное семьдесятъ лѣтъ назадъ.

— Неужели? Но почему?

— Оно касается васъ не менѣе, чѣмъ меня.

— Вы хотите сказать, что я тоже должна-бы имъ мучиться? Я право не могу. Это было слишкомъ давно. Оно, право, нисколько меня не трогаетъ, только немножко жалко бабушку, дѣтство которой было омрачено этимъ ужасомъ. Да и это было ужъ очень давно. Почему же оно васъ мучаетъ?

— Я даже не могу вамъ сказать—почему. Только это такъ. Констанція, это просто изумительно. Вѣдь вы не подозрѣваете меня въ нервозности или наклонности къ празднымъ выдумкамъ?

— Ничуть. У васъ очень крѣпкіе нервы.

— Такъ не объясните-ли вы мнѣ того, что было. Вчера вечеромъ я пришелъ домой около одиннадцати, помня, что моя новоявленная бабушка прислала мнѣ пріятный подарочекъ—книгу съ полнымъ отчетомъ о преступленіи въ вырѣзкахъ изъ газетъ того времени и замѣткахъ женщины, бывшей домоправительницей въ Кампейнь-Паркѣ...

— Ну?

— Я вынулъ книгу изъ бумаги, въ которую она была завернута... Еще разъ скажите, Констанція, суевѣрный-ли я человѣкъ?

— Разумѣется, нѣтъ.

— Ну...—Онъ подумалъ нѣсколько времени, не лучше-ли скрыть это обстоятельство, но потомъ рѣшился сказать:— Когда я ее раскрылъ, мною овладѣла весьма странная антипатія, какое-то отвращеніе, которое я съ трудомъ преодолѣлъ. Сегодня утромъ, взглянувши на книгу, я испыталъ тоже самое.

— Да, это странно. Но вы преодолѣли это чувство?

— Не взирая на него, я настойчиво и рѣшительно прочелъ всю книгу. Ея содержаніе меня и привлекаетъ, и отталкиваетъ. Полъ-ночи я провелъ за этимъ чтеніемъ. Никогда ни одна книга не овладѣвала мною такъ.

— Странно!—повторила Констанція.—Изъ-за такого давняго событія!

— Я, наконецъ, отогналъ эти мысли, легъ въ постель и уснулъ. Но въ концѣ концовъ я принужденъ (я преднамѣренно употребляю это слово), принужденъ, Констанція, разслѣдовать все дѣло.

— Послушайте, но это не серьезно? Разслѣдовать? Вѣдь это было семьдесятъ лѣтъ назадъ. Что можно узнать по прошествіи семидесяти лѣтъ?

— Не знаю. Я долженъ разслѣдовать и узнать, что̀ возможно.

Констанція посмотрѣла на него съ изумленіемъ. Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, но повернувшись къ ней. Лицо его похудѣло и выражало какую-то растерянность: онъ похожъ былъ на человѣка, котораго преслѣдуютъ, но рѣшимость его казалась твердою.

— Леонардъ, это пустыя фантазіи.

— Я не могу побороть ихъ; я долженъ разслѣдовать это дѣло. Отвлечь меня отъ него невозможно, Констанція: я непремѣнно долженъ. Это было первое изъ семейныхъ бѣдствій, а они были такъ тяжки и такъ многочисленны, что... было бы слабостью не изслѣдовать ихъ источника.

— Мнѣ жаль, мнѣ очень жаль, что вы узнали правду, хотя она сдѣлала насъ родственниками.

— Мнѣ это тоже очень жаль. Но судьба настигла меня, какъ настигла моего дѣда, отца и того престарѣлаго человѣка. Можетъ быть, и моя карьера будетъ прервана преждевременнно.

— Вздоръ, Леонардъ! Вы разслѣдуете это дѣло, ничего не узнаете, затѣмъ бросите все и забудете.

— Нѣтъ, ничего я не брошу и не забуду.

— Ну, такъ начинайте ваши развѣдки какъ можно скорѣе, чтобы скорѣе ихъ кончить. Охъ! я никогда-бы не повѣрила, чтобы у васъ могли быть навязчивыя фантазіи или вообще какія либо фантазіи.

— Я и самъ думалъ такъ, если-бы не этотъ случай. Когда я всталъ, Констанція, и съ рѣшимостью закрылъ книгу, я сдѣлалъ надъ собою усиліе забыть все это.

— И увидѣли, что не можете?

— Никакъ не могъ. Оказалось невозможнымъ сосредоточить на чемъ-либо мое вниманіе; тогда я опять вытащилъ

книгу и перечиталъ ее съ начала до конца. Констанція, такой замѣчательной исторіи я никогда не читывалъ въ жизни. Прочтите ее сами.

— Если и прочту, то даже почтеніе къ нашему предку не заставитъ меня такъ принять ее къ сердцу, какъ приняли вы.

— Сегодня я былъ въ усадьбѣ, осмотрѣлъ лѣсъ, гдѣ это случилось, и опять разыскалъ на кладбищѣ того старика, который сказалъ вамъ незаслуженный комплиментъ.

Констанція покраснѣла, но не очень.

— Я заставилъ его разсказать все, что онъ помнилъ: оказалось не много, но все явилось какъ-бы неожиданнымъ подтвержденіемъ какого-нибудь стараго документа.

— И вы еще не вывели никакого заключенія? Не создали никакой гипотезы?

— Ни одна не выдерживаетъ критики. Не знаю, что будетъ дальше, но чувствую потребность продолжать и продолжать.

Она положила руку на его рукавъ.

— Если чувствуете потребность продолжать, то возьмите меня въ сотрудницы. Вѣдь это убійство касается меня не менѣе васъ. Одолжите мнѣ книгу.

Она унесла ее къ себѣ, и въ эту ночь другой кошмаръ давилъ другого человѣка, не давая покоя и во снѣ.

XIII.

Переговоры.

— Ты пришелъ еще за рѣчью, Фредъ?

Христофоръ весело поднялъ взоръ съ работы. Прелестный весенній сезонъ, когда даются самые крупные обѣды, былъ для него временемъ жатвы, и по прошествіи іюня онъ уже могъ класть въ банкъ золотые плоды своихъ трудовъ. На этотъ разъ урожай обѣщалъ быть блестящимъ.

— Тебѣ нужна еще рѣчь, старина?—повторилъ онъ.—Я пишу юмористическую рѣчь о литературѣ, но и для тебя улучу минутку.

— Къ чорту твои рѣчи! — Фредъ присѣлъ у стола.— Могъ-бы дать человѣку напиться.

Онъ говорилъ точно подъ бременемъ перенесенной несправедливости.

— Кажется, ты не въ духѣ, Фредъ. Что-же не ладится? Колоніальное предпріятіе? То важное дѣло, которое интересуетъ всю Ломбардскую улицу, какъ-то затормозилось?

Онъ спрашивалъ съ раздражающею усмѣшкою сомнѣнія,

но отворилъ шкафъ и вытащилъ бутылку, стаканъ и двѣ или три бутылочки содовой воды.

— Ну, старина, вотъ тебѣ, пей.

Фредъ помычалъ и щедро угостился, хотя было всего одиннадцать часовъ утра.

— Колоніальное предпріятіе идетъ по прежнему,—неопредѣленно отвѣтилъ онъ.

— Я такъ и думалъ. А что на Ломбардской?

— Ну, я былъ лучшаго мнѣнія о Сити. Я полагалъ, что еще есть какая-нибудь предпріимчивость въ этой гнилой, неподвижной и дряхлой странѣ!

Христофоръ засмѣялся.

— И смотрѣть не хотятъ, не правда-ли?

— Напротивъ, ничего не хотятъ дѣлать, не видавши!

— Гмъ! Неловко, не правда-ли? Скажи, Фредъ, зачѣмъ вообще ты вернулся? Почему не остался въ Австраліи?

— Я вернулся по многимъ причинамъ. Отчасти, чтобы прослѣдить за тобою, братъ Хрисъ.

— Какъ за мною? Съ какой стати?

— Ну, видишь-ли: ты одинъ только зналъ о моемъ существованіи. Леонардъ меня совсѣмъ не помнилъ. Дѣдушкины стряпчіе обо мнѣ и не слыхивали. И вотъ, мнѣ разъ пришло въ голову—точно голосъ какой заговорилъ со мною—и сказалъ вотъ что: „Фредъ, ты дуракъ. Двадцать лѣтъ ты живешь здѣсь; у тебя старый безумный дѣдъ, у котораго должна быть куча денегъ. Пожалуй, онъ уже умеръ, а о тебѣ, кромѣ Христофора, никто не помнитъ. Ступай домой какъ можно скорѣй. Христофоръ,—продолжалъ этотъ замѣчательный голосъ,—вполнѣ способенъ прикарманить все, не подумавъ о тебѣ“. Вотъ что сказалъ мнѣ голосъ, братецъ.

— Кто спьяну видитъ крысъ, кто кошекъ, кто круги, а кому слышатся голоса. Ты, Фредъ, выпивать-то не стѣснялся?

— Быть можетъ. Но я прислушался къ этому голосу, болѣе того: повиновался ему, почему и вернулся домой. Старикъ еще не скончался. Значитъ, пока все цѣло. И стряпчіе знаютъ о моемъ существованіи. Это превосходно. Такимъ образомъ, тебѣ таки не удастся обдѣлить меня.

— Очень хорошо, очень хорошо. Думаю, что очень скоро придется дѣлить громадную кучу, Фредъ, и сдѣлай милость—получай свою долю.

— Очень тебѣ благодаренъ, право. Не знаешь-ли сколько тамъ будетъ?

— Даже боюсь и считать. Кстати, какое онъ оставилъ завѣщаніе?

— Завѣщаніе, душа моя? Онъ получаетъ по шести тысячъ фунтовъ въ годъ и ничего не тратитъ и не раздаетъ.

Капиталъ его, считая и то, что къ нему перешло отъ матери, все растетъ да растетъ. Сколько жъ у него теперь? Милліонъ? Два милліона? А я нуждаюсь въ нѣсколькихъ фунтахъ, ты же, мошенничая и обманывая, работаешь, какъ негръ; между тѣмъ какъ эти деньги лежатъ и ждутъ своего назначенія. Вѣдь отъ этого можно съума сойти, Хрисъ! Можно съума сойти!

— Можно-то, можно, да ничего не подѣлаешь. Ну, такъ ты былъ на пути къ бѣлой горячкѣ и, вмѣсто того, чтобы видѣть крысъ, услышалъ голосъ, клеветавшій на твоего брата; тогда ты вернулся домой, имѣя при себѣ въ карманѣ твое крупное дѣло: оно вѣдь все помѣстилось въ жилетномъ карманѣ, безъ сомнѣнія?

— Чортъ-ли въ томъ, въ которомъ карманѣ оно помѣстилось!

Христофоръ откинулся назадъ и соединилъ концы своихъ пальцевъ.

— Я не собирался дѣлать тебѣ гадостей, Фредъ, хотя этотъ чертовскій голосъ и говорилъ такія вещи. Но я все зналъ заранѣе; я учуялъ тутъ подвохъ, такъ сказать. Чтобы ты сталъ дѣловымъ человѣкомъ? Главою обширнаго предпріятія? Нѣтъ, нѣтъ, это было бы ужъ слишкомъ, братецъ, это слишкомъ! Правда, ты хорошо игралъ свою роль, я съ этимъ согласенъ.

— Честное слово, я самъ вѣрилъ въ успѣхъ! Я заручился компаньономъ, который увѣрялъ, что устраивалъ дѣлишки почище этого, толковалъ о товариществѣ на паяхъ и о записи на мое имя паевъ на пятьдесятъ тысячъ, такъ какъ я являюсь основателемъ колоніальнаго предпріятія...

— Хорошо, Фредъ; но вернись же къ фактамъ: вѣдь рано или поздно съ ними неизбѣжно считаться. Что это было за колоніальное предпріятіе?

— Оно шло очень хорошо, когда я уѣзжалъ, а какъ идетъ теперь—не знаю. Прелестнѣйшая лавочка у дороги съ великолѣпнымъ выборомъ сардинокъ, консервовъ, чаю, муки и сахару. Чего тебѣ еще нужно? Я же имѣлъ въ виду не самую лавочку, а возможное развитіе нашей торговли.

— Развитіе лавчонки? Великолѣпно.

— Развитіе, говорю, торговаго дѣла изъ этого скромнаго придорожнаго зернышка. Я не мало толковалъ объ этомъ зернышкѣ и думалъ, что это скромное начало не отпугнетъ ихъ. Я предлагалъ составить большую компанію и покрыть всю Австралію магазинами, торгующими чѣмъ угодно. „Братья Барловы“ должны были снабжать всевозможными товарами весь австралійскій материкъ. Предполагалось имѣть собственныя сахарныя плантаціи на островѣ Маврикія, кофейныя—на

Цейлонѣ, чайныя—въ Ассамѣ, мукомольныя мельницы—повсюду, виноградники—во Франціи и Германіи...

— Понялъ, понялъ! Достаточно, Фредъ. Этотъ проектъ дѣлаетъ тебѣ большую честь. Такъ ты и явился съ нимъ въ Сити?

— Да. Я полилъ его цѣлыми бочками шампанскаго и такимъ моремъ водки, что по нему могла бы поплыть первоклассная яхта. И каковъ же результатъ?

— Понимаю. И ты дошелъ до крайности.

— Вѣрно. До совершенной крайности. Смотри!—Онъ вытащилъ часовую цѣпочку: на концѣ ея не было часовъ.—И часы уплыли, — сказалъ онъ.—За ними пойдетъ и цѣпочка. А еще надо уплатить по счету въ гостиницѣ.

— И не мало, полагаю?

— Я себѣ не отказывалъ, Христофоръ.

— А чѣмъ ты уплатишь по этому счету? И что станешь дѣлать потомъ?

— Я имѣлъ въ виду дѣдовы капиталы. Я вѣдь навѣстилъ старика. Онъ совсѣмъ здоровъ и бодръ, только не захотѣлъ говорить со мною. Притворяется нѣмымъ и глухимъ. Но ключница говоритъ, что онъ все понимаетъ. Значитъ, теперь онъ знаетъ о моемъ существованіи. Она же дала мнѣ адресъ его нотаріуса, и я побывалъ тамъ, въ конторѣ. Я спросилъ аванса, знаешь, небольшого аванса въ счетъ доли наслѣдства.

— А!

— Но они говорятъ, что не имѣютъ права. „Милостивый государь,—возразилъ я,—я не освѣдомляюсь о вашихъ правахъ. Мнѣ все равно, дадите ли вы мнѣ тысячу въ счетъ будущихъ благъ или одолжите мнѣ ее изъ собственныхъ суммъ“. Нѣтъ, парень такъ и не раскошелился. Сказалъ, что я долженъ представить доказательства моихъ правъ на наслѣдство, что онъ не промышляетъ раздачею денегъ взаймы, что лучше мнѣ пойти въ банкъ и представить обезпеченіе. Такъ я наслѣдникъ дворянскаго имущества. Не знаю его цѣнности, но она должна быть громадна. Имѣніе даетъ до 6000 ф. въ годъ, да еще отъ матери у него были капиталы. Громадно! Громадно! И я нуждаюсь въ несчастной тысченкѣ!

— Оно, какъ будто, и жестоко. Но увѣренъ-ли ты, что принадлежишь къ числу наслѣдниковъ?

— Старикъ вѣдь не въ умѣ. Все будетъ дѣлиться. Ему ужъ недолго жить.

— Да, но онъ можетъ прожить еще лѣтъ пять-шесть.

— Ну, Христофоръ, однимъ словомъ—тебѣ придется добыть для меня эти деньги. Можешь взять проценты, закладную, что угодно; только деньги мнѣ нужны непремѣнно.

Новые матеріалы для исторіи „Молодой Германіи".

(Das Junge Deutschland und die preussiche Zensur. Nach ungedruckten archivarischen Quellen, von L. Geiger. Berlin. 1900).

Среди тѣхъ литературныхъ явленій, которыя были непосредственнымъ результатомъ явленій политической и общественной жизни и въ свою очередь оказали вліяніе на эту послѣднюю, движеніе, извѣстное подъ названіемъ „Молодой Германіи" занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ. Не смотря на кратковременность своего существованія вслѣдствіе совершенно внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не смотря и на то, что въ этомъ движеніи участвовала, въ качествѣ активныхъ дѣятелей, очень небольшая группа людей, оно всколыхало умы, выдвинуло на первый планъ тѣ элементы, которые давно уже находились въ броженіи, и дало имъ до рѣзкости опредѣленную форму. Движеніе „Молодой Германіи" было движеніемъ чисто-литературнымъ, внѣшняя форма, въ которой оно проявилось, была дѣятельность исключительно писательская, дѣятельность только „словомъ", а не „дѣломъ", въ видѣ теоретическихъ разсужденій и беллетристическихъ произведеній,—но при этомъ, однако, исторія „Молодой Германіи" должна быть признана какъ существенная составная часть политической исторіи нѣмецкой націи. Знакомясь съ фактами этой исторіи, мы видимъ, какъ отразилось въ нѣмецкой литературѣ время, когда, при существованіи въ Германіи насильственнаго подавленія всякой общественной жизни, при господствѣ самаго сильнаго обскурантизма, обнаруживалось, однако, очень ясно стремленіе къ гласному изображенію политическихъ и соціальныхъ порядковъ той поры; когда пробивали, или, по крайней мѣрѣ, старались пробивать себѣ дорогу общественная и политическая жизнь, самостоятельная печать, какъ органъ либеральной критики современнаго положенія дѣлъ, сильное и прогрессивное движеніе во всѣхъ сферахъ культурной жизни страны. Тѣ же факты показываютъ намъ, какое участіе

принимала нѣмецкая литература въ колоссальномъ переворотѣ, который совершала въ этой жизни неодолимая сила вещей, въ какихъ формахъ новые фазисы этой литературы проявлялись въ духовной жизни нѣмецкаго общества.

Сочиненіе извѣстнаго ученаго Гейгера, заглавіе котораго выписано выше, сообщаетъ много весьма любопытныхъ и совершенно новыхъ, почерпнутыхъ изъ архивовъ прусскаго правительства матеріаловъ. Но прежде чѣмъ познакомить съ ними читателя, считаю необходимымъ дать хотя самый бѣглый очеркъ этого литературнаго движенія. Считаю это необходимымъ тѣмъ болѣе, что, сколько мнѣ извѣстно, о дѣятельности „Молодой Германіи" до сихъ поръ въ русской печати не говорилось почти ничего, или говорилось очень мало *).

Начало дѣятельности „Молодой Германіи"—тридцатые годы девятнадцатаго столѣтія, т. е. очень знаменательная страница въ исторіи большей части европейскихъ государствъ. Конецъ—не менѣе знаменательный сорокъ восьмой годъ. Но первоисточника этого движенія слѣдуетъ искать гораздо раньше; оно есть только видоизмѣненіе того, что̀ лежало въ основѣ періода „бури и натиска" (Sturm und Drangperiode) нѣмецкой романтической школы—пока туманно-отвлеченный и реакціонно-мистическій элементъ не погубили здоровыхъ элементовъ этой послѣдней. Программа въ общихъ чертахъ одна и та же, особенно если сравнить ее съ программою „бури и натиска". Это—противодѣйствіе всему условному, рутинному, сковывающему неподвижностью, въ какихъ бы то ни было проявленіяхъ его, всѣмъ стѣсненіямъ въ сферахъ общественной, педагогической, домашней. „Мы призваны—гордо высказывалъ profession de foi „бури и натиска" одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей этого движенія, Клингеръ—мы призваны исправить вредъ, отъ котораго страдаетъ міръ вслѣдствіе скверныхъ традицій". Но люди „бури и натиска" стали на слишкомъ исключительно литературную почву; они, за немногими исключеніями, мало думали о соціальныхъ или политическихъ переворотахъ, и Гете, самъ выросшій въ этомъ движеніи и бывшій его душою, впослѣдствіи, уже старикомъ, характеризовалъ своихъ товарищей, какъ „революціонеровъ литературныхъ". „Молодая Германія", какъ выше замѣчено, работала на почвѣ политической и соціальной, вносила свои „бурныя" стремленія во всѣ сферы жизни, требовала радикальнаго переворота во всѣхъ этихъ сферахъ безъ исключенія.

*) Для интересующихся этимъ предметомъ можно рекомендовать на нѣмецкомъ языкѣ превосходную книгу Прельса «Das Junge Deutschland» и недурныя монографіи Брандеса и Вейля подъ тѣмъ же заглавіемъ.

Тѣ формы эстетической критики и литературы, въ которыхъ впервые начала проявляться и потомъ проявилась ея дѣятельность, сдѣлались сосудомъ для оппозиціонныхъ мыслей политическаго и—преимущественно—соціальнаго характера. Требованія эти, во многомъ незрѣлыя, юношески пылкія, носившія въ себѣ признаки неустановившагося броженія (особенно на первыхъ порахъ), были вызваны всѣмъ тѣмъ, что̀ видѣло нѣмецкое молодое поколѣніе вокругъ себя, въ какую бы область нѣмецкой жизни ни обращались его взоры. Католическій догматизмъ лежалъ тяжелымъ гнетомъ на умственномъ и нравственномъ развитіи молодежи. Систематическая реакція, начавшаяся со времени Священнаго Союза, усердно дѣлала свое дѣло, и Германія покорно шла по стопамъ меттерниховской Австріи, стоявшей во главѣ этого движенія вспять. Все, что̀ внесло въ жизнь либеральнаго наполеоновское господство, предавалось безпощадному преслѣдованію или уничтоженію. Положеніе литературы было плачевное—съ одной стороны, вслѣдствіе непомѣрной строгости цензуры (особенно въ Австріи и Пруссіи), съ другой—вслѣдствіе господства романтической школы, которая, при существованіи въ ней нѣсколькихъ, дѣйствительно выдающихся поэтическихъ дарованій, разрывала, однако, всякую связь съ дѣйствительной жизнью и совершенно ушла въ средніе вѣка, въ таинственный міръ духовъ и привидѣній, даже въ ультрамонтантскій мистицизмъ... И какъ разъ въ разгаръ этого порядка вещей вспыхнула въ Парижѣ іюльская революція. Извѣстно, какъ потрясающе отозвалась она почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, какія широкія и свѣтлыя надежды возбудила; для того, чтобы судить, какое дѣйствіе произвела она на молодое поколѣніе въ Германіи, достаточно прочесть вдохновенныя, полныя высочайшаго лиризма письма Гейне съ острова Гельголанда, гдѣ поэтъ въ то время находился. Новый водоворотъ съ неодолимой силой захватилъ и увлекъ „молодыхъ германцевъ“, совершенно подготовленныхъ къ плаванію въ этихъ волнахъ и ждавшихъ только побудительнаго толчка: Франція, какою она вышла на самыхъ первыхъ порахъ изъ іюльскаго переворота, сдѣлалась идеаломъ государства, мечтательно задуманнаго „молодыми германцами“: во всѣхъ ихъ начинаніяхъ и стремленіяхъ главная идея—новое свободное государство по французскому образцу.—Не малую роль сыграло въ этомъ случаѣ и вліяніе философіи Гегеля, и именно его философіи государства, нашедшей себѣ высшее выраженіе въ его „Grundlinien der Philosophie des Rechts oder Naturrecht und Staatswissenschaft“. Такъ какъ задача, которую поставила себѣ „Молодая Германія“, сосредоточивалась на государствѣ и обществѣ, на преобразованіи того и другого, а Гегель усматривалъ въ государствѣ, т. е. въ разумномъ (въ Гегелевскомъ смыслѣ) общественномъ строѣ единственно возможную реальную

форму разумной дѣйствительности, то естественно, что эта молодежь почувствовала сильное влеченіе къ гегеліанству — къ той именно сторонѣ его, которая придавала главное значеніе государству и его интересамъ. И независимо отъ собственно „Молодой Германіи", какъ отдѣльной группы съ опредѣлительно намѣченной программой, чуть не всѣ молодые выдающіеся литераторы и ученые въ Германіи были въ эту пору (особенно въ области науки) рьяными гегеліанцами. Они сидѣли на кафедрахъ философіи и другихъ предметовъ въ различныхъ германскихъ университетахъ, они встрѣчались въ значительномъ числѣ между протестантскими богословами, они являлись эстетиками, публицистами, историками. Всюду, благодаря разлагающей діалектикѣ Гегеля, критическое начало, скептическій элементъ, проникали все болѣе и болѣе въ нѣмецкій духъ въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ его дѣятельности. Въ области литературы въ тѣсномъ смыслѣ (теоретическихъ разсужденій по эстетикѣ, романовъ, драматическихъ произведеній, очерковъ въ фельетонной формѣ, журнальной и газетной печати) эти начала широко и усердно стали проводиться „Молодою Германіею".

Что же такое была эта „Молодая Германія", кто собственно составлялъ группу, носившую то названіе, подъ которымъ она осталась записанною на страницахъ нѣмецкой литературы?

Въ 1834 г. появилось сочиненіе Лудольфа Винбарга (о которомъ будетъ рѣчь еще ниже), подъ заглавіемъ „Эстетическіе Походы" (Aestetishe Feldzüge), съ такимъ посвященіемъ: „Эту книгу посвящаю я молодой Германіи, не старой". Подъ молодой Германіей Винбаргъ понималъ то поколѣніе, къ которому принадлежалъ онъ самъ, и которое, и какъ мы уже говорили, поставило себѣ задачей преобразованіе государства и общества на началахъ, внесенныхъ въ умы и сердца вѣяніемъ новаго духа. Но въ исторіи литературы это названіе утвердилось всего за пятью писателями, точно также, какъ названіе „бури и натиска" (Sturm und Drang) было произнесено впервые Клингеромъ въ его драмѣ съ этимъ заглавіемъ и, выразивъ въ типическихъ лицахъ этой пьесы общія черты новаго движенія, относилось къ молодому поколѣнію вообще, въ исторіи же литературы утвердилось тоже за очень незначительнымъ кружкомъ. Эти пять писателей—Гуцковъ, Лаубе, Винбаргъ, Кюне и Мундтъ. Всѣ они были очень молодые люди, надѣленные болѣе или менѣе пылкимъ темпераментомъ, большимъ или меньшимъ преобладаніемъ сердечной увлекаемости надъ холодно анализирующею разсудочностью, но въ совершенно одинаковой степени одушевленные стремленіемъ къ исполненію своихъ задачъ. Оно дѣлало изъ нихъ, по характеристикѣ Гейне, „одновременно художниковъ, трибуновъ и апостоловъ", — „ибо ихъ — говорилъ онъ въ самомъ разгарѣ ихъ дѣятельности — одушевляетъ новая

вѣра съ такой страстностью, о какой писатели прежняго періода не имѣли никакого понятія. Это вѣра въ прогрессъ, вѣра, исшедшая изъ знанія. Мы (Гейне говорилъ „мы", потому что, какъ увидимъ, „Молодая Германія" избрала его своимъ вождемъ) — мы измѣрили страны, взвѣсили силы природы, разочли средства промышленности — и вотъ нашли, что земля достаточно велика, что она предоставляетъ каждому достаточно мѣста для того, чтобы построить на ней хижину своего счастья; что эта земля можетъ прилично питать всѣхъ насъ, если мы желаемъ работать, а не жить одинъ на счетъ другого, и что нѣтъ намъ никакой нужды отсылать на небо болѣе многочисленный и болѣе бѣдный классъ. Число этихъ знающихъ и вѣрующихъ, конечно, еще мало. Но пришло время, когда народы считаются уже не по головамъ, а по сердцамъ". Дѣятельность этого кружка началась уже раньше появленія „Эстетическихъ Походовъ"—въ формѣ газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній и т. п., но названіе „Молодой Германіи" было установлено, узаконено только этой книгой. Винбаргъ, однако, какъ показываетъ и заглавіе этого сочиненія, стоялъ исключительно на эстетической почвѣ. Но эстетическая теорія, имъ провозглашенная, находилась въ полной связи съ идеей о преобразованіи, о возрожденіи общества. Эстетическая точка зрѣнія должна—думаетъ авторъ „Походовъ"—служить средствомъ для очищенія государства и общества; и государство, и общество должны, какъ самъ человѣкъ, составлять гармоническое художественное произведеніе. Лозунгъ Винбарга—эллинизмъ, ренессансъ въ духѣ новаго времени; здоровыя начала старой и новой эпохи должны подать другъ другу руку надъ трупомъ католическаго аскетизма. Разумъ и чувственность, другими словами—жизнь и поэзія, должны придти въ гармоническое единеніе между собой и этимъ составить фундаментъ будущаго новаго міровоззрѣнія. Только тогда совершится созданіе того „эстетическаго общества", о которомъ мечталъ Винбаргъ и которому именно и можетъ удасться примиреніе искусства и жизни. „Чѣмъ исключительнѣе искусство—думаетъ Винбаргъ—тѣмъ оно дилетантичнѣе; но когда всѣ учрежденія человѣчества сдѣлаются художественными произведеніями, которыя съ гармоніей концентрическихъ круговъ движутся вокругъ одного центра, тогда искусство, подобно тому, какъ оно проникаетъ жизнь, въ свою очередь проникнется ею и достигнетъ высшихъ степеней совершенства". Это достиженіе есть установленіе царства красоты, той красоты, которой авторъ „Эстетическихъ Походовъ" и его единомышленники не находятъ въ бѣдной и сухой современной жизни, и отсутствіе которой есть первое и существеннѣйшее препятствіе къ осуществленію идеаловъ будущаго. Въ числѣ этихъ идеаловъ находится также у нашего эстетика установленіе всемірной литературы (Weltliteratur)—мысль, волновавшая умы уже

до него, высказывавшаяся, какъ извѣстно, уже Гете. У „молодыхъ германцевъ“, вслѣдствіе провозглашенія ими, подъ вліяніемъ сенъ-симонизма, новой религіи, такъ называемой „религіи общества“, получили, между прочимъ, право гражданства пантеистическіе принципы; изъ пантеистическаго воззрѣнія о гармонической связи индивидуума съ вселенной въ ея цѣлой совокупности и съ человѣчествомъ родилась у послѣдователей новой доктрины идея о всемірномъ братствѣ, а оттуда и мысль о всемірной литературѣ. Провозглашая ее, Винбаргъ требуетъ, чтобы и художественное творчество, и критика „Молодой Германіи“ поднялись на всемірно-литературную точку зрѣнія. Поэзію опредѣляетъ онъ, какъ „посредницу всѣхъ временъ и народовъ, посредницу всѣхъ людей, истолковательницу всѣхъ чувствъ и стремленій“; онъ называетъ ее „пламеннымъ языкомъ, говорящимъ изъ всѣхъ сердецъ ко всѣмъ сердцамъ“; поэзія, по его словамъ—„натура, первобытное человѣчество (стало быть, совершенно тоже, что говорили представители „бури и натиска“), она—*одна* у всѣхъ народовъ, во всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ“. Но очень ошибся бы тотъ, кто принялъ бы это возвеличеніе поэзіи за прославленіе высказыванія мыслей и чувствъ въ стихотворной формѣ. Къ этой послѣдней Винбаргъ и остальные „молодые германцы“ относились даже съ пренебреженіемъ. Отчасти играло здѣсь роль ихъ непріязненное чувство къ романтической и такъ называемой швабской школамъ поэтовъ, — школамъ, которыя ихъ стихъ уносилъ въ заоблачные міры, ненавистные для этихъ борцовъ за сліяніе искусства съ дѣйствительностью; отчасти стихотворная форма мѣшала имъ высказываться съ тою рѣзкою опредѣленностью, тою тенденціозною ясностью, къ которой они стремились (и которой, замѣтимъ кстати, далеко не всегда достигали вслѣдствіе сильнаго броженія, происходившаго въ ихъ умахъ и сердцахъ). Обработка прозы обратилась мало по малу въ своего рода культъ, создалась даже новая теорія его, высказанная Мундтомъ въ его „Kunst der deutschen Prosa“...

Для насъ, по отношенію къ дѣятельности „Молодой Германіи“, въ этихъ „Эстетическихъ Походахъ“ важно то, что проходитъ въ нихъ красною нитью—слитіе искусства съ дѣйствительностью, и при томъ съ дѣйствительностью современною; важно потому, что это былъ фундаментъ, на которомъ построилась и вращалась литературная работа этого кружка. Трудясь для возрожденія поэзіи, онъ видѣлъ средство для этого возрожденія только въ „гуманистически дѣйствующей жизни настоящаго времени“; энергически протестовалъ онъ противъ всякаго бѣгства изъ дѣйствительности настоящаго въ мечтательный міръ фантазіи или въ воскрешаемые средніе вѣка—бѣгства, только порабощающаго свободный человѣческій духъ; рѣзко выступалъ онъ вообще противъ современной нѣмецкой жизни, какъ

лишенной всякой красоты и поэзіи, окаменѣвшей въ мертвой, безплодной учености. Этимъ тяготѣніемъ къ дѣйствительности обусловливалась пылкая оппозиція „Молодой Германіи" отжившему міровоззрѣнію прошедшаго. Это было исходнымъ пунктомъ для ихъ пророческаго провозглашенія наступленія новаго вѣка. На этой почвѣ создались, конечно, подъ непосредственнымъ вліяніемъ занесенныхъ изъ Франціи ученій—такія частности ихъ міровоззрѣнія, какъ требованіе преобразованія всего государственнаго строя, враждебное отношеніе къ догматическому узкому католицизму, наконецъ, провозглашеніе знаменитой „эманципаціи плоти", т. е. того свободнаго сенсуализма, который занялъ видное мѣсто во французскихъ доктринахъ и французской литературѣ тридцатыхъ годовъ, и въ Германіи, какъ и во Франціи выражался въ протестѣ противъ установленныхъ формъ брака. Этотъ протестъ былъ, собственно, однимъ изъ видовъ возникшей въ эту пору борьбы „сенсуализма и реализма во всѣхъ духовныхъ областяхъ съ спиритуалистическими крайностями романтики и философской отвлеченной спекулятивностью—борьбы, которая находилась въ связи съ огромнымъ развитіемъ естественныхъ наукъ, съ проникновеніемъ реалистическаго принципа въ науки историческія и политическія и т. п."

Главами „Молодой Германіи" сдѣлались,—или, вѣрнѣе, „Молодая Германія" избрала ихъ своими главами—Бёрне и Гейне. Первый, „Парижскія Письма" котораго появились какъ разъ въ это время, какъ нельзя болѣе подходитъ къ тому типу, который это новое движеніе избрало себѣ, какъ фундаментъ, на которомъ должно было воздвигнуться проектируемое ими зданіе. Это былъ публицистъ въ истинномъ и лучшемъ значеніи слова. Обладая въ высокой степени нѣсколькими достоинствами, необходимыми для писателя-художника, каковы тонкая наблюдательность, сила языка и стиля, безпощадное остроуміе, способность къ чисто поэтическому настроенію—онъ подчинялъ все это одному основному, надъ всѣмъ преобладающему элементу—публицистическому, который лежалъ въ самой натурѣ Берне, составлялъ его органическое свойство, чѣмъ онъ даже гордился. На поэта и ученаго онъ смотрѣлъ только со стороны пользы, приносимой ими человѣчеству вообще и народу въ особенности, и въ этомъ отношеніи его кругозоръ съуживался иногда до такой степени, что онъ, напримѣръ, ненавидѣлъ Гете за его „олимпійское" отношеніе къ современнымъ событіямъ Германіи и Европы, только изъ за этого игнорировалъ въ немъ великаго художника и колоссальную умственную и нравственную личность, называлъ его „ракомъ на нѣмецкомъ тѣлѣ", „бѣльмомъ на нѣмецкомъ глазѣ", трусомъ, который „при малѣйшемъ шумѣ, трусливѣе всякой мыши прячется подъ землю и отрекается отъ воздуха, свѣта, свободы, словомъ отъ всего, лишь бы только имѣть возможность спокойно сидѣть

въ своей норѣ и грызть кусокъ украденнаго сала". Литература, наука, съ точки зрѣнія Берне, должны быть неразрывно соединены съ дѣйствительностью—и при томъ дѣйствительностью самою животрепещущею, самою злободневною. „Отрекайтесь—взываетъ онъ къ нѣмецкимъ ученымъ, аристократически запершимся въ дворцахъ науки и оттуда презрительно или равнодушно взирающимъ на работающую внизу толпу—отрекайтесь отъ своей гордости, становитесь маленькими, о, великіе умы, дробитесь на части и затѣмъ перемѣшивайтесь съ дѣлами и людьми нашей страны... Соедините вмѣстѣ науку, искусство, жизнь. Разъединенныя, они пребываютъ въ рабскомъ состояніи, и господа ихъ не вы; въ разъединеніи наука блѣдна, искусство худощаво, жизнь болѣзненна..." Что касается Гейне, то, становясь подъ его знамя „МолодаяГерманія" имѣла въ виду не Гейне-художника, не Гейне-поэта; о ея отношеніи къ поэзіи, какъ „искуству для искусства", даже къ стихотворной формѣ, мы уже упоминали. Правда, его оригинально юмористистическій стиль, нашедшій себѣ такое блистательное, можно сказать, геніальное выраженіе въ „Путевыхъ Картинахъ", его смѣлая манера обращенія съ новымъ матеріаломъ послужили для „молодыхъ германцевъ" образцомъ, въ особенности въ области публицистическаго фельетона, занявшаго очень видное мѣсто въ ихъ писательской работѣ; но главное, первенствующее значеніе имѣлъ для нихъ Гейне, какъ писатель политическій и соціальный, каковымъ онъ сталъ послѣ іюльской революціи,—какъ писатель, у котораго своенравная и часто шутливая иронія „превращается въ серьезные удары мечомъ бойца на политической аренѣ" и который начинаетъ требовать ниспроверженія всего стараго порядка, „чтобы на лучшемъ фундаментѣ воздвиинуть новое зданіе политическаго, соціальнаго и этическаго порядка."

Литературная дѣятельность „Молодой Германіи" почти на первыхъ же порахъ обратила на себя подозрительное вниманіе прусскаго правительства—именно прусскаго, потому что въ литературныхъ преслѣдованіяхъ и строгостяхъ прусское правительство, изъ всѣхъ германскихъ, до послѣдняго времени стояло на первомъ планѣ, раздѣляя въ этомъ случаѣ славу только съ Меттерниховскою Австріею. Уже въ 1788 г. въ правительственныхъ сферахь Пруссіи опредѣлительно выразилась оппозиція тѣмъ идеямъ и стремленіямъ, которыя возникли и укрѣпились въ царствованіе Фридриха Великаго и находили себѣ широкое распространеніе въ литературѣ той поры. „Хотя мы—такими словами начинался строгій цензурный эдиктъ 19 декабря 1788 г.—хотя мы вполнѣ увѣрены въ большой и многостронней пользѣ умѣренной и благоустроенной (wohlgeordneten) свободы печати для распространенія науки и всѣхъ общеполезныхъ свѣдѣній и поэтому рѣшились до послѣдней возможности содѣйствовать таковой въ нашихъ государ-

ствахъ,—но опытъ показалъ, къ какимъ вреднымъ послѣдствіямъ приводитъ полная необузданность печати и какъ часто этою послѣднею пользуются легкомысленные и злонамѣренные писатели для обсужденія общевредныхъ практическихъ заблужденій насчетъ важнѣйшихъ человѣческихъ интересовъ,—для порчи нравовъ посредствомъ циническихъ и соблазнительныхъ изображеній порока,—для язвительнаго осмѣянія и злобнаго порицанія общественныхъ учрежденій и установленій, чѣмъ порождается и поддерживается во многихъ недостаточно освѣдомленныхъ умахъ печаль и недовольство,—наконецъ, для удовлетворенія низменыхъ личныхъ страстей, клеветы, зависти и мстительности, которыя нарушаютъ спокойствіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подрывая уваженіе къ этимъ послѣднимъ въ публикѣ, особенно въ такъ называемыхъ народныхъ слояхъ." Въ 1819 г. цензурныя строгости были въ сильной степени увеличены знаменитыми „карлсбадскими постановленіями", состоявшимися послѣ убійства русскаго посланника Коцебу Зандомъ, и заявившими, между прочимъ, что печать въ Германіи служитъ почти исключительно интересамъ партіи, „подкапывающейся подъ весь существующій порядокъ и всѣ существующія учрежденія", чѣмъ вызывается опасность для внутренняго спокойствія всего германскаго союза. Послѣ іюльской революціи строгость еще больше усилилась; дошло до того, что газетамъ запретили сообщать даже простыя свѣдѣнія о революціонныхъ событіяхъ. На „Молодую Германію" стали коситься все больше и больше, а когда съ обвиненіемъ ея выступилъ Менцель, тяжесть преслѣдованія обратилась на молодыхъ писателей всею своею силою.

Менцель, пріобрѣвшій себѣ съ этихъ поръ въ Германіи такую-же печальную извѣстность, какая выпала въ Англіи на долю Соути, преслѣдователя „сатанинской школы" въ лицѣ Байрона—былъ до выступленія своего на поприще доносчика писателемъ вполнѣ либеральнымъ, можно даже сказать—ультра-либеральнымъ. Онъ былъ единомышленникомъ и горячимъ поклонникомъ Берне, Гейне, нѣкоторыхъ изъ „молодыхъ германцевъ". Когда вышли „Парижскія Письма" Берне, Менцель по поводу ихъ писалъ: „Никакія запрещенія, никакая подпольная критика не будетъ въ состояніи сорвать съ головы Берне лавровый вѣнокъ, столь славно заслуженный имъ. Его геніальность обезпечиваетъ за нимъ на вѣчныя времена одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду первыхъ свѣтилъ нашей литературы. Его благородное негодованіе побуждаетъ всѣхъ истинныхъ патріотовъ относиться къ нему съ величайшимъ уваженіемъ". Что побудило его радикально перемѣнить фронтъ и изъ либеральнаго лагеря перейти въ обскурантно шпіонскій, матеріальные ли интересы журналиста, видѣвшаго въ писателяхъ, „Молодой Германіи", тоже по преимуществу журналистахъ, опасныхъ конкуррентовъ, вліяніе ли Меттерниха—это вопросъ, кото-

раго мы въ нашемъ бѣгломъ очеркѣ касаться не можемъ. Такъ или иначе—но переворотъ совершился, съ самыми плачевными для „Молодой Германіи" послѣдствіями.

Въ 1835 г. вышелъ романъ Гуцкова—„Валли", и къ этому собственному имени былъ прибавленъ авторомъ характеризующій героиню романа эпитетъ „Сомнѣвающаяся" (die Zweiflerin), чѣмъ уже достаточно характеризуется основная мысль произведенія. „Валли"—романъ скептицизма, т. е. того, что играло такую важную роль въ міровоззрѣніи „молодыхъ германцевъ". Въ художественномъ отношеніи трудно придумать что либо несостоятельнѣе этого произведенія Гуцкова, и впослѣдствіи самъ авторъ не мало посмѣялся надъ нимъ въ этомъ отношеніи; но для насъ важно то, что здѣсь въ намекахъ, отдѣльныхъ штрихахъ, отдѣльныхъ мысляхъ соединено почти все, волновавшее въ эту пору умы и сердца того молодого поколѣнія, котораго „Молодая Германія" являлась представительницею. Героиня романа, Валли—никто иной, какъ Лелія Ж. Санда въ нѣмецкомъ платьѣ; такъ объяснилъ ее и самъ авторъ, но и безъ его объясненія такое родство рѣзко кидается въ глаза: тоже хаотическое состояніе молодой души, терзаемой всякаго рода сомнѣніями, тщетно ищущей какой-то „истины", сущность которой неясна для нея самой, тоже паденіе подъ гнетомъ своей умственной и сердечной ноши. Съ другой стороны, герой романа, Цезарь (хотя этого и не объясняетъ авторъ)—переодѣтый въ нѣмецкое платье одинъ изъ героевъ Байрона, вообще изъ представителей байронизма. „Ему подъ тридцать лѣтъ—такъ рисуетъ его авторъ —на лицѣ его морщины, въ которыя запало раннее сѣмя познанія, тѣ линіи, въ которыхъ можетъ выражаться переходъ отъ самаго милаго выраженія до демонически зловѣщаго... Позади себя онъ имѣлъ цѣлое кладбище мертвыхъ мыслей, великолѣпныхъ идей, въ которыя онъ нѣкогда вѣрилъ... онъ не падалъ уже ницъ передъ собой"... Религія для него—есть „продуктъ отчаянія",—отчаянія „на счетъ цѣли созданія"; „если бы—разсуждаетъ онъ—человѣчество знало, куда направляютъ его радости и страданія, если бы оно усматривало видимую цѣль своихъ стремленій, находило объясненіе этой спутанности интересовъ, обойному украшенію небеснаго свода (Tapezierung des Firmaments), морозу, жару, молніи, грому—оно не имѣло бы никакого религіознаго вѣрованія".—Валли выросла въ свѣтлой житейской обстановкѣ и воспитана въ традиціонныхъ догматахъ католицизма; но душевная почва ея, по своей натурѣ, такова, что червю сомнѣнія и разсудочнаго анализа не трудно пріютиться на ней и съ успѣхомъ начать и продолжать свою разрушительную работу. Пока она просто вѣритъ, не разсуждая—ей живется легко; какъ только она хочетъ понять то, во что вѣритъ, пріискать разумомъ какое нибудь доказательство—спокойствіе ея исчезаетъ. Однажды, въ одну изъ такихъ тревожныхъ минутъ, она слышитъ праздничный

колокольный звонъ, дѣтскія воспоминанія и впечатлѣнія зашевелились въ ней—и Валли плачетъ. „Божество—замѣчаетъ авторъ—бываетъ наиболѣе близко къ человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда сердце отчаявается въ существованіи его. Валли была несчастлива, когда думала о вѣрѣ своихъ дѣтскихъ лѣтъ“. Встрѣча съ Цезаремъ довершила начатое; подъ его вліяніемъ червь, поселившійся въ ея душѣ, обратился въ ядовитую змѣю. „Намъ говорятъ—пишетъ она въ своемъ дневникѣ послѣ совершившагося въ ней окончательнаго переворота—что мы должны бояться и любить Бога! Эта заповѣдь подкапываетъ мое спокойствіе, ибо я не могу ни слѣдовать ей, ни обвинять себя за то, что не слѣдую. Гнѣваться на Бога велитъ заповѣдь *моего* міровоззрѣнія—воззрѣнія несчастнаго, которое, конечно, не довольствуется тѣмъ, что ежегодно приходятъ одно за другимъ четыре времени года, и что каждую весну можно ѣсть землянику съ сахаромъ и сливками. Въ сущности мы владѣемъ на землѣ весьма немногимъ. Мы часто рождаемся въ самыхъ плачевныхъ условіяхъ. Мы по-животному ползаемъ по землѣ и только постепенно, какъ ползучее растеніе, подымаемся вверхъ по рѣшеткѣ образованія... Точно Сизифъ вскатываемъ мы камень на гору; для чего должны мы дѣлать это? Проклятіе боговъ, а не благословеніе сопровождаетъ насъ. Для чего мы на свѣтѣ? О, если бы я могла добыть себѣ какую-нибудь доказанную причину—для чего планеты блуждаютъ въ міровой системѣ, для чего мы должны такъ жалко и безпомощно ползать по нашей планетѣ? Что̀ имѣлъ Богъ цѣлью, создавая этотъ порядокъ?.. Я такъ несчастна! Я не имѣю на это отвѣта“... Въ концѣ концовъ, когда „опора жизни отнята у нея Цезаремъ и религіею“; когда въ ней совершенно укореняется убѣжденіе, что „безъ религіи жизнь человѣка—бѣдствіе“—она лишаетъ себя этой жизни самоубійствомъ.

Кромѣ этого религіознаго вопроса и нѣсколькихъ другихъ чисто-психологическаго свойства, въ романѣ Гуцкова затронутъ и „модный“ въ ту пору (какъ уже замѣчено выше) вопросъ—культа красоты, находящагося въ связи съ вопросомъ объ „эмансипаціи плоти“. Въ „Валли“ онъ поставленъ такъ, что близко граничитъ съ комическимъ. Цезарь по разнымъ причинамъ не можетъ жениться на Валли,—да это ему, по его понятіямъ, и не нужно: ему нуженъ бракъ съ нею не чувственный, а духовный. Для заключенія такого брака онъ проситъ, чтобы она явилась передъ нимъ на нѣсколько минутъ совершенно нагая; посредствомъ „созерцанія ея природной красоты вполнѣ“ и совершится между ними духовный бракъ. Валли сперва отказывается исполнить это оригинальное желаніе: отказъ приводитъ его въ негодованіе, потому что—говоритъ онъ—„эта женщина лишена поэзіи, она нелѣпа, она оскорбила не меня, а поэзію“. Но затѣмъ Валли подчиняется его просьбѣ, и вотъ тогда „совершился духовный

бракъ, заключенный тѣми, которые любили другъ друга и не могли владѣть другъ другомъ".—Въ послѣдствіи Гуцковъ осмѣялъ эту, какъ онъ назвалъ ее теперь, „фантазію въ духѣ Абелярда", но вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснилъ, что источникъ созданія этой сцены заключался въ той роли, которую игралъ въ то время, какъ въ поэзіи, такъ и въ пластическихъ искуствахъ культъ красоты: „въ ту пору въ жизни давали право гражданства только не сѣрымъ краскамъ, только благоуханію цвѣтовъ, только блеску солнца; всякому слышалось только пѣніе эльфъ, и всякій шелъ на соблазнительные звуки въ таинственный лѣсъ, гдѣ надѣялся найти волшебные дворцы, дѣвъ-лебедей и чудесныя моря..."

Вотъ изъ-за этого-то, въ сущности очень невиннаго, романа и загорѣлся весь сыръ-боръ. Стоявшій въ ту пору во главѣ всей нѣмецкой критики, бывшій даже единодержавнымъ властителемъ ея, Менцель выступилъ съ пѣной у рта и противъ романа Гуцкова въ частности, и противъ всей литературы „Молодой Германіи" вообще. Романъ Гуцкова онъ обозвалъ „мерзкимъ пузыремъ, наполненнымъ наглостью и безнравственностью" и заявилъ, что „пока онъ (т. е. Менцель) живъ, гнусности такого рода не будутъ осквернять безнаказанно нѣмецкую литературу"; такія религіозныя разсужденія, какія онъ находилъ въ „Валли", могли, по его словамъ, „рождаться въ глубочайшей грязи нравственной извращенности, только въ публичномъ домѣ"; отечество ихъ — французскій Пале-Рояль XVIII в., откуда занесъ ее въ „Молодую Германію" Вольтеръ. Вообще, Франція—источникъ всего зла; вся „Молодая Германія" заражена „французскою болѣзнью"; „больная, разслабленная, хоть вмѣстѣ съ тѣмъ молодая, она выходитъ шатаясь на ногахъ, изъ публичныхъ домовъ, въ которыхъ торжественно совершала свое новое богослуженіе". Вся она „состоитъ только изъ публичныхъ женщинъ (?) и молодыхъ развратниковъ"; вся она—„выкидышъ націи, запоздалое порожденіе стараго испорченнаго времени, а не представительница времени новаго, лучшаго". Допускать дальнѣйшее ея существованіе невозможно. „Если бы въ Германіи дали развиться такой школѣ самой наглой безнравственности и самой раффинированной лжи, если бы всѣ благородные люди націи не возстали противъ нея, если бы нѣмецкіе издатели не остерегались преподносить съ похвалами публикѣ такой ядъ—пришлось бы намъ скоро увидѣть прекрасные плоды! Но эта школа не разовьется". Задачу ея уничтоженія храбро принимаетъ на себя Менцель. „Я—восклицаетъ онъ, говоря о предполагаемомъ изданіи Гуцковымъ и его товарищами журнала „Deutsche Revue", бывшаго бѣльмомъ на глазу у благороднаго критика-журналиста—я вступлю ногою въ вашу грязь, хорошо зная, что выпачкаюсь; я растопчу голову змѣи, грѣющейся въ навозѣ похотливаго сладострастія". И въ концѣ своей бѣшеной филиппики ораторъ вдохновенно впадалъ въ библейскій тонъ; къ

„Молодой Германіи" онъ примѣнялъ вложенныя въ уста ветхозавѣтнаго пророка слова Бога: „Вы ничто, и дѣянія ваши—ничто, а козни ваши—ужасъ... Я поступлю съ ними такъ, что они обратятся въ позоръ, въ пословицу, въ сказку, въ проклятіе, проклятіе во всѣхъ странахъ міра..."

Нѣмецкія правительства точно ждали этаго нападенія, чтобы начать дѣйствовать опредѣлительно и систематически. 10-го декабря 1835 г. состоялось засѣданіе германскаго бундестага, объявившее открытую и безпощадную войну „Молодой Германіи". Инициаторомъ и запѣвалой въ этомъ оффиціальномъ выступленіи была Австрія, въ лицѣ Меттерниха. Уже до этого знаменитаго засѣданія, Меттернихъ, зная, что вюртембергскій король (почти одинъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей) былъ противъ преслѣдованія литературы „Молодой Германіи"—писалъ австрійскому посланнику въ Штутгардѣ въ видахъ воздѣйствія на вюртембергское правительство: „Вамъ извѣстно, что нѣсколько молодыхъ безнравственныхъ литераторовъ, часть которыхъ происхожденіемъ евреи (а еврейскаго происхожденія были только Гейне и Берне), поставили себѣ цѣлью дѣйствовать путемъ романа и легкаго чтенія на массу, подрывать въ ней всякую положительную вѣру, особенно вѣру въ христіанство, проповѣдывать грубую чувственность, какъ высшую задачу человѣческаго рода, и, такимъ образомъ, послѣ разрушенія ими всѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ узъ, привести къ паденію лишенное черезъ это всякаго фундамента старое государственное зданіе... Къ счастію, нѣмецкій народъ не созрѣлъ еще для принятія и даже для равнодушнаго выслушиванія такихъ богопротивныхъ и безстыдныхъ ученій, и то общее неудовольствіе, которое вызвано этими послѣдними даже въ тѣхъ кругахъ нашего писательскаго міра, которые считаются особенно либеральными (намекъ на критику Менцеля), служитъ для насъ въ этомъ отношеніи на столько же надежнымъ, на сколько и успокоительнымъ указателемъ общественнаго мнѣнія. — Тѣмъ не менѣе было бы преступленіемъ, а со стороны правительствъ—непростительнымъ упущеніемъ смотрѣть спокойно и бездѣятельно на развитіе столь безмѣрно опасной ненависти къ существующему порядку вещей; ибо исторія нашихъ дней во многихъ, отданныхъ на произволъ бурныхъ переворотовъ, государствахъ, съ печальнѣйшею очевидностью доказала, какъ быстро можетъ портиться лучшій образъ мыслей и происходить полное измѣненіе въ мнѣніяхъ и чувствахъ народа, когда свободно открытъ тотъ путь, которымъ именно и идетъ „Молодая Германія"—путь легкой, всѣмъ классамъ доступной литературы".

На вышеупомянутомъ засѣданіи союзнаго сейма предложеніе о примѣненіи къ новому литературному движенію самыхъ строгихъ правительственныхъ мѣръ было внесено тоже отъ лица Австріи предсѣдательствовавшимъ на сеймѣ, австрійскимъ послан-

никомъ, гр. Мюнхъ-Беллинсгаузеномъ. Въ своей вступительной рѣчи онъ всю литературу „Молодой Германіи“ охарактеризовалъ, какъ „антихристіанскую, богохульственную и умышленно попирающую ногами всякую нравственность, всякій стыдъ и все, достойное почтенія“. Во главѣ ея и какъ самаго вреднаго злоумышленника предсѣдатель поставилъ Гейне (съ которымъ, впрочемъ, у Австріи были личные счеты, ибо смертоноснѣе тѣхъ ударовъ, которые наносилъ ей Гейне, она ни отъ кого не получала); въ его послѣднихъ сочиненіяхъ почтенный графъ нашелъ и разоблачилъ передъ своими коллегами „глубокую, долго сдерживавшуюся непріязнь къ христіанству, уничтоженіе вѣры въ Бога и полную эманципацію чувственности отъ всѣхъ узъ, налагаемыхъ моралью и приличіями“. Другіе его товарищи не лучше (при чемъ обвинитель принялъ на себя даже роль литературнаго критика, подвергнувъ краткому разбору нѣсколько особенно „возмутительныхъ“ сочиненій, между которыми на первомъ планѣ стояла все та же несчастная „Валли“). „Поношенія религіи—говорилось въ этомъ замѣчательномъ критическомъ изслѣдованіи—составляющія постоянно варіируемую тему ихъ писаній, въ скрытой или открытой формѣ, отнюдь не новы и не оригинальны. За то ново, по крайней мѣрѣ въ Германіи, привлеченіе этихъ предметовъ въ область беллетристики, гдѣ то, что было до сихъ поръ извѣстно только тѣсному кружку ученыхъ читателей, теперь выведено на площадь передъ тою несмѣтною толпой, которая въ Германіи читаетъ книги для пріятнаго развлеченія; нова полуостроумная, полупоэтическая внѣшняя одежда сюжета и избранная этими писателями соблазнительная форма романа, стихотворенія, новеллы и политическихъ писемъ; ново въ особенности пущенное въ ходъ Генрихомъ Гейне и разсчитанное главнымъ образомъ на соблазнъ юношества тѣсное соединеніе богохульства съ возбужденіемъ чувственности, равно какъ и своеобразное сплетеніе сенъ-симонистскихъ и фантастическихъ идей и исходящая тоже преимущественно отъ Гейне переработка всѣхъ этихъ элементовъ въ полную систему отрицанія божества и безнравственности—систему, которую Гейне во 2-мъ томѣ своего „Салона“ не стѣсняется провозглашать, какъ новую религію міра“. Допускать подобное „безчинство“ (Unwesen) невозможно; не препятствовать ему самымъ энергическимъ образомъ значитъ „подвергать величайшей опасности правительственную власть и общественный порядокъ въ ихъ основахъ“. Союзный сеймъ безъ всякихъ возраженій согласился съ предложеніемъ Австріи, и въ томъ же засѣданіи состоялось постановленіе, главные пункты котораго: всѣ нѣмецкія союзныя правительства должны: 1) примѣнить къ Гейне и четыремъ писателямъ: Гуцкову, Винбаргу, Мундту и Лаубе (почему не попалъ въ этотъ списокъ Берне, котораго вообще мы не находимъ въ спискахъ опальныхъ и пре-

слѣдуемыхъ—неизвѣстно) законы своей страны и препятствовать распространенію ихъ сочиненій; 2) сдѣлать предостереженіе издателямъ этихъ писателей; 3) особое предостереженіе объявить черезъ гамбургскій сенатъ издательской фирмѣ Гофманъ и Кампе. Къ этому общему постановленію было прибавлено еще спеціальное относительно все того же пугала—Гейне. Объявляя (на другой день послѣ засѣданія 10 декабря) о запрещеніи сочиненія Гейне „Романтическая Школа" (запрещеніи колосально изумительномъ для всякаго, знакомаго съ этимъ сочиненіемъ), союзный сеймъ прибавилъ не менѣе изумительно: „Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постановили, что относительно *всѣхъ* литературныхъ произведеній Г. Гейне, который уже неоднократно подавалъ поводъ къ запрещеніямъ его писаній и котораго сочиненія, до сихъ поръ появлявшіяся въ печати, почти всѣ опаснаго содержанія,—*на будущее время, гдѣ и на какомъ бы языкѣ они ни появлялись*, должны быть принимаемы тѣ же мѣры, которыя постановлены относительно сочиненій Гуцкова и др."

Въ большей части нѣмецкихъ государствъ постановленіе бундестага примѣнялось или въ очень слабой степени, или не примѣнялось вовсе; за то Пруссія дѣйствовала самымъ усерднымъ образомъ, что̀ называется—во всю. Впрочемъ, бундестагъ только какъ бы санкціонировалъ ея образъ дѣйствій; она уже до того начала распоряжаться въ запретительномъ и сокрушающемъ духѣ. Уже въ 1834 г. были запрещены въ Пруссіи „Reisenovellen" Лаубе, въ 1835—нѣсколько сочиненій Мундта, Гуцкова, Винбарга, а въ ноябрѣ этого года, т. е. за мѣсяцъ до постановленія союзнаго сейма, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Роховъ, сдѣлалъ распоряженіе—запретить всѣ изданія фирмы Левенталя въ Мангеймѣ, какъ уже появившіяся, такъ *и имѣющія впредь появляться*, а равно и *всѣ* сочиненія Гуцкова, Винбарга, Лаубе, Мундта. Этимъ прусское правительство не удовольствовалось. Такъ какъ въ объявленіи Гуцкова и Винборга о предпринятомъ ими (но запрещенномъ уже до выхода) журналѣ „Deutsche Revue", въ числѣ сотрудниковъ значились имена нѣсколькихъ, состоявшихъ на государственной службѣ, профессоровъ, то прусскія министерства сочли нужнымъ указать этимъ послѣднимъ на „неблаговидность" такой солидарности людей, получающихъ отъ правительства жалованье, съ изданіемъ людей весьма неблагонамѣренныхъ. И весьма интересно—гораздо интереснѣе этихъ правительственныхъ мѣръ—поведеніе профессоровъ въ этомъ дѣлѣ: почти всѣ они, какъ одинъ человѣкъ (а въ числѣ ихъ были такіе ученые, какъ Ульрици, Розенкранцъ, даже Варнгагенъ фонъ-Энзе!) немедленно отреклись отъ вышеупомянутой солидарности и заявили въ газетахъ, что никакого участія въ „Deutsche Revue" они и не думали принимать, и что ихъ имя въ списки сотрудниковъ попало или по недоразумѣнью, или по ошибкѣ. А въ частныхъ

письмахъ къ издателямъ этого журнала они, въ это же самое время, говорили совсѣмъ другое!.. Съ прискорбіемъ нужно сказать, что и сами обвиняемые (какъ увидимъ ниже) старались всячески выгораживать себя передъ обвинителями, прибѣгая иногда для этого даже къ неблаговиднымъ въ этическомъ отношеніи средствамъ, даже открещиваясь другъ отъ друга—но это мало помогало имъ. Преслѣдованія, доходившія иногда до безсмыленной строгости, отождествленіе писательской дѣятельности, въ которой не было ровно ничего преступнаго съ разумной государственной точки зрѣнія, съ самыми революціонными демагогическими происками—продолжались съ систематическою послѣдовательностью, отражаясь, само собою разумѣется, крайне неблагопріятно на нравственномъ и матеріальномъ положеніи преслѣдуемыхъ. Но само собой разумѣется также, что то общественное и политическое вѣяніе, которое создало всю эту молодую литературу, не могло быть подавлено, уничтожено; напротивъ того, оно незамѣтно развивалось и укрѣплялось, принимая притомъ болѣе серьезную форму; въ литературу постепенно входилъ болѣе сильный философскій и политическій элементъ; тотъ хврактеръ движенія, который обнаружила „Молодая Германія" на первыхъ порахъ своего существованія, начали съ теченіемъ времени признавать „слишкомъ беллетристическимъ и слишкомъ эпикурейскимъ"; принципы, проводившіеся „Молодою Германіею" съ самаго начала, провозглашались теперь на болѣе научномъ основаніи, съ большею твердостью. Области, въ которыхъ сосредоточилось это движеніе, были журналистика, съ ея главнымъ органомъ „Hallische Jahrbücher", и политическая поэзія, имѣвшая своими представителями такихъ поэтовъ, какъ Анастасій Грюнъ (графъ Ауэрспергъ), Дингельштедтъ, Гартманъ, Фаллерслебенъ, и особенно Гервегъ и Фрейлигратъ. Эта политическая поэзія сослужила особенно большую пользу Германіи въ практическомъ отношеніи, т. е. томъ отношеніи, въ которомъ она теперь нуждалась болѣе, чѣмъ когда либо. „Въ ней—говоритъ Штродтманъ—прежнія неопредѣленныя жалобы на общественный порядокъ принимаютъ все болѣе и болѣе конкретную форму. Изъ всесокрушающаго смѣха Гейне, изъ полемическихъ походовъ „Молодой Германіи" возникло растеніе въ высшей степени знаменательное. Политическая и національная свобода сдѣлалась почти исключительно темой всей нѣмецкой поэзіи. На каждое страданіе человѣчества откликается поэтъ. Онъ ставитъ діагнозъ великой болѣзни времени и отыскиваетъ лѣкарство для нея; онъ хочетъ быть врачемъ, искупителемъ, мстителемъ всякаго позора, который до тѣхъ поръ переносился съ нѣмою покорностью..." Создала эти явленія неодолимая, историческая сила вещей; развитію ихъ въ Германіи способствовало въ сильной степени восшествіе на прусскій престолъ Фридриха-Вильгельма IV, который, уже на-

слѣдникомъ престола, представлялся всѣмъ либераламъ, всѣмъ, стремившимся впередъ, спасителемъ и освободителемъ; „никогда не былъ нѣмецкій либерализмъ такъ силенъ, никогда не ратовалъ онъ за правое дѣло съ такой силой убѣжденія, какъ это было въ сороковыхъ годахъ, когда во всей Германіи происходило броженіе“. Извѣстно, какія радужныя ожиданія возбудило воцареніе этого государя; извѣстно тоже, какимъ разочарованіемъ окончились они, какими теоретическими и платоническими оказались намѣренія и обѣщанія новаго короля, какую побѣду одержалъ старый порядокъ вслѣдствіе „отвращенія исторически консервативной натуры государя отъ нечестивыхъ уклоненій международнаго либерализма“. Вмѣстѣ съ другими, возликовали и опальные писатели „Молодой Германіи“; для нихъ тоже настали дни ожиданія и надежды, и они были убѣждены, что амнистія, данная тотчасъ послѣ вступленія на престолъ всѣмъ „демагогамъ“, будетъ дана и имъ, не имѣвшимъ съ демагогами ничего общаго. Эта надежда ихъ была обманута; затѣмъ цѣлыхъ четыре года пришлось имъ добиваться, чтобы снята была съ ихъ дѣятельности опала, наложенная постановленіемъ союзнаго сейма; но и послѣ того, какъ это совершилось (да и то не въ полной мѣрѣ), послѣ *оффиціальнаго* снятія запрещенія, приходилось имъ выносить на себѣ непомѣрную тяжесть помѣхъ и преслѣдованій. Только революція 1848 года положила всему конецъ.

Для этой-то борьбы „Молодой Германіи“ собственно съ прусскимъ правительствомъ, отъ начала ея до 1848 года, даетъ книга Гейгера новые драгоцѣнные матеріалы, къ которымъ мы теперь обратимся.

Петръ Вейнбергъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Литература и жизнь.

Памяти двухъ писателей и одного цензора.—Г. Андреевскій, вырожденіе риѳмы и «Міръ искусства».—Поэтъ, критикъ и ораторъ.

Покончили всѣ земные счеты два писателя: И. И. Свѣдѣнцовъ-Ивановичъ и Г. А. Мачтетъ. Русская литературная семья вообще, а провинціальная, къ которой въ послѣднее время принадлежали оба покойника, въ особенности, такъ бѣдна, что смерть этихъ двухъ тружениковъ печати не можетъ пройти незамѣтно. Какъ провинціальныхъ публицистовъ, ихъ знали преимущественно мѣстные люди, и Кавказъ и Волынь имѣютъ, конечно, много резоновъ оплакивать этихъ отзывчивыхъ людей, всею трудною жизнью засвидѣтельствовавшихъ свою преданность добру, свѣту

и правдѣ. Тамъ, на мѣстахъ, это потеря трудно и не скоро замѣнимая. Но и ихъ беллетристическія произведенія, съ которыми знакомъ гораздо болѣе широкій кругъ читателей, производили въ свое время большое впечатлѣніе, и, можетъ быть, многіе печаловались, давно уже не встрѣчая ихъ именъ на страницахъ общихъ журналовъ. Это не были какіе-нибудь первоклассные таланты, далеко нѣтъ. Но, помимо идейной стороны ихъ произведеній, всегда строго выдержанной, они обладали тѣмъ, объ отсутствіи чего въ новой русской литературѣ скорбѣлъ Тургеневъ: „выдумкой". И любопытно было бы сравнить, какъ складывалась эта „выдумка" у того и у другого. Свѣдѣнцовъ, менѣе талантливый, но за то болѣе выдержанный, всегда какъ бы рѣшалъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ математическую или шахматную задачу: разставитъ шахматы и спокойно, обдуманно двигаетъ ихъ изъ клѣтки въ клѣтку по опредѣленному плану. Всегда умно задуманные, его повѣсти и разсказы страдали абстрактностью дѣйствующихъ лицъ, отсутствіемъ въ нихъ настоящей жизненности и сухостью письма. Совсѣмъ другое дѣло „выдумка" Мачтета. Это было нѣчто бурно-пламенное, часто переступавшее всякую художественную мѣру. („Русское Богатство", можетъ быть, еще вернется къ этой параллели). Въ жизни оба покойника были рѣшительно тѣмъ же, чѣмъ и въ своихъ писаніяхъ: одинъ—сдержанный, спокойный, настойчивый, другой — пылкій, такъ сказать, фантастическій, какъ-то даже выше надобности настроенный. Жизнь не баловала обоихъ. Много пришлось претерпѣть Свѣдѣнцову и еще больше Мачтету: его жизнь съ гимназической скамьи и почти до самаго послѣдняго времени была цѣлымъ рядомъ приключеній; тутъ и исключеніе изъ гимназіи, и житье въ Америкѣ въ качествѣ простого рабочаго, и арестъ, и ссылка, и бѣгство, и новая ссылка. Но какъ его, такъ и Свѣдѣнцова, никакія невзгоды не отлучили отъ идеаловъ молодости, хотя колючая жизнь и загнала ихъ въ тѣсныя рамки провинціальной службы и печати. Помянемъ же добрымъ словомъ покойниковъ.

Помянемъ и бывшаго цензора, Н. Ѳ. Крузе, и тоже добрымъ словомъ. Обыкновенно литература, по неволѣ слѣдуя извѣстной латинской поговоркѣ, избѣгаетъ некрологическихъ поминокъ по цензорамъ. И не потому, чтобы всякій цензоръ былъ непремѣнно злостнымъ врагомъ литературы, съ наслажденіемъ хватающимъ ее за горло. Русская литература, даже на самыхъ высокихъ, общепризнанныхъ вершинахъ своихъ, въ лицѣ Пушкина, Гоголя, Жуковскаго и др., видала и такихъ; видала и неразумныхъ, не вѣдающихъ, что творятъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ исторія, хотя бы такая скромная, какъ извѣстная исторія русской цензуры г. Скабичевскаго. Но это не есть общее правило, и лично, какъ люди, писатель и цензоръ могутъ глубоко уважать и цѣнить

другъ друга. Однако, самое положеніе цензора, даже вполнѣ благожелательно настроеннаго и остерегающагося влить отъ себя лично лишнюю каплю яда въ судьбу литературы, таково, что украшать его могилу вѣнками литературѣ приходится рѣдко.

Такой именно рѣдкій случай представляетъ смерть Крузе. Цензоромъ онъ былъ не долго,—съ 1855 до конца 1858 г. Чтобы оцѣнить трудность положенія тогдашняго цензора, надо взять во вниманіе вообще обстоятельства того трепетнаго времени,—времени пылкихъ надеждъ и злобныхъ страховъ, подготовки ряда реформъ всего государственнаго строя Россіи и яростныхъ усилій задержать ихъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ объ этомъ времени авторъ предисловія къ изданному К. П. Побѣдоносцевымъ „Сборнику сочиненій" Гилярова-Платонова, кн. Н. В. Шаховской: „Положеніе цензора становилось часъ отъ часу труднѣе. Не считая себя компетентнымъ въ предметахъ внутренней и внѣшней политики, министерство народнаго просвѣщенія (въ вѣдѣніи котораго находилась цензура) поставило цензоровъ въ вопросахъ политическихъ въ зависимость отъ заключеній особыхъ довѣренныхъ чиновниковъ, которымъ должны были предварительно посылаться подлежащія произведенія печати. Цензоры, не лишенные самостоятельности и пониманія, буквально задыхались подъ гнетомъ этой, порой крайне безцеремонной и невѣжественной, цензуры". Гиляровъ-Платоновъ, также цензоръ того времени, писалъ какому-то неизвѣстному лицу, обвинявшему его въ „фанатизмѣ": „Вы меня считаете честнымъ человѣкомъ, благодарю васъ, тысячу разъ благодарю. Нужно побыть честному человѣку хоть нѣсколько въ шкурѣ цензора, чтобы понять, какъ много значитъ это признаніе, какъ трудно, почти сверхъестественно его дождаться" (приведено въ томъ же предисловіи къ „Сборнику сочиненій" Гилярова-Платонова).

Крузе, повидимому, не раздѣлялъ этого взгляда. То есть, онъ не могъ, конечно, не чувствовать трудности своего положенія, но не считалъ „сверхъестественнымъ" пользоваться репутаціей честнаго человѣка. Правда, въ 1859 г. онъ долженъ былъ выйти въ отставку, къ искреннему горю тогдашней литературы.

Недавно (15 авг.) въ „Новомъ Времени" было напечатано нѣсколько писемъ Каткова къ покойному академику Безобразову. Нѣкоторыя изъ нихъ въ высокой степени интересны. И вотъ какъ отнесся Катковъ, тогда еще горячій сторонникъ свободы печати, къ отставкѣ Крузе. Онъ писалъ Безобразову:

„Сейчасъ пріѣхалъ дикій Салтыковъ и сообщилъ мнѣ, между прочимъ, непріятную вѣсть о свиданіи Н. Ѳ. фонъ-Краузе съ новымъ министромъ, который думаетъ не объ облегченіи, а объ отягощеніи цензуры".—Въ объясненіе эпитета *дикій* Салтыковъ, надо прибавить, что Катковъ сообщилъ передъ тѣмъ Безобразову какой-то слухъ „объ одномъ извѣстномъ историкѣ". Безобразовъ

передалъ это свѣдѣніе Салтыкову, а тотъ оказался „дикимъ“ и, прибавляетъ дальше Катковъ, „сумасшедшимъ, который ругаетъ всѣхъ и все, на чемъ свѣтъ стоитъ, какъ васъ, такъ и меня, и въ то же время всюду суетъ носъ“...

Затѣмъ Катковъ пишетъ Безобразову:

„Любезный Владиміръ Павловичъ, вамъ уже извѣстно, что Н. Ѳ. фонъ-Крузе болѣе не цензоръ. Интрига, такъ искусно и упорно веденная противъ него, увѣнчалась, наконецъ, успѣхомъ, и онъ тишкомъ причисленъ къ министерству, съ увольненіемъ отъ цензорской должности. Онъ не хочетъ оставаться на службѣ и уже подалъ въ отставку. Его дѣло кончено, наше начинается. Мы должны вспомнить, какъ доблестно, съ какимъ мужествомъ и какъ безкорыстно дѣйствовалъ онъ впродолженіи трехъ лѣтъ своей цензорской службы. Онъ понялъ смыслъ современныхъ требованій и обрекъ себя на энергическое служеніе имъ. Онъ былъ піонеромъ новой области, которая открылась для русской мысли и слова; онъ шелъ впередъ, развѣдывая пути, не отступая ни на шагъ, и пространство, пройденное имъ, останется навсегда за русскимъ словомъ; никакая реакція, никакія интриги не отобьютъ назадъ этого пространства; могутъ быть еще жертвы, но общее дѣло внѣ всякой опасности. Что сдѣлано, то сдѣлано, и что написано, того не вырубишь топоромъ. Интрига современемъ откроется, и само правительство отдастъ ему должную справедливость, потому что, дѣйствуя по своему убѣжденію, онъ дѣйствовалъ не вопреки истиннымъ стремленіямъ Верховной власти и служилъ ей честно и вѣрно. Между тѣмъ мы, общество, зная всю истину, не должны оставаться равнодушными зрителями незаслуженнаго паденія человѣка, послужившаго общему дѣлу. На насъ лежитъ долгъ что-нибудь сдѣлать въ честь и въ пользу его. Въ Англіи для людей, которые ознаменовали себя общественными заслугами, открывается національная подписка. Крузе заслуживаетъ подобной подписки. Мы не можемъ сдѣлать это печатнымъ образомъ и въ такихъ размѣрахъ, какъ бываетъ это въ Англіи, но хорошо будетъ и то, если въ разныхъ кругахъ будутъ обращаться списки жертвователей, и, такимъ образомъ, будетъ заявлено, что у насъ уже существуетъ до нѣкоторой степени самостоятельное общество. Въ Москвѣ подписка уже открылась въ разныхъ кругахъ, идетъ живо и обѣщаетъ значительный сборъ. Она открывается также и въ разныхъ университетскихъ городахъ; можно надѣяться, что Петербургъ не отстанетъ въ этомъ дѣлѣ. Мы надѣемся, что вы не откажетесь дѣйствовать въ вашемъ кругу и откроете въ немъ подписку, какъ открывается она въ разныхъ другихъ кругахъ. Велики ли, малы ли будутъ приношенія, это все равно, лишь только бы дѣло пріобрѣло сколько возможно болѣе общій характеръ. Въ этомъ дѣйствіи, какъ бы его ни разсматривали, никто не осмѣлится видѣть что-нибудь предосудительное или фрондер-

ское. Оно чисто и безукоризненно, какъ въ своемъ источникѣ, такъ и въ своемъ проявленіи".

Скоро Катковъ отказался отъ этого плана и черезъ секретаря редакціи „Русскаго Вѣстника", Боруцкаго, просилъ Безобразова пріостановить дѣло. Но въ январѣ 1859 г. Боруцкій вновь писалъ Безобразову:

„Михаилъ Никифоровичъ поручилъ мнѣ покорнѣйше просить васъ оставить безъ вниманія то письмо, которымъ я имѣлъ честь просить васъ о пріостановленіи подписки въ честь Н. Ѳ. фонъ-Крузе. И если только вамъ не въ тягость это, то Михаилъ Никифоровичъ убѣдительно проситъ васъ дать ей сколь возможно широкіе размѣры. Если также вамъ не будетъ въ тягость, то не откажите почтить насъ увѣдомленіемъ, можетъ ли подписка развернуться и пойти успѣшно".

Чѣмъ кончилось это дѣло, я не знаю, но извѣстно, что Крузе былъ поднесенъ адресъ отъ писателей и въ числѣ подписавшихся подъ нимъ были такія имена, какъ Майковъ, Некрасовъ и др.

Въ 1865 году Крузе былъ избранъ первымъ предсѣдателемъ ямбургской уѣздной, а затѣмъ петербургской земской управы, но въ 1867 году, при закрытіи петербургскаго губернскаго земскаго собранія, отрѣшенъ отъ должности. Умеръ онъ почти 80-ти лѣтъ (родился въ 1823 г.).

Обратимся къ живымъ.

Весной нынѣшняго года С. А. Андреевскій читалъ публичную лекцію о „вырожденіи риѳмы". Не смотря на громкую извѣстность г. Андреевскаго въ средѣ петербургской публики, лекція привлекла, говорятъ, очень мало слушателей и прошла совершенно незамѣченною въ печати. Можетъ быть, это зависѣло отъ того, что весною нынѣшняго года петербуржцамъ было не до вырожденія или возрожденія риѳмы; можетъ быть, извѣстность лектора омрачилась въ послѣднее время нѣкоторыми осложненіями отрицательнаго характера; можетъ быть, и еще какая-нибудь причина была. Теперь лекція напечатана въ журналѣ „Міръ искусства" и, мнѣ кажется, на ней стоитъ остановить вниманіе читателей.

По мнѣнію г. Андреевскаго, „всѣ стихи, какими писали отъ Гомера до нашихъ дней, въ особенности риѳмованные стихи, положительно доживаютъ свой вѣкъ". Г. Андреевскій отнюдь не отрицаетъ поэзіи, но „вѣдь поэзія не въ однѣхъ риѳмахъ. Поэзія, конечно, будетъ жить, пока живы люди, но она будетъ искать новыхъ оболочекъ. Недаромъ крупнѣйшіе всемірные поэты второй половины вѣка—Тургеневъ, Флоберъ и Мопассанъ — высказали себя уже прямо въ прозѣ". Г. Андреевскій указываетъ лишь на „вырожденіе риѳмы" или, говоря общѣе, на паденіе

стихотворной формы. Мысль свою онъ подтверждаетъ бѣглымъ обзоромъ европейской и русской поэзіи, „начиная съ шестидесятыхъ годовъ". Какъ ни бѣглъ этотъ обзоръ, г. Андреевскій счелъ возможнымъ помянуть въ немъ и себя. А именно, указавъ, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ и Апухтинъ „сохранили еще добрыя качества наслѣдственнаго лиризма", онъ сказалъ нѣчто и о своей собственной поэзіи. Что именно,—не вполнѣ извѣстно, такъ какъ, встрѣтивъ замѣчаніе, будто въ этомъ эпизодѣ его лекціи звучала „досадная себялюбивая нотка", онъ не предалъ этого мѣста тисненію, оставивъ лишь слѣдующія строки: „Въ испробованной мною области искусства я вскорѣ почувствовалъ себя, какъ въ опустѣломъ дворцѣ легендарныхъ владыкъ. Архитектура, акустика, украшеніе комнатъ, окна, двери, мебель и утварь—все это оказывалось уже неприспособленнымъ для современной жизни.. И я съ жуткимъ чувствомъ покинулъ эти великолѣпные чертоги еще недавней, но уже сказочной старины". Г. Андреевскій какъ будто и другимъ совѣтуетъ послѣдовать его примѣру, потому что — „оглянитесь на эти десятки тысячъ стихотвореній, пестрѣвшихъ въ нашихъ журналахъ, газетахъ и приложеніяхъ къ нимъ за послѣднее тридцатилѣтіе. Всплыло ли изъ моря забвенія хоть одно изъ нихъ? Вспомните эти безчисленные куплеты, воспѣвающіе весну, восходы, закаты, ночи, сады, аллеи, облака, мечты, любовь, грусть, надежду, восторгъ и отчаяніе — всѣ эти пьески рѣшительно на одно лицо, всѣ онѣ банальны и всѣ забыты... Къ чему же, спрашивается, все еще разливается по всему свѣту вся эта куплетная поддѣлка подъ поэзію? Что изъ нея можетъ вырости? Что изъ нея останется?"

Производя смотръ современнымъ поэтическимъ силамъ, г. Андреевскій дѣлаетъ нѣсколько очень мѣткихъ оцѣнокъ и вѣрныхъ отдѣльныхъ замѣчаній. Напримѣръ: „Космическая лирика весьма искуснаго версификатора К. Бальмонта, по правдѣ сказать, представляется мнѣ безплоднымъ щегольствомъ въ области словесныхъ мелодій. Авторъ витаетъ въ заоблачныхъ сферахъ съ необычайною развязностью и разрѣшаетъ неразрѣшимые вопросы бытія съ такимъ веселымъ самодовольствомъ, которое совершенно чуждо истинной поэзіи. Благодаря своему словоохотливому и почти рѣзвому глубокомыслію, поэтъ въ большинствѣ случаевъ почти не захватываетъ читателя. Кромѣ того, слишкомъ много книжнаго, навѣяннаго, впрочемъ, искреннимъ увлеченіемъ различными литературными образцами и теоріями, прямо бьетъ въ глаза при чтеніи всѣхъ риѳмованныхъ фіоритуръ г. Бальмонта. Личность поэта, фанатически преданнаго своему искусству, и его мягкая натура чрезвычайно симпатичны. А внѣшній стихотворный талантъ г. Бальмонта поистинѣ замѣчателенъ. Но едва ли его лирика глубоко западаетъ въ чье-либо сердце".

Есть, однако, въ лекціи г. Андреевскаго отдѣльныя замѣчанія

очень странныя, чтобы не выразиться сильнѣе, но мы ихъ не коснемся и остановимся только на томъ, что самъ онъ считаетъ „узломъ вопроса". Но прежде отмѣтимъ ту встрѣчу, которую оказалъ г. Андреевскому журналъ „Міръ искусства", предоставившій его лекціи свои страницы. Въ томъ же самомъ номерѣ, гдѣ напечатана эта лекція, редакція почтеннаго журнала выстрѣлила въ нее, во-первыхъ, цѣлою картечью стихотвореній (г.г. Мережковскаго, Владиміра Г—а, Сологуба, г-жи Гиппіусъ, гг. Бальмонта, Минскаго), а во-вторыхъ, „Отвѣтомъ г. Андреевскому" г. Валерія Брюсова. Лекція г. Андреевскаго помѣщена какъ разъ между этими двумя отвѣтами—фактическимъ и принципіальнымъ. „Міръ искусства" какъ бы говоритъ нашему автору: вы утверждаете, что стихотворство падаетъ,—вотъ же вамъ цѣлая куча стихотвореній; вы утверждаете, что современные поэты только повторяютъ стариковъ,—вотъ же вамъ исповѣдь г. Бальмонта:

Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи;
Я *впервые* открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.
Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.
Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Драгоцѣнные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя, и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

А съ другой стороны, г. Валерій Брюсовъ степенно доказываетъ, что статья г. Андреевскаго „представляетъ рядъ противорѣчій и недоразумѣній", что авторъ не знакомъ съ литературой предмета; что „стихъ не вырождается, а перерождается, вступаетъ на высшую ступень развитія", что „новое искусство сильно тѣмъ, что оно знаменуетъ не одну только смѣну литературныхъ школъ, а новый моментъ во всей духовной жизни человѣческой"; что „можно мечтать, что въ отдаленномъ будущемъ вся рѣчь станетъ стихотворной"...

Конечно, отдаленное будущее отдаленно, и кто его знаетъ, какъ оно тамъ будетъ. Но если въ этомъ отдаленномъ будущемъ господство предстоитъ именно „перепѣвнымъ звонамъ" и „переплеску многопѣнному", то жить въ тѣ времена будетъ, безспорно, очень весело и даже, можно сказать, смѣшно. Но это мимоходомъ.

Мнѣ кажется, что громы г. Валерія Брюсова лишь отчасти

заслужены г. Андреевскимъ. Онъ виновенъ, но есть обстоятельства, смягчающія его вину. Начнемъ съ вины.

Отмѣтивъ поэтическую неудачу гг. Минскаго и Мережковскаго, людей „вполнѣ современныхъ, образованныхъ, оригинальныхъ, вооруженныхъ всѣми средствами лирики“, г. Андреевскій задается вопросомъ: „Почему же они не умѣютъ совладать съ этой чудесной лирой, освященной вѣками“?—и отвѣчаетъ такъ: „Очевидно потому, что волшебный инструментъ не можетъ передать и выразить ихъ душевной сущности. Скажутъ: а, быть можетъ, въ ихъ натурѣ нѣтъ настоящей поэзіи, это люди книжные, болѣзненные, ненатуральные. А мы, всѣ прочіе современные люди, развѣ не такіе же? Вотъ въ этомъ-то и главный узелъ вопроса.“ Къ сожалѣнію, г. Андреевскій не развязываетъ этого узла. Въ только что цитированномъ мѣстѣ отвѣтственость за поэтическую неудачу гг. Минскаго и Мережковскаго возлагается на обветшалость „волшебнаго инструмента“, который когда-то сослужилъ громадную службу Гёте и Байрону, Гюго и Гейне, Пушкину и Лермонтову, но нынѣ уже не въ силахъ выразить „сущность души“ г. Минскаго или г. Мережковскаго. Казалось бы, если они люди „книжные, болѣзненные, ненатуральные“, если „въ ихъ натурѣ нѣтъ настоящей поэзіи“, такъ дѣло оказывается очень просто: на нѣтъ и суда нѣтъ, и никакого общаго вопроса изъ этого частнаго случая не вытекаетъ, никакого узла не завязывается. И въ старину бывали стихотворцы, болѣе или менѣе даровитые, но лишенные настоящаго поэтическаго огня, и всегда они возможны. Вотъ, если бы г. Андреевскій указалъ настоящихъ поэтовъ, „душевная сущность“ которыхъ, такъ сказать, не влѣзаетъ въ старую стихотворную форму, тогда его тезисы были бы, если не доказаны, то, по крайней мѣрѣ, иллюстрированы примѣрами... Г. Андреевскій и указываетъ двухъ такихъ „самыхъ настоящихъ поэтовъ“, которые представляются ему „послѣдними потомками Аполлона по прямой линіи“. Это г. Фофановъ и г-жа Лохвицкая. Но они оказываются „не ко времени.“ Г. Фофановъ—„лунатикъ, взирающій на жизнь, какъ на загадочный призракъ, а г-жа Лохвицкая замкнута въ узкомъ сюжетѣ романтической любви и страсти. И оба поэта остаются чуждыми своему времени. Попробуйте отрезвить Фофанова, приблизить его къ дѣйствительности—и вы не получите отъ него ни одной чудесной строки; попробуйте вывести г-жу Лохвицкую изъ ея сферы—и она уже не будетъ поэтессой.“ На чемъ основана эта увѣренность г. Андреевскаго, неизвѣстно; онъ не считаетъ нужнымъ приводить какія бы то ни было не то что доказательства, а даже просто соображенія въ пользу своего взгляда. Взглядъ этотъ даже не укладывается, какъ частность, въ общее положеніе г. Андреевскаго: „Въ наши дни и на все предбудущее время, для всей старой культуры уже не можетъ народиться такихъ поэтовъ, у которыхъ бы „на мысли

дружныя, какъ волны, какъ жемчугъ нанизывались слова". Но вотъ, въ лицѣ г. Фофанова и г-жи Лохвицкой, народились, по мнѣнію г. Андреевскаго, какъ разъ именно такіе поэты,—они „потомки Аполлона по прямой линіи", и „только у нихъ прежній стихъ остался природною формою ихъ рѣчи". Однако, и они оказываются „не ко времени"... Выходитъ что-то странное и, дѣйствительно, какъ будто узловатое. И узловатость эта только увеличивается отъ попытокъ г. Андреевскаго распутать ее.

Мы видѣли, что всѣ „мы" подобны не родственнымъ Аполлону г. Фофанову и г-жѣ Лохвицкой, а гг. Минскому и Мережковскому, какъ людямъ „книжнымъ, болѣзненнымъ, ненатуральнымъ" и не имѣющимъ въ своей натурѣ настоящей поэзіи. Дѣло въ томъ, какъ говоритъ г. Андреевскій, что „мы не имѣемъ никакого цѣльнаго жизненнаго міросозерцанія. Побѣды въ области естествознанія, ознаменовавшія середину вѣка, не обошлись безъ горькой расплаты. Огюстъ Контъ, Бокль, Гартманъ, Бюхнеръ, Молешотъ, Геккель, Спенсеръ, Дарвинъ, химія, бактереологія—куда тамъ послѣ этого до пресловутой „души человѣческой"?! Между тѣмъ, романтики имѣли эту душу. Въ отвѣтъ на тайны міра они высказывали тайны своей великой души, и эти двѣ силы боролись почти какъ равныя. Поэты того времени пѣли, какъ птицы, въ соотвѣтствіи съ глубокой гармоніей міра. Но теперь уже немыслимо вернуться къ ихъ душевному строю. Вселенная слишкомъ притиснула человѣка неотразимою мощью своей цвѣтущей и грозной матеріи".

Я думаю, что въ этихъ именно словахъ заключается главная вина г. Андреевскаго передъ жрецами „новаго искусства". Они, можетъ быть, простили бы указаніе на отсутствіе цѣльнаго жизненнаго міросозерцанія, потому что любятъ иногда облачаться въ нарядную печаль скептицизма и пѣть съ г. Минскимъ все въ томъ же номерѣ „Міра искусства":

Есть храмъ. Всѣ двери заперты,
Засовы всѣ задвинуты.
И мы стоимъ на паперти,
Забыты и отринуты.
Мы слышимъ смутно пѣніе,
Что издали доносится,
Не зная, въ чемъ служеніе,
О чемъ въ мольбахъ тамъ просится.
Мы видимъ дымъ отъ ладона,
Что вьется сквозь отдушины.
Но тайна не разгадана,
Молитвы не подслушаны.

Поза, въ которой стоятъ „мы", довольно таки жалка и унизительна, но на иной взглядъ она красива, а потому отчего же и не постоять уныло на паперти, даже не пытаясь отодвинуть засовы храма. Это дѣло вкуса. Но вотъ что ужъ несомнѣнно обидно:

у старыхъ поэтовъ была душа, да еще великая, а у жрецовъ „новаго искусства“ ея нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ, даже „видомъ малой и не безсмертной“, какую щедринскій учитель Липкинъ нашелъ у лягушки, а такъ—паръ. Вдобавокъ ихъ приводятъ въ связь съ рядомъ именъ ученыхъ и философовъ, правда, набранныхъ зря и, если позволительно такъ выразиться, безо всякаго смысла, но къ которымъ они, жрецы новаго искусства, относятся едва-ли не съ одинаково величавымъ презрѣніемъ...

Да, велика вина г. Андреевскаго. Но есть и смягчающія обстоятельства. Вотъ, напримѣръ: „Душа наша осложнилась, и вотъ съ этимъ-то придаткомъ къ нашей прежней душѣ никакъ не справится сіяющая передъ нами старая романтическая форма, въ которую новые поэты все еще пытаются вложить свои настроенія и замыслы“. Какъ видите, если на одной страницѣ статьи г. Андреевскаго констатируется убыль современной души до круглаго нуля, то на другой страницѣ душа эта оказывается даже съ „придаткомъ къ прежней душѣ“ и собственно поэтому не вмѣщается въ старую стихотворную форму, а отнюдь не потому, что ее притиснула какая-то тамъ грозная и цвѣтущая матерія. И потомъ, что отрицаетъ или хоронитъ г. Андреевскій? Поэзію, въ частности лирику? Отнюдь нѣтъ. По его словамъ, поэзія „со всѣхъ концовъ начинаетъ проникать собою всю современную литературу. Теперь не трудно назвать сколько угодно природныхъ лириковъ не только между повѣствователями, но даже среди газетныхъ публицистовъ и фельетонистовъ“. (Я думаю, сюда слѣдовало бы прибавить и внѣ-литературныя сферы, въ особенности ораторовъ, судебныхъ и иныхъ). Г. Андреевскій хоронитъ только старыя метрическія формы. Онъ пишетъ: „Я не говорю о совершенномъ исчезновеніи риѳмы. Я хочу только разъяснить, что въ своихъ прежнихъ симметрическихъ формахъ старый метръ съ его заключительными созвучіями окончательно отслужилъ свою службу для высшихъ цѣлей словеснаго искусства“, и что поэзія должна искать и ищетъ новыхъ путей“. Но вѣдь это же самое говорятъ и жрецы „новаго искусства“. Тѣ двадцать четыре стихотворенія, которыя „Міръ искусства“ помѣстилъ рядомъ со статьей г. Андреевскаго, какъ бы въ пику ему, всѣ риѳмованныя; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, говоря языкомъ г. Бальмонта, столько „уклоновъ“ и „изломовъ“, что если они и похожи на что нибудь, то ужъ никакъ не на поэзію Гёте, Байрона, Гюго, Пушкина, Лермонтова и прочихъ оставленныхъ за флагомъ стариковъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ стихотвореній г. Сологуба:

Мой ландышъ бѣлый вянетъ,
но его смерть не больная.
Его ничто не обманетъ,
потому что онъ хочетъ, не зная,—
и чего хочетъ, то будетъ,

чего не будетъ, не надо!
Ничто его не принудитъ
и увяданье ему отрада.
Единая Воля повсюду,
и къ чему мои размышленья!
Надо повѣрить чуду
единаго въ мірѣ хотѣнья.

Или вотъ произведеніе г-жи Гиппіусъ:

Тебя привѣтствую, мое пораженіе,
тебя и побѣду я люблю равно;
На днѣ моей гордости лежитъ смиреніе,
и радость и боль—всегда одно.
Надъ вóдами стихнувшими, въ безмятежности
вечера яснаго—все бродитъ туманъ;
въ послѣдней жестокости есть бездонность нѣжности,
и въ Божіей правдѣ—Божій обманъ.
Люблю я отчаяніе мое безмѣрное,
намъ радость въ послѣдней каплѣ дана.
И только одно здѣсь я знаю вѣрное:
надо всякую чашу пить—до дна.

„Декаденты ищутъ новыхъ формъ",—говоритъ г. Андреевскій, а, слѣдовательно, они дѣлаютъ какъ разъ именно нужное, по мнѣнію г. Андреевскаго, дѣло. Правда, по его же мнѣнію, „*пока* они *какъ-бы поневолѣ* отрицаютъ старыя формы тѣмъ, что заполняютъ ихъ непостижимымъ вздоромъ". Это опять обида, опять вина передъ „новымъ искусствомъ". Но вѣдь *пока* и *какъ-бы поневолѣ*... И право же гг. декаденты могли бы простить г. Андреевскаго или, покрайней мѣрѣ, не такъ строго карать его, какъ покаралъ г. Валерій Брюсовъ... Тѣмъ болѣе, что г. Андреевскій признаетъ справедливымъ мнѣніе г. Розанова, будто Л. Толстой и Достоевскій „были декадентами въ романѣ". Подарить, хотя бы и вслѣдъ за г. Розановымъ, декадентамъ такихъ двухъ колоссовъ и всетаки не заслужить прощенія за маленькія провинности,—это уже черезчуръ...

Позволю себѣ остановиться на этомъ эпизодѣ лекціи г. Андреевскаго, не имѣющемъ прямого отношенія къ ея главной темѣ—„вырожденіе риѳмы". Г. Андреевскій пишетъ: „Г. Розановъ справедливо замѣтилъ, что Л. Толстой и Достоевскій были декадентами въ романѣ. Дѣйствительно, вѣдь оба они рисковали быть совсѣмъ непонятыми, когда совершенно заново выступали: первый—съ своимъ причудливымъ психологическимъ анализомъ, а второй—съ своимъ дерзновеннымъ изслѣдованіемъ самыхъ мучительныхъ глубинъ человѣческаго духа. Въ моей замѣткѣ о Л. Толстомъ я уже напоминалъ, что въ свое время лучшія страницы „Войны и мира" вызывали глумленіе критики. О Достоевскомъ и говорить нечего. Почти въ теченіе всей его жизни онъ признавался писателемъ больнымъ, читать котораго тяжело, скучно и даже вредно. Когда я первый написалъ этюдъ о „Братьяхъ Ка-

рамазовыхъ“, то узналъ, что лучшіе наши литераторы еще не полюбопытствовали „одолѣть“ это великое произведеніе. Такъ медленно доставалось общее признаніе Толстому и Достоевскому“.

Я съ недоумѣніемъ читалъ и перечитывалъ это мѣсто: глазамъ не вѣрилось. Извѣстенъ тотъ почти экстатическій восторгъ, съ которымъ Некрасовъ, Григоровичъ и Бѣлинскій привѣтствовали выступленіе Достоевскаго на литературное поприще. Извѣстно, что похвалы, которыми было встрѣчено первое его произведеніе въ печати, до такой степени вскружили голову юному писателю, что онъ писалъ своему брату: „Во мнѣ находятъ новую оригинальную черту, состоящую въ томъ, что я дѣйствую анализомъ, а не синтезомъ, т. е. иду въ глубину и, разбирая по атомамъ, отыскиваю цѣлое; Гоголь же беретъ прямо цѣлое и оттого не такъ глубокъ, какъ я. Прочтешь и самъ увидишь. А у меня будущность преблистательная, братъ!“ Или: „Слава моя достигла до апогея. Въ два мѣсяца обо мнѣ, по моему счету, было говорено около 35-ти разъ въ различныхъ изданіяхъ“ и т. д., и т. д. Не только не „медленно доставалось общее признаніе“ Достоевскому, а, напротивъ,—рѣдко кому счастье признанія давалось такъ съ разу. Правда, нѣкоторыя послѣдующія произведенія Достоевскаго разочаровали критику, но въ концѣ концовъ сбылось пророчество Бѣлинскаго: „много въ продолженіи его поприща явится талантовъ, которыхъ будутъ противопоставлять ему, но кончится тѣмъ, что о нихъ забудутъ именно въ то время, когда онъ достигнетъ апогея своей славы“. О немъ почтительно говорили и уравновѣшенный Добролюбовъ, и пылкій Писаревъ, не говоря уже о фиміамахъ Страхова и Ореста Миллера. „Записки изъ мертваго дома“, „Преступленіе и наказаніе“ вызвали цѣлую бурю восторговъ. Что касается „Братьевъ Карамазовыхъ“, то я не знаю, кто такіе тѣ „лучшіе наши литераторы“, которые не читали этого романа, когда г. Андреевскій „первый“ написалъ о немъ этюдъ, но позволю себѣ усомниться, чтобы первая статья о „Братьяхъ Карамазовыхъ“ принадлежала перу г. Андреевскаго. Сомнѣнія мои основываются на слѣдующемъ. Этюдъ г. Андреевскаго напечатанъ въ сборникѣ его статей „Литературныя чтенія“, изданномъ въ 1891 г. Когда и гдѣ онъ былъ напечатанъ раньше, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, не раньше 1881 г., такъ какъ романъ Достоевскаго окончился печатаніемъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ ноябрѣ 1880 г., а въ этюдѣ г. Андреевскаго содержаніе романа разсказано все. Но романъ Достоевскаго тянулся два года, причемъ большая его часть была напечатана въ 1879 г., и нѣкоторые критики высказались о немъ, не дожидаясь конца (напримѣръ, г. Марковъ въ декабрьской книжкѣ „Русской Рѣчи“ 1879 г.) Съ первыхъ же номеровъ журналовъ за 1881 г. (не говоря о газетахъ) мы имѣемъ уже цѣлый рядъ статей о „Братьяхъ

Карамазовыхъ" *). Дѣло не въ томъ, разумѣется, кто первый сказалъ что нибудь о романѣ Достоевскаго, кто второй, а кто десятый. Но, мнѣ кажется, не годится такъ извращать совсѣмъ недавнюю исторію родной литературы, утверждая, что, когда я, молъ, „первый" написалъ замѣтку о „Братьяхъ Карамазовыхъ", такъ „лучшіе наши литераторы" даже не читали ихъ...

Что касается Толстого, то память измѣнила г. Андреевскому: о томъ, что психологическіе пріемы „великаго писателя русской земли" вызывали глумленіе при появленіи „Войны и мира", онъ писалъ не въ замѣткахъ о Толстомъ, а все въ той же статьѣ о „Братьяхъ Карамазовыхъ" („Литературныя чтенія", 40). Если указаніе на глумленіе и вѣрно (какъ вѣрно, можетъ быть, и указаніе на то, что кто нибудь изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ поздно прочиталъ романъ Достоевскаго), то это всетаки не значитъ, чтобы Толстому „медленно доставалось общее признаніе". Напротивъ, общее признаніе со стороны, какъ читающей публики, такъ и критики, досталось ему съ первыхъ же шаговъ, еще когда онъ былъ Л. Н. Т., и онъ самъ объ этомъ разсказывалъ. Да и г. Андреевскій писалъ: „говорить о глубинѣ и силѣ психологическаго анализа Толстого значило бы повторять общее мѣсто... Масса оцѣниваетъ Толстого общимъ голосомъ... Всѣ откликнулись, всѣ поняли Толстого" („Литературныя чтенія", 260, 261, 263).

Г. Андреевскій, можно сказать, осыпанъ дарами природы: онъ и поэтъ, и критикъ, и ораторъ. И разъ зашла о немъ рѣчь, естественно, хочется присмотрѣться ко всей его интересной фигурѣ. Матеріаловъ для этого имѣется достаточно. Стихотворенія его были изданы дважды—въ 1886 и 1898 гг., и ко второму изданію авторъ написалъ очень характерное предисловіе. Критическія статьи изданы въ видѣ маленькаго сборника „Литературныя чтенія". „Защитительныя рѣчи" вышли въ 1898 г. третьимъ изданіемъ, и хотя сюда вошли не всѣ рѣчи талантливаго оратора, но кое что можно добыть изъ другихъ источниковъ. Кое что даетъ „Критико-біографическій словарь" г. Венгерова. Такъ что затрудненіе не въ скудости печатныхъ матеріаловъ, а въ томъ, что—какъ приступиться къ такому, если не многостороннему, то многоформенному таланту? Попробуемъ...

Впервые г. Андреевскій обратилъ на себя вниманіе въ 1878 г., когда онъ былъ уволенъ отъ службы по министерству юстиціи

---

*) Судя по одному, очень, впрочемъ, неопредѣленному указанію словаря г. Венгерова, статья г. Андреевскаго напечатана даже въ 1888 г. А раньше онъ, повидимому, читалъ ее въ «адвокатско-литературномъ кружкѣ» или въ «литературно-драматическомъ обществѣ», гдѣ поэтому и слѣдуетъ искать «лучшихъ нашихъ литераторовъ»...

въ виду его отказа выступить обвинителемъ „по одному громкому и сенсаціонному процессу“, какъ говоритъ г. Ляховецкій („Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ“). Каково бы ни было это дѣло, но поступокъ молодого товарища прокурора (г. Андреевскій родился въ 1847 г.) долженъ былъ вызвать къ нему уваженіе даже въ средѣ его бывшихъ сослуживцевъ. Это не былъ какой нибудь героическій поступокъ, тѣмъ болѣе, что г. Андреевскій (какъ и другой отказавшійся отъ того же дѣла товарищъ прокурора—Жуковскій) чувствовалъ въ себѣ недюжинные силы и таланты для проявленія ихъ на другомъ поприщѣ; но это былъ, во всякомъ случаѣ, поступокъ честнаго человѣка. Разнообразные таланты г. Андреевскаго и не замедлили сказаться. Записавшись въ томъ же 1878 г. въ присяжные повѣренные округа петербургской судебной палаты, онъ быстро занялъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ этой новой средѣ и въ то же время сталъ печатать въ журналахъ свои стихотворенія. Но замѣчательно, что онъ не только сталъ ихъ лишь теперь печатать, а и писать. Рѣдко кто не пробуетъ „бряпать на лирѣ“ на школьной скамьѣ или, вообще, въ очень ранней юности. Но обыкновенно тѣ, кому предстоитъ разстаться съ этимъ занятіемъ и промѣнять лиру поэта на какой нибудь другой инструментъ, какъ предстояло это г. Андреевскому, къ тридцати годамъ (и даже гораздо раньше) уже кончаютъ всѣ счеты съ музой, а г. Андреевскій въ этомъ возрастѣ только что началъ; при томъ, какъ сообщаетъ г. Венгеровъ, совершенно случайно: ему захотѣлось передать по русски одно стихотвореніе Мюссе, а затѣмъ уже онъ сталъ писать и оригинальные стихи. „До того онъ не написалъ ни одного стиха“. Въ автобіографической запискѣ, составленной имъ для словаря г. Венгерова, онъ объясняетъ это тѣмъ, что его юность совпала „съ разгаромъ Писаревскаго вліянія“, которое „надолго отбросило его отъ прежнихъ литературныхъ кумировъ“. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ эманципировался отъ этого віянія и сталъ писать и печатать въ журналахъ стихи, собраніе которыхъ издалъ въ 1886 г. Но въ 1898 г., выпуская второе изданіе, онъ заявилъ въ предисловіи: „вотъ уже десять лѣтъ, какъ я не пишу стиховъ и никогда не возвращусь къ нимъ.“ Строго осуждая свои былые поэтическіе опыты, онъ объяснялъ ихъ новое изданіе такъ: „Однако же, еще въ текущемъ году какіе-то любители пріобрѣтали послѣдніе экземпляры моихъ старыхъ стихотвореній. Это побудило меня привести въ порядокъ мой прежній сборникъ, отчасти сократить, отчасти дополнить его.“ Соображеніе это позволяетъ надѣяться, что если „какіе-то любители“ раскупятъ второе изданіе, то г. Андреевскій снисходительно обогатитъ отечественную поэзію и третьимъ изданіемъ, не только сокративъ, но и дополнивъ предыдущее. Логика г. Андреевскаго и сознаніе слабости своего

поэтическаго дарованія этому, очевидно, не препятствуютъ. На этотъ разъ, однако, можетъ явиться новое препятствіе въ видѣ не личной уже слабости г. Андреевскаго, а краха стихотворства вообще, краха всемірнаго. И любопытно, что причиною этого краха является, собственно говоря, то самое „Писаревское вліяніе", которое когда-то держало юнаго г. Андреевскаго вдали отъ поэзіи. Мы видѣли, что конецъ стихотворству положенъ шестидесятыми годами въ лицѣ ряда ученыхъ и философовъ, въ суммѣ составляющихъ для насъ, русскихъ, именно то, что можно назвать „Писаревскимъ вліяніемъ" (хотя, напримѣръ, Гартманъ попалъ сюда по какому-то странному недоразумѣнію, да и остальные довольно таки разношерстная компанія). Такимъ образомъ, г. Андреевскій находился подъ „Писаревскимъ вліяніемъ" въ юности, эманципировался отъ него въ концѣ семидесятыхъ годовъ и вновь призналъ его мощь въ концѣ девяностыхъ. Странное, однако, это признаніе. Есть что-то ироническое и двусмысленное въ этомъ восклицаніи: „куда ужъ тутъ до пресловутой души человѣческой!" Это напоминаетъ мнѣ единственную слышанную мною рѣчь г. Андреевскаго,—не обвинительную или защитительную, а застольную,—на юбилеѣ П. Д. Боборыкина. Ораторъ говорилъ, что почтенный юбиляръ не пользуется въ нашемъ обществѣ тою степенью популярности, какая соотвѣтствуетъ его таланту, и потому не пользуется, что онъ для насъ, отсталыхъ, слишкомъ европеецъ; европеизмъ же П. Д Боборыкина доказывается тѣмъ, что въ его многочисленныхъ романахъ, повѣстяхъ, драмахъ, разсказахъ не встрѣчается даже слово „душа"... Я думаю, что это показаніе г. Андреевскаго совершенно невѣрно, но дѣло не въ этомъ. Юбилярамъ не принято говорить непріятности и потому въ словахъ г. Андреевскаго должна была заключаться какая-то похвала. Теперь, послѣ лекціи о „вырожденіи риѳмы", понятно въ чемъ дѣло: Огюстъ Контъ и Гартманъ, Спенсеръ и Бюхнеръ, химія и бактеріологія упразднили „пресловутую душу человѣческую", и г. Боборыкинъ стоитъ на высотѣ этого упраздненія... Не знаю всетаки, хорошо ли это, хвалу ли воздалъ ораторъ юбиляру. Не знаю и того, чѣмъ собственно отразилось вліяніе бактеріологіи и химіи, Гартмана и Молешота и т. д., на поэзіи. Такъ какъ поэзія не только не исчезла, а, напротивъ, „со всѣхъ концовъ начинаетъ проникать собою всю современную литературу", то, повидимому, „вселенная притиснула человѣка" только ради риѳмы и „романтической" формы вообще, то есть... то есть ради того, отъ чего г. Андреевскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ отказался. Изъ за этакой-то малости безпокоить себя „вселенная"!..

Въ рѣчи на юбилеѣ В. Д. Спасовича (напечатана въ приложеніи къ „Защитительнымъ рѣчамъ") г. Андреевскій сказалъ, между прочимъ: „Говорятъ, будто я умѣю концентрировать мою мысль". Кто бы ни говорилъ это г. Андреевскому, онъ напрасно

повѣрилъ. Умѣнье концентрировать свою мысль отнюдь не составляетъ характерной его черты, и часто поражаешься въ немъ именно отсутствіемъ этого умѣнья. Извольте, въ самомъ дѣлѣ, разобраться въ статьѣ о вырожденіи риѳмы. Гдѣ тутъ центръ,—въ отсутствіи ли у современнаго человѣка цѣльнаго міросозерцанія или въ томъ очень цѣльномъ міросозерцаніи, котораго держались нѣкоторые изъ перечисленныхъ г. Андреевскимъ ученыхъ и философовъ, сокрушавшихъ своимъ вліяніемъ... А впрочемъ, что они сокрушили своимъ вліяніемъ: „пресловутую человѣческую душу" или только риѳму и вообще то, отъ чего отказался г. Андреевскій десять лѣтъ тому назадъ? Упразднена ли „душа" или, напротивъ, развилась, осложнилась какимъ то придаткомъ? Поневолѣ согласишься съ г. Валеріемъ Брюсовымъ, что вся статья представляетъ собою рядъ противорѣчій и недоразумѣній. Или предисловіе ко второму изданію стихотвореній...

Не трудно, мнѣ кажется, усмотрѣть ту основную черту психики нашего автора, отъ которой зависитъ это неумѣніе концентрировать свою мысль. Черта эта свойственна преимущественно женщинамъ, у которыхъ она объясняется воспитаніемъ и общественнымъ положеніемъ, но она не чужда и мужчинамъ. Разумѣю кокетство. Что такое кокетство? Это совокупность словъ, жестовъ, минъ, поступковъ, вытекающихъ изъ желанія нравиться, чтобы нравиться, безъ дальнѣйшихъ намѣреній и плановъ. Таково настоящее, самодовлѣющее кокетство, обособившееся отъ желанія выдти замужъ или вообще добиться извѣстнаго результата. Благосклонно разливая свои чары въ разныя стороны, говоря всѣмъ своимъ поведеніемъ не то „да", не то „нѣтъ", кокетка естественно часто попадаетъ въ свои собственныя сѣти: заигравшись, доводитъ дѣло до непредвидѣннаго, но неизбѣжнаго конца, или, пересаливая, становится непріятно назойливою, или, привыкнувъ къ своей практикѣ, не замѣчаетъ, что вступаетъ въ возрастъ, которому уже не идутъ кокетливыя мины, и становится смѣшною, или не попадаетъ въ надлежащій при данныхъ условіяхъ тонъ и потому опять таки становится смѣшна и т. п. Разумѣется, бываютъ кокетки достаточно ловкія и тактичныя, чтобы удачно лавировать среди всѣхъ этихъ опасностей. Но г. Андреевскій едва ли принадлежитъ къ числу такихъ удачниковъ. Ему грозятъ, а отчасти уже и настигли его, многія изъ перечисленныхъ опасностей. Желая прежде всего нравиться, онъ въ писаніяхъ своихъ старается принимать возможно красивыя позы, то томно прищуриваетъ глаза, то вдохновенно устремляетъ ихъ къ небесамъ, то кокетливо улыбается, всѣмъ своимъ обликомъ говоря то „да", то „нѣтъ".

Г. Андревскій самъ признался, что стихотворная форма ему не дается, вслѣдствіе чего онъ и отказался отъ нея. Не будемъ съ нимъ спорить, скажемъ только словами г. Венгерова, что его

поэзія „отличается нѣкоторою изысканностью и дѣланною щеголеватостью“. Но обратите вниманіе на форму, въ которой онъ отказывается отъ стихотворства. Онъ могъ бы просто перестать писать стихи, и никто бы этого не замѣтилъ: мало ли у насъ поэтовъ одинаковаго съ нимъ роста! Тотъ или другой изъ его добрыхъ знакомыхъ могъ, конечно, при встрѣчѣ спросить,—почему не появляются произведенія его музы въ журналахъ; онъ отвѣтилъ бы: „я уже десять лѣтъ не пишу стиховъ и никогда не возвращусь къ нимъ“ потому-то и потому-то, и дѣлу конецъ. Но онъ предпочелъ заявить объ этомъ событіи всенародно, при томъ въ предисловіи къ *новому*, да еще *дополненному* изданію своихъ стиховъ. Такимъ образомъ, выходитъ и „да“, и „нѣтъ“. И надо же быть такому счастливому или несчастному случаю, что какъ разъ къ тому времени, когда для г. Андреевскаго выяснялась слабость его поэтическаго дарованія, въ дѣло вступилась сама „вселенная“ и уничтожила ту именно форму поэзіи, въ которой оказался слабъ г. Андреевскій... Придя къ такому не то горестному, не то пріятному заключенію, г. Андреевскій утверждаетъ, что вмѣстѣ съ недающейся ему стихотворной формой упразднена и „пресловутая душа человѣческая“, но поэзія осталась... должно быть, бездушная. И не только осталась, но процвѣтаетъ и въ беллетристикѣ, и въ публицистикѣ, и въ фельетонѣ, и въ рѣчахъ судебныхъ ораторовъ, какъ видно изъ рѣчи г. Андреевскаго на юбилеѣ В. Д. Спасовича. Значитъ, и г. Андреевскій остается или можетъ оставаться поэтомъ: и „да“, и „нѣтъ“. Такъ какъ кокетка серьезныхъ намѣреній не имѣетъ и желаетъ только нравиться, обворожать, то и г. Андреевскій отнюдь не думаетъ обставить свою раздвоенную и разстроенную мысль сколько-нибудь серьезными доводами: его списокъ ученыхъ и философовъ, упразднившихъ душу и риѳму, просто смѣшонъ своею спутанностью, да и кто теперь можетъ серьезно говорить о длящемся вліяніи Бюхнера или Молешота. Но до этихъ фактическихъ подробностей г. Андреевскому нѣтъ дѣла; какъ нѣтъ дѣла до фактической исторіи русской литературы, когда онъ заявляетъ, что онъ *первый* высказался о „Братьяхъ Карамазовыхъ“, а „наши лучшіе литераторы“ еще и не читали романа Достоевскаго...

О критическихъ опытахъ г. Андреевскаго, собранныхъ въ книжкѣ „Литературныя чтенія“, я распространяться не буду... Это рядъ небольшихъ статей, представляющихъ собою нѣчто въ родѣ литературныхъ портретовъ Баратынскаго, Достоевскаго, Гаршина, Некрасова, Лермонтова и Толстого. Можно во многомъ не соглашаться съ авторомъ, но во всякомъ случаѣ эти статьи гораздо серьезнѣе и обдуманнѣе, чѣмъ статья о вырожденіи риѳмы. Тутъ мы видимъ дѣйствительно сконцентрированную на томъ или другомъ писателѣ мысль, и нѣсколько вредятъ этимъ статьямъ все тѣ же „изысканность и дѣланное щегольство“ стиля.

Обратимся къ г. Андреевскому, какъ оратору, котораго мы знаемъ по книгѣ „Защитительныя рѣчи". Здѣсь уже самою задачею защиты указывается необходимость концентраціи мысли, а потому кокетство и кокетливое любованіе собою должно принять иныя формы и попадать въ иные просаки. Но сперва не о защитительныхъ, а о застольныхъ рѣчахъ. Ихъ мы знаемъ двѣ. Объ одной изъ нихъ (на юбилеѣ П. Д. Боборыкина), въ которой не разберешь, „да" или „нѣтъ" хотѣлъ сказать ораторъ, мы уже гоговорили. Другую—на юбилеѣ В. Д. Спасовича—г. Андреевскій считаетъ на столько значительною, что напечаталъ ее въ приложеніи къ „Защитительнымъ рѣчамъ". Въ ней онъ говоритъ о г. Спасовичѣ, какъ художникѣ, и я позволю себѣ привести здѣсь открывокъ изъ этой рѣчи:

«Образы—вотъ ваше могущество, и вы этого не замѣчаете. «Ты, Моцартъ, богъ и самъ того не знаешь!» Вашъ сильный, проникнутый умомъ и страстью языкъ получалъ (?), побѣждалъ, творилъ, запечатлѣвался въ умахъ, но спрашивается: чѣмъ?—все тѣми же самобытными, вамъ одному свойственными, яркими образами вашей чудесной музы. Ваши слова западали въ чужое сердце, какъ капли кипящаго сургуча; они сверкали и освѣщали вашу мысль, какъ бриллянты и молніи... И въ прозаической обстановкѣ этого обѣда, среди кувертовъ и блюдъ, надъ всѣми нашими профессіональными и непрофессіональными головами, надъ всею нашею толпою,—хотя и подрумяненною виномъ, но не особенно яркою,—я вижу нѣчто истинно блестящее, прекрасное и вѣчное, что принадлежитъ только вамъ одному. Помните ли вы превосходную скульптурную группу въ память Мишле? Надъ бюрократическою головою историка взлетаетъ къ небу очаровательная юная женщина и прелестною рукою пишетъ свою лѣтопись. На это воздушное видѣніе нельзя наглядѣться, отъ него нельзя оторвать глазъ, которые лишь иногда обращаются къ бритому, серьезному лицу профессора—съ отрадою и удивленіемъ, что эти два существа, столь непохожія другъ на друга, всегда жили одно въ другомъ, всегда были въ сущности одно и то же! Такъ и теперь: за вами, надъ вами, въ васъ самихъ—я вижу вашу музу. Къ ней, къ этой неувядаемой богинѣ, я простираю свой бокалъ; ее цѣлую съ восторгомъ и наслажденіемъ; и ей говорю я—какъ бы и самъ я находился на Олимпѣ:—«да, безсмертная, выпьемъ этого нектара и забудемъ о юбилеяхъ!»

Мнѣ эта рѣчь напомнила другую, тоже застольную рѣчь,—обращенную къ Сократу рѣчь Алкивіада въ Платоновомъ „Пирѣ". Г. Андреевскій говоритъ о „подрумяненныхъ виномъ" конвивахъ, Алкивіадъ опасался, что онъ „слишкомъ пьянъ". Г. Андреевскій привлекъ для выясненія своей мысли скульптурное произведеніе, то же сдѣлалъ и Алкивіадъ, а именно сравнилъ Сократа съ изображеніями Силеновъ, которые „сидятъ въ лавкахъ у ваятелей, изваянные съ флейтами или трубками въ рукахъ, но если раздѣлить ихъ на двое, то окажется, что внутри ихъ содержатся изображенія боговъ". Но Алкивіадъ лишь чуть-чуть, буквально двумя словами коснулся знаменитой своимъ безобразіемъ наружности Сократа, а г. Андреевскій самое сильное мѣсто своей рѣчи построилъ на разницѣ между наружностью г. Спасовича—отнюдь не выдающуюся среди насъ отсутствіемъ красоты,—и наруж-

ностью его музы. Разумѣется, почтенный В. Д. Спасовичъ не похожъ на „очаровательную юную женщину", но „удивленія" это обстоятельство вовсе не вызываетъ, да и говорятъ ли объ этомъ? Конечно, это мелочь, но, я думаю, послѣ того, какъ рѣчь г. Андреевскаго вызвала своимъ паѳосомъ аплодисменты присутствующихъ, многіе почувствовали себя неловко, какъ почувствовали себя неловко слушатели двусмысленнаго комплимента, обращеннаго имъ къ г. Боборыкину. Повторяю, это мелочь, пустяки, но она характерна для г. Андреевскаго, думающаго прежде всего о томъ, какъ бы предъявить „изысканность и дѣланное щегольство" своей рѣчи, а потомъ уже о предметѣ этой рѣчи...

Какъ уже сказано, я не слыхалъ ни одной защитительной рѣчи г. Андреевскаго, а только читалъ нѣкоторыя изъ нихъ, а потому, имѣя въ виду собственно ораторское искусство, долженъ ссылаться на другихъ. Въ первую голову пусть идетъ г. Спасовичъ. Въ рѣчи на юбилеѣ г. Пассовера (приведена въ книжкѣ г. Глинскаго „Русское судебное краснорѣчіе"), г. Спасовичъ отнесъ г. Андреевскаго (и себя самого), въ противоположность юбиляру, къ группѣ адвокатовъ-литераторовъ, которые „отдѣлены отъ родника всякаго ораторства письменнымъ сочинительствомъ", изъ которыхъ „мысли и чувства изливаются только профильтрованныя сквозь литературное сочинительство, дѣйствующее, какъ своего рода холодильникъ". „Какъ мы ни вышколены въ искусствѣ возбуждать и приподнимать себя и въ дѣланіи ораторскихъ движеній, — продолжалъ г. Спасовичъ, — но проницательный взглядъ опытнаго наблюдателя усмотритъ въ нашихъ рѣчахъ выступающій каплями потъ усиленной мозговой работы, замѣтный одинаково, какъ у тѣхъ изъ насъ, которые оттачиваютъ и шлифуютъ свои слова и фразы, заботясь всего болѣе о красотѣ, о плавности, о гармоніи частей, такъ и у тѣхъ, которые свой матеріалъ подвергаютъ холодной ковкѣ, чтобы фраза выходила шаршавая, колючая, рѣзко-характерная, но всетаки съ извѣстнымъ мозговымъ усиліемъ добытая".

Повидимому, г. Андреевскій принадлежитъ къ тѣмъ, „которые оттачиваютъ и шлифуютъ свои фразы, заботясь всего болѣе о красотѣ". Въ этомъ убѣждаетъ насъ и слѣдующее мнѣніе о немъ г. Ляховецкаго („Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ"):

«Слушая его по нѣкоторымъ дѣламъ, оставляешь судебную залу неудовлетворенный рѣчами нашего извѣстнаго адвоката. Эти рѣчи, точно фейерверки, блестѣли, трещали, шумѣли, оставляя впечатлѣніе зрѣлища ослѣпительнаго, красиваго, но и только. Ораторъ вольно и смѣло обращался съ фактическимъ матеріаломъ судебнаго слѣдствія. Факты принимали окраску явной тенденціи, лишаясь своего объективнаго, натуральнаго содержанія. Вы ихъ едва узнавали въ изложеніи оратора—такъ они мѣнялись при ихъ передачѣ, освѣщеніи и группировкѣ. Думается: это поэтическія вольности въ защитительныхъ рѣчахъ. Къ тому же ораторъ ведетъ борьбу не противъ

всѣхъ уликъ, не противъ всѣхъ доводовъ обвиненія, а выбираетъ лишь нѣкоторые пункты, наиболѣе удобные и благодарные для защиты, оставляя въ тѣни всѣ прочіе, замалчивая иногда весьма серьезныя улики, въ разсчетѣ на короткую память судей. Въ каждомъ дѣлѣ его интересуетъ кое что, и рѣчь его касается поэтому лишь кое чего изъ дѣла... Но вышелъ въ свѣтъ сборникъ рѣчей С. А. Андреевскаго и онъ читается съ удовольствіемъ. При отсутствіи въ сборникѣ матеріала слѣдствія, рѣчи его дивны. Вы читаете не то адвокатскія рѣчи, не то произведенія изящной словесности. Вы иногда даже восхищаетесь тѣмъ, что онъ сказалъ по поводу того или другого дѣла, но вы не знаете всего того, о чемъ ораторъ по необходимости долженъ былъ бы говорить, если бы хотѣлъ поставить защиту на прочную ногу. Что, впрочемъ, портитъ и въ сборникѣ рѣчи г. Андреевскаго, такъ это слишкомъ рискованные парадоксы, беззаботное отношеніе къ вопросамъ общественной нравственности».

Къ послѣднему указанію г. Ляховецкаго мы еще вернемся. А теперь послушаемъ еще одного спеціалиста—проф. Владимірова („Психологическое изслѣдованіе въ уголовномъ судѣ").

Г. Владиміровъ доказываетъ, что наши судебные ораторы-психологи, какъ обвинители, такъ и защитники (для образца первыхъ онъ беретъ г. Кони, вторыхъ—г. Андреевскаго) разводятъ совершенно произвольную психологію, не имѣющую никакой научной цѣнности. Это и не удивительно, замѣчаетъ онъ, такъ какъ ораторы суть люди больше искусства, чѣмъ науки. Г. Владиміровъ ничего не имѣетъ противъ такого „житейско-психологическаго" или „художественно-психологическаго" анализа въ беллетристикѣ, въ статьяхъ, сообщеніяхъ, докладахъ: „они шевелятъ, будятъ мысль". „Но,—говоритъ онъ,—на судѣ отъ неосновательнаго слова кто нибудь да страдаетъ: правосудіе, подсудимый или правильная общественная оцѣнка явленій жизни".

Г. Андреевскій характернѣйшій представитель художественно-психологическаго способа въ уголовномъ процессѣ: въ его рѣчахъ мы находимъ и достоинства, и недостатки этого способа. Къ числу достоинствъ слѣдуетъ отнести то, что мазки и пятна, небрежно бросаемые кистью Андреевскаго на полотно, даютъ всегда художественное впечатлѣніе, т. е. то подобіе, которое искусство и должно давать. Къ числу недостатковъ г. Андреевскаго слѣдуетъ отнести полное невниманіе къ установленнымъ даже фактамъ, наводящимъ на серьезныя психологическія размышленія. Эти факты въ его рѣчахъ быстро уносятся волною красивыхъ словъ, стремглавъ летятъ, увлекаемые потокомъ чувствъ и мыслей оратора. При этомъ у Андреевскаго часто срываются съ языка, впрочемъ, безъ важныхъ послѣдствій для дѣла, и серьезныя мысли, и намеки, доказывающіе, что ораторъ могъ бы заглянуть въ дѣло и поглубже, если бы ему въ этомъ не мѣшала его школа, его привычная метода. Быть «жизненнымъ», хлесткимъ, красивымъ, огненнымъ, интереснымъ, взволновать чувства слушателей и старательно избѣгать всего, что «сухо», хотя, можетъ быть, и необходимо для правды дѣла, — вотъ завѣты этой устарѣвшей школы. Главная забота этой отживающей школы элегантныхъ юристовъ новаго времени—создавать красивыя слова и потрясающія выраженія. Эти красивыя слова врѣзываются въ памяти присяжныхъ и публики, какъ какія-то откровенія, а между тѣмъ, въ нихъ часто больше блеска, чѣмъ содержанія.

На это можно бы было возразить, что задача защитниковъ

состоитъ въ томъ, чтобы защитить обвиняемаго, и если эта цѣль достигнута, то не все-ли равно чѣмъ,—блескомъ или содержательностью или еще чѣмъ? Адвокатъ Фрины ничего не сказалъ въ ея защиту, а только снялъ съ нея одежды передъ глазами судей, и тѣ, пораженные красотой тѣла, которое служило Праксителю моделью для статуи Афродиты, оправдали Фрину. И адвокатъ правъ: „побѣдителя не судятъ". Едва ли, однако, это разсужденіе такъ справедливо, какимъ оно кажется съ перваго взгляда. Слишкомъ ужъ оно просто и узко, а жизнь сложна и широка. Исторія Фрины есть исторія и даже только преданіе. Но и въ этомъ случаѣ, принимая въ соображеніе то даже мало понятное намъ отношеніе къ красотѣ человѣческаго тѣла, которое господствовало въ древней Греціи, адвокатъ Фрины былъ не только защитникомъ, не только приватнымъ исполнителемъ приватной задачи, а и общественнымъ дѣятелемъ, хотя съ нашей теперешней точки зрѣнія просто показалъ судьямъ голую женщину, то есть совершилъ неприличный поступокъ. Однако дѣло не въ адвокатѣ Фрины, а въ современномъ присяжномъ повѣренномъ, который во всякомъ случаѣ не можетъ не видѣть въ себѣ общественнаго дѣятеля и, въ качествѣ таковаго, не можетъ отклонять отъ себя отвѣтственность за содержаніе своихъ рѣчей, помимо ихъ непосредственныхъ результатовъ въ судѣ, то есть помимо оправданія или обвиненія кліента. Но г. Владиміровъ обращаетъ вниманіе еще на одну сторону дѣла. По его мнѣнію, адвокаты „художественно-психологической школы", красуясь цвѣтами краснорѣчія и произвольной психологіи, упускаютъ изъ вида серьезные доводы въ пользу своихъ кліентовъ и, слѣдовательно, ради красоты рѣчи, нарушаютъ и свою элементарную обязанность защиты подсудимаго. Въ подтвержденіе этой своей мысли онъ приводитъ и разбираетъ рѣчь г. Андреевскаго въ защиту Иванова, военнаго писаря, убившаго свою невѣсту. Въ этой рѣчи много „пожаровъ сердца", „апогеевъ любви" и т. п.; много беллетристической психологіи; ораторъ сдѣлалъ изъ подсудимаго какого то новаго героя нашего новаго времени, который „пьянствовалъ, чтобы заглушить грустныя мысли, игралъ въ карты, чтобы волноваться рискомъ, а въ публичные дома ходилъ, чтобы проповѣдывать идеалы добра падшимъ женщинамъ". И въ то же время ораторъ едва-едва коснулся обстоятельствъ, которыя могли самымъ существеннымъ образомъ повліять на участь подсудимаго: Ивановъ былъ алкоголикъ и имѣлъ отягченную наслѣдственность, — его мать зарѣзала въ пьяномъ видѣ своего младшаго сына, была признана дѣйствовавшею въ безсознательномъ состояніи и находилась на испытаніи въ лѣчебницѣ для душевнобольныхъ. Эти обстоятельства, на которыхъ другой защитникъ основалъ бы самые вѣскіе свои доводы, г. Андреевскій лишь мимолетомъ упомянулъ въ своей рѣчи, какъ мимолетомъ присаживается граціозный мотылекъ на невидную травку, чтобы тотчасъ

же перелетѣть на какую-нибудь красивую розу „пожара страстей“ или „апогея любви“. Мало того, къ этой серьезнѣйшей сторонѣ дѣла г. Андреевскій отнесся съ такой поразительной небрежностью, что только уже послѣ приговора (Ивановъ присужденъ къ пяти годамъ каторжной работы) узналъ, что его кліентъ за пять лѣтъ до убійства своей невѣсты покушался на самоубійство „отъ тоски, отъ того, что жизнь была въ тягость“, и два мѣсяца пролежалъ въ больницѣ. Такъ мало „концентрируетъ“ свою мысль г. Андреевскій, разсыпаясь, какъ фейерверкъ, блестками краснорѣчія.

Г. Владиміровъ противопоставляетъ „художественно-психологическую“ школу школамъ „философско-психологической“ и „медико или научно-психологической“. И для характеристики первой онъ, конечно, не могъ найти лучшаго образчика, чѣмъ г. Андреевскій. Пересмотрите внимательно хоть ту же рѣчь въ защиту Иванова. Цитата изъ Ришпена, цитата изъ Достоевскаго, „Карамазовская кровь“, упоминаніе о „Крейцеровой сонатѣ“, о комедіи г. Чехова „Ивановъ“, ссылка на Данте, Ромео и Фауста, опять „Крейцерова соната“, цитата изъ Пушкина,—и ни одного имени, ни одного сочиненія какого-нибудь психолога, врача, психіатра, юриста, философа.

И таковы всѣ защитительныя рѣчи г. Андреевскаго. Это особенно интересно въ виду того, что онъ находился когда-то подъ „Писаревскимъ вліяніемъ“, да и нынѣ признаетъ, что Бокль и Дарвинъ, химія и бактеріологія упразднили „пресловутую душу человѣческую“, а съ ней вмѣстѣ и поэзію... Во всякомъ случаѣ неудивительно, что онъ и въ г. Спасовичѣ увидѣлъ только воплощеніе „очаровательной юной женщины“, ибо самъ онъ отлично „понимаетъ какъ блеснуть очаровательнѣе“, по выраженію Липочки Большовой въ комедіи Островскаго „Свои люди—сочтемся“. Ну, а подсудимый, прибѣгающій къ его защитѣ,—дѣло второе...

Читатель перебьетъ меня: трудъ адвоката—не легкій трудъ, и кто же возьметъ его на себя только ради того, чтобы „блеснуть очаровательнѣе“? Положимъ, дѣло Иванова г. Андреевскій взялъ на себя, надо думать, безкорыстно, потому что, что же и взять съ выгнаннаго въ отставку пьяницы писаря, и тутъ соблазнительна была именно возможность предъявить свою красоту. Но вѣдь не все же такія дѣла ведетъ г. Андреевскій; когда защита оплачена, нужно что нибудь посерьезнѣе „пожаровъ страстей“ и „апогеевъ любви“, нужна дѣйствительная концентрація мысли...

Здѣсь то и умѣстно вспомнить выше приведенное замѣчаніе г. Ляховецкаго о „слишкомъ рискованныхъ парадоксахъ и беззаботномъ отношеніи къ вопросамъ общественной нравственности“, которые портятъ впечатлѣніе красивыхъ рѣчей г. Андреевскаго. Одинъ изъ образчиковъ такихъ „парадоксовъ“ я приведу

въ нѣсколько болѣе полномъ видѣ, чѣмъ онъ приведенъ у г. Ляховецкаго. Защищая директора одного изъ лопнувшихъ банковъ, Сушкина, г. Андреевскій высказалъ, между прочимъ, слѣдующую общую мысль о банковыхъ крушеніяхъ: „Мы привыкли къ банковымъ крахамъ и къ банковымъ процессамъ, и въ этой привычкѣ, если вдуматься, есть что-то ужасное... Намъ кажется, что воззрѣнія на банковыя крушенія съ точки зрѣнія непремѣнно воровства есть мнѣніе раздутое. Надо немножко отрезвиться. *Не мѣшаетъ подумать и о самолюбіи народномъ, когда изъ конца въ конецъ клеймятъ страну позоромъ. Мы вообще склонны къ самобичеванію, но это уже клевета на Россію,* потому что повсемѣстная безчестность при денежномъ дѣлѣ не только на Россію, но и на человѣчество не похоже... Недаромъ же и присяжные засѣдатели по инымъ банковымъ процессамъ оправдывали рѣшительно всѣхъ подсудимыхъ, по другимъ — освобождали людей, очень скомпрометированныхъ молвой, по третьимъ — признавали только самую ничтожную отвѣтственность директоровъ, и все это, замѣтьте, при страшномъ возбужденіи печати, при крайней ярости общества, а не будь этихъ постороннихъ вліяній, приговоры были бы еще мягче, встрѣчалось бы еще больше оправданій. Все это показываетъ, что здѣсь, должно быть, кроются не тѣ кражи, о которыхъ сказано въ заповѣдяхъ Божіихъ, а просто какія-то шальныя денежныя потери, громадные денежные пожары отъ неумѣлаго обращенія съ огнемъ кредита“.

Я готовъ вѣрить, что Сушкинъ ни въ какой кражѣ виноватъ не былъ и что онъ, стоя во главѣ банка, просто не умѣлъ обращаться съ огнемъ кредита. Меня интересуютъ въ рѣчи г. Андреевскаго только подчеркнутыя мною фразы. Онѣ характерны для этого оратора. Въ дѣлахъ въ родѣ дѣла Иванова можно, подобно древнему Баяну, растекаться мыслью по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками, пополняя свою собственную красоту цитатами изъ поэтовъ и беллетристовъ. Въ дѣлахъ, въ родѣ дѣла Сушкина, по необходимости приходится поступать иначе. Поэты мало занимаются такими матеріями, а если и занимаются, то того и гляди наткнешься, напримѣръ, у Некрасова на цитату въ такомъ родѣ:

И сорвавъ гонораръ неумѣренный,
Восклицалъ нашъ присяжный повѣренный:
Передъ вами стоитъ гражданинъ
Чище снѣга альпійскихъ вершинъ!

А это ужъ совсѣмъ не къ лицу адвокату-художнику, адвокату-поэту, поклоннику чистой красоты. Но если неудобно „растекаться“ самому, то можно заставить растекаться вниманіе судей или присяжныхъ засѣдателей, отвлечь его отъ сути дѣла въ сторону, ну, напримѣръ, патріотизма, ужаснуть мыслью о позорѣ родной страны. Да и мало ли еще какъ можно повести эту линію...

Въ собраніе „Защитительныхъ рѣчей" г. Андреевскаго (вышло третьимъ изданіемъ въ 1898 г.) вошли не всѣ его рѣчи. Это его дѣло, разумѣется, но нельзя не остановиться съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ передъ „приложеніями" къ этой книгѣ. Сюда вошли коротенькіе „отрывки" изъ рѣчей по дѣлу кронштадтскаго банка, по дѣлу Козлова, по дѣлу Имберха и, наконецъ, вышецитированная рѣчь на обѣдѣ въ честь г. Спасовича. Въ чемъ состояли дѣла кронштадтскаго банка, Козлова и Имберха — читателю остается неизвѣстнымъ, такъ какъ о самыхъ дѣлахъ въ „отрывкахъ" нѣтъ ни единаго слова; какой-нибудь объединяющей мысли, общей всѣмъ отрывкамъ и почему-нибудь особенно дорогой оратору,—въ нихъ тоже нѣтъ. Это просто красивыя мѣста, красивыя тою условною красотою, образчикъ которой мы видѣли въ рѣчи въ честь г. Спасовича. Очевидно, г. Андреевскій и не придаетъ своимъ рѣчамъ юридическаго или бытового значенія, а видитъ въ нихъ исключительно художественныя произведенія, такъ, въ родѣ стихотвореній въ прозѣ.

Надо особенно пожалѣть, что въ „Защитительныя рѣчи", ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ, не вошла рѣчь въ защиту нѣкоего Монтвида-Бялозора. Дѣло это надѣлало въ свое время много шуму, но теперь совершенно забыто и для меня, по крайней мѣрѣ, единственный слѣдъ его въ литературѣ сохранился въ статьѣ г. Далина въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" отъ 18 марта 1896 г.

Дѣло состоитъ въ слѣдующемъ. Въ октябрѣ 1893 г. въ имѣніи ковенскаго помѣщика Монтвидъ-Бялозора было украдено нѣсколько лошадей. Монтвидъ потребовалъ отъ служащихъ у него, чтобы они нашли воровъ, а въ противномъ случаѣ онъ прогонитъ всю дворню. Дворня угрозами и подарками убѣдила 15-лѣтняго пастуха взять на себя вину. Мальчикъ оговорилъ еще мѣщанъ Снарскаго и Гудайтиса. Монтвидъ пригласилъ урядника, съ помощью котораго Снарскій и Гудайтисъ были сведены въ сарай, гдѣ дворня Монтвида принялась истязать ихъ ременными нашильниками и палками. Истязаніе длилось цѣлые часы, истязуемые, наконецъ, „сознались", оговоривъ еще дворянина Ставскаго и Янковскаго. Стали истязать и тѣхъ. Монтвидъ заходилъ смотрѣть и подчивалъ палачей водкой. „Сознался" и Ставскій, а Янковскій такъ и былъ на смерть замученъ. Дѣло разбиралось въ виленской судебной палатѣ. Урядникъ и восемь человѣкъ дворни были приговорены къ каторжнымъ работамъ, трое къ арестантскимъ ротамъ, а Монтвидъ оправданъ. По протесту прокурора дѣло вновь разсматривалось въ той же палатѣ при другомъ составѣ судей, защищалъ Монтвида г. Андреевскій и добился новаго оправданія подсудимаго. Новый протестъ прокурора перенесъ дѣло въ петербургскую судебную палату. Какъ и чѣмъ защищалъ г. Андреевскій Монтвида,—неизвѣстно, но вотъ впечатлѣніе присутствовавшаго на судѣ г. Далина:

„Во время почти всего разбирательства дѣла мнѣ не переставало казаться, что судятся не тѣ, кто истязалъ, ни тѣ, кто сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, а именно тѣ, кого истязали и мучили, изъ которыхъ одного даже на смерть замучили. И во время допроса свидѣтелей, и во время судебныхъ преній все только и говорилось о конокрадствѣ и конокрадахъ, а не объ истязателяхъ и мученикахъ... Почему такое безцеремонное отношеніе къ жертвамъ варварской пытки, почему такое третированіе этихъ несчастныхъ, никѣмъ въ конокрадствѣ не уличенныхъ и не обвиненныхъ, почему такъ мало вниманія къ ихъ мученіямъ и такъ много, много вниманія... конокрадству? Почему для безграничнаго обѣленія истязателей необходимо во что бы то ни стало чернить и на смерть замученнаго человѣка, и другихъ завѣдомо ложно оговоренныхъ жертвъ истязанія"?

На эту совершенно постороннюю почву поставилъ дѣло г. Андреевскій. Какъ видите, тотъ же пріемъ, что и въ дѣлѣ Сушкина: попытка—удачная или неудачная—„концентрировать" вниманіе судей на постороннемъ дѣлу моментѣ. Тамъ—„клевета на Россію" и „позоръ страны", здѣсь—конокрадство. Это ужъ нѣчто большее, чѣмъ „замалчиваніе весьма серьезныхъ уликъ въ разсчетѣ на короткую память судей", о которомъ говоритъ г. Ляховецкій.

Въ собраніе „Защитительныхъ рѣчей" г. Андреевскаго не вошла и не могла войти еще одна рѣчь,—не могла потому, что была произнесена только въ прошломъ году. Но о ней много писали, да и сама она напечатана въ прошломъ же году въ журналѣ „Право".

Въ 1895 г. богатый московскій купецъ Елагинъ, уѣзжая за границу, взялъ къ себѣ въ домъ на воспитаніе и для игръ со своею 4-лѣтнею дочерью, семилѣтнюю дѣвочку Елизавету Жукову, дочь портного Жукова. Сперва съ дѣвочкой обращались въ домѣ хорошо, но затѣмъ ея жизнь измѣнилась. Маленькая дочь Елагина постоянно жаловалась на свою подругу матери, а та, будучи сама слабой и болѣзненной, просила мужа наказывать Жукову, прибавляя лишь предостереженіе: „въ голову, Ванюша, не бей". Елагинъ не заставлялъ себя просить наказывать дѣвочку и быстро входилъ во вкусъ этихъ наказаній. Онъ билъ дѣвочку кулакомъ по лицу, таскалъ за волосы, поднимая вверхъ и ударяя объ полъ или объ стѣну, сѣкъ кнутомъ, ремнемъ, вѣтками колючихъ растеній. Болѣзненная жена его послѣ экзекуціи осматривала слѣды на тѣлѣ ребенка и упрекала мужа за мягкость наказанія. Постепенно аппетитъ мучительства разыгрывался все больше. Елагины стали морить Жукову голодомъ, два-три раза въ недѣлю лишая ее пищи и аккуратно каждый день подвергая сѣченію. Въ дни голоданія Елагинъ по нѣскольку разъ на день изслѣдовалъ пальцами ротъ дѣвочки и, если находилъ въ немъ крошки хлѣба,

жестоко наказывалъ ее. Наконецъ, изобрѣтенъ былъ и еще одинъ способъ истязанія—посредствомъ горчичниковъ. Нѣсколько разъ въ недѣлю Елагинъ собственноручно ставилъ горчичники на ноги Жуковой или, разложивъ горчичники на стулѣ и обнаживъ у дѣвочки ягодицы, сажалъ ее на жгучій составъ, а чтобы онъ плотнѣе прилипъ, надавливалъ на ея плечи или ноги и привязывалъ ее къ стулу, связывая и руки за спиной. Въ такомъ положеніи дѣвочка оставалась часа по три, а потомъ Елагинъ сѣкъ ее по обожженнымъ мѣстамъ тѣла. Въ такихъ случаяхъ эти мѣста, по словамъ няни Елагиныхъ, имѣли „взглядъ мяса": кожи не было, а одна сплошная рана, сочащаяся кровью...

Нѣтъ, слишкомъ омерзительно разсказывать обо всѣхъ истязаніяхъ, которымъ подвергалась дѣвочка, и я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ этого дѣла. Когда Елагинъ узналъ, что родители Лизы Жуковой думаютъ начать противъ него дѣло, онъ обратился къ присяжному повѣренному Ринку, и тотъ взялся защищать его за 5000 р., изъ которыхъ 3000 получилъ авансомъ. А такъ какъ г. Ринкъ собирался въ это время за границу, то и взялся подъискать тамъ свидѣтелей, могущихъ дать благопріятные отзывы объ обращеніи Елагина съ Лизой. Въ то же время, по совѣту г. Ринка, Елагинъ обратился къ нѣкоему коммиссіонеру Михельсону, взявшемуся склонить Жуковыхъ къ мировой сдѣлкѣ и получившему на этотъ предметъ 7500 руб. Г. Ринкъ нужныхъ свидѣтелей нашелъ, но потомъ отказался вести дѣло и возвратилъ Елагину полученный отъ него авансъ, за вычетомъ расходовъ на поѣздки по дѣлу. Елагинъ обратился къ нынѣ покойному присяжному повѣренному Жуковскому, тотъ было тоже взялся защищать его, но почему то дѣло и тутъ разошлось, и защищалъ Елагина г. Андреевскій.

Г. Андреевскій объявилъ, что онъ вовсе не думаетъ „обѣлять" Елагина. Онъ допускаетъ, что супруги Елагины „не стѣснялись муштровать Жукову и наказывать ее, когда она того заслуживала", но, во первыхъ, когда она того заслуживала, а во-вторыхъ, надо же принять во вниманіе нервное состояніе Елагина, у котораго на рукахъ была „умирающая жена" (до суда г-жа Елагина дѣйствительно не дожила)... Но истязанія—всѣ эти ремни, вырываніе волосъ клочьями, голодъ, горчичники, особенно горчичники—г. Андреевскій рѣшительно отрицалъ. Однако какъ-же слѣды отъ горчичниковъ, констатированные и экспертами, мягко допускавшими, что горчичники ставились „въ видѣ особой педагогической мѣры"? Очень просто—горчичники ставились потомъ, самими родителями Лизы, съ ея согласія и съ цѣлью оклеветать Елагина... Ну, а почему Елагинъ шелъ на мировую и засылалъ къ Жуковымъ Михельсона съ 7500 р.? И это очень просто. Когда Елагины вернулись изъ-за границы въ Москву, Лиза была отправлена къ родителямъ съ дворникомъ, которому дано было прика-

заніе „отдать ее въ томъ, въ чемъ она была взята, даже безъ того пальто, которое ей было заказано за границей и въ которомъ она была привезена". Такъ вотъ собственно за это то, имъ самимъ оплаченное, пальто, за снятіе его съ дѣвочки, Елагинъ и готовъ былъ дать 7500 рублей...

Но дѣло не въ той или другой подробности рѣчи г. Андреевскаго, а въ томъ, какъ могъ онъ вообще взяться за защиту Елагина (Елагинъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губ.; гражданскій искъ удовлетворенъ въ суммѣ 5000 р.), онъ—художникъ, поэтъ, который долженъ былъ съ особенною ясностью представить себѣ страданія Лизы Жуковой (какъ и несчастныхъ, истязуемыхъ по приказанію Монтвида)? онъ, въ статьѣ о „Братьяхъ Карамазовыхъ" съ ужасомъ приводившій „потрясающіе примѣры звѣрской жестокости" по отношенію къ дѣтямъ; онъ, способный вообразить себя на Олимпѣ и пить нектаръ въ честь „неувядаемой богини" красоты... И вдругъ—горчичники на ягодицахъ, выдранные клочья волосъ...

Великая сила—красота, и понятенъ искренній восторгъ передъ ней. Но когда я вижу человѣка, любующагося на себя въ моментъ восторга и рисующагося передъ другими своей собственной красотой, меня всегда беретъ сомнѣніе... И какими бы возвышенными чувствами ни пламенѣлъ на моихъ глазахъ такой человѣкъ, мнѣ кажется, что нечѣму въ немъ пламенѣть, что это фальшфейеръ. Любопытно во всякомъ случаѣ, что, находясь подъ властью „Писаревскаго вліянія" (безспорно очень односторонняго), г. Андреевскій отказался отъ, можетъ быть, блестящей карьеры, потому что не захотѣлъ поступить противъ совѣсти, а освободившись отъ этого ига, кончилъ защитой изверговъ... тоже по совѣсти?

Ник. Михайловскій.

Новыя книги,

Собраніе сочиненій Эдгара По въ переводѣ съ англійскаго К. Д. Бальмонта. Томъ первый. Москва 1901. Книгоиздательство «Скорпіонъ».

По указанію издателей, произведенія Эдгара По представляютъ не только самостоятельный художественный интересъ, но имѣютъ и косвенное значеніе—въ виду вліянія, которое они оказали на такихъ „властителей цѣлыхъ поколѣній", какъ Бодлэръ, Вилье-де-Лиль-Аданъ, Маллармэ, Метерлинкъ, Оскаръ Уайльдъ „и другіе". Едва ли кто либо изъ указанныхъ поэтовъ—считая даже Бодлэра—принадлежалъ къ числу „властителей цѣлыхъ поколѣній", кото-

рыхъ не такъ много, какъ кажется „Скорпіону". Какая это, однако, характерная ошибка. До какой степени надо не видѣть свѣта нигдѣ, кромѣ своего окошка, чтобы считать „властителемъ цѣлаго поколѣнія" хотя бы Метерлинка. Не былъ такимъ властителемъ и Эдгаръ По. Чѣмъ шире становились круги его читателей, тѣмъ уже было его значеніе для нихъ, чѣмъ больше была его публика, тѣмъ меньше она стоила. Захватывающій интересъ фабулы, привлекавшій къ нему толпы читателей, былъ предѣломъ ихъ вниманія къ замѣчательному писателю. Между тѣмъ по существу, по интимнѣйшимъ мотивамъ своихъ произведеній, фантастическихъ извнѣ и логическихъ внутри, онъ совсѣмъ не былъ „поэтомъ для немногихъ", какимъ его нерѣдко хотятъ представить въ наши дни, по оригинальному противорѣчію, тѣ самые, кто охотно провозглашаетъ его „властителемъ поколѣній". Одинъ мотивъ его произведеній, совсѣмъ слегка намѣченный и г. Бальмонтомъ въ его шумномъ и экзотическомъ, какъ гонгъ, предисловіи, дѣлаетъ Эдгара По не только поэтомъ-искателемъ, но и поэтомъ-воспитателемъ. „Въ „Демонѣ извращенности", въ „Вильямъ Вильсонѣ", въ сказкѣ „Черный котъ", онъ изобразилъ,—говоритъ г. Бальмонтъ,—непобѣдимую стихійность совѣсти, какъ ее не изображалъ до него еще никто". Это совершенно вѣрно и даже недостаточно сильно; если къ указаннымъ произведеніямъ прибавить еще кой что — напомнимъ по памяти хоть „Бочку амонтильядо"—то уже самое количество произведеній, затрагивающихъ одинъ предметъ, покажется характернымъ, и одна черта въ творчествѣ Эдгара По выступитъ съ особенной опредѣленностью. Этотъ эстетическій фантастъ, за котораго такъ охотно цѣпляются теперь „имморалисты" всякаго рода, былъ единственнымъ въ своемъ родѣ и замѣчательнымъ *поэтомъ совѣсти*. Никогда до По угрызенія грѣшной совѣсти не были изображены съ такой трагической силой. Мученія Макбета и его жены развѣ лишь въ изображеніи лучшихъ исполнителей производятъ впечатлѣніе, равное по силѣ „Черному коту". Изъ грубаго физическаго міра призраковъ и привидѣній, какими были античныя эринніи, По перенесъ мученія совѣсти въ духовный, но совершенно реальный міръ. Трудно, конечно, учесть, но можно считать несомнѣннымъ вліяніе этого мотива въ произведеніяхъ По на послѣдующую литературу.

Въ новомъ переводѣ, полномъ и художественномъ, сочиненія По, несомнѣнно, ждетъ новая толпа читателей. Она, конечно, вычитаетъ въ нихъ не только то, что видитъ въ нихъ г. Бальмонтъ; быть можетъ, „Гопъ-Фрогъ" и „Маска красной смерти" наведутъ ее на циклъ мыслей, которыхъ не коснулся авторъ предисловія. Онъ, вѣроятно, ничего противъ этого имѣть не будетъ.

Сочиненія Джона Рёскина: 1) Лекціи объ искусствѣ. Полный переводъ, просмотрѣнный Л. П. Никифоровымъ. М. 1900. **2) Оливковый вѣнокъ.** Переводъ Л. П. Никифорова. М. 1900.

Имя Рескина пользуется большою извѣстностью. Всѣ знаютъ, что онъ стремился реформировать общественную жизнь, положивши въ основу реформы „искусство", что онъ былъ проповѣдникомъ „религіи красоты". Но, вѣроятно, огромное большинство читателей больше ничего и не знаютъ о Рескинѣ. Огромное большинство читателей, конечно, ничего не могло бы отвѣтить на вопросъ о томъ, въ чемъ, собственно, заключалась проектируемая Рескиномъ реформа.

И это объясняется, прежде всего, тою неясностью и спутанностью, которая характеризуетъ міровоззрѣніе Рескина. Человѣкъ, весьма вѣрно оцѣнивавшій конкретныя явленія, хорошо „чувствовавшій" недочеты современной жизни, Рескинъ, однако, не былъ одаренъ тою способностью къ отвлеченному мышленію, которая одна только и гарантируетъ построеніе стройнаго плана общественной реформы. Поэтому въ сочиненіяхъ Рескина можно найти много прекрасныхъ страницъ, гдѣ онъ живописуетъ намъ бѣдствія современной жизни, но сравнительно очень мало такихъ, гдѣ бы онъ вѣрно указывалъ на выходъ изъ этихъ бѣдствій. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ характерныхъ образчиковъ разсужденій Рескина. Онъ высказываетъ пожеланіе, чтобы войны прекратились, затѣмъ говоритъ: „А въ томъ, что это невозможно, виноваты не мы, мужчины, а вы, женщины. Да, всецѣло вы. Только по вашему велѣнію и позволенію и могутъ возникать распри между нами. Истинная, конечная причина всѣхъ бѣдствій, несчастій и всѣхъ ужасовъ европейскихъ войнъ заключается въ томъ, что вы, женщины, при всей вашей добротѣ, религіозности и самоотверженности по отношенію къ тѣмъ, кого вы любите, слишкомъ эгоистичны и слишкомъ мало вдумчивы, чтобы заботиться о комъ-нибудь внѣ тѣснаго кружка близкихъ вамъ людей. Вы воображаете себѣ, что чувствуете состраданіе къ другимъ. Но я скажу вамъ, что если бы обыкновенныя войны вмѣсто того, чтобы разорять дома крестьянъ и опустошать ихъ поля, только уничтожали бы фарфоровыя украшенія на столахъ вашихъ гостиныхъ, то тогда ни одна война въ цивилизованныхъ странахъ не продолжалась бы и недѣли. Я скажу вамъ больше, что въ любой моментъ, когда пожелаете, вы можете положить конецъ войнѣ съ гораздо меньшими усиліями, чѣмъ это нужно вамъ, чтобы приготовлять каждый день вашъ обѣдъ... Пусть каждая женщина высшихъ классовъ цивилизованной Европы дастъ себѣ обѣтъ при возникновеніи любой войны носить трауръ, т. е. глухое черное платье, безъ всякихъ бриллiантовъ и украшеній, безъ всякихъ претензій на нарядность, и повторяю: никакая война не продлится и недѣли" (Оливк. вѣн., 78—9).

Повторяемъ, эта цитата характерна для Рескина: вѣрная и остроумно выраженная мысль о томъ, что войны были бы невозможны, если бы онѣ, вмѣсто того, чтобы „разорять дома крестьянъ“, „уничтожали бы фарфоровыя украшенія“ у власть имущихъ, эта вполнѣ вѣрная мысль не дала благихъ результатовъ, ибо нельзя же серьезно считать рѣшеніемъ вопроса о прекращеніи войнъ предложеніе, чтобы женщины высшихъ классовъ носили во время войны „глухое черное платье“ безъ всякихъ украшеній!

Но обратимся къ болѣе подробному разсмотрѣнію вышеуказанныхъ брошюръ, являющихся выпусками „Собранія сочиненій“ Рескина, предпринятаго московскою фирмою.

Болѣе важными являются „Лекціи объ искусствѣ“, курсъ, читанный Рескиномъ въ оксфордскомъ университетѣ. Центръ тяжести этого труда лежитъ не въ его чисто художественномъ отдѣлѣ, а въ тѣхъ отдѣлахъ, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи искусства къ общественной жизни, нравственности и религіи. „Прекрасное искусство имѣетъ и можетъ имѣть только три задачи: усиленіе религіознаго чувства людей, усовершенствованіе ихъ нравственности и доставленіе имъ матеріальной пользы“ (стр. 47). Таково назначеніе искусства по Рескину; но эта формула мало даетъ читателю, если ему не покажутъ, какъ авторъ доказываетъ и развиваетъ свое положеніе. Искусство, какъ мы видимъ, должно, по Рескину, усиливать религіозное чувство людей; этихъ словъ, однако, не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто искусство должно фанатизировать людей. Напротивъ, „гордость вѣры теперь, какъ и всегда, является самой гибельной, потому что она самая утонченная, потому что она облекаетъ каждую нашу дурную страсть въ форму лучезарнаго ангела, усиливаетъ эгоизмъ, который иначе могъ бы быть доведенъ до полнаго посрамленія“ (стр. 31). Мало того, служеніе искусства религіи чревато опасностями: оно вредно, если изображеніемъ мифическаго существа „вы преднамѣренно стараетесь практически поощрить вѣру въ реальное существованіе воображаемаго существа“ (стр. 38); оно вредно и въ томъ случаѣ, если стремится ограничить идею божественнаго присутствія какою-либо мѣстностью. „Положите необдѣланный камень вмѣсто алтаря подъ боярышникомъ на деревенской лужайкѣ, отдѣлите часть этой лужайки простымъ заборомъ; потомъ освятите, въ любой формѣ, отгороженное мѣсто и сходитесь въ немъ для молитвы и проповѣди. При этомъ вамъ не легко будетъ внушить поселянамъ убѣжденіе, что божество присутствуетъ только за изгородью, и что его нѣтъ на остальной лужайкѣ, что маргаритки и фіалки по одну сторону забора святы, а по другую нѣтъ. Но стоитъ только вмѣсто деревянной изгороди построить стѣну, выстлать внутренность камнемъ, устроить крышу, чтобы придать помѣще-

нію нѣкоторый мракъ и извѣстную таинственность, и вамъ не трудно будетъ убѣдить поселянъ, что вы построили домъ Божій... Не думайте, что я слишкомъ низко цѣню (на это я менѣе, чѣмъ кто-либо, способенъ) значеніе чувствъ, связанныхъ у сельскаго населенія съ церковью. Я признаю во всей полнотѣ нравственное значеніе церковной обстановки, преисполненной почти всегда мира и чистоты, и понимаю смыслъ сверхъ-естественной любви и покровительства, придаваемый и простымъ придѣламъ, и скромной паперти. Но мнѣ бы хотѣлось серьезно обсудить съ вами вопросъ: не должна ли и вся земля быть чистой и мирной... Истина, что Богъ таинственнымъ путемъ присутствуетъ тамъ, гдѣ его ищутъ, и отсутствуетъ тамъ, гдѣ его забываютъ, должна быть признана положеніемъ, не требующимъ доказательства; и намъ предстоитъ разрѣшить только вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли искать его всегда только на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и забывать на всѣхъ остальныхъ" (стр. 43—4)?

А окончательный выводъ таковъ: „имѣть высоко развитое искусство и прославлять имъ нашего Творца, совершенствуя, такимъ образомъ, красоту и святость всего имъ созданнаго, мы можемъ только въ томъ случаѣ, если мы всѣми силами души стараемся, прежде всего, освятить храмъ тѣла и души каждаго ребенка, не имѣющаго крова, гдѣ бы укрыться отъ холода, и не имѣющаго защиты отъ пагубныхъ вліяній, развращающихъ душу" (стр. 45).

Такъ же своеобразно трактуетъ Рескинъ и вопросъ объ отношеніи искусства къ нравственности. Приведемъ, напримѣръ, слѣдующее изящное и тонкое его замѣчаніе: „Дѣвушка можетъ пѣть о своей потерянной любви, но скряга не можетъ пѣть о потерянныхъ деньгахъ. И всѣ искусства, начиная съ высшихъ и вплоть до самыхъ низшихъ, являются абсолютно точнымъ указателемъ нравственной чистоты и величія выражаемыхъ ими чувствъ. На практикѣ вы можете провѣрить это ежеминутно. Задайте себѣ вопросъ относительно какого-нибудь чувства, сильно овладѣвающаго вашей душой: „можетъ ли оно быть воспѣто артистомъ и воспѣто прекрасно, съ подобающей мелодіей и съ надлежащимъ искусствомъ"? Если да, то это благородное чувство. Если же оно не можетъ быть воспѣто или можетъ быть воспѣто только съ ироніей, то чувство это низкое. Тоже самое и въ другихъ искусствахъ; такъ что искусство націи, пока оно существуетъ, будетъ съ математической точностью, не допускающей ни ошибокъ, ни исключеній, служить показателемъ нравственности". „Показателемъ, замѣтьте, и вліяющимъ факторомъ, но не корнемъ и причиною. Ни пѣніе, ни живопись не могутъ сдѣлать васъ хорошимъ человѣкомъ; вы должны раньше стать такимъ, чтобы пѣть и рисовать, и тогда уже краски и звуки усовершенствуютъ въ васъ все, что есть лучшаго" (стр. 48).

Мы назвали это замѣчаніе Рескина тонкимъ; однако, слѣдуетъ

также указать и на то, что въ той формѣ, въ которой выразилъ здѣсь свою мысль Рескинъ, замѣчаніе это можетъ вызвать весьма основательныя возраженія. Ибо, безспорно, были созданы и знаменитыя картины и знаменитыя аріи, которыя воспѣвали чувства, хотя и казавшіяся творцамъ этихъ картинъ и арій высокими, но заключавшія въ себѣ весьма значительное количество элементовъ низменныхъ. Возможность воспѣть извѣстное чувство, указываетъ не на его абсолютную возвышенность, а только на его возвышенность съ точки зрѣнія извѣстной группы людей.

Впрочемъ, какъ бы противорѣча самому себѣ, Рескинъ полагаетъ, что искусство даже можетъ внести зло въ жизнь. „Много зла, говоритъ онъ, заключалось въ характерѣ и могуществѣ искусства, доведеннаго до совершенства, но въ практическомъ методѣ его заключалось еще одно и при томъ самое роковое... великіе художники внесли съ собою въ искусство таинственность, уныніе, будничную жизнь, чувственность. Послѣдствія всего этого были и хорошія, были и дурныя. Но они внесли еще одну вещь, изъ которой никогда, кромѣ зла, ничего не выходило и не можетъ выйти, они внесли—*свободу*“ (стр. 98).

Финалъ нѣсколько неожиданный для тѣхъ, кто не знакомъ ближе съ міровоззрѣніемъ Рескина. Человѣкъ сильно проникнутый симпатіей къ „старому времени“, Рескинъ былъ только горячимъ поборникомъ братства людей, но не признавалъ ни свободы, ни равенства. Онъ хотѣлъ, чтобы народъ былъ сытъ, хорошо одѣтъ, обученъ, жилъ въ хорошихъ домахъ, онъ хотѣлъ, чтобы искусство услаждало жизнь народа, служило ему, но онъ рѣшительно не хотѣлъ, чтобы этотъ народъ самъ свободно располагалъ своею судьбою.

Второе изъ разбираемыхъ нами сочиненій Рескина представляетъ меньше интереса. Здѣсь, подъ общимъ названіемъ „Оливковый вѣнокъ“, собраны лекціи Рескина: „о трудѣ“, „о биржѣ“, „о войнѣ“ и „о будущности Англіи“. Характерною чертою всѣхъ этихъ лекцій является то обстоятельство, что, не смотря на различіе темъ, содержаніе ихъ имѣетъ много общаго: всѣ онѣ являются изложеніемъ по разнымъ поводамъ того міровоззрѣнія автора, съ которымъ мы отчасти уже познакомились по предыдущей его брошюрѣ. Это проповѣдь труда, братства, сельской жизни и отрицаніе индустріализма. Въ лекціи „о будущности Англіи“ мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее описаніе вліянія машинъ на жизнь страны. „Безъ машинъ вы имѣете сто пятьдесятъ зажиточныхъ крестьянъ, готовыхъ всегда защитить страну. Вы завели машины, пятьдесятъ крестьянъ уморили съ голоду, пятьдесятъ обратили въ ювелировъ, лакеевъ, и для защиты вашей страны отъ непріятеля имѣете и можете имѣть теперь вмѣсто полутораста только пятьдесятъ человѣкъ, и при томъ людей по духу далеко чуждыхъ вамъ, ихъ начальникамъ; но у васъ

есть гранильщики, ливрейные лакеи и даже паровой плугъ" (стр. 95). Весьма характерна его лекція „о биржѣ". Она была прочтена Рескиномъ въ Брадфордѣ, куда его пригласилъ городской муниципалитетъ, чтобы узнать его мнѣніе о томъ, въ какомъ стилѣ лучше всего выстроить зданіе биржи. Рескинъ началъ свою лекцію съ заявленія, что ему нѣтъ никакого дѣла до ихъ биржи, но, прибавилъ онъ, если бы я просто не пріѣхалъ къ вамъ, то вы сочли бы меня за невѣжу; вотъ почему я и пріѣхалъ, чтобы сказать вамъ, почему мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашей биржи. Указавши затѣмъ на то обстоятельство, что стиль каждаго зданія соотвѣтствуетъ его назначенію и міровоззрѣнію людей, которые будутъ имъ пользоваться, Рескинъ продолжаетъ: „Въ настоящее время я рѣшился бы только предложить украсить его (биржевого зданія) фасады висящими кошельками и сдѣлать колонны широкими у основанія для наклейки объявленій. А во внутренней комнатѣ можно поставить статую „Британія Рынка", съ куропаткой въ видѣ шлема, какъ типичное изображеніе ея безкорыстія и ея храбрости въ борьбѣ за благородныя идеи... На кожаныхъ латахъ, образующихъ противъ ея сердца складку въ видѣ кошелька, необходимо сдѣлать тридцать отдѣленій для того, чтобы въ теченіе мѣсяца класть каждый день по монетѣ. И я не сомнѣваюсь, что люди съ восторгомъ будутъ ходить любоваться вашей биржей и ея богиней" (стр. 42).

Говорить о реформированіи общественной жизни Рескиномъ едва ли возможно: по самому свойству своего ума и характера Рескинъ не могъ быть настоящимъ реформаторомъ: реформировать общественную жизнь можетъ лишь человѣкъ, самъ живущій въ водоворотѣ этой жизни, а не внѣ ея, какъ жилъ Рескинъ. Если въ извѣстную страну пріѣзжаетъ умный, образованный и гуманный представитель совершенно другого народа и иной цивилизаціи, то онъ, конечно, можетъ вѣрно и тонко отмѣтить всѣ недочеты общественной жизни данной страны, но онъ не укажетъ выхода изъ затруднительнаго положенія. Какъ человѣкъ, стоящій „внѣ жизни", онъ можетъ ясно увидѣть нелѣпости общественныхъ отношеній, нелѣпости, которыхъ сами жители въ житейской сутолокѣ могутъ и не замѣтить, но, именно какъ человѣкъ, стоящій „внѣ жизни", онъ не сдѣлается вождемъ, который вывелъ бы общество изъ его бѣдственнаго положенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ намъ пришлось прочитать мнѣніе одного умнаго и образованнаго индійца о Лондонѣ и общественной жизни Англіи. Пока этотъ образованный и умный индіецъ отмѣчалъ темныя стороны общественной жизни Англіи, намъ приходилось только соглашаться съ нимъ, но когда онъ заговорилъ о томъ, что всѣ эти бѣдствія были бы невозможны, если бы общественная жизнь Англіи походила на жизнь Индіи, то намъ стало очевиднымъ, что

истинной причины общественныхъ бѣдъ Англіи этотъ умный и образованный индіецъ, всетаки, не понялъ.

А положеніе Рескина было еще хуже, чѣмъ положеніе этого умнаго и образованнаго индійца: ибо, вѣдь, Рескинъ былъ чистокровнымъ англичаниномъ, и поэтому если онъ стоялъ „внѣ современной жизни“, то онъ критиковалъ ее не съ точки зрѣнія совершенно иной цивилизаціи, а съ точки „старой англійской жизни“. А попытка вливать „вино новое въ мѣхи старые“, какъ извѣстно, никогда не удавалась и не могла удаться.

„Англію оглушаетъ шумъ прядильныхъ машинъ, а народъ ея не имѣетъ одежды; она почернѣла, добывая топливо, а между тѣмъ народъ умираетъ отъ холода; она продала душу за барыши, а народъ мретъ отъ голода“ (Лекц. объ иск., стр. 82). Вотъ вѣрно отмѣченныя несообразности общественной жизни Англіи, несообразности, которыя, конечно, отмѣтилъ бы и умный индіецъ. Но какой выходъ указываетъ Рескинъ? А вотъ какой: „Доведите эти фабрики до самыхъ скромныхъ размѣровъ, чтобы ничего не дѣлалось въ нихъ изъ желѣза, что можетъ успѣшно быть сдѣлано изъ дерева или камня, и ничего не приводилось въ движеженіе паромъ, что можетъ успѣшно приводиться въ движеніе естественными силами... Ручное земледѣліе и безусловное упраздненіе ненужной силы огня—вотъ первыя условія для возникновенія художественной школы въ нашей странѣ“ (стр. 82).

Увы, такой совѣтъ могъ бы дать и тотъ умный индіецъ!

Помощь евреямъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Литературно-художественный сборникъ. Спб. 1901.

Если-бы намъ нужно было опредѣлить этотъ сборникъ двумя словами, мы сказали бы, что это *хорошая книга*. Въ сборникѣ помѣщены произведенія свыше 40 русскихъ и иностранныхъ авторовъ; почти каждая изъ 500 его страницъ иллюстрирована оригинальнымъ рисункомъ или красивой виньеткой; обиліе и разнообразіе представленнаго имъ матеріала можетъ удовлетворить любого читателя. Но все же не въ этомъ только его назидательность и не однѣ библіографическія особенности дѣлаютъ его хорошей книгой. Все дѣло въ той высокой и человѣколюбивой идеѣ, которою объединенъ этотъ матеріалъ, въ томъ стремленіи возстановить нарушенную справедливость, которымъ проникнуто все изданіе. Помимо содержанія, хорошимъ въ этой книгѣ является самый фактъ ея появленія: въ ней помощь не однимъ голоднымъ, но и обездоленнымъ, лишеннымъ правъ; въ ней протестъ и дружная демонстрація христіанской интеллигенціи противъ дикой и слѣпой національной непріязни, противъ насилія надъ людьми иной вѣры, другихъ обычаевъ. Что такъ понимали свою задачу сотрудники этого сборника и даже авторы статей, къ еврейскому

вопросу ни мало не относящихся, видно, между прочимъ, и изъ письма проф. Стороженко, которымъ сопровождалась посылка въ редакцію сборника его старой статьи „Философія Донъ-Кихота“. Въ этомъ письмѣ сказано, между прочимъ: „Призывъ къ человѣческой солидарности, къ состраданію и любви, всегда очень желательный, особенно необходимъ въ настоящее время, когда мутныя волны національной ненависти и религіозныхъ предразсудковъ грозятъ уничтожить вѣковые плоды цивилизаціи“.

Въ редакціонной статьѣ „Нѣсколько словъ по поводу Сборника“ г. Владиміра Потемкина настроеніе издателей формулируется еще болѣе опредѣленно: „Его появленіе (т. е. Сборника),—говорится тутъ,—есть одна изъ попытокъ загладить исконную несправедливость нашу по отношенію къ евреямъ и вмѣстѣ искупить хотя сколько-нибудь великую нравственную вину, тяготѣющую надъ христіанскимъ міромъ“. Такимъ образомъ, организуемая и призываемая помощь евреямъ является не только матеріальной поддержкой и нравственнымъ ободреніемъ для постигнутыхъ несчастіемъ, но и манифестаціей во имя равенства и справедливости...

Въ соотвѣтствіи съ этой задачей находится содержаніе и другихъ статей, какъ, напримѣръ, бывшее уже въ печати письмо проф. Чичерина въ отвѣтъ на „Письма о польскомъ и еврейскомъ вопросахъ“ проф. Рененкампфа или небольшое изслѣдованіе проф. Субботина „Настоящее положеніе еврейскаго вопроса“. Въ первой изъ нихъ опровергаются многіе предразсудки и предубѣжденія противъ евреевъ и, между прочимъ, такіе изъ нихъ, которые имѣютъ видъ научной обоснованности и потому находятъ себѣ защиту даже со стороны людей образованныхъ и вполнѣ добросовѣстныхъ. Ученый авторъ возстаетъ также и противъ оппортюнизма въ еврейскомъ вопросѣ, противъ мнимой необходимости въ медленныхъ и постепенныхъ уступкахъ. „Политика—говоритъ онъ—не состоитъ въ мелкихъ притѣсненіяхъ. Надобно дать людямъ тотъ просторъ и тѣ права, которыя лежатъ въ самой природѣ человѣка и безъ которыхъ нѣтъ ни благоустроеннаго гражданскаго быта, ни плодотворнаго общественнаго развитія“. Проф. Субботинъ подходитъ къ этому же вопросу съ другой стороны, практической, и безспорными данными указываетъ на тотъ вредъ и матеріальные убытки, которые приносятся коренному русскому населенію и самому государству ограниченіемъ сферы еврейской дѣятельности и черты осѣдлости.

Мы не имѣемъ тутъ возможности даже перечислить всѣ интересныя статьи, прямо не относящіяся къ еврейскому вопросу.

Хорошія чувства нашей хорошей книги иллюстрируются также и прекрасными страницами беллетристики. Первая изъ нихъ „Огоньки“ г. Короленко) символизируетъ надежду и чаянія всѣхъ носителей идеала, борцовъ за свободу, справедливость и лучшее будущее. Сколько ихъ впереди и какъ много ихъ позади, „но

жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла.. Но всетаки.. всетаки впереди—огни"! Разсказъ г. Горькаго „Погромъ" представляетъ оборотную сторону нашихъ лучшихъ стремленій, разбивающихся о тѣ именно „скалистые берега", въ которыхъ течетъ „мрачная, какъ чернила, рѣка" жизни. Нѣкоторые моменты „погрома", когда толпа заражается гнѣвомъ и враждой къ евреямъ, когда въ самомъ разгромѣ тѣшится шутовствомъ и забавой, или когда она бѣжитъ, какъ стадо, подъ напоромъ казацкихъ плетей—эти моменты изображены мастерски и производятъ неотразимое впечатлѣніе. Отсылаемъ читателя и къ остальной беллетристикѣ Сборника, въ которой онъ найдетъ, между прочимъ, такой оригинальный разсказъ изъ еврейской жизни, какъ психологическій этюдъ г. Юшкевича „Невинные", и такую трогательную исторію изъ „міра отверженныхъ", какой является отрывокъ г. Мельшина изъ его извѣстной книги „Изъ міра отверженныхъ" въ нынѣшней новой его обработкѣ и подъ названіемъ „Ферганскій орленокъ".

Актеръ Павелъ Скуратовъ. Среди падшихъ (изъ кіевскихъ трущобъ). Помѣщены: художественные рисунки, снимки типовъ съ натуры и фотографическіе снимки автора въ гримм*ѣ*. Кіевъ, 1901.

Книжка издана изящно, „фотографическіе снимки автора въ грим*мѣ*" исполнены хорошо, гримъ, какъ намъ кажется, тоже недуренъ. Къ сожалѣнію только, авторъ дѣлаетъ изъ него ненадлежащее употребленіе. Обыкновенно, актеры, проникшись тѣмъ или другимъ художественнымъ образомъ, стремятся воспроизвести его посредствомъ грима и мимики. Нерѣдко, особенно на сценѣ и при извѣстной обстановкѣ,—они достигаютъ значительныхъ результатовъ, дополняя и разъясняя данный художникомъ образъ. Нашъ авторъ, кажется, шелъ путемъ обратнымъ: онъ загримировался добродѣтельнымъ старымъ босякомъ, подверженнымъ, къ сожалѣнію, запою, и заставилъ снять себя въ разныхъ видахъ: и въ моменты запоя, и въ моменты раскаянія и просвѣтлѣнія, съ глазами и руками, воздѣтыми къ небу. Потомъ перемѣнилъ гримъ: вышелъ босякъ-злодѣй въ трехъ видахъ: голодный и злой, сытый и пьяный и, наконецъ, хохочущій надъ только что совершеннымъ злодѣйствомъ. И затѣмъ уже, вдохновившись, повидимому, собственнымъ гримомъ, г-нъ Скуратовъ придѣлалъ къ снимкамъ цѣлую книжку. Это второе предпріятіе нужно признать, однако, совершенно неудавшимся. Намѣренія у автора, правда, и здѣсь похвальныя. Онъ имѣлъ въ виду изобразить міръ падшихъ, который онъ раздѣляетъ на падшихъ добродѣтельныхъ и падшихъ злодѣевъ. Первые, прошедшіе (по выраженію одной изъ такихъ злодѣекъ) „огни и воды, и мѣдныя трубы и волчьи

зубы и (зачѣмъ-то еще) лисій хвостъ“ (?), испытываютъ „при каждой попавшей въ ихъ когти птичкѣ сладостное ощущеніе кошки, запускающей когти въ бьющуюся жертву“, и злодѣйствуютъ неимовѣрно, хотя, „благодареніе Богу, въ концѣ концовъ караются и Имъ, и судомъ уголовнымъ, и судомъ общественнымъ“ (стр. 23). Вторые, особенно падшія дѣвушки (которыхъ авторъ на стр. 21 почему-то называетъ „грошевыми Эвменидами“)—являются жертвами и гибнутъ. Все это, къ сожалѣнію, бываетъ на свѣтѣ, но,—также къ сожалѣнію,—авторъ не сумѣлъ нарисовать ни одного живого лица и ни одной черты, которая бы не была извѣстна всѣмъ въ этомъ общемъ видѣ. Въ основѣ разсказа въ первой части лежитъ исторія обольщенія невинной дѣвушки при помощи обмана и сонныхъ порошковъ. Въ концѣ... трудно не только передать, но и понять вторую часть этой книги: „авторъ въ гримѣ“ даетъ намъ мелодраматическаго злодѣя, освѣщеннаго луной и воистину злодѣйски выглядывающаго изъ-за древеснаго ствола... Авторъ съ перомъ въ рукѣ изображаетъ кровь, кинжалы, убійства, неизвѣстно кому принадлежащія мертвыя тѣла, коварное задушеніе свидѣтеля прежнихъ убійствъ и т. д., и т. д... При этомъ безпомощность автора по отношенію къ тексту доходитъ до того, что на стр. 159 одинъ абзацъ начинается словами: „Только что вышла опьянѣвшая женщина на дорогу къ выходу, какъ съ другой стороны показался мужчина“. Читатель въ совершенномъ недоумѣніи, такъ какъ до сихъ поръ объ этой „опьянѣвшей женщинѣ“ не было рѣчи и къ какому выходу она идетъ—неизвѣстно. Загадка объясняется лишь дальше, на стр. 162, гдѣ авторъ выводитъ впервые на сцену эту женщину, которая такимъ образомъ уходитъ у него раньше, чѣмъ вошла. Вообще, если первая часть книги г-на Скуратова представляетъ лишь шаблонныя описанія и банальное дѣйствіе, то вторая производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ сдѣлалъ нѣсколько случайныхъ черновыхъ набросковъ, перепуталъ ихъ, какъ попало, и въ такомъ видѣ сдалъ въ типографію для тисненія.

Справедливость требуетъ прибавить, что на нѣкоторыхъ снимкахъ фигуры довольно типичны. Это показываетъ, вѣроятно, что настоящее дѣло г-на Скуратова—гримъ и сцена, но отнюдь не литература. И „смѣшивать два эти ремесла“ ему рѣшительно не слѣдуетъ—въ интересахъ и своихъ, и читателя. Авторъ напрасно тратитъ и свое время, и свои деньги на изданіе, а читатель, введенный въ заблужденіе изящной внѣшностью и недурными картинками, можетъ потратить деньги и время на чтеніе этого совершенно неподходящаго матеріала...

Карменъ. Дикари (Изъ жизни обитателей Одесскаго порта). Съ иллюстраціями, принадлежащими перу бывшаго обитателя порта А. П—ова. Одесса. 1901.

Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ бытомъ, который описываетъ. Мы узнаемъ изъ его книги, какъ работаютъ „полежальщики", въ трюмахъ пароходовъ, подъ „арфой" (такъ называется проволочная сѣтка, закрывающая отверстіе трюма, черезъ которую просѣивается хлѣбъ), какъ ихъ засыпаетъ зерномъ, душитъ пылью, а иногда и убиваетъ, когда сорвется „шкентель" (подъемная цѣпь). Узнаемъ кое-что о „корзинщикахъ", „угольщикахъ", „посметюшкахъ" (тряпичницахъ, подбирающихъ въ порту всякій соръ и потомъ сортирующихъ его и сбывающихъ въ мелкія лавчонки). Узнаемъ, какъ напиваются, гдѣ порой ночуютъ всѣ эти несчастные „отбросы" человѣческаго общества, которые, по словамъ автора, сами себя называютъ „дикарями"... Вообще, въ 17 маленькихъ набросках г. Карменъ разсѣяно много черточекъ, словечекъ, указаній, изъ которыкъ не трудно заключить, что авторъ хорошо знакомъ съ Одесскимъ портомъ, внимательно присматривался къ жизни его обитателей и знаетъ своеобразныя условія этой жизни не только по наслышкѣ или по случайнымъ и отрывочнымъ наблюденіямъ. Намъ кажется, однако, что чисто беллетристическую форму для своихъ очерковъ авторъ избралъ напрасно: того, что обобщаетъ отдѣльныя черты, собирая ихъ, какъ въ фокусѣ, въ яркомъ синтетическомъ образѣ — у автора нѣтъ, поэтому мы видимъ порой внѣшнія черты быта, но не *людей* въ этихъ условіяхъ. Фигуры, которыя пытается дать авторъ—блѣдны и неясны, а за то „условія" порой выпячиваются до такой степени преувеличенія, что „люди" въ нихъ уже совершенно утопаютъ. Извѣстно, напр., что босяки или „дикари", какъ ихъ называетъ авторъ, ходятъ въ лохмотьяхъ и рѣдко мѣняютъ бѣлье. И вотъ, авторъ приводитъ діалогъ между сторожемъ ночлежнаго пріюта и угольщикомъ Степаномъ:

— Небось, годика два назадъ одѣлъ (надѣлъ?) сорочку?— спрашиваетъ сторожъ.

— Два съ половиной(!),—насупился Степанъ („Сорочка угольщика", стр. 34).

Извѣстно также, что спать босякамъ приходится въ грязи, и вотъ авторъ приводитъ насъ къ сорному ящику. „Ящику было двадцать лѣтъ, и всѣ двадцать лѣтъ щедрой рукой сыпали въ него всякіе отбросы, гнившіе и плодившіе мокрицъ, червей, мухъ и міазмы". Въ немъ шевелятся черви и ползаютъ крысы. Неужели и въ этомъ ящикѣ могутъ пребывать люди?— спроситъ читатель. Что дѣлать?—отсутствіе ночлега, вьюга и холодъ, перспектива замерзанія—могутъ, пожалуй, даже туда загнать безпріютнаго человѣка. И если бы г. Карменъ разсказалъ намъ такой „случай" — мы бы ему повѣрили. Но автору этого мало:

онъ поселяетъ туда босяка „Тряпку“ на постоянное жительство и еще заставляетъ его наслаждаться: „Тряпкѣ ящикъ понравился... Тѣло тонуло въ отбросахъ, какъ въ пуховикахъ, и „Тряпка“ въ истомѣ (!) потягивался, свободно (?) дыша и не чувствуя зловонныхъ газовъ, плывшихъ надъ нимъ въ полу-аршинномъ пространствѣ отъ крышки(?)“ (стр. 41). И этого еще мало: онъ „захлопываетъ надъ собой крышку, такъ какъ не выноситъ свѣта, солнца и мелькающихъ въ облакахъ чаекъ... онъ радъ (!) пьянымъ зарыться въ своихъ отбросахъ поглубже, дабы по горло пребывать въ грязи и мракѣ“... (стр. 43). И такъ этотъ феноменальный человѣкъ, по увѣренію автора, живетъ... цѣлыхъ пять лѣтъ! (стр. 47). Очевидно, какъ и въ первомъ случаѣ, авторъ увлекся беллетристическимъ живописаніемъ „квартирныхъ условій“ жизни своихъ босяковъ до явной гиперболы, въ которой исчезаетъ всякое психологическое и даже физіологическое вѣроятіе. И, разумѣется, читатель такъ же мало вѣритъ въ существованіе „Тряпки“, какъ и въ богатырскую рубаху, которая выдерживаетъ $2^1/_2$ года безсмѣнно на плечахъ „угольщика“... Будь у г. Карменъ хоть капля художественнаго чувства,—онъ не впалъ бы въ такія преувеличенія, но еще лучше сдѣлалъ бы авторъ, если бы свои наблюденія изложилъ просто въ видѣ этнографическаго очерка, въ которомъ изобразилъ бы непритязательно, по возможности полно, правдиво и связно всѣ свои наблюденія надъ условіями жизни и работы „обитателей порта“. Тогда и скромныя пожеланія автора относительно улучшенія этихъ условій были бы у мѣста. Теперь же, изложенныя въ формѣ патетической, въ формѣ сновъ и мечтаній, они производятъ впечатлѣніе нѣсколько курьезное. Такъ, „Тряпка“ въ разговорѣ съ какимъ-то посѣтителемъ его зловоннаго жилища объясняетъ свое положеніе тѣмъ, что „надо полагать въ Австраліи давно уже заведены учрежденія, именуемыя банями, гдѣ дикари парятся (ну, это едва ли!). А у насъ въ порту такихъ учрежденій еще не имѣется“ (48). Эта „баня въ порту“, какъ мечта и греза, повторяется многократно, а въ очеркѣ „Сонъ дикаря“, — угольщику Степану подъ Рождество снится уже вся, такъ сказать, система босяцкаго благополучія: „*даровой пріютъ* большой и просторный, хорошо выбѣленныя стѣны и полъ—*не асфальтовый и грязный* (курсивъ автора), а деревянный и крашенный... матрацы лежатъ другъ отъ друга на два аршина, а не *въ полъ или четверть аршина*, и матрацы бѣлы, какъ снѣгъ, *а не черны, какъ уголь*... Снилась еще новая чайная и столовая вмѣсто *обжорки*... Снилась новая *баня*. Снилось, что „ученая коммиссія“ осматриваетъ на пароходахъ всѣ „шкентеля“ и бракуетъ ихъ. *И послѣ этого кадки съ углемъ... и тюки больше на людей не падаютъ и не калѣчатъ ихъ*“ (128—129). Въ другомъ разсказѣ „Смерть у обжорки“ одинъ изъ босяковъ сообщаетъ о столовой, какъ уже о совершившемся

фактѣ... Старые дикари туда не пойдутъ, но „молодые ходить будутъ". Скоро будетъ и баня. „Бекасы" (насѣкомыя) выведутся, выведется грязь и пакость, выведутся болѣзни"... И авторъ заставляетъ умирающаго улыбаться предсмертной улыбкой этимъ словамъ, „прозвучавшимъ ему лучшей музыкой"... Здѣсь свѣтлыя надежды на баню преувеличены такъ же, какъ долговѣчность богатырской рубашки и выносливость обитателя сорнаго ящика.

Справедливость требуетъ сказать, что въ книжкѣ г. Карменъ есть всетаки нѣсколько набросковъ, написанныхъ просто и не лишенныхъ интереса. Таковы, напр., „Старая арфа", „Погребальный шкентель", „Поздно", „Портовые воробьи". Есть и въ другихъ разсказахъ отдѣльныя черты мало извѣстнаго намъ быта, но все это только еще разъ заставляетъ пожалѣть о томъ, что авторъ избралъ для своихъ очерковъ несвойственную ему беллетристическую форму.

Алексѣй Машинъ. Штрихи и настроенія. Вмѣсто предисловія бесѣда съ гр. Л. Н. Толстымъ. Москва 1901 г.

Разсчетъ автора вполнѣ правильный: захочетъ ли кто читать его разсказы или нѣтъ, но, несомнѣнно, многіе полюбопытствуютъ узнать, о чемъ онъ бесѣдовалъ съ великимъ писателемъ земли русской. „Я ничего не читалъ изъ вашихъ беллетристическихъ произведеній—сказалъ нашему автору Л. Н...—Это ужасъ, сколько развелось теперь писателей. Это просто ужасъ!... И какъ мало имѣющихъ право писать! Я не понимаю, зачѣмъ такъ много пишутъ"! Г. Машинъ оправдывался тѣмъ, что онъ не можетъ не писать, „какъ не можетъ щеголъ не пѣть".—„Пѣть, вы сказали... Пѣсня—дѣло хорошее,—сказалъ графъ строго:—изъ за этой пѣсни наборщики свинцовую чахотку наживаютъ"! Подсудимый авторъ могъ прибавить въ свое оправданіе только то, что онъ не всѣ свои произведенія печатаетъ, а, главное, что пишетъ онъ очень коротко, „короче птичьяго носа". — „Коротко пишете? это хорошо",—смягчился суровый судья и окончательно переложилъ гнѣвъ на милость, выслушавъ содержаніе разсказа „Секретъ Митрича". Мы прочли и этотъ разсказъ, и всю книжку цѣликомъ, и нашли въ ней только одно вышеуказанное самимъ авторомъ достоинство—краткость, да и то, къ сожалѣнію, не во всѣхъ разсказахъ. Впрочемъ, „Секретъ Митрича" (дѣйствительно, коротенькій разсказъ—5 маленькихъ страничекъ) довольно приличенъ по содержанію. Старый слуга Митричъ удивляетъ всѣхъ своимъ поведеніемъ во время похоронъ своего барина и послѣ его смерти, именно, своей холодностью и какой то загадочной улыбкой на лицѣ. Но никто не зналъ, что старый Митричъ также готовился къ смерти, которой, однако, не боялся и даже,на противъ, желалъ, такъ какъ „въ писаніи то оно вонъ какъ сказано: кто хочетъ

„тамъ“ въ почестяхъ быть, долженъ въ этой жизни быть слугой“. Эта мысль и составляетъ „секретъ Митрича“. Она не только утѣшала его въ послѣднихъ дняхъ его горькой жизни, но и давала ему преимущество передъ загробными перспективами барина, которому такъ не хотѣлось уходить изъ этого, по его мнѣнію, прекраснаго міра. Однажды его находятъ мертвымъ возлѣ мавзолея барина, съ застывшимъ „секретомъ“ на лицѣ.

Остальные разсказы слабѣе перваго и по содержанію, и по манерѣ изложенія, уснащеннаго довольно дешевымъ юморомъ. Такъ, въ разсказѣ „Въ одинъ сеансъ“ художникъ реалистъ Земляницынъ, кривляясь и распѣвая „Па-а-ра гнѣдыхъ, пара гнѣдыхъ!“ или „Безъ мущинъ нѣтъ шансонетъ!“, всячески глумится надъ „натурой“, которую изображаетъ нѣкій господинъ Пшикъ, жаждущій имѣть свой портретъ, но ужасающійся собственной своей физіономіи въ ея художественномъ воспроизведеніи. „Странная ошибка“ заключается въ томъ, что уличенный, но не пойманный любовникъ на письмо обманутаго мужа отвѣчаетъ увѣреніемъ, что оно, это письмо, послано не по адресу, такъ какъ онъ сейчасъ уѣзжаетъ за границу. Или вотъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, „Какъ Прошка пристроился“. Прошка былъ поселенецъ смѣтливый и сорви-голова, но пристроиться безъ денегъ и безъ своей всемогущей гармоники на новомъ мѣстѣ, и среди новыхъ людей ему было трудно. Оставалось идти въ кабалу къ купчихѣ Живодралихѣ, но и она боится принять этого франта. Тогда онъ пускаетъ въ ходъ свои неотразимыя чары, устремляетъ прямо въ глаза ей „что ни на есть проницательный взглядъ“, отъ котораго даже эта „дебелая женщина“ краснѣетъ и отворачивается, недвусмысленно рекомендуетъ свои природныя достоинства, и въ концѣ концовъ пристраивается „на испытаніе“.

Таковы эти „штрихи и настроенія“, если „штрихи“ сами по себѣ мелки и незначительны, то сказавшіяся въ нихъ „настроенія“ часто совсѣмъ не заслуживаютъ поддержки и поощренія.

Эмиль Бутру. Паскаль. Пер. съ франц. Е. В. Лавровой. Спб. 1901.

Паскаль—одна изъ интереснѣйшихъ и своеобразнѣйшихъ личностей всемірной исторіи: великій научный геній, одержимый непреодолимымъ стремленіемъ къ научнымъ занятіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не довѣрявшій человѣческому уму и даже боявшійся его; человѣкъ, одаренный сильнымъ религіознымъ инстинктомъ, пламенный искатель вѣры, всю жизнь боровшійся съ собственнымъ невѣріемъ; человѣкъ громадной духовной энергія, но физически—существо столь хрупкое и слабое, что всякое напряженіе, всякая дѣятельность стоили ему тяжелыхъ физическихъ страданій и вели къ продолжительному упадку; душа нѣжная и любящая и вмѣстѣ съ тѣмъ холодная и жестокая; научный геній, аскетъ, носившій

вериги, однако съ любопытствомъ и тайнымъ смущеніемъ прислушивающійся къ поученіямъ свѣтскаго фата о томъ, что жизнь въ „порядочномъ обществѣ" развиваетъ такую тонкость ума, которая дозволяетъ проникать въ глубь вещей лучше всякихъ философовъ и ученыхъ; наконецъ, точный математическій умъ, занятый главнымъ образомъ туманными богословскими разсужденіями.

Таковъ былъ Паскаль, жившій всего 39 лѣтъ, изъ которыхъ большинство было наполненно болѣзнями и страданіями. Дѣтство Паскаля прошло при довольно благопріятныхъ условіяхъ. Отецъ его былъ образованнымъ и даже ученымъ человѣкомъ и хорошимъ математикомъ. Но и здѣсь, какъ во всей судьбѣ Паскаля, нужно отмѣтить своеобразную антитезу: отецъ самъ руководилъ воспитаніемъ Паскаля, и, однако, не смотря на то, что онъ самъ былъ хорошимъ математикомъ, и что его сынъ постоянно обнаруживалъ большой интересъ къ математическимъ вопросамъ, Паскаль отецъ „больше всего... стоялъ за одинъ пунктъ своей программы (воспитанія сына): ничего не говорить мальчику о математическихъ наукахъ до пятнадцати-шестнадцати лѣтъ" (стр. 6). На всѣ приставанія сына онъ отвѣчалъ, что обучитъ его математикѣ въ награду, когда сынъ хорошо изучитъ латинскій и греческій языкъ. Однако, эта система воспитанія потерпѣла самое неожиданное крушеніе. Однажды, когда Блэзу Паскалю было не болѣе 12 лѣтъ, „отецъ засталъ мальчика за доказательствомъ 32-й теоремы первой книги Эвклида, по которой сумма угловъ въ треугольникѣ равна двумъ прямымъ угламъ" (стр. 6). Удивленный Этьенъ Паскаль (отецъ) спросилъ сына, какъ дошелъ онъ до этого. Оказалось, что „онъ самъ составилъ себѣ аксіомы и опредѣленія и изъ нихъ скомбинировалъ послѣдовательныя доказательства... онъ объяснилъ изумленному отцу... что сначала нашелъ такія-то и такія-то положенія, а затѣмъ сталъ излагать отцу свои опредѣленія и аксіомы" (стр. 7). Ему не было еще и 16 лѣтъ, когда онъ задумалъ „опытъ о коническихъ сѣченіяхъ", отрывки котораго были посланы для просмотра Декарту, съ тѣхъ поръ всегда высоко цѣнившему Паскаля.

Въ самый разгаръ его научныхъ занятій и его успѣховъ въ обществѣ судьба Паскаля рѣзко мѣняется. Отецъ его былъ человѣкъ равнодушный къ религіи, и умъ Блэза Паскаля до сихъ поръ былъ внѣ религіозныхъ вопросовъ. Теперь случай свелъ его съ ревностными поклонниками твореній Янсенія и его послѣдователей. И Блэзъ Паскаль обратился къ религіи: Онъ „рѣшилъ положить конецъ всѣмъ интересующимъ его научнымъ изысканіямъ... чтобы думать только объ одномъ,—о томъ, что Іисусъ Христосъ считалъ единственно необходимымъ" (стр. 14). Своимъ религіознымъ увлеченіемъ онъ заразилъ прежде всего свою младшую сестру, а затѣмъ старшую сестру, ея мужа и, наконецъ, даже и

отца. Это „первое обращеніе“ Паскаля совпадаетъ со значительнымъ ухудшеніемъ его здоровья, и онъ сочиняетъ „молитву о томъ, чтобы Господь научилъ благому употребленію болѣзней“,—своеобразный продуктъ религіознаго порыва и теоретическихъ разсужденій. Однако, сложная и богатая натура Паскаля не могла позволить ему окончить этимъ увлеченіемъ свою духовную эволюцію. Хотя онъ и не отказывался отъ своихъ вѣрованій, не могъ, однако, ограничить кругъ своихъ интересовъ одними религіозными вопросами. Его научныя стремленія были слишкомъ для этого сильны. Результатомъ его возвращенія къ наукѣ были, между прочимъ, его знаменитые опыты, связанные съ вопросомъ о „боязни природою пустоты“. Однако не одна наука находила отзвукъ въ душѣ Паскаля: онъ увлекся также и свѣтскою жизнью. На ряду съ математическими работами онъ пишетъ также и „Разсужденіе о любви“, въ которомъ встрѣчаются такія фразы: „какъ счастлива та жизнь, которая начинается любовью и кончается честолюбіемъ“ (стр. 59), и гдѣ доказывается, что мы существуемъ для любви.

Такъ шло дѣло до 1653 г., т. е. до тридцатилѣтняго возраста Паскаля. Въ концѣ 1653 г. Паскаль пережилъ какой-то внутренній кризисъ: его озарило какое-то видѣніе, какая-то невѣдомая сила овладѣла имъ. Онъ во второй разъ „обратился“, но отъ „науки“ не могъ никогда отдѣлаться. Въ самомъ „обращеніи“ онъ воспользовался своею любимою наукою—математикой. Извѣстенъ его блестящій математическій порадоксъ, называемый „пари Паскаля“. Этотъ порадоксъ былъ впослѣдствіи усвоенъ многими писателями. Имъ занимаются и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, не далѣе какъ въ іюньской книжкѣ журнала „Revue philosophique“ за 1901 г. помѣщена статья Лашелье „О пари Паскаля (Sur le pari de Pascal). Нужно замѣтить, что Паскаль былъ однимъ изъ творцовъ математической „теоріи вѣроятностей“. Эту то теорію вѣроятностей Паскаль и приложилъ къ вопросу о существованіи Бога.

Сильно ошибется тотъ, кто на основаніи этого усомнится въ глубинѣ и страстности вѣры Паскаля. Нѣтъ, это „пари“ и соотвѣтственныя разсужденія указываютъ лишь на отчаянную борьбу, происходившую въ душѣ Паскаля; но въ этой могучей душѣ оба боровшіяся стремленія отличались громадною силою. Вѣра побѣдила, и въ 1655 году Паскаль поселился въ келіи монастыря Поръ-Рояль. Въ этомъ же монастырѣ была и его сестра Жакелина, потому что по своему происхожденію монастырь Поръ-Рояль былъ женскимъ монастыремъ. Но теперь этотъ монастырь сдѣлался главною квартирою янсенизма; при немъ жили самые выдающіеся представители этого религіознаго теченія.

Какъ разъ вскорѣ послѣ поступленія Паскаля въ Поръ-Рояль, надъ этимъ монастыремъ и надъ янсенизмомъ нависли грозныя

тучи. Неутомимые враги янсенистовъ, іезуиты, добились осужденія папою ученія Янсенія, и хотя Поръ-Рояль покорился этому рѣшенію, но положеніе его было всетаки весьма шаткое.

Здѣсь не мѣсто излагать теологическій споръ о благодати „довлѣющей" и благодати „дѣйствующей", бывшій однимъ изъ главныхъ пунктовъ теоретическаго разногласія между іезуитами и янсенистами, тѣмъ болѣе, что корень взаимной ненависти лежалъ не здѣсь, а во всей противоположности жизни и міровоззрѣнія между суровыми подвижниками—янсенистами и распущенными лицемѣрами іезуитами, между людьми, которые считали, что человѣкъ долженъ оставить всѣ свои помыслы ради спасенія души, и людьми, которые обѣщали спасеніе души всякому, кто только согласится въ этой жизни быть покорнымъ орудіемъ ихъ ордена. Янсеній уже умеръ, и поэтому осужденіе папою его книги не было достаточно для іезуитовъ. И они направили свои удары на главнаго представителя янсенизма Антуана Арно, который и былъ преданъ суду богослововъ. Какъ ни высоко цѣнили обитатели Поръ-Рояля своего „великаго Арно", однако, они скоро увидѣли, какъ неравна была борьба съ іезуитами даже для ихъ неутомимаго бойца. И они обратились къ Паскалю.

Паскаль всегда былъ не болѣе какъ диллетантомъ въ богословіи. Но это обстоятельство въ данномъ случаѣ принесло только пользу. Его „Письма къ Провинціалу", направленныя противъ іезуитовъ, оказались не богословскимъ сочиненіемъ, написаннымъ для ученыхъ богослововъ, а публицистическимъ произведеніемъ, обращеннымъ къ широкой публикѣ. Эти „Письма" были однимъ изъ самыхъ блистательныхъ политическихъ памфлетовъ, какіе только извѣстны во всемірной литературѣ. Эффектъ „Писемъ" вышелъ необычайный. Послѣ появленія въ свѣтъ перваго „Письма", „доктора богословіи, о которыхъ упоминалось въ письмѣ, пришли въ большую ярость. Самъ канцлеръ едва не задохся и, говорятъ, ему въ этотъ день семь разъ должны были сдѣлать кровопусканіе" (стр. 118).

Научные инстинкты не могли, однако, окончательно заглохнуть у Паскаля. Еще разъ онъ занялся математикой (какъ разсказываетъ его сестра, „для улучшенія зубной боли"), и его размышленія привели къ результатамъ, въ которыхъ онъ весьма близко подходилъ къ открытію дифференціальнаго и интегральнаго исчисленій. Однако, его физическія силы скоро окончательно изсякли. И такъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ онъ не жилъ, а страдалъ, а въ послѣдніе годы, съ ухудшеніемъ здоровья, онъ началъ еще болѣе истощать себя, готовясь предстать передъ лицо Господа. 19 августа 1662 г. Паскаль умеръ со словами: „да не покинетъ меня Господь никогда". Послѣ его смерти, въ его бумагахъ нашли отрывки большого сочиненія, которое онъ готовилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Эти отрывки и были изданы подъ назва-

ніемъ „Мысли Паскаля". Мы постарались въ возможно краткихъ словахъ охарактеризовать личность Паскаля. И читатель, знакомый теперь съ этимъ своеобразнымъ явленіемъ духовнаго міра, лучше пойметъ наши замѣчанія на книгу Бутру. Эта книга, конечно, обладаетъ большими достоинствами. Бутру занимаетъ теперь одно изъ первыхъ мѣстъ среди французскихъ философовъ, и его новая работа вполнѣ достойна его имени. Книга написана человѣкомъ, вполнѣ владѣющимъ своимъ предметомъ, съ большимъ знаніемъ, большою ученостью, прекрасно задумана и художественно выполнена. Но, всетаки, это далеко не такая книга, которая вполнѣ выясняла бы намъ личность Паскаля. Бутру слишкомъ осхематизовалъ Паскаля и недостаточно принялъ во вниманіе его болѣзнь, его галлюцинаціи, его страхъ смерти, которая всю жизнь держала его въ своихъ рукахъ, ежеминутно грозя покончить его счеты съ этимъ міромъ. Великій умъ и страстная душа, онъ пламенно хотѣлъ работать и жить и, въ то же время, постоянно видѣлъ, что онъ не можетъ жить. Мы, здоровые люди, знаемъ, что мы смертны, но обыкновенно это знаніе является для насъ чуть ли не какимъ-то теоретическимъ соображеніемъ, которое въ сутолокѣ житейскихъ заботъ можетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ забываться, и которое во всякомъ случаѣ лишь рѣдко и на время принимаетъ характеръ остраго и жгучаго чувства. Не таковъ былъ Паскаль. Увѣряютъ, что онъ *физически* видѣлъ бездну около своего стула. Бутру называетъ этотъ разсказъ легендою. Легенда это или нѣтъ, но что онъ *нравственно* видѣлъ всегда эту бездну около себя, это намъ кажется несомнѣннымъ. Бутру утверждаетъ, что главная цѣль, къ которой стремился Паскаль, заключалась въ томъ, „чтобы обнаружить скрытое дѣйствіе благодати, вызывающее естественнаго человѣка изъ состоянія равнодушія и гордости и призывающее его къ любви" (стр. 199). И онъ изображаетъ Паскаля, какъ человѣка, котораго эта благодать все болѣе и болѣе покрывала, пока онъ не сдѣлался избраннѣйшимъ ея объектомъ. Мы же предпочитаемъ видѣть въ Паскалѣ человѣка, который на самомъ себѣ съ необычайною ясностью увидѣлъ и все могущество, и все ничтожество человѣка,—умъ котораго не могъ помириться съ тою мыслью, что такая могучая духовная сила, какъ та, которую онъ чувствовалъ въ себѣ, оказывается такою ничтожною передъ лицомъ бездушной природы. Отсюда его размышленія о величіи человѣческаго духа и о ничтожествѣ человѣка, и о черепицѣ, которая, упавши съ крыши, можетъ уничтожить самаго благороднаго представителя человѣческаго рода. Выходъ, найденный Паскалемъ, былъ вполнѣ естественный выходъ, особенно для его времени. Но думать, что онъ естественно пришелъ бы къ этому выходу и безъ той страшной личной драмы, которую онъ ежедневно переживалъ въ теченіе всей своей жизни, едва ли мы имѣемъ достаточное основаніе.

Повторяемъ, Бутру недостаточно принялъ во вниманіе патологію души и тѣла Паскаля, а объяснять Паскаля нужно не только съ точки зрѣнія философіи, но и съ точки зрѣнія медицины.

Къ свѣту. Сборникъ статей священника **Г. Петрова.** Москва. 1901.

Мысли, которыя читатель встрѣтитъ въ книжкѣ свящ. Г. Петрова, не отличаются особенной глубиной или новизной, а противъ нѣкоторыхъ его взглядовъ возразить было бы не трудно. „Русскій народъ—пишетъ онъ, напр., на страницѣ 10—если и обнажалъ свой мечъ, то не для хищнаго грабежа, не для насилія надъ слабымъ; онъ всегда проливалъ кровь лишь для защиты родины и своею грудью защитилъ многихъ сосѣдей, но самъ, по своему почину, никогда не несъ цѣпей рабства въ чужіе предѣлы“ (стр. 10). Исторически—это совершенно не вѣрно. Если разумѣть народъ въ узкомъ смыслѣ, то исторія вообще мало знаетъ наступательныхъ войнъ, которыя бы народы вели „сами, по своему почину“. Если-же брать слово „народъ“ (какъ, вѣроятно, отецъ Петровъ и разумѣетъ это понятіе)—въ смыслѣ совокупности всѣхъ національныхъ силъ,—то утвержденіе это исторически вполнѣ не вѣрно: мы завоевали не только Сибирь (по иниціативѣ купцовъ и вольницы), но и Крымъ, и Бессарабію, и Кавказъ, и Польшу, и Финляндію... Вообще, въ основѣ взглядовъ о. Петрова лежитъ неглубокое славянофильство, приблизительно въ тѣхъ его формахъ, въ какихъ оно сказывалось во взглядахъ Вл. Соловьева въ первый періодъ его литературной дѣятельности (отъ которыхъ самъ Соловьевъ впослѣдствіи отступился). Однако, центръ тяжести книжки свящ. Петрова не въ этомъ. Онъ не берется проводить новые взгляды и не выступаетъ въ качествѣ воинствующаго славянофила. Наоборотъ, именно отсутствіе этого воинствующаго элемента производитъ пріятное впечатлѣніе въ произведеніи о. Петрова, такъ какъ послѣднее время, правду сказать, не балуетъ насъ ни особенной благожелательностью тона, ни даже простой терпимостью въ литературѣ того рода, къ которой должно причислить разбираемую книгу. Авторъ—священникъ, и всѣ впечатлѣнія свои онъ преломляетъ сквозь призму христіанской морали, какъ человѣкъ, посвятившій свою жизнь проповѣди ученія Христова. Книга и по содержанію, и по цѣнѣ (20 к.—170 стр.) назначается для широкаго круга читателей и имѣетъ цѣлью не столько сообщить новыя свѣдѣнія, сколько пробудить и укрѣпить извѣстный строй ощущеній, освѣтить явленія съ точки зрѣнія чисто христіанской. Въ этомъ отношеніи разбираемое произведеніе пріятно выдѣляется какъ отсутствіемъ сухого буквоѣдства и книжничества, такъ и тѣмъ доброжелательнымъ тономъ, съ какимъ авторъ говоритъ о явленіяхъ жизни и литературы. О. Петровъ не отрицаетъ ни свѣтскаго образованія, ни науки, не

порицаетъ „мудрости вѣка сего", не громитъ инако мыслящихъ и ни на кого не призываетъ воздѣйствія свѣтской власти... Всякое просвѣщеніе пользуется его сочувствіемъ; говоря о школѣ, онъ не выдѣляетъ спеціальныхъ ея видовъ; говоря о необходимости чтенія для учителей, онъ сочувственно отзывается о попыткахъ чтенія Дарвина. Вѣра о. Петрова не есть та вѣра, которая считаетъ себя естественнымъ врагомъ всякаго познанія и всѣхъ иныхъ вѣрованій. Скорбя о религіозной и иной темнотѣ русскаго народа, о. Петровъ охотно и съ истиннымъ благожелательствомъ останавливается на картинахъ, рисующихъ религіозность, честность и трудолюбіе финляндцевъ... Съ искренней скорбью говоритъ онъ о „книжномъ голодѣ," отъ котораго страдаетъ огромная часть русскаго народа, не отметая при этомъ и потребности въ свѣтскомъ знаніи. Основная нота всей книги, ея постоянный припѣвъ и неумолчный призывъ, звучащій съ каждой ея страницы — это призывъ къ распространенію въ народѣ евангелія. Объ этомъ думаетъ авторъ и на парижской выставкѣ, и въ голодающихъ мѣстностяхъ, и при случайныхъ встрѣчахъ. Костеръ, разложенный въ лютый морозъ для согрѣванія тѣла, тотчасъ же будитъ у о. Петрова мысль: отчего бы людямъ не разводить побольше костровъ и для души... „Холодно, братцы! Морозомъ вѣетъ отовсюду кругомъ; окоченѣли всѣ мы душою. Богъ дастъ, придетъ весна, повѣетъ тепломъ, пригрѣетъ солнце правды Божіей и любви Христовой; а пока—холодно, холодно сердцу. Разводите костры!" (123). Нѣсколько очерковъ авторъ посвящаетъ изображенію попытокъ, направленныхъ къ распространенію просвѣщенія. Въ очеркѣ „Отрадный уголокъ" онъ разсказываетъ о селѣ Каменкѣ (Тверской губ., Новоторжскаго уѣзда), гдѣ, по его словамъ, земская школа произвела самое отрадное вліяніе на всѣ стороны крестьянской жизни. За 35 лѣтъ учительства мѣстнаго учителя выросло цѣлое новое поколѣніе и все пошло по новому: въ волостномъ судѣ дѣла рѣшаются „по божіему", общество построило странпопріимный домъ, образовалось попечительство о бѣдныхъ, складъ сѣмянъ и земледѣльческихъ орудій, ссудо-сбергат. товарищество, большой домъ для разумныхъ развлеченій народа и т. д. Однако, „работникамъ, стоящимъ во главѣ дѣла, пришлось, да и еще придется отвѣдать не мало горькаго, много проглочено и незаслуженныхъ слезъ". Такъ, старикъ Елисеичъ, человѣкъ горячій, увлекся и позволилъ себѣ устроить чтеніе съ фонаремъ въ сосѣднемъ селѣ. „Начальство узнало, всполошилось: можетъ само отвѣтить за недосмотръ"... „И посидѣлъ Иванъ Елисеичъ. Выходитъ, у насъ на Руси отъ тюрьмы да отъ сумы добрый человѣкъ не отрекайся" (154). Въ разсказѣ „Дороже хлѣба" авторъ приводитъ разговоръ съ молодымъ парнемъ, увлекшимся чтеніемъ евангелія. Изъ за этого ему тоже пришлось перенести много непріятностей, прежде всего въ своей семьѣ. „Да ты кто—священ-

никъ какой, али монахъ?—вскрикнула мать.—Гляньте дѣвоньки, парень ума рѣшился". Сестры стали смѣяться, отецъ больной лежитъ, только головой качаетъ. Жена плачетъ". Авторъ не разсказываетъ, что было дальше, но... намъ кажется, что семейные имѣли не малое основаніе печалиться. Стоитъ прочитать десятки газетныхъ сообщеній о томъ, какъ встрѣчаются у насъ на Руси рекомендуемыя о. Петровымъ попытки домашняго чтенія и толкованія евангелія,—чтобы понять, на сколько основательны были опасенія близкихъ людей этого молодого человѣка... Намъ кажется также, что о. Петровъ относится съ излишнимъ уже пренебреженіемъ къ той „внѣшней" свободѣ, которая выработана европейской жизнью. Какъ бы то ни было,—книжка о. Петрова, повторяемъ, составляетъ въ общемъ пріятное явленіе, и мы можемъ лишь пожелать широкаго распространенія ея въ тѣхъ кругахъ, для которыхъ она назначена. Уже самый тонъ ея, проникнутый доброжелательствомь и любовью къ просвѣщенію, пріятно выдѣляетъ ее изъ тѣхъ плевелъ, которыя такъ часто выдаются за пшеницу въ анаѳематствующей и воинствующей литературѣ этого рода, нерѣдко, вмѣсто христіанской любви и христіанскаго просвѣщенія, проводящей въ народъ исключительность, фанатизмъ и нетерпимость.

М. И. Дубинскій (Полтавскій). За дружеской бесѣдой. Критическія статьи.—Характеристики.—Фантазіи.—Бесѣды. Спб., 1901.

Все обстоитъ въ высшей степени благополучно въ критическихъ произведеніяхъ г. Дубинскаго. Онъ беретъ разнообразныя и живыя темы; современная литература, русская и иностранная, интересуетъ его въ многоразличныхъ своихъ проявленіяхъ—отъ Бѣлинскаго до Верлена и отъ Боборыкина до Ницше; онъ говоритъ о литературныхъ явленіяхъ легко, ясно и иногда бойко; его прельщаютъ оригинальныя формы критическихъ отзывовъ — такъ читатель найдетъ у него монологъ Бѣлинскаго и разговоръ между Львомъ Толстымъ и Владиміромъ Соловьевымъ; онъ имѣетъ нѣкоторые взгляды на литературу, опредѣленность которыхъ удовлетворяетъ его; онъ охотно прибѣгаетъ къ поэтическому стилю, переливы котораго ему нравятся; онъ рѣдко полемизируетъ съ опредѣленными лицами, но доволенъ, когда то, что онъ пишетъ, имѣетъ видъ парадокса. Эта послѣдняя склонность столь же, по существу, невинна, сколько безцѣльна, и потому жаль, что г. Дубинскому часто парадоксомъ—онъ высказываетъ его смѣло и немножко охорашиваясь — кажется то, что давно извѣстно. Онъ, напримѣръ, обстоятельно доказываетъ, что терминъ Uebermensch изобрѣтенъ не Фридрихомъ Ницше, а Вольфгангомъ Гете, что русскіе декаденты не оригинальны, а подражаютъ французамъ, что Ницше есть философское инобытіе

Бисмарка. Сугубая банальность, впрочемъ, не столько въ самыхъ тезисахъ, сколько въ ихъ развитіи; это, очевидно, въ зависимости отъ того капитала знаній и мыслей, который внесъ авторъ въ свою работу. Отъ нея несетъ дилеттантомъ, легко судящимъ о многомъ съ птичьяго полета, безъ умѣнія и силы приблизиться къ явленіямъ, о которыхъ онъ трактуетъ, и пристально вглядѣться въ нихъ. „Оригинальныя“ — драматическія — формы критики, на которыя мы указали выше, поражаютъ своимъ безвкусіемъ. Вотъ для примѣра отрывокъ изъ „фантазіи, похожей на дѣйствительность“, написанной въ день пятидесятилѣтія со дня смерти Бѣлинскаго и представляющей собой рѣчь великаго критика, обращенную къ современной литературѣ, но склеенную изъ подлинныхъ его словъ въ перемежку съ отсебятиной г. Дубинскаго: „Среди васъ — продолжалъ онъ (Бѣлинскій) умирающимъ голосомъ, оглядывая толпы друзей вокругъ себя, — я не вижу послѣдователей идеи безплодности и вредности искусства. Вы идете дорогою, намѣченною вашими великими предшественниками. Что же вы сдѣлали за долгое время моего отсутствія? Воспользовались ли вы путеводной нитью, завѣщанной Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Гоголемъ и геніями иностранныхъ литературъ? Гдѣ результаты вашихъ трудовъ?“ — Онъ лихорадочно оглядывалъ окружающихъ.—„О, я знаю васъ. Вотъ Немировичъ-Данченко, вотъ Чеховъ, Короленко, Маминъ, Потапенко, Альбовъ... Васъ много. У иныхъ изъ васъ обширное прошлое, но (?) вы дѣти одной семьи и вами руководятъ одни идеалы. Знаю, что не всѣ изъ васъ идутъ дорогою свободнаго творчества. Одни преданы прежнимъ идеаламъ и свято служатъ вѣчнымъ принципамъ добра и правды, но другіе ушли въ сторону, третьи подчинились инымъ вліяніямъ Сколько ихъ! Возьмемъ хотя бы натурализмъ, провозвѣстникомъ котораго вы называете Зола. О, этотъ натурализмъ! Сколько горя причинялъ онъ мнѣ еще до появленія его родоначальника! Какъ боролся я съ нимъ! Какъ негодовалъ!“ И такъ далѣе.

Таковы пламенныя изліянія, которыя развязный критикъ вкладываетъ въ уста Бѣлинскаго. Это онъ называетъ въ предисловіи дружеской бесѣдой, чуждой претензій. Для характеристики послѣдняго обстоятельства любопытно еще одно мѣсто. Приведя балаганное стихотвореніе одного нелѣпаго московскаго символиста, г. Дубинскій накидывается на читателя съ увѣреніями, что только онъ считаетъ это стихотвореніе ребяческой выходкой. „Я вижу уже нахмуренное лицо строгаго критика—восклицаетъ онъ.—Онъ сурово сдвинулъ брови. Глаза его, мрачные и проницательные, какъ стрѣлы, впились въ стихотвореніе, противорѣчащее его понятіямъ о версификаціи и о характерѣ истинной поэзіи. Вотъ онъ беретъ перо и, сердито опустивъ въ чернила, готовъ вылить ушатъ краснорѣчія на голову бѣднаго автора...

Да бросьте орудіе казни, суровый критикъ! Подумайте, съ кѣмъ вы имѣете дѣло! Знаете ли вы, кто этотъ Мартовъ? Не знаете?“ —Но послушайте, г. Дубинскій, кто этотъ суровый критикъ, котораго вы считаете глупѣе себя?

И однако, книжка, лежащая предъ нами, принадлежитъ къ числу тѣхъ многочисленныхъ теперь произведеній, которыя спасетъ русскій читатель. Его много теперь, меньше, чѣмъ слѣдовало бы, но все же очень много сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, и знаній у него очень мало. Кой-чему онъ научится и отъ г. Дубинскаго; можетъ быть, найдя читателей, и послѣдній кой-чему отъ нихъ научится.

Джемсъ Селли. Очерки по психологіи дѣтства. Пер. съ англ. Александра Громбаха. Москва, 1901.

Прошедшее столѣтіе—какъ было уже неоднократно указано—сблизило взрослыхъ съ дѣтьми, и наслѣдіемъ его осталась дѣтская литература: литература для дѣтей и литература о дѣтяхъ. Послѣдняя все растетъ, библіографическій указатель, приложенный къ книгѣ Селли, указываетъ цѣлый рядъ почтенныхъ сочиненій; лучшіе умы не чуждаются этой обширной области, богатства которой также разнообразны, какъ плодотворны. Три различныя стороны имѣетъ интересъ, возбуждаемый въ насъ психической жизнью ребенка, и, сообразно съ этимъ, литература, посвященная дѣтямъ, развивается въ трехъ отрасляхъ: поэтической, чисто научной, и прикладной педагогической. Ко второй принадлежитъ интересная книга Селли, богатая не только тонкими и основательными выводами и соображеніями, но и провѣренными фактами, подмѣтить которые не такъ легко, какъ это иногда думаютъ. Самый объемъ вопросовъ, отвѣта на которые можно искать въ изученіи дѣтской души, хорошо опредѣленъ самимъ авторомъ. Все чаще и чаще въ исканіи простѣйшихъ формъ развитія, по которымъ можно судить о движеніи высшихъ формъ, наука обращается къ психикѣ ребенка и нерѣдко находитъ здѣсь разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ, поставленныхъ сложной душевной жизнью взрослаго культурнаго человѣка.

Нѣсколько особенностей духовнаго развитія дитяти дѣлаютъ его особенно интереснымъ для науки. Во первыхъ, на немъ возможно непосредственное наблюденіе явленій сознанія, не доступныхъ инымъ пріемамъ изученія. Пусть душа ребенка окажется по изслѣдованіи неизмѣримо сложнѣе, чѣмъ это казалось поверхностной мысли, она во всякомъ случаѣ—простѣйшая извѣстная намъ въ подробностяхъ форма человѣческаго сознанія. Такое генетическое восхожденіе отъ нашей сложной интеллектуальной жизни къ ея элементарнымъ формамъ, даннымъ въ дѣтской мысли, рождаетъ много интересныхъ вопросовъ, и Селли указываетъ

быть можетъ, самый тонкій изъ нихъ—„вопросъ о точномъ соотношеніи между высшими формами разума и чувства и элементарными фактами жизненнаго опыта“. Когда то Локкъ полагалъ, что, наблюдая дѣтей, можно рѣшить философскій вопросъ о „врожденныхъ идеяхъ“. Быть можетъ, наблюденіе не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ,—но насчетъ зарожденія и развитія идей и чувствъ оно можетъ научить насъ кой чему. И это касается не только области индивидуальнаго развитія; послѣдовательныя ступени духовнаго развитія ребенка, несомнѣнно, даютъ понятіе о духовныхъ завоеваніяхъ цѣлыхъ первобытныхъ группъ. Явленія языка съ особенной наглядностью показываютъ, что ребенокъ идетъ въ его развитіи тѣмъ же путемъ, какимъ шла и до нѣкоторой степени до сихъ поръ идетъ мысль народа—творца языка. Въ этой области Селли ограничилъ свою задачу, такъ какъ факты и выводы, собранные въ его изслѣдованіи, посвящены главнымъ образомъ ребенку, уже умѣющему говорить, и мы такимъ образомъ почти лишены данныхъ для сужденія о томъ любопытнѣйшемъ моментѣ, когда рѣчь становится членораздѣльной. Но и здѣсь хорошо выясненъ переходъ отъ эмоціональныхъ восклицаній къ настоящимъ словамъ съ ихъ первоначальнымъ воспроизведеніемъ и звуковымъ преобразованіемъ — тѣмъ забавнымъ коверканьемъ, которое бываетъ такъ мило въ дѣтскихъ устахъ. Много интересныхъ примѣровъ мы находимъ въ отдѣлѣ, трактующемъ о томъ періодѣ въ развитіи языка, который соотвѣтствуетъ миѳической эпохѣ въ мышленіи. Здѣсь аналогіи съ лингвистическимъ творчествомъ взрослыхъ особенно очевидны и поучительны. Эмоціональному развитію посвящены у Селли главы о страхѣ, о подчиненіи и объ основныхъ элементахъ дѣтской морали. Книга заканчивается обширнымъ изслѣдованіемъ о дѣтскомъ рисованіи, и здѣсь общіе выводы автора тѣмъ интереснѣе, что, намъ кажется, могутъ быть еще расширены и обобщены. Рядомъ неопровержимыхъ фактовъ Селли показываетъ, что ребенокъ рисуетъ не столько съ натуры, сколько съ своихъ представленій о ней—представленій логическихъ и по преимуществу заимствованныхъ. „Глазъ ребенка уже очень рано теряетъ свою „невинность“ и начинаетъ видѣть не то, что дѣйствительно находится передъ нимъ, а то, что—какъ говорятъ ему его познанія и логика—должно находиться передъ нимъ... Эта извращенность вполнѣ сходна съ той, которой подвергаемся всѣ мы, когда теряемъ первоначальную способность видѣть цвѣта, когда присоединяемъ къ своимъ „зрительнымъ воспріятіямъ“, какъ мы ихъ называемъ, элементы памяти и логическія умозаключенія“. То, что называется „очевидностью“—какъ это показалъ Спенсеръ—не такъ ужъ очевидно, какъ кажется, и то, что, называется здравымъ смысломъ, обусловлено не отсутствіемъ знаній, которое есть худшій видъ порабощенія теоріей, но настоящей высотой

знанія и развитія. И потому не дѣти и дикари съ ихъ мнимой „непосредственностью" могутъ насъ научить прямо смотрѣть на природу и вѣрно видѣть ее, но тѣ художники, которые, пройдя чрезъ горнило унаслѣдованнаго опыта и теоріи, получаютъ благодатный и тягостный даръ сказать міру новое слово въ этой области.

Селли знаетъ дѣтей и любитъ ихъ—и это очень цѣнно въ его книгѣ. Но еще цѣннѣе то, что онъ не замѣняетъ этимъ любовнымъ отношеніемъ научнаго изслѣдованія. „Милые, трогательные разсказы о дѣтяхъ могутъ способствовать, но могутъ и не способствовать нашему знакомству съ механизмомъ дѣтской души. Между улыбкой, вырванной дѣтскими проказами, и пониманіемъ законовъ дѣтскаго разума не сущетсвуетъ необходимой связи". Этому веселому настроенію не поддается изслѣдователь, столь проникнутый мыслью о трудности и важности своей задачи.

Практическихъ выводовъ Селли почти не дѣлаетъ, но, конечно, сдѣлать практическое примѣненіе его теоретическихъ заключеній не затруднится никто изъ тѣхъ, кому оно понадобится.

Переводъ сдѣланъ тщательно и литературно.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***В. Г. Бѣлинскаго*** въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Т. IV. Съ приложеніемъ: 1) портрета Бѣлинскаго, дорисованнаго К. А. Горбуновымъ послѣ смерти Бѣлинскаго, 2) предисловія М. Бакунина къ «Гимназическимъ рѣчамъ» Гегеля, 3) портрета М. Бакунина. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

И. Ѳ Горбуновъ. Сочиненія. Подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Ѳ. Кони. Съ портретомъ Горбунова и одною изъ его мимическихъ сценъ. Въ 2-хъ томахъ. Изданія А. Ф. Маркса. Спб. Ц 4 р., съ п рес. 4 р. 50 к.

Стихотворенія ***А. В. Переводчиковой***. Изданіе 2-е. Саратовъ. 1901. Ц. 50 к.

Т. Щепкина-Куперникъ. Мои стихи. Спб. 1901. Ц. 1 р.

Родіонъ Менделевичъ. Мечты и явь. Стихотворенія и поэмы. М. 1901. Ц. 1 р.

Модестъ Глѣбовъ. Изъ-подъ снѣга. Стихотворенія и разсказы. Красноярскъ. 1901. Ц. 50 к.

В. Вересаевъ. Записки врача. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Выбранное, что лучше. ***Старостина*** Спб. 1901. Ц. 2 р.

Н. И. Галицкій. На берегахъ Невы. Спб. 1901. Ц. 80 к.

Л. Яновсьна. На синожати. Жартъ у I діи. Кіевъ. 1901. Ц. 4 к.

П. О. Кулишъ. Хмельнищына. Исторычне оповидання. Кіевъ. 1901. Ц. 15 к.

Сережа Мотыльковъ (Опытъ біографіи шпюта). ***А. Т. Грабины***. Спб. 1901. Ц. 75 к.

П. Б—цкій. Что такое жизнь? Изъ

сборника популярныхъ статей проф. Доделя. Вып. 1. Переводъ съ нѣм. Саратовъ. 1901. Ц. 20 к.

Зерна добра. Сборникъ статей свящ. ***Г. Петрова***. М. 1901. Ц. 20 к.

Долой пьянство! Сборникъ статей свящ. ***Г. Петрова***. М. 1901. Ц. 20 к.

С. П. Ранскій. Соціологія Н. К. Михайловскаго. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Сидней и ***Беатриса Веббъ***. Теорія и практика англійскаго трэдъ-юніонизма. Т. II. Переводъ съ англ. Вл. Ильина. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

К. А. Вернеръ. Сельскохозяйственная экономія. Изданіе Д. П. Мазуренко. М. 1901. Ц. 2 р. 60 к.

Чартеръ. ***Г. А. Бѣлковскаго***. Историко-сравнительное изслѣдованіе. Изданіе т-ва Ахіасафъ. Бѣлостокъ. 1901. Ц. 25 к.

Сіонистская библіотека. Изданіе книгоиздательства «Улей». Харьковъ. 1901. № 10. ***Максъ Донхинъ***. Моисей. Историческая драма. Ц. 25 к.—№ 11. Д-ръ ***М. Шляпошниковъ***. 4-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Лондонѣ. Ц. 15 к.—№ 12. ***Ш. Ц.*** Рѣчь д-ра Герцля на 4-мъ конгрессѣ сіонистовъ. Ц. 3 к.

Люди и нравы дальняго востока. Отъ Владивостока до Хабаровска. (Путевой дневникъ). ***Г. Т. Мурова***. Томскъ. 1901.

Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Составилъ ***П. Ровинскій***. Т. II. Часть 2. Спб. 1901.

З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

П. Г. Вороновъ. Элементы исторіи. М. 1901. Ц. 50 к.

П. Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Часть III, вып. 1. Изданіе редакціи «Міра Божія». Спб. 1901. Ц. 75 к.

Е. Семеновъ. Больное мѣсто. Иркутскъ. 1901. Ц. 5 к.

D-r ***S. A. Knopf***. Туберкулезъ, какъ народная болѣзнь, и борьба съ нимъ. Подъ ред. Ф. М. Блюменталя. М. 1901. Ц. 40 к.

О питательномъ режимѣ. Д-ра ***Hischard'a***. Переводъ съ франц. М. 1901.

Д-ръ ***Л. В. Конъ***. Разстройства мочеиспусканія въ пожиломъ возрастѣ. М. 1901. Ц. 40 к.

Піонеры науки. Лекціи по исторіи астрономіи ***Оливера Ладжа***. Съ 120 рис. въ текстѣ. Переводъ съ англ. С. Займовскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Тиндаль. Звукъ. 2-е изданіе т-ва «Знаніе». 204 иллюстраціи. Спб. 1901. Ц. 1 р, 50 к.

Э. С. Томпсонъ. Разсказы изъ жизни животныхъ. Съ 128 рис. въ текстѣ и 28 рис. на тоновой бумагѣ. Переводъ съ англ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

А. В. Васильевъ. Университетъ и національное воспитаніе. Казань. 1901. Ц. 25 к.

П. Г. Мижуевъ. Образованіе во Франціи низшее, среднее и высшее. Изданіе книж. склада М. Залшупина. Спб. 1901. Ц. 1 р.

М. Рыбкинъ. Опытъ руководства къ начальному обученію дѣтей. Вып. 1-й. Асхабадъ 1901. Ц. 30 к., съ перес. 35 к.

Родной міръ. Книга для чтенія въ сельской школѣ. Годъ 1-й. Составила ***О. Н. Попова***. Изданіе 2-е. Спб. 1901. Ц. 25 к.

А. И. Лебедевъ. Дѣтская и народная литература (Замѣтки для родителей, библіотекарей и народныхъ учителей). Вып. 1. Нижній-Новгородъ. 1901. Ц. 40 к.

В. Ф. Буква ѣ въ курсѣ народной школы. М. 1901. Ц. 5 к.

Новый таможенный уставъ по европейской и азіатской торговлѣ. Разд. III. Издалъ А. М. Уманскій. Спб. 1902. Ц. 1 р.

В. И. Ануфріевъ. Какъ можно жить дешево въ складчину. (Къ вопросу о фабричныхъ потребительныхъ обществахъ). Изданіе «Музея содѣйствія труду». М. 1901. Ц. 5 к.

Библіотечное дѣло ***Е. Балобановой***. Спб. 1901. Ц. 40 к.

Отчетъ о дѣятельности воронежской коммиссіи народныхъ чтеній за 1899—900 годъ. Воронежъ. 1901.

Отчетъ рязанскаго о-ва устройства народныхъ развлеченій за 1900—901 года. Рязань. 1901.

Отчетъ о дѣятельности о-ва содѣйствія народному образованію въ области войска Донскаго за 1900 годъ. Новочеркасскъ. 1901.

Отчетъ одесской городской управы за 1900 годъ по народному образованію. Одесса. 1901.

Изъ Англіи.

I.

Французскій критикъ, выпустившій недавно книгу о современныхъ англійскихъ беллетристахъ, говоритъ, между прочимъ: „Теперь наступаетъ новая эра: характеръ англійскаго романа совершенно мѣняется. Романъ становится тенденціознымъ произведенімъ (le livre à thèse), въ которомъ авторъ высказываетъ свои убѣжденія и научныя открытія. Для англійскаго романиста все является подходящимъ матеріаломъ: вопросы научные, религіозные, нравственные, эстетическіе. Не интересуетъ его лишь изученіе исключительно англійскихъ типовъ, съ англійской точки зрѣнія и въ англійской средѣ“ *).

Въ этой выдержкѣ много совершенно не вѣрнаго. Нѣтъ сомнѣнія, было бы полбѣды, а то и совсѣмъ не было бы бѣды, если бы англійскіе романисты, отступивъ отъ традиціоннаго образца, такъ мѣтко опредѣленнаго Тэномъ, стали бы писать произведеà thèse. Можно было бы помириться даже съ романомъ-проводникомъ „научныхъ, философскихъ и эстетическихъ взглядовъ автора“. Бѣда въ томъ, *какія* тенденціи проводятся въ романѣ. Французскій критикъ очень снисходителенъ, если говоритъ о „научныхъ“ теоріяхъ модныхъ англійскихъ романистовъ. Не знаю, примѣнимо ли это опредѣленіе ко взглядамъ на міръ четвертаго измѣренія и на теософію. Тэнъ когда-то сравнивалъ умъ англичанина съ гидомъ Муррея (англійскій Бедекеръ): „очень много фактовъ и мало обобщающихъ идей; огромное количество полезныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній, очень мало статистическихъ выводовъ, мало цифръ, точныя и детальныя карты, краткія и сухія историческія свѣдѣнія, вмѣсто предисловія — практически-нравственные совѣты, но полное отсутствіе одной широкой обобщающей мысли. Это—складъ хорошихъ, точно провѣренныхъ документовъ“ **). Англійскій романъ въ эпоху расцвѣта отличался всѣми этими данными; детальность психологическаго анализа и точность описаній, гуманность („практическія, нравственныя правила“), придавали ему ту жизненность, которая сдѣлала произведенія Фильдинга, Смолета, а потомъ Диккенса—образцами реалистическаго романа. И тогда англійскій романъ не поражалъ глубиной мысли. Въ современномъ романѣ детальность описаній,

*) Y. *Blaze de Bury*, «Les romanciers anglais contemporains» v. 7.
**) *H. Taine*, «Notes sur l'Angleterre» p. 325.

точность психологическаго анализа, жизненность—все это исчезло; но основная черта, отмѣченная Тэномъ, т. е. отсутствіе глубокой, обобщающей идеи—осталась.

Но въ словахъ современнаго французскаго критика есть одно вѣрное замѣчаніе: въ современномъ англійскомъ романѣ нѣтъ англійскихъ типовъ. Недавно *Daily News* издала полное юбилейное собраніе сочиненій Диккенса, который основалъ газету. Двадцатый томъ этого собранія сочиненій — Диккенсовскій словарь, анализъ всѣхъ произведеній великаго писателя. Въ началѣ изложена исторія каждаго романа, говорится, какъ онъ былъ задуманъ, какъ писался, какія живыя лица фигурируютъ въ немъ и т. д. Затѣмъ идетъ въ азбучномъ порядкѣ перечисленіе *всѣхъ* дѣйствующихъ лицъ всѣхъ романовъ, съ краткой характеристикой, съ точнымъ указаніемъ страницъ. Какой пестрый калейдоскопъ лордовъ, нищихъ, священниковъ, карманныхъ воришекъ, дѣльцовъ, лакеевъ, рыбаковъ и пр!.. Всѣхъ ихъ нѣсколько тысячъ. Каждый, какъ живой, встаетъ предъ глазами. Остается пожалѣть лишь, что ни одинъ изъ нашихъ классиковъ не изданъ съ такимъ словаремъ. Гоголь, Тургеневъ, Толстой, Салтыковъ дали намъ длинную вереницу типовъ, которые чаще вспоминались бы, если бы имъ существовали „гоголевскій", „тургеневскій" и т. д. словари. Но не въ томъ дѣло. Я хотѣлъ сказать, что одинъ романистъ оставилъ нѣсколько тысячъ англійскихъ типовъ. Если бы пришлось составлять словарь для всѣхъ современныхъ модныхъ беллетристовъ, то, не знаю, набрался ли бы десятокъ англійскихъ живыхъ типовъ (нужно помнить, что герои лучшихъ произведеній Киплинга взяты изъ чужой сферы). И кто былъ бы самый крупный типъ въ этомъ словарѣ? Надняхъ, по поводу вновь поставленной драмы, пресса пришла къ заключенію, что за послѣднія десять лѣтъ самымъ крупнымъ и популярнымъ литературнымъ типомъ является Шерлокъ Гольмесъ Конана Дойла. А знаете кто такой Шерлокъ Гольмесъ? Геніальный сыщикъ-доброволецъ. Шерлокъ Гольмесъ имѣлъ такой поразительный успѣхъ, что теперь, черезъ десять лѣтъ, Конанъ Дойлъ опять воскресилъ его. Англійскіе романисты не берутъ англійскихъ типовъ. Въ этомъ отношеніи, современный романъ для иностранца не имѣетъ никакого значенія, какъ „зоологическій атласъ". Но фантастическихъ героевъ своихъ романисты невольно разсматриваютъ съ англійской точки зрѣнія. Французскій критикъ совершенно не правъ, когда говоритъ, что англійская среда не чувствуется въ этихъ произведеніяхъ. Наоборотъ, воззрѣнія цѣлаго класса сильно отразились во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, большею частью дикихъ и слабыхъ. И въ этомъ отношеніи романы, не смотря на нелѣпость и бездарность многихъ изъ нихъ, являются драгоцѣннымъ пособіемъ для изученія эпохи. Года четыре тому назадъ мнѣ пришлось уже сдѣлать въ *Русскомъ Бо-*

гатствѣ анализъ ряда современныхъ произведеній. Я пытался показать тогда, какъ скуденъ духовно тотъ классъ, котораго современный фазисъ развитія страны выдвинулъ на первое мѣсто. Теперь у меня задачи нѣсколько иныя. Я хочу взять такія произведенія, въ которыхъ авторы стремятся заглянуть въ будущее, и показать, какъ вліяніе современной англійской среды отразилось въ этихъ фантастическихъ романахъ. Двѣ идеи доминируютъ теперь въ среднихъ англійскихъ классахъ: война и религія. Подъ вліяніемъ ихъ сложились идеалы будущаго романистовъ. Я возьму три романа, имѣющихъ теперь поразительный, почти безпримѣрный успѣхъ. Авторъ двухъ изъ нихъ—Шиль—русской публикѣ совершенно неизвѣстенъ. Другой авторъ извѣстенъ въ Россіи. Одно произведеніе его въ очень хорошемъ переводѣ (г-жи Журавской) печаталось, кажется, въ „Мірѣ Божьемъ". Шиль дебютировалъ съ поразительнымъ успѣхомъ въ 1898 г. романомъ „Желтый Ужасъ". Въ немъ эксплоатировалось не новое положеніе: нашествіе Китая на Европу. Поразительный успѣхъ романа объясняется, главнымъ образомъ, „патріотизмомъ" его: весь міръ спасаетъ и покоряетъ Англія. Въ романѣ (очень топорно и примитивно) выводятся два начала: разрушительное и черное—Китай, затѣмъ—созидательное и свѣтлое—Англія. Каждое начало имѣетъ свое олицетвореніе. То Чернобогъ и Бѣлобогъ романа.

II.

Прежде всего познакомимся съ Ариманомъ, съ докторомъ Іенъ-Хоу, олицетвореніемъ духа Китая, какъ его понимаетъ авторъ, и антитезой великодушія, мужества, благородства, готовности всегда драться, презрѣнія къ „наукѣ". Всѣми этими достоинствами авторъ надѣляетъ представителя Англіи—Джона Гарди, Ормузда романа. „Лицо этого человѣка (доктора Іенъ-Хоу) было замѣчательно. Лысый черепъ поражалъ своими размѣрами. Было нѣчто загадочное и глубокое въ его узкихъ раскосыхъ глазахъ... Ни одинъ европеецъ такъ хорошо не зналъ западную цивилизацію, какъ Іенъ-Хоу. Докторскій дипломъ онъ получилъ въ Гейдельбергскомъ университетѣ; онъ много лѣтъ практиковалъ по дѣтскимъ и женскимъ болѣзнямъ въ С-Франциско... Всю жизнь онъ провелъ въ усидчивой, тяжелой работѣ... На востокѣ докторъ могъ бы добраться до вершины общественной лѣстницы. Пожалуй, то же самое онъ могъ бы сдѣлать и на западѣ, если бы захотѣлъ; но онъ любилъ быть не замѣченнымъ, любилъ учиться, наблюдать, впитывать въ себя всю науку запада, какъ уже впиталъ всю науку востока. Въ какой бы странѣ онъ ни очутился,—а докторъ никогда не заживался долго гдѣ нибудь,—его всегда можно было найти среди низшихъ классовъ. Ихъ онъ очень хорошо

изучилъ. Іенъ-Хоу былъ такъ ученъ, что высшимъ классамъ не могъ совершенно симпатизировать. Всюду въ Европѣ онъ знакомился съ солдатами и матросами... Іенъ-Хоу былъ способенъ на все. Въ немъ жили вмѣстѣ стоикъ, циникъ и тигръ. По желанію, онъ могъ бы сдѣлаться великимъ ученымъ, государственнымъ дѣятелемъ, чистильщикомъ улицъ или генераломъ". Въ одну изъ поѣздокъ въ Англію, докторъ знакомится съ солдатомъ Брабантомъ, и это становится первопричиной несчастья для всей Европы и исходнымъ пунктомъ владычества Англіи надъ всѣмъ міромъ. Не смотря на то, что многія страницы „The Yellow Danger" поражаютъ во всякомъ случаѣ силой воображенія,—въ знаменитомъ романѣ не мало главъ просто лубочныхъ. Таковы главы, объясняющія, что создало „нашествіе желтокожихъ". Солдатъ Брабантъ знакомитъ доктора со своей sweetheart, дѣвицей Адой Сюардъ, горничной по профессіи. Всѣ вмѣстѣ возвращаются въ омнибусѣ изъ мюзикъ-галла. Китайскій Ариманъ внезапно влюбляется въ дѣвицу и шепчетъ ей на ухо: „завтра вечеромъ буду у вашего дома, чтобы получить поцѣлуй"... Дѣвица отвѣчаетъ, разумѣется, насмѣшками. Докторъ начинаетъ каждый вечеръ выслѣживать Аду. „Онъ любилъ. Въ его любви сконцентрировалась страсть многихъ людей. Растопленный камень есть лава. Іенъ-Хоу страдалъ". „Онъ былъ великій человѣкъ и видѣлъ въ Адѣ вѣчно женственное. Герцоги женятся на герцогиняхъ. Но великіе люди, какъ Гете или Магометъ женятся на кухаркахъ и на рабыняхъ. Іенъ-Хоу принадлежалъ къ людямъ подобнаго типа". Разъ ночью, когда докторъ караулилъ домъ, въ которомъ служила его Маргарита, къ дверямъ подошли объ руку солдатъ Брабантъ и Ада. Солдатъ даетъ Іенъ-Хоу пощечину. Докторъ упалъ; но затѣмъ поднялся и ушелъ, не сказавъ ни слова Это было въ апрѣлѣ. „Въ началѣ мая Іенъ-Хоу поплылъ на востокъ. Въ концѣ сентября былъ избранъ въ японскій парламентъ. Въ декабрѣ сталъ душой китайскаго министерства иностранныхъ дѣлъ (Дзунгъ-ли-Ямена) и часто путешествовалъ между Токіо и Пекиномъ".

Докторъ задумалъ колоссальный планъ. „Чего, собственно, добивался Іенъ-Хоу?—спрашиваетъ авторъ.—Попросту говоря,—онъ хотѣлъ обладать одною бѣлою женщиною. Но у него была еще и побочная цѣль: сдѣлать всевозможное зло всѣмъ бѣлымъ женщинамъ и мужчинамъ всего міра". На востокѣ Іенъ-Хоу поднялся, какъ ракета. Къ концу года мы находимъ его уже въ бесѣдѣ съ японскимъ премьеромъ маркизомъ Ито, которому онъ развиваетъ планъ нашествія на бѣлый міръ. „Мы—желтые люди, японцы и китайцы, играемъ въ дѣтскую дипломатическую игру, не стоющую гроша, съ Франціей, Россіей, Англіей и Германіей,—говоритъ Іенъ-Хоу.—И въ то же время мы всѣ отлично знаемъ, что и французы, и англичане, и остальные наши заклятые враги, наши

угнетатели, коршуны, высматривающіе лишь добычу. Если мы ихъ не уничтожимъ немедленно, они вскорѣ поглотятъ насъ... На землѣ теперь 408 милліоновъ христіанъ и 1.004 не христіанъ.

— Вы думаете, что простою численностью?..—начинаетъ Ито.

— Да, если бы мы умѣли воспользоваться во время, если бы мы ударъ нанесли двѣсти или сто лѣтъ тому назадъ. Я думаю, что и теперь еще время не ушло, если только желтая раса найдетъ великаго вождя. Но я глубоко убѣжденъ, что черезъ сто лѣтъ будетъ уже слишкомъ поздно... Предположимъ, я самъ подготовлю событіе...

— Вы, докторъ? Ужъ не предлагаете ли вы повести насъ на Парижъ и Лондонъ?

— Быть можетъ, маркизъ.

— Какъ? противъ пушекъ Норденфельда, Максима и Круппа? Китайцы разбѣгутся, когда увидятъ первую двѣнадцатифунтовую пушку.

— Когда китайцы пойдутъ на Парижъ и Лондонъ, тамъ больше не будетъ пушекъ... Неужели вы не видите, что Китай черезъ три мѣсяца можетъ истощить Европу, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла и не израсходовавъ ни одного таэля?—Потомъ Іенъ-Хоу развиваетъ свой планъ Ли-Хунгъ-Чангу. И нужно сознаться, что нѣкоторая доля возможности есть въ этомъ планѣ: именно, возможность колоссальной общеевропейской войны изъ за раздѣла Китая.

— Будемъ откровенны,—говоритъ Іенъ-Хоу старому китайскому дипломату.—Вы вѣдь согласны, что желтая раса погибнетъ, если предварительно не погибнетъ бѣлая... Если вы согласны со мной, то должны согласиться также, что настала пора дѣйствовать.

... Если бы мы могли найти поводъ, который заставилъ бы китайцевъ и японцевъ пересѣчь Азію и Кавказъ, то на землѣ нѣтъ силы, могущей удержать ихъ... Орду въ четыреста милліоновъ нельзя выкосить даже пушками. Но я совсѣмъ не хочу направить китайцевъ противъ пушекъ. Предположимъ, что предварительно мы уберемъ ихъ... Мы желаемъ истребить бѣлую расу. Для этого есть два пути. Мы можемъ истребить ее сами и можемъ также сдѣлать, чтобы она истребила другъ друга. Послѣ того, какъ бѣлые повоюютъ другъ съ другомъ, ихъ страны будутъ слабы и намъ легко удастся справиться съ ними. Тогда болѣе не останется пушекъ... Англія хуже всѣхъ. Нужно покончить раньше съ нею". Съ цѣлью вызвать войну, Китай начинаетъ дѣлать рядъ территоріальныхъ уступокъ европейскимъ державамъ. Франція добивается протектората надъ Гайнаномъ и Юнъ-Наномъ. Раззадоренные завистью, нѣмцы, русскіе, итальянцы, всѣ начинаютъ требовать и получаютъ необыкновенныя уступки. Вся европейская пресса окончательно теряется. Начинаются всюду толки про войну. И, наконецъ, неожиданно Германія, Франція и Россія объ-

являютъ войну Англіи, единственной странѣ, которая, по словамъ романиста, не проявила жадности къ захвату въ Китаѣ. Авторъ посвящаетъ цѣлую главу тому, какъ негодующій парламентъ принялъ извѣстіе о „преступномъ объявленіи войны Англіи". Сообщеніе Бальфура вызываетъ взрывъ энтузіазма и лояльности среди англійскихъ, ирландскихъ, шотландскихъ и уэльскихъ депутатовъ. „Бернсъ обмѣнивался рукопожатіями съ Чемберлэномъ. Два ирландскихъ депутата истерически рыдали, а Лабушэръ кричалъ все Гиксъ Бичу: „прежде нужно завоевать Россію, а потомъ уже Францію". Оппозиція перестала существовать".

Если черная сила олицетворена въ китайскомъ докторѣ, то свѣтъ, геній Англіи, какъ его понимаетъ авторъ, тоже имѣетъ свою инкарнацію—гардемарина Джона Гарди. „Мы сказали что, *быть можетъ*, докторъ Іенъ-Хоу былъ наиболѣе замѣчательная личность въ мірѣ. Мы сказали бы это утвердительно, если бы не думали въ это время про гардемарина Джона Гарди. Они оба держали въ своихъ рукахъ судьбы міра. Каждый изъ нихъ имѣлъ свое представленіе о томъ, какой видъ должны принять всѣ страны въ будущемъ. И каждый хотѣлъ, чтобы это свершилось согласно *его* представленію. Каждый изъ нихъ былъ безконечно мощенъ. Волею судебъ было предопредѣлено, чтобы и тотъ, и другой встрѣтились". Тотъ классъ, который выдвинутъ переходомъ Англіи изъ фазиса развитія промышленнаго капитала въ биржевой, счелъ бы теперь личнымъ оскорбленіемъ, если бы романистъ вывелъ героями мусорщика (Боффинъ у Диккенса) или дочь лодочника (Лизи въ романѣ „Нашъ общій другъ"). Англійская биржа, какъ мы видѣли изъ прошлаго письма, крайне консервативна и презираетъ массы. Странное дѣло, биржа пользуется титулованной знатью лишь какъ вабиломъ для приманки тетеревовъ-акціонеровъ, между тѣмъ, сама благоговѣетъ предъ лордомъ. Джонъ Гарди, въ силу этого, внукъ лорда. Демократія безъ аристократіи, что яйцо безъ соли. Чтобы Джонъ Гарди могъ стать героемъ, необходимъ былъ цѣлый рядъ блестящихъ предковъ, для которыхъ море являлось родной стихіей. Онъ—вершина пирамиды, основаніемъ которой служитъ длинный рядъ предковъ, проведшихъ жизнь въ морской службѣ. Истинный патріотъ знаетъ все, презирая науки и ничему не учившись. Книжныя науки — вздоръ. Главное лишь — „business", дѣло, т. е. умѣнье сражаться, и это пріобрѣтается само собою. „Джонъ Гарди презиралъ людей науки". Морскую школу ему тоже не удалось окончить вслѣдствіе того, что онъ никакъ не могъ одолѣть математики и французскаго языка. За то молодой геній любитъ вино и женщинъ. Не трудно угадать, почему авторъ надѣляетъ этими талантами своего героя. Причина слѣдующая. Нельсонъ любилъ вино и женщинъ. Нельсонъ былъ великій морякъ. Слѣдовательно, всякій великій морякъ долженъ любить вино и женщинъ. Герой участвуетъ, какъ гар-

демаринъ, въ морской битвѣ съ соединеннымъ русскимъ, французскимъ и германскимъ флотами; но становится какъ-то начальникомъ эскадры и топитъ всѣ непріятельскія суда. Ему Англія обязана великой побѣдой. Газеты прославляютъ его подвигъ, въ мюзикъ-голлахъ воспѣваютъ героя; но онъ уѣзжаетъ на континентъ. Два дня проводитъ въ Парижѣ, день въ Берлинѣ и день въ Петербургѣ. Не зная ни одного языка, не читая ничего, герой, на глазомѣръ, опредѣляетъ, что Франція — сгнила, что она „перецивилизована", что Германія „помѣшалась", а русскіе „сырой и новый матеріалъ и, на придачу, совсѣмъ не составляютъ націи". „Ни французы, ни нѣмцы, ни русскіе, въ силу этого, — пишетъ герой, — не могутъ быть избраннымъ народомъ. Будущее принадлежитъ намъ".

III.

Когда Европа въ достаточной степени истощила свои силы во взаимной борьбѣ, Ариманъ двинулъ на нее свои желтыя полчища. „Вся его система организаціи Китая, — говоритъ Шиль, — была основана на глубокомъ знаніи характера китайцевъ. Основныя черты послѣдняго: — безграничная жадность, полное презрѣніе ко всему міру, лежащему за предѣлами Китая, и дьявольская любовь къ жестокости. Даже наиболѣе гнуснымъ европейцамъ трудно себѣ представить отвратительные инстинкты китайской расы". Какъ извѣстно, европейцы много разъ проявляли въ отношеніи къ китайцамъ свою кротость, въ особенности же сдѣлали это союзники въ 1900 г.!

Нужно сознаться, что въ лубочномъ, въ общемъ, романѣ Шиля китайское нашествіе описано съ большою силою.

„Каждый китаецъ сталъ солдатомъ. Всеобщая воинская повинность въ Китаѣ! Урокъ, данный Европой, былъ выученъ! Но когда я говорю „солдатъ", то подразумѣваю нѣчто другое, чѣмъ въ Европѣ. Словомъ „солдатъ" я не опредѣляю человѣка, вооруженнаго магазинкой Ли-Метфорда, Мартини или Снайдера. Я подразумѣваю лишь людей, вооруженныхъ чѣмъ попало: дубиной, дротикомъ, кремневымъ ружьемъ, словомъ, всѣмъ, что можетъ напоминать человѣку о томъ, что онъ идетъ сражаться. Оружіе должно было лишь на мгновеніе замедлить смерть солдата, покуда наползутъ миріады другихъ китайцевъ и растерзаютъ убившихъ его. Китайская орда напоминала полетъ саранчи. Обязанностью солдатъ было не столько сражаться, сколько затянуть время своею смертью. Для этой службы не было ни достаточно старыхъ, ни слишкомъ молодыхъ. Старики, дѣти, женщины—всѣ годились. Такимъ образомъ, китайская армія состояла изъ 400 милл. человѣкъ, изъ всего населенія Китая".

„Никогда еще міръ не видалъ такой неопрятной, нестройной, разбросанной арміи; но не было также другой арміи, которая бы такъ неукоснительно стремилась къ намѣченной цѣли, какъ эта. Съ каждымъ днемъ она на пятнадцать верстъ все болѣе приближалась къ цѣли. То не была пѣхота, хотя милліоны шли большую часть пути пѣшкомъ. Блиндированныя кибитки, составлявшія обозъ, растянулись отъ одного конца континента до другого. На нихъ подсаживались поперемѣнно усталые. Жизнь къ тому же не щадилась. Больные отставали и умирали на пути, какъ погибаютъ слабые журавли, отставшіе во время перелета отъ косяка. Орда растянулась на 1.800 верстъ. Въ этой колоссальной арміи, змѣившейся изъ конца въ конецъ материка, были женщины, младенцы, родившіеся во время похода, преклонные старики и десятилѣтнія дѣти... Орда разбивалась на отдѣльныя меньшія орды, соотвѣтственно провинціямъ. Каждая изъ этихъ меньшихъ ордъ говорила на своемъ особомъ языкѣ, возила своихъ собственныхъ боговъ, управлялась своими мѣстными вождями. Лишь болѣе важные посты были заняты японцами... Уже съ самаго начала похода солдаты Іенъ-Хоу, привыкшіе жить впроголодь на грошъ въ недѣлю, стали постигать прелесть жизни, вкусили роскошь. Кромѣ риса, соли, чая и сушеныхъ овощей, — солдаты получали колбасы, пресованное и свѣжее мясо, сухари". Авторъ подробно разсказываетъ, какъ было устроено интендантство орды.

„Россію Іенъ Хоу разсчитывалъ захватить врасплохъ. Туда должно было хлынуть шестьдесятъ милліоновъ китайцевъ. Шестнадцать милліоновъ, часть стомилліонной тибетской орды, залили балканскія государства. Восемьдесятъ четыре милліона китайцевъ шли на Германію, Австрію и Швейцарію, сто двадцать милліоновъ—на Францію и Италію, десять милліоновъ—на Норвегію и Швецію. Такъ какъ Голландія, Бельгія и Испанія не участвовали въ общеевропейской войнѣ и не были, въ силу этого, обезсилены, то противъ нихъ шла орда въ тридцать милліоновъ". Орда тронулась, заливая кровью весь путь.

„Въ то время, какъ первые отряды второго корпуса переправлялись черезъ Волгу у Сызрани, между Пермью и Астраханью не осталось въ живыхъ и тысячи русскихъ... Битвы не было. Тѣ, которые успѣвали бѣжать, прятались въ лѣсахъ и оврагахъ. Остальные слышали вопль китайцевъ и погибали. Двойной вопль поднимался къ небу: жертвы и убійцъ. И „желтый ужасъ" распространился вначалѣ медленно, а потомъ стремительно, какъ молнія. Въ былое время матери пугали дѣтей страшнымъ шопотомъ: „норманы идутъ"! Ужасъ, охватившій Европу послѣ того, какъ раздался крикъ: „китайцы идутъ"! не имѣлъ себѣ предшественниковъ. Черная смерть, опустошившая въ средніе вѣка Европу, не такъ обезумила все населеніе, какъ желтый ужасъ, хлынувшій съ неудержимой силой, какъ водопадъ. Никогда еще

съ земли не поднимался такой вопль, какъ въ серединѣ сентября. Оправдались слова Апокалипсиса: „горе, горе вамъ обитатели земли“! Китайская волна смыла всякое сопротивленіе. Нѣсколько сильныхъ крѣпостей, которыя отбили атаку, взяты были голодомъ. Всюду желтая орда рѣжетъ и пытаетъ бѣлое населеніе. Авторъ съ большою силою описываетъ эти сцены. Въ преступленіи желтокожіе неистощимы. То, что мы можемъ лишь подумать,—они дѣлаютъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ мы кончаемъ, монголы лишь начинаютъ. Наконецъ, взятъ Парижъ, который долженъ стать столицей новаго китайскаго міра. Соборъ Парижской Богоматери обращенъ въ главный китайскій храмъ, въ которомъ приносятся человѣческія жертвы. Не бѣда, что ни буддизмъ, ни религія Конфуція не признаютъ такихъ жертвъ. Авторъ лучше знаетъ.

И вотъ, когда вся Европа превращается въ адъ; когда въ самой природѣ происходятъ пертурбаціи, которыя на нѣсколько недѣль скрываютъ совершенно солнце и устанавливаютъ продолжительную ночь,—для спасенія міра выступаетъ Англія. Ормуздъ Джонъ Гарди ведетъ небесныя воинства, „Томи Аткинса“, противъ адскихъ полчищъ Аримана — Іенъ-Хоу. Происходитъ колоссальное морское сраженіе соединеннаго китайско-японскаго флота съ англійскимъ. Не смотря на то, что непріятель во сто разъ превосходитъ численностью англичанъ, Ормуздъ поражаетъ Аримана, который гибнетъ вмѣстѣ съ китайскимъ флотомъ. Военный флотъ непріятеля конвоировалъ 100 тысячъ барокъ; которыя должны были высадить на берега Англіи двадцать милліоновъ китайцевъ. Гарди велитъ забрать на буксиръ всѣ эти барки и отвозить ихъ на сѣверъ, къ берегамъ Норвегіи, гдѣ топитъ всѣхъ въ Мальштремѣ. Описанъ, конечно, не тотъ водоворотъ дѣйствительности, который совершенно спокойно проѣзжается пароходами и который избѣгается лишь при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, а фантастическій водяной кратеръ Эдгара По. Джонъ Гарди отбираетъ лишь сто пятьдесятъ китайцевъ, которымъ велитъ привить чуму и высаживаетъ ихъ въ Копенгагенѣ, Кенигсбергѣ, Стокгольмѣ, Петербургѣ, Амстердамѣ, Одессѣ, словомъ во всѣхъ портахъ Европы, занятой китайцами. Страшная чума вскорѣ распространяется среди многомилліонной орды. „Черезъ три недѣли погибло сто пятьдесятъ милліоновъ китайцевъ. Европа превратилась въ колоссальную смердящую живодерню. Черезъ три мѣсяца, однако, чума прекратилась; но Англіи предстояла еще долгая, утомительная и кровавая работа:—очистить Европу отъ ста милліоновъ китайцевъ“.

Финалъ романа освѣщенъ бенгальскими огнями крайняго джингоизма. Онъ вспыхиваетъ громаднымъ снопомъ, ослѣпляя имперіалистовъ изъ *Daily Mail.* Англія становится владычицей всего міра. Послѣ уничтоженія китайцевъ „европейскій конти-

нентъ сталъ британской территоріей. Вмѣстѣ съ этимъ, Англія стала владычицей всей Азіи и Африки. А если Европа, Азія и Африка принадлежали ей, то также, безъ сомнѣнія, и Америка, такъ какъ не могутъ существовать рядомъ двѣ державы, одна колоссальная, а другая, сравнительно малая, безъ того, чтобы болѣе сильная не стала сюзереномъ болѣе слабой. Британскій скипетръ, такимъ образомъ, протянулся отъ полюса до полюса, отъ края до края земли... Результатомъ уничтоженія границъ между народами было уничтоженіе перегородокъ между людьми. Уничтожилась разница между *я* и *ты*, возстановилось равенство. Наступила эпоха расцвѣта культуры. Насталъ золотой вѣкъ. Британскій флагъ развѣвался надъ всѣмъ міромъ. Слова Франція, Германія, Россія сохранились лишь для отмѣтки на конвертахъ, для удобства почты...“

IV.

Итакъ, передъ нами романъ не только съ тенденціей, но и съ прогнозомъ будущаго. Мнѣ припоминается разсужденіе Сутерлэнда, автора книги „Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта“ о благодѣтельномъ вліяніи войнъ на прогрессъ нравственности. „Совершенно очевидно,—говоритъ Сутерлэндъ,—что война, разсматриваемая съ самой широкой точки зрѣнія, должна уничтожать воиновъ и, слѣдовательно, оставлять для миролюбивыхъ элементовъ больше простора продолжать свою скромную жизнь, такъ что эти миролюбивые элементы и становятся преимущественно отцами слѣдующаго поколѣнія... Во всѣ времена войны стремились къ уничтоженію наиболѣе воинственнаго типа натуры, вродѣ Ричарда Львинное Сердце или Карла VII, страстно любящія войну для нея самой, подвергаются огромному риску быть убитыми ранѣе достиженія ими зрѣлаго возраста... Если три четверти изъ людей, для которыхъ кровопролитіе имѣетъ извѣстную прелесть, падаютъ мертвыми, то человѣческая раса тѣмъ самымъ освобождается отъ нѣкоторой части своихъ наиболѣе воинственныхъ элементовъ *). Мы не можемъ не восхищаться ихъ храбростью и оплакивать ихъ участь, но это не помѣшаетъ уменьшенію общей суммы боевыхъ инстинктовъ въ человѣчествѣ... По мѣрѣ того, какъ развивалась цивилизація, скорость процесса быстро возрастала, такъ какъ на той ступени общественнаго развитія, на которой общество распадается, съ одной стороны, на миролюбивыхъ гражданъ, ненавидящихъ кровопролитіе и остаю-

*) Ту же мысль выразилъ Вольтеръ, описывая войну болгаръ съ аварами. «La mousqueterie ôta du meilleur des mondes environ neuf à dix mille coquins qui en infectaient la surface. La baïonette fut aussi la raison suffisante de la mort de quelques milliers». (Candide, Chap. III).

щихся дома, а съ другой—на классъ профессіональныхъ воиновъ, которые изъ любви къ приключеніямъ, врожденной наклонности къ жестокости или изъ простого честолюбія, идутъ въ чужія страны и тамъ складываютъ свои головы, будетъ явное стремленіе къ рожденію новаго поколѣнія скорѣе отъ первой части общества, чѣмъ отъ второй" *). Можно было бы привести много возраженій противъ этой теоріи. Наприм., хотя бы слѣдующее. Теперь условія войны не тѣ, что при Эдуардѣ III, при Генрихѣ V или при Валленштейнѣ. Походъ, объявленный ими, дѣйствительно, собиралъ подъ знамена отчаянныхъ головорѣзовъ, жаждавшихъ убійствъ, грабежа и насилія надъ женщинами. Смерть этихъ людей, дѣйствительно, не была большой потерей для страны, если не считать, что солдаты Генриха V или ландскнехты Валленштейна рѣзали не только солдатъ, но и мирныхъ обывателей, ненавидѣвшихъ войну. Въ наше время, кромѣ Англіи и Америки, армія вербуетъ не только людей, любящихъ войну. Всѣ граждане обязаны служить. Въ силу этого, на первый планъ выступаетъ уже не „дезинфецирующее" вліяніе войны, а нѣчто другое, именно, *регрессивное* вліяніе военнаго подбора. Армія оттягиваетъ всѣхъ здоровыхъ и крѣпкихъ молодыхъ людей. Въ случаѣ войны, они погибнутъ, не оставивъ потомства. Въ воинскихъ присутствіяхъ бракуютъ всѣхъ слабосильныхъ, калѣкъ, не вышедшихъ ростомъ и пр. Всѣ они имѣютъ шансы обзавестись потомствомъ, тогда какъ сильные и энергичные умрутъ безъ потомства. Военный подборъ, такимъ образомъ, содѣйствуетъ не возрожденію народа, какъ полагаетъ Сутурлэндъ, а вырожденію. Романъ Шиля наводитъ еще на одно замѣчаніе къ теоріи Сутерлэнда. Война создаетъ далеко отъ театра дѣйствій особую атмосферу, насыщенную ядовитыми парами. Въ этой атмосферѣ всѣ явленія принимаютъ совершенно иной характеръ. Какъ кутилы въ „Фаустѣ", дышащіе отравленной атмосферой, видятъ вмѣсто носа виноградную лозу. Создаются идеалы чудовищные по своей концепціи, совершенно непостижимые людямъ, на которыхъ ядовитая атмосфера не дѣйствуетъ. Въ отравленномъ воздухѣ теряется всякое представлеіе о реальной дѣйствительности. Люди какъ бы накурились гашишемъ. Все неподвижное колеблется, расползается туманомъ, принимаетъ то страшные, то обольстительные образы, и накурившійся гашишемъ то грозитъ имъ, то хохочетъ отъ восторга. Подъ вліяніемъ паровъ зеленой смолы, накурившійся иногда видитъ явленія дѣйствительной жизни, но *наоборотъ*. Такъ, напримѣръ, если накурившемуся прежде нанесли смертельную обиду, на которую по слабости или по трусости онъ не могъ отвѣтить и затаилъ лишь въ сердцѣ бѣшенство безсилія,—то послѣ пріема.

*) *Сутерлэндъ*. «Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта», стр. 442—443.

гашиша, гложущаго чувства стыда и муки больше нѣтъ. Накурившійся знаетъ, что тяжкое оскорбленіе нанесено; но представляетъ себѣ, что не ему нанесено оно было, а, наоборотъ, онъ самъ нанесъ жестокую, позорящую обиду врагу. Продуктомъ такой отравленной атмосферы является романъ Шиля. И авторъ, и читатели совершенно забываютъ дѣйствительность, т. е. двухгодичную войну величайшей въ мірѣ имперіи съ крошечнымъ народомъ, войну, которая, тѣмъ не менѣе, дала Англіи „черную недѣлю" трехъ большихъ пораженій. Какъ гашишированные, авторы и читатели видятъ дѣйствительность *наоборотъ*: малочисленныя англійскія силы побѣждаютъ весь міръ. То, что война создаетъ далеко отъ театра дѣйствія—отравленную атмосферу, насыщенную одуряющими теоріями—совершенно не принято во вниманіе Сутерлэндомъ. Можно себѣ представить, каковы идеалы будущаго, созданные въ атмосферѣ, напитанной запахомъ дымящейся крови! Отчасти мы видѣли уже это въ „Желтомъ ужасѣ". Болѣе подробно мы видѣли это въ послѣднемъ произведеніи того же автора, которое имѣетъ еще большій успѣхъ, чѣмъ первый романъ. Я говорю о „Властителѣ морей".

V.

Мы, русскіе, по традиціи, привыкшіе считать англійскій романъ *реальнымъ*, бываемъ сильно смущены, когда намъ приходится знакомиться съ современной беллетристикой. Косвенно, конечно, она является отраженіемъ эпохи; но заботой англійскихъ романистовъ, какъ будто бы, стало вытравить всякую печать дѣйствительности. Фабула властно подавила все, фабула сложная, совершенно невѣроятная въ современномъ обществѣ. Живыхъ характеровъ нѣтъ. На всѣхъ почти произведеніяхъ лежитъ тяжелое клеймо фабричности, стремленіе угодить грубому, полудикому, хотя по внѣшности культурному потребителю. Странный литературный ублюдокъ получается тогда, когда романисту, привыкшему писать произведенія, какія въ спросѣ, вздумается создать нѣчто „идейное". Таковъ именно „Властитель морей". Злодѣй романа обвиняетъ героя въ убійствѣ, котораго тотъ не совершилъ. Ричарда Гогарта (такъ зовутъ героя) приговариваютъ къ смертной казни, которая замѣнена ему пожизненной каторжной работой. Гогартъ проводитъ въ Кольмурской тюрьмѣ нѣсколько лѣтъ. Здѣсь онъ знакомится съ каторжникомъ, разстриженнымъ священникомъ, который сообщаетъ ему про аэролитъ, упавшій въ сѣверо-восточной Европѣ и весь состоящій изъ громадныхъ щетокъ алмазовъ. Въ тюрьмѣ герою приходитъ мысль о возможности установить на землѣ золотой вѣкъ при помощи національзаціи земли. Мысль всецѣло захватываетъ Гогарта, и онъ рѣ-

шается бѣжать, чтобы осуществить ее. Какъ рыцарь, онъ предупреждаетъ смотрителя о томъ, что убѣжитъ. Гогарта запираютъ въ холодный карцеръ, сѣкутъ, морятъ голодомъ и холодомъ; но героямъ „тщетны всѣ препоны“, и заключенный свершаетъ побѣгъ изъ тюрьмы. Богатая фантазія Шиля особенно проявилась при выработкѣ сложнаго плана побѣга. Наконецъ, герой на свободѣ и, послѣ многочисленныхъ приключеній, находитъ аэролитъ, который дѣйствительно содержитъ множество алмазовъ поразительной величины и блеска.

Теперь онъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ людей на землѣ и можетъ привести въ исполненіе планъ, который задумалъ въ тюрьмѣ. Гогартъ скупаетъ алмазныя розсыпи Дебирсовой компаніи и вскорѣ оказывается обладателемъ несмѣтныхъ богатствъ. Тогда онъ заключаетъ союзъ съ республикой Эквадоръ и отъ имени президента заказываетъ восемь гигантскихъ судовъ, являющихся, въ сущности, плавучими островами, блиндированными непроницаемой броней, на столько крѣпкими, что могутъ безопасно выдержать самыя страшныя бури Атлантическаго океана. Эти пловучія крѣпости устанавливаются на якоряхъ на „большихъ дорогахъ“ океана. Такъ величайшая изъ пловучихъ крѣпостей—*Буда*—устанавливается въ томъ мѣстѣ Гольфштрема, гдѣ великое теченіе раздѣляется на два русла, изъ которыхъ одно идетъ къ берегамъ Африки, а другое — къ Ирландіи. Такимъ образомъ, *Буда* занимаетъ большую дорогу между Европой и Соединенными Штатами. Его гигантскія пушки могутъ обстрѣливать площадь, радіусъ которой 35 верстъ. Внутренняя отдѣлка плавучихъ крѣпостей поражала своею роскошью. Посѣщеніе этихъ блиндированныхъ острововъ стало модой среди богачей всѣхъ странъ.

Но вотъ неожиданно Гогартъ обращается съ манифестомъ ко всему міру и превозглашаетъ себя властителемъ морей. „Точно такъ, какъ лэндлордъ взимаетъ ренту за землю, которая вначалѣ дана была человѣчеству для общаго пользованія,—точно такъ же я, властитель морей, буду взимать отнынѣ дань отъ всѣхъ, которые захотятъ пользоваться океаномъ, какъ большой дорогой“,—говоритъ Гогартъ. Каждый корабль долженъ платить дань въ размѣрѣ четырехъ шиллинговъ съ тоны. Въ предисловіи Шиль говоритъ, что онъ совѣтовался съ величайшими спеціалистами, какъ въ морскомъ дѣлѣ, такъ и въ международномъ правѣ, и тѣ сказали ему, что въ идеѣ захвата океана нѣтъ ничего невозможнаго при настоящихъ условіяхъ. „Восемь плавучихъ крѣпостей растянулись громаднымъ полумѣсяцемъ, вогнутая сторона котораго была направлена къ Европѣ,—отъ Гибралтарскаго пролива до 55° с. ш., гдѣ лежитъ путь отъ Глазго въ Квебекъ. Такимъ образомъ, были захвачены всѣ морскіе торговые пути Европы съ Сѣверной и Южной Америкой, съ Западной и Южной Африкой,

а также съ Австраліей вокругъ мыса Горна. Другой рядъ помѣстился въ Бабъ-эль-Мандэбскомъ проливѣ, захвативъ, такимъ образомъ, торговый путь черезъ Суэцкій каналъ со всѣмъ востокомъ и съ Южной Африкой. Плавучая крѣпость въ Категатѣ стояла на пути, по которому идутъ товары во всѣ порты Балтійскаго моря. Далѣе, крѣпости помѣщались въ пятидесяти миляхъ отъ Санъ-Франциско и на такомъ же разстояніи отъ Нагассаки. Такимъ образомъ, подъ контролемъ были пути изъ Японіи въ Америку, изъ Австраліи въ Санъ-Франциско и въ значительной степени торговые пути изъ Китая и Россіи въ Японію".

Какъ и въ первомъ романѣ, авторъ съ особой любовью останавливается на описаніяхъ морскихъ битвъ. Властитель морей провозглашаетъ, что всѣ суда, вышедшія въ море безъ надлежащаго разрѣшенія повелителя, будутъ уничтожены. „Нѣмецкій атлантическій пароходъ *Wilhelm der Grosse* первый испыталъ на себѣ власть новаго повелителя морей. Капитанъ съ гнѣвомъ отвѣтилъ, когда у него потребовали дань, что не заплатитъ ни гроша, и приказалъ уходить на всѣхъ парахъ. *Wilhelm der Grosse* былъ уже въ двухъ миляхъ отъ *Буды*, какъ вдругъ въ морѣ образовалась пропасть. Раздался зловѣщій гулъ, похожій на хриплый вой сторожевого пса адскихъ воротъ. Возлѣ корабля выбросило вверхъ громадный водяной столбъ, въ 200 футовъ въ вышину. И когда столбъ упалъ, вмѣстѣ съ нимъ палъ ливень черныхъ обломковъ.

Торпеда пробила въ килѣ брешь въ пять футовъ діаметромъ. Пароходъ погибъ, но экипажъ и пассажиры вмѣстѣ съ денежной почтой спасены лодками, посланными съ *Буды*. Такимъ же образомъ другими крѣпостями были пущены ко дну семнадцать другихъ пароходовъ. Весь міръ былъ пораженъ дерзостью предпріятія, а Гогартъ между тѣмъ взималъ дань со всѣхъ кораблей и къ концу года собралъ болѣе милліарда рублей. Къ этому времени составилась великая европейская коалиція съ цѣлью уничтоженія морскихъ крѣпостей. Союзники заранѣе не поладили по поводу того, что дѣлать съ морскими крѣпостями, когда онѣ будутъ взяты. Франція и Россія считаютъ, что наступилъ подходящій моментъ для нападенія на Англію; но, въ концѣ концовъ, англійскій флотъ съ нѣсколькими союзниками готовится атаковать *Буду*. Брать морскую крѣпость идетъ флотъ, состоящій изъ 26 броненосцевъ, 20 крейсеровъ, 7 торпедныхъ лодокъ, 8 миноносокъ и трехъ корветовъ. Гогартъ получилъ телеграмму съ плавучей крѣпости близъ Гибралтара, что Россія и Франція собираются сдѣлать десантъ въ Англіи, и, какъ патріотъ, предупреждаетъ объ этомъ адмирала британскаго флота. Адмиралъ считаетъ сообщеніе военной хитростью и велитъ готовиться къ бою. Сигналъ для атаки *Британія*. Сигналъ Гогарта—справедливость. Мы не должны забывать, что властелинъ морей носится съ про-

ектомъ осуществленія на землѣ золотого вѣка. Нашъ романистъ лишь твердо убѣжденъ, что предварительно для этого нужно подвергнуть весь міръ кровавому крещенью. Начинается морской бой. Не смотря на то, что къ англичанамъ присоединяется еще американскій флотъ,—исходъ боя гибеленъ для союзниковъ. Изъ семидесяти восьми судовъ спасаются лишь двадцать, да и то въ крайне поврежденномъ видѣ.

„Послѣднее усиліе Европы не признать морскую имперію было сдѣлано 14 октября. Министръ премьеръ словесно отказался заключить формальный мирный договоръ.

— Вашъ властелинъ,—сказалъ премьеръ посланнику новаго короля,—не больше, какъ морской разбойникъ, только въ крупномъ масштабѣ.

Черезъ день вся морская торговля Англіи была пріостановлена. Еще черезъ день Англія находилась на рубежѣ революціи, а 17 октября мирный договоръ былъ заключенъ". *Буда* сталъ не только крѣпостью, но и дворомъ новаго государя, куда устремились представители всѣхъ державъ. „Весь міръ лежалъ у ногъ повелителя морей. Онъ могъ, если бы захотѣлъ, уморить голодомъ Англію, Францію и Германію". И когда новый король добился власти, онъ приступилъ къ осуществленію золотого вѣка на землѣ. Уже давно статистика всецѣло захватила Гогарта. „Она ему говорила о родителяхъ, убивающихъ дѣтей, чтобы получить маленькую страховую премію; о промыслахъ, влекущихъ за собою страшныя, специфическія болѣзни, какъ фосфорное гніеніе челюсти (phossy jaw), свинцовая судорога, гончарное пораженіе суставовъ (potter's rot), параличъ молотобойцевъ и т. д. Статистика говорила Гогарту, что въ Англіи ежедневно милліонъ людей, чтобы не умереть отъ голода, должны идти въ рабочій домъ, что 40% стариковъ, достигшихъ семидесятилѣтняго возраста—нищіе; что дѣти получаютъ $2^1/_2$ пенса (гривенникъ) за изготовленіе 12 дюжинъ спичечныхъ коробокъ; что молодыя дѣвушки вынуждены работать столько, сколько не работаетъ ни одинъ африканскій невольникъ. Изъ статистическихъ таблицъ Гогартъ узнавалъ, что въ Глазго на каждыя 100 семействъ—41 не имѣетъ больше одной комнаты. Отцы недѣлями не видятъ своихъ дѣтей, а если видятъ — то спящими. На ткацкихъ фабрикахъ дѣвочки-работницы принимаютъ регулярно рвотное, чтобы такимъ образомъ избавиться отъ оческовъ и отъ пыли. Почва Англіи, которая могла бы прокормить тысячи милліоновъ людей, теперь кормитъ лишь двѣнадцать милліоновъ. Все это было ужасно; но въ то же время до такой степени чудовищно нелѣпо, что граничило даже со смѣшнымъ. То была опера-буффъ, поставленная въ аду". „Гласъ въ Рамѣ слышанъ, плачъ и рыданіе и вопль великій", ибо Господь сотворилъ море для всѣхъ людей, а діаволъ захватилъ его. Но Господь сотворилъ также и твердь для всѣхъ;

но такъ какъ ее захватили уже давно, то люди считали это естественнымъ. Въ такомъ заблужденіи пребываетъ все человѣчество".

Гогартъ приходитъ къ выводамъ Генри Джорджа. И, когда имя властелина морей становится страшно всему міру, король океана издаетъ манифестъ. Самъ Шиль необыкновенно высокаго мнѣнія объ этомъ документѣ. „Эта единственная въ своемъ родѣ хартія останется въ исторіи, покуда живо человѣчество. Она такъ проста, что дитя можетъ понять ее и, въ то же время, хартія такъ же всеобъемлюща, какъ небесный сводъ. Манифестъ произвелъ глубокое впечатлѣніе на человѣчество, какъ документъ, заключающій все то, что предрекали пророки и сивилины книги. Манифестъ единовременно появился во всѣхъ газетахъ всего міра. Онъ былъ расклеенъ также на улицахъ. Высчитывали, что одно обнародованіе хартіи обошлось повелителю морей въ 500 тысячъ ф. ст". Познакомимся, однако, съ этой „всеобъемлющей, какъ небесный сводъ", хартіей, возвѣщавшей человѣчеству о наступленіи золотого вѣка. „Божьей милостью Ричардъ симъ объявляетъ и устанавливаетъ слѣдующее: 1) Планета Марсъ дана для жителей Марса, планета Венера для жителей Венеры, а планета Земля—для людей. Въ силу этого, когда я говорю „планета", читатели понимаютъ, что я думаю *всю* планету, а когда говорю, „жители ея", то подразумѣваю *все* населеніе. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Итакъ, вся поверхность каждой планеты дана для всего населенія ея.

2) Разумъ сразу постигаетъ, что фактъ этотъ вполнѣ естественъ; онъ является аксіомой, составляющей основной принципъ жизни во всей планетной системѣ.

3) Представимъ, что планета населена лишь одними живыми существами. Изъ основного принципа вытекаетъ, что вся планета и каждая часть ея дана для единственнаго обитателя. Предположимъ, что на планетѣ живутъ два человѣка. Они условливаются между собой, что каждый изъ нихъ займетъ одно полушаріе; но такъ какъ сѣверное полушаріе болѣе благопріятно для жизни, чѣмъ южное, то оба желаютъ занять его. Въ концѣ концовъ, А занимаетъ сѣверное полушаріе, В—южное. Но за пользованіе лучшей землей А уплачиваетъ В частью своего урожая. Разумъ сразу постигаетъ, что это естественно и справедливо. И здѣсь основной принципъ жизни гласитъ, что вся планета и каждая часть ея даны обоимъ обитателямъ. Ибо В, получая вознагражденіе, пользуется преимуществами не только своей доли, но и доли А. Послѣдній же, уплачивая вознагражденіе, пользуется преимуществами не только своей доли, но и части планеты, принадлежащей В. Если бы участокъ В не былъ такъ хорошъ, А долженъ былъ бы приплачивать еще большее вознагражденіе. Такимъ образомъ, оба пользуются одинаково всей планетой и каждой частью ея. Предположимъ теперь, что на планетѣ живетъ еще

третій обитатель—С. Участокъ его самый плохой. Въ этомъ случаѣ А приплачиваетъ В и С, а В приплачиваетъ С. Вся планета и каждая часть ея одинаково принадлежатъ всѣмъ тремъ обитателямъ. Вознагражденіе, которое А уплачиваетъ В и С, а В—С за пользованіе лучшими участками—зовется *рентой*. Она уплачивается всѣми обитателями планеты. Предположимъ, что на планетѣ четыре или пять жителей. И здѣсь основной принципъ примѣнимъ. То же самое въ томъ случаѣ, если на планетѣ живутъ 5 милліардовъ людей. Число ихъ, безъ сомнѣнія, не подрываетъ принципа, напротивъ, даже усиливаетъ необходимость примѣненія его. И въ данномъ случаѣ планета и каждая часть ея дана для всѣхъ обитателей, какъ тогда, когда ихъ было одинъ, два или три. Такимъ образомъ, суммируя все вышесказанное, мы можемъ сказать: рента естественна и справедлива, когда она уплачивается всѣми обитателями планеты.

4) Въ силу всего вышеизложеннаго Повелитель морей отнюдь не думаетъ утверждать, что произведенный имъ захватъ океана естественъ и справедливъ. Наоборотъ, признаетъ, что захватъ несправедливъ, такъ какъ получаетъ ренту отъ человѣчества, вмѣсто того, чтобы платить ее всѣмъ. Но Повелитель морей утверждаетъ, что захватъ океана не такъ несправедливъ и не такъ чреватъ бѣдствіями, какъ захватъ какой-нибудь части суши. Ибо человѣкъ созданъ не морскимъ, а земноводнымъ животнымъ. Болѣе того, Повелитель морей захватилъ океанъ лишь для того, чтобы усилить основной принципъ.

5) Можно легко предвидѣть, что природа отомститъ обитателямъ той планеты, гдѣ основной принципъ былъ нарушенъ. Наказаніе вполнѣ соотвѣтствуетъ важности свершеннаго правонарушенія.

6) Земля наша является нагляднымъ примѣромъ. На ней свершены два отдѣльныхъ нарушенія основного принципа; каждое изъ нихъ важно; но одно нарушеніе ничтожно въ сравненіи съ другимъ.

7) Соотвѣтственно съ этимъ мы видимъ, что природа послала человѣчеству за меньшее нарушеніе—слабое наказаніе, а за большее—сильное наказаніе.

8) Меньшее нарушеніе состоитъ въ томъ, что отдѣльныя націи присвоили себѣ части земной поверхности, называемыя странами. Китайцы утверждаютъ, что Китай болѣе принадлежитъ имъ, чѣмъ англичанамъ, а послѣдніе убѣждены, что Англія больше принадлежитъ имъ, чѣмъ русскимъ или же перувіанцамъ. Въ сущности же Китай, Англія и Перу принадлежатъ всѣмъ людямъ.

9) За это сравнительно не важное нарушеніе основного принципа природа послала человѣчеству сравнительно небольшое наказаніе—войну.

10) Война порождаетъ толки о войнѣ, боязнь ея, обремени-

тельную необходимость готовиться къ бою, затѣмъ — кризисы, панику, ненависть одной націи къ другой и тому подобныя бѣдствія. Каждое изъ нихъ въ отдѣльности очень велико; но всѣ вмѣстѣ, сравнительно, малы. Для уничтоженія войны и страха предъ ней нужно покончить съ причиной ее порождающей. Это не только не трудно, но, наоборотъ, очень даже легко. Когда человѣкъ боленъ, ему нужны не непонятныя лѣкарства, не литое золото, но свѣжій воздухъ, движеніе и простая, питательная діэта. Требуется широкое примѣненіе дѣйствія природы. Точно также нужно поступать при международномъ заболѣваніи. Пусть, въ силу этого, англичане живутъ, по прежнему, въ Англіи, а китайцы—въ Китаѣ. Но пусть рента, которую прежде платило населеніе Англіи—поступитъ, послѣ того, какъ будетъ собрана англійскимъ правительствомъ, въ распоряженіе Всемірнаго Центральнаго Совѣта. Туда же пусть поступитъ вся рента, собранная въ Китаѣ, Перу. Всемірный Центральный Совѣтъ пусть расходуетъ эти суммы согласно потребностямъ каждой страны. Такимъ образомъ, каждая страна будетъ принадлежать всѣмъ, и всѣ будутъ братья, сыны Божіи, и будутъ любить другъ друга. И войны прекратятся".

Авторъ не говоритъ намъ въ какомъ соотвѣтствіи находится это положеніе съ тѣмъ, что было высказано имъ въ „Желтомъ Ужасѣ". Нужно думать, что утопить 20 милл. китайцевъ и уморить 100 милл. ихъ чумой необходимо для того, чтобы было меньше „братьевъ", претендующихъ на ренту.

11) „Повелитель морей указываетъ человѣчеству путь для разрѣшенія вопроса, хотя знаетъ, что не скоро еще народы рѣшатся сдѣлать это. Но рано или поздно именно такъ разрѣшитъ человѣчество вопросъ о войнѣ.

12) Помимо малаго нарушенія основного принципа жизни существуетъ еще на землѣ большое нарушеніе.

13) Оно состоитъ въ томъ, что отдѣльныя лица присвоили себѣ большіе или меньшіе участки земли. Ибо, если присвоеніе себѣ части земного шара сорока милліонами людей, именуемыхъ націей, составляетъ нарушеніе основного принципа, то нарушеніе увеличивается въ сорокъ милліоновъ разъ, если оно производится отдѣльнымъ человѣкомъ. Нарушеніе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ многочисленнѣе нація. Какъ мы видѣли, рента естественна и справедлива, когда она уплачивается пяти-милліардному населенію планеты. Въ силу этого, рента несправедлива пять милліардовъ разъ, когда уплачивается одному лишь человѣку.

14) За великое нарушеніе основного принципа жизни природа послала на человѣчество безчисленныя великія бѣдствія. Когда нарушеніе свершено націей, мы видѣли, что природа караетъ небольшимъ національнымъ бѣдствіемъ—войной. Когда же нарушеніе индивидуально, то и бѣдствіе тоже индивидуально:

бѣдность, умопомѣшательство, развратъ, убійство, вырожденіе и пр.".

Въ своей аргументаціи авторъ проглядѣлъ то, что природа караетъ и за нарушеніе основного принципа *„наоборотъ"*, т. е. всѣ бѣдствія падаютъ на долю тѣхъ, которые и безъ того уже являются страдательными лицами. Предъ нами варіація на библейскій разсказъ о наказаніи, постигшемъ израильтянъ за то, что Давидъ разгнѣвалъ Іегову, пославъ Іоава счесть народъ.

15) „Но самое большое наказаніе, посланное природой на человѣка за нарушеніе основного принципа, есть замедленіе развитія человѣческаго. Человѣкъ—животное плюсъ разумъ. Крылья разума—гордость, увѣренность въ своихъ силахъ, самоуваженіе. Жилье животнаго—планета. Животное безъ жилья (какъ бродячая собака или заблудившаяся скотина) не имѣетъ ни увѣренности, ни гордости. Такимъ образомъ, человѣкъ безъ земли—разумъ безъ крыльевъ. Разумъ человѣческій такъ быстръ, что даже съ обрубленными крыльями онъ прогрессируетъ, т. е. ползетъ то впередъ, то назадъ. Это пресмыканіе превратилось бы въ пареніе, если бы у разума не были обрублены крылья гордости. Человѣку необходима увѣренность, точка опоры, земля. Хотя онъ не птица и не рыба, но ему теперь предоставлено лишь свободное пользованіе воздухомъ и моремъ. Лисицы имѣютъ свои норы, а птицы—гнѣзда. Сыну же человѣческому негдѣ преклонить голову. Онъ рожденъ въ домѣ, данномъ Господомъ его предкамъ; но быстро убѣждается, что домъ этотъ конфискованъ и проданъ.

16) На это великое нарушеніе основного принципа обращаетъ теперь вниманіе Повелитель морей. Именемъ неба и земли онъ повелѣваетъ всѣмъ народамъ прекратить его черезъ мѣсяцъ. Повелѣніе онъ подтверждаетъ угрозой, которая неминуемо будетъ выполнена".

Манифестъ, по увѣренію автора, призводитъ сильное впечатлѣніе всюду, хотя все изложенное было высказано гораздо раньше и гораздо сильнѣе; но именно тогда, когда люди прочитали „хартію", они прозрѣли сразу и воскликнули: „какими глупцами мы были до сихъ поръ!". Въ Англіи министерство, въ отвѣтъ на ультиматумъ, поставленный Повелителемъ морей, воскликнуло: „никогда"! Черезъ недѣлю премьеръ сформировалъ могучую силу сопротивленія, которая имѣла бѣдственныя послѣдствія, какъ для Гогарта, такъ и для Англіи. Признаться, меня нѣсколько смущаетъ обязанность передать конецъ романа. По моему, произведеніе сплошь перемѣшано эпизодами грубо лубочнаго характера. Но это еще полбѣды. Даже эта манера и успѣхъ ея характеренъ для эпохи. Смущаетъ меня то, что конецъ не только лубочный, а до такой степени дико нелѣпый, что какъ будто бы является плодомъ литературныхъ упражненій паціента дома умалишенныхъ. Я пробѣгаю хвалебные отзывы въ

Tims, въ *Academy*, въ *Daily Chronicle*, въ *Speaker*, въ *Scotsman*. Всюду романъ привѣтствуется, какъ замѣчательное произведеніе фантазіи. Лично я очень высоко цѣню фантазію, и мощный размахъ ея въ литературномъ произведеніи захватываетъ меня всецѣло. Но несвязный бредъ не есть пареніе фантазіи. Въ августовскомъ нумерѣ „Review of Reviews“ „Повелитель морей“ разбирается, какъ наиболѣе замѣчательная книга. Ей посвященъ отдѣлъ „The book of the month“. Авторъ признается огромнымъ талантомъ и мощнымъ воображеніемъ. Журналъ находитъ лишь, что Шиль—неотшлифованный еще громадный драгоцѣнный алмазъ. „Шиль принадлежитъ къ той же школѣ, что и д-ръ Уоллэсъ, Генри Джорджъ и другіе, стоящіе за національзацію земли и признающіе ренту—грабежемъ... Шиль не экономистъ, но романистъ, а потому вправѣ выбирать свою собственную точку зрѣнія“ *).

Читатель видитъ, что англійская публика считаетъ даже бредъ необходимымъ элементомъ, такъ называемыхъ, „fictoins“, т. е. произведеній фантазіи. Въ силу этого, изложу вкратцѣ конецъ романа. Билль о выкупѣ земли поступаетъ въ парламентъ; но это совсѣмъ не тотъ законъ, о которомъ мечталъ Гогартъ. Въ силу билля предполагается выкупить всю землю у лэндлордовъ, которые получаютъ въ 27 разъ больше того, что приноситъ ежегодно земля. Такимъ образомъ, выкупъ лишь одного Лондона обошелся бы правительству въ 1200 мил. ф. ст. „Не трудно было предвидѣть, что выкупъ низведетъ Англію на степень третьестепенной державы, обремененной колоссальнымъ долгомъ... Министерство дѣлало каждаго человѣка лэндлордомъ, но отягчало его громаднымъ долгомъ“. Покуда въ парламентѣ обсуждается билль, лэндлорды, составившіе тайное сообщество, заманиваютъ Гогарта въ Лондонъ, берутъ его въ плѣнъ и морятъ голодомъ и отравленной водой. Но за тѣмъ выпускаютъ его, такъ какъ главный заговорщикъ предлагаетъ планъ, какъ захватить въ свои руки плавучія крѣпости и потопить ихъ. Билль о выкупѣ земли проходитъ въ нижней и верхней палатѣ; но по совѣту Гогарта король не утверждаетъ законъ и... назначаетъ регентомъ Повелителя морей. Гогартъ самъ вырабатываетъ новый билль, который вносится въ парламентъ. Партія лэндлордовъ рѣшается дѣйствовать болѣе энергично. Къ регенту подсылаютъ убійцу, которому удается лишь ранить Гогарта. Заговоръ съ цѣлью пустить ко дну плавучія крѣпости—удается. Морская держава уничтожена. Такъ какъ власть Гогарта болѣе уже не страшила, то враги раскрыли въ газетахъ, что регентъ—бѣглый каторжникъ. Сообщеніе привело въ ярость толпу; Гогартъ спасается бѣгствомъ на своей яхтѣ, но билль о принудительномъ выкупѣ земли уже прошелъ въ палатѣ.

*) *Review of Reviews*, 15 Августа 1901, стр. 201.

Миссія Гогарта, такимъ образомъ, совершена уже. Онъ уѣзжаетъ... въ Палестину, которую раньше еще выкупилъ у султана и куда силой выселилъ всѣхъ евреевъ. Гогартъ становится королемъ новаго Сіона. Кажется, довольно. Читатели, думаю, составили себѣ совершенно опредѣленное представленіе о романѣ и о тенденціи его. Любопытная особенность. Въ „манифестѣ“ Повелителя морей говорится очень много о братской любви народа къ народу; между тѣмъ, именно этотъ романъ весь пропитанъ ненавистью націи къ націи. Авторъ, прежде всего, крайній джинго, ненавидящій и презирающій все, что не Англія. Мы видѣли, какъ краснорѣчиво проповѣдуетъ тотъ же авторъ массовое истребленіе цѣлыхъ націй. Страннымъ ученикомъ является онъ „въ школѣ Генри Джорджа и Уоллэса“, которые въ проповѣди международной рѣзни уже отнюдь не повинны. Любопытнымъ реформаторомъ явился бы націонализаторъ земли, надышавшійся угаромъ джингоизма! Къ счастью для человѣчества, эксперименты такіе реформаторы дѣлаютъ лишь въ романахъ...

VI.

Намъ предстоитъ еще познакомиться съ третьимъ, ультра сенсаціоннымъ и тоже „реформаторскимъ“, романомъ, успѣхъ котораго превзошелъ даже „The Lord of the Sea“. Тотъ романъ, о которомъ я буду говорить, вышелъ три недѣли тому назадъ и сразу отпечатанъ въ 100 тысячахъ экземпляровъ. Называется онъ — „Вѣчный Городъ“ (The Eternal City). Авторъ его—Холлъ Кэйнъ. О немъ мнѣ приходилось уже какъ-то говорить. Выступилъ онъ въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ рядомъ очень хорошихъ романовъ изъ жизни о-ва Мэна (родины писателя). Романы эти, *The Bondman*, *Scapegoat*, *Manxman*, *Deemster* и др. имѣютъ, прежде всего, большой этнографическій интересъ. Въ первые ряды Холлъ Кэйнъ выдвинулся въ 1897 г., когда вышелъ романъ его *Христіанинъ*. (Кажется, подъ другимъ заглавіемъ переведенъ по русски). Задачей автора было изобразить истиннаго христіанина (Джона Сторма) въ современномъ англійскомъ обществѣ, чтобы показать всю фальшь и лицемѣріе послѣдняго. Лицемѣріе и ложь герой встрѣчаетъ въ англиканской церкви, священникомъ которой состоитъ нѣкоторое время, въ высшемъ обществѣ, къ которому принадлежитъ по рожденію. „Христіанинъ“ вызвалъ въ Англіи цѣлую бурю. Та часть англійской публики, которую современное положеніе страны выдвинуло на первое мѣсто, была шокирована. Критикъ „Review of Reviews“ уличалъ героиню въ незаконномъ сожительствѣ съ Джономъ Стормомъ. Изъ за одной сцены, гдѣ герой говоритъ викарію: „вы хуже продажной женщины“,—у автора вышли недоразумѣнія съ редакторомъ „Westminster Ma-

gazine", печатавшимъ романъ. Если „Христіанинъ" вызвалъ бурю, то „Вѣчный Городъ" создалъ вихрь. Если редакторъ „Westminster Magazine", въ концѣ концовъ, выбросилъ таки нѣсколько строкъ, то редакторъ „Ladies's Magazine", пріобрѣвшій рукопись „Вѣчнаго Города", отказался совсѣмъ печатать вторую половину романа въ виду двухъ ужасныхъ шокирующихъ обстоятельствъ. О первомъ цѣломудренные критики говорятъ не иначе, какъ обинякими. „Повторилась исторія, разсказанная въ тринадцатой главѣ второй „Книги Царствъ". Рома (имя героини) была Ѳамарь, Бонелли (злодѣй романа)—Амнономъ". Къ слову сказать, указаніе не совсѣмъ удачное: „у Авессалома, сына Давидова, была сестра красивая, по имени Ѳамарь; и полюбилъ ее Амнонъ, сынъ Давидовъ", т. е. братъ Ѳамари. Рома и Бонелли ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ не находились. Критикъ имѣлъ виду лишь то, что сдѣлалъ Амнонъ съ Ѳамарью. Второе обстоятельство, испугавшее редактора и шокировавшее „миссисъ Гранди" было слѣдующее. Героинѣ отнюдь не пошелъ въ прокъ первый урокъ. Она обручена съ героемъ романа Росси; но послѣднему приходится бѣжать.

— Я послѣдую за тобой!—говоритъ Рома.

— Дорогая моя! Это невозможно. Бракъ нашъ можетъ состояться лишь черезъ десять дней.

— О, ничего. Я иду за тобой!

— Какъ, не вѣнчавшись раньше?

— Почему нѣтъ?

— Но, подумай, что станутъ говорить о тебѣ!

— Мнѣ все равно. Неужели меня испугаетъ, что люди будутъ говорить обо мнѣ.

— Дорогая моя! Ты сама не знаешь, что говоришь!

Подъ давленіемъ со стороны читательницъ редакторъ поспѣшилъ отдѣлаться отъ романа, въ которомъ выведена настолько безнравственная женщина, что рѣшается, не обвѣнчавшись, послѣдовать за мужчиной! Скандалъ въ журналѣ лишь увеличилъ успѣхъ романа. Въ манерѣ писанія Холлъ Кэйна есть одна особенность. Приходилось-ли вамъ изучать узоръ персидской или арабской школы? Онъ вытканъ вначалѣ зеленымъ, желтымъ, синимъ и чернымъ шелкомъ; но вотъ въ немъ пробивается красный тонъ, сперва чуть замѣтно. Постепенно красный тонъ растетъ, и, наконецъ, захватываетъ весь узоръ, такъ что прежде всего бросается въ глаза. У Холлъ Кэйна въ романахъ есть тоже такой красный тонъ—сенсаціонность. Онъ былъ замѣтенъ еще въ первыхъ произведеніяхъ, росъ послѣдовательно, и, наконецъ, властно захватилъ весь послѣдній романъ. „Вѣчный городъ" прежде всего ультра-сенсаціонный, а потомъ уже произведеніе „съ тенденціей". Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ лишь названія различныхъ частей объемистаго романа въ 600 съ лишнимъ страницъ убори-

стой, мелкой печати.—„Священная Римская Имперія“, „Республика сыновъ человѣческихъ“, „Папа“, „Король“, „Народъ“ и пр. Дѣйствіе происходитъ въ современной Италіи (романъ открывается освященіемъ папой новаго XX-го вѣка); но фигурируетъ папа Пій X. Подъ именемъ Бонелли выведенъ недавно умершій крупный итальянскій государственный дѣятель. Но, какъ настоящій сенсаціонный писатель, Холлъ Кэйнъ выводитъ живыхъ дѣятелей подъ прозрачными именами, приписывая имъ такія дѣянія, которыхъ они не свершали и свершить не могли. Кромѣ короля, папы и перваго министра, въ романѣ фигурируютъ заговорщики всѣхъ странъ. О нихъ, повидимому, авторъ имѣетъ нѣсколько смутное представленіе. Теперь о тенденціи. Въ послѣднее время въ Англіи вошли въ моду романы съ „христіанскими“ темами. Ввели ихъ третьестепенныя романистки, которыхъ „безлюдье“ сдѣлало первоклассными писательницами. Главнымъ образомъ, подобными романами прославилась Марія Корелли. Она исходитъ изъ положенія, что до нея никто не понималъ Евангелія и, въ силу этого, на землѣ случаются всѣ напасти. Въ романахъ Маріи Корелли, писательницы совершенно бездарной, но обладающей большимъ знаніемъ вкусовъ своей публики, фигурируютъ не только современные коментаторы Евангелія, но и Іисусъ Христосъ, какъ его себѣ представляетъ миссисъ Гранди. Разъясненіе міру Евангелія и писаніе „христіанскихъ“ романовъ не мѣшаетъ Маріи Корелли быть джинго и джинго „боевымъ“. Когда въ Стратфордѣ на Авонѣ произошли безпорядки противъ обличителей войны, и когда пьяная толпа патріотовъ разгромила стекла въ домахъ мѣстныхъ квакеровъ, которые противъ имперіализма, Марія Корелли обратилась къ громиламъ съ рѣчью и поздравила ихъ съ тѣмъ, что они такъ хорошо отстояли честь родины. „Если бы Шекспиръ (похороненъ въ Стратфордѣ на Авонѣ) возсталъ изъ гроба,—продолжала романистка,—онъ присоединился бы къ вамъ“.

Лавры Маріи Корелли, повидимому, соблазнили Холлъ Кэйна. Онъ тоже выступилъ съ беллетристическими коментаріями Евангелія, собственно говоря, молитвы Господней. Романистъ полагаетъ, что до него никто не понялъ „Отче нашъ“. Если же поймутъ, то сразу наступитъ золотой вѣкъ. Эпилогъ романа такъ и называется „Въ будущемъ“. Главный герой—Давидъ Росси, онъ же и Леоне, сынъ... папы Пія X отъ тайнаго брака (еще до постриженія) съ крестьянкой. Послѣдняя, считая, что мужъ ее бросилъ, утопилась въ Тибрѣ, отдавъ предварительно ребенка въ воспитательный домъ. Восьми лѣтъ мальчикъ, не знающій о своемъ происхожденіи, попадаетъ въ Лондонъ, гдѣ его пріютилъ итальянскій революціонеръ князь Валона, живущій подъ именемъ доктора Розелли. Въ домѣ доктора Давидъ Леоне выросъ вмѣстѣ съ маленькой дочерью Розелли — Ромой. Впослѣдствіи итальянское правительство выманиваетъ Розелли изъ Англіи. Министръ

премьеръ Бонелли, дальный родственникъ Розелли-Валоны, составляетъ письмо отъ имени революціонныхъ группъ, въ которомъ говорится, что все готово для возстанія и ждутъ лишь вождя. Какъ только Валона пріѣхалъ въ Италію, его арестовали и сослали безъ суда на о. Эльбу. Давида же Леоне заочно приговариваютъ къ смертной казни. Маленькую Рому забираетъ Бонелли и даетъ ей хорошее воспитаніе. Черезъ нѣсколько лѣтъ Давидъ Леоне прибываетъ въ Римъ подъ именемъ Росси, быстро выдвигается здѣсь, какъ журналистъ и ораторъ, становится любимцемъ народа и избирается депутатомъ въ парламентѣ. Правительство, т. е. Бонелли ненавидитъ его и ищетъ средство, какъ бы погубить его. Вотъ какъ описываетъ перваго министра одно изъ дѣйствующихъ лицъ. „Это—человѣкъ исключительнаго характера и желѣзной воли, олицетвореніе цезаризма и языческаго правительственнаго идеала. Министръ этотъ является скорѣе не рукой, а головой короля. Бонелли пользуется такимъ громаднымъ вліяніемъ потому, что король слабъ, суевѣренъ и боится жить въ Квириналѣ, такъ какъ послѣдній былъ долго резиденціей священниковъ. Премьеръ же скептикъ и могъ бы спать спокойно даже на папскомъ престолѣ. Какъ и Наполеонъ, Бонелли глубоко презираетъ общественное мнѣніе, представительное правительство и право человѣка. Подобно Вольтеру министръ циникъ и открытый врагъ церкви... Манія его—милитаризмъ. Его идеалы—сдѣлать Италію, по силѣ, первой державой въ мірѣ. Если же это невозможно, то сдѣлать Римъ дипломатическимъ центромъ всего міра“. Съ этой цѣлью народъ разоренъ совершенно тяжелыми поборами для содержанія громадной арміи. Италія наводнена шпіонами, пресса придавлена; на выборахъ и въ парламентѣ широко практикуется правительственный произволъ. На перваго министра имѣетъ вліяніе лишь Рома, которую считаютъ его любовницей. „Кто совѣтуетъ премьеру назначить на мѣсто такого-то,—объясняетъ одно изъ выведенныхъ лицъ,—донна Рома. Кто ему велитъ уволить такого-то въ отставку?—Донна Рома. Черезъ кого получаются титулы, ордена, почести?—Черезъ донну Рому. Кто укрощаетъ строптивыхъ депутатовъ и превращаетъ ихъ въ вѣрныхъ сторонниковъ министерства?—Донна Рома. Кто устраиваетъ благотворительные базары, собираетъ фонды и распредѣляетъ ихъ?—Донна Рома. Всегда, всюду донна Рома“. Росси тоже считаетъ, что Рома—фаворитка премьера. Депутатъ надѣленъ всѣми дарами героя романа: онъ поразительно хорошъ собою, обаятеленъ, краснорѣчивъ, импонируетъ даже политическимъ врагамъ. У Росси—одна цѣль въ жизни. Онъ желаетъ преобразовать Италію въ „Республику сыновъ человѣческихъ“, основанную на молитвѣ Господней. Въ день, когда блестящее общество любуется съ балкона дома Ромы (гдѣ находится и премьеръ) на папскую процессію,—Росси на улицѣ, подъ балкономъ обращается къ толпѣ: „Братья,—говоритъ онъ,—когда

Іисусъ Христосъ жилъ еще на землѣ, онъ въѣзжалъ въ Іерусалимъ на ослѣ, и всѣ слѣпые и немощные взывали къ Учителю, и онъ исцѣлялъ ихъ. Нынѣ человѣчество слѣпо и немощно; но напрасно взываетъ оно къ намѣстнику Христа... Девятнадцать вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ. Учитель, появившійся тогда среди бѣдняковъ,—теперь великій пророкъ. Весь міръ чтитъ имя Его. Цивилизованныя націи держатся на вѣрѣ, основанной Имъ. Великая церковь зовется Его именемъ. Но что стало съ Его ученіемъ? Онъ сказалъ: „не противься злу"; но христіанскіе народы содержатъ громадныя арміи. Онъ сказалъ: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ, гдѣ моль и ржа истребляютъ, и гдѣ воры подкапываютъ и крадутъ". Между тѣмъ, католическая церковь самое богатое учрежденіе на землѣ. Онъ сказалъ: „Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ". Между тѣмъ люди, которые должны были бы быть братьями, раздѣлены и ненавидятъ другъ друга. Онъ сказалъ: „Да пріидетъ царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на землѣ, тако и на небесахъ". Между тѣмъ, тѣхъ, которые вѣрятъ въ это, называютъ фанатиками и безумцами. Онъ сказалъ: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь". Между тѣмъ, правительство облагаетъ налогомъ нашъ хлѣбъ и такимъ образомъ уничтожаетъ божій даръ. Оно даетъ немногимъ тукъ земли, принадлежащій всѣмъ... Братья, у насъ въ Римѣ на умирающій народъ есть два властелина: великое государство и великая церковь. У насъ достаточно солдатъ, чтобы убить насъ; достаточно священниковъ, чтобы сказать намъ, какъ умирать; но у насъ нѣтъ никого, который научилъ бы насъ, какъ жить... Есть ли здѣсь среди насъ такой, который не зналъ бы объ испорченности нашихъ правителей? Кто не могъ бы указать на войны, которыя никогда не должны были бы быть начаты? На лопнувшіе банки, которые не должны были бы лопнуть? На уплаченные долги, которые никогда не слѣдовало заключить? Кто не знаетъ про полицію, создающую заговоры, чтобы получить награды за раскрытіе ихъ? Кто въ Римѣ не можетъ указать на министровъ, позволяющихъ своимъ любовницамъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и обогащающихся на счетъ всеобщаго разоренія"? Полиція, по распоряженію премьера, арестовала Росси; но его выпустили, какъ депутата. Рома, оскорбленная словами Росси, задумала другую месть. Она желаетъ быть Далилой, чтобы предать потомъ увлекшагося ею Самсона-Росси на посмѣшище врагамъ. Но библейскій сюжетъ не повторился; наоборотъ, Далила сама увлекается Самсономъ. Они узнали другъ друга, и Росси разсказалъ Ромѣ о томъ, какъ Бонелли предалъ ея отца. Я не стану передавать детально фабулу романа, потому что хочу выяснить, главнымъ образомъ, идею его Какъ и герой Шиля, Росси излагаетъ свои идеалы въ „хартіи", озаглавленной: „Республика сыновъ человѣческихъ" „Наша хартія—молитва Господня. Что заключаетъ она? Она заключаетъ, что

живъ Господь, управляющій міромъ по законамъ справедливости. Что: 1) естественный законъ неукоснительно создаетъ порядокъ изъ хаоса, гармонію изъ разлада, единство изъ дробности и миръ изъ борьбы; 2) все, случающееся въ мірѣ, содѣйствуетъ въ концѣ концовъ добру; 3) подъ вліяніемъ дѣйствія естественнаго закона всѣ несчастья сами собой уничтожатся; 4) рубежи, раздѣляющіе народы—рухнутъ; 5) войны станутъ невозможны; 6) лэндлордизмъ исчезнетъ; 7) индивидуальный контроль надъ капиталомъ станетъ невыгоденъ; 8) люди будутъ жить подобно братьямъ; 9) всякому человѣку довлѣетъ хлѣбъ насущный. Наша хартія заключаетъ увѣренность, что все это случится рано или поздно согласно естественному закону, потому такова воля Божія, таково Божье правосудіе. Все это свершится, потому Господь есть добро и любовь". Итальянское правительство преслѣдуетъ Росси, какъ революціонера. Его провозглашаютъ анархистомъ, хотя въ манифестѣ къ народу онъ говоритъ: „Не нарушайте закона, не нападайте на врага, уважайте собственность, а больше всего щадите жизнь. Ни въ коемъ случаѣ не увлекайтесь ученіемъ, что нужно бороться силой". Полиція сама вызываетъ мятежъ и стрѣляетъ въ толпу. Бонелли объявляетъ въ Римѣ осадное положеніе и, на основаніи его, отдаетъ приказъ арестовать Росси; но ему удается бѣжать за границу. Оттуда его выманиваютъ и задерживаютъ. Но на станціи въ Римѣ друзья устраиваютъ ему побѣгъ. Росси, прежде всего, поспѣшилъ къ Бонелли, такъ какъ предполагаетъ, что Рома ему измѣнила и въ заговорѣ съ министромъ. Здѣсь произошла борьба; защищаясь отъ Бонелли, Росси убилъ его. Онъ убѣгаетъ и спасается въ Ватиканѣ. Здѣсь происходитъ сцена, которую авторъ желалъ сдѣлать ультра сенсаціонной и трогательной, но которая вышла лишь комической. Читатель улыбается не къ выгодѣ автора. Изъ вопросовъ папа убѣждается, что Давидъ Росси, или Леоне, его родной сынъ.

— Я знаю вашу мать,—начинаетъ папа.

— Мою мать?—переспросилъ Росси.—Папа кивнулъ головой и улыбнулся.

— Она была благородная женщина и сильно страдала. Таковы пути Божіи.

Росси молчалъ—пристально глядѣлъ въ дрожавшее отъ волненія лицо папы. Послѣдній употреблялъ большія усилія, чтобы казаться спокойнымъ. Голосъ папы дрогнулъ.

— Безъ сомнѣнія,—началъ онъ,—вы очень плохого мнѣнія о вашемъ отцѣ, зная, какъ сильно страдала ваша мать.

Росси провелъ рукой по лбу, какъ бы для того, чтобы удержать расплывающіяся мысли, и сказалъ: „мнѣ ли осуждать когонибудь"? Папа снова робко улыбнулся.

— Давидъ... Если бы по волѣ Божьей вамъ пришлось встрѣ-

тить отца гдѣ нибудь и тотъ протянулъ бы вамъ руку, пожали бы вы ее?

— Да,—отвѣтилъ Росси. — Даже, если бы онъ былъ послѣднимъ преступникомъ. — Папа тяжело перевелъ духъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и молча протянулъ руку. Черезъ секунду папа и молодой человѣкъ обмѣнялись сильнымъ рукопожатіемъ. Они пытались говорить, но не могли.

— Прощай!—сказалъ, наконецъ, глухо папа, повернулся и, шатаясь, вышелъ изъ залы.

Правительство посылаетъ солдатъ, чтобы силой взять Росси изъ Ватикана. Солдаты выстраиваются предъ воротами, чтобы штурмомъ взять ихъ; но папа велитъ открыть ворота и обращается къ солдатамъ:

— Зачѣмъ вы пришли сюда? Вы хотите бомбардировать Ватиканъ? Смотрите, ворота отперты. Вы вольны войти. Зачѣмъ же вы явились съ ружьями и съ пушкой? Здѣсь противъ васъ лишь слабый старикъ. Вы хотите обыскать домъ? Обыскивайте. Забирайте все, если хотите. Но помните, что это Божій домъ, находящійся подъ его покровительствомъ.—Солдаты стали пятиться.

— Неужели никто не сказалъ вамъ,—началъ опять папа, — что вы поднимаете оружіе противъ отца? Бросьте ружья, дѣти мои, и Господь проститъ васъ. Солдаты сразу побросали оружіе. Въ Римѣ происходитъ мирная революція. Вся армія отказывается повиноваться. Въ ужасѣ король отказывается отъ престола. Спѣшно собирается парламентъ и, по предложенію Росси, провозглашаетъ республику. Назначается плебисцитъ для выбора президента. Вся Италія выбираетъ одного человѣка — Росси; но онъ исчезаетъ безъ слѣда. Эпилогъ „въ будущемъ“ черезъ 40 лѣтъ. Италія—счастлива. „Республика сыновъ человѣческихъ“ осуществилась. Народъ говоритъ о Давидѣ Росси, какъ о божествѣ. Точно такъ, какъ „не заказано волку голодному завывать въ лѣсу“, не заказано также романисту фантазировать. Но и читателю не заказано также соглашаться съ авторомъ или же признавать его фантазію лишь нескладнымъ, ничѣмъ не мотивированнымъ бредомъ. Читатели, мнѣ кажется, могли убѣдиться, что запросы чего то иного есть въ томъ классѣ, который выдвинутъ послѣднимъ фазисомъ развитія англійскаго общества, но эти запросы или окрашены кровавымъ туманомъ, или же поражаютъ безсиліемъ мысли.

Діонео.

Объ основаніяхъ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ.

I.

Вопросъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастья съ рабочими—вопросъ очень большого значенія. Подъ скромною юридическою оболочкою въ немъ скрывается важная часть великой соціальной проблеммы: вѣдь здѣсь дѣло идетъ не о чемъ другомъ, какъ объ условіяхъ справедливаго огражденія кровныхъ интересовъ огромнаго класса трудящагося населенія.

Въ нашемъ законодательствѣ, однако, вопросъ этотъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не разработанъ. По справедливому замѣчанію одного изъ авторовъ, разбиравшихъ опубликованныя недавно законодательныя предположенія въ этой области, найдется „немного такихъ законодательныхъ вопросовъ, по которымъ Россія въ такой степени отстáла отъ другихъ культурныхъ государствъ, какъ по вопросу объ отвѣтственности работодателей за смерть и тѣлесное поврежденіе отъ несчастныхъ случаевъ“ *).

У насъ до сихъ поръ не существуетъ особаго спеціальнаго закона, предусматривающаго отвѣтственность предпринимателей, на подобіе соотвѣтствующихъ законовъ Германіи, Австріи, Англіи, Франціи, Италіи, Даніи. Правда, попытки въ этомъ направленіи не разъ возникали въ законодательныхъ сферахъ, но всегда оканчивались полною неудачею. Еще сорокъ лѣтъ назадъ, учрежденная въ 1859 г. при министерствѣ финансовъ коммиссія для пересмотра уставовъ фабричнаго и ремесленнаго занималась вопросомъ объ отвѣтственности работодателей и опредѣлила, между прочимъ, случаи и порядокъ вознагражденія за увѣчья или ушибы, причиненные во времи работъ на фабрикахъ; предположенія этой коммиссіи были одобрены мануфактурнымъ совѣтомъ, но дальнѣйшаго хода не получили. Затѣмъ назначенная въ 1870 г., по высочайшему повелѣнію, коммиссія, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта графа Игнатьева для пересмотра законоположеній о личномъ наймѣ рабочихъ и прислуги, также выработала нѣкоторыя правила о вознагражденіи рабочихъ за увѣчья въ случаѣ нарушенія предпринимателями установленныхъ мѣръ предосторожности, но и эти правила не получили утвержденія. Въ 1874 г. новая коммиссія, учрежденная по высочайшему

*) *Н. фонъ-Зеллеръ.* Новый законопроектъ объ отвѣтственности работодателей. «Вѣстникъ Права», 1900, № 8, стр. 199.

повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, намѣтила еще разъ предположенія объ отвѣтственности предпринимателей и еще разъ эти предположенія остались безъ осуществленія. Нѣсколько времени спустя, по поводу взрыва котла на пароходѣ „Подрядчикъ", министерство финансовъ, согласно высочайшаго повелѣнія, разработало проектъ правилъ объ испытаніи паровыхъ котловъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь подняло общій вопросъ о гражданской и уголовной отвѣтственности владѣльцевъ всѣхъ вообще промышленныхъ предпріятій. По этому поводу было сдѣлано сношеніе съ министерствомъ юстиціи и другими вѣдомствами и, въ концѣ концовъ, составленіе проекта объ отвѣтственности владѣльцевъ предпріятій поручено было совѣту торговли и мануфактуръ, при участіи представителей отъ министерствъ: внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, юстиціи и государственныхъ имуществъ. Выдѣленная изъ состава совѣта торговли и мануфактуръ особая коммиссія выработала свои, на этотъ счетъ, предположенія, которыя были вслѣдъ затѣмъ сообщены для обсужденія московскому отдѣленію совѣта торговли и мануфактуръ, таковымъ же отдѣленіямъ въ Одессѣ и Ивановѣ-Вознесенскѣ и варшавскому мануфактурному комитету. Затѣмъ эти предположенія коммиссіи съ отзывами означенныхъ учрежденій были разсмотрѣны совѣтомъ торговли и мануфактуръ, которымъ и составленъ проектъ правилъ объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за увѣчья и смерть рабочихъ, нынѣ подлежащій разсмотрѣнію государственнаго совѣта *). О немъ будетъ ниже сказано подробнѣе. Какова будетъ судьба этого законопроекта, окажется ли онъ счастливѣе своихъ предшественниковъ, или же съ нимъ повторится та же злополучная исторія—сказать трудно. Какъ бы то ни было, однако, спеціальнаго закона, предусматривающаго отвѣтственность предпринимателей, у насъ до сихъ поръ нѣтъ, и потому всѣ возникающіе въ этой области случаи разрѣшаются на общемъ основаніи дѣйствующихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи законовъ гражданскихъ и уголовныхъ. Въ этомъ, конечно, особой бѣды еще нѣтъ. Законъ хорошій остается хорошимъ, гдѣ бы онъ ни былъ помѣщенъ, какъ бы онъ ни былъ изданъ: въ формѣ ли особаго, спеціальнаго закона, или какъ часть общаго кодекса. Но бѣда въ томъ, что всѣ относящіяся сюда статьи законовъ нашихъ далеки не только отъ совершенства, но и отъ сколько-нибудь удовлетворительнаго состоянія.

Необходимо прежде всего замѣтить, что по нашему закону существуетъ двоякая отвѣтственность предпринимателей: отвѣт-

*) Приведенная исторія долгихъ и тщетныхъ попытокъ созданія мало-мальски удовлетворительнаго закона объ отвѣтственности предпринимателей разсказана въ объяснительной запискѣ къ проекту гражданскаго уложенія, кн. V, т. V, стр. 599—600.

ственность *уголовная*, налагающая на виновнаго извѣстныя наказанія, и отвѣтственность *гражданская*, возлагающая на отвѣтчика лишь обязанность имущественнаго вознагражденія за причиненные вредъ и убытки.

Что касается отвѣтственности уголовной, то здѣсь, можно сказать, все обстоитъ еще довольно благополучно. Во-первыхъ, имѣются у насъ нѣсколько статей, специально предусматривающихъ несчастные случаи на фабрикахъ и заводахъ: караются, напримѣръ, случаи неисполненія предписанныхъ закономъ или особыми постановленіями правилъ относительно употребленія паровыхъ котловъ, при чемъ наказаніе усиливается въ томъ случаѣ, если отъ такого нарушенія причинится кому-либо смерть или тѣлесное поврежденіе *); далѣе, устанавливается особая отвѣтственность агентовъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій за неправильныя дѣйствія, имѣвшія послѣдствіемъ причиненіе кому-либо смерти или тѣлесныхъ поврежденій **). Правда, этимъ почти и ограничивается кругъ статей, спеціально предусматривающихъ уголовную отвѣтственность предпринимателей. Однако, врядъ ли и существуетъ особая надобность въ такихъ спеціальныхъ статьяхъ, такъ какъ всѣ случаи подобнаго рода могутъ легко подойти подъ общія статьи, карающія неумышленное или неосторожное лишеніе жизни, неумышленное или неосторожное причиненіе тѣлесныхъ поврежденій ***). Соотвѣтственно общимъ началамъ уголовнаго права отвѣтственность по этимъ статьямъ возникаетъ всякій разъ, когда устанавливается *причинная связь* между дѣяніемъ одного лица и смертью или тѣлеснымъ поврежденіемъ другого лица ****); причемъ нашъ сенатъ неоднократно разъяснялъ, что подъ дѣйствія этихъ статей подходятъ дѣянія неосторожныя или случаи непринятія мѣръ предосторожности, нарушенія предписанныхъ правилъ и постановленій, ограждающихъ безопасность (если отъ этого послѣдовала чья-либо смерть или тѣлесное поврежденіе) *****). Не можетъ, поэтому, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію (и это вполнѣ подтверждается нашею судебною практикою), что всякія допущенныя въ какомъ-либо предпріятіи—на желѣзной ли дорогѣ, на фабрикѣ, заводѣ, или горномъ промыслѣ—техническія неисправности и упущенія, сопровождающіяся смертью или тѣлеснымъ поврежденіемъ рабочихъ (и постороннихъ лицъ) влекутъ за собою для предпринимателя уголовную отвѣтственность по названнымъ

*) по 118[2] Устава о наказ. и 989[2] Уложенія о наказ.

**) ст. 1085 и 1097[7] Улож. о наказ.

***) Т. е. подъ ст. 1466 и 1468 Улож. о наказ. и 1494 Улож. и 129 Устава о наказ.

****) См. объ этомъ *Н. С. Таганцевъ*. О преступленіяхъ противъ жизни. Томъ I, Спб. 1870, стр. 66 и дальше.

*****) См. рѣш. угол. кас. департ. сената 1870 г. № 1657, 1872 г. № 1354, 1875 г. № 303, 1869 г. № 592 и др.

статьямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣннымъ является и то, что въ случаѣ лишенія кого-либо жизни или причиненія ему тѣлесныхъ поврежденій, виновный,—а, слѣдовательно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и предприниматель, на ряду съ уголовною отвѣтственностью, несетъ на себѣ еще обязанность матеріальнаго, денежнаго вознагражденія потерпѣвшаго (или его близкихъ) за причиненные имъ вредъ и убытокъ *). Оно и понятно. Уголовное наказаніе въ этомъ случаѣ является лишь возмездіемъ за тотъ общественный вредъ, который наносится лишеніемъ жизни или тѣлеснымъ поврежденіемъ, и отчасти еще за тотъ нравственный или моральный вредъ, который наносится подобнымъ преступленіемъ или проступкомъ потерпѣвшему лицу. Но за симъ остается еще частный и при томъ имущественный вредъ, нанесенный тому же потерпѣвшему,—вредъ, который не можетъ быть оставленъ безъ удовлетворенія. И все это можетъ быть преслѣдуемо и проводимо по общимъ правиламъ такъ называемаго соединеннаго процесса, при которомъ на ряду съ публичнымъ или частнымъ (въ случаѣ легкихъ поврежденій) обвиненіемъ виновнаго въ совершенномъ имъ преступленіи или проступкѣ разсматривается и гражданскій искъ, предъявленный потерпѣвшимъ лицомъ.

Такимъ образомъ, если не касаться частностей, то можно сказать, что постановка вопроса объ уголовной отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ находится въ довольно удовлетворительномъ состояніи. Не нормируемая никакими спеціальными правилами и узаконеніями, она вполнѣ обезпечивается общими нормами, карающими неосторожное лишеніе жизни и причиненіе тѣлесныхъ поврежденій. Резюмируя смыслъ этихъ общихъ нормъ въ примѣненіи къ занимающему насъ здѣсь вопросу, можно сказать, что *основаніемъ* уголовной отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчья рабочихъ является по нашему закону *вина* первыхъ по отношенію къ послѣднимъ **); на ряду съ наказаніемъ такая вина вызываетъ обязанность и имущественнаго вознагражденія потерпѣвшихъ.

Иначе и при томъ несравненно хуже поставленъ въ нашемъ законодательствѣ вопросъ о *гражданской*, т. е. исключительно матеріальной, имущественной, денежной отвѣтственности за причиненные вредъ и убытки, а слѣдовательно, въ частности — и о гражданской отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчье рабочихъ.

Матеріалъ нашего кодекса и здѣсь распадается на два отдѣла: 1) статьи, регулирующія гражданскую отвѣтственность за вредъ

---

*) На основаніи ст. ст. 59, 61, 62, 63 и 64 Улож. о наказ.

**) Разумѣется, здѣсь идетъ рѣчь о винѣ *неосторожной*: умышленное лишеніе предпринимателемъ жизни рабочаго, или умышленное причиненіе увѣчья составило бы преступленіе, выходящее далеко за предѣлы отношеній между работодателемъ и рабочимъ, диктуемыхъ процессомъ производства.

и убытки, причиненные *преступленіями и проступками* *); 2) статьи, предусматривающія ту же гражданскую отвѣтственность за вредъ и убытки, причиненные *дѣйствіями непреступными* **). Въ сущности все это дѣленіе, породившее много толкованій въ юридической литературѣ и—что еще важнѣе—приводящее часто къ путанницѣ при практическомъ разрѣшеніи подлежащихъ случаевъ, — все это дѣленіе нельзя не признать совершенно излишнимъ. Ст. 684 т. X ч. I съ полною ясностью раскрываетъ, что „всякій обязанъ вознаградить за вредъ и убытокъ, причиненные кому либо его дѣяніемъ или упущеніемъ, хотя бы сіе дѣяніе или упущеніе не составляли ни преступленія, ни проступка“. Итакъ, отвѣтственность гражданская полагается за вредъ и убытокъ, причиненные какъ преступленіями и проступками, такъ и дѣйствіями непреступными.

Къ чему же отдѣльное разсмотрѣніе этихъ двухъ категорій случаевъ?

Гораздо важнѣе другое дѣленіе, проводимое закономъ. Ст. 644 т. X ч. I устанавливаетъ обязанность вознагражденія въ случаѣ обнаруженія вины—умышленной или неосторожной, т. е. по смыслу этой статьи всякій, причинившій кому либо вредъ и убытокъ, умышленно или по неосторожности, обязанъ вознаградить потерпѣвшаго (въ гражданскомъ, матеріальномъ смыслѣ). А ст. 647-ая проводитъ то важное положеніе, что „не подлежатъ вознагражденію вредъ и убытки, происшедшіе отъ дѣянія *случайнаго*, учиненнаго не только безъ намѣренія, но и безъ всякой со стороны учинившаго оное неосторожности“. Сопоставленіе всѣхъ этихъ статей приводитъ къ несомнѣнному выводу, что съ точки зрѣнія нашего закона *основаніемъ* отвѣтственности гражданской, такъ же, какъ и уголовной, является *вина*—умышленная или неосторожная—причинившаго вредъ или убытокъ. Только при наличности такой вины возникаетъ обязанность вознагражденія за причиненные виновнымъ дѣйствіемъ вредъ и убытокъ; наоборотъ, *случайное* причиненіе вреда освобождаетъ отъ гражданской отвѣтственности ***)

Такъ обстоитъ дѣло по отношенію къ отвѣтственности всѣхъ вообще предпринимателей за увѣчье и смерть рабочихъ. Существуетъ, однако, въ нашемъ законѣ и особенная, *усиленная*

---

*) Т. X ч. I Св. Зак. Рос. Имп., ст. ст. 644—683.

**) Т. X. ч I, ст. ст. 684—689.

***) Впрочемъ, въ юридической литературѣ не разъ высказывались и выводы иного свойства, съ точки зрѣнія которыхъ русскому законодательству присвоивался взглядъ о необходимости вознагражденія и за *случайный* вредъ, вообще за всякое *причиненіе* вреда и убытковъ. Невѣрныя въ своемъ общемъ, принципіальномъ видѣ, эти толкованія могутъ имѣть примѣненіе при обсужденіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ. Обсужденіе этого вопроса — по существу весьма спеціальнаго—не входитъ, однако, въ нашу задачу.

отвѣтственность владѣльцевъ одной категоріи предпріятій, а именно предпріятій желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ, отвѣтственность нормируемая спеціальною статьею 683-ею *). Каково же *основаніе* этой *усиленной* отвѣтственности? Вникая въ содержаніе приведенной 683-ей статьи, мы видимъ, что согласно пункту 1-му ея владѣльцы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій обязаны вознаградить всякаго потерпѣвшаго вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ сообщеній. Однако, п. *2 а* той же статьи совершенно измѣняетъ положеніе дѣла, устанавливая порядокъ освобожденія владѣльцевъ означенныхъ предпріятій отъ обязанности вознагражденія, въ случаѣ, если несчастье произошло *не по ихъ винѣ* или же вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы. Примѣняясь къ буквальному смыслу этой статьи, необходимо, слѣдовательно, придти къ признанію отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій лишь въ случаѣ ихъ *вины.* Т. е. и тутъ имѣется все то же, общее основаніе отвѣтственности.

Впрочемъ, въ юридической литературѣ достаточно констатированы неясность и несовершенство 683-ей статьи, изъ которой можно дѣлать діаметрально противоположныя заключенія, въ виду сопоставленія въ ней выраженій: „не по винѣ дороги“ и „воздѣйствіе непреодолимой силы“. „Всякое несчастье, происшедшее вслѣдствіе воздѣйствія неопреодолимой силы,“— правильно замѣчаетъ по этому поводу г. Литвиновъ-Фалинскій,—„есть въ то же время несчастье, произошедшее не по винѣ дороги. Поэтому, если признать выраженіе „не по винѣ дороги“ правильнымъ, то стоящее вслѣдъ за нимъ выраженіе „вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы“ теряетъ всякое значеніе, ибо первое выраженіе, какъ болѣе общее, поглощаетъ въ себѣ смыслъ послѣдняго выраженія“ **). Ту же мысль, съ большею подробностью, основательностью и рельефностью провелъ еще ранѣе въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи объ отвѣтственности желѣз-

*) Вотъ текстъ этой статьи, въ извлеченіи: «Потерпѣвшіе вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ получаютъ вознагражденіе отъ владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій на основаніи слѣдующихъ правилъ: 1) Владѣльцы желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій (казна, общества и частныя лица) обязаны вознаграждать каждаго потерпѣвшаго за вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденія въ здоровьѣ, причиненныхъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній... 2) Означенные въ пунктѣ 1 владѣльцы предпріятій освобождаются отъ обязанности вознаграждать потерпѣвшихъ за причиненные имъ вредъ или убытки въ тѣхъ только случаяхъ, когда докажутъ, что несчастье произошло: а) не по винѣ управленія предпріятіемъ и его агентовъ, или же б) вслѣдствіе воздѣйствія неопреодолимой силы».

**) *Литвиновъ-Фалинскій.* Отвѣтственность предпринимателей, стр. 208.

ныхъ дорогъ г. А. Гордонъ. По его мнѣнію, „выраженія „непреодолимая сила“ и „не по винѣ управленія предпріятіемъ“ исключаютъ одно другое. Они не могутъ совмѣстно уживаться. Между ними, на практикѣ, завязывается непримиримая борьба. Одно изъ этихъ выраженій должно пасть жертвой борьбы. Въ результатѣ довольно обстоятельнаго анализа, основаннаго какъ на логическомъ, такъ и на историческомъ толкованіи статьи и на иныхъ, фактическихъ соображеніяхъ, у г. Гордона „жертвою“ оказывается выраженіе „не по винѣ управленія.“ Особенно интересно слѣдующее его указаніе. Ст. 96 и 102 общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, предусматривающія случаи порчи или утраты принятаго для перевозки багажа, устанавливаютъ слѣдующій порядокъ отвѣтственности. За порчу или утрату отвѣчаетъ желѣзная дорога, если не докажетъ, что онѣ произошли отъ непреодолимой силы, отъ свойства самаго багажа или по винѣ потерпѣвшихъ пассажировъ; о винѣ или невиновности дороги здѣсь нѣтъ и рѣчи. Теперь представимъ себѣ такой случай. Въ путешествіе по желѣзной дорогѣ отправляется литераторъ, адвокатъ, профессоръ, портной, чернорабочій,—словомъ, человѣкъ, живущій трудами рукъ своихъ,—захвативъ съ собою въ видѣ багажа чемоданчикъ. Происходитъ крушеніе поѣзда — не по винѣ управленія дороги, случайное. Пассажиръ оказывается искалѣченнымъ, багажъ утеряннымъ. И что же? На основаніи 96 и 102 ст. общаго устава росс. жел. дорогъ пассажира вознаградятъ за утерянный багажъ; но на основаніи 2-го п. 683-ей ст. X тома дорога свободна будетъ отъ обязанности вознаградить пассажира за потерянную имъ, благодаря крушенію, рабочую силу, хотя, быть можетъ, онъ лишился чрезъ это навсегда возможности снискивать себѣ средства существованія. Мало того „Если я поѣду по желѣзной дорогѣ и повезу съ собою собаку, лошадь, корову, и мнѣ и этимъ животнымъ причинено будетъ поврежденіе крушеніемъ поѣзда, происшедшимъ отъ случая (casus), то желѣзная дорога будетъ подлежать отвѣтственности за вредъ, причиненный этимъ животнымъ, но не мнѣ“.

Нѣтъ, восклицаетъ г. Гордонъ, „мы принимаемъ на себя смѣлость утверждать, что выраженіе „не по винѣ дороги“ не есть законъ. Я позволяю себѣ думать, что наши судебныя мѣста не только могутъ, но обязаны игнорировать это выраженіе. Выраженіе это—фраза безъ содержанія, буквы безъ мысли, скорлупа безъ зерна закона. Это ошибочное выраженіе, составленное въ чаду невѣдѣнія, подъ вліяніемъ заблужденія — это не законъ“ *).

*) *А. Гордонъ.* Принципъ отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ за ущербъ, причиненный при эксплуатаціи. Спб. 1887, стр. 86—7, 105—110.

Приблизительно къ такому же выводу приходитъ и другой изслѣдователь даннаго вопроса,—г. Петровъ *).

Нечего говорить о томъ, на сколько не удовлетворительнымъ является законъ, допускающій подобнаго рода толкованія со стороны спеціалистовъ, на сколько этотъ законъ нуждается въ измѣненіяхъ.

II.

При указанной неудовлетворительности дѣйствующаго законодательства объ отвѣтственности предпринимателей, можно утѣшать себя лишь тѣмъ, что дни его сочтены, что такъ или иначе, если и не сейчасъ, то во всякомъ случаѣ и не въ очень отдаленномъ будущемъ ему придетъ конецъ. Этотъ желательный конецъ можетъ явиться съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, имѣется уже упомянутый выше, вполнѣ выработанный и ждущій своего утвержденія законопроектъ министерства финансовъ, предусматривающій спеціально отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Съ другой стороны, тотъ же вопросъ разработанъ и въ проектѣ общаго гражданскаго уложенія.

Я займусь теперь изложеніемъ и оцѣнкою этихъ двухъ законопроектовъ, при чемъ начну съ гражданскаго уложенія, гдѣ соотвѣтствующій матеріалъ сопровождается подробною объяснительною запискою и вообще разработанъ съ достаточною подробностью, въ то время какъ проектъ министерства финансовъ, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой онъ сдѣлался достояніемъ печати,—содержитъ лишь голыя статьи закона.

Уже съ внѣшней стороны, интересующій насъ отдѣлъ проекта гражданскаго уложенія производитъ выгодное впечатлѣніе своею систематичностью и извѣстною выдержанностью въ распредѣленіи матеріала. Статьи, устанавливающія отвѣтственность за причиненные кому либо вредъ и убытокъ, отнесены здѣсь, соотвѣтственно классификаціи, принятой въ римскомъ правѣ, къ книгѣ V-ой („Обязательства“) и составляютъ главу IV этой книги подъ общимъ заглавіемъ „Вознагражденіе за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями“. Глава эта дѣлится на два параграфа, изъ которыхъ первый содержитъ въ себѣ „общія положенія“, а во второмъ излагаются „особыя виды недозволенныхъ дѣяній“.

Первою статьею въ параграфѣ общихъ положеній является *ст. 1065*, которая гласитъ: „совершившій съ умысломъ или по неосторожности недозволенное дѣяніе (дѣйствіе или упущеніе) обязанъ вознаградить за причиненный такимъ дѣяніемъ вредъ“. Этою статьею проектъ гражданскаго уложенія становится ясно и

*) *Л. И. Петровъ.* Къ вопросу объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій. «Вѣстникъ Права», 1900, № 10, стр. 97—103.

опредѣленно на почву *принципа вины*, какъ основы отвѣтственности. Дальнѣйшій текстъ проекта, равно какъ объяснительная записка къ нему, даютъ подробное опредѣленіе понятія недозволеннаго дѣянія. Статьями 1066—1069 устанавливается цѣлый рядъ условій, исключающихъ по проекту понятіе недозволеннаго дѣянія, а слѣдовательно, и обязанность вознагражденія за причиненный вредъ. Согласно этимъ статьямъ, не совершаетъ недозволеннаго дѣянія и, слѣдовательно, не отвѣчаетъ за причиненный вредъ тотъ, кто дѣйствуетъ въ предѣлахъ предоставленнаго ему по закону права, или съ согласія потерпѣвшаго, или подъ вліяніемъ непреодолимой силы, или, наконецъ, въ состояніи необходимой обороны. Независимо отъ этого негативнаго опредѣленія, объяснительная записка къ проекту опредѣляетъ понятіе недозволеннаго дѣянія слѣдующими положительными чертами. „Для возникновенія обязанности вознагражденія за причиненный вредъ“, разсуждаютъ авторы проекта,—„не требуется, чтобы дѣяніе было преступнымъ или наказуемымъ... Простая неправомѣрность дѣянія служитъ достаточнымъ основаніемъ обязательства вознагражденія, хотя бы дѣяніе и не было запрещено положительнымъ закономъ“. И это имѣетъ мѣсто именно потому, что „подъ понятіе недозволеннаго дѣянія подходятъ не только преступленія и проступки, но и дѣянія, не признаваемыя преступными“ *). Съ другой стороны, безусловно необходимо, „чтобы недозволенное дѣяніе, причинившее вредъ, было совершено съ умысломъ (намѣренно) или по неосторожности, т. е. могло быть вмѣнено или поставлено въ вину лицу, причинившему вредъ“ **). Въ этихъ разсужденіяхъ производитъ выгодное впечатлѣніе отсутствіе смѣшенія принциповъ преступности или наказуемости съ принципомъ виновности, чѣмъ такъ страдаютъ положенія дѣйствующаго законодательства. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что и въ текстѣ проекта, и въ его объяснительной запискѣ ясно, опредѣленно и категорически проведенъ принципъ вины, какъ общее основаніе отвѣтственности.

Интересно, однако, выяснить, чѣмъ же именно и на сколько обоснованъ этотъ взглядъ въ проектѣ? Вопросъ о преимуществахъ принципа вины или иного какого либо основанія отвѣтственности служитъ въ настоящее время центромъ самыхъ оживленныхъ споровъ въ наукѣ гражданскаго права,—споровъ, представляющихъ на столько же высокій теоретическій интересъ, какъ и насущное практическое значеніе. При такомъ положеніи вопроса авторамъ проекта, разъ они склонились къ принципу вины, необходимо было обставить свою точку зрѣнія серьезными научными

*) Гражданское уложеніе, книга V: обязательства. Проектъ высочайше учрежденной редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія, томъ V, стр. 433.

**) Тамъ же, стр. 444.

доводами. Въ дѣйствительности, однако, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Не смотря на то, что объяснительная записка къ проекту на столько пространна, что одна только книга V, „объ обязательствахъ“ занимаетъ 5 объемистыхъ томовъ; не смотря на то, что эти объясненія вообще страдаютъ скорѣе многословіемъ, нежели чрезмѣрною сжатостью изложенія,—не смотря на все это, интересующему насъ, весьма важному вопросу посвящено лишь нѣсколько страницъ, по существу весьма неубѣдительныхъ. На этихъ страницахъ содержится лишь ссылка на то, что принципъ вины признанъ новѣйшими законодательствами и нѣкоторыми авторами, да еще вкратцѣ перефразируется та мысль, что для возникновенія обязанности вознагражденія „между дѣяніемъ и вредомъ должна быть не только внѣшняя причинная связь (imputatio facti), но и *внутренняя связь* (imputatio juris), выражающаяся въ сознательномъ или невполнѣ сознательномъ направленіи *воли* къ причиненію *вреда*“ *),—т. е. требуется наличность вины умышленной или неосторожной. Какъ будто этимъ исчерпывается вопросъ, какъ будто дальше и глубже этого стараго положенія не пошли споры между сторонниками и противниками принципа вины.

Впрочемъ, о степени научной обоснованности тѣхъ или другихъ принципіальныхъ взглядовъ въ данной области—будетъ сказано подробно въ слѣдующей статьѣ. Здѣсь же я только устанавливаю точку зрѣнія проекта.

Итакъ, общей точкой зрѣнія проекта по вопросу объ основаніи отвѣтственности является принципъ вины. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ проектѣ имѣется рядъ статей, нормирующихъ спеціально отвѣтственность предпринимателей. Уже въ этомъ одномъ фактѣ заключается большая заслуга проекта. Мы видѣли выше, что существующее законодательство страдаетъ именно отсутствіемъ такихъ спеціальныхъ нормъ: единственно существующая въ этомъ направленіи ст. 683, во первыхъ, относится исключительно къ владѣльцамъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій, а во вторыхъ, страдаетъ внутренними противорѣчіями, благодаря которымъ неясною остается ея основная точка зрѣнія.

И вотъ оба эти недостатка исправлены въ новомъ проектѣ. Прежде всего съ отвѣтственностью владѣльцевъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій уравнена отвѣтственность всѣхъ предпринимателей вообще. Затѣмъ, по отношенію къ этой общей отвѣтственности предпринимателей установленъ совершенно ясный и выдержанный законъ, носящій исключительный характеръ.

Вотъ двѣ статьи, излагающія сущность этого закона:

Ст. 1087. «Если кому либо будетъ причинена смерть или тѣлесное поврежденіе на желѣзной дорогѣ вслѣдствіе опасностей, сопряженныхъ съ

*) Тамъ же, стр. 449.

желѣзнодорожнымъ движеніемъ, то собственникъ желѣзной дороги обязанъ вознаградить за вредъ, если не докажетъ, что смерть или тѣлесное поврежденіе произошли отъ непреодолимой силы, либо вслѣдствіе непредотвратимаго дѣянія лицъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ или рабочихъ желѣзной дороги, либо по винѣ самого погибшаго или потерпѣвшаго».

Ст. 1088: «Если кому либо будетъ причинена смерть или тѣлесное поврежденіе на фабрикѣ, заводѣ, горномъ промыслѣ или вообще вслѣдствіе какихъ либо опасныхъ для жизни и здоровья условій даннаго производства, то собственникъ предпріятія обязанъ вознаградить за вредъ по правиламъ, постановленнымъ въ предыдущей статьѣ.

Существованіе изложенныхъ *двухъ* статей представляется, пожалуй, излишнимъ. Несчастные случаи во всевозможныхъ предпріятіяхъ обсуждаются соотвѣтственно содержанію ст. 1087 проекта.

Нужно ли говорить о томъ, на сколько умѣстно и безусловно необходимо это нововведеніе. Россія все болѣе и болѣе становится страною капиталистическою, развивающею свою промышленную культуру. Число фабрикъ у насъ растетъ, число рабочихъ увеличивается. Наряду съ желѣзнодорожными катастрофами, разражающимися время отъ времени и обращающими на себя всеобщее вниманіе своею внезапностью и массовымъ характеромъ жертвъ, у насъ наблюдаются и хроническія несчастія на фабрикахъ и заводахъ. Не столь замѣтно, тихо и безшумно ежегодно, ежедневно калѣчатся здѣсь организмы тысячъ рабочихъ, выносящихъ на своихъ плечахъ бремя капиталистическаго зданія. Жизнь и интересы этихъ людей нуждаются въ особой, усиленной охранѣ,—въ этомъ въ настоящее время не можетъ сомнѣваться ни одинъ искренній и здравомыслящій человѣкъ. Несомнѣнною заслугою проекта гражданскаго уложенія,—равно какъ и соотвѣтствующаго проекта министерства финансовъ,—является внесеніе въ законодательство этой точки зрѣнія. Уже при внѣшнемъ обозрѣніи цитированныхъ 1087 и 1088 статей проекта бросается въ глаза тотъ фактъ, что въ то время, какъ по вопросу объ отвѣтственности вообще принципъ вины, какъ мы видѣли, въ проектѣ поддерживается сильно и, такъ сказать, нераздѣльно,— въ этихъ статьяхъ, нормирующихъ спеціально отвѣтственность предпринимателей, принципъ вины совершенно игнорируется, и знаменитая фраза 683-й статьи X-го тома „не по винѣ дороги“ здѣсь отсутствуетъ.

Объяснительная записка къ проекту, разъясняя это обстоятельство, замѣчаетъ, что „въ статьяхъ 1087 и 1088 проекта... установлены особыя, *болѣе строгія* для собственниковъ предпріятій *условія возникновенія обязательства вознагражденія*“ (курс. мой, какъ и всюду ниже).

Эти „болѣе строгія“ условія, по подробному толкованію объяснительной записки, сводятся къ слѣдующему.

1. Въ случаѣ несчастья на желѣзной дорогѣ, фабрикѣ, заводѣ, горномъ промыслѣ,—вообще въ какомъ либо промышленномъ

предпріятіи—потерпѣвшій обязанъ доказать лишь *ближайшую внѣшнюю причину* произошедшаго вреда, но не обязанъ доказывать иногда весьма отдаленную связь этой причины съ какимъ либо дѣйствіемъ или упущеніемъ служащихъ или рабочихъ или самого собственника предпріятія.

2. Ст. 1087 и 1088 не только освобождаютъ потерпѣвшаго отъ представленія доказательствъ въ подтвержденіе вины собственника предпріятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ послѣдняго вообще права доказывать отсутствіе вины (неосторожности) или случайность происшедшаго вреда, т. е. установляютъ *не подлежащее опровerженію предположеніе о его винѣ* (*неосторожности*).

3. Собственники предпріятій, упомянутыхъ въ ст. 1087 и 1088, въ силу praesumptio juris et de jure, въ силу установленной закономъ презумпціи, отвѣчаютъ *безусловно* за вредныя, *хотя бы и непредотвратимыя* дѣянія своихъ служащихъ и рабочихъ, такъ какъ по этимъ статьямъ возможность оправданія допускается только въ указанныхъ тамъ трехъ случаяхъ: 1) дѣйствіе непреодолимой силы; 2) непредотвратимыя дѣянія лицъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ или рабочихъ даннаго предпріятія; 3) собственная вина потерпѣвшаго.

4. Собственники поименованныхъ въ 1087 и 1088 ст. предпріятій обязаны нести отвѣтственность даже за дѣянія *постороннихъ лицъ**).

Совокупность всѣхъ этихъ разъясненій изображаетъ въ слѣдующемъ видѣ физіономію проектируемаго закона объ отвѣтственности предпринимателей. Разъ произошло несчастье,—смерть или увѣчье какъ рабочаго, такъ и посторонняго лица на желѣзной дорогѣ, фабрикѣ, заводѣ, горномъ промыслѣ,—потерпѣвшій обязанъ доказать только фактъ несчастья въ связи съ указаніемъ на ближайшую внѣшнюю причину его (т. е. что смерть, напр., произошла отъ дѣйствія такой то машины, на такомъ то заводѣ, отъ столкновенія тамъ то, такихъ поѣздовъ и т. д). Разъ это доказано, собственникъ предпріятія предполагается виновнымъ, и эта предполагаемая вина его считается доказанною и не подлежащею оспариванію, за исключеніемъ трехъ случаевъ, точно въ тѣхъ же 1087 и 1088 статьяхъ указанныхъ: именно 1) въ случаѣ воздѣйствія непреодолимой силы, 2) непредотвратимыхъ дѣяній лицъ, для даннаго предпріятія постороннихъ, 3) собственной вины потерпѣвшаго. При этомъ собственникъ предпріятія не можетъ ссылаться на то, что виновникомъ даннаго несчастья является не онъ, а его служащій, *или даже постороннее лицо*, такъ какъ онъ несетъ отвѣтственность за дѣйствія того и другого.**) Раз-

*) Тамъ же, стр. 579—80.

**) Слѣдуетъ замѣтить, что за дѣйствіе своихъ служащихъ и вообще лицъ, занятыхъ въ данномъ предпріятіи (кромѣ самого потерпѣвшаго), предприниматель отвѣчаетъ и по дѣйствующимъ законамъ.

ница только въ томъ, что за вредныя дѣянія своихъ служащихъ и рабочихъ предприниматель отвѣчаетъ безусловно, хотя бы эти дѣянія являлись непредотвратимыми, за дѣянія же постороннихъ лицъ предприниматель отвѣчаетъ лишь въ случаѣ ихъ возможной предотвратимости.

Въ общемъ эти постановленія идутъ въ значительной мѣрѣ дальше дѣйствующихъ постановленій закона. Вотъ почему гражданское уложеніе, если только ему суждено превратиться въ дѣйствующій законъ, должно быть привѣтствуемо какъ шагъ впередъ по пути охраны интересовъ рабочаго класса.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя игнорировать въ проектѣ цѣлаго ряда недостатковъ.

Недостатки эти цѣликомъ сгруппированы въ самомъ текстѣ ст. 1087, гдѣ, какъ мы видѣли, указаны три условія, при наличности которыхъ предприниматель освобождается отъ отвѣтственности. Останавливаясь на оцѣнкѣ каждаго изъ этихъ условій въ отдѣльности, нельзя не признать, что второе изъ нихъ—непредотвратимыя дѣянія лицъ, не принадлежащихъ къ составу служащихъ или рабочихъ предпріятія—просто излишне, такъ какъ оно цѣликомъ обнимается содержаніемъ перваго условія—воздѣйствія непреодолимой силы. Въ самомъ дѣлѣ, подъ дѣйствіемъ непреодолимой силы объяснительная записка къ проекту разумѣетъ „такія проявленія силъ природы и такія *дѣянія третьихъ лицъ* (т. е. не принадлежащихъ къ составу служащихъ и рабочихъ), которыя не могли быть ни предотвращены, ни преодолѣны, хотя бы были приняты всякія возможныя и необходимыя при данныхъ обстоятельствахъ мѣры предосторожности" *). Изъ этого опредѣленія понятія непреодолимой силы видно, что подъ него вполнѣ подходятъ непредотвратимыя дѣянія постороннихъ лицъ и, слѣдовательно, спеціальная на счетъ этого оговорка принципіально излишня. Что же касается остальныхъ двухъ условій, способныхъ служить къ освобожденію предпринимателя отъ отвѣтственности, то оба они заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Что касается „*непреодолимой силы*", то это понятіе, по справедливому замѣчанію Экснера, во многихъ отрасляхъ права, напр., желѣзнодорожнаго, „играетъ чрезвычайно важную роль", и „практическое значеніе его возрастаетъ съ каждымъ километромъ строющейся въ Европѣ желѣзной дороги" **). Не смотря на это, мы нигдѣ не найдемъ точнаго опредѣленія этого понятія, заимствованнаго изъ римскаго права ***). Между прочимъ, еще со времени глоссаторовъ—утвердилось въ литературѣ и такое пониманіе не-

*) Гражданское уложеніе, стр. 592.

**) *Dr. Exner.* «Der Begriff der höheren Gewalt (vis major) im römischen und heutigen Verkehrsrecht», Wien, 1883, S. 1—2.

***) Ibidem, S. 7.

преодолимой силы (vis major), которое вполнѣ отождествляетъ его со случаемъ (casus) *). „Такъ какъ *vis major* и *casus* понятія родственныя“,—говоритъ г. Гордонъ,—„то между ними, какъ вообще между родственными отвлеченными понятіями, провести рѣзкую демаркаціонную линію нѣтъ возможности“ **). Такой взглядъ на непреодолимую силу проникъ и въ нѣкоторыя законодательства. Такъ, французскій законъ, итальянскій кодексъ, сводъ гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ смѣшиваютъ понятія непреодолимый силы и случая ***). Были въ литературѣ и другія направленія, строго различавшія понятія случая и непреодолимой силы, и дававшія опредѣленіе послѣдней на основаніи извѣстныхъ объективныхъ признаковъ; но врядъ ли можно назвать эти попытки удачными. И это объясняется трудностью установленія постояннаго, принципіальнаго критерія для характеристики даннаго, по существу относительнаго понятія. Указываютъ, напримѣръ, на то, что подъ непреодолимою силою слѣдуетъ разумѣть, во-первыхъ, силу естественную, „элементарную“, во-вторыхъ — такую силу, которую трудно или даже совсѣмъ нельзя предотвратить или предусмотрѣть. Но относительность, условность этихъ выраженій очевидна. Древнимъ молнія представлялась типичной непреодолимой силой въ этомъ смыслѣ; не то теперь при возможности предотвращенія гибельнаго вліянія этой силы. Вообще „неизбѣжное“, „непредотвратимое“ для одного субъекта, въ одномъ случаѣ, при однихъ условіяхъ, теряетъ этотъ характеръ въ другомъ мѣстѣ и при комбинаціи другихъ условій ****). Самъ Экснеръ, энергически возстающій противъ отождествленія случая съ непреодолимою силою и настаивающій на необходимости объективной характеристики послѣдней, даетъ слѣдующее ея опредѣленіе: „непреодолимая сила это—событіе, во-первыхъ, возникающее внѣ круга дѣятельности даннаго предпріятія и своимъ вторженіемъ въ это предпріятіе причиняющее личный или имущественный вредъ; во-вторыхъ, событіе, по роду и силѣ своего проявленія превосходящее случайности, свойственныя обыденному теченію жизни“ *****). Легко видѣть, что событіе, „превосходящее случайности свойственныя обыденному теченію жизни“, представляетъ собою величину вполнѣ неопредѣленную и относительную, не поддающуюся строгому отграниченію отъ случайности вообще. А между тѣмъ проектъ уложенія сталъ именно на такую точку зрѣнія. Эта точка зрѣнія отразилась какъ въ приведенномъ выше опредѣленіи, согласно

*) Ibidem, S. 8—9.

**) *А. Гордонъ.* «Принципъ отвѣтственности желѣзн. дорогъ», стр. 49.

***) *Л. И. Петровъ.* «Къ вопросу объ отв. желѣзнод. и парох. предпріятій», стр. 104—5.

****) Exner, op. cit., r. 15—17.

*****) Ibidem, r. 86.

которому подъ непреодолимою силою разумѣется то, что не можетъ быть предотвращено при *данныхъ* мѣрахъ предосторожности, такъ—и особенно—въ слѣдующихъ словахъ объяснительной записки: „что касается понятія *непреодолимости* или *непредотвратимости*, то оно представляется болѣе или менѣе относительнымъ и потому не можетъ получить точнаго опредѣленія въ самомъ законѣ, но должно быть выяснено судомъ, сообразно обстоятельствамъ“ *). Однако, при такой недостаточности данныхъ въ самомъ законѣ опредѣленій, на практикѣ можно столкнуться съ цѣлымъ рядомъ недоразумѣній. Такъ, прежде всего, въ виду чрезвычайной трудности различенія непреодолимой силы и случая, на практикѣ могутъ остаться безнаказанными нѣкоторые виды случайнаго вреда, который съ общей точки зрѣнія проекта по отношенію къ предпринимателямъ подлежитъ отвѣтственности. Съ другой стороны, можно ли допустить существованіе опредѣленныхъ, заранѣе данныхъ, типичныхъ или обязательныхъ орудій или вообще условій производства въ каждомъ данномъ предпріятіи? А между тѣмъ то, что оказывается „непреодолимымъ“ или „непредотвратимымъ“ при одномъ состояніи техническихъ средствъ даннаго предпріятія, то легко, быть можетъ, могло бы быть и преодолѣно, и предотвращено при иныхъ, лучшихъ условіяхъ того же производства. Неимѣніе же возможно лучшихъ средствъ и орудій производства должно быть поставлено въ вину предпринимателя, подлежащую отвѣтственности по общимъ началамъ **). Въ результатѣ, исключеніе отвѣтственности предпринимателя въ случаѣ воздѣйствія непреодолимой силы, при отсутствіи полнаго опредѣленія границъ понятія въ самомъ законѣ, можетъ на практикѣ привести къ оставленію безъ надлежащей отвѣтственности и случайныхъ, и даже виновныхъ дѣяній предпринимателя.

Не менѣе серьезныя возраженія можно сдѣлать противъ установленія третьяго условія, освобождающаго предпринимателя отъ отвѣтственности,—собственной винѣ потерпѣвшаго. Въ данномъ случаѣ необходимо прежде всего отличать вину потерпѣвшаго неосторожную отъ вины умышленной. Конечно, рабочій, умышленно учинившій себѣ смерть или тѣлесное поврежденіе, не заслуживаетъ никакого вознагражденія со стороны предпринимателя. Но вѣдь подобныя случаи—явленія до того рѣдкія, можно сказать, небывалыя, что о нихъ не стоитъ и говорить. Если же рѣчь идетъ о неосторожности потерпѣвшихъ (а, вѣроятно, именно ее и имѣетъ въ виду проектъ, говоря о винѣ потерпѣвшаго), то необходимо помнить, что одно дѣло—неосторожность третьяго,

*) Гражданское уложеніе, стр. 542.

**) Ср. *I. А. Покровскій.* «Обязательства изъ деликтовъ въ проектѣ гражданскаго уложенія». Приложенія къ протоколамъ кіевскаго юридическаго общества за 1899 г., Кіевъ 1900, стр. 67.

посторонняго къ данному предпріятію лица, и совсѣмъ другое дѣло—неосторожность рабочаго въ процессѣ его постоянной работы. Постоянное изо дня въ день исполненіе одной и той же работы, одной и той же микроскопической отрасли труда создаетъ въ рабочемъ извѣстные навыки, извѣстную способность легко относиться къ опасностямъ работы, пренебрегать ими. Это не безцѣльная смѣлость или удаль, а присущая всѣмъ спеціалистамъ и необходимая для успѣшнаго выполненія работы легкость и подвижность, которая вполнѣ граничитъ съ неосторожностью, такъ легко превращающеюся въ пресловутую „вину потерпѣвшаго". Самъ проектъ это, въ сущности, понимаетъ, рекомендуя „относиться снисходительнѣе къ рабочимъ, которые вслѣдствіе привычки къ своимъ опаснымъ занятіямъ, особой ревности къ службѣ и интересамъ хозяевъ, усталости и тому подобныхъ причинъ не могутъ быть обвиняемы во многихъ случаяхъ, когда подобное же дѣяніе (напр., хожденіе по рельсамъ желѣзной дороги, вскакиваніе на поѣздъ во время движенія и т. д.), совершенное постороннимъ лицомъ, должно быть признаваемо явно неосторожнымъ" *). Въ виду этого установить со сколько нибудь желательною точностью мѣру или предѣлъ той неосторожности, которая должна быть отнесена на счетъ „вины потерпѣвшаго", прямо невозможно. Къ какимъ практическимъ результатамъ можно придти, установивъ освобожденіе отъ отвѣтственности предпринимателей въ случаѣ „вины потерпѣвшаго", можно видѣть изъ слѣдующаго разсчета причинъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ Пруссіи въ 1879 году, составленнаго извѣстнымъ статистикомъ Энгелемъ.

Въ этомъ году несчастные случаи произошли отъ:

случая или стихійной силы	28,77%
собственной вины или неосторожности . . .	66,78%
собственной наказуемой вины	0,18%
чужой неосторожной вины	2,47%
чужой наказуемой вины	1,13%
неизвѣстныхъ причинъ.	0,07% **)

Мы видимъ, что въ 67% всѣхъ несчастныхъ случаевъ роль причины играла „собственная вина" потерпѣвшихъ.

Конечно, эта статистика далеко не является непогрѣшимою, но если признать за нею какое-нибудь, хотя бы грубо-приблизительное значеніе, и если, съ другой стороны, вспомнить, что въ Россіи, при меньшей интеллигентности рабочаго класса по сравненію съ Германіею даже 1879 года и при безспорно худшихъ техническихъ условіяхъ производства, процентъ несчастныхъ слу-

*) Тамъ же, стр. 533.

**) *В. Г. Яроцкій.* «Страхованіе рабочихъ», т. I. Спб. 1895, стр. 160.

чаевъ, происходящихъ отъ неосторожности рабочихъ и отъ дѣйствія „непреодолимыхъ" силъ, долженъ быть еще выше,—то легко себѣ представить, въ какую мертвую букву можетъ превратиться въ общемъ симпатичный новый законъ при наличности указанныхъ ограниченій.

А между тѣмъ изъ среды учрежденія, не безъ нѣкотораго основанія претендующаго на авторитетность своихъ сужденій по вопросамъ русскаго законодательства, раздался голосъ, который нельзя разсматривать иначе, какъ попытку внести еще большія ограниченія въ самое существо проектируемаго закона. Почти весь проектъ гражданскаго уложенія, равно какъ и прочія части реформируемаго и проектируемаго въ настоящее время законодательства, были подвергнуты подробному разбору различными коммиссіями и подкоммиссіями, образованными изъ среды Юридическаго Общества, состоящаго при с.-петербургскомъ университетѣ. Принимая во вниманіе наличность въ составѣ этого общества цѣлаго ряда крупныхъ научныхъ силъ и видныхъ представителей русской юриспруденціи, не приходится удивляться тому, что мнѣнія означенныхъ коммиссій, получающія обычно санкцію всего Общества, пріобрѣтаютъ немаловажное значеніе и притомъ не одно теоретическое Тѣмъ съ большимъ, конечно, вниманіемъ необходимо относиться къ этимъ мнѣніямъ, тѣмъ больше ихъ слѣдуетъ взвѣшивать и испытывать. И вотъ предо мною „Замѣчанія на постановленія гл. IV книги пятой (ст. ст. 1065—1106) проекта гражданскаго уложенія 1899 г. о вознагражденіи за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями".—Выработаны эти замѣчанія въ подкоммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ С. Ѳ. Платонова изъ членовъ общества; М. М. Боровитинова, Ф. У. Осецкаго, Г. Б. Сліозберга и Н. И. Цуханова" *). Члены подкоммиссіи начинаютъ съ воспоминанія о тѣхъ длинныхъ и сложныхъ перипетіяхъ, которыя пришлось испытать у насъ вопросу объ отвѣтственности хозяевъ фабрикъ и заводовъ. Казалось бы, проекту новаго закона, слѣдуетъ только радоваться. Его и привѣтствуютъ по своему члены подкоммиссіи: какъ юристы, они хорошо понимаютъ, что „на помощь пострадавшему долженъ идти самъ законъ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ обуреваютъ и соображенія какъ бы практическаго свойства. Такъ, прежде всего „установить вину завода для лица, потерпѣвшаго поврежденіе, обыкновенно простого рабочаго, ...невозможно". За то весьма легко, по мнѣнію членовъ подкоммиссіи, владѣльцамъ предпріятій установить вину потерпѣвшаго: „невольно вспоминается замѣчаніе представителей промышленности, что большинство потерпѣвшихъ сами виноваты въ своемъ несчастьи, вслѣдствіе своей неосторожности. Замѣчаніе это для лицъ, сколько нибудь знако-

*) «Замѣчанія» на печатаны въ журналѣ «Вѣстникъ Права», 1900 г., стр. 89—136.

мыхъ съ нашимъ фабричнымъ людомъ, представляется вполнѣ понятнымъ и правдоподобнымъ, да оно подтверждается и судебною практикою". Притомъ же „едва ли можно безусловно отвергать начало договорныхъ соглашеній предпринимателя съ рабочими. При наймѣ на работу рабочій не можетъ не принимать въ соображеніе какъ трудность, такъ и опасность работы"... Таковы сужденія подкоммиссіи. Что нужды въ томъ, что ссылка фабрикантовъ на собственную неосторожность рабочихъ разбивается о слѣдующее простое соображеніе: если въ самомъ дѣлѣ въ большинствѣ несчастныхъ случаевъ виновны сами рабочіе, то почему же фабриканты столь энергично протестовали противъ всѣхъ законовъ объ усиленной отвѣтственности предпринимателей, въ то время, какъ всякимъ изъ этихъ законовъ исключалась отвѣтственность предпринимателя въ случаѣ „вины потерпѣвшаго"?.. Что нужды и въ томъ, что объективнымъ анализомъ современной экономической науки воочію доказана вся фиктивность „договорныхъ соглашеній предпринимателя съ рабочими", доказано, сколько грубаго насилія и беззастѣнчивой эксплоатаціи скрыто подъ благообразною оболочкою свободно-договорныхъ отношеній?.. Члены подкоммиссіи, вполнѣ убѣжденные въ правильности приведенныхъ сужденій, полагаютъ необходимымъ внести слѣдующую поправку въ ст. 1088 проекта. По ихъ мнѣнію, „на собственника предпріятія должна быть возложена по закону обязанность доказать, но не то, что несчастье произошло по винѣ потерпѣвшаго, а то, что орудіе производства, отъ котораго получено увѣчье или смерть, было въ полной исправности, что всѣ предохранительныя отъ несчастныхъ случаевъ приспособленія соотвѣтствовали всѣмъ требованіямъ науки и техники, что при этомъ соблюдались всѣ требуемыя правила, установленныя закономъ и особыми техническими, фабричными правилами". Въ полномъ согласіи съ этими соображеніями подкоммиссія предлагаетъ замѣнить текстъ ст, 1088-й проекта слѣдующимъ:

«Если кому либо причинена будетъ смерть или тѣлесное поврежденіе на фабрикѣ, заводѣ или горномъ промыслѣ, вслѣдствіе дѣйствія машинъ или другихъ орудій, или вообще вслѣдствіе какихъ-либо опасныхъ для жизни и здоровья условій даннаго производства, то собственникъ предпріятія обязанъ вознаградить за вредъ, если не докажетъ: что машины или другія орудія были въ полной исправности, что имъ были приняты всѣ необходимыя и требуемыя, какъ закономъ, такъ и спеціальными правилами, а равно техническими условіями даннаго производства, мѣры предосторожности для предохраненія отъ несчастныхъ случаевъ и вреднаго вліянія на здоровье, либо что смерть или тѣлесное поврежденіе произошли отъ непреодолимой силы» *).

Мысль подкоммиссіи, вылитая въ конкретную форму становится совершенно ясною.

---

*) «Замѣчанія», стр. 109—114.

Если теперь сравнить текстъ 1088-ой ст. проекта гражданскаго уложенія съ новымъ текстомъ той же статьи, предлагаемымъ подкоммисіей, то съ точки зрѣнія, защищаемой въ настоящей работѣ, врядъ ли могутъ быть какія либо сомнѣнія въ томъ, что всѣ преимущества на сторонѣ проекта. Вникнемъ подробнѣе въ точки соприкосновенія и разногласія. Какъ проектъ уложенія, такъ и новый проектъ подкоммиссіи сходится на исключеніи отвѣтственности предпринимателей въ случаѣ дѣйствія непреодолимой силы (куда я включаю и непредотвратимыя дѣйствія третьихъ лицъ). Въ дальнѣйшемъ, однако, замѣчаются уже существенныя различія. По проекту уложенія отвѣтственность не исключается въ случаѣ непредотвратимыхъ дѣяній самихъ рабочихъ или служащихъ предпріятія: въ проектѣ подкоммиссіи объ этомъ ничего не говорится, но такъ какъ непредотвратимыя дѣянія могутъ вообще подойти подъ формулу непреодолимой силы, то отвѣтственность въ этомъ случаѣ легко можетъ быть исключена. Уже по этой причинѣ рамки отвѣтственности по проекту подкоммиссіи представляются болѣе узкими. Но этого мало. Болѣе существенное ограниченіе усматривается въ дальнѣйшемъ содержаніи новаго проекта ст. 1088-ой. Проектъ уложенія, помимо случаевъ воздѣйствія непреодолимой силы, исключаетъ отвѣтственность предпринимателя лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если онъ докажетъ, что несчастье произошло по винѣ самого потерпѣвшаго. Проектъ подкоммиссіи предлагаетъ съ виду маленькую модификацію. Онъ считаетъ болѣе удобнымъ, чтобы предприниматель былъ обязанъ доказать не то, что несчастье произошло по винѣ потерпѣвшаго, а то, что машины и орудія были въ полной исправности, что были приняты всѣ требуемыя закономъ, спеціальными правилами и техническими условіями даннаго производства мѣры предосторожности и безопасности. Иными словами, въ то время, какъ проектъ уложенія требуетъ для исключенія отвѣтственности доказательства того, что несчастье произошло *по винѣ потерпѣвшаго*, проектъ подкоммиссіи довольствуется требованіемъ доказательства того, что несчастье произошло *не по винѣ предпринимателя* (ибо если несчастіе произошло отъ неисправности орудій производства, отъ несоблюденія требуемыхъ закономъ, спеціальными правилами и техническими условіями мѣръ безопасности, то вина предпринимателя очевидна). Словомъ, послѣ долгихъ разсужденій и толкованій подкоммиссія спб. Юридическаго Общества пришла къ необходимости водворенія того принципа вины, который и безъ того нынѣ въ существующемъ законодательствѣ благополучно существуетъ. Ясно, что „замѣчанія“ подкоммиссіи оказались по меньшей мѣрѣ излишними. Излишними ихъ надо признать и по соображеніямъ нѣсколько болѣе общаго характера. Мы видѣли выше, что проектъ гражданскаго уложенія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, представляетъ несомнѣнный

шагъ впередъ по пути нашего законодательства, призваннаго охранять интересы рабочаго класса. Въ виду этого, если только позволительно на основаніи опыта прошедшаго предугадывать даль будущаго, не слѣдуетъ преувеличивать дѣйствительныхъ шансовъ проекта... Слишкомъ ужъ велики и могущественны факторы, задерживающіе теченіе нашего соціальнаго прогресса, слишкомъ ужъ злополучна вся прошедшая судьба подобныхъ законопроектовъ. При такихъ обстоятельствахъ можно ли сомнѣваться въ томъ, что во вмѣшательствѣ подкоммиссіи спб. Юридическаго Общества особой надобности какъ будто и не встрѣчается...

Отъ ученыхъ прожектовъ призванныхъ юристовъ невольно съ чувствомъ удовлетворенія обращаешься къ простому и немногосложному, выработанному министерствомъ финансовъ „Проекту закона объ отвѣтственности владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій за тѣлесныя поврежденія и смерть рабочихъ и служащихъ въ сихъ предпріятіяхъ“ *).

Во всемъ проектѣ, состоящемъ изъ 33-хъ §§-овъ, съ точки зрѣнія тэмы настоящей работы представляютъ интересъ первые два.

§ 1. Владѣльцы (частныя лица, общества, городскія, земскія, казенныя и правительственныя учрежденія) заведеній фабрично-заводской, горной, горнопромышленной и ремесленной промышленности, въ случаѣ смерти или увѣчій, причиненныхъ рабочему, во время или вслѣдствіе хода означенныхъ заведеній, обязаны вознаградить его или его семейство за вредъ или убытокъ, отъ того проистекающіе, на основаніи нижеизложенныхъ правилъ.

Примѣчаніе. Отъ дѣйствія сего закона изъемлются заведенія съ числомъ рабочихъ, меньшимъ 15 человѣкъ, въ томъ, однако, случаѣ, если заведенія: а) не употребляютъ въ дѣло паровыхъ котловъ или двигателей, дѣйствующихъ силою пара, воды, газа, электричества, керосина, сжатаго или нагрѣтаго воздуха; б) не занимаются изготовленіемъ и не пользуются примѣненіемъ въ производствѣ взрывчатыхъ, легко воспламеняющихся или ядовитыхъ веществъ.

§ 2. Отъ означенной въ ст. 1 отвѣтственности владѣльцы предпріятій освобождаются въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда докажутъ, что единственною причиною нанесенія вреда пострадавшему является: или 1) дѣйствіе внѣшней (непреодолимой или стихійной) силы, которое нельзя было предусмотрѣть и предотвратить, или 2) преступленіе или проступокъ лицъ, къ промышленному предпріятію не причастныхъ, или 3) такія умышленныя дѣйствія другихъ рабочихъ, которыя не вытекаютъ изъ существа работъ въ предпріятіи, или же 4) злой умыселъ пострадавшаго.

Уже при бѣгломъ чтеніи этихъ двухъ статей бросается въ глаза тождество ихъ конструкціи и содержанія съ анализированными

---

*) Проектъ этотъ, на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напечатанъ въ книгѣ *Dr. Zacher'a* «Die Arbeiter-Versicherung im Auslande», Heft IX, Berlin 1890, s. 18—29. Сочиненіе Zacher'a, состоящее изъ 12 выпусковъ, содержитъ обзоръ узаконеній объ отвѣтственности предпринимателей (включая страхованіе рабочихъ) въ Даніи, Швеціи, Норвегіи, Франціи, Англіи, Италіи, Венгріи, Россіи, Финляндіи, Бельгіи.

выше постановленіями проекта гражданскаго уложенія. Вникая глубже, нельзя не усмотрѣть, однако, и крупныхъ различій, на которыхъ необходимо остановиться. Цѣлесообразны-ли, правильны-ли, желательны-ли тѣ новыя черты и элементы, которые вводятся въ институтъ отвѣтственности предпринимателей проектомъ министерства финансовъ? Прежде всего самый объемъ этого закона въ одно и тоже время и уже, и шире проекта уложенія: шире, поскольку онъ распространяется и на заведенія ремесленной промышленности, уже—поскольку онъ касается лишь несчастныхъ случаевъ съ рабочими (а не съ посторонними лицами также) и, во вторыхъ, поскольку устанавливаетъ исключеніе для заведеній, утилизирующихъ менѣе 15 человѣкъ рабочихъ, съ изъятіями отсюда, указанными въ примѣч. къ 1-ой ст. Не касаясь всего этого и останавливаясь исключительно на вопросѣ объ *основаніяхъ* отвѣтственности по проекту министерства финансовъ, слѣдуетъ отмѣтить, что этотъ проектъ раздѣляетъ съ проектомъ уложенія мысль объ исключеніи отвѣтственности въ случаяхъ воздѣйствія непреодолимой силы. Въ дальнѣйшемъ мы замѣчаемъ слѣдующія существенныя особенности. Самую непреодолимую силу проектъ называетъ „внѣшнею", и естественно, что въ это понятіе онъ не включаетъ, по образцу проекта уложенія, дѣяній лицъ, хотя бы и непредотвратимыхъ. Вообще дѣйствія лицъ предусмотрѣны здѣсь отдѣльно въ трехъ пунктахъ (2—4) ст. 2-ой, и по отношенію къ нимъ проведена весьма разумная и цѣлесообразная классификація. Именно проектъ различаетъ дѣйствія лицъ, къ данному предпріятію вовсе не принадлежащихъ: дѣйствія лицъ, занятыхъ въ данномъ предпріятіи, кромѣ потерпѣвшаго, и, наконецъ, дѣйствія самого потерпѣвшаго. Въ основаніе классификаціи положена здравая, покоющаяся на серьезныхъ доводахъ идея: чѣмъ ближе находится данное лицо по своему положенію къ данному несчастью, чѣмъ возможнѣе, естественнѣе связь его дѣйствій съ несчастнымъ случаемъ,—тѣмъ менѣе его дѣятельность разсматривается какъ условіе, исключающее отвѣтственность предпринимателя, который, теоретически разсуждая, тѣмъ болѣе въ состояніи былъ возможность такихъ дѣйствій предвидѣть. Такъ, наименѣе необходимою и наиболѣе отдаленною несомнѣнно должна быть признана связь несчастнаго случая въ какомъ либо предпріятіи съ дѣйствіями лицъ, къ данному предпріятію вовсе не принадлежащихъ. И вотъ проектъ освобождаетъ предпринимателя отъ отвѣтственности, въ случаѣ, если несчастье произошло отъ преступленія или проступка такихъ лицъ, включая, слѣдовательно, сюда какъ виновныя, такъ и неосторожныя дѣйствія. И это, вѣроятно, на томъ основаніи, что за преступленіе или проступокъ посторонняго лица не можетъ отвѣчать предприниматель; само это лицо, совершившее преступленіе или проступокъ, несетъ за него отвѣтственность уголовную, а слѣдовательно, и

гражданскую *). Въ иномъ положенiи оказываются дѣйствiя лицъ, занятыхъ въ данномъ предпрiятiи. Ихъ дѣятельность слишкомъ тѣсно переплетается съ жизнью самого предпрiятiя, влiянiе этой дѣятельности на причиненiе несчастныхъ случаевъ слишкомъ обычно, слишкомъ неизбѣжно, слишкомъ, наконецъ, заранѣе поддается предугаданiю и учету со стороны хозяина предпрiятiя, чтобы огуломъ признавать ее условiемъ, исключающимъ отвѣтственность предпринимателя. Проектъ и относится къ дѣйствiямъ такихъ лицъ болѣе снисходительно. Если это рабочiе даннаго предпрiятiя, но не самъ потерпѣвшiй, то лишь въ случаѣ *умышленнаго* совершенiя или дѣйствiй, *не вытекающихъ* изъ существа ихъ работъ въ предпрiятiи, исключается отвѣтственность предпринимателя за несчастье, происшедшее отъ такихъ дѣйствiй. Всякiя, слѣдовательно, неосторожныя дѣянiя этихъ лицъ въ счетъ вовсе не идутъ; и даже умышленныя дѣйствiя ихъ, но находящiя объясненiе въ естественномъ процессѣ ихъ работы, приравниваются къ неосторожнымъ дѣйствiямъ: и тѣ, и другiя разсматриваются какъ естественныя, неизбѣжныя, нормальныя, не могущiя, слѣдовательно, снять бремя отвѣтственности съ предпринимателя. Наконецъ, отвѣтственность можетъ пасть на самого потерпѣвшаго лишь въ томъ единственномъ случаѣ, если несчастье произошло вслѣдствiе проявленiя его „*злого умысла*". Естественность и законность отвѣтственности самаго потерпѣвшаго въ этомъ случаѣ, конечно, настолько же правильна, насколько правильно и цѣлесообразно игнорированiе въ смыслѣ условiя, исключающаго отвѣтственность предпринимателя, всякой *неосторожности* самого потерпѣвшаго, столь естественной, столь неизбѣжной, столь граничащей съ простымъ случаемъ, какъ это разъяснено было подробно выше. Этотъ послѣднiй штрихъ въ схемѣ отвѣтственности, намѣченной проектомъ министерствомъ финансовъ, прiобрѣтаетъ особое значенiе. Какъ было уже замѣчено при изложенiи соотвѣтствующаго мѣста проекта уложенiя, исключенiе отвѣтственности предпринимателя въ случаѣ неосторожности потерпѣвшаго рабочаго равносильно совершенно несправедливому, не вытекающему изъ существа отношенiй перенесенiю отвѣтственности на самихъ рабочихъ въ огромномъ числѣ несчастныхъ случаевъ. За это одно нововведенiе можно простить многiе недостатки проекта, все же не рѣшившагося еще довести отвѣтственность предпринимателей до возможныхъ предѣловъ.

Послѣ всего сказаннаго становится достаточно очевидною общая физiономiя новаго проекта министерства финансовъ. Чуждый столь

*) Конечно, все это въ томъ случаѣ, если собственникъ предпрiятiя не могъ предусмотрѣть и предотвратить виновное вмѣшательство посторонняго лица. Иначе предъ нами будетъ случай вины самого предпринимателя.

распространеннаго и свившаго себѣ прочное гнѣздо въ дѣйствующемъ законодательствѣ признанія принципа вины, онъ ясно и опредѣленно становится на почву *принципа причиненія*, согласно которому самый фактъ причиненія смерти имъ увѣчья рабочаго налагаетъ на предпринимателя обязанность вознагражденія за вредъ и убытки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, точно въ законѣ оговоренныхъ.

Вотъ почему, еще въ бо́льшей мѣрѣ, нежели проектъ гражданскаго уложенія, слѣдуетъ привѣтствовать проектъ министерства финансовъ и желать его возможно скорѣйшаго превращенія въ норму дѣйствующаго закона. Въ душу, однако, невольно закрадываются сомнѣнія. Встаетъ въ памяти исторія многочисленныхъ законодательныхъ предшественниковъ этого проекта; развертывается картина отечественнаго правосознанія вплоть до научныхъ воззрѣній нашихъ, до извѣстной степени руководящихъ юридическихъ сферъ...

Эти сомнѣнія тѣмъ болѣе овладѣваютъ мыслью, что въ проектѣ министерства финансовъ мы вовсе не находимъ *мотивовъ* его; что же касается уложенія, то и въ немъ мы не находимъ правильнаго научнаго обоснованія тѣхъ причинъ, которыя заставили авторовъ его установить особую, усиленную отвѣтственность предпринимателей. Всякое исключеніе изъ общаго правила, допускаемое законодателемъ,—а въ видѣ, именно, такого исключенія допущена въ проектѣ не основанная на принципѣ вины отвѣтственность предпринимателей—должно покоиться на строгихъ и ясныхъ, не только фактическихъ, но и логическихъ основаніяхъ, между тѣмъ объяснительная записка далеко не удовлетворяетъ этому требованію. Въ чемъ проектъ видитъ мотивы признанныхъ имъ основаній отвѣтственности предпринимателей? „Такая строгая отвѣтственность"—говорится въ объяснительной запискѣ—„не можетъ быть выводима только изъ экономическаго соображенія о предпринимательскомъ рискѣ, такъ какъ при такомъ началѣ рискъ за смерть и увѣчье долженъ быть распространенъ и на самыя легкія и безопасныя предпріятія, наприм., мастерскія съ однимъ рабочимъ." Въ противоположность этому принципу редакторы проекта отмѣчаютъ, что „*основанія* установленной въ ст. ст. 1087 и 1088 *исключительной отвѣтственности* должны вытекать не изъ отношеній, въ которыхъ можетъ находиться данное предпріятіе къ этимъ или другимъ потерпѣвшимъ, но изъ *особаго свойства* упомянутыхъ въ этихъ статьяхъ *предпріятій*. Особое свойство *этихъ* предпріятій заключается въ *чрезвычайной опасности* ихъ для жизни и здоровья лицъ, которымъ приходится по необходимости или случайно имѣть дѣло съ подобными предпріятіями" *). (Курсивъ въ подлинникѣ).

*) Гражданское уложеніе, стр. 586, 584.

Итакъ, авторы проекта, отвергнувъ принципъ *экономическій* и, очевидно, не найдя также соотвѣтственнаго принципа *юридическаго*, встали на точку зрѣнія *соціально-политическую*: съ этой точки зрѣнія желѣзныя дороги, фабрики, заводы, горные промыслы, въ виду опасныхъ свойствъ своихъ, угрожаютъ жизни, здоровью и благосостоянію лицъ, приходящихъ съ ними случайно или по необходимости въ соприкосновеніе; это и вызываетъ необходимость огражденія общества отъ этихъ предпріятій, каковой цѣли и можетъ служить, между прочимъ, усиленная отвѣтственность предпринимателей.

Насколько же правильна и сильна такая точка зрѣнія? Ставя этотъ вопросъ, мы подходимъ къ теоретической сущности общей проблемы объ основаніяхъ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчья рабочихъ. Чтобъ разрѣшить эту проблему, необходимо предпринять экскурсію въ область едва ли не наиболѣе важныхъ и въ то же время наиболѣе спорныхъ вопросовъ современной науки гражданскаго права.

Это будетъ сдѣлано въ слѣдующей статьѣ.

М. Б. Ратнеръ.

Политика.

Смѣна правленія въ Соединенныхъ Штатахъ. —Макъ-Кинлей.—Рузвельтъ.— Имбріани. — Микель. — Текущія событія и дѣла.

I.

7 сент. (25 авг.) президентъ Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Кинлей былъ смертельно раненъ нѣкіимъ Чолгошомъ въ то время, какъ слушалъ концертъ на выставкѣ въ Буффало (одинъ изъ главныхъ городовъ штата Нью-Іорка). Макъ-Кинлей третій президентъ американской республики, павшій отъ руки убійцы. Въ 1865 году нѣкто Бутсъ поразилъ Авраама Линкольна. Это была месть южанина человѣку, только что покорившему Югъ. Въ 1881 году нѣкто Гито убилъ президента Гарфильда, едва лишь нѣсколько мѣсяцевъ вступившаго въ отправленіе своихъ обязанностей. Это убійство было, повидимому, актомъ душевнаго разстройства. Какая причина привела Чолгоша къ повторенію исторіи Бутса и Гито, не раскрылъ и процессъ, завершившійся смертнымъ приговоромъ... Сначала Чолгошъ назвалъ себя анархистомъ; потомъ отказался отъ этого показанія. Сначала полиція аресто-

вала пятерыхъ предполагаемыхъ соучастниковъ; потомъ ихъ освободила.

Послѣ нѣсколькихъ дней страданій Макъ-Кинлей скончался и вице-президентъ Союза, Теодоръ Рузвельтъ уже вступилъ въ отправленіе должности президента, на каковомъ посту онъ пробудетъ до 5 марта 1905 года, т. е. три съ половиною года.

Макъ-Кинлей родился 29 января 1843 года въ штатѣ Огайо и, получивъ среднее образованіе, восемнадцати лѣтъ въ 1861 году поступилъ волонтеромъ въ армію сѣверянъ, тогда начинавшихъ свой походъ противъ отложившагося Юга. Въ теченіе четырехъ лѣтъ Макъ-Кинлей принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и, не выказавъ особыхъ заслугъ или дарованій, оставилъ ряды арміи въ 1865 году въ чинѣ маіора. Онъ пробовалъ послѣ этого (двадцати-двухъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ) продолжать образованіе въ университетѣ на юрид. фак., но скоро оставилъ университетъ и занимался разными практическими дѣлами, покуда въ 1876 году его не выбрали депутатомъ, какъ республиканца. Всегда скрупулезно послушный вожакамъ партіи, Макъ-Кинлей четырнадцать лѣтъ пробылъ членомъ вашингтонскаго конгресса, не выдвинувшись и здѣсь ни особыми заслугами, ни дарованіями, пока въ 1890 году его имя не стало сразу знаменитымъ, и не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ и другихъ частяхъ цивилизованнаго міра.

Это было время, когда американскіе промышленники добивались запретительнаго протекціонизма. Макъ-Кинлей попалъ въ коммиссію, образованную конгрессомъ съ цѣлью выработки такого тарифа: какъ послушный партіи депутатъ, Макъ-Кинлей былъ избранъ предсѣдателемъ коммиссіи, а по американскому обычаю стало быть и докладчикомъ выработаннаго коммиссіей законопроекта. Какъ предсѣдатель коммиссіи и докладчикъ ея законопроекта, Макъ-Кинлей сдѣлалъ большія услуги крупнымъ финансовымъ сферамъ Америки и упрочилъ за собою ихъ симпатію и покровительство. Законопроектъ былъ принятъ конгрессомъ и сталъ надолго закономъ американской экономической жизни. Этотъ законъ, отразившійся очень серьезно на американской и европейской промышленности, носитъ въ печати имя „закона Макъ-Кинлея". Отсюда и громкая извѣстность этого имени уже съ 1890 года.

„Законъ Макъ-Кинлея" не былъ дѣломъ рукъ Макъ-Кинлея. Это было дѣло высшаго финансоваго міра Америки и потому здѣсь было бы не совсѣмъ умѣстно входить въ оцѣнку значенія и результатовъ этого закона. Къ Макъ-Кинлею онъ имѣетъ только одно отношеніе: законъ даровалъ ему извѣстность и обезпечилъ благосклонность de la haute finance страны, въ которой плутократія такъ удивительно переплетается и уживается съ демократіей. На его сторонѣ были большіе шансы съ этихъ поръ. Дѣй-

ствительно, уже въ 1892 году поднимался вопросъ о его кандидатурѣ на президентскій постъ. Въ 1896 году эта кандидатура была, дѣйствительно, поставлена республиканскою партіей, въ настоящее время сосредоточивающею въ себѣ всю плутократію Соединенныхъ Штатовъ.

Президентскіе выборы 1896 года представляли особый интересъ. Имя Макъ-Кинлея было уже синонимомъ запретительныхъ таможенныхъ тарифовъ. Выборы отождествили его такъ же съ золотою валютою и господствомъ трестовъ (промышленныхъ синдикатовъ). Ни золотая валюта, ни тресты не были созданіемъ Макъ-Кинлея. То и другое необходимо было американской плутократіи. На то и другое напалъ О'Брайанъ съ демократами. Носителемъ того и другого явился поэтому кандидатъ республиканской партіи. Макъ-Кинлей былъ избранъ и добросовѣстно проводилъ принятую программу. Именно его президентство явило во всемъ блескѣ и могуществѣ американскую плутократію. При немъ же, къ протекціонизму, золотой валютѣ и трестамъ, американская плутократія прибавила еще одинъ пунктъ, аггрессивную иностранную политику или „имперіализмъ“, какъ, по примѣру англичанъ, и американцы называютъ это нововведеніе своей политической жизни.

Война съ Испаніей, кончившаяся завоеваніемъ Филиппинскихъ острововъ и о. Порто-Рико и маскированнымъ завоеваніемъ самой Кубы, была проявленіемъ этого новаго курса, который проявился такъ же въ присоединеніи Гаваи, въ отношеніи къ панамскому каналу, во вмѣшательствѣ въ китайскія дѣла, въ проектированномъ вмѣшательствѣ въ колумбійско-венесуэльскую распрю и пр. И здѣсь самъ Макъ-Кинлей не былъ авторомъ и творцомъ. Напротивъ, воспитанный въ другихъ традиціяхъ, онъ порою внималъ совѣтамъ старыхъ республиканцевъ, противниковъ новаго курса. Это не мѣшало Макъ-Кинлею плыть по этому курсу, а въ 1900 году на новыхъ президентскихъ выборахъ выступить носителемъ „имперіализма“, подъ каковымъ словомъ къ этому времени стали разумѣть и завоевательную политику, и протекціонизмъ, и тресты, и золотую валюту. „Имперіализмъ“ одержалъ побѣду на выборахъ 1900 года, но не имперіалисты, такъ какъ Макъ-Кинлей, хотя и шелъ за плутократическимъ вѣкомъ, но не самостоятельно, а потому не всегда послѣдовательно, иногда робко. Ему не доставало иниціативы и творчества. Говорятъ, что именно этими качествами вполнѣ обладаетъ его преемникъ Теодоръ Рузвельтъ, излюбленный герой сѣвероамериканскихъ имперіалистовъ.

Рузвельтъ родился въ штатѣ Нью-Іоркъ въ старинной голландской семьѣ въ 1858 г. Извѣстно, что территорія, нынѣ занимаемая штатомъ Нью-Іоркъ, первоначально составляла голландскую колонію, потомъ перешла къ Англіи и, вмѣстѣ съ англій-

скими колоніями къ сѣверу (Массачусетсъ, Нью-Гампширъ и др.) и къ югу (Пенсильванія, Мериландъ, Виргинія и др.), возстала противъ англійскаго владычества и, послѣ освобожденія, вошла въ составъ основанного союза штатовъ. Въ то время въ штатѣ еще преобладало голландское населеніе, которое и теперь составляетъ замѣтный контингентъ и большею частью принадлежитъ къ нью-іоркскимъ нобилямъ, пользующимся большимъ вліяніемъ и почетомъ. Изъ такой-то по американски знатной и аристократической семьи вышелъ Теодоръ Рузвельтъ. Его отецъ былъ крупнымъ промышленникомъ и извѣстнымъ филантропомъ. Самъ Теодоръ получилъ блестящее образованіе и едва съ университетской скамьи двадцати трехъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ уже появился въ законодательномъ собраніи нью-іоркскаго штата. Въ Temps находимъ слѣдующую характеристику его выступленія на политическое поприще и дальнѣйшей карьеры:

„Съ первыхъ шаговъ Рузвельтъ выдвинулся жестокими обличеніями направленными противъ всемогущаго Гульда, искавшаго въ это время новыхъ концессій. Рузвельтъ добился того, что палата отказала милльярдеру. Назначенный затѣмъ начальникомъ нью-іоркской полиціи, Рузвельтъ энергически преслѣдовалъ содержателей игорныхъ домовъ и другихъ тайныхъ притоновъ, не смотря на ихъ значительное вліяніе на выборы. Вообще его политическая карьера отличается независимостью. Въ Америкѣ государственный дѣятель является обыкновенно плѣнникомъ избравшей его партіи, невольникомъ богачей, снабжающихъ партію деньгами, должникомъ могущественныхъ избирательныхъ агентовъ. Изъ благодарности или изъ необходимости, онъ слѣдуетъ указаніямъ „машины", т. е. небольшой группы, которая держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити избирательной компаніи и покупаетъ голоса въ розницу, чтобы потомъ торговать ими оптомъ. Рузвельтъ прославился своими протестами противъ этихъ порядковъ въ своей партіи, вожаки которой видятъ себя вынужденными съ нимъ считаться въ виду огромной его популярности. Въ каждой американской партіи есть своего рода молчаливо всѣми признаваемая конституція, которая избранника превращаетъ въ исполнителя воли центральнаго комитета. Рузвельтъ не признаетъ этой неписанной конституціи и всегда склоненъ черезъ головы вожаковъ аппелировать прямо къ народу. Двадцати трехъ лѣтъ избранный въ законодательное собраніе Нью-Іорка, онъ сейчасъ же выступаетъ съ обличеніями обѣихъ партій, противной и собственной, обзывая одинаково и ту и другую воровскими бандами. Эта независимость дозволила ему во всѣхъ положеніяхъ, которыя онъ занималъ въ теченіе двадцати лѣтъ своей политической жизни, проводить болѣе или менѣе значительныя реформы.

„Огромную популярность Рузвельту доставили, однако, не столько эти реформы, сколько его подвиги на полѣ битвы. Руз-

вельтъ типичный американецъ. Въ немъ нація узнаетъ свое наиболѣе яркое воплощеніе. Передъ нею какъ бы одинъ изъ героевъ Фенимора Купера. Въ университетѣ Рузвельтъ былъ въ числѣ первыхъ спортсмэновъ. Не смотря на вполнѣ обезпеченное состояніе, онъ отправляется за приключеніями на Far West. Обитателями прерій онъ былъ принятъ недовѣрчиво и саркастически, но когда онъ укротилъ дикаго коня, онъ сразу заслужилъ уваженіе, а потомъ глубокую преданность этой энергичной и безстрашной расы. Когда вспыхнула война съ Испаніей, Рузвельтъ воспользовался этими связями и сформировалъ подъ своимъ начальствомъ отрядъ такъ называемыхъ rouph-riders, гдѣ нью-іоркскіе спортсмэны сражались бокъ-о бокъ съ табунщиками прерій. Этотъ-то отрядъ, подъ градомъ пуль и съ Рузвельтомъ во главѣ, на коняхъ галопомъ аттаковалъ высоты Сентъ-Инена и, взявъ эти позиціи, рѣшилъ этимъ участь Сантъ-Яго. Главнокомандующій воскликнулъ о Рузвельтѣ при видѣ этой блестящей аттаки: „фигура великолѣпная и романтическая, достойная героевъ и рыцарей прошлыхъ вѣковъ". Среди испорченныхъ и своекорыстныхъ политикановъ, Рузвельтъ выдѣляется, какъ человѣкъ прямой и рыцарски чистый. Онъ независимъ въ средѣ своей партіи... Онъ доказалъ свои административныя способности. Романтикъ, онъ, однако, обладаетъ здравымъ смысломъ и твердостью. И если возможность перехода къ нему власти вызвала нѣчто въ родѣ паники на биржахъ Нью-Іорка и Лондона, то не столько его недостатки, сколько его достоинства были тому причиною. Можно опасаться, что онъ не будетъ въ обычной мѣрѣ въ рукахъ финансистовъ, промышленниковъ и вожаковъ партіи".

Эта характеристика французской газеты страдаетъ явнымъ пристрастіемъ въ пользу новаго обитателя Бѣлаго Дома въ Вашингтонѣ. Она довольно характерно отражаетъ основы популярности Рузвельта въ средѣ американскаго народа. Въ этомъ отношеніи, именно осторожность французской газеты еще ярче оттѣняетъ то настроеніе американскаго народа, которое даровало Рузвельту его популярность. Снимая оптимистическія и панегирическія краски выше цитированной характеристики съ фигуры новаго американскаго президента, мы во всякомъ случаѣ не можемъ не признать въ немъ личность, сильную и независимую, обязанную своимъ положеніемъ не партіи и покровителямъ, а себѣ, своему происхожденію, образованію, выдающимся способностямъ. Макъ-Кинлей былъ исполнитель воли вожаковъ партіи. Рузвельтъ желаетъ быть самъ руководителемъ и, повидимому, имѣетъ на то шансы. Но въ какомъ направленіи постарается онъ двинуть политику партіи и страны? Самъ первоклассный богачъ, онъ вступалъ не разъ въ столкновеніе съ плутократами, но программа-ли это или только случайное негодованіе противъ уже слишкомъ беззастѣнчиваго поступка? Онъ

идолъ имперіалистовъ, но что самъ онъ разумѣетъ подъ этимъ новорожденнымъ „имперіализмомъ“? Все это вопросы, для разрѣшенія которыхъ нѣтъ никакихъ болѣе или менѣе вѣскихъ данныхъ.

Отъ Макъ-Кинлея ждать было нечего. Онъ проводилъ всѣмъ извѣстную указанную финансистами программу. Отъ Рузвельта можно ждать многаго и отъ него дѣйствительно ожидаютъ; всякій то, чего самъ желаетъ... И борьбы съ плутократіей, и очищенія испорченнаго чиновничества, и ослабленія протекціонизма, и даже вмѣшательства въ пользу буровъ... Для всѣхъ этихъ ожиданій не видно основаній, да не надо забывать, что конгрессъ остается тотъ же, котораго указаніямъ слѣдовалъ Макъ-Кинлей. Не надо забывать также, что Рузвельтъ изъ первыхъ призналъ себя „имперіалистомъ“ и что, принимая въ 1900 году кандидатуру на вице-президентуру, онъ тѣмъ самымъ присоединился и къ „платформѣ“ республиканской партіи, гдѣ фигурировали и протекціонизмъ, и всяческая поддержка финансовыхъ сферъ и трестовъ и пр. пр. до активной внѣшней политики включительно. Правда, англофильство этой политики принадлежало лично Макъ-Кинлею и для Рузвельта не обязательно. Это можетъ тревожить лондонскихъ политиковъ, но не измѣнитъ склада американской внутренней и внѣшней политики и едва-ли принесетъ много пользы южно-африканскимъ героямъ, если только вмѣстѣ съ тѣмъ и въ Европѣ не назрѣли событія въ ихъ пользу. На Макъ-Кинлея англичане надѣялись, какъ на своего защитника противъ Европы. Если въ дѣлѣ буровъ, по крайней мѣрѣ, они не могутъ разсчитывать на Рузвельта, это, конечно, не дастъ еще бурамъ свободы и мира, но облегчитъ задачу ихъ европейскихъ доброжелателей, буде таковые въ самомъ дѣлѣ окажутся.

II.

Вслѣдъ за Франческо Криспи, Италія похоронила и другого политическаго дѣятеля эпохи освобожденія и возрожденія, Имбріани-Поэріо, человѣка иного склада и иной судьбы, чѣмъ знаменитый сициліанецъ, о которомъ намъ пришлось бесѣдовать въ прошлой хроникѣ. Характеръ искренній, цѣльный и самостоятельный, Имбріани не достигъ власти и оставилъ въ памяти человѣчества лишь незапятнанное имя бойца безъ страха и упрека, часто увлекавшагося, но безкорыстнаго слуги самоотверженно любимой родины.

Имбріани родился въ Неаполѣ въ 1843 году, въ мрачную эпоху господства бурбоновъ. Его отецъ принадлежалъ къ числу выдающихся юристовъ Неаполя, но не могъ, подобно своему

коллегѣ Криспи, угодить деспотическому правительству, былъ привлеченъ къ суду и приговоренъ за либеральныя мнѣнія къ смерти. Ему удалось со всей семьей бѣжать въ Пьемонтъ, гдѣ его сынъ, о которомъ рѣчь, и получилъ образованіе въ военной школѣ въ Туринѣ. Въ 1859 году отецъ не дозволилъ ему зачислиться въ дѣйствующую армію (юношѣ было всего пятнадцать лѣтъ), но въ слѣдующемъ году онъ уже вступилъ въ отрядъ гарибальдійцевъ, завоевавшій Сицилію, и оттуда въ авангардѣ высадился въ Калабріи. Рана на вылетъ въ грудь его на время выводитъ изъ рядовъ этихъ самоотверженныхъ бойцовъ за свободу Италіи. Послѣ окончанія гарибальдійскихъ войнъ, Имбріани вступилъ въ регулярную армію и принималъ участіе въ войнѣ 1866 года. Смерть брата, убитаго подъ Дижономъ въ гарибальдійскомъ отрядѣ, поспѣшившемъ на помощь Франціи, сильно потрясла Имбріани, а невмѣшательство струсившаго итальянскаго правительства заставило пылкаго патріота выйти въ отставку. Республиканецъ, по убѣжденію и семейнымъ традиціямъ, Имбріани мирился съ савойскою династіей и служилъ ей, надѣясь, что она дастъ Италіи свободу, единство, почетъ... Измѣна содѣйствовавшей итальянскому освобожденію Франціи, трусливое заискиваніе въ Берлинѣ и даже Вѣнѣ, въ связи съ тяжелымъ экономическимъ состояніемъ народа и австрійскими репрессіями противъ трентинскихъ и тріентинскихъ итальянцевъ, вмѣстѣ взятыя, оттолкнули Имбріани отъ правительства и побудили его примкнуть къ крайней лѣвой. По выходѣ изъ военной службы, Имбріани сталъ однимъ изъ замѣтныхъ членовъ этой партіи.

Участвуя во всѣхъ политическихъ битвахъ, данныхъ республиканской партіей, Имбріани спеціально связалъ въ исторіи свое имя съ извѣстной ирредентистской агитаціей второй половины семидесятыхъ годовъ. Дѣятельность его въ это время была прямо изумительна по своей неутомимости и разносторонности. Митинги, рѣчи, журналы, брошюры, ораторскіе турнэ по всей Италіи поглощали все время энергическаго патріота. Время казалось благопріятствовало освобожденію „неискупленной“ Италіи. Россія только что раздавила Турцію и стояла во всеоружіи на Дунаѣ и Вислѣ. Столкновеніе съ Австріей было вѣроятно, а еслибы Италія рѣшительно стала на сторону Россіи и освобождаемыхъ балканскихъ народностей, это могло побудить Россію быть настойчивѣе въ своихъ освободительныхъ требованіяхъ и столкновеніе изъ вѣроятнаго стало бы почти неизбѣжнымъ. Италія и Россія, при союзѣ съ балканскими народностями и послѣ разгрома Турціи, могла разсчитывать на такой же разгромъ Австріи, которому Англія не могла бы помѣшать, а Германія едва-ли бы рискнула, имѣя за спиною Францію. Такъ думалъ тогда не одинъ Имбріани. Его агитація, имѣвшая громадный успѣхъ, вела прямо къ такому исходу. Въ некрологѣ Криспи, въ прошлой хроникѣ,

я уже разсказалъ, какъ переговоры между Криспи и Бисмаркомъ обманули эти предвидѣнія. Италія сблизилась съ Германіей и Австріей, а ирредентистская агитація была сурово преслѣдуема итальянскимъ правительствомъ. Естественно, если Имбріани, съ обычною ему страстностью, выступилъ противникомъ тройственнаго союза. Имбріани около десяти лѣтъ состоялъ депутатомъ парламента и, кромѣ ирредентизма и вражды къ тройственному союзу, выдвинулся еще своими обличеніями корыстолюбія и продажности администраціи. Криспи, Джолити, даже Ди-Рудини наслушались отъ него многихъ горькихъ истинъ. Въ 1897 году, во время страстной рѣчи въ пользу побѣжденныхъ турками грековъ, Имбріани былъ разбитъ параличемъ и послѣдніе четыре года жизни провелъ, медленно угасая. Нельзя указать видимыхъ плодовъ дѣятельности Имбріани, но эта громкая, самоотверженная защита правды и чести, которая составляетъ содержаніе всей жизни благороднаго итальянскаго патріота, должна была принести и еще будетъ приносить плоды, воспитывая въ націи культъ правды и чести, которому безстрашно служилъ Имбріани-Поэріо.

Совсѣмъ другого типа личность, недавно утраченная Германіей. Ея недавній министръ финансовъ, такъ неожиданно теперь скончавшійся, Микель, былъ человѣкомъ другого склада и скорѣе подходитъ къ типу Криспи и Чембэрлена, только ростомъ поменьше. Микель родился въ 1828 году, образованіе получилъ на юридическомъ факультетѣ въ Гейдельбергѣ и принялъ участіе въ событіяхъ 1848—1849 годахъ, въ качествѣ сторонника радикальной демократіи, въ частности даже въ качествѣ послѣдователя и личнаго друга Карла Маркса и Энгельса. Послѣ 1849 г. и до конца пятидесятыхъ годовъ Микель оставался въ тѣни, занимаясь педагогическою дѣятельностью. Въ 1859 году онъ вернулся къ общественной дѣятельности опубликованіемъ брошюры „Das neue hannoverische Finanzgesetz“, гдѣ подвергъ безпощадной критикѣ финансовое хозяйство Ганноверскаго королевства. Въ этой брошюрѣ Микель высказывался въ прежнемъ радикальномъ и демократическомъ духѣ. Его нападеніе вызвало полемику, въ которой Микель выказалъ много знанія и дарованія. Ганноверскіе избиратели его послали за это депутатомъ въ ганноверскій парламентъ, куда онъ попалъ въ 1864 году и гдѣ онъ въ теченіе двухъ лѣтъ 1864—1866 гг. явился однимъ изъ вожаковъ радикально-демократической оппозиціи.

Въ 1866 году Ганноверское королевство перестало существовать. Король и его домъ были низложены побѣдоносными прусскими войсками, и страна, безъ всякаго спроса о ея желаніяхъ и планахъ, присоединена къ прусскому королевству. Ганноверцы отнынѣ должны посылать представителей въ прусскій ландтагъ и во вновь учрежденный тогда сѣверо-германскій рейхстагъ (съ 1871 года превратившійся въ германскій). Извѣстно, что

ганноверцы не легко примирились съ этою потерею своей автономіи и съ этимъ внезапнымъ превращеніемъ въ пруссаковъ. Страна долго посылала въ оба берлинскіе парламента большинство автономистское, какъ его слѣдовало называть съ германской точки зрѣнія. Его, однако, называли партикуляристскимъ, потому что становились на прусскую точку зрѣнія. Микель не послѣдовалъ за своими земляками въ этомъ отстаиваніи автономіи. Онъ охотно и безотлагательно превратился въ добраго пруссака, и вчерашній радикалъ и демократъ сегодня сталъ націоналистъ и бисмаркистъ. Тогда не одинъ Микель испыталъ подобную метаморфозу, но разстояніе, пройденное большинствомъ этихъ новообращенныхъ, было гораздо короче. Отъ либерализма къ либеральному національзму, конечно, и ближе, и дорога ровнѣе, чѣмъ отъ демократизма съ соціалистическимъ оттѣнкомъ. Въ 1867 году Микель появляется одновременно членомъ рейхстага и прусскаго ландтага, при чемъ и тамъ и здѣсь скоро пріобрѣтаетъ выдающееся положеніе, какъ одинъ изъ вождей такъ называемой національ-либеральной партіи. Его обширныя познанія въ финансахъ и экономіи, его гибкій, легко улавливающій текущія обстоятельства умъ и его недюжинный ораторскій талантъ вполнѣ оправдывали это положеніе перебѣжчика демократіи.

Національ-либеральная партія была тою ступенью, по которой Германія мыслителей, ученыхъ и поэтовъ, какою ее знало и любило человѣчество до пруссификаціи 1866—71 годовъ, спускалась въ Германію милитаризма, узкаго національзма, экономическаго антагонизма во всѣ стороны и аггрессивныхъ замысловъ во всѣ же стороны, въ Германію Бисмарка и его эпигоновъ. Какъ ошеломляюще и опьяняюще ни было небывалое торжество 1866—71 гг., увѣнчавшееся давно желаннымъ объединеніемъ Германіи, ошеломленное и опьяненное поколѣніе, воспитанное въ иныхъ идеяхъ и чувствахъ, не могло сразу отъ всего доселѣ любимаго и лелѣемаго отказаться и все позабыть. Слѣдуя за колесницею побѣдителей, загипнотизированное ихъ обаяніемъ, исполняющее подъ этимъ гипнозомъ волю новыхъ вождей-кумировъ, оно все же желало свой новый курсъ оправдать согласованіемъ его съ прежними своими идеями и чувствами. Оно рѣшилось усвоить національзмъ и сохранить либерализмъ. Скоро обнаружилось, что послѣднее является только аппарансомъ въ дѣятельности національ-либеральной партіи, всегда послушной Бисмарку, въ либерализмѣ отнюдь не виновному. Когда это съ достаточною ясностью обнаружилось, часть національ-либераловъ съ Ласкеромъ во главѣ отпали отъ партіи и вернулись въ лагерь либеральной оппозиціи. Микель не былъ въ ихъ числѣ. Уходъ Ласкера, напротивъ, только поднялъ его значеніе. Бисмаркъ обѣщалъ ему портфель финансовъ, но, видя его и его партіи безпрекословное себѣ послушаніе, не торопился исполненіемъ своего обѣщанія. Бисмаркъ до такой сте-

пени не торопился, что до самаго дня его паденія въ 1889 г. Микель все еще былъ кандидатомъ на министерскій постъ. Эта двадцатилѣтняя кандидатура, казалось, должна остаться мечтою честолюбиваго депутата, которому ко времени паденія Бисмарка уже перешло за шестьдесятъ. Къ тому же „новый курсъ" довольно пренебрежительно отнесся къ націоналъ-либеральной партіи и не въ ней искалъ исполнителей своихъ предначертаній. Молодой императоръ, иногда готовый увлечься даже демократіей, вообще же былъ и есть склоненъ къ консерваторамъ, но всегда подъ особымъ своего собственнаго созданія соусомъ. Это-то качество Вильгельма II и проложило Микелю дорогу къ давно желанной власти. Въ 1866 году Микель изъ соціалиста и демократа превратился въ націоналъ-либерала. Въ 1890 году онъ прямо перешелъ въ лагерь консерваторовъ и аграріевъ. Въ этомъ же году онъ получилъ портфель прусскаго министра финансовъ.

Назначенный на постъ министра личною иниціативою императора, Микель сначала умѣлъ приспособиться къ измѣнчивымъ настроеніямъ своего монарха, то одобряя торговые трактаты, то подготовляя ихъ отмѣну и всегда лавируя между партіями, давая двусмысленныя объясненія, которыя позволяли надѣяться въ довольно различныхъ направленіяхъ. Эта ловкость получила поощреніе со стороны Вильгельма II, который въ 1896 году наградилъ его орденомъ Чернаго Орла (что вмѣстѣ съ тѣмъ давало Микелю дворянство и частицу „фонъ"), а въ 1897 году назначилъ его вице-президентомъ прусскаго министерства. Общее мнѣніе указывало на Микеля, какъ на преемника князя Гогенлоэ на канцлерскомъ посту. Не смотря на его семьдесятъ лѣтъ, его называли der kommende Mann... Однако, „придти" ему не удалось. Получивъ „фонъ", онъ слишкомъ предался интересамъ своего новаго сословія и былъ виною неудачи столь желаемаго императоромъ рейнъ-везеръ-эльбскаго канала. Три министра были уволены въ февралѣ 1901 года послѣ второй неудачи законопроекта объ этомъ „средиземномъ" (какъ его называютъ нѣмцы) каналѣ. Въ ихъ числѣ былъ и Микель. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на семьдесятъ четвертомъ году жизни, онъ скончался, глубоко сраженный своимъ низверженіемъ. Цѣною ряда измѣнъ достигнувъ давно искомой и желаемой власти, онъ не удержался на достигнутой высотѣ, благодаря именно этимъ измѣнамъ. Бывшій соціалистъ палъ, какъ ультра-аграръ и реакціонеръ! Поучительная карьера... Что же, кромѣ памяти объ этихъ ренегатствахъ и о неудовлетворенномъ честолюбіи, оставила послѣ себя эта во всякомъ случаѣ даровитая и недюжинная личность? Реформу подоходнаго налога, скажутъ нѣкоторые. Гораздо значительнѣе этой реформы историческій урокъ, данный этой карьерой ненасытнаго и безпринципнаго честолюбія. Этотъ урокъ намъ показываетъ печальный конецъ такой карьеры... Послѣ Криспи, Микель... Это

не мѣшаетъ Чемберлену повторять ихъ карьеру. Не помѣшаетъ и сотнямъ другихъ... Когда же, однако, человѣчество пойметъ, что это не его слуги, не служители его достоинства, интересовъ, добра и что безпринципность и многопринципность и являются лучшимъ критеріемъ для распознаванія этой породы, большею частью даровитой и энергичной, но оставляющей своею дѣятельностью одни отрицательные плоды? Іоганнъ фонъ-Микель не очень яркій, но вполнѣ типичный представитель этой породы. Сообразно своему меньшему росту, онъ и вреда принесъ меньше, чѣмъ, напр., Криспи.

III.

Наконецъ, въ Пекинѣ подписанъ мирный протоколъ. Это случилось 7 сентятря (25 августа) 1901 года. Европейская дипломатія дѣлаетъ видъ, что вполнѣ вѣритъ въ окончательное завершеніе китайскаго вопроса и въ наступленіе нормальнаго положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.

Мирный протоколъ состоитъ изъ двѣнадцати статей. Въ первой китайцы обязуются послать въ Берлинъ и Токіо извинительныя миссіи за убійство германскаго посланника и японскаго драгомана; во-второй устанавливается наказаніе виновныхъ мандариновъ; въ третьей — возведеніе памятниковъ погибшимъ христіанамъ; въ четвертой опредѣляется контрибуція въ размѣрѣ 450 миллъоновъ таэлей; пятою воспрещается ввозъ оружія; шестою требуется срытіе фортовъ Таку; седьмою разрѣшается укрѣпленіе посольствъ въ Пекинѣ и ихъ охрана вооруженными отрядами; въ восьмой перечисляются пункты на дорогѣ между Пекиномъ и моремъ, которые будутъ заняты европейскими вооруженными силами; девятая устанавливаетъ временное прекращеніе государственныхъ экзаменовъ въ провинціяхъ, гдѣ были безпорядки; десятая требуетъ учрежденія вмѣсто Цунъ-ли-Ямыня министерства иностранныхъ дѣлъ, при чемъ измѣняется этикетъ аудіенціи; въ одиннадцатой заключается соглашеніе о регулированіи фарватеровъ рѣкъ Пей-Хо и Вангъ-Су (одно изъ устьевъ Янтсекіанга); и, наконецъ, двѣнадцатою статьею опредѣляется, что союзныя войска очищаютъ Пекинъ 17 (4) Сентября, а всю провинцію Печи-ли—22 (9) октября.

Здѣсь мы только перечислили содержаніе этого документа. Точное изложеніе единственно существеннаго пункта 4 мы уже приводили на этихъ страницахъ. Китайцы выдаютъ всякой державѣ четырехпроцентныя облигаціи, которыя постепенно погашаютъ. Мы уже говорили, что не смотря на умѣренность требованій державъ, для Китая уплата контрибуціи будетъ крайне тягостной и на этой почвѣ можно ожидать всяческихъ осложненій.

Другое существенное постановленіе мирнаго протокола не составляетъ содержанія какого либо пункта, а заключается во введеніи и состоитъ въ заявленіи, что стороны признаютъ силу всѣхъ ранѣе заключенныхъ трактатовъ. Это открываетъ широкое поле для осложненій, о чемъ мы говорили подробнѣе на этихъ страницахъ. Желательно было бы думать, что событія не очень скоро заставятъ насъ снова коснуться этой очень больной темы, очень больной, потому что *всѣхъ* прежнихъ трактатовъ китайцы соблюдать не могутъ. Изъ остальныхъ статей обращаетъ на себя вниманіе еще только двѣнадцатая статья, которая, опредѣляя сроки очищенія союзниками Пекина и Пе-чи-ли, умалчиваетъ объ очищеніи другихъ китайскихъ территорій, занятыхъ русскими (Маньчжурія), нѣмцами (часть Шантунга и Шанхай), англичанами (Шанхай) и французами (Шанхай). Оккупація Шанхая англо-франко-германцами становится, повидимому, постоянною. О намѣреніяхъ нѣмцевъ въ Шантунгѣ ничего не извѣстно. Намѣренія русскихъ относительно Маньчжуріи выразились въ проектѣ извѣстной русско-китайской конвенціи, подписанной въ Пекинѣ, но не ратификованной въ Си-ань-фу.

Исполненіе мирнаго протокола началось частью раньше его окончательнаго подписанія. Принцъ Чунъ уже принесъ въ Берлинѣ извиненія, предписанныя первою статьей пекинскаго трактата. Такая же искупительная миссія посѣтила и Японію. Казни, установленныя второю статьей, большею частью уже совершены. Другія, вѣроятно, не заставятъ себя ждать: не головами своихъ мандариновъ дорожится Китай и его правительство. Указы о воспрещеніи ввоза оружія (ст. 5), о временномъ прекращеніи экзаменовъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ (ст. 9), о преобразованіи Цунъ-ли-Ямыня въ министерство иностранныхъ дѣлъ и объ измѣненіи этикета аудіенціи (ст. 10) уже изданы китайскимъ правительствомъ. Возведеніе искупительныхъ памятниковъ (ст. 3), урегулированіе фарватеровъ (ст. 11) требуютъ времени и, конечно, будутъ выполнены. И облигаціи на 450 мильоновъ таэлей (ст. 4) китайцы несомнѣнно вручатъ державамъ. Остальные пункты (срытіе крѣпости Таку, укрѣпленіе посольствъ, оккупація нѣкоторыхъ пунктовъ и очищеніе Пе-чи-ли) исполнятъ сами союзники. Иначе говоря, для настоящаго момента исполненіе договора обезпечено вполнѣ. Когда начнутся платежи деньгами (проценты и погашеніе) и когда придется исполнять ранѣе дарованныя концессіи, привилегіи, обѣщанія, только тогда можно будетъ оцѣнить мудрость европейской дипломатіи, послѣ долгихъ усилій создавшей „пекинскій трактатъ 7 сентября 1901 года“, какъ онъ будетъ извѣстенъ въ исторіи.

Хотя мирный договоръ этотъ и подписанъ, но въ Маньчжуріи продолжаютъ сражаться. Высокія лѣсистыя горы и малонаселенность страны даютъ возможность остаткамъ разбитыхъ китай-

скихъ войскъ продолжать партизанскую войну. Повидимому, эти партизаны постоянно получаютъ подкрѣпленія въ видѣ приливающихъ къ нимъ изъ Китая патріотовъ. Мѣстные жители, китайцы и маньчжуры, не вездѣ сохраняютъ нейтралитетъ, и если были случаи, когда они запирали ворота партизанамъ и помогали русскимъ, то встрѣчались и случаи противоположные. Вообще край еще далеко не умиротворенъ и вполнѣ умиротворить его будетъ, повидимому, не легко. Страшныя наводненія, постигнувшія Манчьжурію, значительно усилили критическое состояніе этой разоренной войною страны, такъ что наступающая зима обѣщаетъ много испытаній манчьжурскому населенію. Не будетъ неожиданнымъ поэтому, если зима не ослабитъ, а усилитъ шансы партизановъ, укрывающихся въ горахъ и лѣсахъ обширнаго края. Конечно, эта манчьжурская война значенія большого не имѣетъ. Вѣроятно, меньше, нежели былая кавказская, но до ея прекращенія невозможны ни возстановленіе нормальнаго порядка, ни извлеченіе какихъ либо значительныхъ выгодъ отъ оккупированной страны.

1901 годъ отличается обиліемъ кровопролитія. Кромѣ китайской имперіи, также второй годъ льется кровь и въ южной Африкѣ, гдѣ маленькій геройскій народъ съ истинно спартанскою доблестью продолжаетъ неравную борьбу и приводитъ къ совершенному изнеможенію своего исполина-противника. Послѣдніе побѣды Людвига Боты показали, сколько еще силы и бодрости сохранили буры и ихъ вожди. Недавно мы излагали подробно исторію послѣдняго года этой войны и снова къ ней вернемся, когда лучше обрисуется новый фазисъ, въ который, повидимому, вступаетъ южно-африканская борьба.

Продолжаетъ литься кровь и въ Южной Америкѣ. Надо ожидать кровопролитія и въ сѣверной Африкѣ, гдѣ марокканскіе кабилы похитили у испанскихъ родителей двухъ малютокъ, мальчика и дѣвочку. Испанія, поддерживаемая и другими державами, требуетъ у султана немедленнаго возвращенія похищенныхъ дѣтей и наказанія похитителей. Султанъ медлитъ. Испанія послала ультиматумъ... Уступитъ ли султанъ или, поощряемый испанскими неудачами въ войнѣ съ Америкой, будетъ бравировать полученный ультиматумъ, трудно предвидѣть, какъ и послѣдствія разрыва, потому что еще не выяснилось, ограничится ли Испанія блокадой и бомбардировкою съ моря, или рѣшится послать дессантъ. Въ послѣднемъ только случаѣ послѣдствія могутъ быть болѣе или менѣе серьезны и отразятся на международныхъ дѣлахъ.

Какъ бы соревнуя этимъ кровопролитіямъ въ Дальней Азіи, въ Африкѣ и Америкѣ, турки снова обратили на себя вниманіе новыми избіеніями христіанъ. О насиліяхъ въ Македоніи и Старой Сербіи мы говорили недавно. Теперь сообщаютъ о кровавыхъ насиліяхъ надъ армянами въ тѣхъ несчастныхъ Сассунскихъ горахъ, которыя были театромъ и ужасныхъ событій 1896

года, на короткое время смутившихъ совѣсть европейскихъ народовъ. Хотя бы на короткое время, все же достойнѣе, чѣмъ полное невниманіе, котораго только и могутъ ждать армяне теперь такъ же, какъ македоняне и буры... Пять лѣтъ Европа прожила недаромъ и довольно таки „объимперіалилась“, чтобы ея совѣсть смущалась неправдою и насиліемъ, хотя бы на короткое время. Этотъ успѣхъ „имперіализма“ (т. е. соединенныхъ національзма и плутократіи), конечно, лишь на срокъ, но для истребляемыхъ народовъ этотъ срокъ можетъ оказаться, пожалуй, вѣчностью. Погибшаго не воскресишь, а тамъ, пожалуй, придутъ „и совѣсть уврачуютъ, воздвигнувъ пышный мавзолей“.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Бѣдствіе неурожая и циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ.—Послѣднія извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстностей. II. Проекты школьной реформы.—Пожеланія университетскихъ совѣтовъ и коммиссій. III. Чудо, совершенное «Новымъ Временемъ». IV. Административныя и законодательныя распоряженія послѣдняго времени.

I.

Съ наступленіемъ осени постепенно увеличивается въ печати количество свѣдѣній о послѣдствіяхъ грандіознаго неурожая, постигшаго минувшимъ лѣтомъ значительную часть Европейской Россіи. Настоящіе размѣры вызваннаго этимъ неурожаемъ бѣдствія и до сихъ поръ, правда, остаются еще далеко невыясненными. Объ нихъ приходится скорѣе догадываться, руководясь въ такихъ догадкахъ общими соображеніями и аналогіей съ предшествовавшими неурожайными годами, когда дѣло народнаго продовольствія находилось въ рукахъ земствъ и потому не такъ плотно было окутано туманомъ канцелярской тайны. За то теперь въ извѣстной мѣрѣ уже выяснился общій планъ борьбы съ послѣдствіями неурожая, принятый правительствомъ для текущаго года. Изложенію этого плана посвящены два циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 17-го и 20-го августа, которые были разосланы начальникамъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній, а затѣмъ и опубликованы въ газетахъ. По мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“ *), эти циркуляры „приносятъ

*) «Моск. Вѣд.», 25 авг. 1901 г.

полную увѣренность въ томъ, что, во-первыхъ, истинная нужда будетъ повсемѣстно удовлетворена и, во-вторыхъ, что населеніе пострадавшихъ отъ неурожая губерній въ предстоящую продовольственную кампанію не будетъ развращаться неразборчивыми и безпорядочными пособіями сельскимъ обывателямъ, отнюдь въ нихъ не нуждающимся, что, къ сожалѣнію, нерѣдко бывало раньше". Въ свою очередь, одна изъ петербургскихъ газетъ („Россія") находитъ, что для полнаго успѣха борьбы съ надвигающимся народнымъ бѣдствіемъ губернаторамъ остается лишь выполнить указанія, преподанныя имъ въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ. Нельзя не замѣтить, конечно, что выполненіе общихъ указаній на практикѣ представляетъ въ данномъ случаѣ несравненно болѣе затрудненій, чѣмъ составленіе такихъ указаній въ инструкціонномъ порядкѣ. Но обратимся къ самому существу названныхъ циркуляровъ министра и намѣчаемаго ими плана борьбы съ послѣдствіями неурожая.

„Недородъ хлѣбовъ, постигшій въ текущемъ году, въ той или иной мѣрѣ, губерніи: Вятскую, Воронежскую, Екатеринославскую, Казанскую, Оренбургскую, Пермскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Таврическую, Уфимскую и Харьковскую,—говорится въ циркулярѣ 17-го августа,—засталъ новую, созданную закономъ 12-го іюня 1900 года, организацію завѣдыванія продовольственнымъ дѣломъ на мѣстахъ въ самомъ первоначальномъ періодѣ ея дѣйствія, ибо въ большинствѣ губерній организація эта введена въ дѣйствіе лишь съ 1-го іюля сего года и, будучи направлена къ обезпеченію сельскаго населенія мѣстными продовольственными средствами, естественно не могла за столь короткое время достигнуть необходимыхъ результатовъ". Это обстоятельство, въ связи съ серьезными размѣрами неурожая настоящаго года, вызываетъ, по словамъ министра, „необходимость принятія со стороны правительства нѣкоторыхъ мѣръ, частью непредусмотрѣнныхъ временными правилами 12-го іюня 1900 года, частью касающихся подробностей примѣненія этихъ правилъ на мѣстахъ". Напоминая, что по закону „обезпеченіе народнаго продовольствія есть главнѣйшій предметъ обязанностей губернаторовъ" и послѣдніе уполномочены въ тѣхъ случаяхъ, „когда есть причины опасаться недостатка въ нужномъ продовольствіи", принимать „особыя мѣры" къ прекращенію бѣдствія, министръ указываетъ, что законъ 12-го іюня 1900 года возложилъ сверхъ того на губернатора какъ „главное попеченіе о народномъ продовольствіи въ губерніи, своевременное и цѣлесообразное принятіе нужныхъ для сего мѣръ", такъ и „общее руководство этимъ дѣломъ" и что, слѣдовательно, на губернаторѣ же „лежитъ и отвѣтственность за весь ходъ продовольственной кампаніи во ввѣренной управленію его губерніи". Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, министерскій циркуляръ свидѣтельствуетъ, что, по заявленіямъ самихъ губернаторовъ,

установленный закономъ 12 іюня 1900 г. порядокъ дѣйствій губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій въ дѣлѣ продовольственной помощи населенію, „совершенно удовлетворяющій потребностямъ продовольственнаго дѣла въ мирное, такъ сказать, въ продовольственномъ отношеніи время, въ годы благополучнаго урожая, долженъ быть въ годины серьезныхъ бѣдствій сообразованъ съ потребностью усиленной дѣятельности названныхъ учрежденій въ мѣстностяхъ, бѣдствіемъ пораженныхъ“. Поэтому министръ признаетъ необходимымъ поставить всѣ сильно пострадавшія и нуждающіяся въ правительственной помощи мѣстности „въ нѣкоторыя особыя, отличныя отъ общаго порядка въ продовольственномъ отношеніи, условія“.

Опредѣленіе такихъ особо пострадавшихъ мѣстностей циркуляромъ возлагается на обязанность губернскаго начальства. Губернаторамъ предлагается, именно, немедленно обсудить вопросъ о томъ, какіе изъ уѣздовъ ввѣренныхъ ихъ управленію губерній „нуждаются въ особыхъ мѣропріятіяхъ со стороны правительства по обезпеченію народнаго продовольствія и должны быть признаны, вслѣдствіе сего, неблагополучными по неурожаю“. При томъ или иномъ рѣшеніи упомянутаго вопроса губернаторамъ предоставляется руководиться какъ ходатайствами уѣздныхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, такъ и собственнымъ усмотрѣніемъ, причемъ „немаловажнымъ указаніемъ для правильнаго разрѣшенія сего вопроса могутъ послужить для нихъ и заключенія мѣстныхъ земскихъ собраній“. Въ дѣлѣ выясненія состоянія пострадавшихъ уѣздовъ „главнѣйшимъ основаніемъ, — по словамъ циркуляра, — можетъ служить лишь сопоставленіе данныхъ о сборѣ хлѣба съ совокупностью всѣхъ экономическихъ условій и быта мѣстнаго сельскаго населенія, а отнюдь не абсолютныя цифры, характеризующія урожай“. Признавая поэтому невозможнымъ установить для признанія того или иного уѣзда неблагополучнымъ какія-либо формальныя требованія въ видѣ недопускающаго исключенія правила, министръ, тѣмъ не менѣе, считаетъ нужнымъ намѣтить въ этомъ случаѣ слѣдующія ограниченія: „1) уѣзды, въ коихъ пострадавшими являются не болѣе третьей части волостей, въ виду легкости при такихъ условіяхъ снабженія посѣвнымъ зерномъ и продовольственными продуктами нуждающейся части населенія мѣстными средствами или продовольственною помощью отъ правительства, не могутъ быть относимы къ уѣздамъ, требующимъ особой организаціи продовольственной помощи; 2) недостаточность собраннаго съ полей количества хлѣба для прокормленія большинства или части населенія въ мѣстностяхъ, гдѣ таковой недостатокъ обыченъ и гдѣ изъ года въ годъ населеніе прикупаетъ требуемое для себя и продовольствія скота зерно путемъ заработка,—не должна почитаться исключительною, и, наконецъ, 3) сверхъ указанныхъ въ законѣ условій для оказанія продоволь-

ственной помощи (ст. 61 врем. прав.), т. е. значительнаго недобора хлѣба, неимѣнія заработковъ или непомѣрнаго возвышенія цѣны на хлѣбъ,—признаніе бѣдствія недорода исключительнымъ умѣстно лишь въ случаѣ невозможности для пострадавшихъ обществъ выйти изъ затрудненій при помощи лишь общественныхъ продовольственныхъ капиталовъ и запасовъ, безъ ихъ обезличенія, и ссудъ изъ губернскаго капитала". Опредѣленнаго срока для возбужденія губернаторами ихъ ходатайствъ министерство не ставитъ и мѣстнымъ учрежденіямъ предоставляется и впослѣдствіи, не стѣсняясь первоначальными соображеніями, вновь обсуждать вопросъ о положеніи сельскаго населенія и представлять о неблагополучныхъ по урожаю мѣстностяхъ, по мѣрѣ возникновенія на мѣстѣ острой продовольственной нужды. Окончательное же разрѣшеніе вопроса о признаніи того или другого уѣзда неблагополучнымъ въ продовольственномъ отношеніи будетъ подлежать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ власти министерства, въ силу полномочія, предоставленнаго министру внутреннихъ дѣлъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 15-го августа, и, „въ случаѣ уваженія ходатайства по сему предмету мѣстныхъ учрежденій", соотвѣтствующее распоряженіе министерства будетъ опубликовываться для всеобщаго свѣдѣнія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Въ такихъ, признанныхъ неблагополучными, уѣздахъ создается и особая организація продовольственнаго дѣла. „Испросивъ Высочайшее соизволеніе на принятіе такой мѣры, — говорится въ циркулярѣ министра,—я признаю необходимымъ въ уѣздахъ, которые будутъ объявлены мною неблагополучными по урожаю, временно сосредоточить завѣдываніе всею продовольственною частью по уѣзду въ рукахъ одного должностного лица и къ обязанностямъ его отнести: наблюденіе за дѣлопроизводствомъ съѣзда по продовольственной части; попеченіе объ организаціи продовольственной помощи въ уѣздѣ; посредничество во всѣхъ сношеніяхъ центральнаго и губернскаго управленія съ земскими участками, являющимися единицами, слишкомъ мелкими для самостоятельныхъ сношеній; приведеніе въ исполненіе всѣхъ распоряженій губернскихъ властей по продовольственной части и надзоръ за дѣятельностью въ семъ отношеніи уѣздныхъ учрежденій". Такое завѣдываніе продовольственною частью въ неблагополучныхъ уѣздахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность за ходъ продовольственной кампаніи въ нихъ предполагается возложить на мѣстныхъ уѣздныхъ предводителей дворянства, въ случаяхъ же отказа предводителя — на одного изъ членовъ продовольственнаго присутствія уѣзднаго съѣзда, который будетъ назначенъ губернаторомъ по сношеніи съ мѣстнымъ уѣзднымъ предводителемъ. Эти завѣдующіе и явятся главными распорядителями во всѣхъ дѣлахъ, касающихся продовольственныхъ нуждъ уѣзда: всѣ волостныя и

сельскія должностныя лица обязаны безпрекословно исполнять ихъ распоряженія по дѣламъ народнаго продовольствія, а мѣстный исправникъ, земскіе начальники и другіе члены уѣзднаго съѣзда должны оказывать имъ въ этихъ дѣлахъ полное содѣйствіе. Что же касается до расходовъ, которые будутъ понесены этими завѣдующими, то въ возмѣщеніе такихъ расходовъ министромъ будетъ предоставлена въ ихъ распоряженіе особая сумма, размѣръ которой опредѣлится представленіемъ мѣстнаго губернатора. Въ свою очередь на расходы по продовольственному дѣлопроизводству уѣздныхъ съѣздовъ, сверхъ суммъ, ассигнованныхъ имъ въ обычномъ порядкѣ, ассигнуется еще единовременно въ подъотчетное распоряженіе завѣдующаго продовольственною частью въ уѣздѣ до 1000 р., причемъ въ исключительныхъ случаяхъ эта сумма, по представленію губернскихъ властей, можетъ быть и увеличена. Наконецъ, канцелярскія средства губернскихъ присутствій въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ число пострадавшихъ уѣздовъ окажется значительнымъ, предполагается усилить отпускомъ отъ 1000 до 1500 р., а для увеличенія личнаго состава такихъ присутствій министерство предполагаетъ, въ случаѣ удостовѣренной мѣстнымъ губернаторомъ необходимости такой мѣры, откомандировать въ нихъ по одному или по два непремѣнныхъ члена губернскихъ присутствій изъ другихъ, благополучныхъ по урожаю, губерній.

Но кромѣ губернской и уѣздной организаціи продовольственнаго дѣла министерскій циркуляръ настаиваетъ на необходимости существованія и болѣе мелкихъ продовольственныхъ единицъ въ видѣ учрежденныхъ закономъ 12 іюня 1900 г. особыхъ продовольственныхъ участковъ въ каждой волости и должностей участковыхъ продовольственныхъ попечителей. При этомъ въ циркулярѣ высказывается надежда на то, что „засвидѣтельствованная почти повсемѣстно губернскими и уѣздными учрежденіями трудность найти продовольственныхъ попечителей въ обыкновенное время устранится въ мѣстностяхъ пострадавшихъ, гдѣ положеніе нуждающихся въ помощи бѣдняковъ вызоветъ, какъ это было всегда, общее сочувствіе и готовность служить дѣлу продовольствія голодающихъ“. Считая особенно полезнымъ привлеченіе къ дѣятельности попечителей „возможно большаго числа мѣстныхъ жителей, — близко стоящихъ къ сельскому населенію и хорошо знакомыхъ съ бытовыми условіями жизни послѣдняго, — съ возможно большимъ сокращеніемъ территоріи состоящихъ въ завѣдываніи попечителей участковъ“, министръ указываетъ, что „обширный контингентъ лицъ, способныхъ, какъ показалъ опытъ, нести съ успѣхомъ почтенную, но трудную обязанность содѣйствія мѣстной администраціи въ дѣлѣ организаціи продовольственной помощи пострадавшимъ селеніямъ, представляютъ мѣстные землевладѣльцы, живущіе постоянно въ предѣлахъ уѣзда, а засимъ при-

ходскіе священники, земскій и врачебный персоналъ, а также учителя и учительницы мѣстныхъ министерскихъ, земскихъ и церковно-приходскихъ училищъ". Ближайшее опредѣленіе обязанностей такихъ попечителей предоставляется уѣзднымъ съѣздамъ и губернскимъ присутствіямъ, главное же значеніе ихъ, по словамъ циркуляра, „будетъ, безъ сомнѣнія, заключаться въ возможности для мѣстной администраціи, путемъ сношенія съ ними, слѣдить за степенью обезпеченія обывателей продовольственными средствами, знать истинное положеніе вещей и при ихъ участіи организовать самую подачу помощи, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда она потребуется въ видѣ болѣе сложномъ, чѣмъ простая выдача ссудъ хлѣбомъ и деньгами".

Наряду съ организаціей учрежденій, вѣдающихъ продовольственную помощь пострадавшему населенію, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ затрогиваетъ и другіе, не менѣе важные вопросы—о желательныхъ размѣрахъ этой помощи и о различныхъ ея видахъ. Находя, что законъ 12 іюня 1900 г. въ достаточной степени уполномочиваетъ губернскія и уѣздныя продовольственныя учрежденія на безотлагательное принятіе первоначальныхъ мѣръ по обезпеченію продовольствія населенія изъ мѣстныхъ средствъ, министръ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что имъ, по соглашенію съ министерствомъ финансовъ, испрошено Высочайшее соизволеніе на усиленіе изъ средствъ казны общаго продовольственнаго капитала, „изъ каковаго источника и будутъ безотлагательно удовлетворены во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ, въ мѣрѣ дѣйствительной потребности, ходатайства названныхъ учрежденій о продовольственной помощи уѣздамъ, въ коихъ мѣстныхъ средствъ окажется недостаточно". Самая закупка хлѣба на средства общаго продовольственнаго капитала и доставка этого хлѣба въ голодающія губерніи будетъ производиться распоряженіемъ министерства финансовъ, по примѣру продовольственной кампаніи 1897—1898 гг., порядкомъ, подробности котораго остаются пока не оглашенными. По вопросу же о вычисленіи размѣровъ дѣйствительной нужды населенія въ помощи въ циркулярѣ отъ 17-го августа даются слѣдующія указанія. Заблаговременное составленіе списковъ нуждающихся признается министерствомъ невозможнымъ, и даже нежелательнымъ, такъ какъ при немъ „возбуждаются преувеличенныя надежды на помощь, общее желаніе всѣхъ получить ссуду и даже стремленіе нѣкоторыхъ состоятельныхъ домохозяевъ привести свое хозяйство въ видъ обѣднѣвшаго путемъ продажи запасовъ и излишковъ и инвентаря". Въ виду такихъ соображеній составленіе списковъ нуждающихся и приговоровъ общества о ссудахъ признано умѣстнымъ лишь непосредственно передъ выдачею самыхъ ссудъ, пока же земскимъ начальникамъ и съѣздамъ предлагается „руководствоваться болѣе общими, хотя бы только приблизительными, данными".

Циркуляръ указываетъ и „одинъ изъ способовъ такого приблизительнаго разсчета, примѣнявшійся въ пострадавшихъ въ минувшемъ году губерніяхъ и оказавшійся вполнѣ пригоднымъ". Этотъ способъ „состоитъ въ слѣдующемъ: по опредѣленіи средняго сбора съ десятины въ каждомъ селеніи, на основаніи пробныхъ умолотовъ и показаній домохозяевъ и должностныхъ лицъ, устанавливается число десятинъ, сборомъ съ коихъ, при данномъ урожаѣ, можетъ быть обезпечено годовое продовольствіе средняго семейства, т. е. 48 п. (считая въ семьѣ 3 взрослыхъ члена, по 12 п., и 2 дѣтей по 6 п.), и всѣ домохозяева, имѣющіе соотвѣтствующее или большее число десятинъ посѣва (на надѣльной или внѣнадѣльной, собственной или нанятой землѣ) относятся къ числу ненуждающихся; засимъ опредѣляется по тому же разсчету общая продовольственная потребность всѣхъ прочихъ домохозяевъ (48 п. на семью); это количество уменьшается на половину въ виду того, что рабочій элементъ составляетъ около 50% населенія, и, по мѣстнымъ условіямъ, еще на $^1/_3$—$^1/_5$—$^1/_{10}$,—во вниманіе къ приблизительному числу состоятельныхъ хозяевъ, имѣющихъ запасъ отъ прошедшаго года или же какой-либо матеріальный достатокъ; наконецъ, изъ полученнаго итога вычитается имѣющійся на лицо для удовлетворенія продовольственной потребности запасъ общественнаго магазиннаго хлѣба или число пудовъ, которое возможно пріобрѣсти на имѣющуюся наличность общественнаго капитала". Полученная путемъ такого вычисленія сумма, по словамъ циркуляра, „весьма близко соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности каждаго пострадавшаго селенія въ правительственной ссудѣ и рѣдко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенной". Дѣйствительно, едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что при такомъ способѣ вычисленія скорѣе получится прямо противоположный результатъ. Что касается ссудъ на обсѣмененіе яровыхъ полей, то имъ, по указанію циркуляра, долженъ предшествовать предварительный разсчетъ черезъ посредство земскихъ начальниковъ, который принялъ бы во вниманіе необходимость помощи на обсѣмененіе какъ надѣльныхъ, такъ и внѣнадѣльныхъ земель, состоящихъ въ собственности, но не въ арендѣ, пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ. При этомъ, однако, „отдѣльные домохозяева не должны получать пособія на обсѣмененіе количества десятинъ, превосходящаго половину трехдушевого надѣла высшаго размѣра, установленнаго крестьянскими положеніями для нуждающагося уѣзда", и мѣстнымъ учрежденіямъ особенно предписывается „путемъ точнаго соблюденія требованія закона относительно порядка составленія списковъ нуждающихся содѣйствовать сбереженію ассигнованныхъ средствъ, а, главное, предотвращать имѣющіе вредное деморализующее вліяніе случаи неосновательной выдачи правительственнаго пособія лицамъ обезпеченнымъ". Въ качествѣ основного начала, которому „должны

соотвѣтствовать всѣ мѣропріятія какъ центральнаго управленія, такъ и мѣстныхъ учрежденій по продовольственной части въ годы неурожая“, циркуляръ намѣчаетъ слѣдующій принципъ: „правительственная помощь не должна выходить изъ предѣловъ строгой необходимости и не должна касаться лицъ, имѣющихъ собственныя средства къ перенесенію бѣдствія или къ самопомощи, такъ какъ широкая раздача продовольственныхъ пособій могущимъ обойтись безъ оныхъ семействамъ, независимо отъ непроизводительности расходовъ казны въ этихъ случаяхъ, имѣетъ, по пагубнымъ послѣдствіямъ такой системы въ будущемъ, не менѣе вредное, съ точки зрѣнія пользъ и нуждъ государственныхъ, значеніе, чѣмъ оставленіе безъ надлежащей помощи истинно нуждающихся“. Правильность такого принципа циркуляръ подтверждаетъ указаніемъ на правила объ организаціи продовольственной помощи, установленныя во время продовольственной кампаніи 1897—98 гг. соглашеніемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и земледѣлія и государственныхъ имуществъ и получившія Высочайшее утвержденіе. Названныя правила предусматриваютъ, именно, необходимость ограничивать продовольственную помощь населенію исключительно кругомъ лицъ нерабочаго возраста и временемъ отсутствія работъ, допуская изъятіе лишь для тѣхъ случаевъ, когда рабочее населеніе лишено почему-либо всякой возможности имѣть заработокъ для собственнаго пропитанія.

Опредѣливъ такимъ образомъ дѣятельность административныхъ учрежденій въ предстоящей борьбѣ съ голодомъ, министръ не оставилъ безъ вниманія и органовъ мѣстнаго самоуправленія. Для дѣйствій послѣднихъ въ циркулярѣ 17-го августа равнымъ образомъ дается рядъ указаній, не менѣе категорическихъ, чѣмъ и вышеприведенныя. Циркуляръ прежде всего разъясняетъ, что и послѣ изданія закона 12 іюня 1900 г. „дѣйствующее законодательство по прежнему возлагаетъ на земство принятіе общихъ мѣръ къ подъему и улучшенію экономическаго благосостоянія мѣстныхъ жителей и къ обезпеченію мѣстнаго народнаго продовольствія тѣми способами и средствами, которые предоставлены земскимъ учрежденіямъ узаконеніями, опредѣляющими ихъ права и порядокъ дѣйствій, въ годы же неурожая—на обязанности земства въ особенности лежатъ заботы о предоставленіи рабочему населенію заработковъ путемъ устройства общественныхъ работъ, заготовленіе хлѣба для продажи его по заготовительной стоимости въ видахъ предотвращенія роста цѣнъ, врачебная помощь и предупрежденіе эпидемій и эпизоотій отъ безкормицы, равно какъ и принятіе мѣръ къ облегченію для населенія возможности сберечь отъ продажи за безцѣнокъ и прочій хозяйственный инвентарь; далѣе, учрежденіе благотворительныхъ для помощи нуждающемуся населенію попечительствъ, исполненіе порученій мѣстныхъ властей по участію въ продовольственной кампаніи и, наконецъ,

обсужденіе вопросовъ продовольственнаго дѣла въ той мѣрѣ, въ какой, при подобныхъ обстоятельствахъ, земства будутъ къ сему призваны правительствомъ". Соотвѣтственно этому министръ признаетъ желательнымъ безотлагательное обсужденіе губернскими и уѣздными земскими собраніями неурожайныхъ губерній вопроса о тѣхъ мѣрахъ помощи нуждающемуся населенію, какія могли бы быть приняты земствомъ, и предлагаетъ губернаторамъ для разъясненія этого вопроса озаботиться созывомъ чрезвычайныхъ земскихъ собраній, не испрашивая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія министерства. Съ своей стороны, считая наиболѣе отвѣчающимъ названной цѣли устройство общественныхъ работъ, въ особенности же направленныхъ на дорожныя сооруженія, министръ указываетъ земствамъ на возможность обратить на этотъ предметъ образованные по закону 1895 г. дорожные капиталы, возможность, по словамъ циркуляра, тѣмъ болѣе серьезную, что, помимо своихъ сбереженій по этимъ капиталамъ, земства могутъ, „путемъ возбужденія надлежащихъ ходатайствъ, открыть себѣ кредитъ на производство расходовъ за счетъ дорожныхъ капиталовъ изъ суммъ, предоставленныхъ на сей именно предметъ въ распоряженіе министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по взаимному ихъ соглашенію, Высочайше утвержденнымъ 8 февраля 1899 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта". Циркуляръ министра обѣщаетъ облегчить формальныя условія разрѣшенія подобныхъ расходовъ за счетъ дорожныхъ капиталовъ, замѣнивъ составленіе земствомъ и утвержденіе особыхъ плановъ на такія работы утвержденіемъ постановленій земскихъ собраній о производствѣ общественныхъ дорожныхъ работъ и смѣтъ на нихъ властью губернаторовъ по сношеніи съ управляющими казенными палатами. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ циркулярѣ сообщается, что министерство внутреннихъ дѣлъ для содѣйствія организаціи общественныхъ работъ вошло въ сношеніе съ попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ объ оказаніи послѣднимъ, по примѣру 1899 г., трудовой помощи населенію тѣхъ уѣздовъ, гдѣ такая помощь будетъ признана необходимою мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ, а съ министерствами Императорскаго Двора и удѣловъ, земледѣлія и государственныхъ имуществъ и путей сообщенія—о возможномъ развитіи въ нынѣшнемъ и въ началѣ будущаго года работъ въ предѣлахъ пострадавшихъ мѣстностей по разработкѣ удѣльныхъ и казенныхъ лѣсовъ, укрѣпленію и выправленію береговъ рѣкъ и т. п. Наконецъ, предполагается предоставить и продовольственнымъ уѣзднымъ учрежденіямъ, особенно тамъ, гдѣ почему-либо не будутъ производиться земскія работы, открывать, по собственному почину, съ одобренія губернскаго присутствія, мелкія общественныя работы въ любомъ поселеніи на средства, которыя будутъ отпускаться изъ общаго продовольственнаго капитала министерствомъ внутрен-

нихъ дѣлъ. Для упрощенія организаціи такихъ работъ губернаторамъ предоставляется поручать земскимъ начальникамъ „намѣтить, при посредствѣ должностныхъ лицъ волостного и сельскаго общественнаго управленія, а также участковыхъ попечителей, возможныя и полезныя работы въ пострадавшихъ селеніяхъ, опредѣлять, по мѣстнымъ условіямъ, заработную плату и открывать таковыя работы безотлагательно, до наступленія зимняго времени, съ разрѣшенія губернатора, подъ собственнымъ надзоромъ и подъ наблюденіемъ и отвѣтственностью лицъ, для сего ими уполномоченныхъ, или, въ крайнемъ случаѣ, нанимаемыхъ за извѣстное вознагражденіе“. Нужныя для этого суммы также будутъ отпускаться, по представленіямъ губернскихъ присутствій, непосредственно въ распоряженіе завѣдующихъ работами земскихъ начальниковъ.

Сверхъ того въ циркулярѣ министра губернаторамъ предписывается предложить на обсужденіе земскихъ учрежденій и городского общественнаго управленія вопросъ о способахъ продажи хлѣба по заготовительной его стоимости. Для осуществленія этой операціи, по указанію циркуляра, можетъ быть допущено временное позаимствованіе изъ имѣющихся въ распоряженіи названныхъ учрежденій капиталовъ (напримѣръ, земскими учрежденіями изъ страхового капитала), а въ тѣхъ случаяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ этими источниками воспользоваться было бы трудно,—выдача земскимъ или городскимъ учрежденіямъ безпроцентныхъ ссудъ изъ общаго продовольственнаго капитала, съ возвратомъ ихъ лѣтомъ будущаго года, подъ отвѣтственностью земствъ и городовъ. Равнымъ образомъ циркуляръ 17-го августа обѣщаетъ поддержку министерства внутреннихъ дѣлъ такимъ начинаніямъ земства, которыя будутъ направлены къ предотвращенію падежа скота или распродажи его населеніемъ за безцѣнокъ вслѣдствіе безкормицы и цѣлесообразность которыхъ будетъ засвидѣтельствована губернаторомъ или же доказана опытомъ предшествующихъ продовольственныхъ кампаній. При этомъ въ циркулярѣ выражается надежда на то, что установленный уже удешевленный тарифъ по $^1/_{125}$ коп. съ пудоверсты для подвоза кормовыхъ продуктовъ въ мѣстности, страдающія недостаткомъ ихъ, доставитъ земствамъ возможность производства въ достаточно широкихъ размѣрахъ операцій по закупкѣ кормовъ и снабженію ими нуждающихся селеній.

Помимо дѣятельности продовольственныхъ учрежденій и земства, „весьма важное значеніе въ дѣлѣ борьбы съ послѣдствіями неурожая имѣетъ,—по словамъ циркуляра,—благотворительная помощь населенію, не имѣющему права на ссуды изъ продовольственныхъ капиталовъ или, по совершенной бѣдности, нуждающемуся не въ ссудахъ, а въ безвозвратномъ пособіи и безмездной помощи“. Такого рода помощь въ извѣстныхъ размѣрахъ оказывалась населенію въ прежніе неурожайные годы обществомъ Крас-

наго Креста. Въ настоящемъ году министръ внутреннихъ дѣлъ, войдя въ сношеніе съ управленіемъ Общества относительно его дѣятельности, „призналъ соотвѣтственнымъ командировку въ пострадавшія мѣстности особыхъ врачебныхъ и врачебно-продовольственныхъ отрядовъ поставить въ зависимость отъ удостовѣренія необходимости такихъ командировокъ со стороны губернатора и принять мѣры къ тому, чтобы командируемыя съ изъясненною цѣлью на мѣста лица сообразовывали свою дѣятельность съ его указаніями".

Что касается частной благотворительности въ дѣлѣ помощи голодающимъ, то ее признано необходимымъ поставить въ особыя рамки. „При всѣхъ значительныхъ неурожаяхъ—говорится по этому поводу въ циркулярѣ министра—общественная благотворительность частныхъ лицъ, какъ въ видѣ денежныхъ пожертвованій, такъ и путемъ личнаго труда по организаціи продовольственной помощи лицами, добровольно посвящающими свои силы этому дѣлу, приносила немаловажную пользу страдавшему отъ неурожаевъ населенію. Къ сожалѣнію, однако, начиная съ недорода 1891—1892 гг., и при всѣхъ послѣдующихъ подобныхъ же бѣдствіяхъ, нерѣдко обнаруживалось, что иные благотворители, наряду съ оказаніемъ матеріальной помощи жителямъ неблагополучныхъ мѣстностей, стараются возбудить въ ихъ средѣ недовольство существующимъ порядкомъ и ничѣмъ не оправдываемую требовательность по отношенію къ правительству. При этомъ не въ полной мѣрѣ удовлетворенная нужда, неизбѣжныя при этомъ болѣзни и разстройства хозяйства создаютъ весьма благопріятную почву для противоправительственной агитаціи, и такою почвою охотно пользуются неблагонадежныя въ политическомъ смыслѣ лица для своихъ преступныхъ цѣлей подъ личиной помощи ближнему. Обыкновенно, при первыхъ же извѣстіяхъ о значительномъ недородѣ, въ пострадавшую мѣстность стекаются отовсюду лица съ небезупречнымъ политическимъ прошлымъ, стараются вступить въ сношеніе съ пріѣжающими изъ столицъ уполномоченными разныхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій и принимаются ими по невѣдѣнію въ сотрудники на мѣста, чѣмъ создаются немаловажныя затрудненія интересамъ порядка и управленія. Руководствуясь этими соображеніями, я признаю нужнымъ предоставить губернаторамъ допускать въ соотвѣтствующихъ случаяхъ обращеніе къ частной благотворительности какъ нуждающихся обществъ, такъ и близко стоящихъ къ нимъ должностныхъ и частныхъ лицъ путемъ печати и посредствомъ учрежденія добровольныхъ подписокъ и пріема пожертвованій; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ цѣляхъ устраненія всякихъ злоупотребленій въ семъ отношеніи, какъ имущественнаго, такъ и иного характера, я такое проявленіе частной благотворительности, независимо отъ требованій, выраженныхъ въ циркулярѣ 19 іюня сего года, за № 5030, отно-

сительно печатанія въ періодическихъ изданіяхъ воззваній и приглашеній къ различнаго рода пожертвованіямъ, считаю совершенно необходимымъ подчинить контролю мѣстныхъ властей. Хотя никто изъ желающихъ не можетъ, собственно, быть лишенъ права участія въ дѣлѣ продовольственной помощи на свои личныя средства, но устраиваемыя кѣмъ бы то ни было съ этою цѣлью общественныя учрежденія въ видѣ столовыхъ, врачебныхъ пунктовъ или пріютовъ, должны открываться не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстной власти, по надлежащемъ удостовѣреніи, что учрежденія эти не могутъ служить инымъ, не имѣющимъ ничего общаго съ продовольственною помощью, цѣлямъ. Что же касается благотворительной дѣятельности на средства, собираемыя путемъ подписки и объявленій, то дѣятельность такого рода можетъ быть разрѣшаема лишь лицамъ, дѣйствительно способнымъ оправдать общественное довѣріе, а потому пожертвованія на указанный предметъ могутъ быть собираемы не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора. Засимъ, относительно командированія въ мѣстности, постигнутыя неурожаемъ, изъ столицъ, крупныхъ городскихъ центровъ и т. п., особыхъ уполномоченныхъ или группъ изслѣдователей врачей, либо иныхъ представителей благотворительныхъ обществъ и кружковъ, я признаю необходимымъ установить, чтобы изъ столицъ командировались для дѣятельности этого рода лишь лица, относительно благонадежности коихъ не имѣется неблагопріятныхъ свѣдѣній въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ, чтобы всѣ такіе уполномоченные, какъ равно и лица, стоящія во главѣ командированныхъ для врачебно-продовольственной помощи отрядовъ, по прибытіи въ губернію, представлялись губернатору, который располагаетъ свѣдѣніями о томъ, гдѣ помощь наиболѣе необходима, и руководились его указаніями въ отношеніи мѣста и порядка своихъ дѣйствій, причемъ сотрудниковъ изъ числа мѣстныхъ обывателей избирали не иначе, какъ съ его разрѣшенія, и, наконецъ, отчеты о дѣятельности своей представляли въ министерство внутреннихъ дѣлъ чрезъ губернатора".

Въ заключеніе циркуляръ 17-го августа вмѣняетъ въ обязанность губернаторамъ пострадавшихъ губерній, начиная съ 1 сентября, черезъ каждыя двѣ недѣли увѣдомлять министра по телеграфу о мѣрахъ, принятыхъ къ обезпеченію народнаго продовольствія и о послѣдствіяхъ ихъ примѣненія, причемъ министръ высказываетъ „твердую увѣренность", что эти сообщенія, необходимыя ему для всеподданнѣйшаго доклада, „будутъ содержать въ себѣ безусловно достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи губерніи въ продовольственномъ отношеніи, чуждыя въ равной мѣрѣ какъ неумѣстнаго преувеличенія бѣдствія, такъ и опаснаго умаленія истинной степени продовольственной нужды".

Второй изъ опубликованныхъ циркуляровъ министра внутрен-

нихъ дѣлъ, помѣченный 20-мъ августа, дополняетъ изложенный планъ продовольственной кампаніи въ текущемъ году указаніями на необходимость организаціи въ пострадавшихъ мѣстностяхъ усиленной врачебной помощи населенію. Въ циркулярѣ этомъ губернаторамъ предписывается предложить земскимъ собраніямъ организовать такое количество врачебныхъ и фельдшерскихъ участковъ въ уѣздѣ, чтобы участковый врачъ могъ, при помощи фельдшеровъ, слѣдить за повышеніемъ заболѣваемости въ своемъ районѣ, а фельдшера могли объѣзжать періодически селенія своего участка и о случаяхъ цынги и заразныхъ болѣзней доносили участковому врачу, который и былъ бы обязанъ явиться на мѣсто заболѣванія для поданія помощи. Сверхъ того земствамъ предлагается обезпечить своевременное полученіе фармацевтическихъ средствъ, предполагаемыхъ къ массовому расходованію, а на случай переполненія больницъ выдать въ распоряженіе каждаго участковаго врача авансомъ средства, примѣрно, по 100 р., для изоляціи и устройства больныхъ въ нуждающихся селеніяхъ. При этомъ предполагается обязать участковыхъ врачей, независимо отъ установленныхъ закономъ срочныхъ донесеній, сообщать о состояніи общественнаго здоровья, о принятыхъ мѣрахъ и о встрѣтившихся потребностяхъ непосредственно завѣдующимъ продовольственною частью. Въ томъ случаѣ, если по обсужденіи въ земскихъ собраніяхъ указанныхъ мѣропріятій окажется, что какія-либо изъ нихъ не могутъ быть осуществлены „по дѣйствительному недостатку мѣстныхъ средствъ или инымъ уважительнымъ причинамъ“, губернаторамъ предписывается войти объ этомъ къ министру съ особымъ донесеніемъ. Наконецъ, циркуляръ 20-го августа предлагаетъ губернаторамъ озаботиться составленіемъ особыхъ врачебныхъ отрядовъ, числомъ не менѣе двухъ, которые могли бы быть отправляемы на мѣста развитія эпидемій, а при невозможности образовать подобные отряды на мѣстныя средства—входить въ непосредственное сношеніе по этому предмету съ главнымъ управленіемъ общества Краснаго Креста.

Таковъ въ главныхъ своихъ чертахъ общій планъ борьбы съ послѣдствіями неурожая настоящаго года, выработанный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ этомъ планѣ прежде всего способно остановить на себѣ вниманіе одно немаловажное обстоятельство. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, дѣло народнаго продовольствія было изъято изъ рукъ земскихъ учрежденій и передано временными правилами 12 іюня 1900 г. въ вѣдѣніе губернской и уѣздной администраціи. Но первое же серьезное бѣдствіе обнаружило слабыя стороны произведенной реформы. Какъ признаетъ въ настоящій моментъ сама мѣстная администрація, новая организація продовольственнаго дѣла оказалась сколько-нибудь пригодной лишь для благополучнаго времени и ни въ какомъ случаѣ неспособной исправно обезпечивать интересы народнаго продо-

вольствія въ бѣдственные, неурожайные годы. Нельзя сказать, правда, что такой результатъ явился совершенно неожиданнымъ: въ извѣстной степени онъ былъ заранѣе предсказанъ, по крайней мѣрѣ, частью нашей періодической печати. Какъ бы то ни было, въ виду этого результата, обнаружившагося повсемѣстно и засвидѣтельствованнаго губернаторами, министерству внутреннихъ дѣлъ пришлось считаться съ необходимостью заново организовать продовольственную часть. Выше мы уже видѣли, какъ оно разрѣшило эту, поставленную передъ нимъ обстоятельствами, задачу.

Характерною чертою вновь создаваемой циркулярами министра продовольственной организаціи является та „децентрализація власти“, общую необходимость которой въ Россіи такъ долго и такъ настойчиво доказывалъ „Гражданинъ“. Всѣ нити продовольственнаго дѣла сосредоточиваются теперь въ рукахъ губернаторовъ. Губернаторъ опредѣляетъ пострадавшія мѣстности, нуждающіяся въ особой продовольственной организаціи, подъ его наблюденіемъ производится подсчетъ размѣровъ помощи, требуемой голодающимъ населеніемъ, и онъ же руководитъ самымъ дѣломъ оказанія этой помощи. При этомъ его руководству подчиняются не только должностныя лица губерніи и спеціальные уполномоченные министерства внутреннихъ дѣлъ, но и всѣ вообще лица и учрежденія, имѣющія какое-либо касательство къ дѣлу продовольственной или врачебной помощи населенію пораженныхъ неурожаемъ мѣстностей. Съ одобренія губернатора получаютъ поддержку со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ тѣ или иныя мѣропріятія земствъ въ дѣлѣ помощи населенію, по усмотрѣнію и почину начальника губерніи привлекаются къ этому дѣлу средства и силы попечительства о домахъ трудолюбія и общества Краснаго Креста, наконецъ, усмотрѣніемъ губернатора опредѣляется и большее или меньшее развитіе въ губерніи частной благотворительности, ставящей своею цѣлью помощь голодающимъ. Такимъ путемъ дѣло борьбы съ послѣдствіями неурожая во всѣхъ своихъ многообразныхъ развѣтвленіяхъ ставится въ самую тѣсную и неразрывную зависимость отъ личныхъ взглядовъ и дѣйствій начальника губерніи. Между тѣмъ опытъ послѣдней продовольственной кампаніи, не говоря уже о всѣхъ предыдущихъ, еще разъ наглядно засвидѣтельствовалъ, что эти взгляды и дѣйствія могутъ быть очень различны при совершенно одинаковыхъ, казалось бы, условіяхъ. Едва-ли есть основаніе разсчитывать, что текущій годъ представитъ рѣшительное опроверженіе этого наблюденія.

Во всякомъ случаѣ вновь созданная организація предусматриваетъ то обстоятельство, что нормальныхъ силъ губернской и уѣздной администраціи окажется недостаточно для борьбы съ надвигающимся бѣдствіемъ. Въ виду этого предполагается усилить составъ губернскихъ присутствій пострадавшихъ губерній командировкою въ нихъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присут-

ствій изъ губерній благополучныхъ. Можно опасаться только, что эти лица, мало или совсѣмъ незнакомыя съ тою мѣстностью, въ какой имъ придется работать, не принесутъ и особой пользы тому дѣлу, къ которому они будутъ призваны. Врядъ-ли есть надобность подробно доказывать, что въ дѣлѣ продовольственной помощи населенію, поставленномъ въ сколько-нибудь широкомъ масштабѣ, является особенно важнымъ обстоятельное знаніе мѣстныхъ условій. Но именно этого знанія въ громадномъ большинствѣ случаевъ и не окажется у пришлыхъ чиновниковъ, которые могутъ принести съ собою лишь общіе навыки бюрократической работы.

Нѣсколько инымъ порядкомъ предположено восполнить недостатокъ административныхъ силъ въ уѣздахъ. Здѣсь главная роль отводится уѣзднымъ предводителямъ дворянства, которые либо сами займутъ мѣста завѣдующихъ продовольственною частью, либо укажутъ кандидатовъ на эти мѣста изъ среды членовъ продовольственнаго съѣзда. Такимъ образомъ, съ изъятіемъ дѣла народнаго продовольствія изъ рукъ общественнаго, въ принципѣ остающагося еще всесословнымъ, самоуправленія дѣло это переходитъ въ руки представителей одного дворянскаго сословія и на выборныхъ лицъ послѣдняго возлагается забота о благосостояніи крестьянскаго населенія въ неурожайныхъ мѣстностяхъ. Этотъ новый шагъ по пути измѣненія взаимныхъ отношеній сословій находится въ полной гармоніи съ наблюдающимися за послѣднее время усиліями возвратить дворянству первенствующее значеніе въ сельской жизни. Другой вопросъ, насколько онъ соотвѣтствуетъ интересамъ собственно продовольственнаго дѣла. Не предрѣшая указаній опыта, возможно, однако же, питать нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ цѣлесообразности этой мѣры. Интересы землевладѣльческаго дворянства, прибѣгающаго въ своемъ хозяйствѣ къ услугамъ наемнаго труда, и крестьянства, являющагося продавцомъ этого труда, далеко не совпадаютъ между собою и довольно часто вступаютъ даже въ рѣшительное противорѣчіе. Быть можетъ, наиболѣе остро сказывается такое противорѣчіе именно въ моменты тяжелыхъ бѣдствій, постигающихъ земледѣльческое населеніе и разомъ понижающихъ на сельско-хозяйственномъ рынкѣ цѣну на трудъ. При такихъ условіяхъ нѣсколько трудно ожидать, чтобы лица, по способу своего избранія являющіяся выразителями взглядовъ дворянскаго сословія и уполномоченныя служить собственно его интересамъ, съумѣли стать на точку зрѣнія иного общественнаго класса, во многомъ противоположную ихъ собственной, и во главу угла своей дѣятельности поставить удовлетвореніе его нуждъ и интересовъ. Счастливыя исключенія, конечно, возможны и въ этомъ случаѣ, но, какъ бы ихъ ни было много, не они составляютъ правило.

Въ связи съ указанными особенностями вновь созданной про-

довольственной организаціи приходится отмѣтить и еще одну, отличающую ее отъ порядковъ, дѣйствовавшихъ въ этой области до 1900 г. Эта особенность заключается въ оплатѣ труда всѣхъ лицъ, на которыхъ возлагается главное попеченіе о продовольствіи нуждающагося населенія. По представленіямъ губернаторовъ будутъ вознаграждаться услуги завѣдующихъ продовольственною частью, уѣздныхъ предводителей дворянства и ихъ замѣстителей, по представленіямъ земскихъ начальниковъ—услуги лицъ, завѣдующихъ мѣстными общественными работами. Безплатными останутся лишь должности участковыхъ продовольственныхъ попечителей, замѣстить которыя, какъ свидѣтельствуютъ, по словамъ министерскаго циркуляра, губернскія и уѣздныя учрежденія, оказывается крайне трудно. Устранится ли эта трудность, какъ надѣется министерство, съ развитіемъ бѣдствія или же препятствія, мѣшающія уѣзднымъ предводителямъ и земскимъ начальникамъ найти себѣ помощниковъ въ средѣ мѣстнаго населенія, сохранятъ свою силу и въ дальнѣйшемъ,—покажетъ будущее.

Переходя къ вопросу о размѣрахъ помощи, какую предполагается оказать пострадавшему населенію, нужно замѣтить, что этотъ вопросъ допускаетъ въ настоящее время лишь разборъ общихъ положеній, такъ какъ, пока не установлены болѣе или менѣе точно размѣры самаго бѣдствія, нѣтъ возможности говорить о подробностяхъ требуемой населеніемъ помощи. Но именно общія положенія, выставленныя въ названномъ вопросѣ, способны, намъ кажется, вызвать нѣкоторое недоумѣніе и требовали бы, можетъ быть, болѣе обстоятельныхъ разъясненій. Продовольственную помощь въ пострадавшихъ мѣстностяхъ предполагается оказывать исключительно лицамъ не рабочаго возраста, въ разсчетѣ, что рабочее населеніе во всякомъ случаѣ прокормитъ само себя путемъ заработковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ этотъ разсчетъ оправдается, но не менѣе возможны и противоположные случаи, которые, казалось бы, также должны быть приняты во вниманіе. Опытъ прошлыхъ продовольственныхъ кампаній показалъ уже, что продовольствіе, выдаваемое лицамъ нерабочаго возраста въ крестьянской семьѣ, на практикѣ нерѣдко по необходимости дѣлится между ними и работоспособными членами семьи, не нашедшими себѣ заработка, и въ этихъ случаяхъ продовольственная помощь, оказываясь черезчуръ скудной, не достигаетъ въ полной мѣрѣ преслѣдуемой ею цѣли. На это обстоятельство тѣмъ болѣе слѣдовало бы обратить вниманіе, что и самыя нормы продовольствія, установленныя въ размѣрѣ 12 пудовъ въ годъ на взрослаго человѣка и 6 п.—на малолѣтняго, далеко не могутъ быть названы чрезмѣрно высокими. Не менѣе важное значеніе можетъ получить и другое общее положеніе, содержащееся въ циркулярѣ министра. Мы разумѣемъ устанавли-

ваемое послѣднимъ правило, согласно которому раздача пособій семьямъ, могущимъ обойтись въ бѣдѣ собственными средствами, признается не менѣе вредной, чѣмъ оставленіе безъ помощи нуждающихся. Само собою разумѣется, что государственная помощь населенію въ моменты самыхъ тяжелыхъ бѣдствій имѣетъ свои границы и не можетъ и не должна быть обращаема туда, гдѣ въ ней нѣтъ настоятельной нужды. Но при всемъ томъ едва-ли возможно сравнивать результаты чрезмѣрно щедрой помощи съ послѣдствіями отказа въ пособіи нуждающемуся населенію. Продовольственныя ссуды, выдаваемыя послѣднему, не носятъ характера безвозвратныхъ пособій. Поэтому, если бы даже онѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были выданы и такимъ лицамъ, которыя могутъ перенести бѣду собственными силами, это обстоятельство еще не нанесетъ невознаградимаго ущерба государственному хозяйству. Но шаткое и неустойчивое хозяйство крестьянина-земледѣльца, оставленное безъ помощи въ критическій для него моментъ, потерпитъ тяжкія потери, которыя, въ концѣ концовъ неминуемо отзовутся и на государственномъ бюджетѣ. Между тѣмъ указаніе на приведенное правило можетъ дать поводъ нѣкоторымъ мѣстнымъ администраторамъ проявить чрезмѣрную осторожность въ разсчетѣ нужды и въ самомъ назначеніи ссудъ.

Врядъ-ли есть надобность обстоятельно доказывать и то, что въ текущемъ году такая осторожность могла бы получить особенно неблагопріятное значеніе. Въ то время, какъ всѣ виды правительственной помощи населенію сосредоточены въ рукахъ мѣстной губернской администраціи, органамъ земскаго самоуправленія отводится въ предстоящей борьбѣ съ голодомъ исключительно пассивная и подчиненная роль. Наряду съ этимъ едва-ли приходится ожидать и широкаго участія въ этой борьбѣ со стороны частной благотворительности. Послѣдняя, по сравненію съ тѣми средствами, какія можетъ удѣлить государство для борьбы съ послѣдствіями неурожая, имѣетъ, конечно, очень скромное значеніе, но въ предыдущіе неурожайные годы ей все же удавалось оказать немаловажныя услуги пострадавшему населенію, главнымъ образомъ, путемъ удовлетворенія такихъ его потребностей, какія не захватывались рамками правительственной организаціи. Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ признаетъ эти заслуги частной благотворительности въ прошломъ, но, исходя изъ соображеній политическаго порядка, обставляетъ ее на будущее время рядомъ такихъ стѣснительныхъ формальностей, которыя не даютъ возможности разсчитывать на привлеченіе къ этому дѣлу сколько-нибудь значительныхъ силъ и средствъ. Не говоря уже о всѣхъ формальностяхъ, которыя должны предшествовать допущенію частныхъ благотворителей въ нуждающіяся селенія, трудно ожидать, чтобы лица, несущія свой трудъ и

средства въ пораженную бѣдствіемъ мѣстность, отказались отъ всякой самостоятельности въ распоряженіи ими и всецѣло подчинились даваемымъ имъ со стороны указаніямъ. Аналогичныя замѣчанія, сдѣланныя уже нѣкоторыми органами печати, вызвали, правда, суровую отповѣдь со стороны „Моск. Вѣдомостей". „Въ жизни народа—патетически восклицаетъ эта газета—бываютъ времена и обстоятельства, когда всѣ граждане должны проникаться однимъ чувствомъ, одною мыслью, однимъ стремленіемъ. При наступленіи такихъ временъ должны затихнуть распри, улечься волненія и смириться страсти партійной борьбы. Таковы времена народнаго бѣдствія. Казалось-бы, что, пока не прошла вполнѣ невзгода, не должно быть мѣста ничему, кромѣ энергичной борьбы, кромѣ дѣятельной помощи пострадавшимъ" *). Реакціонная газета какъ будто и не замѣчаетъ, что ея строгая нотація направлена не по адресу и что изъ проповѣдуемыхъ ею положеній вытекаетъ совсѣмъ не тотъ выводъ, какой она хотѣла бы сдѣлать...

Какъ мы видѣли выше, циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ до извѣстной степени предусматриваетъ все же участіе земства въ продовольственной кампаніи. За послѣднее время изъ пострадавшихъ мѣстностей начинаютъ приходить и извѣстія объ открывающихся работахъ земствъ въ этомъ направленіи. Въ Самарскомъ уѣздѣ на 5 сентября было созвано чрезвычайное земское собраніе для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ неурожаемъ. Въ Воронежской губерніи около этого же времени должно было собраться, по иниціативѣ предсѣдателя губернской земской управы, совѣщаніе предсѣдателей уѣздныхъ управъ для выработки общаго плана предстоящихъ работъ мѣстнаго земства въ дѣлѣ оказанія помощи населенію губерніи **). Въ Саратовѣ и Уфѣ состоялись уже въ концѣ августа экстренныя губернскія земскія собранія, посвященныя тому же вопросу. При этомъ въ двухъ послѣднихъ губерніяхъ земскія собранія не нашли возможнымъ всецѣло ограничить свою дѣятельность рамками, намѣченными для нея въ циркулярѣ министра. Саратовское земство постановило ходатайствовать передъ правительствомъ объ отпускѣ въ ссуду на прокормъ скота въ видѣ аванса 340.000 р. и о дополнительной ссудѣ по выясненіи дѣйствительнаго размѣра нужды, просить о безвозвратномъ пособіи въ 200.000 р. на организацію мелкихъ общественныхъ работъ въ деревняхъ и ходатайствовать объ открытіи ему кредита изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала для выдачи ссудъ кустарямъ въ размѣрѣ 50.000 р. Сверхъ того собраніе рѣшило ходатайствовать передъ министромъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ объ усиленной рубкѣ лѣса въ неурожайныхъ мѣстностяхъ для доставленія заработковъ

*) «Моск. Вѣд.», 3 сент. 1901 г.

**) «Р. Вѣдомости», 30 авг. и 1 сент. 1901 г.

населенію, о безплатной пастьбѣ скота въ лѣсахъ и отпускѣ валежника и листвы изъ казенныхъ дачъ, просить правительство распространить ссуды на обсѣмененіе полей не только на надѣльныя, но и на арендуемыя крестьянами земли въ размѣрѣ полнаго душевого надѣла и, наконецъ, ходатайствовать о закрытіи на время голодовки винныхъ лавокъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая *). Уфимское земское собраніе, постановивъ просить правительственную ссуду въ 735.000 р. на усиленныя дорожныя работы, ссуду въ 300.000 р. на мѣропріятія по устраненію убыли въ рабочихъ лошадяхъ, ссуду до милліона рублей на закупку хлѣба для продажи хлѣба по заготовительной цѣнѣ (однако, безъ матеріальной отвѣтственности земства по этой операціи), и безвозвратное пособіе въ 120.000 р. на предупрежденіе эпидемій и учрежденіе врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило ходатайствовать о податныхъ льготахъ пострадавшему населенію **).

Эти два примѣра могутъ уже дать нѣкоторое понятіе о томъ, какія усилія потребуются для облегченія послѣдствій неурожая настоящаго года. Изъ другихъ неурожайныхъ мѣстностей пока не имѣется аналогичныхъ извѣстій, но по прежнимъ сообщеніямъ можно думать, что и тамъ дѣло обстоитъ не лучше. Тѣмъ временемъ тревожныя вѣсти не перестаютъ приходить и изъ такихъ мѣстностей, которыя не попали въ списокъ неблагополучныхъ губерній, занесенный въ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ. На страницахъ „Р. Богатства“ уже сообщалось о серьезномъ недородѣ въ Донской области и губерніяхъ Нижегородской, Курской, Пензенской и Тамбовской ***). По послѣднимъ свѣдѣніямъ, значительный недоборъ хлѣбовъ, угрожающій благосостоянію мѣстныхъ жителей, получился также въ губерніяхъ Калишской и Рязанской ****). Судя по всему этому, предстоящая осень и зима обѣщаютъ быть крайне тяжелыми для весьма значительной части земледѣльческаго населенія имперіи.

II.

Школьный вопросъ все еще не сходитъ съ газетныхъ столбцовъ. Часть періодической прессы не устаетъ восхвалять школьную реформу, усматривая въ ней окончательно совершившійся фактъ. Во главѣ этой, не особенно, впрочемъ, значительной, части печати, несомнѣнно, стоитъ „Новое Время“, съ обычною своею быстротою приспособившееся къ новымъ обстоятельствамъ

*) «Р. Вѣд.», 2 сент. и «Россія», 5 сент. 1901 г.

**) «Н. Время», 7 сент. 1901 г.

***) «Р. Богатство», іюль.

****) «СПБ. Вѣдомости», 23 авг.; «Нижегор. Листокъ», 2 сент. 1901 г.

и поспѣшившее если не сжечь, то втоптать въ грязь тѣхъ кумировъ, которымъ оно поклонялось еще такъ недавно. Въ настоящій моментъ откровенная газета не допускаетъ никакихъ сомнѣній насчетъ серьезнаго значенія перемѣнъ, произведенныхъ въ строѣ нашей средней школы. На скромныя замѣчанія о томъ, что для дѣйствительнаго успѣха реформы требуется перемѣна не только программъ, но и всего духа учебной системы, газета г. Суворина не столь послѣдовательно, какъ рѣшительно, отвѣчаетъ: „Это само собою разумѣется. Но духъ не перемѣняется циркулярами и не зависитъ отъ коммиссій. Нельзя ввести новый духъ съ августа 1901 г. Министерство въ законодательной своей дѣятельности можетъ именно перемѣнить только программы. Однако, лозунгъ къ обновленію духа такъ прочно данъ, старый духъ формализма и безсердечія такъ кореннымъ образомъ пошатнутъ, что теперь только очень смѣлый учитель гимназіи войдетъ въ классъ такъ же машинообразно, какъ входитъ поршень въ паровикъ, и какъ онъ самъ входилъ въ классъ пять, десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ до настоящаго года". За нашу школу можно, такимъ образомъ, быть вполнѣ спокойнымъ: теперь „лишь очень смѣлый учитель" отважится быть безсердечнымъ формалистомъ, а такъ какъ русскимъ учителямъ не полагается быть „очень смѣлыми", то въ школѣ будетъ царить духъ сердечнаго единенія между учащими и учащимися. Въ ближайшемъ будущемъ „Новое Время" обѣщаетъ еще большій расцвѣтъ этого „обновленнаго духа", тѣмъ болѣе, что средства для этого оказываются очень простыми. „Развитіе, расширеніе, практическое осуществленіе этого духа — пророчествуетъ газета — можетъ идти только мало-по-малу, однако, оно неуклонно и жизненно пойдетъ впередъ, напримѣръ, уже съ развитіемъ географическихъ, историческихъ и естественно-научныхъ экскурсій. Подобныя экскурсіи сразу поставятъ ученика близко къ учителю. Это то же, что выводъ въ лѣтніе лагери солдатъ или кадетъ или какъ походъ: здѣсь сразу форма падаетъ и замѣняется дѣловитостью и простотою отношеній почти домашнихъ. А духъ и отношенія, почувствованныя на экскурсіи, перенесутся невольно и въ классъ" *).

Такъ оригинально восхваляя прелести школьной реформы, „Новое Время" не прочь, однако, и пофилософствовать по поводу послѣдней, причемъ это его философствованіе напоминаетъ собою не столько даже перемѣну стеколъ въ калейдоскопѣ, сколько переливы цвѣтовъ хамелеона. Вскорѣ послѣ категорическаго заявленія газеты, что „старый духъ формализма и безсердечія кореннымъ образомъ пошатнутъ" въ школахъ, на столбцахъ ея пожелали высказать свое мнѣніе по школьному вопросу Петръ Ивановичъ Бобчинскій и Петръ Ивановичъ Добчинскій. Выступивъ

*) «Нов. Время», 24 авг. 1901 г.

подъ псевдонимомъ „приватъ-доцентовъ с.-петербургскаго университета В. Вальденберга и Д. Петрова", эти почтенныя лица особымъ письмомъ въ редакцію скромно повѣдали читающему міру, что оба они „окончили курсъ 6-й с.-петербургской гимназіи въ 1890 г." и „никакого безсердечія, формализма и эгоизма по отношенію къ себѣ со стороны своихъ гимназическихъ преподавателей никогда не видѣли"; въ виду этого они полагаютъ, что всякія „обобщенія и нападки па цѣлое сословіе педагоговъ едва-ли можно считать справедливыми" *). Послѣ того еще нѣкій г. Шульговскій, соблазнившись, вѣроятно, примѣромъ названныхъ лицъ, также напечаталъ „письмо въ редакцію", въ которомъ не безъ умиленія припомнилъ, какъ во время его пребыванія въ гимназіи Человѣколюбиваго общества, въ ней было настолько сильно „сердечное отношеніе къ ученикамъ", что „преподаватель географіи предложилъ ученикамъ составить альбомы изъ географическихъ картинъ, вырѣзанныхъ изъ старыхъ разрозненныхъ журналовъ", а „ученики, жившіе вблизи гимназіи, отпускались директоромъ на домъ въ большую перемѣну" **).

Не ограничиваясь столь разнообразною оцѣнкой прошлаго школы, „Новое Время" открыло на своихъ столбцахъ обмѣнъ мнѣній и по поводу будущаго ея устройства и эти мнѣнія оказались не менѣе разнообразными. Сотрудники и корреспонденты газеты то проектируютъ поднять авторитетъ законоучителей въ средней школѣ и для этого поручить имъ ставить баллы не за знаніе уроковъ, а за „религіозную настроенность" учениковъ, то возражаютъ противъ такой мысли ***), то предпринимаютъ походъ противъ новыхъ языковъ въ гимназіи, то отражаютъ этотъ походъ. Редакція восторженной газеты всякія мнѣнія печатаетъ съ одинаковымъ усердіемъ, лишь бы они были представлены ей подъ націоналистическимъ соусомъ, а время отъ времени и сама пытается намѣтить желательный путь учебной реформы въ „русскомъ вкусѣ", категорически утверждая, напримѣръ, что въ начальной школѣ для ученика и его семьи „очень не важны „общеобразовательные предметы", ибо въ педагогическій вкусъ ихъ они никакъ не могутъ войти, а, напротивъ, огородничество, садоводство и ремесла представляютъ настоящую „науку", для которой стоитъ потратить время и къ которой стоитъ приложить умъ" ****). И всѣ эти—sit venia verbo—публицистическія разсужденія пересыпаются патетическими возгласами на ту тему, что учебная реформа совершается „въ строгомъ согласіи съ обществомъ" и хотя новая система „далеко еще не созрѣла", все же она уже „зрѣетъ".

*) «Н. Вр.», 29 авг. 1901 г.

**) «Н. Вр.», 4 сент. 1901 г.

***) «Н. Вр.», 23 и 26 авг. 1901 г.

****) «Н. Вр.», 25 авг. 1901 г.

Если спуститься, однако, съ высотъ творческой фантазіи восторженныхъ публицистовъ на почву трезвой дѣйствительности, то близкое наступленіе совершенно новой эры въ жизни нашей школы представится нѣсколько сомнительнымъ. Совершившіяся уже въ этой области перемѣны сводятся пока къ тремъ главнымъ фактамъ, существенно различнымъ по своему значенію. Во-первыхъ, изъ средней школы на будущее время устраняется классицизмъ, во-вторыхъ, въ ея курсъ вводятся новые учебные предметы въ видѣ естествовѣдѣнія, законовѣдѣнія и отчизновѣдѣнія, причемъ содержаніе двухъ послѣднихъ пока остается неяснымъ даже для спеціалистовъ-педагоговъ, и, въ-третьихъ, какъ въ средней, такъ и въ высшей школѣ процентъ допускаемыхъ къ обученію евреевъ подвергся замѣтному сокращенію. Какъ ни отрадно прекращеніе господства классицизма въ нашей школѣ, но, сами по себѣ взятые, эти факты едва-ли даютъ твердое основаніе для мечтаній о полной реорганизаціи учебной системы въ духѣ новыхъ началъ. Между тѣмъ всѣ другія стороны школьнаго строя не претерпѣваютъ пока никакихъ существенныхъ измѣненій.

Одною изъ наиболѣе характерныхъ чертъ этого строя, вызывавшей, быть можетъ, наиболѣе горькіе и заслуженные упреки, являлись отношенія, установившіяся между школой и семьей. Минувшею весной въ печати особенно горячо высказывались пожеланія, клонившіяся къ уничтоженію пропасти, образовавшейся у насъ между школой и семьей, и къ сближенію послѣднихъ. Въ настоящее время возможно уже указать на нѣкоторые факты, обрисовывающіе вѣроятную эволюцію этой стороны школьной жизни. „Министерство внутреннихъ дѣлъ—сообщало не такъ давно „Право“ со словъ „Волыни“—циркулярно предложило губернаторамъ принять мѣры къ тому, чтобы вопросъ о реформѣ средней школы отнюдь не становился предметомъ гласнаго обсужденія на засѣданіяхъ городскихъ думъ“ *). Недавно же въ печати появился еще одинъ любопытный документъ, касающійся того же вопроса. Именно, въ „Указателѣ правительственныхъ распоряженій по министерству финансовъ“, въ приказѣ шефа пограничной стражи отъ 25-го іюня 1901 г. за № 23, было напечатано: „Ставится на видъ: Жители города Сувалки, въ виду увольненія директора сувалкской гимназіи, статскаго совѣтника Корнѣева, за выслугою срока, съ 1 іюля текущаго года отъ службы, обратились къ министру народнаго просвѣщенія съ заявленіемъ объ оставленіи Корнѣева на дальнѣйшее время въ настоящей должности. Копія означеннаго заявленія министромъ народнаго просвѣщенія была препровождена мнѣ, причемъ мною усмотрѣно, что заявленіе это, въ числѣ другихъ лицъ, подписано было ротмистромъ вержболовской бригады Степановымъ. Находя, что подобное заявленіе,

*) «Право», 5 авг. 1901 г., № 32.

какъ коллективное, воспрещено закономъ, ставлю обстоятельство это на видъ ротмистру Степанову“ *). Лѣтомъ газеты сообщали и о другомъ аналогичномъ фактѣ. До нѣкоторой степени такіе факты заключаютъ уже въ себѣ отвѣтъ на вопросъ о возможности въ ближайшемъ будущемъ тѣснаго общенія между школой и семьею.

Въ свою очередь собственно школьная реформа остается пока еще далеко незаконченной. Насколько быстро и въ какомъ именно направленіи пойдетъ она въ дальнѣйшемъ, въ настоящій моментъ еще трудно сказать опредѣленно. Въ печать проникаютъ до сихъ поръ лишь отрывочные слухи и сообщенія насчетъ отдѣльныхъ сторонъ готовящихся преобразованій. Среди такихъ сообщеній нельзя не отмѣтить одного, особенно важнаго. Дѣло касается именно начальныхъ школъ. Ихъ курсъ, какъ сообщалось въ газетахъ, предполагается сократить до двухъ лѣтъ обученія **). Такой проектъ возникаетъ какъ разъ въ то время, когда съѣздъ народныхъ учителей, только что происходившій въ Москвѣ, единогласно постановилъ ходатайствовать объ увеличеніи продолжительности курса обученія въ начальныхъ училищахъ до четырехъ лѣтъ. Думается, уже одно это сопоставленіе можетъ засвидѣтельствовать, какъ мало названный проектъ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ жизни. Въ виду этого было бы крайне желательно, чтобы и вся проектируемая реформа начальнаго образованія была до своего осуществленія подвергнута гласному и по возможности всестороннему обсужденію. Иначе въ ней легко могутъ оказаться трудно поправимые недостатки, которые надолго задержатъ дѣло правильнаго развитія народнаго образованія.

Нѣсколько больше свѣдѣній имѣется въ настоящее время о предполагаемой реформѣ университетскаго быта. Минувшей весною министерство народнаго просвѣщенія обратилось къ совѣтамъ русскихъ университетовъ съ рядомъ вопросовъ, касавшихся различныхъ сторонъ этой реформы. Теперь въ печати появились уже сообщенія объ отвѣтахъ, полученныхъ отъ нѣкоторыхъ университетскихъ совѣтовъ и спеціально избранныхъ ими коммиссій на программу министерства. Не имѣя возможности подробно останавливаться сейчасъ на этихъ отвѣтахъ, мы попытаемся лишь вкратцѣ указать наиболѣе существенное ихъ содержаніе и отмѣтить особенно характерныя пожеланія профессорской среды.

Въ печати пока извѣстны мнѣнія кіевскаго, московскаго и петербургскихъ университетовъ. Повидимому, съ наибольшимъ единодушіемъ профессора названныхъ университетовъ отнеслись къ

*) Цитируемъ по «Р. Вѣд.», 29 авг. 1901 г.

**) «Н. Время», 23 авг. 1901 г.

вопросу о матеріальномъ вознагражденіи за ихъ трудъ. Совѣты всѣхъ трехъ университетовъ высказались противъ существующей гонорарной системы, но вмѣстѣ съ тѣмъ признали размѣръ принятаго въ настоящее время профессорскаго жалованья (2.000 р. для экстраординарнаго профессора и 3.000 р.—для ординарнаго) „ничтожно малымъ“ и предложили каждый различные проекты для его увеличенія. Кіевскій университетъ проектируетъ назначить ординарному профессору 8.000 р. жалованья и экстраординарному—5.000 р. Московскій совѣтъ остановился на двойномъ увеличеніи существующихъ окладовъ, съ тѣмъ, чтобы была введена постепенная, прогрессирующая по годамъ прибавка къ жалованью, вплоть до извѣстнаго maximum'а. Наконецъ, коммиссія петербургскаго университета признала желательнымъ увеличеніе нынѣшняго оклада, прогрессивное увеличеніе штатнаго содержанія профессора черезъ каждые пять лѣтъ приблизительно въ размѣрѣ $^1/_{10}$ первоначальнаго оклада и установленіе добавочнаго вознагражденія для тѣхъ профессоровъ, которые будутъ тратить на преподаваніе больше времени, чѣмъ ихъ товарищи. Наряду съ этимъ, однако, ни въ одномъ изъ совѣтовъ названныхъ университетовъ, какъ это ни странно, не былъ поднятъ вопросъ не только объ уничтоженіи, но даже и объ уменьшеніи чрезмѣрно высокой въ настоящее время платы студентовъ за ученіе *). На основаніи этого факта можно, пожалуй, придти къ заключенію, что матеріальныя условія студенческой жизни несравненно менѣе интересуютъ современную профессорскую среду, нежели аналогичныя нужды ея собственныхъ членовъ. Мы хотѣли бы надѣяться, однако, что такой выводъ не вполнѣ правиленъ.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, затронутымъ въ отзывахъ университетскихъ совѣтовъ, является организація административной и учебной части въ университетахъ. Въ обоихъ этихъ отношеніяхъ совѣты названныхъ выше учебныхъ заведеній рѣшительно высказываются за возвращеніе къ началамъ университетской автономіи. Особенно подробно разработанъ этотъ вопросъ въ докладѣ профессорской коммиссіи петербургскаго университета, предлагающей, съ нѣкоторыми измѣненіями, возвратиться къ уставу 1863 года. Согласно ея проекту, университеты должны быть изъяты изъ подъ власти попечителя и подчинены непосредственно министру, должности декановъ и ректора, равно какъ профессорскія каѳедры и мѣста лекторовъ и доцентовъ должны быть замѣщаемы исключительно путемъ выборовъ въ факультетахъ и совѣтѣ и, наконецъ, вся учебная часть должна быть передана въ вѣдѣніе факультетовъ.

*) Мы должны оговориться, впрочемъ, что въ то время, какъ мы пишемъ настоящія строки, совѣтъ московскаго университета еще не вполнѣ закончилъ обсужденіе предложенной министерствомъ програмы.

Появленіе въ печати изложеннаго проекта вызвало, повидимому, сильное огорченіе въ рядахъ немногочисленныхъ сторонниковъ существующаго университетскаго режима. По крайней мѣрѣ, „Новое Время" поспѣшило забить по этому случаю тревогу. Газета соглашается, что „только выборные ректоръ и деканы обладаютъ въ ученой коллегіи достаточнымъ для нея авторитетомъ" и что „лишь выборный порядокъ отнимаетъ у профессорскаго состава характеръ бюрократическій, въ которомъ связи и знакомства играютъ большую роль, нежели личныя достоинства и силы". Съ этой точки зрѣнія уставъ 1863 г. имѣлъ неоспоримыя достоинства. Но, говоритъ газета, „жизнь неустанно беретъ свое. Она отмѣчаетъ слабыя стороны и пробѣлы въ существующемъ, даетъ возможность правильной оцѣнки прошлаго, указываетъ требованія будущаго". Каковы эти „требованія будущаго", газета благоразумно умалчиваетъ, предпочитая ограничиться одними туманными и безсодержательными фразами, но за то она категорически утверждаетъ, что коммиссія петербургскихъ профессоровъ въ своемъ проектѣ „придаетъ автономіи университетовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такія тяжелыя формы, что вмѣсто свободы въ корпоративномъ строѣ можетъ явиться гнетъ". Въ результатѣ выборовъ на профессорскія каѳедры можетъ получиться только „постоянная зависимость членовъ профессорскаго состава отъ настроенія партій, отъ колебанія ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ силъ. При такихъ условіяхъ постоянно боящійся за свое дальнѣйшее существованіе экстраординарный и ординарный профессора должны будутъ потерять всякій обликъ самостоятельности" *).

Итакъ, автономія университета сама по себѣ хороша, но она можетъ создать какой-то „гнетъ" надъ профессоромъ и потому нуждается въ поправкахъ, вѣроятно, въ видѣ назначенія профессоровъ властью, стоящей внѣ университета. Съ этой точки зрѣнія хотя бы германскіе профессора, пользующіеся такой широкой автономіей, о какой ихъ русскіе собратья не смѣютъ и мечтать, давно должны были потерять „всякій обликъ самостоятельности", но, какъ не безъизвѣстно, вѣроятно, и газетѣ г. Суворина, въ дѣйствительности бытъ германскихъ университетовъ весьма далекъ отъ такой печальной картины. „Новому Времени" не впервые, впрочемъ, доказывать, что при нашемъ самобытномъ развитіи культурныя завоеванія Запада для насъ непригодны, и съ нимъ, конечно, не стоило бы спорить по этому поводу, если бы отголоски подобныхъ взглядовъ не встрѣчались порою и въ такихъ сферахъ, гдѣ, казалось бы, имъ всего менѣе могло найтись мѣсто. Въ данномъ случаѣ аналогичный понятіямъ „Новаго Времени" взглядъ на университетскую автономію былъ высказанъ въ средѣ самой коммиссіи петербургскихъ профессоровъ. Одинъ

*) «Н. Время», 1 сент. 1901 г.

изъ членовъ послѣдней, проф. А. Введенскій, рѣшилъ разъяснить недоумѣнія „Новаго Времени“ и съ этою цѣлью напечаталъ въ газетѣ „Россія“ письмо въ редакцію, въ которомъ попутно далъ совершенно неожиданное истолкованіе всѣмъ заключеніямъ коммиссіи. „Возникшія недоумѣнія—говорится въ этомъ письмѣ—касаются главнымъ образомъ автономіи университета, которую выставляютъ неподчиненной никакому контролю со стороны министра и грозятъ, что она поэтому разовьетъ въ университетахъ гнетъ господствующихъ партій и разрушитъ сама себя. При этомъ постоянно имѣется въ виду, что коммиссія почти не упоминаетъ о формахъ подобнаго контроля. Но такое отношеніе коммиссіи къ вопросу объ автономіи на основаніи ея доклада объясняется очень просто. Въ вопросахъ министра народнаго просвѣщенія не говорится ни слова о прерогативахъ его власти и объ ея отношеніяхъ къ университетамъ. Поэтому и коммиссія нигдѣ не останавливается на этомъ пунктѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, по ея мнѣнію, въ существующихъ отношеніяхъ министра къ университетамъ крайне необходима какая-нибудь перемѣна. Слѣдовательно, коммиссія отнюдь не устраняетъ самаго широкаго и строгаго контроля министра надъ всѣми проявленіями университетской автономіи, но какъ бы предлагаетъ самому министру установить наицѣлесообразнѣйшія формы этого контроля, будутъ ли онѣ одинаковыми для всѣхъ университетовъ или же особыя для каждаго изъ нихъ. И въ доказательство, что всякій читатель доклада коммиссіи, а не одни лишь ея члены, логически обязанъ только такъ понимать ея заключенія, я приведу слѣдующее обстоятельство: прежде всегда рѣшенія совѣта и правленія по нѣкоторымъ дѣламъ представлялись на утвержденіе попечителю. Но коммиссія предлагаетъ, устранивъ попечителя, подчинить университетъ непосредственно министру и поэтому всѣ подобныя дѣла рекомендуетъ раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ должны быть предоставлены окончательному рѣшенію совѣта и правленія, въ другихъ же постановленія этихъ органовъ должны быть представляемы на утвержденіе министра. Но какія именно дѣла должны быть отнесены ко второй категоріи, коммиссія не говоритъ ни слова, какъ бы предлагая самому министру обсудить этотъ вопросъ“ *).

Г. Введенскій оговаривается, что онъ писалъ свое письмо „не какъ секретарь коммиссіи, не по ея просьбѣ и даже безъ ея вѣдома, а какъ постороннее лицо“. Мы хотѣли бы думать даже больше того,—что товарищи г. Введенскаго по коммиссіи не раздѣляютъ высказанныхъ имъ взглядовъ на ея докладъ. Въ самомъ дѣлѣ, если всякое рѣшеніе университетскаго совѣта можетъ быть перерѣшено властью министра, если въ частности про-

*) «Россія», 6 сент. 1901 г.

фессоръ можетъ быть назначенъ помимо факультета и совѣта (а именно такой случай предвидитъ, между прочимъ, г. Введенскій въ своемъ письмѣ), какой же можетъ быть серьезный разговоръ объ университетской автономіи? Если наше предположеніе ошибочно и товарищи г. Введенскаго вполнѣ солидарны съ нимъ, то въ докладѣ петербургской коммиссіи придется видѣть не серьезную попытку разрѣшить вопросъ объ университетской организаціи, а пустую игру словами, утерявшими свое настоящее значеніе.

Въ заключительной своей части этотъ докладъ посвященъ вопросамъ о положеніи студентовъ въ университетѣ и взаимныхъ отношеніяхъ профессоровъ и студентовъ. Коммиссія старается здѣсь ослабить систему ревнивой и подозрительной опеки, тяготѣющей въ настоящее время надъ учащеюся молодежью, но она идетъ по этому пути не съ достаточною рѣшительностью, и, быть можетъ, благодаря этому въ ея пожеланіяхъ есть нѣкоторая неполнота и неясность. Такъ, коммиссія высказывается за отмѣну ограниченія числа студентовъ въ университетахъ и приписки оканчивающихъ гимназическій курсъ юношей къ университетамъ опредѣленныхъ округовъ, но ничего не говоритъ о другихъ ограниченіяхъ пріема въ университетъ. Между тѣмъ, какъ мы видѣли выше, въ текущемъ году эти ограниченія пріобрѣли особенно серьезный характеръ. Въ видахъ сближенія профессоровъ со студентами коммиссія признаетъ желательнымъ участіе профессоровъ въ студенческихъ кружкахъ и собраніяхъ, развитіе практическихъ занятій и разнаго рода экскурсій, „обезпеченіе каждому профессору права собирать студентовъ подъ его отвѣтственностью для разъясненія разныхъ вопросовъ по его спеціальности или въ зданіи университета съ разрѣшенія ректора, или же у себя на дому, не нуждаясь для этого въ особомъ полицейскомъ дозволеніи и не подвергаясь преслѣдованію за одинъ фактъ созванія или допущенія у себя такихъ собраній,“ устройство при совмѣстномъ участіи профессоровъ и студентовъ университетскихъ праздниковъ и „утвержденіе профессоровъ университета, покрайней мѣрѣ, ординарныхъ, Высочайшею властію и лишеніе всякаго профессора должности до истеченія выборнаго срока не иначе, какъ по суду.“ Далѣе проектъ коммиссіи указываетъ на желательность созданія обще-университетской студенческой организаціи, равно какъ образованія среди студентовъ научныхъ, литературныхъ и художественныхъ кружковъ и обществъ, кассъ взаимопомощи, библіотекъ и т. п. Наконецъ, въ проектѣ говорится объ учрежденіи въ университетахъ товарищескаго суда студентовъ и возстановленіи выборнаго университетскаго суда, который вѣдалъ бы всѣ дѣла о нарушеніи студентами установленныхъ университетомъ правилъ и о столкновеніяхъ студентовъ съ преподавателями и должностными лицами университета. Всѣмъ этимъ пожеланіямъ

можно только сочувствовать, но не слѣдуетъ забывать и того, что университетъ нельзя совершенно изолировать и поставить внѣ условій окружающей его жизни. На эту сторону дѣла авторы мнѣнія петербургской коммиссіи обратили, повидимому, мало вниманія, а между тѣмъ она представляетъ изъ себя такой подводный камень, объ который легко могутъ разбиться и болѣе обдуманные проекты.

III.

1 сентября въ „Н. Времени“, въ отдѣлѣ собственной корреспонденціи газеты, была помѣщена слѣдующая телеграмма: „Боровичи. 31 августа. По прибытіи 29 августа вечеромъ въ село Сопино о. Іоаннъ Кронштадскій служилъ всенощную, канонъ читалъ самъ. Ночевалъ въ домѣ священника, Львова. Утромъ 30-го о. Іоаннъ прибылъ въ Кончанское, освятилъ Суворовскую каменную церковь, копію прежней деревянной, и произнесъ потрясающее задушевное слово, проведя паралель между не знавшимъ пораженій витяземъ Александромъ Невскимъ и соименнымъ ему Суворовымъ, также не знавшимъ воинскихъ неудачъ, отмѣтилъ простоту сердца и величіе души и подвиговъ Суворова, беззавѣтную его преданность вѣрѣ, Царю и отечеству и благородство задачъ русскаго воинства по завѣтамъ Суворова. Погода прекрасная. При стеченіи народа до 10,000 человѣкъ, торжество удалось блестяще. По окончаніи освященія, о. Іоаннъ былъ приглашенъ Суворовской коммиссіею въ новую земскую кончанскую имени Суворова школу на завтракъ, во время котораго были произнесены тосты за Ихъ Императорскихъ Величествъ при громогласныхъ крикахъ „ура“. Много было произнесено рѣчей. Несмотря на то, что входъ въ школу охранялся многочисленной полиціей, вдругъ во время завтрака толпа насильно ворвалась, но затѣмъ была оттѣснена, остались только двое мужиковъ и двѣ бабы, которые вчетверомъ почти несли на рукахъ, казалось, безжизненную женщину. Женщина эта уже 7 лѣтъ страдала параличомъ и не двигала конечностями, глаза ея были закрыты и больная мало походила на живое существо. Женщину эту принесли къ о. Іоанну. Послѣдній спросилъ сперва, какъ ее зовутъ, всталъ передъ ней и, пристально на нее глядя, громкимъ голосомъ приказалъ ей открыть глаза. Послѣ нѣсколькихъ повтореній Авдотья (такъ звали параличную) открыла глаза.

— „Смотри мнѣ въ глаза прямо,—говорилъ о. Іоаннъ.—Теперь крестись.

„И медленно, съ большимъ трудомъ больная усиливалась сдѣлать крестное знаменіе.

— „Крестись еще, еще разъ!

„И больная уже болѣе увѣреннымъ жестомъ клала кресты.

— „Встань,—сказалъ о. Іоаннъ, и она встала. Затѣмъ о. Іоаннъ отошелъ на свое мѣсто и велѣлъ больной подойти къ нему.

— „Теперь обойми меня,—говорилъ о. Іоаннъ.

„Недавно лежавшая, какъ трупъ, женщина подошла и припала къ плечу о. Іоанна.

— „Иди и молись, Авдотья,—благословилъ ее отецъ Іоаннъ.

„Получивъ благословеніе, больная вышла безъ посторонней помощи. Это совершилось на глазахъ болѣе семидесяти человѣкъ присутствовавшихъ, которые не могли удержаться отъ слезъ. Въ часъ дня о. Іоаннъ осматривалъ Суворовскую свѣтелку и выѣхалъ изъ Кончанскаго въ 4½ часа въ сопровожденіи генераловъ Орлова, Мышлаевскаго, архитектора Строганова и прочихъ бывшихъ на освященіи. Оттуда прибыли въ Боровичи въ домъ городского головы Шульгина. Вѣсть о прибытіи батюшки быстро разнеслась по городу. Не прошло и получаса, какъ передъ домомъ собралось нѣсколько тысячъ человѣкъ, со слезами на глазахъ прося благословенія. О. Іоаннъ нѣсколько разъ выходилъ на балконъ, благословлялъ народъ. Въ домъ не было возможности всѣхъ пропустить. Въ 6 час. вечера хозяиномъ дома была предложена трапеза, во время которой батюшка не имѣлъ покоя: приносили много больныхъ дѣтей, одного разслабленнаго. Батюшка благословлялъ его и утѣшалъ. Въ 7 час. 15 мин. о. Іоаннъ отбылъ на вокзалъ“.

Черезъ нѣсколько дней въ той же газетѣ было напечатано слѣдующее „письмо въ редакцію“:

„М. г. Въ видахъ возстановленія истины, которая одна только должна сопровождать такую замѣчательную личность, какъ о. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ, я прошу васъ дать мѣсто на столбцахъ вашей газеты нижеслѣдующему.

„Въ № 9157 „Нов. Вр.“ помѣщена телеграмма изъ Боровичъ, въ которой между прочимъ говорится объ исцѣленіи, совершенномъ о. Іоанномъ. При описаніи сего факта вкралась большая ошибка, совершенно измѣнившая суть дѣла.

„Вотъ какъ было дѣло.

„Во время обѣдни, а именно во время пѣнія „Вѣрую“, я съ клироса прошелъ въ заднюю часть церкви къ входнымъ дверямъ. Здѣсь среди прочихъ стояли молодая крестьянская женщина, повидимому совершенно здоровая; но въ тотъ моментъ, когда я сталъ позади ея, она вдругъ покачнулась и упала мнѣ на руки. Тогда я и нѣсколько другихъ лицъ оттащили ее въ уголъ и уложили на полъ. Женщина была въ обморокѣ и спокойно лежала съ закрытыми глазами. Скоро подошелъ ея мужъ и, подложивъ ей что-то подъ голову, сказалъ:

— „Ничего, ваше б—діе. Она припадочная. Съ ней это частенько бываетъ: полежитъ-полежитъ и встанетъ. Прежде ее корчило, а теперь все больше лежитъ спокойно.

„Ни о какомъ параличѣ не было и рѣчи.

„Когда мы черезъ полтора часа послѣ этого сидѣли въ помѣщеніи земской школы за завтракомъ, четверо людей (въ томъ числѣ и ея мужъ) внесли женщину, все еще находившуюся въ обморокѣ. Я всталъ и подошелъ къ о. Іоанну и видѣлъ весь процессъ „исцѣленія". Все, написанное относительно его въ телеграммѣ, вѣрно. Женщина открыла глаза и перекрестилась сперва съ трудомъ, а потомъ свободно, такъ какъ окончательно очнулась отъ обморока. Затѣмъ она встала на ноги и пошла, потому что ноги ея были совершенно здоровы и раньше. Это могутъ подтвердить всѣ мѣстныя власти.

„Но изъ присутствовавшихъ на завтракѣ только я зналъ бабу; всѣ же прочіе, видя вносимую на рукахъ больную, естественно вообразили, что она безъ ногъ.

„Надо принять во вниманіе то страшное напряженіе, которое овладѣло всѣми за эти два дня пребыванія у насъ о. Іоанна Кронштадскаго. Энтузіазмъ народа не поддается описанію: крикъ, плачъ, давка, все это возбуждало нервы до нельзя... А тутъ вдругъ въ присутствіи всѣхъ вносятъ женщину, которая черезъ три минуты уходитъ сама!

„Впечатлѣніе страшное... Слезы, плачъ... и слово „чудо" полетѣло изъ устъ въ уста...

„На другой день въ одномъ концѣ уѣзда разсказывали объ исцѣленіи разбитой параличемъ, въ другомъ—о прозрѣніи слѣпорожденной...

Боровичскій землевладѣлецъ, членъ Суворовской коммиссіи ротмистръ Дмитрій *Аничковъ*".

Пожалуй, къ этому эпизоду, какъ пишутъ въ газетахъ, „комментаріевъ не требуется".

IV.

Въ хронику настоящаго мѣсяца намъ предстоитъ занести нѣсколько правительственныхъ распоряженій, состоявшихся въ послѣднее время.

Какъ сообщалось недавно въ газетахъ *), по распоряженію администраціи закрыто московское „общество взаимопомощи интеллигентныхъ профессій", существовавшее всего два года.

Въ концѣ августа и началѣ сентября состоялись слѣдующія распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ: 1) 23 августа: „На основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Новости" на одинъ мѣсяцъ"; 2) 6 сен-

*) «Россія», 28 августа 1901 г.

тября: „На основанiи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „Петербургскiй Листокъ“ на одинъ мѣсяцъ“; 3) 6 сентября: „Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Новости“, воспрещенную распоряженiемъ отъ 23-го августа сего года“; и 4) 9 сентября: „На основанiи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ определилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ „Петербургской Газеты“ на одинъ мѣсяцъ“.

Сверхъ того, въ „Прав. Вѣстн.“ напечатано: „28-го iюля 1901 года министръ внутреннихъ дѣлъ, на основанiи ст. 131 уст. о ценз. и печ., изволилъ признать необходимымъ прекратить дальнѣйшее изданiе безцензурной газеты „Недѣля“, выходящей въ гор. С.-Петербургѣ и принадлежащей титулярному совѣтнику Гайдебурову“.

Въ херсонской газетѣ „Югъ“ напечатанъ одинъ изъ послѣднихъ циркуляровъ главнаго управленiя по дѣламъ печати, которымъ „замѣчено, что типографiи, при печатанiи перiодическихъ изданiй, выходящихъ въ свѣтъ съ разрѣшенiя предварительной цензуры, нерѣдко позволяютъ себѣ дѣлаемыя цензурныя въ газетномъ текстѣ исключенiя обозначать пунктиромъ или черными полосами, или же оставлять въ текстѣ пробѣлы, соотвѣтственно запрещеннымъ выраженiямъ и словамъ. Въ виду того, что подобнаго рода обозначенiя запрещаемаго цензурою газетнаго матерiала являются какъ бы протестомъ противъ ея рѣшенiй, главное управленiе по дѣламъ печати, по приказанiю г. министра внутреннихъ дѣлъ, проситъ г. начальника Херсонской губернiи сдѣлать зависящее распоряженiе, чтобы содержателямъ типографiй, печатающихъ мѣстныя перiодическiя изданiя, было объявлено, съ подпискою, о недопустимости на будущее время замѣны запрещаемаго цензурою газетнаго текста пунктиромъ, черными полосами и т. п., подъ опасенiемъ возбужденiя противъ виновныхъ преслѣдованiя по ст. 29 уст. о нак., нал. мир. суд., и, кромѣ того, поставить въ извѣстность редакторовъ перiодическихъ изданiй о томъ, что нарушенiе изложеннаго распоряженiя можетъ повлечь за собою лишенiе виновнаго изданiя льготы, указанной въ ст. 55 уст. о ценз. и печ., а именно права выхода въ свѣтъ до полученiя позволительнаго билета“ *).

Въ газетѣ „Уралецъ“ оффицiально напечатанъ слѣдующiй документъ:

„Отъ военнаго губернатора Уральской области 8 августа

*) Цитируемъ по «Россiи» 29 августа, 1901 г.

1901 г., за № 8365. Г. редактору газеты „Уралецъ", губернскому секретарю Логашкину.

„Главное управленіе по дѣламъ печати отношеніемъ отъ 18 іюля с. г., за № 5728, сообщило мнѣ, что въ №№ 65 и 66 отъ 3 и 5 іюня газеты „Уралецъ" обращаютъ вниманіе двѣ статьи, обвиняющія цензоровъ въ неправильныхъ и непонятныхъ строгостяхъ.

„Такъ, въ № 65 въ статьѣ „Какъ прикажете", авторъ жалуется на исчезновеніе изъ номеровъ газеты цѣлыхъ фельетоновъ: „наканунѣ вечеромъ видишь въ сверстанномъ нумерѣ фельетонъ, на другой день развернешь газету—фельетона нѣтъ"... „Не знаешь, чего держаться. Думалъ уже печатать свои статьи съ надписью: печатается на основаніи 139 ст. уст. о ценз. и печ., да редакторъ указалъ на неправильное примѣненіе закона. Думалъ, что цензурный уставъ единственный и самый вѣрный указатель подводныхъ скалъ и мелей,—оказывается, что этотъ уставъ теперь не въ модѣ, а вмѣсто него дѣйствуютъ циркуляры и особыя соображенія".

„Затѣмъ приведены: 1) сѣтованія „Орловскаго Вѣстника" на строгость цензуры; 2) перепечатка изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" о томъ, что изъ „Костромского Листка" исчезаетъ смыслъ отъ цензурныхъ исключеній и 3) выдержка изъ „Царицынскаго Вѣстника", лишенная смысла вслѣдствіе цензурныхъ исключеній. Въ № 66 извѣстій изъ Тамбова сообщается, что въ „Козловской Газетѣ" корреспонденціи московскою цензурою урѣзываются, а наиболѣе интересныя мѣста вычеркиваются.

„Считая появленіе такихъ обличительныхъ статей о дѣйствіяхъ лицъ, цензурующихъ повременныя изданія, неудобнымъ, такъ какъ онѣ (статьи) умышленно выставляютъ цензурныя требованія болѣе, чѣмъ странными, и, обращая на это ваше вниманіе, я предупреждаю васъ, милостивый государь, что, въ случаѣ появленія на будущее время статей подобнаго содержанія въ редактируемой вами газетѣ, строгость цензуры по отношенію къ послѣдней будетъ усилена.

Военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ *Ставровскій*.
Совѣтникъ *Бизяповъ*.
И. д. дѣлопроизводителя *Назаровъ*" *).

Въ „Финляндской Газетѣ» напечатано: „Государь Императоръ, по состоявшемуся 14-го (27-го) августа сего года всеподданнѣйшемъ докладѣ представленія финляндскаго сената отъ 17-го (30-го) іюля по поводу обнародованія Высочайшаго манифеста и

*) Цитируемъ по «Нижег. Листку», 30 августа 1901 г.

утвержденнаго устава о воинской повинности, соизволилъ указать, что Его Величество не признаетъ въ настоящее время удобнымъ, какъ сенатомъ испрашивается, обращаться къ финскому народу съ новымъ удостовѣреніемъ о сохраненіи и впредь его мѣстныхъ установленій. Въ благихъ намѣреніяхъ Его Величества въ семъ отношеніи Его вѣрноподданные не сомнѣваются, тревожныя же опасенія, разсѣваемыя въ населеніи людьми злонамѣренными, указываютъ на необходимость вящшаго огражденія порядка мѣрами административными.

„О таковой Высочайшей волѣ финляндскимъ генералъ-губернаторомъ сообщено сенату для свѣдѣнія и руководства".

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее Высочайшее повелѣніе главному управленію училищнаго вѣдомства въ Финляндіи:

„Николай Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр., и пр., по всеподданнѣйшемъ представленіи хозяйственнаго департамента Нашего финляндскаго сената о преподаваніи русскаго языка въ реальныхъ и классическихъ лицеяхъ края, Мы признали за благо Высочайше повелѣть: 1) Съ начала ближайшаго учебнаго года 1901—1902 распространить на всѣ реальные лицеи Финляндіи утвержденный 16-го (28-го) января 1891 г. для финскаго реальнаго лицея въ гор. Выборгѣ учебный планъ съ 30 уроками русскаго языка въ недѣлю. 2) Съ того же срока отнести въ младшихъ классахъ классическихъ лицеевъ по 10 уроковъ русскаго языка въ недѣлю, а въ старшихъ классахъ назначить по 20 уроковъ этого языка для учениковъ, которые не обучаются греческому языку съ логикою и психологіею. 3) Тѣмъ частнымъ мужскимъ учебнымъ заведеніямъ и училищамъ для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, учебные планы которыхъ соотвѣтствуютъ планамъ реальныхъ лицеевъ, пособія изъ казенныхъ суммъ должны быть назначаемы только при условіи, если въ нихъ для преподаванія русскаго языка будетъ назначено то же число уроковъ, какъ и въ реальныхъ лицеяхъ. Гельсингфорсъ, 12-го (25-го) іюля 1901 года".

нѣе 10 лѣтъ, но оставившихъ службу по болѣзни.

Вдовьи казны, см. *кредитныя учрежденія въ Россіи*.

Вдомникъ, т. наз зять, живущій въ домѣ тестя.

Вдохновеніе, см. *художественное творчество*.

Веббъ (Webb) 1) Беатриса, изв. экономистка, жена Сиднея В-а, род. въ 1858 г. Г-жа В.—младшая дочь крупнаго желѣзнодорожника Ричарда Поттера. Ея воспитаніемъ руководилъ въ духѣ индивидуалист. міросозерцанія Герб. Спенсеръ. Исполняя секретар. обязанности при своемъ отцѣ, она рано познакомилась съ механизмомъ соврем. хозяйств. жизни, но къ занятіямъ эконом. и соціально-полит. вопросами ее толкнули впервые сношенія съ нѣкот. бѣдными фабричн. рабочими, ея дальними родственниками. Вынесенныя отсюда впечатлѣнія возбудили въ ней первыя сомнѣнія насчетъ правильности тѣхъ индивидуалист. принциповъ, которые она исповѣдывала раньше. Вмѣстѣ со своимъ кузеномъ Чарльзомъ Бусомъ (Booth) она задумала тогда основательно изслѣдовать фактич. положеніе рабочаго класса, ближ. образомъ въ лондон. East-End'ѣ; оба они ждали, что такое изслѣдованіе обнаружитъ сильную преувеличенность существующихъ описаній рабочей нужды. Миссъ Поттеръ взяла на себя изслѣдов. положенія работницъ въ производствѣ готоваго платья, гдѣ господствуетъ такъ наз. „потогонная" система. Съ этой цѣлью она прошла курсъ шитья у портного и затѣмъ отправилась въ худой одеждѣ и растрепанная искать работы по трущобамъ. Такъ какъ она не умѣла работать съ быстротою профессіон. портнихъ, то ей обыкновенно отказывали скоро отъ мѣста, и так. обр. она получила возможность путемъ личн. наблюденій познакомиться съ условіями труда во многихъ мастерскихъ. Результатомъ была ея статья о положеніи живущихъ въ Лондонѣ эмигрантовъ — евреевъ изъ Польши и Россіи (помѣщ. въ изданіи Буса „Life and Labour of the People" 1888 г.), поставляющихъ главный контингентъ рабочихъ и хозяевъ въ „потогонныхъ" промыслахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ соціальныхъ и полит. взглядахъ миссъ Поттеръ происходитъ радик. перемѣна: консервативная аристократка и индивидуалистка становится въ первые ряды сторонниковъ соціальныхъ реформъ на демокр. началахъ. Въ дальн. годы изъ подъ ея пера вышелъ рядъ статей и монографій, которыя, при увлекат. изложеніи и блест. внѣшней формѣ, обличаютъ въ авторѣ проницат. наблюдателя, умѣющаго критически разбираться въ подавляющей массѣ фактовъ по различн. сторонамъ рабочаго вопроса. Въ 1891 г. появилась ея первая книга — „Cooperative Movement in Great Britain", гдѣ миссъ Поттеръ, на основ. трезваго изслѣд. дѣйствительности, вводитъ въ надлеж. границы преувеличенно-оптимист. оцѣнку результатовъ, достигнутыхъ коопер. движеніемъ въ Англіи. Въ 1892 г. миссъ П. вышла замужъ за Сиднея Вебба; важнѣйш. изъ ея послѣдующихъ работъ были написаны въ сотруднич. съ мужемъ; но, по господ. мнѣнію, въ этихъ общихъ работахъ наиболѣе цѣнный вкладъ принадлежитъ ей. Сюда относятся: „History of Trade Unionism" (рус. пер. „Исторія раб. движенія въ Англіи"), 1894 г.; „Industrial Democracy" (русск. пер. Ильина „Теорія и практика трэдъ-юніонизма"), 1897 г., 2 vols; „Problems of modern Industry", 1898 г. Первый изъ назв. трудовъ представляетъ собою лучшую исторію англ. раб. союзовъ, какая только появилась послѣ извѣстной, но значит. устарѣлой монографіи Брентано. Что касается „Industrial Democracy", то супруги В. дали здѣсь образцовую критич. разработку громаднаго фактич. матеріала, добытаго лишь отчасти изъ литерат. источниковъ, а главн. образомъ путемъ ознакомл. съ необозримой массой статутовъ и дѣлопроизв. почти всѣхъ профессіон. союзовъ Соед. Королевства, также какъ путемъ личн. наблюденій и разспросовъ. Съ почти исчерпыв. полнотою Веббы описали въ этомъ классич. трудѣ строеніе англ. трэдъ-юніоновъ, ихъ разнообразныя функціи и пріемы дѣятельности, принципы, лежащіе въ основѣ этой дѣятельности, а въ заключ. дали теорет. оцѣнку трэдъ-юніонизма и его значенія. 2) В., Сидней, англ. экономистъ, род. въ 1859 г., съ 1881 г. до 1891 г. служилъ въ различн. министерствахъ, затѣмъ перешелъ на службу въ совѣтъ лондон. графства. В. былъ однимъ изъ основателей „Fabian Society" (1883 г.), общества соціалистовъ—„постепеновцевъ" (на это указ. уже названіе, образов. отъ Fabius Cunctator), состоящаго гл. обр. изъ лицъ средн., интеллиг. класса; одно время онъ состоялъ лекторомъ полит. эк. въ City of London College и Working Men's College, а теперь въ Лондонской школѣ экономич. и полит. наукъ. Кромѣ книги „Socialism in England", „The Eight Hours' Day" (1891 г., вмѣстѣ съ Гар. Коксомъ, перев. на рус. яз.), „The London Programme" (1892 г.), „Labour in the longest Reign" (1897 г.) и нѣкот. памфлетовъ, изд. „Fab. Society", С. В. сообща съ женою составилъ нѣск. важн. науч. трудовъ, перечисл. выше. 3) В., Филиппъ Картеретъ, англ., юристъ, род. въ 1700 г., въ должности прокурора обвинялъ Вилькса, хотя и не раздѣлялъ озлобленія противъ него, господствовавшаго среди членовъ парламента. Ум. въ 1770 г. Написалъ: „Various pieces relative to the state of the law in this Kingdom", „Account of some particular concerning the Doomesdaybook" и др. В. былъ также большимъ знатокомъ археологіи; его коллекція монетъ перешла позднѣе въ Британскій музей.

Вебера-Фехнера законъ, впервые установленный Э. Г. Веберомъ, разработанный и истолкованный впослѣдствіи Фехнеромъ, формулируетъ отношеніе между раздраженіемъ и ощущеніемъ. На основаніи ряда опытовъ надъ воспріятіемъ давленія и длины предметовъ В—ъ нашелъ, что едва замѣтная разница въ ощущеніи только тогда отмѣчается сознаніемъ, когда раздраженіе возрастаетъ или уменьшается на величину, составляющую опредѣленную часть предыдущаго раздраженія. Напр., если мы нагрузимъ руку тяжестью въ одинъ фунтъ, то при увеличеніи этой тяжести новой экспериментируемый замѣтитъ разницу въ ощущеніи только въ томъ случаѣ, когда прибавка въ вѣсѣ достигнетъ 32 золотн., т.-е. $^1/_3$ предыдущ. тяжести; точно такъ же и въ дальнѣйшемъ всякой едва ощутимой разницѣ въ давленіи будетъ соотвѣтствовать увеличеніе или уменьшеніе вѣса на $^1/_3$. Иначе говоря, частное отъ дѣленія первоначальн. вѣса на вѣсъ прибавки $\frac{R}{r} = K$,

величинѣ постоянной. Дальнѣйшія изслѣдованія Фехнера, Вундта, Штумпфа, Фирордта и др. подтвердили положеніе Вебера и распространили его на впечатлѣнія и отъ другихъ органовъ чувствъ, гл. обр. глаза и уха, установивъ точнѣе К для отдѣльн. органовъ чувствъ, но въ то же время и ограничивъ область примѣненія этого положенія. Для бѣлыхъ лучей К опредѣлено въ $^1/_{100}$—$^1/_{300}$, для красныхъ—въ $^1/_{14}$, для желтыхъ—въ $^1/_{46}$, для зеленыхъ—въ $^1/_{59}$, для голубыхъ—въ $^1/_{132}$, для фіолет.—въ $^1/_{208}$; для слухов. ощущеній К опредѣлено въ $^1/_3$; для ощущеній давленія—въ $^1/_{20}$; для ощущеній тяжести—въ $^1/_{30}$—$^1/_{40}$. Вкусов. и обонят. ощущенія до сихъ поръ не поддались точному изслѣдованію съ этой стороны; температ. чувство, очевидно, совершенно не подчиняется закону Вебера. Общимъ ограниченіемъ для тѣхъ областей, гдѣ этотъ законъ находитъ приложеніе, является примѣнимость его только къ ощущеніямъ средней силы; ниже извѣстной силы раздраженія совсѣмъ не достигаютъ сознанія, а ростъ очень сильн. раздраженій не вызываетъ уже интенсификаціи ощущеній. Въ приведенной формулировкѣ законъ Вебера является эмпирическимъ закономъ, только констатирующимъ точнѣе всѣмъ извѣстныя явленія, напр., что звѣздъ и луны не видно днемъ вслѣдствіе относительной слабости ихъ свѣта въ сравненіи со свѣтомъ солнца, что днемъ не слышны мелкіе шумы въ видѣ тиканія часовъ, свиста вѣтра въ трубѣ вслѣдствіе ихъ слабости въ сравненіи съ остальн. звуками и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совпадаетъ и съ положеніемъ, формулированнымъ еще въ прошломъ вѣкѣ Бернулли и имѣющимъ цѣлью опредѣлить относительную цѣнность увеличенія матеріальн. благъ для различн. классовъ общества, а именно, что удовольствіе отъ извѣстн. прироста матеріальн. благъ зависитъ отъ отношенія прироста къ количеству уже обладаемыхъ. Фехнеръ, чрезвычайно много сдѣлавшій для дальнѣйшей разработки закона Вебера, попытался дать добытымъ даннымъ болѣе широкое истолкованіе и использовать ихъ для обоснованія своихъ философскихъ воззрѣній. Принимая едва замѣтную разницу между двумя ощущеніями за единицу интенсивности ощущенія данной категоріи (свѣтов., зрительн. и т. д.), Фехнеръ считаетъ поэтому возможнымъ каждое болѣе или менѣе сильное ощущеніе разсматривать какъ сумму такихъ единицъ. Этимъ онъ давалъ съ одной стороны новую очень прочную опору эксперименту въ области психич. явленій, эксперименту, невозможному безъ приложенія единицъ мѣры, а съ другой—новую формулировку закону Вебера, а именно, ощущеніе растетъ въ ариѳметич. прогрессіи, въ то время какъ раздраженіе въ геометрической; или, опуская рядъ вычисленій, величина ощущенія=логариѳму раздраженія. Если т. о. ощущенія измѣримы, то является вопросъ о 0 въ ощущеніи, объ отправной точкѣ интенсивности каждаго вида ощущеній. Этотъ 0, названный Фехнеромъ *абсолютн. порогомъ сознанія,* былъ опредѣленъ такой величины раздраженіемъ, послѣ которой раздраженіе уже начинаетъ доходить до сознанія. Абсолютн. порогъ сознанія для осязанія составляетъ давленіе 0,002—0,05 гр., въ зависимости отъ мѣста, на которое производится давленіе; для мускульнаго усилія—сокращеніе прямого внутренняго мускула глаза на 0,004 млм.; для звука—ударъ о желѣзную пластинку свинц. шарика въ 7 млгр. вѣса съ высоты 1 млм., при разстояніи отъ уха въ 50 снм.; для свѣта черная бархатн. поверхность, освѣщенная 1 свѣчей на разстояніи 10 метр. Противъ формулы Фехнера и его истолкованія добыт. данныхъ, въ смыслѣ возможности измѣренія ощущеній, сдѣлано было много болѣе или менѣе вѣскихъ возраженій. Существенныя сводятся къ слѣдующему: всякое ощущеніе психологически нѣчто единое, цѣльное, не разложимое на части и не можетъ поэтому разсматриваться, какъ состоящее изъ указанныхъ Фехнеромъ единицъ, а сама единица мѣры не обладаетъ необходимымъ признакомъ единицы мѣры, постоянствомъ и неизмѣнностью; по крайней мѣрѣ, Фехнеромъ не доказано, что „едва замѣтная разница" между ощущеніями должна быть признана одинаковой во всѣхъ случаяхъ сравненія ощущеній, т.-е. что ощущеніе едва замѣтной, напр., разницы между давленіемъ 3 и 4 фунт. равна такому же ощущенію—между 3 и 4 пуд. Противъ этихъ возраженій защитники закона Фехнера (Вундтъ, Штумпфъ, Эббингаузъ), уклоняясь отъ воззрѣній Фехнера на его законъ, указали, что эта формула имѣетъ въ виду выяснить не отношеніе между ощущеніями, а нашу способность оцѣнивать ощущенія, и въ этомъ смыслѣ едва замѣтныя разницы между ощущеніями, хотя ихъ и нельзя признать равными, вполнѣ основательно могутъ считаться равнозамѣтными. Что касается выясненія смысла закона Фехнера, то можно указать три гипотезы: 1) метафизическ. Фехнера, 2) физіологическ. Г. Э. Мюллера и 3) психологическую Вундта и др. Фехнеръ видѣлъ въ своей формулѣ выраженіе отношенія между физическ. или матеріальн. явленіями съ одной стороны и психическими съ другой, но противъ этого говоритъ уже отсутствіе всеобщности въ законѣ (уклоненія для различн. органовъ чувствъ и для различн. силъ раздраженій). Мюллеръ считаетъ этотъ законъ формулировкой отношеній между физическ. явленіями и физіологическ. процессами въ мозгу и нервахъ, а именно онъ предполагаетъ, что нервное раздраженіе растетъ медленнѣе силы внѣшн. физич. раздраж. За это говоритъ чрезвычайно много данныхъ, между прочимъ опыты Пфефера надъ двигательн. реакціей (физіологическій процессъ) папоротниковъ въ зависимости отъ концентраціи раствора яблочн. кислоты, въ которомъ они находятся, опыты надъ отрицательн. колебаніемъ гальваническаго тока въ глазн. нервѣ лягушки подъ вліяніемъ свѣтов. лучей и т. д. Вундтъ и др. защитники психологическ. гипотезы видятъ въ законѣ Фехнера только частное проявленіе основн. закона психич. жизни, закона относительности, по которому мы знаемъ не абсолютн. величины психич. явленій, а только относительныя, такъ какъ всякое новое психич. явленіе возникаетъ на почвѣ уже существующ. явленій, и мы не знаемъ такого момента, когда бы этой почвы не было. Кризъ и Мюнстербергъ отрицаютъ возможность сравненія ощущеній по интенсивности, принимая эти интенсивности, какъ качеств. различія; фактически существующую, хотя бы и не точную, измѣримость интенсивности ощущеній они объясняютъ связью послѣднихъ съ рядомъ движеній, ощущенія отъ которыхъ, какъ разложимыя на болѣе простыя про-

Выдержки изъ текста Словаря см. на предыдущихъ двухъ страницахъ.

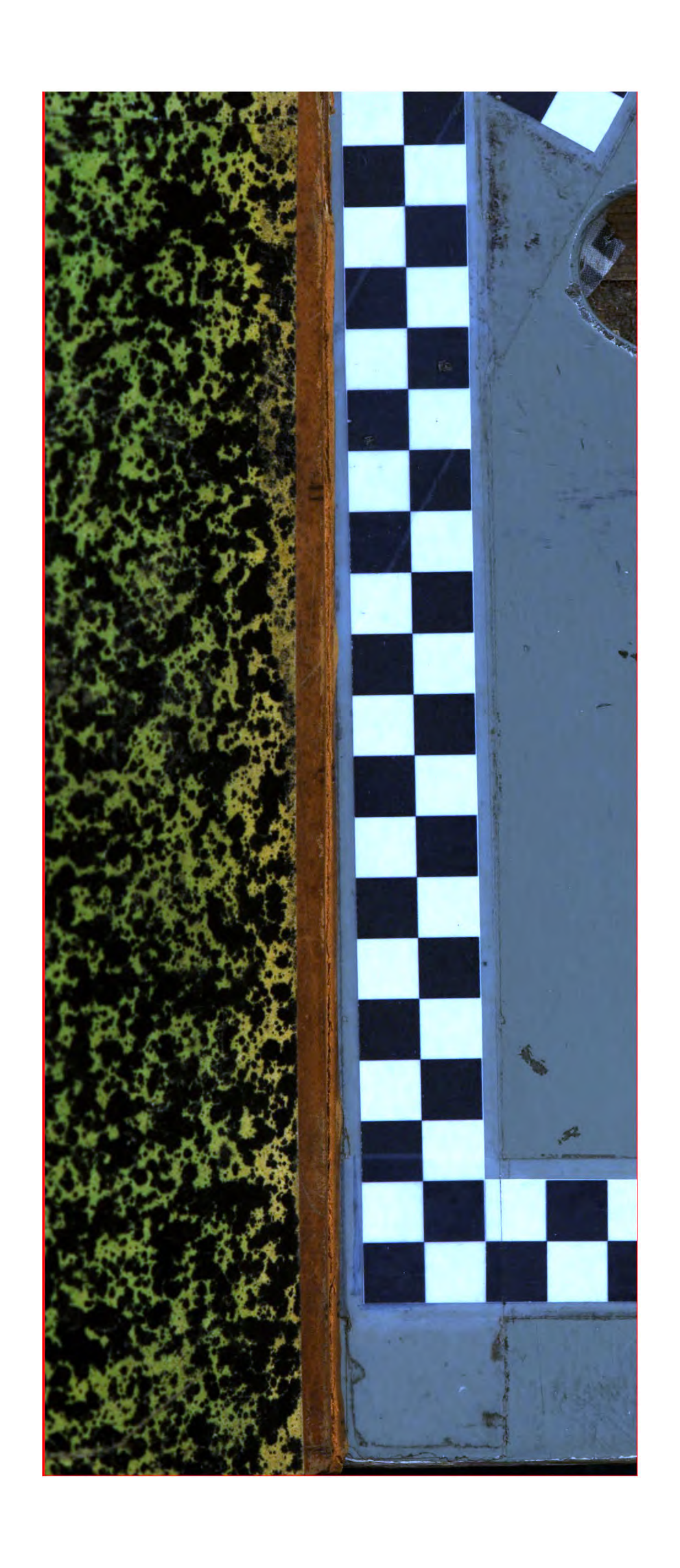
Редакторы-Издатели: ***Вл. Г. Короленко. Н. К. Михайловскій.***

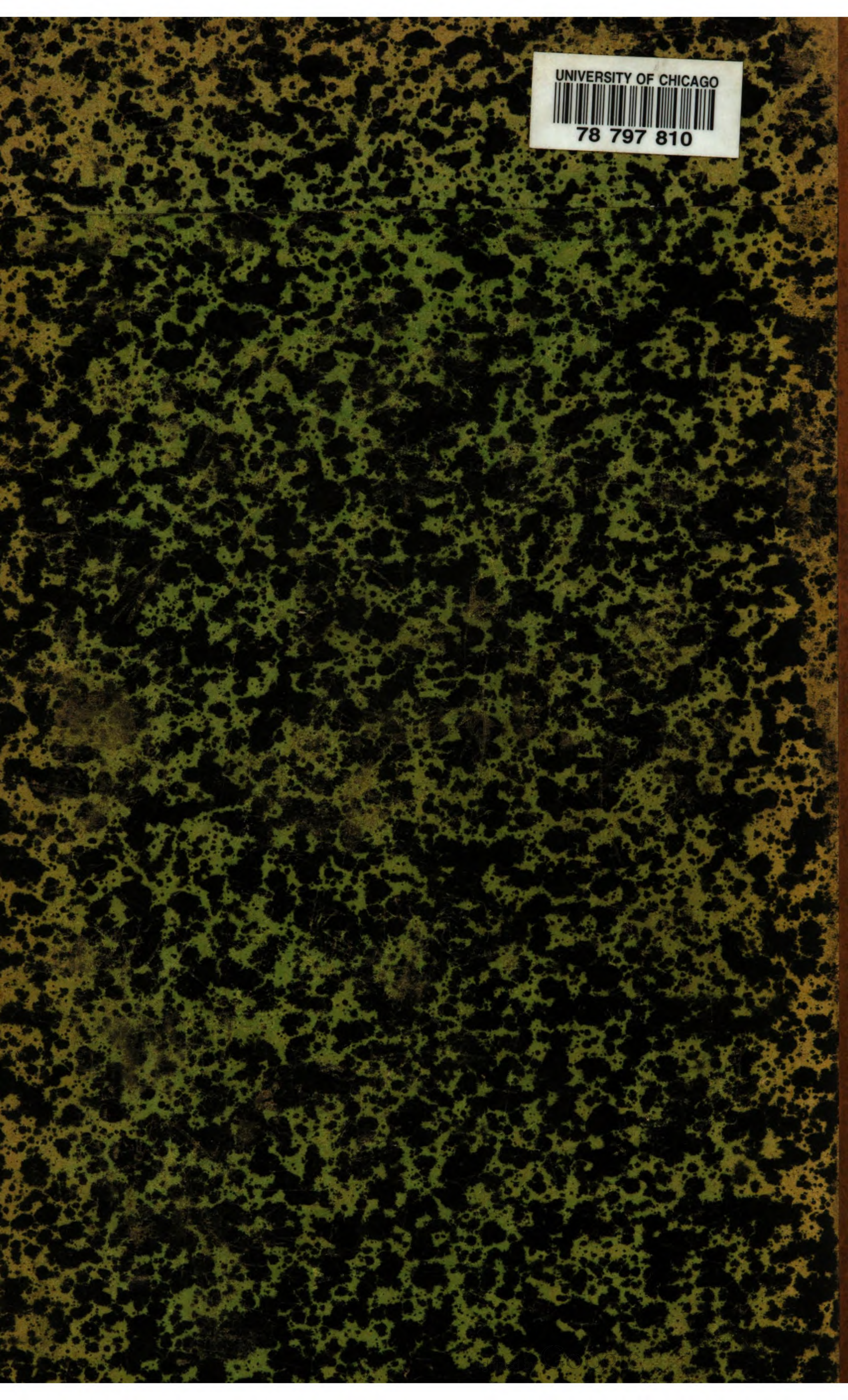
Дозв. ценз. 22 сентября 1901 г. Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, 3.

[106]

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 810